КРАСНЫЙ АРТИЛЛЕРИСТ

ТОМ

ОГЛАВЛЕНИЕ

		Стр.
1.	[illegible]	V—XVI
2.	[illegible]	1—25
3.	[illegible] С примечаниями [illegible]	26—88
4.	Манифест 17 октября. Сообщил [illegible]	89—106
5.	Из архива С. Ю. Витте. Сообщил [illegible]	107—143
6.	[illegible]	144—158
7.	[illegible]	[illegible]—161
8.	[illegible]	[illegible]—172
	[illegible]	[illegible]
	[illegible]	[illegible]
	[illegible]	[illegible]
	[illegible]	[illegible]
	[illegible]	[illegible]
	[illegible]	[illegible]
	[illegible]	[illegible]

[illegible]

15.	[illegible]	[illegible]
16.	[illegible]	440—443
17.	[illegible]	[illegible]
18.	[illegible]	[illegible]
19.	Из истории [illegible] г. Сообщил [illegible]	444—448
20.	Из бумаг [illegible] Трепова. Сообщил [illegible]	448—[illegible]
21.	Самоубийство Н. П. Шмидта. Сообщил А. О.	467—471

[illegible]

[illegible]

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАРХИВА РСФСР

Под редакцией В. В. Адоратского, В. В. Максакова, М. Н. Покровского, В. П. Полонского, В. М. Фриче.

ВЫХОДИТ ШЕСТЬ ТОМОВ В ГОД.

В ЖУРНАЛЕ ПРИНИМАЮТ УЧАСТИЕ:

Авдеев, Н. Н.; Адоратский, В. В.; Алексеев, В. П.; Алексеев, Мих. П.; Аннинский, С. А.; Бельчиков, Н. Ф.; Богоявленский, С. К.; Бродский, Н. Л.; Валк, С. Н.; Васильева, Е. А.; Вегман, В. Д.; Воинова, К. И.; Гиваргизов, А. П; Гливенко, И. И.; Голубцов, С. А.; Горбов, Д.м. А.; Гордон, Г. О.; Граве, Б.; Грузинский, А. Е.; Дубровский, С. М.; Егоров, Д. Н.; Зайончковский, А. М.; Залкинд, С. И.; Захер, Я. М.; Иванов, С.; Какурин, Н. Е.; Кантор, Р. М.; Клевенский, М. М.; Козьмин, Б. П.; Константинов, М. М.; Котельников, К. Г.; Лавров, Н. Ф.; Левин, Ш. М.; Лелевич, Г.; Любимов, С. В.; Максаков, В. В.; Меллер, В. Л.; Невский, Вл. И.; Нечаева, В. Н.; Николаев, А. С.; Окман, Ю. Г.; Переверзев, В. Ф.; Переселенков, С. А.; Пионтковский, С. А.; Покровский, А. А.; Покровский, М. Н.; Полонский, В. П.; Полянский, Вал.; Попов, А. Л.; Пушкин, Б. С.; Раскольников, Ф. А.; Рафес, М. Г.; Рейснер, И.; Романов, Б. А.; Ротштейн, Ф. А.; Садиков, П. А.; Сергеев, А. А.; Сергиевский, Н. Л.; Сидоров, Н. И.; Сыроечковский, Б. Е.; Сыроечковский, В. Е.; Тарле, Е. В.; Татаров, И. Л.; Тоболин, И. И.; Турунов, А. Н.; Флеер, М. Г.; Фриче, В. М.; Фрумкина, М. (Эстер); Цвибак, М.; Чулков, Н. П.; Шилов, А. А.; Шляпников, А. Г.; Щеголев, П. Е.; Яковлев, Я. А.; Якушкин, В. Е.

СОДЕРЖАНИЕ ВЫШЕДШИХ ТОМОВ:

ПЕРВЫЙ ТОМ.

Русско-германские отношения. — Переписка ген. Сухомлинова с ген. Янушкевичем. — П. Г. Зайчневский. Обряд публичной казни над С. Г. Нечаевым.—К истории партии Народного Права. — Новое о зубатовщине. — Сибирь в 1905 году. — Письма лейтенанта Шмидта.—Письма Некрасова и Достоевского.— Стихотворения Розенгейма и Голенищева-Кутузова. — Толстой и Короленко.—Александр III о Л. Толстом.

ВТОРОЙ ТОМ.

Дневник А. Н. Куропаткина. — Письма принца Вильгельма Прусского к Александру III. — Переписка ген. Сухомлинова с ген. Янушкевичем. — К истории рабочего класса в России. — Социалистическая печать во время империалистической войны.—Неизданная сказка М. Е. Салтыкова. — Письмо Ф. М. Достоевского из крепости. — Достоевский и Победоносцев. — Письма И. А. Гончарова и А. Мицкевича.— С. В. Зубатов и А. И. Спиридович.—Генерал Алексеев и М. В. Родзянко.—Подкуп китайских сановников Ли-Хун-Чжана и Чжан-Ин-Хуана.

ТРЕТИЙ ТОМ.

Доклады С. Д. Сазонова Николаю Романову 1910 — 1912 г.г. — Переписка ген. Сухомлинова с ген. Янушкевичем. — Дневник А. А. Половцева. — Бакунин перед австрийским судом. —Материалы об Огареве, Лаврове и Герцене.— Письма С. Л. Перовской.—Воспоминания А. Г. Достоевской.—**Из записной книжки архивиста**: Завещание Николая I. — Письмо Н. В. Гоголя к В. Г. Белинскому. — Бальзак в России.— Письма В. Гете и др.

ЧЕТВЕРТЫЙ ТОМ.

Начало войны 1914 г.—Дневник А. А. Половцева.— Переписка В. Н. Коковцева с Нецлиным.— Семейная переписка Романовых.— Нечаев в Алексеевском равелине.— Отзвуки польского восстания 1863 г.—Письма К. П. Победоносцева.— Л. Н. Толстой в Астапове. — Доклад цензора Матвеева о сожженном марксистском сборнике. — Письма Достоевского, Гончарова, Тютчева. — **Из записной книжки архивиста**: Журнал М. Е. Салтыкова-Щедрина „Русская Правда“.—Достоевский в Твери.—Речь Щапова.— Революционное движение в войсках во время мировой войны.—Материалы к истории живописи. — К истории манифеста 17 октября и т. д.

ПЯТЫЙ ТОМ.

Автографы В. И. Ленина.— Русско-германский договор 1905 г.— Финансовые совещания союзников во время войны. (Доклады мин. фин. П. Л. Барка).— Дневник А. Н. Куропаткина (с 14 февраля по 25 марта 1904 г.) — Переписка Н. А. Романова и П. А. Столыпина.— Письма участников процесса 193-х.— Письма И. Н. Мышкина из Якутской тюрьмы к брату.— С. Г. Нечаев в Алексеевском равелине.— Верховное командование в первые дни революции. Из переписки Николая I в декабре 1825 г.— Письма Д. И. Писарева из крепости.— Два письма П. Ф. Якубовича.— **Из записной книжки архивиста:** Г. В. Плеханов и „шпионские забавы".— Казнь П. П. Шмидта, Частника и др.—В. Чернов и июльск. дни.—Распутин в освещении охранки.—От редакции.

ШЕСТОЙ ТОМ.

Портсмут.— Константинополь и проливы.— Нечаев в Алексеевском равелине.— Из архива Л. Тихомирова.— Временное правительство после Октября.— Из записок Николая I о 14 декабря 1825 г. Три письма Л. Н. Толстого к декабристу П. Свистунову.— Л. Толстой и помощь голодающим.— **Из записной книжки архивиста:** Два письма Карла Маркса.— Запрещенные стихотворения А. П. Барыковой.— К иконографии декабристов.—Адрес рабочих Н. В. Шелгунову.

СЕДЬМОЙ ТОМ.

Портсмут (окончание).— Константинополь и проливы (окончание).— Из дневника А. Н. Куропаткина.— Автобиографическая записка и письма С. Ширяева.— М. Бакунин и экспедиция на пароходе „Ward Jackson".— Достоевский „Преступление и наказание".— Омские события при Колчаке.— **Из записной книжки архивиста:** Неизданный манифест Исполнительного Комитета „Народной воли".— Неизданные письма Л. Толстого Иславиным.— Стихотворение Я. П. Полонского „Простая быль".

ВОСЬМОЙ ТОМ.

Дипломатическая подготовка Балканской войны 1912 г.— Записки А. С. Ермолова Николаю II в 1905 г.— Из дневника Куропаткина (декабрь 1905 г.— март 1906 г.) — Переписка Александра III с гр. М. Т. Лорис-Меликовым (1880—1881 гг.) — Заседание совета министров 8 марта 1881 г. (из дневников Е. А. Перетца и вел. кн. Константина Николаевича).— Октябрьский переворот и ставка.— Омские события при Колчаке (окончание).— Указы Пугачева и его коллегии.— Литература 60-х годов по отчетам III отделения.— Ф. М. Решетников и „Северная Пчела". Неизданная сказка А. П. Чехова.— **Из записной книжки архивиста:** Революция 1848 г. и франц. подданные в Москве.— В годы реакции.— Письмо В. Г. Короленко к С. Ф. Шарапову.— Николай Романов 28 февраля — 4 марта 1917 г.—Пенсионная практика Временного Правительства.— Казнь Афанасия Матюшенко.

ДЕВЯТЫЙ ТОМ.

Дипломатическая подготовка Балканской войны 1912 г. (окончание).— Отражение событий 1905 г. за границей.— Вильгельм II о русско-японской войне и революции 1905 г.— Крестьянское движение 1905 г. Волнения во флоте в 1915 г.— Из дневника ген. В. И. Селивачева.— Показание А. Д. Протопопова.— Октябрьский переворот и ставка (окончание).— Вокруг Гатчины.— Записка А. К. Бошняка.— Марксистская периодическая печать 1896—1906 г.г.— **Из записной книжки архивиста:** „План убийства" Вильгельма II.— Письмо Балашова к Столыпину.— Письмо Гапона.— Охранник об аресте участников 1 марта 1887 г— Похороны Н. В. Гоголя.

ДЕСЯТЫЙ ТОМ.

К переговорам В. Н. Коковцева о займе 1905—1906 г.г.— С. Ю. Витте, франц. печать и русские займы.— Вокруг аннексии Боснии и Герцеговины.— Англо-русская конвенция 1907 г. и раздел Афганистана.— Экономическое положение России перед революцией: 1) записка М. В. Родзянко; 2) записка В. Степанова.—Протоколы заседаний ЦИК С Р. и С Д. 1 созыва после Октября.— Из дневника ген. Селивачева.— Из дневника А. Д. Протопопова.— Буташевич-Петрашевский в Сибири.— Из дневника в. кн. Константина Николаевича.— 14 декабря 1825 г. в письмах гр. М. Д. Нессельроде.— Памятная записка о рабочих газетах в Петербурге.— **Из записной книжки архивиста:** Письмо Е. Н. Трубецкого Николаю Романову по поводу роспуска I Госуд. Думы.— К. П. Романов в характеристике Д. Х. Ливен.— М. Корф в полемике с Герценом.— Григорий Гольденберг в Петропавловской крепости.— Рентильный фонд 1914—1916 г.г.— Увольнение Н. Н. Романова от должности верховного главнокомандующего.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ Р. С. Ф. С. Р.

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

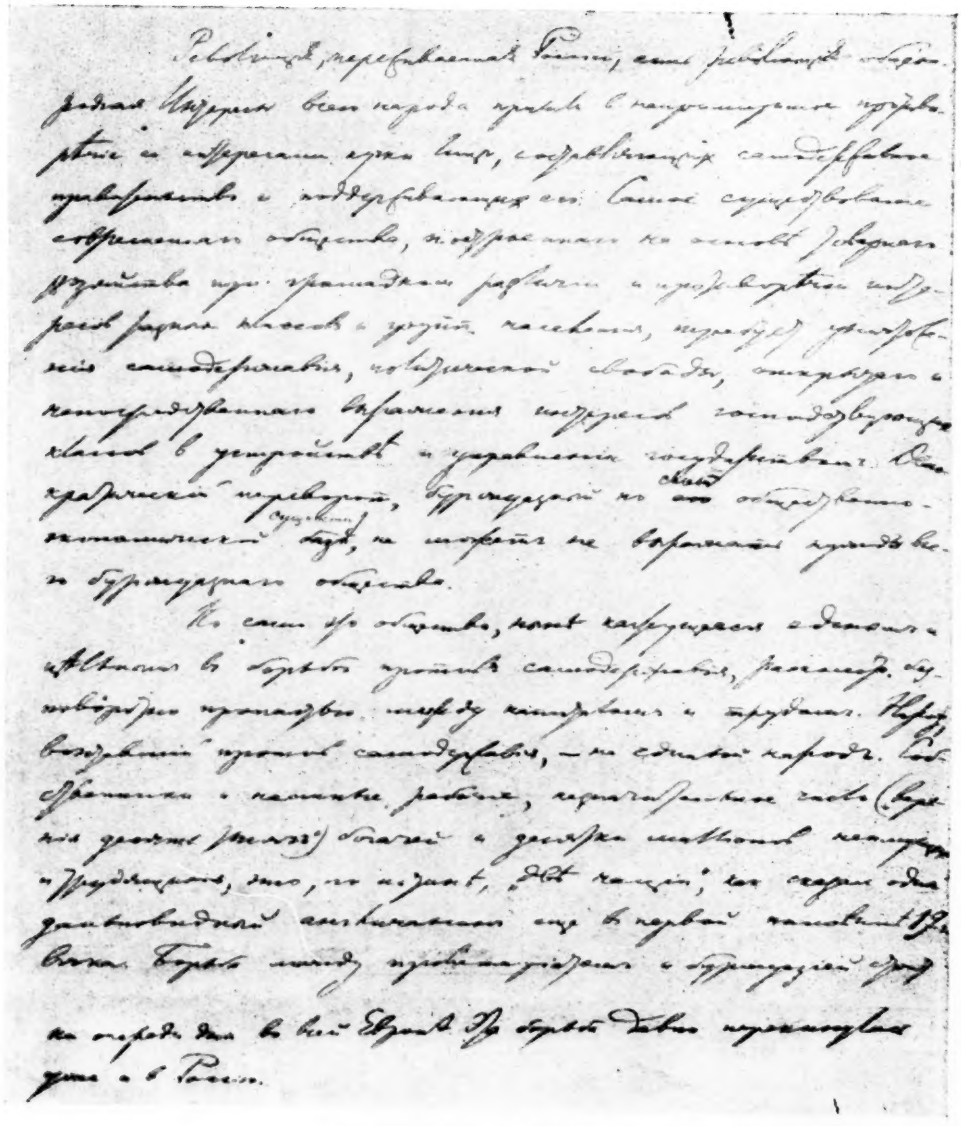
ПОД РЕДАКЦИЕЙ
В. В. Адоратского, В. В. Максакова, М. Н. Покровского,
В. П. Полонского, В. М. Фриче

ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ — ПЯТЫЙ
(ОДИННАДЦАТЫЙ—ДВЕНАДЦАТЫЙ)

1925

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1926 ЛЕНИНГРАД

1-я ОБРАЗЦОВАЯ
ТИПОГРАФИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА
МОСКВА - ПЯТНИЦКАЯ, 71
Главлит № 46789
Гиз № 14928
Тир. 2000



Автограф В. И. Ленина

(„Социализм и крестьянство". 27 IX 1905 г. Соч., т. VI, стр. 486)

Начало пролетарской революции в России. *)

Я буду подходить к революции 1905 года, о которой мы вспоминаем, приблизительно от тех позиций, на которых стояли мы, русские, когда эта революция приближалась. Вы знаете все, товарищи, конечно, что я бы не сказал «мы русские», но российская интеллигенция всегда отличалась нарочитой скромностью по отношению к Западной Европе. До некоторой степени эту скромность можно сравнить с тем трепетом благоговения, с каким сами западные европейцы относились к древнему миру. Громадные монументальные памятники старой культуры производили на людей, неспособных создать такие же памятники в настоящее время, подавляющее впечатление и заставляли их тянуться, что называется, за древними, тянуться для того, чтобы, по крайней мере, достичь уровня этих древних, если не обогнать их. Вы сами знаете это, конечно, потому что многие из вас кончили классическую гимназию, где это благоговение перед древностью внедрялось в молодые мозги. Так и русские интеллигенты, попав за границу и видя не в развалинах, а живыми, такие монументы западно-европейской культуры, как Париж или Лондон, приходили в некоторый благоговейный трепет и думали: куда уж нам, где уж нам, куда же нам с суконным рылом в калашный ряд. И вот, когда, приблизительно с 1901 г., определилось со всей ясностью, что у нас будут говорить по-французски, а не по-немецки, т.-е. будет настоящая революция, с уличными боями, вооруженными восстаниями и т. д., распланировывая эту будущую революцию, у нас брали самый скромнейший из всех примеров, какие можно было собрать в Западной Европе. Об английской революции XVII века и о французской великой революции не вспоминали даже некоторые наши тогдашние вожди. Например, Плеханов: для него образчиком, по которому он готов был рисовать русскую революцию, была средне-европейская революция 1848 года. Странным образом, с противоположной стороны баррикады, с ним сходился и покойный историк П. Г. Виноградов, который стал известен широким кругам, главным образом, теми двумя цифрами, которые он выдвигал с чрезвычайной

*) Доклад на общем собрании Ассоциации Научно-исследовательских Институтов обществоведения 16 января 1926 года.

выпуклостью. Надо, — говорил он, — чтобы наша русская революция не пошла дальше 48 года и ни в коем случае не дошла до 89 года. Надо, чтобы это была скромная, средне-европейская, немецкая, аккуратная, небольшая революция, чтобы она никоим образом не была великой революцией, вроде французской. Так рассуждали, повторяю, русские интеллигенты. Что касается русских рабочих и крестьян, то они этими интеллигентскими скромностями заражены вовсе не были и никаких параллелей не проводили. Они тогда, как и теперь, никакими параллелями не интересовались, а интересовались и интересуются сутью дела, и закатили такие три революции, которые пошли дальше не только 89 года, как опасался покойный П. Г. Виноградов, но даже дальше 1793—1794 года. Робеспьер в роковую минуту не решился, как вы знаете, разогнать Конвент, хотя из новейших исследований Матье видно, что он имел к этому полную объективную возможность, ибо Конвент уже разбежался и нужно было только помешать ему опять собраться; а Ленин разогнал Учредительное Собрание чрезвычайно просто, выполнив это, как дело само собой разумеющееся, не встретив почти никакого сопротивления. Тот величайший фетиш Учредительного Собрания, который выдвинула Западная Европа, оказался преодоленным нашей революцией чрезвычайно легко и скоро, без всяких сопротивлений и боев, потому что за Учредительное Собрание никаких боев не было. Нельзя же считать боем стрельбу на петербургских улицах, которая была чрезвычайно невелика и боем, собственно говоря, не являлась.

Таким образом, уже в этом своем достижении русская революция перешла известный рубеж, и как бы мы ни спорили, что у нас — социализм или госкапитализм,— как угодно определяйте этот вопрос, — мы во всяком случае по ту сторону буржуазной демократии, как она существует в Западной Европе. Поскольку у нас национализирована крупная промышленность, национализирован транспорт и почти национализирована крупная торговля и т. д., и т. д., постольку нашему Советскому правительству никогда не придется стоять перед вопросом, перед которым стоит французское или английское правительство: а как, мол, та или иная железнодорожная кампания отнесется к изменению железнодорожного тарифа? Мы этого не имеем, и, как все, так и тариф изменяется, как это нужно государству, целому, и всем трудящимся. Таким образом, мы уже перевалили через известный рубеж, повторяю, оправдав и надежды и опасения другой стороны в самых больших размерах.

Вы видите, что я рассматриваю нашу революцию как одно целое, как три больших эпизода, называя по месяцам: декабрь 1905 г., февраль 1917 г. и октябрь 1917 года, и это как будто противоречит тому, о чем я уже говорил, о чем я писал сравнительно недавно и что мы вообще знаем, именно, что революция 1905 года была чисто-буржуазной революцией, между тем как Октябрьская революция была безусловно, бесспорно, социалистической революцией. Но тут при-

дется внести некоторую поправку к той поправке, которую мы должны были сделать, воюя с теорией перманентной революции, которая готова была изобразить все три выступления на одном экономическом уровне и утверждала, что уже в декабре 1905 года возможна была социалистическая революция, а социалистическая революция предполагает империализм, т.-е. господство монополистического капитализма. Борясь с этой теорией, приходилось несколько перегибать палку и подчеркивать буржуазный характер первой революции, которая, конечно, к социализму не шла и социалистических целей себе не ставила. Но, тем не менее, если бы вы стали искать резкую грань, непроницаемую переборку между 1905 и 1917 годом, то вы бы ее не нашли. Наша революция, до известной степени, развивалась «эволюционно» в промежуток времени от 1905 до 1917 года, без перерывов, без скачков, если хотите, этим опровергая «диалектику», в ее крайне вульгарном понимании, разумеется. Основное условие для социалистической революции — господство монополистического капитализма; это основное условие вовсе не предполагает формального разрыва с предшествующим периодом, периодом промышленного капитализма, как и промышленный капитализм развился из торгового без такого резкого переворота, без обязательной революции. Подобно этому и между нашими тремя революциями нет разрыва. Тот же класс на первом месте, он ведет, он в авангарде всего движения, и даже та же самая партия, те же самые большевики, которые были в 1905 г., — они же — и в 1917 году. Поэтому эти три выступления приходится рассматривать, как одно целое, и сегодня я остановлюсь на первом выступлении, чтобы показать, что же в нем было оригинального, ибо, как вы увидите, кое-что оригинальное и предвосхищающее второе и даже третье выступление было также уже и в этот первый момент.

Тут приходится подчеркнуть, что основным недостатком всяких старых параллелей с 48-м, с 89-м годом или даже с Англией — с Кромвелем — было непонимание того, что на сцене в начале 20 века выступил в русской революции совершенно новый общественный класс, который раньше в качестве главного деятеля революции еще нигде не выступал. Это основная черта нашей революции — она как раз и должна была воздержать нас от всякого рода слишком легкомысленных параллелей. Тут, делая очень поверхностную аналогию, пробовали в те времена провести параллель между экономическим уровнем, на котором стояла Россия в 1905 г., и экономическим уровнем, на котором стояла средняя Европа, и в частности Германия, в 48 году. Конечно, никакой параллели не получалось. Если мы возьмем за мерило развития индустрии, например, металлургию, а за мерило металлургии возьмем выпуск чугуна, то Россия даже 1897 года стояла на одном уровне с Пруссией 79, а не 48 года. Если мы возьмем развитие железнодорожной сети, которая достигала в Германии 1.000 километров в 1848 году и превышала 40.000 километров в конце XIX века у нас в России, мы получаем ту же картину несоизмеримости эконо-

мической России конца XIX века и Германии середины этого века: первая стояла на уровне Германии не 48 г., а на уровне Германии времен исключительного закона о социалистах—80-х годов. На таком уровне еще никогда ни одна революция не разыгрывалась, и Ленин был совершенно прав, когда он в 1917 году, в качестве единственного предшественника нашей революции, предшественника, у которого мы могли бы чему-нибудь поучиться, из опыта которого мы могли бы извлечь кое-что для себя, выдвигал Парижскую Коммуну 71 года. Это был, действительно, единственный случай, когда революция в Европе происходила приблизительно на том уровне экономического развития, на котором стояла Россия в начале XX века, но и то очень приблизительно, поскольку прежде всего Париж, в котором разыгралась вся революция 71 года, как знают все бывавшие там и все знающие это из книжек, даже в начале XX века далеко не принадлежал к числу крупнейших индустриальных промышленных центров Западной Европы. В 1909 г. крупно-промышленный пролетариат в Париже был абсолютно малочисленнее, нежели в Москве. В Москве было 130.000, в Париже—108 или 110 тысяч рабочих, занятых в крупных предприятиях, а населения в то же время в Москве было — 1.300.000, а в Париже—2.800.000. Таким образом, удельный вес крупного промышленного парижского пролетариата был, сравнительно с московским, ничтожен. Париж, прежде всего,— это центр производства всякого рода предметов роскоши, женских платьев, всякого рода нарядов, «бижутери» и т. д., и т. д., а это все сосредоточено в небольших мастерских, которые не могут быть названы крупными промышленными предприятиями. Подавляющее большинство парижских пролетариев — это ремесленные рабочие. Париж — крупнейший торговый центр Франции, один из крупнейших на всем континенте Западной Европы, с крупнейшими банками и т. д., и хотя, конечно, банковские клерки также являются своего рода пролетариатом, но, тем не менее, это не то, что наши металлисты, и не то, что наши ткачи. Это — пролетариат, очень близкий к мелкой буржуазии. Вот почему Париж был гораздо более отсталым центром, нежели Москва и Петербург в 1905 году. Но этот пример все-таки, до известной степени, подходил. Из него можно было кое-что извлечь, а из германского примера 48 года в 1905 году уже ничего нельзя было извлечь. Вот почему революция,— я говорю о революции 1905 года, самым жестоким образом разбила как всякие надежды, так и опасения, разбила все предвидения, и в том числе предвидение Плеханова, который нашей революции не понял и который в эти годы как раз начал отходить от революции. Она была для него чем-то чуждым, совершенно не похожим на ту схему, какую он нарисовал себе, — а так как он был слишком самолюбив, чтобы пожертвовать схемой для революции, то он пожертвовал революцией для схемы.

Попытаемся выяснить, что собственно является оригинальным в этой революции, как на ней отразился тот факт, что она разыгралась

на определенной ступени развития, на уровне очень высоком — развитого промышленного капитализма и связанного с этим господства в промышленности крупного промышленного пролетариата и т. д.; целый ряд любопытных черт, которые как раз и показывают невозможность аналогии с 48 годом и неполноту аналогии с 71 годом, сейчас же перед нами начинает вырисовываться. Вы знаете, что революция в Центральной Европе в 48 году была проиграна в значительной степени благодаря тому, что отчасти возникали сами собой, отчасти были чрезвычайно ловко инсценированы национальные противоречия внутри восставших масс. Австрийская революция прямо погибла на этих национальных противоречиях, она была ими расколота и провалилась. Германская также от них страдала. Партикуляризм отдельных германских государств сильно мешал ходу германской революции. Когда ставили задания нашей Комиссии 1905 года, то я обратился между прочим к председателю литературной подкомиссии одной из Союзных республик с просьбой дать нам статьи по национальному движению в их краях в 1905 году. Получить историю такого национального движения в Польше и Финляндии было очень легко и товарищи без затруднения ее дали; но теперь и Финляндия, и Польша для нас отрезанный ломоть. Когда же я обратился с этим предложением в Закавказье, то мне ответили: не было у нас национального революционного движения. Было контр-революционное движение, например, резня в Баку между татарами и армянами, а революционного движения не было. Тщательное изучение документов показывает, что в такой категорической форме утверждение это, конечно, не совсем верно: были требования населения о введении преподавания на грузинском языке и о бойкоте школ, где насильственно велось обучение на русском языке, так что кое-какие черты были, но сравнения с Германией и особенно Австрией, где народности выступили друг против друга вооруженным образом, и в самой отдаленной степени не получается, и говорить о национальном движении 1905 года, исключая Польшу и Финляндию, как о каком-то серьезном политическом факторе, не приходится. Это создавало иллюзии насчет дальнейшего хода революции. Когда в 1916 году в Париже у нас шли споры о том, как пойдет революция в России, я выдвигал мысль, что одним из последствий крушения самодержавия будет отрыв от старой «Российской империи» насильственно с ней связанных крупных народностей, начиная с Украины. Мне возражали, что капитализм слишком сильно спаял все отдельные части «империи», чтобы у нас возможно было сколько-нибудь серьезное национальное движение. Это оказалось неверным, и вы знаете, что был момент, когда Украина отделилась на целый год. Закавказье было отделенным гораздо больше года: 2—3 или 4 года, но в конце концов все-таки все эти страны сложились в единый Союз. Вне его оказались только Польша и Финляндия, да и то и та и другая оказались вне больше в силу международной обстановки, и уже исключительно только в силу международной

обстановки в положении таких отрезанных ломтей оказались и Латвия и Эстония — в силу вмешательства англичан, отчасти немцев и т. д., и т. д. Таким образом, в известном смысле и я был прав в том смысле, что национальное движение было возможно, и мои противники 1916 года были правы, когда они говорили, что капитализм слишком спаял тогдашнюю Российскую империю, чтобы возможно было серьезное национальное движение.

Вот, товарищи, первое следствие того экономического уровня, на котором застала нас революция в 1905 году, следствие, имевшее колоссальную важность. Самодержавие чрезвычайно охотно разыграло бы австрийскую трагикомедию 48—49 года, оно обнаружило к этому полнейшую склонность, но никаких объективных возможностей инсценировать это у самодержавия не было. И в Чите, и в Красноярске, Ростове-на-Дону, Екатеринославе, Киеве, Одессе и даже до известной степени и с некоторыми оговорками — в Варшаве и в Риге революция шла под таким же лозунгом и к тем же целям, как шла в Москве и Петербурге. Таким образом, получался колоссальный единый фронт, перед которым самодержавие металось в совершенной панике. И этот фронт получался благодаря высокому экономическому уровню, на котором революция застала Россию. Пролетариат спасал Россию от повторения австрийской революции 1848—1849 гг., хотя состав «империи» в национальном отношении был не менее пестрым, чем национальный состав Австрии в 1848 г.

О целях революции я не буду повторять, потому что я об этом говорил уже неоднократно и печатался, а когда что-нибудь напечатаешь, то создается иллюзия, что все знают об этом, на самом деле это вовсе не так, это чистейшая иллюзия, но, тем не менее, не поворачивается язык повторять то, о чем как-будто все знают, что уже напечатано. Я не буду повторять то, что уже напечатано и что — мне, по крайней мере,— известно, о том, как пролетариат влиял на крестьянство, как он тащил за собой деревню, как он давал деревне свои формы борьбы и т. д. Это все можно прочесть, поэтому повторять не надо, не стоит на это тратить времени. Позвольте отметить, что опять-таки в этом отношении мы были впереди французов 71 года, ибо одна из основных причин крушения Парижской Коммуны заключалась в том, что революция не вышла за пределы Парижского «банльё», она была в нем заперта; другим рабочим центрам Франции: северо-востоку Франции, французскому Донбассу, или бассейну верхней Луары, Сент-Этьену, не удалось сделать своей революции, там революции не было. А у нас революция была повсеместно, и вот почему с нами было так трудно справиться, несмотря на то, что у Парижской Коммуны были крупные вооруженные силы, 150.000 вооруженных национальных гвардейцев с 1.500—2.000 пушек, тогда как у нас пушку захватили только одну на Пресне, и то стрелять из нее не умели. И, несмотря на то, что в военном отношении мы были слабее Парижской Коммуны 71 года, мы были гораздо сильнее благодаря разлитости

революции, потому что она охватила всю страну, потому что эту страну связал железным кольцом капитализм, и это железное кольцо капитализма стояло во время революции перед царской властью, облеченное в не менее железное кольцо пролетариата. Позвольте иллюстрировать это маленьким, но характерным примером: очагом движения металлистов у нас стали железнодорожные мастерские, т.-е. как раз та часть металлургии, которая приставлена была к железнодорожной сети и персонал которой движется по этой сети. Нет более подвижного, текучего элемента, нежели рабочие железно-дорожных мастерских: сегодня он работает в Петербурге, завтра в Москве, послезавтра в Ростове-на-Дону, а после послезавтра еще где-нибудь дальше — в Киеве или Одессе и т. д., и т. д. Вот как раз там, среди этих живо и наглядно воплощающих связь всего пролетариата по всей стране, масс железнодорожных металлистов впервые появляются лозунги 8-часового рабочего дня, идея всеобщей политической забастовки и т. д.

Это основная черта нашей первой революции 1905 года, черта, которая потом проходит и через две следующие революции. Революция 1917 года точно так же не создала сначала никакого местного движения, была «национальной» революцией, охватившей всю страну. Национальные движения явились лишь потом. А еще позже, по мере восстановления промышленности, распавшиеся в первую минуту отдельные части снова слились в единый Советский Союз. Но этим, конечно, оригинальность революции 1905 года не исчерпывается, у нее были и другие оригинальные черты, более глубокие и более интересные: прежде всего то, что поражало, вероятно, наблюдателей,— поражало, действительно, французских наблюдателей,— это отсутствие у нашей революционной массы, у рабочих и крестьян, следующих за ними, отсутствие того формального подхода к революции, который так характерен для революций Запада, особенно для французской революции. Французская буржуазная газета «Тан» выразила это таким образом: у русского народа в настоящем смысле этого слова нет политических понятий. В этом «Тан», получавшая хорошие субсидии из русского посольства, видела основную гарантию прочности самодержавия и, значит, прочности тех русских бумаг, которые, по рекомендации «Тан», покупала парижская мелкая буржуазия. И, действительно, если подходить с точки зрения чисто формальной, то слабо у нас было по части этих политических понятий. Я для ясности опять иллюстрирую это парой анекдотов.

Когда мне весной 1917 года пришлось проводить избирательную кампанию на лондонский съезд в Москве, передо мной прошел целый ряд рабочих собраний. Это были собрания рабочих очень квалифицированных в политическом отношении, это были партийные товарищи, старые революционные бойцы. Рассуждали они чрезвычайно хорошо о революции, о классовом ее значении и т. д., но когда нам приходилось с ними выяснять значение лозунга Учредительного Собрания, я натыкался на какую-то стену, ибо тот формальный момент, из которого

исходит вся буржуазная наука, что это есть воплощение высшей народной воли, он не был ясен для рабочих. Для них это были слова, а так как лозунг Учредительного Собрания стоял в нашей партийной платформе, то они старались истолковать эти слова по-своему. Учредительное Собрание,— говорил один из них,— это — всеобщее вооружение народа, Учредительное Собрание вооружит весь народ и тем закрепит революцию. Он не подозревал, что повторяет в несколько иной форме известные слова Энгельса. По существу рабочий был совершенно прав, но я боюсь, что на экзамене по государственному праву он получил бы единицу за ответ, что Учредительное Собрание есть всеобщее народное вооружение. Другой рабочий говорил: Учредительное Собрание, это значит восьми-часовой рабочий день. Учредительное Собрание должно провозгласить 8-часовой рабочий день. Тут уже приходилось с товарищем рабочим спорить, указывать ему, что в Учредительном Собрании будут не только одни рабочие, но и крестьяне, которые уже и тогда относились к 8-часовому рабочему дню довольно прохладно, и мы имели опасения, что 8-часовой рабочий день не пройдет. Это отразилось в некоторых крестьянских наказах. Все это страшно дискредитировало в глазах наших слушателей Учредительное Собрание, и только партийная дисциплина мешала им выражать свой протест. Кому нужно Учредительное Собрание, если даже 8-часового рабочего дня оно не даст? На первый взгляд это кажется смешным, но на самом деле тут есть глубокая и серьезная вещь, которая заключалась в том, что формальная точка зрения — стремление к созданию такого рода Учредительного Собрания, которое бы выражало народную волю и т. д. — так сильна была в старых революциях потому, что они все, исключая до некоторой степени Парижскую Коммуну, но лишь до некоторой степени, были революциями мелкобуржуазными. Мелкий самостоятельный производитель, в силу объективных экономических условий, не связан с другими мелкими самостоятельными производителями и ему чрезвычайно трудно политически с ними объединиться. На крестьянском движении 1905 года это сказалось очень рельефно: ни разу не было случая, чтобы крестьяне объединились в пределах больше одного уезда, да и то с уездом был только один случай — с Балашевским уездом, Саратовской губернии; что касается других мест, то объединялись волости, а по большей части и не волости, а соседние деревни дрались между собой из-за доставшегося им в наследство помещичьего имущества. В старое время, когда мелкий производитель не представлял собой отряда, идущего за пролетариатом, а представлял собой единственную революционную силу, — необходима была какая-то формальная связь для того, чтобы всю эту массу мелких производителей обратить в одно целое: вот откуда это стремление мелких буржуа во что бы то ни стало создать искусственную форму, такую связь, которая естественным путем, условиями его хозяйства не дается. Вот отчего они обязательно должны себе фетишизировать или Конвент, или императора, или королевскую

власть, или что угодно, на этом играли в течение всего XVII и XVIII в., и это отразилось в наших крестьянских разговорах о добром царе. Какая-то форма была им совершенно необходима, потому что иначе они развалились бы, распылялись бы. Я говорил в другом месте и не буду повторять, что самодержавие очень играло на этом распылении мелкой буржуазии. Вот почему его архи-врагом явился пролетариат, связанный с производством. Пролетариату нечего было искать искусственного выражения народной воли в той или другой более или менее искусственной форме, потому что для него это — воля данной производственной ячейки, это цех, все цехи данного завода, затем все заводы данного города, совет депутатов рабочих данного города и наконец Совет Депутатов всей России. Вот что воплощает для него народную волю. Рабочий в своем производстве ощущает эту связь с другими рабочими, и не только с рабочими своего производства, но и с рабочими других производств, — поскольку рабочий строит для транспорта, для железной дороги, постольку пролетариат ясно видит и сознает эту связь. Для него формальный момент, несомненно, должно был отступить на второй план и, действительно, отступил на второй план.

Формальная сторона в нашей революции играет чрезвычайно слабую роль, и это выразилось в одной черте, на которую мало обращают внимания. Решительно все старые буржуазные и мелкобуржуазные революционеры усиленно предавались сочинениям конституции. Что касается декабристов, как вы знаете, после них почти ничего и не осталось, кроме проектов конституции. Но у нас, по необходимости, такую конституцию сочинили только одну, и то когда необходимо было оформить власть. Когда нужно было эту конституцию написать, создали деловую комиссию и при помощи ее составили конституцию. Это была чисто деловая операция: когда совершается революция, нужно же какой-то распорядок ввести внутри. Но сочинением конституции «впрок» никто у нас не занимался. В своей программе-минимум мы перечисляли требования, которые предъявлял рабочий класс, но как будут осуществляться эти требования, в какие формы они выльются, — мы этими вопросами интересовались и занимались чрезвычайно мало. Это отражает тот класс, который мы представляем, дух этого класса, потому что этот класс спаяло само производство, он не имеет никакой нужды в том, чтобы создавать какую бы то ни было искусственную спайку, какое бы то ни было искусственное формальное объединение для того, чтобы выразить свою волю, и в этом трагедия нашего Учредительного Собрания 1917—1918 года. Все это казалось рабочей массе просто ненужным. Я хорошо помню выборы в Учредительное Собрание в рабочем районе. Я жил тогда в Замоскворечьи. Просто стыдно было итти и подавать голос, все равно как в церковь было стыдно ходить по царским дням, когда я учился: зачем, почему, для чего это нужно? Ясно было, что та рабочая масса, которая окружала меня в Замоскворечье, совершенно этим не интересовалась,

и в то время, как в Западной Европе даже такие, как б. депутат государственной думы Алексинский, производили впечатление, решительно никому из нас не приходило в голову гордиться, что мы члены Учредительного Собрания. Некоторые прошли по целому ряду губерний и просто стыдно было подчеркнуть это, стыдно было выдвигаться, в особенности это стыдно было делать перед рабочими. Сами эсеры, которые играли на Учредительном Собрании, признали, что этот лозунг никого не брал, ни одного солдата нельзя было вытащить на улицу и, благодаря этому, сорвалась их манифестация, которая имела цели сначала оборонительные (защитить от разгона Учредительное Собрание), а потом, в случае большого успеха, и наступательные, в смысле разгона нашего совета. Этого не вышло, потому что ни одного солдата из казармы вытащить на улицу этим лозунгом нельзя было, и ни одного рабочего, ни одного петербургского рабочего нельзя было вытащить. А когда нужно было защищать советы от тех же самых восставших эсеров, так весь петербургский пролетариат вышел на улицу, включая сюда и рабочих эсеров, которые заявили: как же, мы за советы деремся, — и поэтому они шли в рядах Красной гвардии.

Вот этот реализм рабочего класса, который составляет чрезвычайно характерную черту нашей революции 1905 г. и объясняет то своеобразие политической формы, которую эта революция создала, формы совета рабочих депутатов, т.-е. собрания представителей от производственных ячеек. Это чрезвычайно характерная форма, которая не осталась свойственной только одному пролетариату. Она передалась сейчас же и солдатам, которые создали такие советы по своей профессии, и она передалась и крестьянам, которые создали крестьянские советы. Между прочим, крестьянские советы возникали и в 1905 году. В Тверской губернии было несколько таких крестьянских советов. Характерной особенностью этих советов было то, что они были созданы при непосредственном участии рабочих, т.-е. тех же тверских крестьян, но работавших на тверских фабриках. Эти рабочие, отправившись к себе в деревню и разагитировав там крестьян, окружили Тверь целым кольцом советов крестьянских депутатов, которые, в сущности, были рабоче-крестьянскими, поскольку в каждом таком совете было обязательно несколько рабочих, в качестве руководителей.

Эта черта организации по производству, которая лежит в основе нашей советской системы, представляет собой мировое достижение. И недаром, когда началась германская революция, то она выразилась в образовании советов рабочих и солдатских депутатов, и провал этих советов был одновременно провалом германской революции. Несомненно, если бы революция в Германии победила в 1919 году, а не была побеждена, то, по всей вероятности, в Германии были бы советы, с теми же названиями или нет, я не знаю, но во всяком случае, это были бы организации представительства по производствам. Из этих организаций представительства по производствам вытекал один вывод, который в 1905 году не был сделан, но который в 1917 году сделали,

и вывод был логический: а кто ни к какому производству не принадлежит и вообще ничего не производит, не является членом никакой производственной ячейки, — он имеет право голоса? Очевидно, нет. Где же он будет голосовать? Тосканские дворяне, которые после революции горожан в XIII в. были лишены права голоса, прибегли к маскараду. Они записывались в цехи, вывешивали на дверях своих домов кто клубок шерсти, кто моток шелка и заявляли: я — ткач, шелкопряд, я — шерстопряд и т. д. Но такая комедия была возможна в XIII веке, а в XX веке ее осуществить очень трудно. Представительство по производству, выражая объективную спайку рабочего класса, спайку хозяйственную, которую не нужно создавать искусственно, само собой выпирало буржуазию, выпирало класс, присваивающий, но не производящий, из политической системы. 65-я статья Конституции появилась только в 1918 г., но она носилась в воздухе уже в 1905 г.

Вот, товарищи, в чем, по-моему, заключаются оригинальные черты революции 1905 года, и вот почему, мне кажется, мы имеем полное право назвать ее народной, как назвал ее Ленин вслед за Марксом. И он и Маркс искали, чем бы отделить революции этого рода от революций другого типа, от прежних буржуазных революций, ибо ясно было, что тут есть что-то на прежние революции непохожее и новое. И эта наша народная революция заслуживает названия Великой, потому что она начинает собою новый период истории. До сих пор мы знали два таких великих барьера: английскую революцию, которая покончила с феодализмом в Англии, но в мировой плоскости внесла лишь то, что в XVII веке уже начинало терять практическое значение, — свободу совести. Французская революция конца XVIII века пошла гораздо дальше: она выдвинула идею народного суверенитета, в Англии представленную лишь крайним левым крылом движения, она выдвинула идею равенства, не социалистического равенства пока, но равенства, которое до известной степени подготовляет социалистическое равенство, равенства гражданского. И теперь мы имеем третий великий исторический рубеж, нашу революцию 1905—1917 гг., которая внесла совершенно новую идею организации народных масс, идею, настолько же опередившую формальную демократию французской революции, насколько крупное промышленное производство идет впереди мелкого ремесла. Наша революция впервые увязала современное хозяйство и политику, сокрушив беспощадно все те фетиши, которые остались современному миру в наследство от старой мелкобуржуазной демократии. Эти фетиши совершенно не нужны нашей новой советской демократии в России, и они окажутся ненужны в других странах, по мере того, как туда будет продвигаться социалистическая революция. В 1905 году у нас только началось это великое движение, но с тех пор никаких китайских стен на этом пути мы не найдем. Наши требования 1905 года под скромным, легализированным названием «неурезанных лозунгов» прошли через весь междуреволюционный период, и в 1917 году их дальнейшее развитие про-

должалось как будто с того места, на котором оно остановилось в декабре 1905 года.

И теперь это развитие захватило ряд стран. Наименее интересующемуся историей человеку то, что теперь происходит в Индии, то, что теперь происходит в Китае, не может не напомнить наш 1905 год. И там во главе идет, первые удары наносит и первые удары на себя принимает рабочий класс, а за ним идут в бой многомиллионные, там еще более многомиллионные, чем у нас, массы крестьян. И немудрено, что буржуазия Западной Европы, ссудившая деньгами Николая II на подавление русской революции, оказывает всевозможные услуги тем, кто стремится подавить революцию в Китае. Но все труднее и труднее становится эта операция, по мере того как революция приобретает все новые и новые очаги, после того как революция прочно обосновалась в одной из величайших стран мира, разлившись на некоторых новейших американских картах огромным красным пятном, втрое превышающим территорию Соединенных Штатов. Стереть это пятно уже не удастся ни западно-европейской, ни даже всемирной буржуазии ни двумя, ни двадцатью миллиардами не только золотых франков, но и золотых долларов. Революция, начавшаяся на улицах Петербурга в январе 1905 года, занимает теперь в мировой проекции приблизительно то положение, какое заняла французская революция в первые годы XIX века в проекции одной Европы. Это тогда считалось мировым событием, и все, что было в Европе передового, спешило на поклон в Париж. Теперь такой Меккой народов становится Москва. Этого никто не представлял себе, когда, после разгрома московских баррикад, мы считали те несчастные браунинги и маузеры, которые остались у нас в руках. А теперь мы считаем, сколько у нас аэропланов и броненосцев. Думали ли мы тогда, в маленьких комнатах, где мы подводили печальные итоги нашему первому выступлению, что через 20 лет революция полетит на аэроплане?

М. Покровский.

9-е января 1905 г.

Публикуемые документы извлечены из собрания всеподданнейших докладов министра финансов по отделу торговли и промышленности за 1905 год и из дела «О рабочем движении в С.-Петербурге в 1904—1905 г.г.» [1]). Это доклады министра финансов В. Н. Коковцова от 5, 11, 16 и 19 января и два отчета старшего фабричного инспектора Петербургской губ. С. Чижова от 14 и 15 января 1905 г.

Январские дни для министерства финансов явились, в своем роде, днями его ведомственного торжества. Доклад Коковцова от 19 января в значительной своей части посвящен описанию того подчиненного и бессильного положения главы фабричной инспекции и руководителя торгово-промышленной жизни страны, в каком предшествующие 6 лет (по минимальному счету) пребывал министр финансов. Январская всеобщая забастовка блестяще доказывала всю опасность продолжения игры министерства внутренних дел в покровительствуемые им «рабочие» организации и расчищала место для выступления в защиту долго попиравшихся прав — на «урегулирование рабочего вопроса» министерством финансов при посредстве ему лишь подчиненных органов фабричной инспекции. Красной нитью через все четыре доклада Коковцова проходит эта самодовольная мысль: министерство внутренних дел, взявшись за рабочие организации, само открывало доступ и даже способствовало доступу в среду рабочего класса «чуждым» этому последнему идеям революционной пропаганды и «посторонним» ему элементам; освобожденное от вмешательства полиции, рабочее движение примет характер чисто экономический, и не со стороны теперь «обманутых», по существу же «верноподданных» и готовых «раскаяться», рабочих грозит что-либо существующему политическому строю, а со стороны «других явлений внутренней жизни нашей, о которых должен докладывать... конечно, не министр финансов» (докл. 16 января); поэтому для успокоения рабочих на первых порах достаточно было бы «державного слова вразумления», перед которым «не могут не склониться непокорные головы» (докл. 11 января).

Однако нельзя было закрывать глаза на размеры движения и интенсивность сотрясения, произведенного им во всем организме империи. И Коковцову приходилось посчитаться с ответственностью и своего ведомства в следующих скользящих выражениях: «сознавая те пагубные последствия, к которым приведут незаконные организации рабочих, финансовое ведомство могло не останавливаться перед различием точек зрения — своих и министерства внутренних дел — и внести свои пред-

---

[1]) «М-ва финансов, отдела промышленности, делопроизводства главного по фабричным и горнозаводским делам присутствия, № 35, 1904 г.» — Всеподданнейшие доклады и дело хранятся во 2 отделении Экономической Секции в Ленинграде.

положения на рассмотрение высших государственных установлений... Справедливость побуждает меня, однако, высказать, что такое направление дела едва ли имело бы существенное влияние на разрешение вопроса и что точка зрения финансового ведомства, вероятно, не встретила бы в то время поддержки в высших государственных установлениях» (докл. 19 января).

Что касается самых «предположений» министерства, то Коковцов намечал их четыре: 1) учреждение больничных касс, 2) учреждение примирительных камер, 3) пересмотр закона о нормировке рабочего дня и 4) пересмотр закона о стачках. Но уже в совещании петербургских фабрикантов и заводчиков, созванном Коковцовым 24 января, ему пришлось говорить о желательности лишь «сделать первые шаги для соответствующих изменений в рабочем законодательстве» и о том, что «подобные работы требуют много времени». Не дойдя еще до «высших государственных установлений», Коковцов натолкнулся уже в этом собравшемся под свежим впечатлением событий кругу лиц на «равнодушно спокойное отношение» к «рабочему вопросу»: фабриканты решительно предпочитали «ждать обнародования новых законов». Кн. Голицын (директор экспедиции заготовления государственных бумаг), присутствовавший 24-го числа на собрании, «был крайне возмущен тем, что некоторыми высказывалось», и удивлялся «косности и непониманию ими собственных интересов», сказавшихся в нежелании пойти на немедленное «улучшение быта рабочих» [1]). Ждать пришлось, действительно, достаточно долго, и Витте, например, еще в 1911 г. мог саркастически констатировать в своих «Воспоминаниях», что никаких последствий 9-е января в законодательстве еще не возымело (т. I, стр. 302).

Памятником действительно чрезвычайной отдаленности министерства финансов от руководства деятельностью фабричной инспекции в это время является то обстоятельство, что в специальном деле, посвященном рабочему движению в 1904—1905 г.г., имеются довольно слабые следы связей старшего фабричного инспектора Петербургской губ. с министерством. Кроме публикуемого здесь, на ряду с докладами министра финансов, ценного своею подробностью отчета календаря о ходе всей январской стачечной волны с 3 по 23 января, мы не нашли сколько-нибудь значительных донесений инспектора. Между тем о переговорах его с путиловцами 28—30 декабря он подробно доносил... только СПБ градоначальнику, и донесение это лишь в копии попало на стол Коковцова не тотчас же, а через 4 дня — 3 января. Сохранилась здесь и копия его же записки общего содержания на имя СПБ генерал-губернатора от 28 января. Мы не можем при таких условиях думать об исчезновении каких-либо документов: надо говорить о прямом их небытии в обороте министерства вообще. Нечего и говорить, что события 9 января никак не отразились в делопроизводстве министерства финансов.

Б. Романов.

---

[1]) Письмо Голицына Коковцову от 24/I и записка СПБ фабрикантов и заводчиков от 31/I в том же деле № 35.

Доклады В. Н. Коковцова Николаю II.

1 *).

С понедельника 3 сего января начались забастовки на с.-петербургских заводах и фабриках, а именно: 3 января самовольно прекратили работу рабочие Путиловского механического завода, с 12.500 рабочих, 4-го — Франко-русский механический завод, с 2.000 рабочих [1]), 5-го — Невский механический и судостроительный завод, с 6.000 рабочих, Невская бумагопрядильня, с 2.000 рабочих, и Екатерингофская бумагопрядильня, с 700 рабочих. Как выяснилось уже из требований, предъявленных рабочими первых двух заводов, главнейшие домогательства забастовщиков заключаются в следующем: 1) установление 8-часового рабочего дня; 2) предоставление рабочим права участия, наравне с администрацией завода, в разрешении вопросов о размере заработной платы, об увольнении рабочих от службы и вообще в рассмотрении всяких претензий отдельных рабочих; 3) увеличение заработной платы для несдельно работающих мужчин и женщин; 4) устранение от должностей некоторых мастеров, и 5) выдача заработной платы за все прогульное время забастовки. Помимо сего, предъявлен ряд пожеланий второстепенного значения. Вышеизложенные требования представляются незаконными, а отчасти и невыполнимыми для заводчиков. Рабочие не могут требовать сокращения рабочего времени до 8 часов, так как закон предоставляет заводчику право занимать рабочих занятиями до $11^1/_2$ часов днем и до 10 часов ночью, каковые нормы установлены по весьма серьезным экономическим соображениям высочайше утвержденным 2 июня 1897 г. мнением государственного совета; в частности для Путиловского завода, выполняющего экстренные и ответственные заказы для надобностей Манчжурской армии, установление 8-часового рабочего дня и по техническим условиям едва ли допустимо. Несомненно также, что рабочим никаким образом не может быть предоставлено право устанавливать для самих себя размер заработной платы и решать вопросы о правильности увольнения от службы тех или иных рабочих, ибо в таком случае рабочие сделаются хозяевами предприятия, а владельцы заводов, несущие на себе весь риск производства, лишились бы законного права распоряжаться своим собственным делом. Наконец, не может быть признано за рабочими и право требовать вознаграждения за время забастовки, уже по одному тому, что при забастовке рабочих промышленник, вследствие самовольного прекращения рабочими действия завода, несет большие убытки, притом же выплата заработка за прогульное время послужила бы для рабочих только поощрением к устройству стачек в будущем.

*) На поле знак прочтения, поставленный Николаем II. *Прим. ред.*

В виду того, что требования предъявлены рабочими в воспрещенной нашим законом форме, что они представляются невыполнимыми для промышленников и что на некоторых заводах прекращение работ производилось насильственно, происходящая на с.-петербургских фабриках и заводах забастовка обращает на себя самое серьезное внимание, тем более, что, насколько выяснили обстоятельства дела, она находится в непосредственной связи с действиями общества «Собрание русских фабрично-заводских рабочих города С.-Петербурга», руководимого священником Гапоном, состоящим при церкви с.-петербургской пересыльной тюрьмы. Так, на первом из забастовавших заводов — Путиловском — требования были предъявлены самим священником Гапоном, совместно с членами помянутого общества, а засим однородные требования стали предъявляться и на других заводах [2]). Из этого усматривается, что рабочие в достаточной мере объединены обществом отца Гапона и действуют поэтому настойчиво.

Высказывая серьезные опасения за исход забастовки, в особенности в виду тех результатов, которых достигли рабочие в Баку, я признавал бы настоятельно необходимым, чтобы были приняты действительные меры как для обеспечения безопасности тех рабочих, которые пожелают приступить к обычным своим фабрично-заводским занятиям, так и для ограждения имущества промышленников от разграбления и истребления пожаром; в противном случае те и другие будут находиться в том тягостном положении, в какое были поставлены недавно промышленники и благоразумные рабочие во время забастовки в Баку.

С своей стороны, я почел бы долгом собрать на завтра, 6 января, промышленников, дабы, обсудив с ними обстоятельства дела, дать им соответствующие указания благоразумного, спокойного и беспристрастного рассмотрения всех предъявляемых рабочими требований.

Что касается действий общества «Собрание русских фабрично-заводских рабочих г. С.-Петербурга», то о возникших у меня весьма больших опасениях относительно характера и результатов его деятельности я счел долгом обратиться к министру внутренних дел, так как устав этого общества был утвержден по министерству внутренних дел, без сношения с финансовым ведомством [3]).

О вышеизложенном приемлю долг всеподданнейше довести до сведения вашего императорского величества.

Министр финансов, статс-секретарь *В. Коковцов.*

5 января 1905 г.

2 *).

Ваше императорское величество. Не поставьте мне в вину, что в скорбную минуту, переживаемую вами, среди тяжких волнений, охвативших вашу столицу, я решаюсь отнять несколько минут вашего

*) На подлинном рукою Николая II: «Разделяю ваши мысли».

времени моим настоящим к вам письменным обращением. Я позволю себе этот смелый шаг после тягостного и упорного раздумья, проверив мою решимость велением моей совести. Я не считаю себя в праве ждать наступления моего докладного дня, так как волнения столицы носят самый острый характер, и каждый потерянный день не только может повлечь за собой новые жертвы, но все более и более затрудняет задачи правительства по восстановлению нарушенного порядка.

Вашему императорскому величеству известно, что событиям последних двух дней предшествовало прекращение работ на всех петербургских заводах. Более 100 тысяч людей, находивших себе пропитание в фабричном производстве, бездействуют. Они и их семейства неизбежно идут по пути к нищете, которая неминуемо влечет к преступлению. Пользуясь стачкою и волнением в городе, из чердаков и подвалов вышли на улицу отбросы столичного населения, и покушение на чужую собственность составляет уже не единичное явление. Все население столицы объято тревогою; за пределами нашего отечества начинает господствовать полное недоверие к нам, и русский кредит, столь высоко стоявший недавно, даже в минуты военных неудач, разом поколеблен [4]).

Не стану тревожить ваше императорское величество изложением тех последствий, которые могут проистечь из такого положения дел, и позволю себе лишь повергнуть на благовоззрение ваше, что возникшим волнениям и беспорядкам следует стремиться положить немедленный конец.

Я не вижу этого конца в мерах одного полицейского воздействия. Не жду его и от подавления волнений вооруженною силою. Полиция не сумела предупредить разгоревшихся событий; она оставалась долгие месяцы безучастным свидетелем того, как развивалась и крепла преступная организация, дозволенная вначале самим министром внутренних дел. Военная сила, неизбежная, конечно, в пору смуты и обязанная восстановлять порядок, оставляет в обществе новое неудовольствие, а в низших слоях населения и в тех, кто падает случайною жертвою военных действий, создается только новое раздражение, не приближающее минуты успокоения.

Моя совесть и правдивая оценка переживаемых нами событий приводят меня к единственному выводу, что внести успокоение в столице и предупредить неизбежное распространение волнений и на другие местности вашей империи, — на что указывает уже начало стачки в Москве, — может только державное слово вашего императорского величества.

Сколь ни велика вина подданных ваших, — столичных рабочих на фабриках и заводах, — поднявших смуту в тяжкую годину военных испытаний, я осмеливаюсь доложить вашему императорскому величеству, что, по глубокому моему убеждению, далеко не все и даже не большинство подняли свою руку на спокойствие столицы. Их невежеством и слабостью воспользовались другие, натолкнувшие на преступление рабочую массу из своекорыстных видов.

Заманчивыми обещаниями быстрого улучшения их быта и обманными заверениями, что само правительство стоит на стороне рабочего движения, организуя его для борьбы с капиталистами, вожаки разыгравшегося теперь движения подняли огромную массу рабочих, не сознававшую, куда она идет, а тем более не дававшую себе отчета в тех бессмысленных притязаниях, которыми она мнила себя в праве утруждать ваше императорское величество.

Не хочу я, ваше величество, верить тому, что русский человек не способен раскаяться в заблуждении. Ему нужно только разъяснить это заблуждение, сказать, что его руку ведет чужая злая воля; что эта воля избрала его в качестве слепого орудия для исполнения замыслов, ничего общего с улучшением быта рабочих не имеющих.

Но это слово должно быть слово властное. В такую минуту, когда улицы столицы обагрились кровью, голос министра или даже всех министров вместе не будет услышан народом. Это слово должно принадлежать только вашему императорскому величеству, и перед вашим голосом не могут не склониться поднявшиеся непокорные головы. Именем или хотя бы повелением вашего величества должно раздаться слово вразумления. Вашему слову поверят рабочие, что не в заманчивых обещаниях их вожаков, а только в милости вашей найдет рабочий люд источник всякого добра и попечений.

И если ваше императорское величество соизволите указать в форме, подобающей обращению к народу, по повелению или, даже еще лучше, именем вашим, что нужды рабочего класса близки вашему сердцу, что вы не оставите их без вашего внимания во всем том, в чем они справедливы, то можно надеяться, что рабочие быстро вернутся к обычным занятиям, что беспорядки, даже перешедшие из столицы в другие города и местности, уступят место нормальному порядку вещей, и уляжется та тревога, которая столь гибельно действует на всю нашу внутреннюю жизнь.

Обязываюсь к изложенному повергнуть на благовоззрение вашего императорского величества, что я имел возможность объясниться по настоящему предмету с министром внутренних дел и с вновь назначенным генерал-губернатором, и как генерал-адъютант кн. Святополк-Мирский, так и свиты вашего величества генерал-майор Трепов уполномочили меня довести до сведения вашего, что они всецело разделяют мой взгляд.

Прошу усердно ваше императорское величество простить мне мое искреннее изложение. Примите его с обычной вам ко мне снисходительностью, а если мысли эти удостоятся вашего одобрения, то дозвольте мне составить проект обращения, по повелению вашему, к рабочим фабрик и заводов столицы, по соглашению с генерал-губернатором, и сообщить его для сведения и в другие местности империи, где сосредоточено значительное количество фабрик и заводов [5]).

Министр финансов, статс-секретарь *В. Коковцов*.

11 января 1905 г.

3 *).

Серьезность положения, которое создалось последними забастовками рабочих, охватившими почти все фабрики и заводы Петербурга и распространившимися на другие местности империи, побуждает меня довести до высочайшего вашего императорского величества сведения, данные по этому предмету, могущие заслуживать вашего внимания.

Как известно вашему величеству, стачка рабочих в Петербурге началась с 3 сего января и, усиливаясь постепенно, распространяясь все на большее и большее количество фабрик, достигла своих высших размеров 8 января и привела 9 января к известным вашему величеству уличным беспорядкам в столице, потребовавшим вмешательства вооруженной силы. Затем в течение трех дней, 10, 11 и 12 января, стачка держалась на одном уровне; часть рабочих отказывалась становиться на работу, заявляя свои требования, другая же часть уклонялась от работ без всякого заявления своих желаний. С вечера 13 января в рабочей среде начало проявляться некоторое успокоение, которое еще яснее выразилось 14 и 15 января. Именно: 14 числа с утра постепенно стали на работы рабочие таких крупных мануфактур, как Резиновая, (6.500 рабочих), Франко-русский завод (2.000), суконная мануфактура Торнтона (1.150), мануфактуры: Петровская (1.400), Спасская (1.300), Паля (1.600), Стеариновый завод (500); приступили также к работам во многих районах почти все средние и мелкие промышленные заведения, хотя и не в полном составе рабочих, и затем в течение дня возобновили работы все типографии, пивоваренные заводы, табачные и конфектные фабрики. Начиная с утра 15 января, к работам приступил ряд других значительных заводов и фабрик: Вагоностроительный завод (2.240 чел. рабочих), Новая Бумагопрядильня (1.775), писчебумажная фабрика Варгунина (700), Российская мануфактура (690), Тентелевский химический завод (500). К понедельнику 17 января из общего числа рабочих промышленных заведений, состоящих под надзором фабричной инспекции, остается незанятых работою около 43.000 человек, в том числе Путиловского завода 12.600 и Невского судостроительного 6.000; необходимо, однако, заметить, что на Путиловском заводе начался уже наем уволенных после забастовки рабочих, при чем настроение нанимающихся очень мирное, и между ними слышатся разговоры, выражающие удовольствие по поводу прекращения только что пережитого тревожного времени. Путиловский завод, закончив наем, приступит с понедельника к работам и, постепенно открывая свои мастерские и ставя на работы ежедневно около 1.000 чел., через девять дней пойдет полным ходом. Наиболее упорными оказались рабочие фабрик и заводов Выборгской стороны, где еще не при-

*) На подлинном: «О забастовке рабочих на фабриках и заводах Петербурга и других местностях империи». На поле сохранилась помета рукой Николая II.

ступило к работам ни одно крупное промышленное заведение. Упорство этого района объясняется тем, что «Собрание русских фабрично-заводских рабочих в С.-Петербурге» получило свое основание и дальнейшее развитие именно здесь. Можно, однако, надеяться, что в районе Выборгской стороны рабочие вскоре станут на работу, так как Петербургский металлический завод (2.000 человек), рабочие которого играют здесь руководящую роль, ожидает только начала работ на Путиловском и Невском заводах.

Приведенные сведения дают основание полагать, что на фабриках и заводах Петербурга постепенно наступает успокоение и что если не произойдет каких-либо особых событий, то к концу недели работы на них восстановятся в полном объеме.

В прочих местностях империи дело представляется в следующем виде. Стачка в Москве не достигла особенно больших размеров: число забастовавших, правда, превышало 20.000 человек, но забастовка не носила того упорного характера, как в Петербурге,— отдельные фабрики и заводы то прекращали, то снова возобновляли работы, и вообще стачка не имела прочной организации, а являлась скорее откликом тех рабочих беспорядков, которые происходили в Петербурге. Во всех прочих центральных губерниях империи крупных забастовок не произошло, за исключением только г. Саратова и его района, где забастовка распространилась даже на низших служащих двух управлений ж. д., прекративших вследствие этого товарное движение. Впрочем, в самом Саратове в настоящее время замечаются уже признаки успокоения; по крайней мере, по данным фабричной инспекции, некоторые лесопильные заводы и мукомольные мельницы возобновили уже работу.

Более серьезным представляется положение дела на западных окраинах империи, особенно в Прибалтийском крае и в западной части края Привислинского. В Ревеле, Риге, Либаве и Митаве произошли забастовки, отличавшиеся упорным характером, при чем в первых двух городах дело дошло даже до вооруженного столкновения рабочих с войсками. Но особо важное значение, по моему мнению, имеют забастовки, происшедшие в Лодзи и Варшаве. Возникнув на почве весьма развитой здесь социально-революционной пропаганды, стачка охватила все фабрики и заводы Лодзинского и Варшавского районов, и число забастовавших превышает 100.000 чел. При этом никаких признаков ослабления стачки и успокоения рабочего населения в этих районах пока не замечается.

Повергаемые на благовоззрение вашего императорского величества в настоящем докладе сведения побуждают меня еще раз высказать то мнение, которое уже было доложено мною вашему величеству лично, именно, что рабочий вопрос и возникшее на его почве движение, при всей их серьезности, представляются, по моему глубокому убеждению, значительно менее грозными, нежели другие явления

внутренней жизни нашей, о которых должен докладывать вашему императорскому величеству, конечно, не министр финансов.

Позволяю себе думать, что по отношению к рабочему вопросу имеется довольно ясный и определенный путь к удовлетворительному его разрешению. Такой путь, по моему глубокому убеждению, только один: благожелательное к рабочим и вместе с тем твердое и последовательное развитие мероприятий предоставлением в этом деле достаточной свободы действий тому ведомству, которому вверено попечение о нуждах нашей промышленности. В настоящее время особенно нежелательны всякие колебания, а тем более изъятие этого вопроса из компетенции тех учреждений, кои ведают его в силу закона, и особенно недопустимо образование каких-либо исключительных и специальных установлений для его разрешения. Исходя из этого, по моему мнению, было бы наиболее целесообразным избрать тот путь, о котором я позволил себе докладывать вашему императорскому величеству 14 сего января, в присутствии председателя комитета министров, и за который я почитаю своею обязанностью высказаться и в настоящем своем докладе [6]).

По моему убеждению, вслед за восстановлением работ на петербургских фабриках и заводах, необходимо войти в обсуждение с фабрикантами и заводчиками столицы тех заявлений, которые частью уже сделаны рабочими, а частью, несомненно, будут ими сделаны [7]). Вслед за этим надо попытаться удовлетворить без всякой задержки те из выясненных нужд, которые окажутся справедливыми и могут найти себе удовлетворение на почве действующего закона, без внесения в положение нашей фабрично-заводской промышленности каких-либо потрясений. Такое направление дела имеет, в моих глазах, весьма существенное значение, подтверждая высочайшие указания рабочим, которые объявлены, с соизволения вашего величества, с.-петербургским генерал-губернатором и мною; оно убедило бы рабочий люд в попечительном отношении к нему правительства и содействовало бы постепенному отдалению рабочих от революционных элементов, внушающих им, что улучшение быта рабочего может быть достигнуто только с помощью насильственных действий. Благоприятное влияние такого направления дела не ограничивалось бы пределами столицы; оно неизбежно послужило бы основанием для правительства настаивать на проведении тех же мер и в других фабрично-заводских местностях, где отношение фабрикантов к рабочим менее благожелательно, чем в Петербурге.

Но, независимо от нужд, которые могут и должны быть удовлетворены на почве действующего закона, несомненно, имеются и другие нужды рабочих, удовлетворение которых предполагает издание закона нового. В этом последнем отношении министерством финансов был предпринят уже ранее ряд работ, завершение коих ныне представляется возможным и настоятельно необходимым. Не утруждая в настоящее время ваше императорское величество подробным изложением моих предположений по этому предмету, я сочту себя обязан-

ным вслед за сим представить особый доклад по данному вопросу и буду ходатайствовать пред вами, государь, о внесении его на рассмотрение комитета министров с исключительною целью подвергнуть предварительному обсуждению главных начальников всех ведомств взгляды министерства финансов по этому важному в порядке государственного управления делу.

Министр финансов, статс-секретарь *В. Коковцов.*

16 января 1905 г.

4 *).

Ваше императорское величество, отнесясь с великодушною монаршею снисходительностью к рабочим с.-петербургских фабрик и заводов, поддавшимся влиянию злонамеренных людей и по их наущению устроивших общую забастовку, высочайше соизволили разрешить мне объявить от вашего имени, в успокоение рабочих, что нужды трудящегося люда близки вашему сердцу так же, как и нужды всех ваших верных подданных, и что с вашего соизволения на министерство финансов возложено составление ряда законопроектов по улучшению быта рабочих.

В виду сего я приемлю долг повергнуть на высочайшее вашего императорского величества благовоззрение соображения мои как о причинах, вызвавших прискорбное явление, так и предположения об осуществлении объявленных рабочим мер.

Правительство наше вступило на путь урегулирования взаимных отношений фабрикантов и рабочих в 80-х годах минувшего столетия. Первым в этом направлении актом был закон 1882 года о работе и обучении малолетних. Засим последовало издание законов о работе подростков и женщин, правил о найме рабочих на фабрики, заводы и мануфактуры, особенных постановлений о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих и о надзоре за заведениями фабрично-заводской промышленности (в лице чинов инспекции и присутствий по фабричным делам). В общем законы эти стремятся обеспечить правильность отношений договаривающихся сторон, определяя условия заключения, исполнения и расторжения договора найма и ограждая обоюдные интересы сторон на почве договора. Введением этих постановлений устранился произвол, который господствовал в отношениях фабрикантов к их рабочим и вызывал беспорядки, сопровождавшиеся погромами фабрик и заводов.

Последующая деятельность министерства финансов была направлена на постепенное расширение сферы применения помянутых законов, при чем особые постановления о взаимных отношениях фабри-

*) На подлиннике рукою Николая II: «Согласен», ниже рукою Коковцова: «Собственною его императорского величества рукою начертано: «Согласен», в Царском Селе, 21 января 1905 г.».

кантов и рабочих и о надзоре фабричной инспекции были постепенно распространены на 64 губернии империи.

Одновременно с сим надлежало, конечно, вырабатывать дальнейшие законы по обеспечению быта рабочих. Одним из таких законопроектов был представлен на усмотрение и утверждение государственного совета в 1893 г. вопрос о вознаграждении увечных рабочих, потерпевших несчастие. Законопроект этот, однако, встретивший в то время возражение, в смысле несоответствия его потребностям времени, был возвращен министерству финансов государственным советом, и только 10 лет спустя, а именно 2 июня 1903 г., ему суждено было удостоиться высочайшего вашего императорского величества утверждения. За последние годы финансовому ведомству удалось провести, в установленном законодательном порядке, правила о продолжительности рабочего дня (1897) и, как уже сказано, закон о вознаграждении рабочих, потерпевших увечье вследствие несчастных случаев (1903).

Этими последними законами далеко не исчерпываются те меры, которые в интересах спокойного хода промышленной жизни давно уже надлежало бы принять. Но законодательная деятельность министерства финансов за последние шесть лет была затруднена теми условиями, при которых ему приходилось работать и которые заключались в резком несогласии во взглядах на отношения правительства к рабочему вопросу, проявившемся в двух тесно соприкасающихся между собою ведомствах — внутренних дел и финансов.

В 1898 г. в Москве обнаружилось постепенное стремление административной власти усилить воздействие полиции в сфере разрешения вопросов, возникающих из взаимных отношений фабрикантов и рабочих. Исходя из того соображения, что революционные деятели за последнее время сосредоточили свое внимание на фабрично-заводской среде и что раз агитатор ведет свои происки, эксплоатируя недочеты деятельности фабричной администрации, то в интересах неотступного и безустанного создания преград его происками необходимо устранять поводы к неудовольствиям рабочих, — московская полиция, вопреки точного смысла закона, по которому посредником между фабрикантом и рабочим является фабричный инспектор, приняла на себя обязанность исследования всех недоразумений, естественно возникающих между нанимателем и нанимаемым, и изыскание мер к удовлетворению требований рабочих, не всегда в должном соответствии со степенью их законности.

Несмотря на сделанное министерством финансов возражение против такого порядка вещей, отразившегося усилением притязательности у рабочего люда и домогательством с его стороны получать от предпринимателей такого рода уступки в своих требованиях, на выполнении которых закон вовсе не обязывает фабрикантов, местная административная власть приняла на себя руководящее участие в деле посредничества между промышленниками и их рабочими, отдавая в большинстве случаев предпочтение вторым, как более слабым, и

настаивая перед промышленниками в смысле обязательного удовлетворения пожеланий рабочих.

Независимо от сего, по инициативе местной полицейской власти, стали учреждаться особые организации рабочих с целью улучшения их быта и отвлечения рабочей массы от влияния на нее революционных учений. Первые такие организации были учреждены в Москве в 1901 г. Назначение этих организаций мотивировалось начальником московского охранного отделения, на образованном им совещании фабрикантов 26 июля 1902 г., следующими доводами.

Деятельность революционной пропаганды, охватившей всю Россию, обратила внимание московского охранного отделения на необходимость отвратить влияние пропаганды от фабричного рабочего класса путем принятия мер к улучшению его быта, при чем первая отрасль промышленности, на которую была направлена деятельность отделения, было механическое производство, оказавшееся по составу входящих в него рабочих уже достаточно подготовленным к корпоративным действиям. Для предохранения рабочих от влияния на них революционеров необходимо расширение прав рабочих, но отнюдь не в законодательном порядке, как на том настаивает министерство финансов, а в административном. Расширение прав фабрично-заводских рабочих должно состоять в объединении рабочих каждой фабрики в отдельное целое, имеющее свой комитет, состоящий из членов, выбираемых рабочими добровольно из своей среды. Эти комитеты имеют намечать желательные для рабочих изменения в расценках, таксах, распределении рабочего времени и вообще правилах внутреннего распорядка. Хозяин имеет ведаться впредь со своими рабочими не непосредственно, как теперь, а через комитет. Комитеты отдельных фабрик данного округа должны состоять во взаимном общении, в видах достижения однообразности действий. Общий надзор за комитетами сосредоточивается в охранном отделении, которое в сих целях назначает особых агентов из среды благонадежных рабочих, умудренных долгим опытом в искусстве управления толпою. Указанными мероприятиями охранное отделение надеется снискать себе доверие рабочих, которые убедятся в том, что каждый униженный и оскорбленный найдет в нем отеческое внимание, совет и поддержку.

Руководствуясь изложенными соображениями, московское охранное отделение учредило два «совета» — рабочих механического производства и ткачей. Из утвержденной местной властью инструкции для «советов» усматривается, что целью их, между прочим, служит «обсуждение материальных нужд рабочих и мер, направленных к улучшению их экономического положения».

Тотчас по своем возникновении советы стали вмешиваться во все вопросы фабрично-заводской жизни. Они занялись не только обсуждением нужд и интересов рабочих, но также приемом жалоб и разбирательством недоразумений между фабрикантами и рабочими, а засим приняли деятельное участие и в организации стачек, имевших место

в 1902 г. на московских фабриках, при чем члены «советов» тем успешнее парализовали принимаемые фабричною инспекцией меры к успокоению волнений рабочих, что обыкновенно не только были снабжаемы письменными удостоверениями, с приложением казенной печати от охранного отделения, но и являлись для разбора дел на фабрики в сопровождении полицейских чинов.

При очерченных условиях организация стала постепенно разветвляться и за пределами Москвы. Вскоре в Минской губернии, при деятельном участии некоей Мани Вильбушевич, был учрежден союз рабочих ремесленных заведений, который действовал подобно московским советам и организовал бойкотирование тех владельцев заведений, которые не подчинялись его решениям, с устройством целого ряда стачек и забастовок.

Затем в апреле 1903 г. в г. Одессе были учреждены начальником розыскного отделения «независимые» союзы рабочих, ближайшими организаторами и руководителями коих явились мещанин еврей Хуна Шаев Шаевич, именовавший себя доктором философии, и помощник его «Сашка» Черновецкий.

Как усматривается из устава союзов, его материальная часть определяется следующими положениями.

Союз рабочих основан для улучшения условий жизни и труда рабочих и для поднятия умственного и духовного уровня своих членов путем сокращения рабочего дня, увеличения заработной платы, взаимопомощи в случае болезни и нужды, устройства лекций по общим предметам и по рабочему вопросу, библиотеки и пр.

Каждый член союза при вступлении вносит в кассу союза 50 коп. и затем еженедельно по 10 коп.

В случае экстренной необходимости, например, стачки, союз обращается за денежною помощью к другим союзам, через Одесский независимый рабочий комитет.

Касса расходуется: 1) на стачки, 2) на издание воззваний и отчетов, 3) на уплату процентов, установленных Одесским рабочим комитетом на расходы последнего.

Как показывают эти извлечения, цель союзов исключительно боевая, и деятельность союзов в Одессе вполне соответствовала этой цели. Союз приучал своих членов обходиться без правительственной власти и игнорировать закон, приучал их к незаконным и насильственным действиям, к неуважению собственности хозяина и прав сотоварища. В союзе рабочим внушали, что они должны быть первенствующим классом в государстве, что для них не нужны ни суд, ни инспекция, ни полиция. Союз приучал рабочего смотреть на своего хозяина-работодателя, платящего ему жалованье, как на противника, интересы которого противоположны интересам рабочего, и восстановлял его против фабричной инспекции. Несогласные с союзом рабочие подвергались насилиям, на них нападали целыми толпами, избивали их на улицах и на квартирах и затрудняли им поступление

на работу в заводы. Все это происходило в Одессе на глазах у всех.

Деятельность организации привела, в конце концов, к общей забастовке фабрично-заводских и портовых рабочих, последовавшей в июле того же года и охватившей общей паникой весь город.

К сожалению, изложенные отрицательные результаты опытов создания организаций рабочих не прекратили попыток к дальнейшему применению их на практике.

В феврале минувшего года по министерству внутренних дел, без сношения с министерством финансов, был утвержден устав «Собрания русских фабрично-заводских рабочих г. С.-Петербурга». В программу «Собрания», как усматривается из его устава, поставлено, между прочим, «возбуждение и укрепление в среде рабочих русского национального самосознания», «развитие в рабочих разумных взглядов на их права» и «проявление членами «Собрания» самодеятельности, способствующей законному улучшению условий труда и жизни рабочих».

Руководителем «Собраний» был определен священник Гапон.

Я не осмеливаюсь утруждать высочайшее вашего императорского величества внимание указанием тех пагубных последствий, к которым привела, в конце концов, учрежденная организация в столице: прискорбное явление, которого все были свидетелями последние две недели, говорит само за себя. Но с тем вместе я дерзаю обратить всемилостивейшее ваше внимание на полное тождество причин и состава с.-петербургской забастовки с забастовкой, имевшей место в г. Одессе в 1903 г., с тем лишь различием, что в одном случае организатором дела являлся еврей Шаевич, а в другом священник Гапон.

О пагубной деятельности помянутых организаций министерство финансов неустанно ставило в известность министерство внутренних дел, но на все свои обращения оно не получало никакого ответа. Вместе с тем, задавшись целью создать особые организации рабочих, министерство внутренних дел, одновременно с учреждением союзов рабочих, стало настойчиво домогаться передачи фабричной инспекции в это ведомство.

В 1898 г. бывший помощник шефа жандармов ген.-лейт. Пантелеев повергал на высочайшее вашего императорского величества благовоззрение записку, в коей, доказывая необходимость создания института особых «сведущих лиц», по указанию коих фабриканты обязывались бы улучшать быт своих рабочих, высказывал, что «изъятие фабричной инспекции из министерства финансов и подчинение ее министерству внутренних дел дало бы фабричному делу более целесообразный и успешный характер».

Ваше императорское величество 24 апреля 1898 г. высочайше повелеть соизволили внести упомянутую записку ген.-лейт. Пантелеева на рассмотрение особого совещания, под председательством обер-прокурора святейшего правительствующего синода статс-секре-

таря Победоносцева, в составе министров: внутренних дел, земледелия и государственных имуществ, юстиции и финансов.

Названное совещание в заседании 15 июля 1899 г. пришло к следующим, удостоившимся 30 июля того же года одобрения вашего императорского величества, заключениям:

«Действующий закон в своих главных основаниях единогласно признается совещанием вполне ясным, достаточным и не требующим ни дополнений, ни изменений»...

«Что касается второй части (записки ген.-лейт. Пантелеева), содержащей проект изменения порядка надзора, то совещание не могло войти в обсуждение ее в виду того, что действующий закон им единогласно признается достаточным и не требующим дополнения или изменения»...

В 1901 году покойным министром внутренних дел егермейстером Сипягиным произведено было обозрение Ярославской, Костромской, Нижегородской и Владимирской губерний. В своем всеподданнейшем вашему императорскому величеству отчете по сему обозрению егермейстер Сипягин вновь затронул вопрос об организации надзора за фабриками и заводами. Останавливая свое особое внимание на этом вопросе и рассмотрев постановку его по действующему закону, егермейстер Сипягин пришел к выводу, что действующими постановлениями «каждой из надзирающих властей отмежеван совершенно определенный круг ведения, исключающий, при правильном отношении их к своему делу, возможность каких-либо между властями на этой почве столкновений и обеспечивающий, при твердом руководстве со стороны губернаторов, согласную их деятельность и неуклонное преследование, каждою на своем пути, общей конечной цели, которою является обеспечение спокойного и мирного развития промышленной жизни в строгом согласовании ее бытовой стороны с общим укладом государственного строя».

С фактической стороны, результаты наблюдений в четырех обревизованных губерниях, по словам всеподданнейшего отчета, «не оставляют сомнения, что, за некоторыми лишь исключениями, обязанности, возложенные в этом отношении законом на разные ведомства, понимаются ими в общем правильно и отправляются с знанием дела и достодолжною энергией. Начальники губерний повсюду внимательно следят за течением фабричной жизни, объединяя и руководя действиями всех органов надзора с тактом и последовательностью, столь необходимыми в этом сложном и ответственном деле. Такое же внимательное отношение к делу проявляют и подведомственные им должностные лица, между которыми распределяются обязанности по этому надзору. В частности, покойный министр внутренних дел засвидетельствовал перед вашим императорским величеством о том хорошем впечатлении, которое как по подбору личного состава, так равно и по отношению к делу произвели на него чины фабричной инспекции сказанных четырех губерний. Все они, как окружные, так равно ста -

шие по каждой губернии и участковые инспекторы, по свидетельству егермейстера Сипягина, стоят на высоте тех трудных задач опеки над взаимными отношениями хозяев и рабочих и предупреждения несогласия и столкновений последних между собою, которые возложены на них законом. Нельзя не отметить повсюду останавливающего на себе внимание спокойного и ровного отношения чинов фабричной инспекции к обеим сторонам — нанимателям и рабочим, интересы которых, нередко весьма противоположные, они призваны примирять в повседневном их столкновении»...

Охарактеризовав таким образом в весьма благоприятном смысле постановку дела фабричной инспекции как с теоретической точки зрения, так и, в обревизованных им губерниях, на практике, покойный егермейстер Сипягин высказывал, однако, что хотя общие положения закона о соотношении губернского начальства и фабричной инспекции вообще ясны и при правильном отношении к делу обеспечивают согласную с указаниями губернатора деятельность последней, но обозначенные в законе внешние признаки взаимных отношений губернского начальства и инспекции ставят последнюю как бы в обособленное положение среди прочих губернских учреждений и, в случае неудачного подбора личного состава, открывают возможность попыток к самостоятельным и несогласным с указаниями губернского начальства действиям чинов инспекции, а равно разного рода препирательств и недоразумений. Такие недоразумения в действительности и имели место в некоторых губерниях.

Отвергая полезность передачи фабричной инспекции в ведение министерства внутренних дел, как меры к устранению вышеупомянутых явлений в области фабричного надзора, егермейстер Сипягин находил для последней цели необходимым более наглядно подчинить фабричную инспекцию руководству губернаторов, как высших в губерниях представителей правительственной власти.

По настоянию покойного статс-секретаря Плеве [8]), указанное подчинение и состоялось по всеподданнейшему докладу бывших министров внутренних дел и финансов 30 мая 1903 г.

Независимо от этой меры и только год спустя по приведении ее в исполнение, статс-секретарь Плеве возбудил (в апреле месяце минувшего года) снова вопрос о передаче фабричной инспекции в министерство внутренних дел. Почитая предположение это несогласным с интересами правильного развития у нас фабрично-заводского дела, я неоднократно пояснял покойному министру внутренних дел все нежелательные стороны этого предложения, но получил в ответ категорическое заявление о том, что предложение это вытекает из необходимости сосредоточить в министерстве внутренних дел все способы охранения государственного порядка и общественной безопасности и что без осуществления его среда фабрично-заводских рабочих ускользает из наблюдения администрации.

В виду сих соображений статс-секретарь Плеве испросил высочайшее вашего императорского величества соизволение на обсуждение вопроса о передаче фабричной инспекции в ведомство министерства внутренних дел в особой, под председательством т. с. сенатора Дурново, комиссии. В означенной комиссии представителями вверенного мне ведомства были, по моему указанию, представлены по существу дела доводы, в силу коих инспекция должна бы оставаться в министерстве финансов, но так как вопрос о передаче фабричной инспекции почитался предрешенным, то комиссия занялась составлением тех предположений, которые имели целью сохранение за министерством финансов некоторой доли участия в заведывании фабриками и заводами. По назначении министром внутренних дел кн. Святополк-Мирского, я обратился к нему с заявлением о нежелательности изъятия инспекции из министерства финансов, доколе на нем по закону лежит обязанность насаждения промышленности и забота об ее преуспеянии. Кн. Святополк-Мирский вполне согласился с моими доводами и отказался от настояний своего предшественника.

Я позволяю себе утруждать высочайшее вашего императорского величества внимание указанным изложением дела, чтобы засвидетельствовать о той затруднительности, с какою приходилось в последние годы и приходится ныне министерству финансов работать по урегулированию у нас рабочего вопроса. Постоянные предположения сосредоточить ведение внутреннею жизнью промышленных предприятий в министерстве внутренних дел, учреждение им особых организаций рабочих,— все это не могло и не может не парализовать деятельность министерства финансов как в деле дальнейшего развития фабрично-заводского законодательства, так и в проведении закона и ограждении его от нарушения на местах. Неустойчивость положения задержала проведение в жизнь уже более или менее разработанных министерством финансов вопросов о дальнейшем сокращении рабочего времени, об оказании врачебной помощи рабочим, об организациях рабочих, изменении постановлений о стачках и других вопросов. Засим я не могу не засвидетельствовать перед вашим императорским величеством о том чрезвычайно неблагоприятном влиянии, какое оказала та же неустойчивость положения дела на деятельность фабричной инспекции, на которую закон возлагает посредничество между предпринимателем и рабочим и которая отстраняется от этого посредничества руководителями союзов рабочих. Незнание, где завтра будет находиться инспекция, какие начала должны руководить ее деятельностью и нескрываемое осуждение последней то в смысле чрезмерного пристрастия в пользу рабочих, то, наоборот, в смысле пренебрежения их интересами в угоду фабрикантов, — все это не могло не колебать всего строя этого института.

Такое ненормальное положение дела отзывается пагубно на интересах промышленности и самих рабочих, которых вводят в заблуждение руководители незаконных организаций, действующие, в глазах

рабочих, от имени и даже, до известной степени, с прямого одобрения правительства.

Таков был в общих чертах ход дела по отношению правительства и законодательства к рабочему вопросу. Быть может, в этом ходе дела и министерство финансов не довело своей задачи до конца. Сознавая те пагубные последствия, к которым приведут незаконные организации рабочих, финансовое ведомство могло не останавливаться перед различием точек зрения — своих и министерства внутренних дел — и внести свои предположения на рассмотрение высших государственных установлений, от которых и зависело бы устранить это различие во взглядах и отдать предпочтение одному из них. Справедливость побуждает меня, однако, высказать, что такое направление дела едва ли имело бы существенное влияние на разрешение вопроса, и что точка зрения финансового ведомства, вероятно, не встретила бы в то время поддержки в высших государственных установлениях.

Переходя от изложения прошлого к соображениям о будущем, я считаю своим верноподданническим долгом представить вниманию вашего императорского величества, что во главе всякого рода предположений следует, по моему глубокому убеждению, поставить одно условие: устранить всякие колебания в деле подведомственности рабочего вопроса на фабриках и заводах и возложить урегулирование его всецело на финансовое ведомство, сохранив в его составе фабричную инспекцию, с постановкою ее в такие условия, при которых она действительно могла бы выполнять лежащие на ней по закону обязанности.

Только это условие в состоянии обеспечить беззамедлительное и правильное разрешение столь сложного вопроса, не раз уже вносившего существенное расстройство в общественное спокойствие некоторых местностей империи.

Затем необходимо, не теряя времени, разрешить в законодательном порядке те вопросы, которые издавна намечены и частью разработаны министерством финансов, но, к сожалению, не могли до настоящего времени получить дальнейшего движения. В этом отношении обязываюсь всеподданнейше повергнуть на высочайшее императорского величества благовоззрение нижеследующие мои первоначальные предположения, которые должны затем подлежать всестороннему обсуждению соответствующих ведомств и заинтересованных лиц.

1. Возникшие за последние годы рабочие организации, естественно, должны были вступить на ложный и опасный путь. Это обусловливалось прежде всего тем печальным обстоятельством, что при создании их имелись в виду вовсе не те цели, которые формально были обозначены в их уставах, а исключительно цель ослабления политической пропаганды. Созданные при таких условиях общества рабочих с весьма разнородным составом, при практической невозможности в действительности проявить свою деятельность в сторону улучшения быта рабочих, естественно, должны были обратиться к обсуждению общих

политико-экономических и политических вопросов, и на самом деле оказалось, что общества эти, вместо ослабления политической пропаганды, дали совершенно противоположный результат.

Избежать подобных нежелательных явлений возможно только при условии вполне искреннего отношения к интересам рабочего класса. Необходимо выяснить назревшие особые потребности этого класса и, в деле удовлетворения их законодательным, а не административным путем, предоставить самим рабочим надлежащую долю участия в деле улучшения их положения при посредстве строго очерченных организаций. Уже в настоящий момент можно указать на следующие два их вида:

А) Обязательные организации больничных касс, образуемых из взносов частью фабрикантов и частью самих рабочих, под смешанным управлением из представителей фабрикантов и выборных от рабочих, и

Б) Организации учреждений в составе представителей от фабричных управлений, с одной стороны, и лиц, выбранных от рабочих, с другой, для обсуждения и разрешения возникающих на почве договора найма вопросов, а также для улучшения быта рабочих.

2. Засим я признавал бы возможным дальнейшее, сравнительно с законом 2 июня 1897 г., сокращение рабочего времени. Как показало предварительное исследование вопроса, рабочее время, определяющееся ныне действующим законом для дневной работы высшею нормою в $11^1/_2$ часов, могло бы быть без значительного уменьшения производства сокращено до нормы 10 часов; для двухсменной работы вместо $21^1/_2$ часа ($11^1/_2$ и 10 ночью) возможно было бы установить норму 18-часовой работы, по 9 часов для каждой смены рабочих. Засим можно бы было допустить установление и 8-часовой работы в три смены разрешением предпринимателю производить работы и в праздничные дни, но с обязательством предоставлять рабочим четыре свободных дня в месяц. Наконец, должны бы быть приняты в законе действительные меры к ограничению пользования сверхурочными работами и такой постановки их, которая устранила бы возможность обхода закона о нормировке рабочего дня помощью обращения сверхурочных работ из необязательных в обязательные.

3. Кроме того, надлежало бы, по моему мнению, подвергнуть пересмотру статьи закона, карающие забастовки и досрочное расторжение договора о найме.

Неопределенность, несогласованность и неправильность тех оснований, на которых построены ныне действующие карательные постановления о стачках и досрочных расторжениях договора личного найма, обусловливают неодинаковость взглядов у подлежащих правительственных органов — чинов фабричной инспекции, полиции и судебной власти, что, конечно, отзывается весьма вредно на деле. Особенного внимания заслуживает в этом отношении практическая

деятельность полиции, ибо, по действующему закону, на ней именно лежит обязанность водворения нарушенного порядка.

По взглядам полицейских органов, находящим себе поддержку в неопределенности и сбивчивости действующего закона, всякая забастовка рассматривается не как экономическое явление, но непременно как нарушение общественного порядка и спокойствия. Между тем, если бы существовало более спокойное отношение к фактам прекращения работ на фабриках и заводах и забастовки не отождествлялись с нарушениями общественного порядка, то было бы гораздо легче выяснить истинные причины таковых, отделять законные и справедливые поводы от беззаконных и неосновательных и принимать соответственные меры к миролюбивому соглашению сторон; при подобном более нормальном положении меры пресечения и подавления принимались бы лишь тогда, когда были бы налицо факты, удостоверяющие действительность беспорядка. В настоящее же время, когда всякая забастовка трактуется как нарушение общественного порядка, совершенно естественно, что она должна быть немедленно прекращена, а порядок восстановлен, независимо от того, достаточно ли выяснились причины и обстоятельства, вызвавшие забастовку (для чего требуется иногда, смотря по сложности местных условий, весьма продолжительное время), и были ли действительно нарушения общественного порядка, в общепринятом значении этого понятия. На эту сторону дела полиция не всегда обращает внимание, будучи, естественно, всецело поглощена своей специальной задачей. Для достижения последней полицейские органы действуют обыкновенно двояко: 1) немедленно же принимают возможные меры к тому, чтобы заставить прекративших работы рабочих приняться за таковые, или же 2) когда есть к тому возможность, воздействуют на владельцев промышленных заведений, дабы принудить их сделать уступки заявленным во время забастовки требованиям рабочих, добиться скорейшего возобновления работ и таким образом восстановить нарушенный порядок.

Нельзя сказать, чтобы тот или другой из этих двух приемов был удобен. Первый нежелателен, как всякая репрессия вообще и в особенности потому, что меры пресечения, не соответствующие экономическому характеру возникшего осложнения, не дают возможности разобраться в предъявляемых рабочими требованиях, препятствуют удовлетворению тех из них, которые законны или справедливы, и поселяют в среде рабочих озлобление. Второй же прием укрепляет в рабочих крайне вредное убеждение в том, что забастовка есть вернейшее средство добиться исполнения своих пожеланий, во всяком случае независимо от того, законны ли они и справедливы, или же совершенно беззаконны и навеяны извне. История забастовок, происходивших в течение последнего десятилетия, дает много примеров того вреда, который являлся результатом стремления быстрого подавления возникших осложнений какою бы то ни было ценою. Поспешно произведенные аресты вызывали иногда такое озлобление среди совер-

шенно спокойных до сего рабочих, что приходилось прибегать к вооруженной силе, после чего, конечно, не могло быть и речи об удовлетворении даже законных пожеланий забастовавших. С другой стороны, случаи быстрого удовлетворения незаконных требований рабочих посредством воздействия на фабрикантов вызывали немедленно же аналогичные стачки в других промышленных заведениях, в которых приходилось применять уже не систему уступок, а вооруженную силу, что бывало для рабочих совершенно непонятным и поселяло уверенность в несправедливом к ним отношении и произволе властей.

Ставить подобное отношение исключительно в упрек местным полицейским чинам, конечно, нельзя, ибо в самом законе, как было выше указано, существуют неопределенность и смешение понятий, которые проводятся и в распоряжениях высшей административной власти. Так, например, в циркуляре министра внутренних дел от 12 августа 1897 г. за № 7587, сохраняющем, к сожалению, силу до настоящего времени, вопреки высочайше утвержденному мнению совещания 1898 г. под председательством статс-секретаря Победоносцева, и изданном притом без соглашения с министерством финансов, между прочим, предлагается местным властям нижеследующее: «безусловно воспрещать всякие сходки рабочих и выяснять зачинщиков этих сборищ, подвергая последних аресту, если сходки собирались с целью уговора к стачке или забастовке (п. 4)»; «в случае возникновения стачки или забастовки... назначить забастовщикам кратчайший срок стать вновь на работу или получить расчет и по истечении этого срока всех не ставших на работу иногородних рабочих, прекративших работу с соблюдением законных сроков, удалять безотлагательно в места родины или приписки (из п. 5)».

«Во всех случаях стачек и забастовок» означенный циркуляр министерства внутренних дел рекомендует «преимущественное направление дел в порядке положения об охране...» и т. д.

Из этих кратких выдержек видно, что если закон признает за всякой забастовкой и за всяким досрочным отказом от работ нечто, выходящее из пределов гражданских отношений и наказуемое уголовно, как нарушение общественного порядка, то высшие административные власти идут еще дальше и придают всем случаям стачек и забастовок значение прямо государственное, достойное того, чтобы возникающие по ним дела направлять в порядке положения об охране.

Между тем, в сущности, всякая забастовка (конечно, если она не сопровождается насилием над имуществом или личностью) есть явление чисто экономическое и при известных условиях отнюдь не угрожающее общественному порядку и спокойствию.

Что касается до того обстоятельства, что деятели противоправительственной пропаганды в последнее время сосредоточивают внимание свое на фабричном населении и нередко там скрываются и что накопляющееся постепенно недовольство в среде фабричных рабочих делает эту среду доступною восприятию преступных учений, направлен-

ных к ниспровержению государственного и общественного строя, то все это совершенно верно. Но вместе с тем также верно и то обстоятельство, что подавляющее большинство забастовок проистекает из-за чисто экономических местных, своих собственных и, если можно так выразиться, кровных причин, ничего общего с преступной пропагандой не имеющих; случаев, являющихся непосредственным результатом последней, — до учреждения «организаций», — вообще было весьма мало. Рабочие, во всей своей массе, совершенно не виноваты в том, что среди них скрываются деятели преступной пропаганды. Необходимость преследования последней и применения к виновным кар по всей строгости закона не дает никаких оснований устанавливать такой же порядок для всех остальных рабочих, которые озабочены прежде всего тем, чтобы обеспечить себе возможность работать без помех и перерывов и получать заработок, достаточный для прокормления себя и своих семей.

Иностранные законодательства о стачках показывают, что повсеместно, без исключений, карается лишь проявление насилия над свободой действия другого лица, в каких бы формах таковое ни проявлялось. Забастовки не почитаются нарушением общественного порядка и, если не сопровождаются насилиями, не караются. Наличность принуждения обусловливает собою наказуемость не только прекращений, но, в равной мере, и возобновлений работ. Ответственность сторон совершенно одинаковая, и о нарушениях гражданского договора, караемых уголовно, решительно нигде не упоминается.

В виду всего вышеизложенного, казалось бы, нет никаких оснований не последовать примеру западно-европейских государств и не постараться привести относящиеся статьи нашего закона в надлежащее соответствие с условиями и требованиями нашей промышленной жизни и общими началами права гражданского и уголовного.

4. По отношению больничной помощи рабочим, поставленной весьма неудовлетворительно в настоящее время, я полагал бы необходимым, в изменение закона 1866 г., обязывающего каждого фабриканта, независимо от размеров промышленного заведения, устраивать свою собственную больницу для лечения своих рабочих, предоставить промышленникам свободу выбора: или устраивать за свой счет больницы, или, взамен того, нести денежную повинность, передавая обязанность по лечению рабочих городским и земским больницам, а также общественным лечебным заведениям других наименований. Впрочем, окончательное выяснение этого вопроса может последовать лишь при обсуждении намеченного страхования рабочих от болезни.

Что касается до возложенной именным высочайшим указом 12 декабря минувшего года на министерство финансов обязанности по разработке закона о государственном страховании рабочих на фабриках, заводах и промыслах, то о порядке направления сего дела я входил в комитет министров, при чем комитет одобрил мои предположения. В настоящее время во вверенном мне ведомстве уже приступлено к экстрен-

ному переводу иностранных законодательств и к составлению первоначальных предположений об организации у нас страхования рабочих. О вышеизложенном приемлю долг всеподданнейше повергнуть на высочайшее вашего императорского величества благовоззрение, испрашивая, не благоугодно ли будет вашему величеству повелеть мне внести сущность намеченных мною предположений на рассмотрение комитета министров, с целью выяснения принципиального взгляда всех ведомств на возбужденные мною предположения и облегчения труда финансового ведомства по разработке намеченных вопросов, для внесения их затем на разрешение в законодательном порядке.

Министр финансов, статс-секретарь *В. Коковцов.*

19 января 1905 г.

Отчеты старшего фабричного инспектора Чижова [9]).

1.

1905 г. января 14-го дня.

С утра постепенно стали на работы Резиновая мануфактура с 6.500 рабочих, Франко-русский завод—2.000 рабочих и почти все средние и мелкие заведения по Обводному каналу, за исключением Новой Бумагопрядильни (1.775 чел.) и Российской Бумагопрядильни (690 чел.).

Промышленные заведения Васильевского Острова приступили к работам все, за исключением завода Сименс и Гальске (650 ч.), Северной Ткацкой мануфактуры (721 ч.) и переплетной Гаевского (250 ч.).

На Петербургской стороне работы начали все заведения, хотя и не при полном составе рабочих.

На Выборгской стороне не работало ни одно сколько-нибудь значительное промышленное заведение.

На Охте не работали: Охтенская мануфактура (350 ч.) и Мало-Охтенская м-ра (250 ч.), а также судостроительный завод Крейтон и К° (590 ч.).

По Шлиссельбургскому тракту начали работы: мануфактуры: Суконная т-ва Торнтон (1.150 ч.), Петровская (1.400 ч.), Спасская (1.300 ч.), Паля (1.600 ч.), заводы: Стеариновый (500 ч.) и почти все средние и мелкие промышленные заведения, но не в полном составе рабочих (приблизительно в половинном), повидимому, присматриваясь к настроению рабочих на Невском судостроительном заводе (6.000 ч.). На последнем в этот день было приступлено к подготовлению завода к пуску в действие.

На Песках и в прилегающей местности (Александро-Невская часть) начали работы мелкие и средние заведения. Не начинали работ Невская Ниточная (1.650 ч.) и Бумагопрядильная (1.900 ч.) мануфактуры.

В течение дня приступили к работам все типографии, пивоваренные заводы, табачные и конфектные фабрики.

За Московской заставой не работали: Вагоностроительный завод (2.240 ч.) и фабрика Механического производства обуви (2.200 ч.).

В гор. Шлиссельбурге вчера забастовала Шлиссельбургская Ситценабивная мануфактура (1.000 ч.), под влиянием двух приехавших из гор. С.-Петербурга рабочих, которые подговорили к прекращению работ ремонтную мастерскую с 30 слесарями и предъявили те же основные требования, что и петербургские рабочие. Приехавший фабричный инспектор Соколов роздал им объявление г. г. министра финансов и с.-петербургского генерал-губернатора, разобрал их мелкие жалобы, и рабочие после обеда приступили к работам.

2.

15 января [1905 г.].

С утра приступили к работам: Новая Бумагопрядильня (1.775 ч.), Российская м-ра (690 ч.), Тентелевский химический завод (500 ч.), Писчебумажная фабрика Варгуниных (700 ч.) и Вагоностроительный завод (2.240 ч.).

На Путиловском заводе (12.600 ч.) начался наем уволенных после забастовки рабочих. Настроение нанимающихся очень мирное. Слышны разговоры, выражающие удовольствие по поводу прекращения тревожного времени.

К понедельнику 17-го из общего числа рабочих заведений, состоящих под надзором фабричной инспекции, остается незанятыми работой около 43.000: Путиловский—12.600, Невский судостроительный—6.000, Выборгская сторона—13.500, две Невских мануфактуры—3.550, Северная Ткацкая м-ра—721, Екатерингофская м-ра—750, зав. Сименс и Гальске—650, фабрика Механического производства обуви—220 и около 3.000 на разных мелких заведениях, сосредоточенных около Путиловского завода и на Выборгской стороне.

Путиловский завод, закончив наем, приступит с понедельника постепенно к работам, вследствие свойств производства, по мастерским: сталелитейная, тигельная, медная, чугунно-литейная и т. д., с числом рабочих 3.500 ч., и, ставя на работы ежедневно около 1.000 ч., пойдет полным ходом через 9 дней.

Есть все основания ожидать, что с понедельника вся эта сторона приступит к работам.

То же предположение с достаточной вероятностью можно высказать и относительно Выборгской стороны, на которой тон задается С.-Петербургским металлическим заводом (2.000 ч.), который, как слышно, ожидает начала работ на Путиловском и Невском судостроительном заводах.

Особое упорство Выборгской стороны объясняется тем, что «собрание русских фабрично-заводских рабочих в С.-Петербурге» получило свое основание и дальнейшее развитие именно там.

Старший фабричный инспектор *С. Чижов.*

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) В. И. Невский (Красная Летопись, I, 1922 г., стр. 22) принимает эту же цифру. В справке старшего фабричного инспектора С. Чижова для Франко-русского завода указана цифра рабочих—2.500

[2]) О предшествовавших забастовке на Путиловском заводе обстоятельствах было доложено Коковцову тов. министра В. Тимирязевым лишь 3 января, при сообщении о начале забастовки. Из этого доклада Тимирязева, при котором он представил Коковцову и копию донесения ст. фабр. инсп. Чижова с.-петербургскому градоначальнику от 30 декабря, видно, что экстренное собрание для разбора жалоб 4 увольняемых рабочих на Путиловском заводе состоялось 27 декабря а не 28 (как считает В. И. Невский, там же, стр. 15). — Характерно, что старший фабричный инспектор обратился с донесением об этом собрании и последовавших своих переговорах с Гапоном, сотрудником «СПБ Ведомостей» Архангельским и 4 жалобщиками к градоначальнику, а не в министерство финансов.

[3]) В деле № 35 главного по фабр. и горнозавод. делам присутствия сохранились 2 редакции письма Коковцова к Святополк-Мирскому: одна от 5 января, другая — от 7-го. На них пометы: «не пошло» и «не состоялось».— Вторая редакция составлялась уже после совещания Коковцова с «промышленниками», собранного на 6-е число. Протокола совещания 6 января в деле не имеется.

Относительно требований рабочих, тех же, что перечислены во всеп. докладе от 5 января, «промышленники» дали «показание», что существо их уже задолго до открытия забастовки ставилось свящ. Гапоном в программу «собрания русских фабр.-зав. рабочих г. С.-Петербурга»; «требования эти признаны промышленниками на собранном мною совещании совершенно неприемлемыми, к чему и я всецело присоединяюсь»,—писал Коковцов. Относительно «ряда пожеланий более или менее второстепенного характера» Коковцов «предложил фабрикантам обсудить в своей среде вопрос о возможном их выполнении, став на почву благоразумного, спокойного и беспристрастного отношения к делу». На этом же совещании фабрикантами «было возбуждено ходатайство о том, чтобы фабрично-заводское имущество было надлежащим образом ограждено от могущего произойти уничтожения его со стороны забастовщиков» (проект письма 7/I, л. л. 39—41).

[4]) В происходивших в 1905 году переговорах между представителями русского правительства в Париже и французскими финансовыми кругами отмечалось, что недоверие и тревога массового французского держателя русских %-ных бумаг обусловливаются не неудачами на войне, а внутренними событиями.

[5]) Объявление состоялось за подписями Трепова и Коковцова. Оно, как видно, теснейшим образом связано с «идеей» покаянной депутации рабочих к Николаю II, состоявшейся 19 января. Застрельщиком в такой постановке вопроса об январском движении взялся быть именно Коковцов.

[6]) Письменного доклада от 14 января во всеп. докладах министра финансов, как и в делах м-ва, не имеется.

[7]) Такое совещание с фабрикантами и заводчиками было созвано Коковцовым на 24 января. Протокола его не имеется.

[8]) Сипягин убит 2 апреля 1902 г.—Плеве был мин. внутр. дел с 5 апреля по 15 июля 1904 г.

[9]) Как этот, так и следующий документ от 15 января писаны от руки одною рукою и подписаны старшим фабричным инспектором Чижовым.

Проект манифеста о событиях 9 января.

Метавшееся в социальных противоречиях самодержавие полагало, что расстрел мирно демонстрировавших 9 января 1905 г. петербургских рабочих есть выход из того клубка противоречий, который становился поперек всей его политики в области рабочего вопроса.

Разочаровавшись после опыта зубатовщины и гапоновщины в успехе политики полицейского социализма, как метода правительственного регулирования рабочего движения, самодержавие попыталось приостановить рост революционного сознания пролетариата массовым расстрелом рабочих 9 января, не подозревая, что первыми же выстрелами оно само провозгласит начало революции 1905 г.

До кровавого воскресения остатки наивной веры в «царя-батюшку» еще тяжелыми путами ложились на сознание массы рабочих. Революционизируемые капиталистической эксплоатацией и полицейским гнетом, широкие массы пролетариата выступили на арену экономической и политической борьбы. Но методы борьбы всей массы пролетариев и полупролетариев оказались еще накануне революции 1905 года не вполне революционными, — петербургский пролетариат пытался добиться удовлетворения своих требований просьбами и мольбами у «царя-батюшки», наивно веря, что царь смягчит его участь.

Расстрел 9 января отнял у всей массы пролетариев эту веру в царя, отнял то, что задерживало ее революционное воспитание. В день 9 января это воспитание шагнуло вперед так, «как оно бы не шагнуло в годы будничной жизни». Еще утром 9 января, полные веры в царя, эти массы не были готовы к восстанию, а вечером, с криком: «у нас нет больше царя», они оказались готовы на восстание. Они восстали против самодержавия. Они начали революцию.

Можно представить себе ту растерянность и ту панику, которые воцарились в кабинетах высших сановников власти после кровавого воскресенья, когда единственный оставшийся в распоряжении власти метод подавления революционного рабочего движения — расстрел — положил начало революции. До сих пор ни один из опубликованных документов о 9 января не передавал нам этой странички из жизни самодержавия в эпоху первой революции. Только опубликованные в IX томе «Красного Архива» записки А. С. Ермолова до некоторой степени восполнили этот пробел, но и они оставляют многое недоговоренным.

Записки, например, содержат указание на манифест, который должен был быть опубликован в связи с расстрелами 9 января, однако содержание этого интересного манифеста остается не установленным.

Записки содержат также указание на создание совещания из всех министров и председателей департаментов государственного совета для выработки «мер госу-

дарственной важности, последними событиями вызываемых», оставляя все еще невыясненным содержание этого совещания и выработанных им «мер государственной важности».

Публикуемые ниже документы существенно дополняют записки А. С. Ермолова: они содержат исчерпывающий материал о характере и предмете совещания, созванного 18 января 1905 г., и дают текст того манифеста, с которым «царь-батюшка» предполагал обратиться к народу.

Ценность публикуемых документов в том, что они полно воспроизводят царившую после кровавого воскресенья в правительственной среде панику и растерянность.

Став лицом перед революцией, правительство убедилось, что оно 9 января в сущности расстреляло последние остатки того, на чем еще опиралось самодержавие в широких массах рабочих. Вот почему предметом заседания 18 января явились заботы хотя бы о частичном восстановлении этой потерянной опоры. Совещание было занято подысканием способов убедить массы, что государь «скорбит» по поводу событий 9 января, что «это произошло не по его вине». Мысль, что «государь должен быть отделен от этих событий» являлась руководящей нитью всех выступлений. Характерна разноголосица по вопросу о способах убедить в этом массу. Большинством 14 голосов против 9 совещание остановилось на царском манифесте, который «должен быть обязательно прочитан в церквах».

Проект этого манифеста представляет исключительную историческую ценность, вот почему, на ряду с прочим материалом, он приводится ниже в двух вариантах: 1) проект, поступивший на обсуждение совещания, и 2) исправления и дополнения к нему, принятые на совещании 18 января 1905 года.

А. Ванаг.

Весь публикуемый ниже материал представляет черновую запись одного из членов совещания 18 января, В. Г. Глазова (министра народного просвещения), сделанную им карандашом на обороте пригласительного билета. В. Г. Глазов записывал все, что говорилось присутствовавшими на заседании. Не всегда, видимо, поспевая за говорившими, он старался уловить их главную мысль, суть вносимого предложения, суть возражения на него и т. п. и, сохраняя по возможности тон и стиль речи высказывавшегося, заносил все это на лежавший перед ним лист бумаги. Быстротой письма можно объяснить то обстоятельство, что некоторые слова остались им недописанными (в запись введены обычные для Глазова сокращения слов, напр., б.—более, м.—министр, и т. п.); вся запись сделана очень неразборчивым почерком и носит явные следы поспешности. Вследствие той же поспешности и желания уловить прежде всего главную мысль говорившего Глазов в записи допустил целый ряд синтаксических неправильных построений фраз, неправильных согласований слов, а в некоторых случаях нарушил и логическую связность речи. К этому надо прибавить вполне понятные при такой записи пропуски отдельных слов, явные описки и пропуски знаков препинания, что, все вместе взятое, очень затрудняет чтение и понимание текста и вызывает необходимость комментирования его. Но и в таком виде протокол представляет собой документ исключительной ценности, т. к. официального протокола совещания не сохранилось. Даже если бы и сохранился такой протокол, то, конечно, мы не нашли бы в нем многого из слов и речей сановников, которые нам передает «протокол» Глазова: в нем было бы все сглажено, смягчено, многое выпущено, и всему была бы придана литературная форма. В документе же Глазова мы имеем подлинный протокол совещания.

Чтение подлинного текста вследствие указанных выше его особенностей вызывает большие затруднения, и, несмотря на все стремление лиц, подготовивших его к пе-

чати, разобрать его весь целиком не удалось, и несколько слов остались непрочтенными. Во всех случаях, когда не было полной уверенности в правильном прочтении слов, такие слова печатаются курсивом. Все недописанные Глазовым слова восстановлены, и в невызывающих сомнения случаях восстановленная часть слова в скобки не заключается. Явно пропущенные слова для восстановления логической связи заключены в прямые скобки. Пунктуация подлинника по возможности сохранена. Слова, напечатанные разрядкой, в подлинном тексте подчеркнуты; также подчеркнуты в подлиннике все фамилии говоривших.

Материалы подготовлены к печати под руководством А. С. Николаева.

Ред.

Письмо С. Ю. Витте к В. Г. Глазову. [1])

17 января 1905 года.

Милостивый государь,

Владимир Гаврилович.

Государю императору благоугодно было повелеть мне немедленно собрать под моим председательством совещание из всех г.г. министров и председателей департаментов государственного совета для обсуждения настоящего положения и представления на благовоззрение его величества предположений совещания о мерах государственной важности, последними событиями вызываемых, в связи с дальнейшими мероприятиями по успокоению страны и необходимыми, по мнению совещания, реформами, сверх возвещенных в высочайшем указе 12 декабря 1904 года. Вместе с тем государю императору благоугодно было повелеть мне собирать такие же совещания и впредь, когда это окажется необходимым по ходу дел высшего управления, как по моей инициативе, так и по вопросам, которые отдельные г.г. министры признают нужным в это совещание вносить.

Сообщая о таковой высочайшей воле, имею честь покорнейше просить ваше превосходительство пожаловать в заседание совещания завтра, вторник, 18 сего января, в 1 час пополудни, в помещение комитета министров.

Примите, милостивый государь, уверение в отличном моем к вам уважении и истинной преданности.

С. Витте.

Записи В. Г. Глазова.

Обращение к старейшим членам совещания за подписью.—Письмо через министра земледелия Ермолова. 1) Обращение к народу. Обеспечение невинно пострадавших и семей. Образование верховной комиссии

[1]) Письмо, написанное на пишущей машине и подписанное Витте, имеет формат листа, при чем вверху, с правой стороны, рукой С. Ю. Витте надписано: «экстренное секретное».

для расследования относительно виновных, обсудить рабочий вопрос. Обратить внимание на адресы дворянства и земства, чтобы могли сплотить[ся] у престола все сотрудники (sic) в виде представителей от населения...

Вопрос о государственном управлении — имеет существенное неудобство: разрозненность министров, отсутствие возможности министрам обмениваться мыслями, отсутствие солидарности. При подготовлении беспорядки 9 января, кроме 2—3 министров, никому не были известны. Необходимо, чтобы отдельные министры, совещающиеся только частным образом, были бы призываемы к вопросам государственного управления.

Витте. Получил указание от государя вчера, в $11^1/_2$ часов вечера.

Прочитали проектированный манифест и указ правительствующему сенату.

Сольский. Передал, что подобный [с]ему манифест составлен. То же ему подтвердил министр финансов. В манифесте не следует повторять, что уже было. В прочитанном манифесте это, повидимому, устранено.

Витте. Говорит о необходимости манифеста, в коем должен быть царь удален от правительства. Все меры должны разубедить (sic) народ, что ему надо опереться на народ, ибо другие сословия ему не помогут.

Ермолов. Обращение Коковцова принесло пользу, но все-таки надо, чтобы их принял государь.

Сольский. Подтвердил это желание, высказанное в частном совещании.

Ермолов. Настаивает на необходимости манифеста.

В. кн. Александр Михайлович. Желает, чтобы м[инистр] внутренних дел и м[инистр] юстиции ознакомили с бывшими событиями, так как о сущности движения никто не знает.

Муравьев. Еще мало времени. Дознания начались поздно. Теперь дознания производятся жандармским ведомством с прокурором. Были кое-какие аресты. Движение рабочих обострено политическими подстрекателями, кои долгое время раздували пламя недовольства. В Петербурге действовал союз рабочих по утвержденному м[инистром] внутренних дел уставу. Во главе священник Гапон и другие лица; подстрекатели заключены под стражу. Повторилась одесская история; там доктор Шаевич равен Гапону. Действовавшие другие политические агитаторы действовали в связи с союзами. Они... [1]) заблуждали (?) рабочих, при чем масса рабочих не знала действительности. Сюда примыкают все политические агитататоры. Все произведено политической агитацией; жертвой — рабочие. Учащиеся сыграли агитаторскую роль, но число их менее того, которое

[1]) Одно слово не разобрано.

можно было ожидать. У рабочих теперь начинается разоблачение: манифест необходим. Высший, но не верховный [суд] (это слово исторически израсходовано), необходимо расследование, его назначить необходимо.

В. кн. Александр Михайлович. Надо подчеркнуть большую несолидарность массы рабочих. Все выяснившееся необходимо отпечатать, ибо в обществе много сомнений.

Коковцов. О необходимости отделить царя милующего от правительства, министра карающего. Что обращение министра финансов привело к нежелательным результатам — возражает. Новая точка зрения. Фабриканты обвиняют финансовое ведомство,— оно просмотрело это движение, не стояло близко к рабочим, деятели его сухие, несочувствующие рабочей среде. Это несправедливо: 6 января, до беспорядков, до известного адреса, ставшего известным 8 января, все фабриканты, 118 человек, заявили успокоительные известия или указывали на неприятное (sic) значение Гапона, где только 6 тысяч из 148 тысяч; м[инистерство] финансов предлагало м[инистерству] внутренних дел заранее принять меры, арестовать комитет, но ему было отказано. Поэтому независимое объявление м[инистра] ф[инансов] и более торжественный акт, объявление м[инистра] ф[инансов] проникло в заграничную печать («Temps»), объявление вне Петербурга имело воздействие и произвело хорошее впечатление.

Сольский. Объявление касается только Петербурга, а теперь уже надо дать общее.

Коковцов. Удобно ли говорить только про Петербург, надо сделать обращение более широкое. Мы живем среди трояко-разных течений: революционные погромы, рабочий вопрос, экономический и 3-е — течение мысли в органах печати и кружках дворянских. Против террористического движения, как везде, полиция. Рабочий вопрос ясен, — при искреннем расположении правительства можно разрешить, путь ясен: меры, указанные в прошлый вторник. Но возможно ли при манифесте, кроме рабочего вопроса, надо высказаться о возбуждаемых ходатайствах, о коренной ломке при нынешней войне.

Витте. Общий вопрос огромной важности. Будем судить, что можно сделать. После 9 января, 10 января государь император должен был сказать свое слово. Но государь советовался с разными министрами, давал советы... [1]) полуофициозные и частное совещание у Сольского, но ни совет, ни комитет министров не были собраны. Поэтому необходимо манифест представить сегодня же.

Бар. Будберг. Вместо манифеста — рескрипт на имя будущего председателя суда, оставив в стороне вопрос следственный.

---

[1]) Одно слово не разобрано.

Витте. Мысль манифеста не об расследовании м[инистром] юстиции, а если случилось событие крупное, то государь желает слышать от незаинтересованного лица — правду.

Сольский. Надо разобрать. Движение началось осенью, после убийства Плеве, при Мирском. К этому присоединилось рабочее движение. Об этом ли мы говорим? Нет, мы говорим о событии 9 января.

Витте. Варшава и Ревель — отголоски Петербурга. Здесь столица, размер возмущения более крупный. В манифесте и говорится о других городах, но приурочено к 9 января.

Сольский. Надо ли только о 9 января, независимо [от] других событий.

Хилков. Обращение государя необходимо. Нужен манифест и устное обращение государя к рабочим. Вид государя более действует на толпу. Надо в манифесте отделить виновных и их покарать.

Витте. Факты. Родилась мысль в форме обращения к рабочим, что государь пошлет своих флигель-адъютантов по фабрикам. Последние выберут депутатов, и государь обратится к ним. Министр финансов тогда возражал. Предпочтительна форма рескрипта на имя одного лица, но разбор будет производиться коллегией. Генерал-губернатор не ручается, что флигель-адъютантов не убьют. Депутации вызовут беспорядки (Коковцов. Депутация завтра), но он может взять лишь нахрапом депутатов.

Дурново. За смерть Плеве правительство ответило указом 12 декабря. В манифесте теперь все использовано властью. Смуту, как революцию, не делает толпа, а лишь образованный класс. Рабочее движение. 125 человек русскими людьми убиты. (В Петербурге и других городах.) Это такое событие, при коем власти должны быть отделены от монарха. Надо выяснить участие властей. Манифест необходим. Вопрос о назначении лиц для доклада государю. Исследовать надо, какие ведомства виноваты, решить трудно, возражать нельзя. В общем возражение лишь против редакции манифеста. Послед[ним] д[олжно] кончиться исследован[ие], а указ — технически деловой, об образовании комиссии. Оба документа должны подлежать сокращению.

Лобко. Положение серьезное. Надо отнестись с уважением к мысли говорить государю с народом? [1]). Но говорить лишь о происшествии 9 января нельзя, государь должен быть отделен от этого события и потому должен говорить о трудности положения России. Тут, кроме рабочего движения, надо обратить [внимание] на тяжелое военное положение; стремление общества к призыву какой-то другой власти — земских собраний и т. п. — Это даже, пожалуй, первоначальная причина, и 3-е — движение рабочих. Нельзя говорить только о 2 миллионах

[1]) Вопросительный знак стоит в подлиннике.

рабочих, а с 138-миллионным народом. Надо успокоить, призвать население к жертвам и энтузиазму.

Чихачев. Значит, государь опросит народ о желаниях, а затем появится манифест; надо что-нибудь одно — или обращение, или манифест. Последнее надо приберечь к более крупному событию. Следствие о деле 9 января затянется, а истинную правду никто не знает. Первое дело — водворить в Петербурге порядок. Министра внутренних дел нет, его не видим, а только представители.

Витте. Но ведь мы не знаем, что государь скажет? Генерал-губернатор не знает, каких рабочих он еще представит.

Фриш. Прием рабочих — обстоятельство весьма важное. Если государь скажет слово рабочим, то, может быть, не понадобится манифест. Теперь манифест должен касаться рабочего движения не только в Петербурге, но и вне. Относительно исследования в манифесте не говорить.

Витте. Речь о разных предметах. Публика не знает о деле; возражает, что идет следствие, [а] результаты через год. Но это следствие не ответит на вопрос о возникновении союза рабочих при согласии министров. Как судебное следствие даст ответ на вопрос, почему подготовлявшиеся сведения не обсуждались на совете министров и многие министры не знали. В публике убеждение, что войска действовали по приказу в. кн. Владимира Александровича. Я говорю о другой области. Публика убеждена, что государь ничего не знает. Поэтому особая следственная комиссия из 2—3 человек внесет полное успокоение. Ведь были же назначения гр. Палена для Ходынки, Ванновского для беспорядков в университетах.

Будберг. Но тогда не было манифеста.

Витте. Я не стою за манифест.

В. кн. Александр Михайлович. Надо, чтобы публика все знала. Мне известно из анонимных писем, что беспорядки 9 января здесь, а 12 в Москве. Это в декабре. За 2 дня до беспорядков стало известно, что они будут. Надо расследовать, быть может, то же самое через 2 недели.

Витте. Пролитая кровь будет эксплоатиров[аться] революционерами. Будут говорить, что царь не шевельнулся, а дело министров. Надо, чтобы государь сказал свое слово.

Дурново. Мысль великого князя *напрашивается*. Несомненно, явление 9 января доказывает, что в органах наблюдения было недостаточно внимания. Против этого нельзя возражать. Если манифест не принимается, то можно рескрипт.

В. кн. Александр Михайлович. Стоит за манифест, но чем кончится завтра прием рабочих?

Витте. Если я сегодня доложу государю, то он и скажет мне свою волю.

Коковцов. Сегодня утром Трепов сказал, что завтра у государя в 3 часа рабочие. По приказанию государя с каждой фабрики

в 1 тысячу человек было выбрано по 1 рабочему, интеллигентному, старослужащему.

Витте. Этот факт указывает на нашу дезорганизацию; генерал-губернатор, не извещая ми[нистра] финансов и м[инистра] внутренних дел, по своей инициативе представляет рабочих. Ведь слова государя отзовутся везде.

В. кн. Александр Михайлович. А разве министр внутренних дел не знает?

Дурново и Коковцов. Нет.

Дурново. Государь может принять по собственному влечению.

В. кн. Александр Михайлович и Сольский. Что государь скажет?

Перерыв до $3^3/_4$.

Витте. Государь высказывался в высочайшем повелении о *войне* и что надо единство правительства. Это приводит к мысли, что единство правительства заключается в единении, общности взглядов. Поэтому нам надо уступить друг другу в деталях, иначе единства не будет. Будем этим руководствоваться. Главная мысль: надо, чтобы государь обратился к народу в форме манифеста. Если на этом согласимся, то относительно дальнейшего суждения, о деталях — я соглашусь.

Сольский. Вы правы безусловно. Разногласие возможно только в принципиальных условиях.

Витте. В публике есть мнение, что правительство неспособно ничего сделать. Надо взаимную поддержку, особенно в смутное время.

Герард. Надо исполнить высочайшее повеление. Нельзя также, чтобы предлагаемые меры не достигли цели. С этой стороны, идея о манифесте сомнительна. 9 января—усмирение войсками, 11—успокоение, назначение генерал-губернатора, объявление м[инистра] финансов и генерал-губернатора, обращение синода. Нужен ли манифест? — Это самая торжественная форма для торжественных обстоятельств: войны, мира, освобождения крестьян, воинской повинности. Теперь и время пропущено, и факты ничтожны. Пусть государь обратится к народу и т. д., но манифест слишком велик; боюсь, что слово государя будет неубедительно. Из манифеста видно, что государь обещает улучшение рабочих; это должно вести к существенным результатам, но созрела ли эта мысль окончательно? Может ли правительство их удовлетворить? Но я пойду за большинством комитета.

Сольский. Манифест читается во всех церквах и поселениях; быть может, не будет понятно такое объявление.

Ермолов. Обращение государя к народу теперь безусловно необходимо. Все обращения, б[ывшие] доселе, не заменят царских слов. Масса рабочих шла за царским словом. Никакая другая форма непригодна. Что манифест будут читать в церквах — это не существенно.

События дошли до всех углов, и там необходимо знать. В манифесте, может быть, не надо говорить о рабочих, а не о других сословиях [1]) но он нужен. Прием рабочих существенного значения не имеет.

Витте. Манифест должен обязательно читаться в церквах.

Муравьев. Закон не обязывает.

Герард. Нельзя допустить, чтобы манифест не читался.

Фриш. Что будет сказано в манифесте, если только о беспорядках, то об этом можно упомянуть, но это не повод. Решительно против комиссии о причинах бывших беспорядков. Комиссия должна коснуться неправильных действий высших органов управления и разоблачить неприятные стороны. Пожелает ли государь огласить эти результаты? Вероятно, они обнародованы не будут и то же результаты? Публика ничего [не] будет знать, а вызовет смуту. Остается рабочий вопрос. Но государь желает преобразований, которые шли бы далее указа 12 декабря. Это должно успокоить публику. Если совещание созвано для этого и если будет скоро, то государь пойдет далее. Это произведет хорошее впечатление...

Витте. Да, на интеллигенцию.

Сольский. Тоже.

Витте. Государь может образоваться (sic) только на простом народе, коего 80% еще не тронуто; если государь утратит эту опору, останутся штыки, но они из народа. По поводу конституции *мнения* вожаков: если бы завтра государь дал конституцию, явится белый террор, со стороны рабочих [2]) появится грабеж, разбой и прочий красный террор. Надо, чтобы народ думал, что государь не есть враг народа, а пусть он обратится к народу. Что государю будут представлены рабочие — это ничего не значит. Если бы комитет министров дал текст речи, не чтобы его учить, а чтобы его слова были известны всему миру. Надо, чтобы государь сказал свое слово народу, ибо революционеры нарочно повели народ, чтобы ореол государя был нарушен.

Дурново. Чтобы сведения комиссии были опубликованы. Манифест нужно.

Витте. Манифест — рескрипт не на имя [вообще] министра, а только министра двора. Но должна быть идея, например, чтобы министр двора озаботился нуждами народа. Но надо.

Чихачев. Против манифеста возражает.

Дурново. Надо, чтобы было сказано о комиссии.

Чихачев. Это возбудит народ против войск.

Дурново. Не надо благодарить войска.

Витте. Читает манифест, что благодарности войскам нет, а говорится о грехе.

Сольский. Против редакции, и она не вполне хороша, тут пышны фразы и мало дела.

---

[1]) Смысл не ясен: одно «не» лишнее.

[2]) В тексте после слова рабочих стоит запятая.

Витте. Важно, чтобы в редакции было высказано 2 вещи: что государь существует и 2) скорбит; что это произошло не по его велению.

Сольский. Да.

Витте. Надо царское слово, чтобы из него было видно, что он существует, а народ говорит, что только министры.

Сольский. Надо сказать: государь озабочен тем, что было.

Витте. Пусть народ знает, что совершившееся не по его велению.

Сольский. Нельзя допустить, что его в[ойска] действуют не по его велению.

Витте. Вчера Гриппенберг потерял 10.580 человек, ведь он действовал не по его велению. Надо знать, нужен ли манифест?

Сольский. Повидимому, манифест не надо.

Лобко. Манифест необходим по поводу тяжелого положения в России, а не по поводу совершившихся событий.

Витте. Государь не находит нужным по поводу меры (sic) не издавать манифест.

Ермолов. Отголоски события 9 января, события величайшей важности, по поводу коего должен быть непременно манифест.

Бар. Будберг. События 9 января здесь, но были и в других местах. Лучше не манифест, а рескрипт.

Коковцов. Надо единение. Эдуард Владимирович [1]) говорит против высшей комиссии, а барон Будберг желает комиссию об исследовании жалоб рабочих. Это новое. Надо вернуться к первому вопросу.

Витте. Не надо ли указ?

Коковцов. Все равно, если высочайшей воли изъяснение, то надо манифест, а в другом случае мы сходим с пути.

Витте. [Если] манифест будет читаться во всей России, то не надо.

Коковцов. Все зависит, как говорить и что. Можно высказать и в манифесте многое. Я согласен с Лобко, что надо взять всю атмосферу, в коей мы живем. Ведь при обсуждении указа 12 декабря говорили об устроении, а теперь идет речь об атмосфере; можно найти подходящую форму. Манифест более уместен.

Ермолов. Вопрос сводится к редакции.

Хилков. Нельзя говорить о редакции в виду завтрашнего приема государем.

Бар. Фредерикс. У государя есть текст речи, ему неизвестный, поэтому трудно решить о манифесте.

Фриш. Ведь государь часто говорит без программ, по поводу объявления войны.

Витте. В виду заявления бар. Фредерикса я прошу уполномочить меня говорить с государем. Мы рассуждаем о форме, но министр

[1]) Фриш.

двора сообщил о приеме государем и его речи, поэтому суждение наше будет преждевременно.

К о к о в ц о в. При докладе Витте, может быть, государю будут известны наши суждения и что предложенный манифест может быть расширен. Вы сказали, что обращение синода неудачно, я согласен, но там есть и хорошие мысли, например, что смута у нас во время войны.

В и т т е. Если этот манифест не утвердим, то никогда не составим. Напр[отив], смута не есть последствие, а причина войны. Теперь правительства никто не боится.

М у р а в ь е в. Прием рабочих не может помешать манифесту. Ведь узнали случайно о приеме, речь государя будет известна рабочим, но нам необходимо составить манифест. Одно другому не мешает. Я говорю: обращение царя к народу нужно, ибо пролилась кровь; нужно, чтобы народ знал. Надо указ [или] рескрипт об царской милости к семьям. Эта форма достигает вполне. Народу будет ясно, что государь, уделяя часть своих средств, не связывает себя с пролитием крови.

Д у р н о в о. Комиссию надо ли?

С о л ь с к и й. Комиссию для разработки милостей.

Ч и х а ч е в. Разве виновным надо милость?

М у р а в ь е в и С о л ь с к и й. Семьям.

М у р а в ь е в. Теперь ходят собирать деньги по домам, и мы даем? [1]). Надо рескрипт.

В и т т е. Угодно: рескрипт на имя того лица, коему государь поручит дать помощь. На имя известного лица.

К о к о в ц о в. Эта мысль не достигнет цели, данной в начале. Надо такое обращение, которое отделило бы государя от правительства. Ведь народ не будет знать.

Г о л о с о в а н и е — 14 за манифест, 9 *против*.

Е р м о л о в. Может быть, об учреждении комиссии не говорить.

В и т т е. Читает манифест — делаются поправки.

К о к о в ц о в. Против указа. Расследование не нужно, особенно вневедомственное, а должно дать разъяснение от всех ведомств, но работать в ведомствах: нужды рабочих 1) удовлетворить сейчас ведомств[ом] м[инистерства] финансов, меры приняты; другая часть 2) в разработке законодательства, работа в м[инистерстве] финансов ведется. Государю послан доклад с обзором прошлого и о будущем. Испрошено высочайшее разрешение о внесении докладов в комитет министров, в целях объединения. Если все согласны, то не надо особого совещания. Из числа 18 заявленных рабочими пунктов 13 могут быть удовлетворены теперь. Поэтому указ сенату не нужен, а сказать в манифесте, что повелено об исследовании нужд...

В и т т е. С заключением согласен. Доканчивает чтение манифеста.

---

[1]) Вопросительный знак в тексте.

Л о б к о. Согласен на манифест, но более широкий.
Г е р а р д. Если есть *разногласие*, то надо рескрипт.
Собраться в четверг в 1 час дня для чтения манифеста.

Проект манифеста, обсуждавшийся на заседании 18 января, был внесен в совещание в нижеследующей редакции [1]).

Божиею милостию,

мы, Николай вторый, император и самодержец всероссийский, царь польский, великий князь финляндский, и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляем всем верным нашим подданным:

Земля русская, под сенью царской власти и в неразрывном с нею единении, переживала не раз тяжелые годины, но всегда несокрушимою доблестью народа и его преданностью престолу и отечеству приводима была снова к мощи и славе. В ниспосланном нам волею провидения испытании трудной войны на далекой окраине, нас утешали проявления горячей любви к родине и единодушное стремление всех жертвовать жизнью и достатком на защиту чести и достоинства России.

Нашлись однако люди, решившиеся, не боясь тяжкого греха перед отечеством и не гнушаясь обманом, возжечь смуту в среде искони верного нам рабочего населения в эти дни великого напряжения сил для борьбы против опасного внешнего врага.

С душевной болью узнали мы о подробностях, вызванных этой смутой недавних событий в Петербурге, по быстроте и неожиданности своего развития не сделавшихся нам своевременно известными.

Скорбию и ужасом отозвалась в нас весть о бывшем на улицах столицы пролитии драгоценной русской крови, повторявшемся затем по силе роковых обстоятельств и в некоторых других городах империи.

Сокрушаясь о происшедшем, почитаем мы священною нашею обязанностью всемерно озаботиться об отвращении впредь повторения подобного несчастия.

Поручив, посему, представить нам точный доклад о причинах, вызвавших печальные события, омрачившие жизнь столицы, мы с тем вместе, в душевном и непрестанном желании облегчить истинные нужды рабочих, повелели обсудить меры к неотложному, в чем возможно, улучшению их быта.

В сердечном же соболезновании о судьбе пострадавших при беспорядках, их жен и детей, нами повелено оказать им соответственное вспомоществование.

Верим, что рабочие и другие люди, допустившие смущению овладеть сердцами их, помыслив о братиях своих, отдавших на Дальнем

[1]) Документ, написанный на машине, имеет формат листа; в верхней части имеется надпись: проект.

Востоке жизнь за веру, царя и отечество, познают долг свой и спокойным обычным трудом помогут поддержанию столь нужного теперь стране нашей общего порядка.

Молим всевышнего даровать благоденствие державе нашей и подать нам силы неуклонно продолжать царственные начинания наши, направленные к укреплению в России истинных начал справедливости и добра.

Дан в Царском Селе, в день... января, в лето от рождества христова тысяча девятьсот пятое, царствования же нашего в одиннадцатое.

В заседании в тексте манифеста были введены следующие изменения:

1. Из фразы «с душевною болью узнали мы о подробностях, вызванных этой смутой недавних событий в Петербурге, по быстроте и неожиданности своего развития не сделавшихся нам своевременно известными» выброшены слова «по быстроте и неожиданности своего развития не сделавшихся нам своевременно известными»;

2. Фраза «скорбию и ужасом отозвалась в нас весть о бывшем на улицах столицы пролитии драгоценной русской крови, повторявшемся затем по силе роковых обстоятельств и в некоторых других городах империи» резко изменена в своем смысле — выражение «по силе роковых обстоятельств» заменено словами «злым умыслом»;

3. Фраза «поручив, посему, представить нам точный доклад о причинах, вызвавших печальные события, омрачившие жизнь столицы, мы с тем вместе, в душевном и непрестанном желании облегчить истинные нужды рабочих, повелели обсудить меры к неотложному, в чем возможно, улучшению их быта» подверглась дополнению: после слов «омрачившие жизнь столицы» прибавлено «и других городов» и после слова «повелели» вставлено «уже именным указом правительствующему сенату, в 12 день декабря минувшего года данным»;

4. Значительное редакционное разногласие вызвало начало периода «верим, что рабочие и другие люди, допустившие смущению овладеть сердцами их» — одни предлагали вместо слов «допустившие смущению овладеть сердцами их» внести в текст «допустившие смуте овладеть сердцами их», другие — «смутившиеся в сердце своем» (последняя редакция была принята); наконец, в том же периоде «верим, что рабочие и другие люди... познают долг свой» введено изменение — слова «познают долг свой» заменены «обратятся к долгу своему».

Манифест 17 октября.

Вильгельм II в письме к Марии Федоровне дает совет Николаю, как сломить революцию. Он пишет: «его (Николая. *И. Т.*) страна, весь мир видели бы спасение в том, чтобы его величество выявил свою личную волю ко всеобщему сведению каким-нибудь решительным, энергичным актом. Если бы, кроме того, представилось возможным пообещать народу проведение каких-либо надлежащих реформ, — в том именно духе, в каком они предполагались самим государем, чему, к несчастью, воспротивился Витте, — это произвело бы решительное и умиротворяющее действие» [1]).

Трудно сказать, насколько повлиял этот совет на решение Николая подписать манифест 17 октября. Во всяком случае, такая мысль не нова для практики самодержавия и особенно для событий 1903—1905 г.г. А. С. Ермолов в своей записке от 31 января 1905 г. предлагает царю обратиться с манифестом к населению о своем «непреложном решении выслушать голос русского народа и... созвать... свободно избранных представителей от всех сословий русской земли, в виде всенародной земской думы» [2]).

Манифест должен исходить от государя,— эту мысль твердят все его окружающие. Об этом пишет Орлов в письме к Трепову 15-го числа, это подтверждает неоднократно и Витте, противившийся изданию манифеста от имени царя и настаивавший на утверждении его доклада.

Сам Витте был очень обеспокоен после своей отставки слухами о том, что он «вырвал» манифест 17 октября. Желая реабилитироваться, он прибегает ко всякого рода документам, справкам, доказывающим его нежелание опубликовывать манифест, назревшую необходимость в даровании конституции, свободный выбор царя в дилемме: конституция или диктатура, ссылается, наконец, на роль Николая Николаевича в подготовке манифеста 17 октября. Все эти документы мы имеем теперь перед собой, и по ним можно судить, кто «вырвал» манифест у Николая.

Вечером того дня, когда началась всеобщая железнодорожная стачка (8 октября), Витте передает Вуичу свою записку для переписки. Записка эта по существу — либеральнейший трактат о свободе и правопорядке вообще и об отсутствии того и другого в России в частности. В своих предложениях Витте заходит для царского министра чрезвычайно далеко: гражданские свободы, народное представительство со всеобщим избирательным правом, разрешение рабочего вопроса («мероприятия, сглаживающие подавление труда капиталом»), кадетское решение аграрного вопроса.

---

[1]) См. «Красный Архив», т. 9-й, стр. 65.

[2]) См. «Красный Архив», т. 8-й, стр. 66.

Даже окраинный вопрос Витте предлагает решить почти «революционно»: автономия Польши, Грузии, с единством «в области внешних сношений, военной организации, денежной системы, таможен, налогов и сборов на общие потребности, уголовного законодательства, единого народного представительства».

В эти дни революция вступает в новую, невиданную еще фазу. Не что иное, как широчайшая забастовка пролетариата, достигающая таких размеров, когда ее последующим этапом должно стать вооруженное восстание, заставляет Витте бить в набат и обратиться к Николаю со «своим» рецептом спасения от революции.

Того же 8-го числа Витте, вызванный к царю, излагает ему свою точку зрения и ставит перед ним на выбор: или диктатура, или принятие положений, указанных в его записке. Нам придется еще к вопросу о диктатуре вернуться, но совершенно ясно, что Витте под диктатурой понимал современное положение вещей. 12-го числа Николай подчиняет Трепову все войска, находящиеся в Петербурге, и приказывает восстановить порядок и не допускать незаконных сборищ. Это — фактическое объявление Трепова диктатором. В тот же день Витте посылает царю доклад о железнодорожных стачках, где прямо заявляет, что стачка железных дорог есть часть революционного движения, а поэтому для ликвидации ее необходимы мероприятия, устраняющие «общее революционное движение». Аргументы о «грозной части революционного движения» возымели свое, пока еще слабое, действие. 13-го Витте получает предложение объединить действия министров для подавления беспорядков, и в этот же день Витте окончательно составляет свой знаменитый «всеподданнейший доклад». Записка его, составленная по его личной инициативе, оставляется, и на сцену выступает доклад, составленный по предложению царя [1]). Доклад гораздо сдержаннее записки и по форме и по существу, и, вообще, чем ближе Витте к власти, тем он все больше и больше отступает. Наоборот, кривая политических уступок Николая и его приближенных идет вверх.

Записка от 9 октября ставит вопрос прямо о том, что освободительное движение есть явление закономерное, стремление к свободе присуще всякому человеку и общественному организму; стремление к свободе имеет свои корни и «в Новгороде и Пскове, в Запорожском казачестве, в низовой вольнице Поволжья, церковном расколе, в протесте против реформ Петра с призывом к идеализированной самобытной старине, в бунте декабристов, в деле Петрашевского, в великом акте 19 февраля 1861 г...». Чтобы «освободительное движение» не привело к «анархии», к «бездне», государство должно «смело и открыто стать во главе» того движения.

Но Витте тотчас же испугался собственных мыслей и представил царю «доклад», где диапазон вольномыслия суживается до пределов «гражданских свобод» и «начал народного представительства».

В своем отступлении он не останавливается и не без борьбы принимает манифест 17 октября. Вообще говоря, отношение его к этому манифесту двойственное. Он называет его «самым умеренным, самым консервативным» актом (в возражениях А. И. Гучкову), сам указывает на разноголосицу между «докладом» и манифестом, а с другой стороны, «новую эру» в России начинает с манифеста. Такие колебания и

---

[1]) Вуич ошибается, когда говорит, что во вступительной части записки Витте вставил, что она составлена «по приказанию и указаниям его величества», — это относится к докладу.

балансирование для него, вообще говоря, типичны: мог же он критиковать Столыпина справа и в то же время обвинять его в полнейшем игнорировании манифеста 17 октября.

Если «записка» была для Николая совершенно неприемлема, — это сознавал, вероятно, и сам Витте, — то доклад заставил царя призадуматься. Он поручает Витте объединение деятельности министров. Это — первая уступка Николая.

14-го Витте вызывают на совещание к Николаю, при чем Орлов, передававший это приглашение, «по инпаргалке», предложил привезти манифест, так как все меры, намеченные в докладе Витте, должны исходить непосредственно от государя. Витте поручил составление манифеста А. Д. Оболенскому; поручение это правильно оценено А. В. Румановым («Русское Слово» от 17 октября 1915 г., № 238), как прикрытие для Витте на случай отступления.

15-го на пароходе идет разработка манифеста. Этот момент довольно подробно изложен в печатаемых ниже документах, №№ 5, 6, 7, и поэтому останавливаться на описании его не приходится. Следует, однако, отметить, во-первых, предложение Витте снять пункт о рабочих в первоначальном проекте А. Д. Оболенского. Последний выболтал то, что было неудобно сказать в таком акте, как манифест. Именно этот вопрос и следовало бы обойти молчанием в манифесте. Витте эту «неловкость» Оболенского исправляет. Во-вторых, очень характерной является попытка, зафиксированная в набросках, напечатанных под № 10, связать манифест с актом 12 декабря 1904 г. («О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка»). Это предложение имело целью доказать внутреннюю связь мероприятий царского правительства, совершенно игнорируя революцию и необходимость для самодержавия посягнуть, хотя бы в письменной форме, на самого себя. Но оговорки уже не могли ни к чему привести: им бы никто не поверил; прав был Орлов, написавший, что «всякие оговорки — злят». Уже закон 6 августа о Булыгинской Думе был приведен с оговоркой: «Сохраняя неприкосновенным основной закон российской империи о существе самодержавной власти, признали мы за благо учредить Государственную Думу и утвердили положение о выборах в Думу». До сих пор самодержавие было ограничено, как выражался М. М. Сперанский, «правдой». Теперь необходимо было найти форму, в которой можно было бы сочетать самодержавие и «начала народного представительства» [1]). Обещаниям не верили и сами министры. А. С. Ермолов в упомянутой выше записке указывает на полную неподвижность мероприятий, связанных с актом 12 декабря. В изданном канцелярией комитета министров томе «Журналов комитета м-ров по исполнению указа 12 декабря 1904 г.» мы находим протоколы 16 заседаний, из которых совершенно ясно, что Ермолов имел основание через $1^1/_2$ месяца констатировать полную безнадежность этого предприятия.

Наконец, третий момент бросается в глаза, когда мы сравним все проекты манифеста, составлявшиеся на пароходе и потом в запасной половине Петергофского дворца. Авторы их никак не могли найти логического перехода от вводной части к «дарственной». Если мы обратим внимание на архитектонику хотя бы окончательного текста, то увидим, что предложение государя правительству «выполнить

---

[1]) Это сочетание одинаково воспринималось как Милюковым («Госуд. акт 6 августа 1905 г. «Право», № 31), так и Готским альманахом (ср. любопытное замечание у Шульгина в «Днях»).

его волю» — даровать населению права и т. д. стирает внешнее впечатление того, кто же должен «дать свободы» — правительство или царь. Внешне акт не похож на законодательный материал второй половины XIX века: упоминание о том, что правительство должно выполнить его, государя, волю, поставлено на первое место.

На совещании у Николая Витте снова ставит дилемму: или «диктатура», или «конституция». Кандидат в диктаторы — Николай Николаевич — особенно волнуется, задает вопросы Витте и т. п. Совещание останавливается пока только на одном: необходимости издания манифеста от имени царя. Витте уезжает и узнает, что вслед за ним выехали в Петергоф Горемыкин и Будберг. О чем совещались последние с Николаем, — трудно сказать, но документы вскрывают следующую картину. Перед Николаем вовсе не стоял вопрос о выборе между диктатурой и конституцией. Диктатура должна была быть, и она должна была раздавить революцию, но при данных условиях возможности этой диктатуры были мизерны, революция зашла так далеко, что надо было отыграться на конституции и ею воспользоваться для упрочения «диктатуры», для умножения ее сил. Николаю надо было решить только одно: какую конституцию выбрать — Виттевскую или Горемыкинскую.

Ход событий целиком подтверждает эту мысль. Вечером 15-го посылается текст Виттевских доклада и манифеста к Трепову (№ 13). В письме Фредерикса мы находим фразу о том, сколько времени он, Трепов, может удержаться в Петербурге, и вопрос: «считаете ли вы возможным достичь водворения порядка без больших жертв». Посылая Виттевский манифест, Николай вовсе не ожидал получить ответ от Трепова, считает ли он возможным ввести представительный образ правления, или нет. Точка зрения Трепова была ему хорошо известна: дальше реформы государственного совета он не шел [1]). Орлов вряд ли мог написать, «что реформы дать надо», не зная настроения Николая. Стало быть, вопрос стоял так: насколько реальна возможность диктатуры в ближайшем будущем. Надо было прощупать обстановку, чтобы рассчитать меру и объем уступок. И Трепов, не боящийся ныне слова «конституция», совершенно прямо отвечает на вопрос: кровопролитие неизбежно, «крамола разрослась» [2]).

Предстояло теперь только сделать выбор между Витте и Горемыкиным. Когда 15-го вечером Горемыкин и Будберг были у Николая, им был предъявлен проект манифеста Витте. (В том пакете, в котором содержатся проекты Горемыкина — Будберга, хранится переписанная от руки карандашом копия Виттевского манифеста. Этим же почерком сделаны вставки в проект Витте (№ 12, прим. 8 (стр. 90) и 1 (стр. 91), составленный 15-го в запасной половине дворца). Ознакомившись с проектом Витте, Горемыкин и Будберг, а также Орлов пытались составить свой проект (см. № 15). В письмах Мосолова №) 14) упоминаются два проекта Горемыкина — Будберга. Из сличения четырех текстов явствует следующее: первоначальный вариант был построен на игнорирован и основных Виттевских мыслей. Второй же и третий варианты носят характер компромисса. Возможно, что Витте были показаны первый и, скажем, третий вариант, но скорее всего, что первоначально была сделана попытка

---

[1]) См. по этому поводу статью А. Хохлова «Д. Ф. Трепов в борьбе с общественностью», № 4 «Русского Прошлого».

[2]) См. «Былое», 1919 г., № 14, стр. 109—111.

редакционно изменить текст, предложенный Витте, а затем, отказавшись от этой мысли, попытались составить другой, отличный и по форме и по содержанию, манифест. Поправки на Виттевском тексте и один из Горемыкинских вариантов и были привезены Витте Фредериксом ночью 16 октября.

Отрицая, что тексты противной Витте партии являются только редакционными изменениями его проектов, мы можем указать на характер изменений и поправок в вариантах Витте. Что касается Горемыкинского текста, то наилучшую оценку его дал сам Витте:

«1) В проекте у гр. Витте определенно говорилось, что его величеству благоугодно повелеть своему правительству озаботиться проведением в жизнь его неуклонною волею предначертанных реформ; в проекте, привезенном бароном Фредериксом, те же пункты определены как даруемые.

2) О праве на законодательный почин со стороны Государственной Думы в этом последнем проекте не упоминалось вовсе».

Текст Горемыкина — Будберга, формально заимствованный из акта 19 февраля, характерный для Горемыкина своей религиозно-туманной фразеологией и Будберговским канцелярским оборотом речи и складом мышления, несомненно, производит впечатление полнейшей растерянности.

Думая не дать ничего, дали больше Витте, ограничивавшегося обещаниями; желая спихнуть Витте, связали Николая актом, облекающим в форме, наиболее любезной самодержавию, самоограничение в самых широких пределах.

Полагая, что старая формула «сперва кровопролитие, затем конституция» должна быть переставлена как раз наоборот, Николай все же пытался пойти по линии наименьшего сопротивления. Предложить конституцию, написанную и проводимую Горемыкиным (писал-то наверно Будберг, Горемыкин лишь «консультировал»), — это было явной нелепостью и в глазах лиц, окружавших Николая. Вот, что пишет А. Д. Оболенский:

«В воскресенье, 16 октября, по Петербургу распространился слух, обсуждавшийся в различных кругах, что проект государственных преобразований графа Витте не одобрен, а утвержден и принят другой проект члена государственного совета Горемыкина; слухи эти в общей их сложности произвели угнетающее впечатление».

Естественно возникает вопрос: почему «угнетающее впечатление»? Манифесту, к которому приложил руку Горемыкин, вряд ли поверил даже самый правый либерал или земец. Именно потому, что конституцией нужно было отрезать путь к общему революционному потоку тех, с кем можно было на почве манифеста 17 октября сговориться, следовало решиться на подписание Виттевского проекта.

В последнюю минуту шел спор уже из-за текста. Назначение Витте было необходимым для придания веры манифесту, написанному Горемыкиным. Когда Фредерикс с Мосоловым приехал 16-го ночью к Витте *после* Трепова (а Трепов был решающей инстанцией), то в его задачу входило склонить Витте подписаться под Горемыкинским манифестом. Горемыкинский манифест, Трепов в роли диктатора (в той же записке от 31 января Ермолов недвусмысленно намекает на эту роль Трепова, при его назначении петербургским генерал-губернатором) и Витте в качестве премьера — на такую комбинацию шел Николай. Когда же Витте наотрез отказался, то оставался выбор: или Горемыкинский манифест без Витте, или Витте

с его манифестом, более дипломатичным, чем противный, более спрятанным, обещающим, но не дающим, выдвигающим двух юридических лиц: государя и правительство. Последнее было самым неприемлемым для Николая, ибо это могло привести к сдаче фактической власти Витте.

— Единственным выходом для самодержавия в данном соотношении сил было пойти на компромисс с буржуазией, или хотя бы с частью ее, как замечает Ленин. Компромисс этот означал бы расширение базы диктатуры на почве уступок: Государственная Дума, обещание свобод и совместная борьба с «анархией». Государственная Дума должна была стать якорем спасения самодержавия, ибо только на основе народного представительства возможно было колебание мелкой буржуазии использовать в свою сторону. (Оба манифеста определенно говорят о расширении избирательных прав для крестьян). «Самодержавию необходимо помириться с буржуазией, и оно вынуждено стремиться к этому, при чем, разумеется, оно хочет надуть общественное мнение Европы и России. А Государственная Дума есть великолепное средство для этой цели» [1]).

Трепов правильно намечал необходимость «прусской» конституции. Бессознательно, но верно он учитывал опыт революций XIX века. «Немецкая буржуазия 1848 года без всякого зазрения совести предает крестьян, без которых она бессильна против дворянства» [2]). Создать русский Франкфуртский парламент, расколоть демократический блок русской революции — таков стратегический план (может, и бессознательный) самодержавия. Сделав крупную уступку либеральной буржуазии, самодержавие готовило вооруженный кулак, создавало материальные и моральные условия для диктатуры, чтобы пустить в ход Семеновский полк, экспедиции Мина, Римана, Меллер-Закомельского и столыпинский галстук. Ближайшие события подтвердили, что буржуазия в обстановке русской революции XX века и не могла быть революционной, «русская либеральная буржуазия в 1905—1907 г.г. систематически и неуклонно предавала крестьян, перекидывалась по сути дела на сторону помещиков и царизма, против борющихся крестьян »[3])...

Возможно, что чашку весов в пользу Витте окончательно склонил Николай Николаевич, а на последнего повлиял Ушаков. По этому поводу Витте пишет: «Дней 10 тому назад (писано 13 апреля 1907 г. — *И. Т.*) у меня был П. Н. Дурново, бывший министр внутренних дел, и, заговоривши о 17 октября, сказал, что ему тогда же было известно, что манифест в сущности сорвал рабочий Ушаков через великого князя Николая Николаевича; так как мне никогда Ушаков об этом не говорил, и вообще я с ним не вел никогда разговора о 17 октября — ограничивавшись [4]) всегда разговором, до рабочих его партии относящихся, то я его вызвал и просил его объяснить, в чем дело.

В результате он изложил обстоятельства дела в прилагаемой записке» [5]).

---

[1]) Ленин, «Первые итоги политической группировки», Собр. соч., т.

[2]) К. Маркс в «Новой Рейнской Газете» от 29 июля 1848 г.

[3]) Ленин. «Исторический смысл внутренней борьбы».

[4]) Так в оригинале.

[5]) Записка напечатана в «Кр. Архиве», т. IV, стр. 411—417. Тов. Невский, опубликовавший эту записку, не приводит напечатанной нами заметки Витте, сделанной на обороте последней страницы записки Ушакова. Хранится она в арх. Витте. Папка № 14, арх. № 93.

Во всяком случае, это обстоятельство существенной роли не играет, ибо был «дан Витте, но оставлен Трепов». А эта комбинация застраховывала Николая от каких бы то ни было стремлений «графа Портсмутского». Сам Витте в «Воспоминаниях» сплошь и рядом жалуется, что фактическим правителем был не он, а Трепов.

Материалы, связанные с опубликованием манифеста 17 октября, представляют большой интерес, и каждая подробность, помарка, исправление представляют большую ценность, освещая этот важный в революции 1905 года момент.

Печатаемые ниже документы можно разделить на 5 групп, объединенных внутренним единством формы и содержания.

В первой группе мы имеем материалы, составленные Витте в подготовке к 17 октября, при чем № 1 — представляет собою, повидимому, первую главу отчета о его пребывании на посту премьера и составлен, вероятно, в конце 1906 или в начале 1907 года.

Во вторую группу (№№ 5, 6, 7, 8, а, б, в, г, д,) входят материалы, собранные Витте и рисующие обстановку и обстоятельства, при которых принимался манифест 17 октября. Записка Витте, дневник Оболенского и справка о манифесте 17 октября были напечатаны в «Воспоминаниях» Витте. Мы их печатаем потому, что они воспроизведены неточно, особенно дневник А. Д. Оболенского. Так, напр., в записке Витте в «Воспоминаниях» напечатано, что Витте не желал «вырвать согласия», в подлиннике «вырывать согласия», в «Воспоминаниях» напечатано, что «ему предложили еще раз вернуться во дворец». В подлиннике: «потому предложил еще раз вернуться во дворец». В «Дневнике» Оболенского мы находим, что вторым пунктом его требований была выставлена свобода евреев. Витте исправил на неприкосновенность личности, свобода совести, союзов, собраний.

Третья группа материалов — №№ 9, 10, 11, 12, 13. тексты проекта А. Д. Оболенского, составленного им вечером 14-го по просьбе Витте (сам он отговаривался своей «болезнью»), замечания Вунча и пункты, писанные им под диктовку Витте, — этот материал и лег в основу окончательного текста при составлении нового проекта (Витте, «Воспоминания», стр. 15—16).

В четвертую группу входят, во-первых, письма Мосолова к Витте о том, что ему якобы неизвестна судьба проектов (видимо, ему этих проектов не желали отдавать), и, во-вторых, варианты Горемыкинского—Будберговского проекта (№ 14). Составители были настолько уверены в успехе своего дела, что заготовили текст для окончательной подписи на напечатанном литографическим способом бланке.

В пятую группу входят документы, относящиеся к деятельности Витте сейчас же после подписания манифеста. Сообщения его министрам и интервью чрезвычайно показательны для всей его фигуры и характера задач, поставленных им перед собой.

П. Татаров.

I

Манифест 17 октября 1905 г. [1]).

В том положении, в каком в октябре месяце 1905 года очутилась Россия, из него представлялось два выхода. Первый выход заключался в том, чтобы правительство приостановило [2]) приведение в действие проекта о Государственной Думе [3]), подавило беспорядки и проявления смуты репрессивными мерами и таким способом попыталось восстановить порядок в стране. Другой путь заключался в том, чтобы разобраться в заявляемых противоречивых требованиях и отнестись с должным вниманием к мнению умеренных общественных элементов, выполнить их пожелания, исходя из той мысли, что в этих пожеланиях действительно [4]) заключается нечто, заслуживающее проведения в жизнь и способное направить к умиротворению государства. Водворение [5]) новых начал в государственную жизнь могло быть осуществлено только решительным шагом со стороны государя императора, и он без колебаний, по собственному милостивому почину, сделал этот шаг [6]).

17 октября воспоследовал высочайший манифест «об усовершенствовании государственного порядка».

В этом манифесте, составляющем эру в будущей истории нашего отечества [7]), говорилось:

«Смуты и волнения в столицах и во многих местностях империи нашей великою и тяжкою скорбью преисполняют сердце наше. Благо российского государя неразрывно с благом народным, и печаль народная — его печаль. От волнений, ныне возникших, может явиться глубокое нестроение народное и угроза целости и единству державы всероссийской.

Великий обет царского служения повелевает нам всеми силами разума и власти нашей стремиться к скорейшему прекращению столь опасной для государства смуты. Повелев подлежащим властям принять меры к устранению прямых проявлений беспорядка, бесчинств и насилий, в охрану людей мирных, стремящихся к спокойному выполнению лежащего на каждом долга, мы, для успешнейшего выполнения общих

---

[1]) Заголовок написан чернилами рукою секретаря Витте.

[2]) Слово: «приостановило» вписано рукою Витте взамен неразборчиво написанного слова.

[3]) Слова: «проекта о» зачеркнуты и рукой Витте вставлено: «закона 6 августа о созыве» и соответственно этому «Думе» исправлено на «Думы».

[4]) Слово: «действительно» в тексте зачеркнуто.

[5]) Далее чернилами рукою секретаря вписано: «таких».

[6]) Фраза: «и он без колебаний» и т. д. вычеркнута Витте и на полях им приписано: «он выбрал по собственному почину второй путь».

[7]) Слова: «составляющем эру в будущей истории нашего отечества» в подлиннике зачеркнуты.

преднамеченных нами к умиротворению государственной жизни мер, признали необходимым объединить деятельность высшего правительства.

На обязанность правительства возлагаем мы выполнение непреклонной нашей воли:

1. Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы [1]) на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов.

2. Не останавливая предназначенных выборов в Государственную Думу, привлечь теперь же к участию в Думе, в мере возможности, соответствующей краткости остающегося до созыва Думы срока, те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав, предоставив, засим, дальнейшее развитие начала общего избирательного права вновь установленному законодательному порядку.

и 3. Установить, как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог восприять силу без одобрения Государственной Думы и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономе ностью действий поставленных от нас властей.

Призываем всех верных сынов России вспомнить долг свой перед родиной, помочь прекращению неслыханной смуты и вместе с нами напрячь все силы к восстановлению тишины и мира на родной земле».

Существенным дополнением и разъяснением к манифесту 17 октября является составленный по высочайшему повелению председателем комитета министров [2]) статс-секретарем графом Витте доклад «по вопросу об объединении деятельности министров впредь до утверждения законопроекта о совете министров».

Доклад этот его императорскому величеству в 17 день октября 1905 года благоугодно было повелеть принять к руководству [3]).

В докладе этом было сказано:

«Волнение, охватившее разнообразные слои русского общества, не может быть рассматриваемо, как следствие частичных несовершенств государственного и социального устроения или только как результат организованных действий крайних партий.

Корни этого волнения залегают глубже в нарушенном равновесии между идейными стремлениями русского мыслящего общества и внешними формами его жизни. Россия переросла форму существующего строя и стремится к строю правовому на основе гражданской свободы.

---

[1]) Подчеркнуто в оригинале.

[2]) Вся фраза зачеркнута Витте и вписана на полях следующая ее редакция: «Ранее составления сего манифеста по высочайшему повелению был представлен его величеству председателем комитета министров».

[3]) Доклад этот с резолюцией синим карандашом Николая: «Принять к руководству» с припиской Витте: «Петергоф, 17 октября 1915 г. Витте» находится в деле № 22 канц. совета министров по экспедиции.

В уровень с одушевляющею благоразумное большинство общества идеею и следует поставить внешние формы русской жизни.

Первою задачею для правительства должно составлять стремление к осуществлению теперь же, впредь до законодательной санкции через Государственную Думу, основных элементов правового строя: свободы печати, совести, собраний, союзов и личной неприкосновенности.

Укрепление этих важнейших основ политической жизни общества должно последовать путем нормальной законодательной разработки [1]), наравне с вопросами, касающимися уравнения перед законом всех русских подданных, независимо от вероисповедания и национальности.

Само собою разумеется, предоставление населению прав гражданской свободы должно сопровождаться законным ее ограничением для твердого ограждения прав третьих лиц, спокойствия и безопасности государства.

Следующею задачею для правительства является установление таких учреждений и законодательных норм, которые соответствовали бы выяснившейся политической идее большинства русского общества и давали бы положительную гарантию в неотъемлемости дарованных благ гражданской свободы.

Задача эта сводится к устроению правового порядка.

Соответственно целям водворения в государстве спокойствия и безопасности, экономическая политика правительства должна быть направлена ко благу широких народных масс, разумеется, с ограждением имущественных и гражданских прав, признаваемых во всех культурных странах.

Намечаемые здесь основания правительственной деятельности для полного осуществления своего потребуют значительной законодательной работы и последовательного административного устроительства [2]).

Между постановкою принципа и претворением его в законодательные нормы, а в особенности проведением этих норм в нравы общества и приемы правительственных агентов, не может не пройти некоторое время.

Начала правового порядка воплощаются, лишь поскольку население получает к ним привычку — гражданский навык. Сразу приготовить страну со 135-миллионным разнородным населением и обширнейшею администрациею, воспитанными на иных началах, к восприятию и усвоению норм правового порядка не под силу никакому правительству.

Вот почему правительству далеко недостаточно выступить с одним только лозунгом гражданской свободы. Чтобы водворить в стране

---

[1]) Слова: «последовать путем нормальной законодательной разработки» подчеркнуты карандашом.

[2]) Вся эта фраза подчеркнута карандашом.

порядок, нужны труд, неослабевающая твердость и последовательность.

Для осуществления этого необходимыми условиями являются однородность состава правительства и единство преследуемых им целей. Но и министерство, составленное, по возможности, из лиц одинаковых политических убеждений, должно будет приложить неимоверные старания, дабы одушевляющая его работу идея сделалась идеею всех агентов власти, от высших до низших.

Заботою правительства должно явиться практическое водворение в жизнь главных стимулов гражданской свободы. Положение дела требует от власти приемов, свидетельствующих об искренности и прямоте ее намерения. С этою целью правительство должно поставить себе непоколебимым принципом полное невмешательство в выборы в Государственную Думу и искреннее стремление к осуществлению мер, предрешенных указом 12 декабря.

В отношении к будущей Государственной Думе заботою правительства должно быть поддержание ее престижа, доверия к ее работам и обеспечение подобающего сему учреждению значения.

Правительство не должно являться элементом противодействия решениям Думы, поскольку решения эти не будут коренным образом расходиться с величием России, достигнутым тысячелетнею ее историею. Правительство должно следовать мысли, высказанной в высочайшем манифесте об образовании Государственной Думы, что положение о Думе подлежит дальнейшему развитию в зависимости от выяснившихся несовершенств и запросов времени.

Правительству надлежит выяснить и установить эти запросы, формулировать гарантии гражданского правопорядка, руководствуясь, конечно, господствующею в большинстве общества идеею, а не отголосками хотя бы и резко выраженных требований отдельных кружков, удовлетворение коих невозможно потому уже, что они постоянно меняются.

Равным образом весьма важно преобразовать государственный совет на началах видного участия в нем выборного элемента, ибо только при этом условии возможно установить нормальные отношения между этим учреждением и Государственной Думой.

Оставляя в стороне дальнейшие мероприятия, которые должны находиться в зависимости от обстоятельств, деятельность власти на всех ступенях должна быть охвачена следующими руководящими принципами:

1) Прямота и искренность в утверждении на всех поприщах благ гражданской свободы, даруемых населению, и установлении гарантий свободы.

2) Стремление к устранению исключительных законоположений.

3) Согласование действий всех органов правительства.

4) Устранение репрессивных мер против действий, явно не угрожающих обществу и государству, и

5) Противодействие действиям, явно угрожающим обществу и государству, опираясь на закон и в духовном единении с благоразумным большинством общества.

Само собою разумеется, осуществление поставленных выше задач возможно лишь при широком и деятельном содействии общества и при соответствующем спокойствии, которое позволило бы направить силы к плодотворной работе.

Следует верить в политический такт русского общества, так как немыслимо, чтобы русское общество желало анархии, угрожающей, помимо всех ужасов борьбы, расчленением государства».

Вслед затем, в дополнение приведенных актов, в правительственном сообщении от 20 октября объявлялось, между прочим:

Его императорское величество манифестом 17 октября предрешил те меры, осуществление коих по непреклонной воле государя императора должно предоставить подданным его средства к живой и свободной деятельности на пользу государственную и общественную. Для водворения в стране нового порядка должны [1]) труд, неослабевающая твердость и последовательность. Общество должно проникнуться сознанием, что сразу изменить все порядки государственной жизни России немыслимо ни для кого, замена существующего строя новым требует законодательных определений и ряда административных мер. До того прежние законы должны действовать [2]), со стороны же правительства приняты будут все возможные меры к применению их властями в духе манифеста 17 октября. Правительству должно быть дано время проявить свою деятельность, при чем необходимым условием успешности ее является прежде всего восстановление порядка [3]). Между тем некоторые элементы общества стараются поколебать доверие к правительству со стороны населения и усилить в нем волнение. Если большинство общества сочтет своею обязанностью притти на помощь правительству, то в положении вещей немедленно произойдет улучшение, в противном случае на правительство не должна упадать ответственность за могущие произойти тягостные последствия и за выполнение предстоящих ему трудов не столь скоро, как требуют обстоятельства и как оно того искренно желает.

По вопросу же собственно [4]) *о свободе* слова 19 октября последовало циркулярное распоряжение главного управления по делам печати, сообщенное губернаторам, цензурным комитетам и отдельным цензорам нижеследующего содержания [5]):

---

[1]) Слово: «должны» зачеркнуто и рукою секретаря написано: «необходимы».

[2]) Подчеркнуто в оригинале.

[3]) Слова: «прежде всего... восстановления порядка» подчеркнуты карандашом.

[4]) Слова: «же собственно» вставлено чернилами рукою секретаря.

[5]) Слова: «нижеследующего содержания» зачеркнуты и рукой секретаря вставлено: «в котором, между прочим, объяснялось».

Высочайшим манифестом 17 октября на обязанность правительства возложено выполнение непреклонной воли государя даровать населению незыблемые основы гражданской свободы.

В виду обращенных в главное управление по делам печати запросов о том, *в каких пределах может быть ныне же осуществляема свобода печатного слова* [1]), главное управление по делам печати считает необходимым преподать нижеследующие указания:

Высочайший манифест вызовет в ближайшем будущем издание нового закона в изменение действующего цензурного устава. Впредь до издания этого закона все законоположения, определяющие деятельность учреждений и лиц цензурного ведомства, оставляются в полной силе; самое же отношение цензуры к произведениям печати должно коренным образом измениться в соображении с волею государя, ясно и определенно выраженною в манифесте.

Так как ни в одном государстве не существует свободы печатного слова, которая бы не ограничивалась определенными карательными законами, то и у нас законы будут всегда ограничивать свободу печати, а следовательно, цензурному ведомству надлежит принять к руководству уголовное законодательство, предусматривающее ряд преступлений, совершаемых посредством печати, а вместе с тем и согласованные с уголовными законами статьи цензурного устава [2]).

2.

Записка Витте от 9 октября.

Основной лозунг современного общественного движения в России—свобода.

Государственная организация имеет не одно только внешнее или историческое оправдание, т.-е. государство не может жить и развиваться только потому, что оно существует. Оно оправдывается и внутренне заложенной в его существо идеей, т.-е. для жизни государства должна быть цель, государство живет во имя чего-нибудь.

Эта идея или цель государства коренится в обеспечении благ жизни, моральных и реальных. Благо моральное состоит в поступательном развитии свободного по природе человеческого духа. Блага реальные слагаются из совокупности экономических условий существования.

И те, и другие требуют установления так называемой свободы гражданской, т.-е. обращения естественной свободы лица в свободу, регулируемую и ограничиваемую объективными нормами права. Ибо раз за каждым человеком признается свобода, а она не может не

---

[1]) Курсив печатного оригинала, как и выше.

[2]) Начиная со слов: «По вопросу о свободе слова» и до конца текст представляет собою вырезку из печатного издания. Дальше идет зачеркнутый чернилами текст вставки, и следует II глава данной записки.

быть признанною в области духовной и материальной, то свобода эта в безграничном объеме не может принадлежат никому. Фактически ограничит свободу сила — или физическая, или экономическая. Сильный неизбежно подавить слабого.

Сила, как фактор человеческих отношений, должна быть отнята от отдельных людей и должна быть поставлена вне их. Она должна быть сосредоточена в руках власти, достаточно удаленной от личных, индивидуальных интересов, дабы тем вернее обеспечивать интерес общий, но в то же время сохраняющей неразрывную постоянную связь с гражданами, дабы ее действия не оказались в противоречии с начальным общим интересом всякого государства: гражданской свободой.

Так, во имя свободы создается право, определяющее пределы этой свободы. Во имя права — государство с его основными элементами: властью, населением и территорией.

Вместе с тем исторически вырабатываются формы правления и общественного строя, каковы: монархии неограниченные и ограниченные, республики и демократии, строй капиталистический, натурального хозяйства и пр.

Но такова уже судьба всех учреждений человеческих: форма отрывается от содержания, и, по мере того как формы отливаются и крепнут, они обращаются в самостоятельное и самодовлеющее явление жизни. Получается требование прямого служения: самодержавию, конституции, республике и пр.; содержание, обусловившее образование форм, уходит куда-то назад. Во всей мощи выступают одни формы, и содержание, т.-е. цель гражданской свободы, начинает оцениваться, как явление служебное, как их результат.

В государстве исключительно быстро наступает торжество формы над идеей. Право, действующее в стране, получает оценку постольку, поскольку оно охраняет данный строй и данный способ управления. Свобода — поскольку она совместима с таким искусственно построенным правом.

Идея, однако, никогда не умирает. Если форма, ставшая внешним фактом, своей реальной силой не дает ей гореть во всем блеске, она теплится, как раскаленный уголь в груде золы. Повеет ветром, — уголь вспыхнет ярким пламенем. Пойдет дождь, — он снова будет мерцать едва заметно до новой вспышки.

Не год назад, конечно, зародилось нынешнее освободительное движение. Его корни в глубине веков — в Новгороде и Пскове, в Запорожском казачестве, в низовой вольнице Поволжья, церковном расколе, в протесте против реформ Петра с призывом к идеализированной самобытной старине, в бунте декабристов, в деле Петрашевского, в великом акте 19 февраля 1861 года и, говоря вообще, в природе всякого человека.

Человек всегда стремится к свободе. Человек культурный — к свободе и праву: к свободе, регулируемой правом и правом обеспечиваемой.

До настоящего момента движение, охватившее общество, еще течет в русле осуществимых и разумных требований. Но зловещие признаки ужасного бурного взрыва с каждым днем все сильнее дают себя чувствовать. Положение государства критическое.

Столкновения с полицией и войсками, бомбы, стачки, события на Кавказе, волнения в учебных заведениях, аграрные вспышки и т. п. не столько важны сами по себе, сколько по их отражению на зрелых и уравновешенных слоях общества, в которых нет против них серьезного противодействия; крайние политические воззрения существуют всегда и везде. Резкие эксцессы могут причинять государству огромный вред. Но не от них зависит бытие и целость государства. Пока власть имеет опору в широких общественных слоях, мирное разрешение кризиса еще возможно.

Эта необходимая опора из-под ног правительства уходит. Законодательные акты 6 августа изменили общественное настроение весьма слабо. Они запоздали, и они не сопровождаются таким изменением в управлении, которое прямо вытекает из возвещенного преобразования. За время с 18 февраля события, с одной стороны, и вихрь революционной мысли, с другой, унесли общественные идеалы гораздо дальше. Закрывать глаза на это нельзя.

Вместо чувства удовлетворения учреждение Государственной Думы и положение о выборах выдвинули нелепую мысль о бойкоте. Она отвергнута единодушно большей частью печати и общественных собраний, в частности сентябрьским совещанием земских и городских деятелей. Но самый факт постановки и серьезного обсуждения вопроса: итти в Думу или нет — чрезвычайно знаменателен. Знаменателен и тот факт, что, отказавшись от нелепости бойкота, упомянутые деятели хотят итти в Думу прежде всего для коренного ее изменения.

Если революция реальная еще рисуется у нас, как нечто возможное в будущем, то идейная революция, несомненно, существует в настоящем. Общественная мысль поднялась над землей и безудержно рвется в облака. Еще и года не прошло, когда требование всеобщего избирательного права принадлежало одним наиболее крайним элементам общества. Теперь нет союза или газеты, которые бы его не выставляли; с противниками системы, покоющейся на чисто абстрактной логической конструкции, уже не спорят даже. То же готово повториться в отношении вопросов, которые выдвинулись попутно, хотя сами по себе неизмеримо более сложны, нежели способ, формы и условия образования, представительства — о политической равноправности женщин, о национализации земли, социалистическом переустройстве государства и т. д. Самостоятельность Финляндии и автономия Польши, даже Армении и Грузии, уже не составляют конечного идеала федералистов. Поднялись голоса в пользу провинциальной автономии вообще, т.-е. преобразования России в союз свободных самоопределяющихся федераций.

Мы переживаем время господства одних крайних идей. Осуществима ли данная идея, — на этом не останавливаются. Безудержной мысли кажется все достижимым и осуществимым легко и просто.

Такое настроение общества составляет самый опасный признак готовящегося взрыва. Ряды горячих сторонников обновления всей русской жизни, но не иначе, как путем мирной эволюции, с каждым днем редеют. Им с каждым днем становится труднее сдерживать движение.

Их положение особенно трудно потому, что им приходится бороться на два фронта: с теми, кто сознательно идет к насильственному перевороту, и с правительством, которое не отличает их от анархистов и одинаково преследует, с правительством, которое в своих приемах и способах действия осталось, как было, как будто закон 6 августа не обусловливает самой коренной и радикальной перемены в способах правительственного воздействия.

Глубоко ошибочно думать, что в восьмидесятых годах движение было остановлено полицейскими мерами, применяя которые правительство нашло опору в крестьянских массах.

Пассивные крестьянские массы всегда инертны и потому надежной опорою активных мероприятий не служат и служить не могут. Полицейская же репрессия остановить идейное движение бессильна. Большее, что она может сделать, — это придавить и заглушить проявления движения во-вне, то-есть загнать болезнь во-внутрь. Преданность идее царя в народных массах, несомненно, существует. Но в народе уже произнесено слово «измена». Не зная и не понимая, где и в чем измена, народ может неудержимым потоком и во имя царя снести все, чем держится не только монархия, но и самое государство.

В 1881 и 1882 г.г. произошел поворот в самом мыслящем обществе, и правительственная реакция имела успех только потому, что ответила запросу общественного настроения.

Почему произошел поворот, — останавливаться на этом теперь не место. Нельзя лишь забывать, что в тот момент научная мысль всего мира была на нисходящей половине волны. Конституционализм подвергался суровой критике. Социалистические тенденции громко протестовали против индивидуальной свободы. Экономические проблемы заглушали правовые. Абсолютизм не встречал теоретического отрицания. Ныне, спустя двадцать лет, условия совершенно иные. Ожидать поворота в общественном сознании нельзя. Напротив, все говорит за то, что такой поворот наступить не может.

Непоследовательные и неумелые действия и неразборчивые средства, к которым прибегала администрация и которые продолжаются доныне, дали роковой результат. В обществе не недовольство только. В обществе воспиталась и растет с каждым днем злоба против правительства. Его не уважают, ему не верят. Самые благие начинания вызывают протест. Вместе с тем в обществе выросла уверенность в свое значение и в свои силы — в свою способность лишить прави-

тельство опоры и заставить капитулировать. Факты действительности ежедневно подтверждают в глазах общества бессилие, неосведомленность и растерянность власти. Запрещавшееся, без всякого очевидного основания, вчера — сегодня, также без понятного основания, разрешается. Меры суровости перемешиваются на каждом шагу с отсутствием воздействия. А на Кавказе армяне с татарами заключают мирный договор, как будто вовсе не существует общей для обеих народностей власти.

Несчастная война кончена. Но в общественном настроении ее следы неизгладимы [1]). Война для всего государственного строя — экзамен. Экзамен суровый и беспощадный. С неумолимой жестокостью она вскрыла всю ненормальность условий, при которых самодовлеющим явлением жизни является не форма правления даже, а полновластие органов подчиненного управления.

В очерченный исторический момент перед правительством лежит неимоверно трудная задача. Конкретно наметить в деталях ее разрешение невозможно. Возможно лишь установить принципы предстоящей деятельности. Важность момента обязывает установить эти принципы точно, искренне и определенно.

Правительство, которое не направляет события, а само событиями направляется, ведет государство к гибели. Также не стоит на высоте положения то правительство, которое, не имея широко поставленной цели, пассивно идет за господствующим общественным течением, ему годчиняясь и делая одну уступку за другой.

Правительство должно не фиктивно, а реально руководить страной. Только такая политика способна сделать власть твердой, и только при такой политике устанавливается нормальное взаимодействие между правительством и обществом. Общественное самосознание всегда ищет авторитета и руководительства. Анархия, как форма общественного строя, есть понятие, само себя отрицающее. Гражданская свобода необходимо предполагает правовую охрану. Правовая охрана столь же необходимо предполагает существование власти.

Руководительство требует прежде всего ясно поставленной цели. Цели идейной, высшей, всеми признаваемой.

Такая цель поставлена обществом, значение ее велико и совершенно несокрушимо, ибо в цели этой есть правда. Правительство поэтому должно ее принять. Лозунг «свобода» должен стать лозунгом правительственной деятельности. Другого исхода для спасения государства нет.

Ход исторического прогресса неудержим. Идея гражданской свободы восторжествует если не путем реформы, то путем революции. Но в последнем случае она возродится из пепла ниспровергнутого тысячелетнего прошлого. Русский бунт, бессмысленный и беспощадный, все сметет, все повергнет в прах. Какою выйдет Россия из бес-

[1]) Рукою Витте исправлено на: «не изгладились».

примерного испытания, — ум отказывается себе представить; ужасы русского бунта могут превзойти все то, что было в истории. Возможное чужестранное вмешательство разорвет страну на части. Попытки осуществить идеалы теоретического социализма, — они будут неудачны, но они будут несомненно, — разрушат семью, выражение религиозного культа, собственность, все основы права.

Как в пятидесятых годах правительство объявило освобождение крестьян своим лозунгом, так в настоящий неизмеримо более опасный момент государственная власть не имеет выбора: ей надлежит смело и открыто стать во главе освободительного движения.

Идея гражданской свободы ничего угрожающего бытию государства в себе не заключает. Напротив, последовательно проведенная в законодательство и в жизнь, она вернейшим образом обеспечивает государственное бытие, связуя граждан сознательно—реальной связью.

Освободительное движение порывает, правда, с формальным прошлым, но разве освобождение крестьян не было также отказом от векового прошлого?

Жизнь не знает непоколебимых, вечных, неизменяющихся форм. Вечно одно духовное содержание жизни. С течением времени формы становятся историческим фактом. Когда они стали только историческим фактом в общественном сознании и действительной любви и преданности к ним нет, никакие силы не удержат их видоизменения.

В 1861 г. Россия вступила на путь обновления государственных форм на началах обеспеченной гражданской свободы. Сорокалетняя затем реакция — сначала эпизодическая, потом сплошная,—несмотря на неимоверные усилия, идейного прогресса не остановила. Она лишь свернула его с прямой дороги, расколола правительство и идейно сильную часть общества на два враждебных стана и привела в тупик. В одном стане раздалось: так дальше жить нельзя. В другом — почувствовалась необходимость уступок.

Раз правительство станет во главе движения, оно сразу приобретет опору и получит возможность ввести движение в границы и в них удержать. Этого болезненно желало и ждало общество год назад. И если бы тогда желания общества были приняты, кризис, пожалуй, уже был бы разрешен.

Год идейной революции сделал свое дело. Теперь положение вещей бесконечно более тяжелое. В сознании общества границы необходимого и осуществимого расширились. Руководительство движением требует признания уже гораздо большего. Но признать и принять это большее необходимо. Каждый лишний день уносит общественную мысль все дальше и дальше. Еще немного, и она окажется унесенною в пространство безграничное, в хаос идей. Страна сама не заметит, как окажется в хаосе действий. Тогда ничто не поможет. Тогда будет поздно.

Идеалы освободительного движения суть трех родов. Во-первых, отрицательные: устранение произвола и самовластия подчиненных

властей вообще; самовластия фактического и основанного на разнообразных временных и исключительных законоположениях. Во-вторых, положительные: определенная законом и обеспеченная от произвольного нарушения свобода вероисповедания, слова, собраний и союзов и личности; равенство в правах всех подданных, независимо от национальности и происхождения. В-третьих, формальные, касающиеся государственного устройства, как гарантии достижения положительных и отрицательных идеалов.

Написать на своем знамени первые и вторые правительству тем легче, что они в сущности уже получили признание с высоты престола в указе 12 декабря 1904 года. Но написать их нужно искренне, не как вынужденные уступки, а как цель, к которой правительство поставило своей задачей стремиться само. И такое к ним отношение должно иметь явное и яркое выражение.

Идеалы третьего рода получили в господствующем общественном сознании законченную формулировку в слове «конституция» — в смысле общения царя с народом на почве разделения законодательной власти, бюджетного права и контроля за действиями администрации.

Но слово это, хотя и не признано с высоты престола, никакой [опасности] в действительности не представляет. И при представительстве с так называемым решающим голосом принцип полноты власти царя сохраняется: ни одно решение представителей не получает силы без санкции монарха. С другой стороны, закон о Государственной Думе вовсе не имеет в виду призвать к жизни учреждение, лишенное всяких прав; фактически решения Думы, например, по рассмотрению бюджета, могут стать прямо решающими. Быть может, конечно, творческая мысль создаст еще неиспытанную в истории политическую комбинацию, и русское народное представительство выльется в своеобразные формы, непохожие на существующие в других странах конституции. Это составляло всегда предмет чаяния людей, преданных русским народным идеалам, но именно для того, чтобы такой идеал мог осуществиться, его невозможно насильственно навязывать. Государственная власть должна быть готова вступить и на путь конституционный. Это слово не должно пугать и быть под запретом. Государственная власть должна искренно и явно стремиться к благу государства, а не к сохранению той или другой формы. Пусть докажут, что благо государства в конституции, — самодержавный монарх, интересы коего не могут быть отделены от блага народного, первый, без сомнения, станет на этот путь. Опасению здесь не может быть места, и надо иметь в виду и готовиться и к этому исходу.

Далее, нельзя отвергать, что положение о выборах в Государственную Думу создало искусственную систему представительства. Не подданство определяет право на участие в законодательной деятельности, а случайный факт обладания известным имущественным цензом. Целые категории граждан от выборов устранены. Крестьяне обособлены от других состояний. Для представительства рабочих

места не отведено. Реорганизация выборов также должна быть включена правительством в свою программу.

Логическая неуязвимость системы всеобщего голосования обязывает принять, как идеал будущего, именно ее, какое бы политическое значение ни получило представительство в России. Практической задачей должно быть создание условий осуществления всеобщего избирательного права.

Гораздо труднее установить отношение правительства к дальнейшим требованиям, которыми за год обросли идеалы освободительного движения. Эти требования не определились окончательно и в общественном сознании. Мысль еще бродит вокруг них, пытаясь найти приемлемую формулу.

Главнейшие из таких требований суть: решение рабочего вопроса, аграрного и окраинного.

Первый не решен еще и наукой. Следовательно, в задачу правительственной деятельности могут быть включены лишь отдельные паллиативные мероприятия, сглаживающие подавление труда капиталом: нормировка рабочего дня, государственное страхование рабочих, образование примирительных камер и т. п.

Второй тоже еще далек от теоретического разрешения в полном объеме. Но, в виду исключительной важности устранения земельного голода крестьян в некоторых губерниях, наметить хотя бы в этой части средства его разрешения представляется безотлагательно необходимым. В распоряжении правительства имеются такие неиспользованные средства, как казенные земли разных наименований и Крестьянский банк. Затем, выкуп ренты, получаемой частными собственниками в виде арендной платы за землю, не может почитаться мерой совершенно недопустимою. Такая форма экспроприации частной земельной собственности находит некоторое оправдание в признании увеличения площади землевладения на началах личного земледельческого труда потребностью государственною и не многим отличается от выкупа земли, например, для проведения железной дороги.

Мысль о расчленении всей России на автономные провинции, по счастью, еще не приобрела популярности, а потому идея государственного единства в области внешних сношений, военной организации, денежной системы, таможен, налогов и сборов на общие потребности, уголовного законодательства, единого народного представительства и тому подобного может и должна быть громко провозглашена правительством.

Идее государственного единства, однако, ничуть не противоречит ни автономия десяти польских губерний, ни, быть может, Грузии и других частей Кавказа в расширенных пределах местного самоуправления. А именно, в области удовлетворения исключительно местных польз и нужд — начального и среднего образования, гражданского законодательства, низшего суда, обложения на местные потребности, содержания полицейской охраны и т. п.

Такова в главных чертах программа деятельности правительства, дабы оно с расчетом на успех могло стать во главе освободительного движения, взять его в руки и тем спасти отечество.

Возлагать чрезмерные надежды на Государственную Думу в высшей степени рискованно уже потому, что остается совершенно неизвестным, в состоянии ли будет избранная Дума удержать от насильственных действий те слои населения, которые не получили участия в выборах по закону 6 августа. Так же точно было бы рискованно предоставить Думу самой себе, особенно на первых порах.

Какой состав по политическим убеждениям и по настроению дадут предстоящие выборы, отгадать нельзя. Не только не может знать этого правительство, лишенное непосредственных впечатлений и воспринимающее сведения, преломленные чрез бумажную канцелярскую призму, но для самого живого и проницательного общественного деятеля — это загадка. Легко может случиться, что меры, коими при начертании положения о выборах имелось в виду предопределить настроение членов Думы первого призыва, — именно они дадут прямо обратный результат. Тенденциозное же вмешательство в производство выборов даст такой результат почти наверное. Нервное возбуждение и раздражение всего населения, не исключая консервативных слоев, настолько велико, что гораздо вероятнее обратное реагирование, нежели прямое [1]).

Отсюда вытекает первая ближайшая задача правительства: обставить дело так, чтобы выборы действительно производились свободно и чтобы свободное их производство было для всех ясно. Для этого необходимо, кроме категоричных указаний местным агентам власти, широкое разрешение собраний и снятие стеснений с печати во всем, что касается предвыборной агитации и борьбы.

Такое отношение к выборам особенно необходимо в тех видах, дабы поднять престиж Думы в глазах общества. И этим правительство поддержит те элементы, которые, отвергая принцип совещательного представительства, все-таки решили в Думу итти.

Из мер положительного характера, подлежащих принятию в недолгий период до созыва Думы, первое место занимают: образование министерства из лиц, пользующихся общественным уважением и, во всяком случае, искренно преданных предстоящим преобразованиям, а также преобразование государственного совета.

Совет, ныне состоящий из заслуженных сановников в значительной степени весьма преклонного возраста, необходимо поставить на высоту, по авторитету равную Думе. Искусственное сочетание выборной Думы и чисто бюрократического совета составляет несомненный недостаток реформы. Все прошлое совета, независимо от его наличного состава, исключает возможность ожидать, чтобы он проявил ту же степень самостоятельности, к которой будет естественно стре-

[1]) На полях этого абзаца поставлен карандашом знак вопроса.

миться Дума. Совет или явится послушным слугою правительства, или подчинится Думе и все ее постановления станет принимать безоговорочно. В обоих случаях он не удовлетворит своему новому назначению.

Для полного преобразования совета в верхнюю палату нет времени. Но частичная реорганизация возможна путем включения в число его членов выборных представителей от дворянства, земства, университетов и, быть может, также от духовенства. Указанную реорганизацию надлежит осуществить тем порядком, которым выработано учреждение Государственной Думы.

Предлагаемую меру подсказывает разумная и необходимая осторожность. Она хотя до некоторой степени урегулирует первые шаги совещательной и потому склонной к самым крайним неожиданностям Думы. Резко разорвать с таким советом Думе будет труднее, чем с нынешним.

Затем представляется чрезвычайно желательным органически связать Думу с правительством. Везде, где такая связь существует, она служит вернейшим залогом дружной совместной работы.

По закону же 6 августа, правительство и выборные от населения поставлены в условия, при которых между ними всегда могут возникать взаимные недоверие и конфликты. Закон не только не обязывает, чтобы министры избирались из членов Думы, но, напротив, не допускает даже подобного совмещения.

Связь в указанной форме может установиться, конечно, лишь после образования Думы. Задача же минуты — дополнить закон возможностью ее установления.

При отсутствии условий прямого руководительства, со стороны правительства на первых порах может быть применено в отношении Думы лишь руководство косвенное, известной комбинацией вносимых законопроектов. При этом, однако, должна быть соблюдаема крайняя чуткость к настроению большинства и еще бóльшая умеренность. Руководительство должно быть незаметное, основанное отнюдь не на власти, а на силе знаний, навыка и убеждения.

Делового характера работа в Думе сразу не получит, и с этим надо считаться, как с непреложным фактом. Чем более энергичны будут попытки отвлечь внимание от общих вопросов, тем вернее их постигнет неудача. В стране слишком наболели общие вопросы. Выборные придут в Думу именно для суждения о них.

Изложенная схема программы правительственной деятельности, нельзя скрывать, составляет резкий поворот в политике, которой держалось правительство в течение веков.

Ее исходные положения: исключительная опасность минуты, невозможность сохранения переживших себя традиций и отсутствие иного способа спасти бытие государства.

Наступил момент кризиса. Долг верноподданного обязывает сказать это честно и открыто. Выбора нет: или стать во главе охватившего страну движения, или отдать ее на растерзание стихийных сил. Казни и потоки крови только ускорят взрыв. За ними наступит дикий разгул низменных человеческих страстей.

9 октября 1905 г. Граф *Витте*.

3.

Всеподданнейший доклад [1]).

Согласно повеления вашего императорского величества сегодня состоялось под моим председательством совещание по вопросу о железнодорожных стачках, в коем присутствовали: министры — военный, путей сообщения, финансов, внутренних дел, юстиции, генерал Лобко и генерал-губернатор. Совещание пришло к следующим заключениям, которые оно письменно формулировало и уполномочило меня всеподданнейше доложить:

1) Громадная стачка железных дорог составляет грозную часть общего революционного движения в России. Следовательно, те общие меры, которые могут служить для устранения общего революционного движения, будут наиболее действительны для устранения стачки на ж. дорогах.

2) Первою мерою для борьбы со смутою есть образование однородного правительства с определенной программой, при чем правительству надлежит твердо решить, по какому неуклонному пути следует итти.

3) Вследствие недостатка войск оказывается невозможным привести забастовавшие железные дороги на военное положение (охранить войсками). Поэтому приходится ограничиться мерами частичными. Меры эти покуда должны быть нижеследующие.

4) Необходимо в столицах и по возможности в других важных пунктах обеспечить железнодорожные сооружения и служащих, исполняющих свои обязанности в пределах сих сооружений, от насильственных действий стачечников.

5) Предоставить министру путей сообщения объявить всем железнодорожным служащим, что правительством будут приняты решительные и безотлагательные меры к улучшению быта низших служащих.

6) Предоставить министру путей сообщения, по соглашению с военным министром, воспользоваться железнодорожными батальонами, находящимися в Барановичах, для восстановления движения по направлению к западной границе, и если окажется возможным, то и до одного из незамерзающих портов.

12 октября 1905 г. Статс-секретарь граф *Витте*.

---

[1]) На подлинном резолюция Николая II: «согласен».

4.

Черновик всеподданнейшего доклада Витте.

Краткий первый [1]).

Вашему императорскому величеству благоугодно было повелеть мне представить на всемилостивейшее воззрение ваше мнение мое о современном положении вещей в государстве и о тех мерах, которые могут способствовать восстановлению в нем нарушенного спокойствия. Вследствие сего позволяю себе всеподданнейше представить нижеследующее:

Волнение, охватившее все [2]) слои русского общества, не может быть рассматриваемо, как следствие частичных несовершенств государственного и социального устроения или только как результат организованных действий крайних разрушительных [3]) партий. Корни этого волнения, несомненно, лежат гораздо [4]) глубже. Они в нарушенном равновесии между идейной сутью жизни [5]) русского мыслящего общества и внешними формами этой [6]) жизни. Мыслящая [7]) Россия переросла форму существующего строя. Политически достаточно воспитанная [8]), она тянется [9]) к строю прав[ов]ому на основе широкой [7]) гражданской свободы. Во всяком случае [8]) внешние формы русской жизни должны быть поставлены в уровень с одушевляющей благоразумное большинство общества идеей [10]). Но самое выяснение этой идеи, составляя первую задачу правительства, не может быть достигнуто без [11]) осуществления теперь же, впредь до законодательной санкции [12]) Государственной Думы, основных элементов прав[ов]ого строя: свободы печати, совести, собраний, союзов и личной неприкосновенности при равенстве без различия веры и национальности перед законом [13]).

---

[1]) Помета Вуича карандашом.

[2]) Рукою Вуича зачеркнуто: «все» и написано: «разнообразные».

[3]) Слово: «разрушительных» зачеркнуто.

[4]) Слово: «гораздо» зачеркнуто.

[5]) Слова: «сутью жизни» зачеркнуты рукою Витте и переправлены на: «идейными стремлениями».

[6]) Исправлено на: «его».

[7]) Зачеркнуто.

[8]) Зачеркнуто с начала фразы.

[9]) Исправлено на «стремится».

[10]) Вся фраза переставлена рукою Вуича следующим образом: «В уровень с одушевляющей благоразумное большинство общества идеей должны быть поставлены и внешние формы русской жизни».

[11]) Зачеркнуто с начала фразы и переделано следующим образом: «Первую задачу правительства составляет стремление к осуществлению».

[12]) Вставлено: «через» и испр.: «Государственную Думу». На полях зачеркнута помета Вуича: «Вы изволили ранее предполагать сказать здесь лишь о предвыборном времени».

[13]) Со слов «при равенстве» зачеркнуто и на полях зачеркнута помета Вуича: «еврейский вопрос» и вставка Витте: «Укрепление этих важнейших сторон политической жизни общества должно последовать путем нормальной законодательной разработки, наравне с вопросами, касающимися уравнения перед законом всех подданных в. и. в., независимо от вероисповедания и национальности».

Я разумею [1]), что предоставление населению таких [2]) прав гражданской свободы должно сопутствоваться законным ограничением ее для твердого ограждения прав третьих лиц, спокойствия и безопасности государства. Следующей задачей правительства является установление таких учреждений и таких законодательных норм, которые бы [3]) соответствовали бы выяснившейся политической идее благоразумного [4]) большинства русского общества и давали положительную гарантию в неотъемлемости дарованных благ гражданской свободы. Задача эта сводится к устроению правового порядка. Соответственно такому порядку [5]), экономическая политика правительства должна быть всецело [6]) направлена ко благу широких народных масс. Интересы меньшинства должны склоняться перед интересами большинства [7]). Но, само собою разумеется, служение этой цели должно быть обусловлено [8]) ограждением имущественных и гражданских прав, признанных во всех культурных странах.

Намеченная здесь в самых общих чертах программа для успешного осуществления своего требует огромной [9]) законодательной работы и длительного административного устроительства. Надлежит помнить, что [10]) между выраженным с наибольшей искренностью принципом и осуществлением его в законодательных нормах, а в особенности привитием [11]) сих норм к нравам [12]) общества и приемам [13]) правительственных агентов, лежит время, в лучшем случае измеряемое годами [14]). Принципы правового порядка воплощаются лишь постольку, поскольку население получает к ним привычку — гражданский навык. Со дня на день приуготовить страну со 135-миллионным [15]) населением, воспитанным на иных началах, к восприятию и усвоению норм правового порядка не по силам никакому правительству, даже поддержан-

---

[1]) Исправлено на: «Само собой разумеется».

[2]) Зачеркнуто.

[3]) Зачеркнуто «бы».

[4]) Зачеркнуто.

[5]) Зачеркнуто и исправлено на: «Соответственно целям водворения в государстве спокойствия и безопасности».

[6]) Зачеркнуто.

[7]) Со слов «Интересы меньшинства» зачеркнуто и восстановлено. На полях полустертая пометка Вуича: «В столь краткой форме мысль эта едва ли вполне ясно выражается».

[8]) Фраза зачеркнута и связана с предыдущей поправкой: «разумеется с».

[9]) Фраза зачеркнута и исправлена так: «Намеченные здесь в нескольких словах основания правительственной деятельности для полного осуществления своего требуют значительной».

[10]) Начало фразы зачеркнуто.

[11]) Исправлено на: «проведением сих».

[12]) Исправлено на: «в нравы».

[13]) Исправлено на: «приемы».

[14]) Зачеркнуто со слова: «лежит» и исправлено так: «должно пройти надлежащее время».

[15]) Вставлено: «разнородным», и на полях вставка Вуича: «и об обширнейшей администрации».

ному общественным мнением [1]). Вот почему я убежден [2]), что далеко недостаточно еще [3]) власти выступить с лозунгом гражданской свободы. Чтобы водворить в стране порядок, нужны труд, твердость и осмотрительность. Нужно главное — время [4]).

В ряду ближайших мероприятий правительства являются такие действия, которые наиболее соответствуют потребностям переживаемого смутного времени, — действия, свидетельствующие о твердости, последовательности и быстроте принимаемых решений [5]). На практике это осуществимо лишь при однородности [6]) состава правительства и однородности [7]) преследуемой им цели. Но [8]) министерство, составленное [9]) из лиц одинаковых политических убеждений, должно еще приложить все старания, чтобы одушевляющая его работу идея стала идеей всех агентов власти от высших до низших. Заботой такого кабинета впредь до открытия законодательной сессии Государственной Думы [10]) должно быть практическое водворение в жизнь вышенамеченных [11]) стимулов гражданской свободы. Работа эта не должна быть формальной. Особые свойства времени и приподнятое настроение умов [12]) требуют от власти приемов, быть может, еще не практиковавшихся в России, но во всяком случае [13]) свидетельствующих об искренности и прямоте ее намерений. С этой целью правительство должно выставить [14]) себе лозунгом [15]) полное невмешательство в выборы в Государственную Думу и [16]) искренное стремление к осуществлению мер, указанных указом 12 декабря.

В отношении к будущей Государственной Думе заботой правительства должно быть поддержание ее престижа, доверия к ее работам и [17]) подобающего сему учреждению значения в глазах высшей госу-

---

[1]) Со слова «даже» зачеркнуто.

[2]) Зачеркнуто: «я убежден».

[3]) Зачеркнуто: «еще».

[4]) Со слова «и осмотрительность» зачеркнуто и исправлено так: «неослабевающая твердость и последовательность».

[5]) Зачеркнуто с начала фразы и исправлено на: «Переживаемое смутное, трудное время требует действий правительства», затем поправка и вся фраза вычеркнуты.

[6]) Зачеркнуто с начала фразы и исправлено: «Для осуществления сего необходимым условием является однородность».

[7]) Зачеркнуто и исправлено на: «единство».

[8]) Вставлено рукою Вуича: «и».

[9]) Вставлено рукою Вуича: «по возможности».

[10]) Со слов «такого кабинета» зачеркнуто и вставлено: «правительства».

[11]) Слова: «выше намеченных» зачеркнуто и исправлено «на главных».

[12]) Со слов «Работа эта» зачеркнуто и вставлено: «Положение дела».

[13]) Со слов «быть может» зачеркнуто.

[14]) Исправлено на: «поставить».

[15]) Слова: «себе лозунгом» зачеркнуты и исправлено: «себе непоколебимым принципом».

[16]) Вставлено «между прочим».

[17]) Вставлено «обеспечение».

дарственной власти. Никаким образом [1]) правительство не должно явиться элементом противодействия решениям Думы, поскольку эти решения не будут [2]) коренным образом расходиться с задачами и обязанностями власти [3]). Правительство должно руководиться мыслью [4]), высказанной вашим императорским величеством в манифесте об образовании Государственной Думы, что положение о Думе подлежит дальнейшему спокойному [5]) развитию в зависимости от выяснившихся несовершенств и запросов времени. Правительству надлежит выяснить и установить эти запросы, поскольку они соответствуют [6]) господствующей в большинстве общества идее, или являются отголоском крикливых [7]) требований отдельных кружков. Удовлетворение последних требований немыслимо главным образом потому [8]), что они ежедневно растут и [9]) меняются. Но удовлетворение желаний покойных и [10]) широких слоев общества путем той или иной формулировки гарантий гражданского правопорядка необходимо.

Весьма важно сделать реформу государственного совета на началах видного участия в нем выборного элемента, ибо только при этом условии можно ожидать нормальных отношений между этим учреждением и Государственной Думой.

Не перечисляя дальнейших мероприятий, которые должны находиться в зависимости от обстоятельств, я полагаю, что деятельность власти на всех ступенях должна быть охвачена следующими руководящими принципами:

1. Прямота и искренность в утверждении на всех поприщах и при всех обстоятельствах [11]) даруемых населению благ гражданской свободы [12]).

2. Уничтожение [13]) исключительных законоположений.

3. Согласование действий всех органов правительства.

---

[1]) Зачеркнуто со слов: «в глазах».

[2]) Вставлено рукою Вуича: «что невероятно».

[3]) Слова: «с задачами и обязанностями власти» зачеркнуты и вставлено «величием России, достигнутым тысячелетней ее историей».

[4]) Слова: «руководиться мыслью» зачеркнуты рукою Вуича, и исправлено: «следовать мысли».

[5]) Зачеркнуто.

[6]) Слова: «поскольку они соответствуют» зачеркнуты, и исправлено: «руководствуясь, конечно».

[7]) Со слов «или являются отголоском крикливых» исправлено на «а не отголосками, хотя бы и резко выраженных».

[8]) Слова: «последних требований немыслимо главным образом» зачеркнуты и исправлено: «которых невозможно уже потому».

[9]) Зачеркнуто: «ежедневно растут и», исправлено: «постоянно».

[10]) Зачеркнуто: «покойных и».

[11]) Зачеркнуто: «и при всех обстоятельствах».

[12]) Вставлено: «и установление гарантий сей свободы».

[13]) Зачеркнуто: «Уничтожение», исправлено: «Стремление к устранению».

4. Уничтожение [1]) репрессивных мер против действий, явно не угрожающих обществу и государству, и

5. Стремление бороться с действиями [2]), явно угрожающими обществу и государству, опираясь на закон и в духовном единении с благоразумным большинством общества.

Я верю [3]) в политический такт русского общества. И я убежден, что оно не [4]) может стать на сторону [5]) анархии, угрожающей, помимо всех ужасов дикого разгрома, государственным [6]) расчленением и подчинением России иноземцам [7]).

5.

Записка Вуича [8]).

21 сентября уехал на Кавказ управляющий делами комитета министров бар. Нольде, вследствие чего во временное исправление должности его вступил помощник управляющего Вуич, на обязанность которого упадал поэтому и доклад всех комитетских дел председателю комитета, графу С. Ю. Витте. Граф был все время чрезвычайно озабочен и несколько раз в разговоре возвращался к тому, насколько плохо внутреннее наше положение и что представляется неизбежным или ввести повсюду военное положение, или даровать настоящую конституцию. При этом С. Ю. высказывал, что принятие каких-нибудь разрозненных мер не даст благоприятных результатов, в частности же репрессии против печати бесполезны, так как немедленно усилится подпольная пресса. 6 октября председатель поручил составить всеподданнейший доклад в том смысле, чтобы впредь до рассмотрения совещанием графа Сольского проекта о преобразовании комитета министров установлены были временные полномочия председателя комитета по объединению деятельности министров, при чем С. Ю. просил с составлением этого доклада торопиться.

На другой день председатель занимался подробным рассмотрением представленного ему проекта, 8-го же октября вечером передал

---

[1]) Зачеркнуто: «Уничтожение», и исправлено: «Устранение».

[2]) Зачеркнуто: «Стремление бороться с действиями», и исправлено рукою Витте: «Противодействие», рукою Вуича: «действиям».

[3]) Зачеркнуто: «Я верю», и вставлено: «Само собой разумеется, что осуществление поставленных выше задач (другой зачеркнутый вариант: «осуществление вышеизложенных моих убеждений возможно лишь в том случае, если») возможно лишь при широком и деятельном содействии общества и при соответствующем спокойствии, которые позволят направить силы (другой, зачеркнутый вариант: «дает возможность правительству») к плодотворной работе. Я хочу верить».

[4]) Зачеркнуто: «И я убежден, что оно не», исправлено: «Не может быть, чтобы русское общество желало».

[5]) Зачеркнуто: «стать на сторону».

[6]) Зачеркнуто: «дикого разгрома государственным», исправлено: «борьбы».

[7]) Зачеркнуто: «и подчинением России иноземцам», и вставлено рукою Вуича: «государства».

[8]) Заголовка в подлиннике нет.

для прочтения и для распоряжений о переписке к следующему утру обширную записку, заключавшую в себе разъяснение его взгляда на способы успокоения страны с выводом о необходимости перехода к конституционному образу правления. На следующий день утром записка, переписанная, была представлена председателю. В происшедшем при этом разговоре, на замечание помощника управляющего, с какой быстротой события привели к предположению о введении конституции, С. Ю. с горячностью заметил, что за последнее время последовали Мукден, Цусима; что закрыто было сельско-хозяйственное совещание, к которому имели отношение либеральные элементы, теперь ищущие иного выхода; что он пришел к убеждению о совершенной неотвратимости предлагаемого им средства. Затем председателем дано было поручение составить краткий по этой записке всеподданнейший доклад, который мог бы быть в случае надобности напечатан. В течение 9 октября записка была председателем несколько изменена [1]) во вступительной части включением указания, что доклад составлен по приказанию и указаниям его величества. Вместе с тем в конце записки было добавлено, что, может быть, есть и другой исход — итти против течения, но это надо сделать решительно и систематически; С. Ю. сомневается в успехе этого, но он может и ошибаться; во всяком случае, за выполнение всякого плана может взяться только человек, который в него верит. 10 октября председатель ездил к государю и, вероятно, тогда же оставил его величеству свою записку. После того занимались уже только кратким всеподданнейшим докладом; он еще переделывался и 13 октября вечером окончательно был прочитан председателем. С. Ю. сказал, что едет на другой день к государю, и пригласил Вуича его сопровождать на пароходе. 14 октября погода была неимоверно скверная, — снег с дождем, и пароход изрядно качало. Дорогою перечитывали еще раз доклад, и С. Ю. говорил, что он не может принять должность председателя совета, если доклад этот не будет утвержден. Говорили также о постыдности положения, при котором верноподданные должны добираться к своему государю чуть не вплавь. С. Ю. поехал с пристани прямо во дворец, где оставался до часу, затем приехал завтракать в приготовленное помещение и говорил, что мог настоять на немедленном утверждении доклада, но не захотел вырывать согласие и потому предложил вернуться еще раз во дворец. Со второй аудиенции С. Ю. возвратился на пароход после 5-ти часов, так что назад ехали в темноте. Положение оставалось то же самое, и решение отложено до завтра. 15 октября опять поехали около 9-ти час. утра. На пароходе был бар. Фредерикс и князь Алексей Оболенский; оказалось, что князь привез с собой проект манифеста, о котором до того от председателя ничего слышать не приходилось. Стали читать проект. Вступление весьма красноречивое, но предсе-

[1]) В тот же день она была вновь переписана и в 2-х экземплярах представлена председателю. (Прим. подлин.).

датель говорит: да это несущественно, а вот что у вас вышло в пунктах. Первый пункт оказался о свободах; предполагалось сказать в роде того, что на правительство возлагается обязанность немедленно выработать и в определенный срок представить государю проект законов о свободе собраний и проч. Далее следовал пункт о расширении выборных прав, а затем говорилось о рабочих. От последнего пункта князь тут же немедленно, в виду замечания председателя, отказался. Стали затем пробовать сгладить редакцию первых пунктов, и в то же время у одного из присутствующих явилась мысль, нельзя ли связать эти меры с указом 12 декабря 1904 г., как продолжение этого указа. Из попытки этой ничего в ту минуту не вышло, а так как в эту минуту подходили уже к пристани, то решили пока только установить в общих чертах содержание пунктов манифеста; наметили три таких пункта (два предложенных князем А. Д. и третий — о полномочиях Государственной Думы), и все это вкратце было отмечено на особом листке.

При этом С. Ю. сказал, что можно писать и коротко, так как все это разъяснено во всеподданнейшем докладе. Все разговоры и предложения никаких особых возражений со стороны присутствовавших не вызывали. Затем было решено, что, пока С. Ю. будет во дворце, бывшие с ним лица попробуют составить окончательный проект манифеста.

К возвращению С. Ю. из дворца в приготовленное для него помещение проект был уже составлен. При этом первоначальный черновой проект князя А. Д. остался как-то в стороне, а руководились при составлении нового проекта заметками, сделанными на пароходе.

С. Ю. приехал из дворца около часу, говоря, что дело еще окончательно не решено, но что можно и подождать день или два. Князь А. Д. взволнованно доказывал нежелательность этого, в чем был поддержан и другим слушателем. Затем проект был прочитан Сергею Юльевичу.

Первый пункт о свободах казался составленным ясно в том смысле, что государь решил даровать свободы, а введение их составит ближайшую задачу правительства. Эта часть проекта при чтении ни с чьей стороны никаких замечаний не вызвала, а затем подробно говорили о двух последующих пунктах, при чем кн. Оболенский высказывался против дальнейших изменений приготовленного проекта, так как это вызывало бы только излишнее промедление. Тем не менее долго говорили об этих пунктах. Обсуждалось, расширить ли выборы только по отношению рабочих, или также и других частей населения, не получивших избирательных прав. С. Ю. решил, соглашаясь с кн. Оболенским, поставить вопрос шире; при этом слова о неприостановлении выборов вызывали у него сомнение, так как, может быть, нельзя будет обойтись без приостановки при переделке закона, но окончательно согласился их поставить, так как по существу дела откладывать выборы не представлялось желательным. По пункту о законодательной власти Думы останавливались на том, не слишком ли решительны

выражения этого пункта, но затем признали, что они соответствуют смыслу всеподданнейшего доклада. Поехал С. Ю. вторично во дворец к 3 часам и, возвратившись затем на пароходе после 5 час., говорил, что во дворце происходило совещание с участием вел. кн. Николая Николаевича, бар. Фредерикса и ген. Рихтера. Вел. князь сначала говорил за строгие меры, но потом присоединился решительно к мыслям С. Ю., так же, как и Рихтер. Его величество окончательно сказал: «если я соглашусь, то дам вам знать вечером». В тот же день председатель никакого уведомления более не получал и в 10 час. вечера говорил, крестясь, что, очевидно, бумаг ждать нечего и он освободится от всего этого дела, так как оказалось, что в 6 час. к государю были вызваны Горемыкин и Будберг и оттого, вероятно, и днем не был дан решительный ответ. 16 октября никаких новых сведений не было. 17-го утром выяснилось, что накануне и в течение ночи шли переговоры о том, чтобы всеподданнейшего доклада С. Ю. вовсе не распубликовывать, а редакцию манифеста изменить в том смысле, чтобы не упоминать о предстоящей деятельности «правительства» по осуществлению намерений государя, а прямо объявить о даровании реформ от имени его величества. С. Ю. не счел возможным на это согласиться. Днем на пароходе «Нева» С. Ю. отправился в Петергоф, поехал прямо к его величеству и привез из дворца подписанный манифест и утвержденный всеподданнейший доклад. На обратном пути С. Ю. высказывал мнение, что если удастся дотянуть до собрания Думы, тогда все спасено, а если невозможны будут выборы, то ручаться ни за что нельзя.

20 октября по распоряжению председателя было составлено и опубликовано в «Правительственном Вестнике» правительственное сообщение, в котором объяснялось, что осуществление указанных в манифесте 17 октября реформ требует законодательных определений и ряда административных мер; до того прежние законы должны действовать.

Николай Вуич.

31 декабря 1906 г.

6.

Дневник князя А. Д. Оболенского [1])

Октябрь 1905 года будет отмечен будущим русским летописцем, как исторический месяц, в течение которого произведена была первая реальная попытка пойти навстречу необходимости (в высших сферах еще в то время не вполне сознанной) совершить последний шаг по пути реформ и обновления русской жизни, начатых еще в царствование импер. Александра II.

---

[1]) Заголовок сделан рукою Витте, при чем сперва им было написано «Записка» вместо слова «Дневник».

Обстановка, среди которой в эти исторические дни чувствовало себя русское общество, была скорбная, тяжелая, угнетающая. Неудачно веденная война обнаружила несовершенства государственного механизма во всей их болезненной правде. Зароненное в среду неудовлетворенного, разочарованного, оскорбленного в самом скромном честолюбии общества, неудовольствие это стало концентрически расти и захватывать все классы населения, каждый разно и по-своему толковавшие о причинах наших внешних и внутренних неудач.

Почва эта являлась благоприятным рассадником для тех лиц, которые, с интернациональными идеями разнообразных оттенков, ставили целью своих мыслей и действий вызвать, в какой удастся форме, смуту в России, пользуясь которой, ниспровергнуть существующий, мало кого удовлетворяющий государственный порядок. Вся эта сложная, многопричинная и многообразная эволюция общественной мысли выразилась в забастовках, открытых смутах, грабежах, политических убийствах и насилиях, на глазах безучастного и скорее враждебно к правительству настроенного русского общества.

Сознание ненужности безотрадно веденной, жестокой и неудачной войны с Японией находило некоторое успокоение в той мирной победе, которая была одержана в Портсмуте, когда, так или иначе, с относительно ничтожными жертвами, прекратилось безрезультатное кровопролитие, грозившее нам, к довершению бед, потерею Владивостока, Камчатки и прилегающих к Сибири островов на море, господство на котором всецело перешло в руки японцев.

Общество под впечатлением этого акта запоздавшей государственной мудрости облегченно вздохнуло, и имя человека, приобревшего для своего отечества мир внешний, естественно, приходило на мысль перед задачею внутреннего успокоения и наделения государства прочным внутренним миром.

Председатель комитета министров ст.-секр. гр. Витте, утомленный нравственно испытанными напряжениями, вернулся в Россию и, принявшись за повседневную работу, с первых шагов столкнулся с отголосками внутреннего хаоса и того настроения, которые настоятельно требовали энергичного и неотложного разрешения. В первых же заседаниях комитета министров и в отдельных совещаниях у гр. Сольского резко определилась необходимость внести в государственную работу свежую струю, приступив к основным преобразованиям всего правительственного механизма.

6 октября С. Ю. Витте пишет государю императору письмо, в котором всеподданнейше испрашивает разрешение прибыть в Новый Петергоф для доклада некоторых своих соображений в связи с происходившими уже в то время открытыми политическими демонстрациями, многочисленными митингами и собраниями общественных деятелей и общим неустройством, принявшим острый характер явно враждебных правительству манифестаций и политической забастовки. Желез-

ные дороги бездействовали, сообщение с Новым Петергофом поддерживалось лишь пароходами по Неве.

8 октября был получен высочайший ответ: государь имп[ератор] писал гр. Витте, что и сам он думал вызвать его к себе для обмена мыслей по вышеупомянутым вопросам, и просил гр. Витте прибыть в Петергоф на другой день, к 6-ти часам вечера.

В пятницу, 8 октября, вечером гр. С. Ю. Витте, при участии помощн. упр. ком. мин. д. с. с. Вуича, составил программу намеченных реформ, с изложением в общих чертах, по пунктам, тех давно назревших у него данных, которые должны были в известной постепенности лечь в основу работы и политики будущего совета министров.

Казалось, что, выступая с такой программой, гр. Витте, стоя во главе министерств, мог рассчитывать удовлетворить и успокоить благомыслящую часть русского общества.

9 октября к 6-ти часам вечера гр. Витте отправился в Петергоф на пароходе и, будучи принят его величеством, доложил государю императору, что из настоящего тяжелого внутреннего положения правительству, по его мнению, представляются два выхода:

1) Облечь неограниченною диктаторскою властью доверенное лицо, дабы энергично и бесповоротно в самом корне подавить всякий признак проявления какого-либо противодействия правительству, хотя бы ценою массового пролития крови.

Для такой деятельности гр. Витте не считал себя подготовленным.

2) Перейти на почву уступок общественному мнению и предначертать будущему кабинету указания вступить на путь конституционный; иначе говоря, его вел[ичество] предрешает дарование конституции и утверждает программу, разработанную гр. Витте.

Последний счел своим нравственным долгом обратить особое внимание госуд[аря] имп[ератора] на всю важность принимаемого решения, сопряженного с некоторым самоограничением, при чем возврат к прежнему порядку оказался бы немыслимым.

Вследствие этого гр. Витте просил государя до принятия окончательного решения обсудить в особом совещании этот вопрос, привлекши к совещанию этому противников предлагаемого направления, мнения которых с достаточною ясностью определились в бывших за последнее время заседаниях и совещаниях.

Если же государю угодно было все-таки согласиться на предлагаемую программу, то не стеснять гр. Витте в выборе сотрудников, предоставив ему право распределения портфелей даже среди общественных деятелей. Далее гр. Витте, указывая на важность принимаемого решения, когда одним почерком пера изменялся весь государственный строй, и на серьезность намечаемого добровольного самоограничения прав, испрашивал пригласить на совещание ее величество государыню импер[атрицу] и великих князей.

На другой день, 10 октября, гр. Витте был вновь приглашен в Петергоф, где повторил все сказанное накануне в присутствии только ее величества и оставил свою программу.

Прошли 11 и 12 октября, и наступила среда, 13 октября. За это время составленная гр. Витте программа подвергалась деятельному и влиятельному обсуждению лиц приближенных, а также имевших доклад у государя. В результате в среду, 13 октября, гр. Витте получил депешу от госуд[аря] приблизительно следующего содержания: «Назначаю вас председателем совета министров для объединения деятельности всех министров». О программе не упоминалось вовсе.

Получив такого рода депешу, гр. Витте справедливо заключил, что программа, им представленная, не принята и не утверждена, после чего в этот же день им написано было письмо государю, в котором он изложил [1]), что нравственно не считает для себя возможным исполнить высочайшее повеление сделаться первым министром до утверждения его программы, но вместе с тем подтверждал еще раз необходимость программу эту всесторонне обсудить в совещании лиц, которых госуд[арю] угодно было бы привлечь для этой цели, и что с каждым днем внутреннее положение ухудшается, вызывая неотложную необходимость притти к тому или иному решению.

Его величество по получении означенного письма [2]) призвал кн. Орлова (гр. Гейден находился в отпуску) для отдачи ему приказаний относительно приглашений на совещание для обсуждения программы гр. Витте.

По указанию его величества был составлен список лиц, имеющих быть приглашенными, и предрешено было, что одну только программу гр. Витте утверждать нельзя, но что для надлежащего уяснения, что все в ней изложенное исходит лично от государя, содержание ее необходимо облечь в форму манифеста.

На обсуждение программы приглашены были: вел. кн. Николай Николаевич, ген.-ад. барон Фредерикс, ген.-ад. Рихтер, гр. Витте, ст.-секр. Горемыкин и бар. Будберг. После этого кн. Орлову передано было через камердинера приказание его величества, дабы гг. Горемыкин и Будберг были бы доставлены в Петергоф на отдельном пароходе, в самом заседании не участвовали бы и ожидали бы дальнейших приказаний во дворце.

В ответ на свое письмо от вечера 12 октября о невозможности без рассмотрения и утверждения его программы исполнить высочайшее повеление [3]) гр. Витте получил из Петергофа уведомление, что 15 октября в 11 час. утра назначено у его вел[ичества] особое совещание, на которое приглашается и он. Ему предложено также привести с собою проект

---

[1]) Со слов «не утверждена» зачеркнуто Витте и им же написано: «и 14-го ездил в Петергоф и доложил его величеству».

[2]) Исправлено Витте: «после доклада графа Витте».

[3]) Эта фраза зачеркнута Витте и им написано: «затем».

манифеста, дабы все намеченное им вывести из области одних обещаний в область государем утвержденных фактов.

Гр. Витте первоначально решил в своей программе изменить редакцию вступления, в смысле более ясного подтверждения, что программа эта выработана по повелению и личному указанию его величества. Полагал, однако, что облечь программу в эту форму манифеста и трудно и, может быть, преждевременно.

Однако случайно здесь находившемуся кн. А. Д. Оболенскому гр. Витте предложил попытаться за ночь составить проект манифеста и на другой день, 15 октября, сопровождать его в Петергоф вместе с д. с. с. Вуичем.

В субботу, 15 октября, в 11 час. утра, в Петергофе под председательством государя началось совещание, на котором присутствовали: вел. кн. Николай Николаевич, ген.-ад. барон Фредерикс, ген.-ад. Рихтер и гр. Витте.

Вел. кн. Николай Николаевич испросил разрешение задавать вопросы гр. Витте в виду своего незнакомства с предметом и спрашивать объяснение того, что ему покажется неясным.

В заседании этом гр. Витте, обрисовав в общих чертах общее положение России, как оно ему представлялось в эти дни, останавливаясь с особенным вниманием на том факте, что даже умеренные элементы русского общества заявляют себя, — если не активно, то пассивно, — против правительства и что, по его крайнему разумению, при настоящих обстоятельствах могут быть два исхода: 1) диктатура или 2) вступление на путь конституции, при чем доложил, с нужными пояснениями, все пункты своей программы.

В основу программы этой, как окончательная цель, легли: а) законодательные права для Госуд[арственной] Думы и б) свобода евреев [1]).

Вел. кн. Николай Николаевич неоднократно прерывал докладчика, дабы яснее усвоить себе отдельные подробности доложенного. Заседание затянулось до часа дня, и государь приказал сделать перерыв до $2^1/_2$, предложив к этому часу представить и проект манифеста, несмотря на то, что гр. Витте еще раз доложил, что программа менее свяжет государя и что лучше было бы манифеста не составлять, так как в нем изложить всю сущность программы было бы затруднительно.

В 3 часа дня заседание возобновилось. Гр. Витте несколько запоздал, корректируя проект манифеста, который и подвергся обсуждению. Присутствующие не возражали, но гр. Витте просил еще раз государя не решаться на подписание столь серьезного государственного акта, не уяснив всестороннего его значения, в виду чрезвычайной государственной важности делаемого шага и вероятности, что даже после этого успокоение может наступить не сразу.

---

[1]) Витте оба пункта изменяет так: а) дарование избирательных прав для Гос. Думы и б) дарование свободы слова, совести и неприкосновенности личности.

Его вел[ичество] отпустил всех, положил проект манифеста в стол и поблагодарил гр. Витте, сказав, что помолится богу, еще подумает и скажет ему, решится ли он на этот акт, или нет. По отъезде гр. Витте, государь приказал ген.-ад. бар. Фредериксу призвать ст.-с. Горемыкина и Будберга, ожидавших в Петергофе, и передать им на рассмотрение этот манифест. Оба тотчас приступили к его обсуждению и нашли его не соответствующим. Горемыкин [1]) принципиально не соглашался с необходимостью такого акта, а бар. Будберг главным образом критически отнесся к формальной стороне самого изложения манифеста, находя таковое недостаточно хорошо редактированным. Ст.-секр. Горемыкин согласился помочь в редактировании нового проекта.

В это время гр. Витте случайно осведомлен был, что проект его манифеста обсуждается без него, и, опасаясь, что такой манифест мог бы быть подписан государем и что он, гр. Витте, принужден будет в силу обстоятельств принять его к исполнению и руководствоваться изложенными в нем видоизменениями ст.-секр. Горемыкина и бар. Будберга, телефонировал бар. Фредериксу и дворц. ком. кн. Енгалычеву, прося их доложить его величеству о том, что он ходатайствует об изменениях, сделанных в его редакции, поставить его в известность или же предложить авторам изменений стать во главе дела.

Из Петергофа было отвечено, что сделанное в манифесте изменение незначительно и лишь редакционное.

Гр. Витте просил все-таки изменения эти, предварительно подписания, передать ему на прочтение.

В воскресенье, 16 октября, по Петербургу распространился слух, обсуждавшийся в различных кружках, что проект государственных преобразований, представленный гр. Витте, не одобрен, а утвержден и принят другой проект члена госуд. совета Горемыкина; слухи эти в общей их сложности произвели угнетающее впечатление.

16 октября, вечером (после предварительного предупреждения по телефону), около полуночи, к гр. Витте приехали ген.-ад. бар. Фредерикс со своим начальником канцелярии ген.-майор. А. А. Мосоловым.

Бар. Фредерикс извинился перед гр. Витте, сообщив, что манифест изменен не в редакционном только отношении, как он это сообщил, но и по существу, и просил гр. Витте согласиться принять манифест в этом измененном виде к исполнению, так как измененный манифест заключал в себе, по его мнению, больше уступок, чем проектированный гр. Витте.

Ознакомившись с новой редакцией манифеста, гр. Витте усмотрел, что между проектом, представленным им, и проектом, ему привезенным, различие по существу сводилось к следующему: 1) В проекте гр. Витте определенно говорилось, что его величеству благоугодно повелет своему правительству озаботиться проведением в жизнь его неуклон-

---

[1]) Вставлено рукою Витте: «чл ен гос. совета».

ною волею предначертанных реформ; в проекте, привезенном бар. Фредериксом, те же пункты уже определены как даруемые. 2) О праве на законодательный почин со стороны Государственной Думы в этом последнем проекте не упоминалось вовсе.

При этом гр. Витте еще раз просил бар. Фредерикса испросить у государя императора не печатать пока манифеста, а лишь утвердить и обнародовать одну программу с теми изменениями, которые в ее вступлении уже сделал сам гр. Витте, относя все в ней изложенное к инициативе, указаниям и воле его величества.

Бар. Фредерикс ответил, что вопрос о том, что настоящая реформа должна быть возвещена населению манифестом, решен бесповоротно.

В заключение гр. Витте заявил бар. Фредериксу, что он ясно сознает, что со стороны его величества в основу отношения к нему, несмотря на все внимание государя императора, несомненно легло чувство некоторого недоверия, что при наличии такого серьезного фактора совместная государственная работа крайне затруднится и что, быть может, было бы целесообразнее оставить самую цель о назначении его первым министром, а для объединения министров избрать одного из авторов измененного манифеста, при чем просил довести до сведения его величества о своей готовности и в этом случае — на второстепенном посту — послужить общему делу.

Высказанное гр. Витте предположение имело за собою несомненное основание, так как ближайшие к государю лица не верили в искренность гр. Витте и были убеждены, что он в своих честолюбивых намерениях стремится быть президентом Российской республики и что в предвидении возможности такого факта находит себе объяснение та выдающаяся ласка и любезность, предметом которой сделался граф Витте при возвращении из Портсмута со стороны германского императора Вильгельма II, прозревшего в нем будущего русского республиканского президента.

На другой день, 17 октября, в 9 ч. утра, бар. Фредерикс отправился с докладом к государю императору.

Результатом этого доклада было немедленное приглашение туда же вел. кн. Николая Николаевича и гр. Витте; последний мог прибыть лишь к $4^1/_2$ часам дня.

Вел. кн. Николай Николаевич, проникшись основательностью данных гр. Витте объяснений, выразил свое полное сочувствие проекту гр. Витте и доложил о невозможности, за недостатком войск, прибегнуть к военной диктатуре.

Вел. кн. и бар. Фредерикс были приняты государем раньше приезда гр. Витте, при чем тут же решено было, что его величество подпишет манифест, составленный гр. Витте, и утвердит программу, представленную им. В канцелярии мин. имп. двора, временно переведенной в Петергоф, приказано было приступить к переписке манифеста.

В 6 часу вечера работа эта была закончена. Гр. Витте, уже прибывший из Петербурга, поехал в Александрию, и в его присутствии государь имп[ератор] подписал манифест и утвердил программу.

Таким образом, не без некоторой борьбы, колебаний и сомнений государю угодно было вернуть Россию на покинутый ею в силу разнообразных внутренних и внешних обстоятельств путь реформ и завершить великое дело своего августейшего деда.

При обратном возвращении в Петербург на палубе парохода находился вел. кн. Никол. Никол. Он казался веселым и довольным.

Обратившись к гр. Витте, его высочество заметил: «Сегодня 17 октября и 17 годовщина того дня, когда в Борках была спасена династия. Думается мне, что и теперь династия спасается от меньшей опасности сегодня происшедшим историческим актом».

7.

Справка об манифесте 17 октября 1905 г.

В виду вспыхнувшей в сентябре и начале октября 1905 года, после продолжавшегося уже несколько лет сильного брожения и политических убийств, резкой смуты во всех частях России, в особенности в Петербурге и некоторых больших городах, 6 октября 1905 года председатель комитета министров граф Витте всеподданнейше испрашивал, не угодно ли будет его величеству принять его и выслушать соображения о современном крайне тревожном положении. Это он сделал по настоятельнейшей просьбе председателя государственного совета графа Сольского. 8 октября его величество соизволил написать графу Витте, что он сам имел в виду его вызвать, чтобы переговорить о настоящем положении вещей, и повелел прибыть на другой день, 9 октября, к 6-ти часам вечера.

9 октября председатель комитета имел счастье явиться к его величеству и представить наскоро составленную всеподданнейшую записку, в которой он излагал, как он смотрит [1]) на положение дела. Вместе с тем он всеподданнейше доложил его величеству, что, по его мнению, может быть два выхода: или стать на путь, изложенный в словесно им доложенной [2]) записке, или облечь соответствующее лицо (диктатора) полновластием, дабы с непоколебимой энергией путем силы подавить смуту во всех ее проявлениях. Для такой задачи нужно выбрать человека решительного и военного, и он думает, что первый путь более дело [у?] [3]) соответственный [4]), но очень может быть,

---

[1]) Рукою Витте карандашом исправлено: «свой взгляд».

[2]) Исправлено: «указываемый в записке, в то же время словесно им доложенной».

[3]) В подлинном ошибочно стоит: «дело».

[4]) Исправлено: «Первый путь представлялся бы более соответственным».

что он ошибается [1]), а потому было бы желательно обсудить этот вопрос в совещании с другими государственными деятелями и с лицами царской семьи, коих дело это существенно может коснуться. Его величество, милостиво выслушав графа Витте, не соизволил высказать своего высочайшего мнения.

По возвращении из Петергофа граф Витте пересмотрел, совместно с временно управлявшим в то время делами комитета министров Н. И. Вуичем, переданную им его величеству наскоро составленную записку и [2]) сделал в ней некоторые исправления. Во вступительной части было включено указание, чтопредставляемая им записка составлена по приказаниям и указаниям его величества, в конце ее было добавлено [3]), что, может быть, есть другой исход, — итти против течения, но в таком случае это надо сделать решительно и систематически, что он сомневается в успехе такого исхода, но, может быть, он ошибается; во всяком случае, за выполнение того или другого плана может взяться только человек, который в него верит.

На другой день, 10 октября, в 3 часа дня, граф Витте вновь имел счастье явиться к его величеству и в присутствии государыни императрицы Александры Федоровны подробно изложил все свои соображения, объясняющие записку в новой ее редакции, при чем не преминул доложить также словесно и [4]) о другом возможном выходе, о котором докладывал государю 9 октября. Их величества не изволили высказать своего мнения, но его императорское величество соизволил заметить, что, может быть, было бы лучше основания записки опубликовать манифестом.

В течение 12-го и 13-го октября граф Витте не имел никаких сведений из Петергофа. Приблизительно в это время в одном из заседаний у графа Сольского, между прочим, шла речь о крайне опасном положении дела вследствие брожения, переходящего в восстание, при чем генерал-адъютант Чихачев и граф Пален высказали решительное мнение, что нужно прежде всего подавить всякое проявление смуты силою оружия. Граф Витте не преминул сообщить об этом всеподданнейшей запиской его величеству, при чем ходатайствовал выслушать сановников, высказывающих подобные убеждения [5]). Графа Витте затем генерал-адъютант Чихачев спрашивал, не по его ли инициативе государю императору благоугодно было его вызывать, на что он ответил, что этого не знает, но что, действительно, он [6]) счел своим долгом доложить государю, что некоторые сановники имеют опреде-

---

[1]) Исправлено: «такое мнение ошибочно».

[2]) Зачеркнуто: «и».

[3]) Вся фраза зачеркнута и изменена так: «и в конце ее добавил», предварительно приписав и зачеркнув после слова «в конце»—«же ее граф Витте счел необходимым соответственно словесному всеподданнейшему докладу добавить».

[4]) Фраза изменена так: «при чем словесно доложил еще раз».

[5]) Исправлено: «таковое убеждение».

[6]) Зачеркнуто.

ленные взгляды [1]), как нужно при данных обстоятельствах поступить, и что, по его мнению, было бы весьма полезно, если бы его величеству благоугодно было их выслушать. Графу Витте говорили, что 11-го и 12-го октября его программа подвергалась обсуждению. 13-го граф Витте получил от его величества следующую телеграмму: «Впредь до утверждения закона о кабинете поручаю вам объединить деятельность министров, которым ставлю целью восстановить порядок повсеместно. Только при спокойном течении государственной жизни возможна совместная созидательная работа правительства с имеющими быть свободно выбранными представителями народа моего».

Вследствие этой телеграммы граф Витте 14-го числа, утром, снова ездил в Петергоф и всеподданнейше доложил, что одним объединением министров, смотрящих в разные стороны, смуту успокоить нельзя и что, по его убеждению, нужно принять решительные меры [2]) в том или другом направлении. При этом, вследствие сделанного его величеством 10 октября замечания, что было бы целесообразнее изложить основания записки в манифесте, граф Витте представил его величеству его [3]) всеподданнейший доклад, резюмирующий записку [4]), который, по его мнению[5]), в случае если его величество соизволит его разделить[6]), подлежал бы высочайшему утверждению; что же касается манифеста, то граф Витте докладывал, что манифест, который оглашается во всех церквах, есть такой акт, в котором неудобно входить в надлежащие подробности; с другой же стороны, опубликование высочайше утвержденного всеподданнейшего доклада будет только выражать, что государем принята его программа, что будет гораздо осторожнее, так как мера эта слагает всю ответственность на него, графа Витте, и не свяжет его величество [7]).

В это время фабричные рабочие [8]) в Петербурге и во многих городах, а равно служащие значительной части железных дорог забастовали [9]), так что Петербург оставался без освещения [10]), движения

---

[1]) Фраза исправлена так: «о сложившемся у некоторых сановников определенном взгляде».

[2]) После слов: «по его убеждению» исправлено: «обстоятельство требует принятия решительных мер».

[3]) Исправлено: «краткий».

[4]) Сделана вставка: «в начале коего указано, что доклад этот составлен по приказанию и указаниям его величества и».

[5]) Зачеркнуто: «по его мнению».

[6]) Зачеркнуто: «его разделить», затем написано и зачеркнуто: «положения записки», и исправлено: «его одобрить».

[7]) Фраза эта со слов «только выражает» исправлена так: «принятие государем изложенной в докладе программы, что будет гораздо осторожнее, ибо в таком случае предложенные меры лягут на его, графа Витте, ответственность и не свяжут его величество».

[8]) Исправлено: «забастовка фабричных рабочих».

[9]) Это слово зачеркнуто и приписано: «и других учреждений была уже в полной силе».

[10]) Вставлено: «многих торговых заведений».

конок, телефонов и железнодорожного сообщения. Такое положение дела, в виду вышеприведенной телеграммы государя императора, понудило графа Витте собрать у себя совещание некоторых министров, в том числе военного генерала Редигера, товарища министра внутренних дел и петербургского генерал-губернатора Трепова, министра путей сообщения князя Хилкова, чтобы обсудить, какие меры можно принять для восстановления железнодорожного сообщения Петербурга хотя с ближайшими окружными пунктами. На этом совещании военный министр и генерал Трепов, которому был подчинен петербургский гарнизон, заявили, что в Петербурге достаточно войск для того, чтобы подавить вооруженное восстание, если таковое проявится в Петербурге и в ближайших резиденциях государя, но нет нужного количества войск, чтобы восстановить движение силою, хотя бы между Петербургом и Петергофом. Вообще военный министр заявил, что вследствие того, что армия находится за Байкалом, военные силы в России крайне ограничены и слабы, они находятся в расстроенном состоянии вследствие продолжительного несения ими полицейской службы и недовольства солдат, подлежащих, за окончанием войны, отпуску [1]).

14-го, к вечеру, графу Витте было дано знать по телефону из Петергофа князем Орловым, чтобы он явился на совещание [2]) 15 октября, к 11-ти часам утра, при чем ему было предложено привезти с собою проект манифеста, так как необходимо, «чтобы все исходило лично от государя, и нужно вывести намеченные в его докладе меры из области обещаний в область государем даруемых фактов». Так как [3]) граф Витте считал более осторожным ограничиться высочайшим утверждением его всеподданнейшего доклада и надеялся, что, может быть, манифеста и не потребуется, а с другой стороны, чувствал себя [4]) нездоровым, просил находившегося у него в это время члена государственного совета князя А. Д. Оболенского к утру набросать проект манифеста.

15 октября, утром, граф Витте снова отправился в Петергоф, при чем просил князя Оболенского и управляющего делами комитета министров поехать с ним. На том же пароходе ехал и министр двора

---

[1]) Начиная со слов: «но нет нужного количества войск» зачеркнуто, и приписано следующее: «но что в Петербурге нет соответствующих частей, которые могли бы восстановить движение хотя бы от Петербурга до Петергофа. Вообще военный министр заявил, что в действующую армию командировано не только значительное число войсковых единиц, но много офицеров и нижных чинов из состава частей, оставшихся в Европейской России; эти части в свое время были пополнены чинами запаса, но среди последних началось всеобщее брожение вследствие задержания их на службе после заключения мира. Это обстоятельство, в связи с продолжительным привлечением войск к несению полицейской службы, в значительной степени расстроило войска, оставшиеся внутри империи.

[2]) Вставлено: «к его величеству».

[3]) Исправлено рукою Витте: «хотя».

[4]) Исправлено рукою Витте: «но все же, чувствуя себя в тот вечер».

барон Фредерикс. Князь Оболенский прочел в присутствии всех этих лиц набросок им составленного проекта манифеста; граф Витте сделал некоторые замечания, и так как в это время подошли к Петергофу, то он просил князя Оболенского и Вуича попытаться, на основании бывших на пароходе разговоров по поводу наброска князя Оболенского, составить более или менее окончательную редакцию манифеста, а сам вместе с бароном Фредериксом отправился во дворец. Там он застал великого князя Николая Николаевича и генерал-адъютанта Рихтера. В 11 часов его величество принял этих четырех лиц. Его величество повелел графу Витте прочесть ранее упомянутый его всеподданнейший доклад. Затем граф Витте доложил, что, по его крайнему разумению, при настоящих обстоятельствах могут быть два исхода: или диктатура, или конституция, на путь которой его величество в сущности уже вступил манифестом 6 августа и сопровождающими его законами. Его доклад, или программа, высказывается за второй путь, который в случае его утверждения должен повести к мероприятиям, которые должны быть проведены [1]) в законодательном порядке и расширяющим закон 6 августа, приводя Россию к конституционному устройству. Во время чтения доклада, с разрешения государя императора, великий князь Николай Николаевич задавал графу Витте целый ряд вопросов, на которые граф Витте давал подробные разъяснения, при чем доложил, что он не рассчитывает, чтобы после жесточайшей войны и столь сильной смуты могло бы быстро наступить успокоение, но что второй путь, казалось бы, приведет скорее к такому результату.

По окончании доклада его величеству угодно было спросить графа Витте, изготовил ли он манифест. Граф Витте доложил, что предварительный проект манифеста был изготовлен, что он с ним ознакомился во время переезда в Петергоф, ныне же исправляется, но что, по его мнению, было бы удобнее ограничиться утверждением прочитанного им всеподданнейшего доклада. Его величество соизволил в 1 час дня отпустить присутствующих и повелел собраться к 3-м часам, а графу Витте привезти проект манифеста.

В 3 часа заседание возобновилось. Продолжался обмен мыслей по поводу доклада, затем граф Витте прочел проект манифеста. Присутствовавшие не сделали никаких возражений. Затем государю императору благоугодно было отпустить присутствовавших.

16 октября к вечеру барон Фредерикс дал знать графу Витте, что он к нему приедет переговорить по поводу манифеста. После полуночи барон Фредерикс приехал вместе с директором канцелярии генералом Мосоловым и передал графу Витте, что его величество, независимо от тех лиц, которые присутствовали вчера в совещании, советовался также с другими лицами, и что члены государственного совета Горемыкин и Будберг составили два проекта манифеста, с которыми

[1]) Исправлено: «подлежащим проведению».

его величество поручил его ознакомить. Граф Витте прежде всего спросил, известно ли обо всем происходящем генералу Трепову, который ныне держит в своих руках всю полицию империи, на котором лежит ответственность за внешний порядок в стране; всякая крупная мера, если он, генерал Трепов, заранее в нее не будет посвящен, может иметь последствием неблагоприятные явления. Барон Фредерикс ответил, что он потому и опоздал, что был у генерала Трепова, который во все это дело посвящен. Затем барон Фредерикс дал графу Витте прочесть новые проекты. Граф Витте заметил, что проект, на который было обращено его внимание, как наиболее заслуживающий внимания [1]) и наиболее подходящий, не может быть им принят по двум причинам: во 1-х, потому, что он, в отличие от проекта, им переданного, прямо провозглашает, что его величество со дня опубликования манифеста дарует все свободы, тогда как в его проекте его величество лишь повелевает правительству выполнить непременную его волю даровать эти свободы. Даровать экспромтом все свободы, не выработавши предварительно подлежащие законоположения и не проведя их в законодательном порядке, значит создать смуту, если бы даже таковой не было [2]); во 2-х, что в манифесте [3]) пропущены другие [4]) меры, которые значатся в его проекте всеподданнейшего доклада, и что объявление манифеста, не согласного с одновременно опубликованным докладом, породит сразу сомнения о силе и крепости тех начал, которые в этом докладе изложены. По этим причинам он просил барона Фредерикса доложить его величеству, что, по его мнению, издавать манифест, как он это уже несколько раз имел честь докладывать его величеству, не нужно, что достаточно и более осторожно обнародовать лишь его высочайше утвержденный верноподданнейший доклад. На это барон Фредерикс ответил, что вопрос о том, что реформа, предположенная всеподданнейшим докладом, должна быть возвещена народу манифестом, решен бесповоротно. В таком случае [5]), граф Витте просил доложить его величеству, что нужно поручить место председателя совета тому лицу, которого программа будет принята, что он чувствует, что в этом деле у его величества существует некоторое сомнение в правильности его взглядов, что при таком положении вещей было бы целесообразнее оставить самую мысль о назначении его первым министром, а для объединения действий министров, в случае окончательного отклонения предположения о назначении диктатора для успокоения смуты силою, избрать другое лицо, программа коего была бы признана более целесоответственною. Если прочитанные им проекты манифестов признаются

[1]) Эти слова зачеркнуты.

[2]) Вся фраза вычеркнута и приписано: «что предполагает еще последующую работу правительства».

[3]) Вписано и зачеркнуто: «нет указания на образование объединенного министерства и еще».

[4]) Вставлено: «существенные».

[5]) Изменено: «выслушав это сообщение».

целесоответственными, то, по его мнению, одного из авторов их и следовало бы назначить [1]) председателем совета. В заключение граф Витте также просил доложить его величеству, о чем он имел счастье и ранее докладывать государю, что если его деятельность нужна, то он готов послужить общему делу на второстепенном посту, хотя бы губернатора какой бы то ни было губернии.

На другой день, 17 октября, граф Витте снова был вызван в Петергоф, и, приехав туда, он отправился прямо к барону Фредериксу. Барон передал графу Витте, что решено принять его проект манифеста и утвердить всеподданнейший доклад, им представленный, что великий князь Николай Николаевич категорически поддерживает такое решение и докладывал о невозможности, за недостатком войск, прибегнуть к военной диктатуре.

В 6-м часу граф Витте и барон Фредерикс приехали во дворец, при чем барон Фредерикс привез с собою переписанный в его канцелярии манифест. Во дворце был великий князь Николай Николаевич. Его величеству благоугодно было в их присутствии подписать манифест и утвердить всеподданнейший доклад графа Витте. Оба эти документа в тот же день были обнародованы с ведома генерала Трепова [2]).

8.

Переписка по поводу справки о манифесте 17 октября.

а) Письмо А. Редигера к С. Ю. Витте.

Глубокоуважаемый
граф Сергей Юльевич.

Теперь, через 15 месяцев после событий, описываемых в вашей записке, конечно, очень трудно восстановить в своей памяти то, что в то время говорилось. Тем не менее я полагал бы, что изложение записки будет более близким к истине, если последние строки отчеркнутого вами текста изложить в следующей радакции:

«но что в Петербурге нет железнодорожных частей, которые могли бы восстановить движение хотя бы от Петербурга до Петергофа.

Вообще военный министр заявил, что в действующую армию командировано не только значительное число войсковых единиц, но и много офицеров и нижних чинов из состава частей, оставшихся в Европейской России; эти части были в свое время попол-

[1]) Изменено: «избрать».

[2]) Далее приписано: «Министр двора мне словесно передал, что эту справку находят составленною совершенно правильно. Мне известно (не разобрано одно слово) справка эта находилась у его величества в течении двух недель. Подлинник (первый экземпляр) остался у министра двора».

нены чинами запаса, но среди последних ныне началось всеобщее брожение вследствие задержания их на службе после заключения мира. Эти обстоятельства, в связи с продолжительным привлечением войск к несению полицейской службы, в значительной степени расстроили войска, оставшиеся внутри империи».

Представляя вышеизложенное на ваше усмотрение, я с совершенным почтением остаюсь вам преданный

А. Редигер.

28 января 1907 года.

б) Письмо Витте к бар. Фредериксу.

Многоуважаемый
барон Владимир Борисович.

Я составил прилагаемую справку, исключительно для хранения в моих бумагах, о днях, ближайших к 17 октября 1905 года, устанавливающую факты, при которых появился манифест, помеченный этим днем. Считаю долгом своим препроводить ее вам, как лицу посвященному во многие перипетии того времени, на случай если вам будет угодно указать мне какие-либо неточности, которые невольно могли в нее вкрасться. За все указания буду весьма благодарен.

Обязуюсь объяснить, что я не счел, с своей стороны, уместным представить эту справку государю императору только потому, что не находил возможным беспокоить его величество.

Не откажите вернуть мне прилагаемую справку с вашими замечаниями.

Сердечно и искренно вам преданный граф *Витте*.

Петербург. 30 января 1907 г.

Замечания Витте, сделанные на данном письме.

Через неделю после отсылки сего письма был у нас начальник канцелярии министра двора свиты его величества генерал Мосолов. Он передал мне, что присланная мною справка найдена совершенно правильною и так решено ответить, о чем он заготовит письмо. При вторичном свидании с Мосоловым он мне передал, что он вручил письмо министру двора, но посоветовал раньше показать справку его величеству, и что министр так и поступил. Государь император держал у себя справку две недели. Через две недели ее вернул, сказавши, что справка составлена верно. Князь Оболенский [1]), начальник кабинета его

[1]) Оболенский — Н. Д.

величества, передал мне об этом. Тем не менее ответа я не получил. Князь Оболенский затем мне передал, что министр решил не отвечать, а при свидании передать мне об этом словесно. Тем не менее он не передавал ничего по этому предмету довольно долго, а только передал об этом словесно 25 марта, т.-е. через два месяца со дня отправления письма, и то вследствие моего словесного вопроса.

Почему решили не удостов[ер]ить письменно факт, который признали правильным?!

25 марта 1907 г.

в) Письмо Рихтера к Витте.

Милостивый государь,

Сергей Юльевич.

Прилагаемая у сего записка была мне передана графом К. П. Пален[ом], с тем, чтобы по прочтении я представил ее вам.

Исполняя указание Палена, пользуюсь случаем, чтоб просить ваше сиятельство принять уверение в отличном моем почтении и преданности.

О. Рихтер.

17 марта 1907 г.

Замечания Витте, сделанные на данном письме.

Сегодня, 21 марта, в государственном совете я виделся с генерал-адъютантом О. Б. Рихтером, который передал мне, что, возвращая записку, он не счел себя в праве сделать на нее замечание. Замечание же его состоит в том, что 15 октября в заседании в Петергофе граф Витте несколько раз повторял, что к настоящему делу нужно отнестись с особой осторожностью, т. к. если государю угодно будет стать на путь представленной им программы, то это поведет к ограничению его царской власти и что осторожнее не издавать манифеста, а ограничиться утверждением его, графа Витте, программы. Но другие члены, и в том числе он, генерал-адъютант Рихтер, высказался за манифест, — дабы предположенные меры исходили непосредственно от его величества. Затем после перерыва был прочитан проект манифеста, на который не последовало возражений.

21 марта 1907 г.

г) Письмо гр. И. И. Толстого к С. Ю. Витте.

Глубокоуважаемый

граф Сергей Юльевич.

Исполняя ваше поручение, отправился сегодня утром к в. кн. Вл[адимиру] Ал[ександровичу], завтракал у него и говорил о вашей записке, конечно, до получения известия от вас. Так как он мне сказал, как только я произнес ваше имя, что он отослал вам записку обратно, то не пришлось особенно много говорить, но, раз упомянувши об этом, оказалось необходимым сказать два слова. Во избежание недоразумений, считаю долгом предупредить вас о след[ующем]:

1) Я сказал, что вы передали ему свою записку, предназначенную исключительно для государя, только потому, что вы его особенно уважаете и цените его мнение, а потому желали, чтобы он был осведомлен о действительном ходе истории с манифестом и что никакой другой цели у вас не было, о чем вы уполномочили меня заявить ему.

2) Вел. кн. сказал, что он никак не мог понять цели присылки вами записки, что прочел ее дважды и что то, что он в ней нашел, соответствует тому, что он знает, напирая на то, что Ник. Ник. иначе говорить и действовать, как он это делал тогда, не мог. Что для [него] в записке вашей не было ничего особенно нового, а потому он ломал себе голову, для чего вы ему ее прислали. При этом он прочел мне ваше препроводительное письмо, которое, на мой взгляд, ясно, а ему показалось непонятным, так как не объясняло достаточно подробно, на его взгляд, что́ именно побудило вас прислать ему записку именно теперь.

3) Он мне сообщил, что на следующий, кажется, день по получении вашей записки обедал в клубе, где были Фредерикс и Мосолов. Так как о них упоминалось в ваших заметках, то он позвал Мосолова в отдельную комнату, объяснил ему, что получил от вас записку, и спросил у него, что́ он знает о ней. На это Мос[олов] ему ответил, что записку вы через Фредерикса послали государю, от которого желали получить подтверждение изложенного, если не собственноручно от г[осуда]ря, то письменно, по поруч[ению] его вел[иче]ства, от Фредерикса, но что г[осуда]рь не соизволил на сие и что Фр[едерикс] передал вам записку, только словесно подтвердивши ее правильность в общем.

Вот все, что я узнал и что, может быть, вам понадобится знать при личном свидании с вел. князем.

Искренно преданный вам *Ив. Толстой*.

4 мая 1907 г.

д) Письмо вел. кн. Владимира Александровича С. Ю. Витте.

Любезный Сергей Юльевич.

Объяснительную записку вашу я прочел и принял к сведению как ее, так и приложения к ней.

Графиня и вы доставили бы мне великое удовольствие, приняв милостиво от меня приглашение к завтраку $^1/_2$ 1-го ч. на будущей неделе. Выбор дня предоставляю вашему благоусмотрению.

Искренно вам преданный *Владимир*.

4 мая 1907 г.

9.

Проект манифеста, составленный князем А. Д. Оболенским и привезенный им с собою на пароход [1].

Смуты и волнения в столицах и во многих местностях империи нашей великою и тяжкою скорбью переполняют сердце наше [2]. Благо российского государя неразрывно с благом народным, и [3] печаль народная — его печаль [4]. От волнений, ныне возникших, может явиться [5] угроза целости и единству державы нашей и глубокое [6] нестроение народное [7]. Великий [8] обет царского служения повелевает нам напрячь [9] силы разума и власти нашей [10] к скорейшему предупреждению столь опасной для г[осудар]я [11] смуты. Повелев пресекать внешние проявления беспорядка [12] прямою силою, дабы защищать людей мирных, в незаконном движении не участвующих,

---

[1]) Надпись сделана на переписанном экземпляре рукою перебелявшего для Витте данный документ. Рукою Витте на последней странице помечено: «Набросок кн. А. Д. Оболенского, прочитанный на пароходе 16 октября, когда ехали в Петергоф». Дата указана неверно: не 16-го, а 15-го.

[2]) Далее идет зачеркнутая Оболенским фраза: «Ко всем верным сынам России обращаю голос мой».

[3]) Зачеркнуто: «потому».

[4]) Далее зачеркнуто начало фразы: «Вожаки движения».

[5]) Первоначально было: «предстоять».

[6]) Первоначально было: «великое».

[7]) Зачеркнуто: «А посему».

[8]) Зачеркнуто: «наш».

[9]) Рукою Витте зачеркнуто: «все».

[10]) Далее зачеркнуто: «к скорейшему прекращению движения, к отысканию мер и способов и».

[11]) Рукою Витте исправлено: «г[осудар]ства».

[12]) Рукою Витте зачеркнуто: «беспорядка, массового нарушения закона», и вставлено: «беспорядка, бесчинства и насилия».

я вместе с сим повелеваю подлежащим м[инистр]ам, под руководством [1]) назначенного пр[едседате]ля совета министров [2]):

1-ое) Незамедлительно и не позже [3]) как в месячный срок [4]) разработать и представить к моему подписанию [5]) правила о предоставлении [6]) русским гражданам свободы слова и печати, об установлении порядка и условий личной неприкосновенности российских граждан и о свободе союзов.

2-ое) Составить предположения о таких изменениях в положении о выборах в Гос. Думу, по которым не могло бы найтись в отечестве нашем [7]) таких разрядов лиц, кои вовсе устранены бы были от выборов. Предположения эти д[олжны] быть внесены на рассмотрение Думы и гос[ударственного] совета.

3-е) Не касаясь общего вопроса о рабочем законодательстве, имеющем быть предметом особого [8]) выработанного уже представления, войти немедленно в ближайшее рассмотрение тех заявленных рабочими [9]) ж. дорог нужд, кои могут ныне же быть удовлетворены, и представить к моему утверждению о порядке сего удовлетворения [10]).

Ко всем верным сынам России обращаю голос мой, да прекратится сия неслыханная смута, да примутся рабочие люди за труд свой, и пусть не доводят [11]) вожаки их властей...[12])

10.

Замечания, сделанные рукою Н. И. Вуича, когда на пароходе 10 (час.) 16 октября был прочтен проект А. Д. Оболенского.

На пароходе ехал я (гр. Витте), кн. Оболенский, Вуич, м-р двора Фредерикс [13]).

Призываю всех верных сынов России выполнить долг свой перед родиной, помочь прекращению сей неслыханной смуты и вместе с нами напрячь все силы к восстановлению тишины на родной земле.

---

[1]) Зачеркнуто: «вновь».

[2]) Со слова «повелеваю» исправлено рукою Витте: «министрам под руководством председателя к[омите]та м[инист[ров».

[3]) Зачеркнуто: «15-го».

[4]) Зачеркнуто: «в составе м[инистерств]а».

[5]) Зачеркнуто: «временные до созыва Г[осударственн]ой Думы».

[6]) Первоначально было: «действительно».

[7]) Зачеркнуто: «сколько-нибудь».

[8]) Первоначально: «особых суждений».

[9]) Зачеркнуто: «казенных».

[10]) Первоначально: «исполнения».

[11]) Зачеркнуто: «они».

[12]) Окончания документа нет.

[13]) Заголовок и помета сверху сделаны рукою Витте.

Устранить всеми средствами опасность пролития драгоценной русской крови [1]).

При выполнении сего признаю необход[имым].

Приняв ныне меры к объединению высшего правительства, поручаем мы объединенному министерству [2]).

1) [3]) В дальнейшее [4]) осуществление выраженной в указе 12 декабря 1904 г. воли нашей [5]), направленной к укреплению законности и утверждению гражданственности в государстве нашем [6]) поручаем правительству исполнить непременную нашу волю водворить в России [7]) истинные начала гражданской жизни [8]) установлением неприкосновенности личности, дарованием всем подданным [9]) свободы слова, собраний и союзов, единственно способных обеспечить развитие [10]) на пользу дорогого отечества нашего всех обширных заключающихся в населении его творческих сил.

2) выработать и незамедлительно представить на утверждение наше дополнительные о правах Госуд. Думы и преобразуемого госуд. сов. правила, кои, [11]) обеспечивали бы непременное их участие в рассмотрении всех дел законодательных [12]).

и 3) Не останавливая происходящих ныне в Госуд. Думу выборов [13]), составить предположения и [14]) представить их нам на утверждение о предоставлении [15]) участия в Думе таким разрядам населения [16]), которые ныне вовсе лишены избирательных прав.

---

[1]) Написано на одном и том же листе, что и последующие строки, но в фотографическом альбоме эти строки помещены последними.

[2]) Зачеркнуто: «исполнить непременную нашу волю».

[3]) Зачеркнуто: «Приложить всемерное попечение к».

[4]) Первоначально: «дальнейшему».

[5]) Зачеркнуто три варианта фразы: «даровать всем нашим подданным возможность», далее зачеркнуто слово «возможность», и написано: «возможные способы к свободному развитию на различных поприщах, путем свободного выражения мыслей, объединения в союзы государстве»; и третий зачеркнутый вариант после слова «возможные способы»—«к участию в свободной гражданской жизни».

[6]) После слова: «нашем» зачеркнута фраза: «и утвердить в нем начала гражданской жизни».

[7]) Вместо: «утвердить в нем».

[8]) Зачеркнуто: «и обеспечить развитие общественных сил России».

[9]) Зачеркнуто: «нашим», и далее зачеркнута фраза: «права свободно выражать свои мысли, объединяться в союзы».

[10]) Зачеркнуто: «творческих сил отдельных лиц».

[11]) Зачеркнуто: «обеспечивали», зачеркнуто и это слово, далее зачеркнута вся фраза: «обеспечивали бы за ними действительное в общем ходе дел госуд[арства] значение, устанавливая».

[12]) Зачеркнуто: «лишь только после такого обсуждения могущих получить утверждение».

[13]) Зачеркнуто: «незамедлительно».

[14]) Зачеркнуто: «теперь».

[15]) Зачеркнуто: «широкого».

[16]) Первоначально: «лиц».

11.

Заметки Вуича[1]).

1. Не останавливая выборов в Думу, составить предположения и представить незамед[лительно] [2]).

Назначая вас предс[едателем] сов[ета] м[инист]ров [3]) Утвердив ее [3]). Приняв ныне меры к объединению д[ействий?] м-в, я вместе с безусловно желаю и требу [3]) считаю необходимым и обещаю привести в исполнение:

1) установление гражданской свободы (свободы печ[ати], союзов, совести, неприкосн[овенности] лич[ности]).

2) расширение права выборов в Госуд. Думу [4]) широким участ[ием] тех раз[рядов] лиц, кои ныне лишены избир[ательных] прав.

3) Предоставление Госуд. Думе и преобразованному госуд. совету прав, предоставленных в друг. учрежд., так, чтобы никакой закон не может иметь силы, если не получил санкции Гос. Думы.

12.

Окончат[ельный текст?] [5])

Проект, составленный 10 [час?] 16 октября Н. И. Вуичем и кн. Оболенским, в тот же день, когда приехали на пароходе, и после того, как государь император непременно пожелал не ограничиться утверждением моей программы (о чем я только и ходатайствовал), а издать манифест. Проект этот в тот же день при втором докладе (после завтрака) был мною передан его величеству.

Граф *Витте* [6]).

Божиею милостью,

мы, Николай второй, император и самодержец всероссийский, царь польский, великий князь финляндский и пр. пр. пр. [7]).

Смуты и волнения в столицах и во многих местностях империи нашей великою и тяжкою скорбью преисполняют сердце наше. Благо российского государя неразрывно с благом народным, и печаль народ-

---

[1]) Сбоку рукою Вуича сделана надпись карандашом: «Редакция, установленная на пароходе».

[2]) Писано чернилами и зачеркнуто карандашом.

[3]) Зачеркнуто карандашом.

[4]) Зачеркнуто: «так[им?] поряд[ком?].

[5]) Сверху, в левом верхнем углу, красным карандашом помечено: «Манифест 17 октября 1905 г. составлялся в Петергофе в Запасном дворце».

[6]) Заметка сделана чернилами рукою Витте.

[7]) Далее вписано карандашом: «Объявляем всем нашим верноподданным».

ная — его печаль. От волнений, ныне возникших, может явиться глубокое нестроение народное и угроза целости и единству державы нашей.

Великий обет царского служения повелевает нам всеми силами разума и власти нашей стремиться к скорейшему прекращению столь опасной для государства смуты. Повелев [1]) принять властные [2]) меры к устранению прямых проявлений беспорядка, бесчинств и насилий, в охрану людей мирных, стремящихся к спокойному выполнению лежащего на каждом долга, мы, для успешнейшего [3]) выполнения [4]) преднамечаемых нами общих [5]) к умиротворению государственной жизни мер, признали необходимым объединить деятельность высшего правительства.

На обязанность министерства, объединенного под руководством председателя комитета министров [6]), возлагаем мы выполнение непременной [7]) нашей воли:

1. Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов.

2. Не останавливая предназначенных ныне выборов в Государственную Думу, привлечь [8]) к участию в Думе [9]) такие слои [10]) населения, которые ныне [11]) лишены избирательных прав [12]).

и 3. Установить как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог восприять силу без одобрения Государственной Думы и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий поставленных от нас властей.

Призываем всех верных сынов России вспомнить долг свой перед родиной, помочь прекращению сей неслыханной смуты, дабы устранить тяжкое горе пролития драгоценной русской крови [13]),

---

[1]) Далее вставлено карандашом, но другим почерком: «подлежащим властям».

[2]) Зачеркнуто.

[3]) Зачеркнуто и восстановлено.

[4]) Вставлено карандашом «общих».

[5]) Зачеркнуто «общих».

[6]) Фраза: «министерства, объединенного под руководством председателя комитета министров» зачеркнута, и карандашем вставлено: «правительства».

[7]) Карандашом исправлено «непреклонной».

[8]) Вставлено: «теперь же».

[9]) Карандашом рукой Вуича на последней странице приписано: «в мере возможности, соответствующей краткости остающегося до созыва Думы срока».

[10]) Слова: «такие слои» зачеркнуты и исправлено: «те классы».

[11]) Вставлено: «совсем».

[12]) Карандашом на посл. стр. рукой Вуича приписано: «Предоставив за сим дальнейшее развитие начала общего избирательного права вновь установленному законодательному порядку».

[13]) Фраза: «дабы устранить тяжкое горе пролития драгоценной русской, крови» зачеркнута.

и вместе с нами напрячь все силы к восстановлению тишины и мира на родной земле.

Дан в Петергофе в «...» день октября 1905 г. [1])

На подлинном собственною его имп. в-ва рукою подписано:

«Николай».

13.

Письма А. А. Мосолова к С. Ю. Витте.

1.

Глубокоуважаемый граф Сергей Юльевич.

Одновременно с вашим проектом впоследствии обнародованного манифеста барон Владимир Борисович привез к вам проект манифеста т. с. Горемыкина, третий же проект был составлен не бароном Будбергом, как вы изволили упомянуть в вашем письме, а этот проект представлял из себя компиляцию содержания двух проектов, а именно вашего и Горемыкинского, и был составлен в главной квартире по приказанию барона Фредерикса. Барон Будберг отдельного проекта не составлял, а лишь сотрудничал Горемыкину при составлении его проекта.

По возвращении в Петергоф 17 окт. барон Фредерикс взял все три проекта к государю императору, но, возвратившись домой, передал мне лишь ваш проект, который и переписывался у меня в канцелярии. Прочие два проекта я более не видал.

Я только что справлялся у князя Орлова, что и задержало мой ответ, но князь положительно утверждает, что проектов этих нет в главной квартире, и высказал предположение, что они находятся у барона Фредерикса.

Завтра же я не премину спросить барона, у него ли эти проекты, и тотчас же вам доложу.

Пользуюсь случаем, чтобы выразить вашему сиятельству мое искреннее уважение.

Сердечно преданный вам *А. Мосолов*.

23 декабря 1905 г.

2.

Глубокоуважаемый граф Сергей Юльевич.

Барон Фредерикс поручил мне передать вашему сиятельству, что, насколько он помнит, два проекта манифеста, которые не были удостоены появлением в свет, им еще 17 октября были оставлены

[1]) Зачеркнуто 1905 г. и карандашом, почерком, писавшим вставку 8-го прим., приписано: «в лето от рождества христова тысяча девятьсот пятое, царствования же нашего в одиннадцатое».

у его величества, при чем его в. пр-во объяснил, что, во всяком случае, у него они не остались.

Полагаю, что вероятнее всего, что проекты эти действительно остались у государя императора, так как иначе они не миновали бы моих рук.

Очень сожалею, что мне не удалось исполнить вашего желания, и пользуюсь этим случаем, чтобы возобновить уверения моего отменного почтения и преданности.

Ваш покорный слуга *А. Мосолов.*

24-XII 1913 г.

14.

Проекты манифеста Горемыкина—Будберга.

I.

Божиею милостию,

мы, Николай второй император и самодержец всероссийский, царь польский, великий князь финляндский и пр., пр., пр.

Объявляем всем верным нашим подданным:

Благо России и избрание правильных путей к достижению и обеспечению устройства государства и счастия подданных всегда составляли первейшую заботу царственных помыслов наших. Признав своевременным установить в законе порядок участия выборных от населения в законодательных трудах, мы утвердили учреждение Государственной Думы, сохранив за собою заботу [1]) о дальнейшем усовершенствовании этого закона сообразно потребностям времени и благу государства.

Широкая возможность, предоставленная нами всей мыслящей России обсудить без стеснений силу и значение этого закона, открыла пред нами многостороннее пожелание [2]) наших подданных, и если многие из таковых навеяны враждебностью ко всякому порядку, а потому нами должны быть отвергнуты, другие, несомненно, проникнуты стремлением к благу родины.

В твердом решении исполнить и впредь царственный долг свой [3]) подавлением смуты, препятствующей нам в трудах, направленных к благоденствию народа, мы вместе с тем, глубоко и молитвенно вникнув в разумное и благомыслящее народное настроение и усматривая в нем указания нам промыслом [4]) на истинные нужды России, повелеваем в незыблемое основание [5]) подлежащих внесению в Государственную

---

[1]) Зачеркнуто: «заботу», исправлено: «почин».
[2]) Исправлено: «многосторонние пожелания».
[3]) Зачеркнуто: «свой», исправлено: «наш».
[4]) Зачеркнуто: «нам промыслом», исправлено: «указание».
[5]) Исправлено: «в незыблемую основу».

Думу законодательных предположений принять [1]) провозглашаемое [2]) нами ныне начало [3]) неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов.

Никакой закон да не будет представлен на утверждение наше без одобрения Государственной Думы.

Надзор Государственной Думы за закономерностью действий поставленных от нас властей да будет действителен.

Подвергнуть обсуждению Государственной Думы вопрос о дальнейшем развитии начала общего избирательного права, приняв меры к привлечению ныне же к предстоящим выборам тех классов населения, которые, по изданному положению о выборах, вовсе лишены избирательных прав [4]).

II.

Божиею милостию,

мы, Николай вторый, император и самодержец всероссийский, царь польский, великий князь финляндский и пр., пр., пр.

Объявляем всем верным нашим подданным:

Благо России и избрание правильных путей к достижению и обеспечению устройства государства и счастия подданных всегда составляли первейшую заботу царственных помыслов наших. Признав своевременным установить в законе порядок участия выборных от населения в законодательных трудах, мы утвердили учреждение Государственной Думы, сохранив за собою почин в дальнейшем усовершенствовании этого закона сообразно потребностям времени и благу государства.

Широкая возможность, предоставленная нами всей мыслящей России, обсудить без стеснений силу и значение этого закона открыло [5]) перед нами многостороннее пожелание наших подданных [6]), и если многие из таковых [7]) навеяны враждебностью [8])

---

[1]) Вставка: «даруемые наши ныне населению государства нашего права народного представительства»; далее связка со вставкой, писанной рукой Горемыкина: «на твердом основании законов, имеющих быть выработанными порядком, учреждением Государственной Думы установленным». Слова «учреждением Госуд. Думы установленным», как и все остальные поправки, принадлежат, повидимому, Будбергу.

[2]) Исправлено: «провозглашенные».

[3]) Исправлено: «начала».

[4]) Два последних абзаца и конец фразы, после слова «принять»—«провозглашенное нами начало» и т. д., зачеркнуты. В перебеленном экземпляре этого варианта сделаны все поправки, указанные в примечаниях 1, 2, 3, 4, 5, (стр. 92), но оставлен весь вычеркнутый текст последних абзацов с поправками, указанными в примечаниях 2 и 3 (стр. 93).

[5]) Исправлено: «открыла».

[6]) После: «подданных» поставлена точка, и зачеркнуто: «и если».

[7]) Зачеркнуто: «таковых», вставлено: «этих пожеланий».

[8]) Исправлено: «врагами».

ко всякому порядку [1]), а потому нами должны быть отвергнуты [2]), другие несомненно проникнуты стремлением к благу родины [3]).

В твердом решении исполнить и впредь царственный долг наш подавлением смуты, препятствующей нам в трудах, направленных к благоденствию народа, мы вместе с тем, глубоко и молитвенно вникнув в разумное [4]) и благомыслящее народное настроение [5]) и усматривая в нем указание на истинные нужды России [6]), повелеваем в незыблемую основу подлежащих внесению в Государственную Думу законодательных предположений принять даруемые нами ныне населению государства нашего права народного представительства, имеющих быть на твердом основании законов выработанными, порядком учреждением Государственной Думы установленным [7]). Даруя ныне же всему населению державы нашей гражданские права, основанные на неприкосновенности личности и свободы совести, слова, собраний и союзов, мы вместе с тем повелеваем принять меры к тому, чтобы классы населения, по положению о выборах вовсе устраненные от участия в оных, получили представителей по Госуд. Думе, сохранив за крестьянским сословием предоставленные им положением о выборах примущества [8]).

III.

Божиею милостью,

мы, Николай вторый, император и самодержец всероссийский, царь польский, великий князь финляндский и пр., и пр., и пр.

Объявляем всем верным нашим подданным:

Благо России и избрание правильных путей к достижению и обеспечению устройства государства и счастия подданных всегда составляли первейшую заботу царственных помыслов наших. Признав своевре-

---

[1]) Зачеркнуто: «ко», исправлено: «всякого порядка».

[2]) Вся фраза зачеркнута.

[3]) Вставлено: «и заслуживают особого нашего внимания».

[4]) Зачеркнуто: «разумное», и вставлено: «современное положение России и в».

[5]) Зачеркнуто: «настроение», и фраза исправлена так: «в благомыслие народа нашего».

[6]) Вся фраза зачеркнута.

[7]) Приписано: «Да примет Россия, осенясь крестным знаменьем, сей дар в залог беспредельной любви нашей, и да укрепится им исконная и неразрывная связь русского царя с богом вверенным ему народом.

[8]) Рукою Орлова на отдельном листке написано: «свобода совести и слова, а и права собраний на основании законов» «октября сего года». Несколько ниже отдельное замечание: «всякие оговорки — злят».

На перебеленном экземпляре есть только перестановка этой фразы, читаемой вследствие этого так: «права народного представительства, имеющие быть выработанными на твердом основании закона».

Далее следует указание на вставку, под которую подходит содержание отдельного листка.

менным установить [1]) порядок участия выборных от населения в законодательных трудах, мы утвердили учреждение Государственной Думы, сохранив за собою почин в дальнейшем усовершенствовании этого закона сообразно потребностям времени и благу государства.

Широкая возможность, предоставленная нами всей мыслящей России, обсудить без стеснений силу и значение этого закона открыла перед нами многосторонние пожелания наших подданных. Многие из этих пожеланий навеяны врагами всякого порядка; другие несомненно проникнуты стремлением ко благу родины и заслуживают особого нашего внимания.

В твердом решении исполнять и впредь царственный долг наш подавлением смуты, препятствующей нам в трудах, направленных к благоденствию народа, мы вместе с тем, глубоко и молитвенно вникнув в современное положение России и веря в благомыслие народа нашего [2]), повелеваем в незыблемую основу подлежащих внесению в Государственную Думу законодательных предположений принять даруемые нами ныне населению государства нашего права народного представительства, имеющие быть выработанными на основании закона, порядком [3]) учреждением Государственной Думы установленным [4]).

Даруя ныне же всему населению державы нашей гражданские права, основанные на неприкосновенности личности и [5]) свободе совести и слова, а также права собраний и союзов по определению закона, мы вместе с тем повелеваем принять меры к тому, чтобы части населения, по положению о выборах вовсе устраненные от участия в оных, получили [6]) представителей Государственной Думы [7]), сохранив за крестьянским сословием предоставленные им [8]) положением о выборах преимущества.

Да примет Россия, осенясь крестным знаменьем, сей дар в залог беспредельной любви нашей, и да укрепится им исконная и неразрывная связь русского царя с богом вверенным ему народом.

Дан в Петергофе октября «...» дня от рождества христова в год тысяча девятьсот пятый, царствования же нашего одиннадцатый.

---

[1]) Вставлено: «в законе».
[2]) Исправлено: «верных наших подданных».
[3]) Исправлено: «в порядке».
[4]) Исправлено: «установленном».
[5]) «И» зачеркнуто.
[6]) Над словом «получили» вписано: «имели своих».
[7]) Исправлено: «в Государственной Думе».
[8]) В перебеленном экземпляре зачеркнуто: «им», исправлено: «ему».

IV.

Окончательный текст проекта манифеста Горемыкина—Будберга.

Божиею милостию,

мы, Николай вторый, император и самодержец всероссийский, царь польский, великий князь финляндский, и пр., и пр. ,и пр.

Объявляем всем верным нашим подданным:

Благо России и избрание правильных путей к достижению и обеспечению устройства государства и счастия подданных всегда составляли первейшую заботу царственных помыслов наших. Признав своевременным установить в законе порядок участия выборных от населения в законодательных трудах, мы утвердили учреждение Государственной Думы, сохранив за собою почин в дальнейшем усовершенствовании этого закона сообразно потребностям времени и благу государства.

Широкая возможность, предоставленная нами всей мыслящей России, обсудить без стеснений силу и значение этого закона открыла перед нами многосторонние пожелания наших подданных. Многие из этих пожеланий навеяны врагами всякого порядка; другие несомненно проникнуты стремлением ко благу родины и заслуживают особого нашего внимания.

твердом решении исполнять и впредь царственный долг наш подавлением смуты, препятствующей нам в трудах, направленных к благоденствию народа, мы вместе с тем, глубоко и молитвенно вникнув в современное положение России и веря в благомыслие верных наших подданных, повелеваем в незыблемую основу подлежащих внесению в Государственную Думу законодательных предположений принять даруемые нами ныне населению государства нашего права народного представительства, имеющие быть выработанными на основании закона, в порядке, учреждением Государственной Думы установленном.

Даруя ныне же всему населению державы нашей гражданские права, основанные на неприкосновенности личности, свободе совести и слова, а также право собраний и союзов по определению закона, мы вместе с тем повелеваем принять меры к тому, чтобы части населения, по положению о выборах вовсе устраненные от участия в оных, имели своих представителей в Государственной Думе, сохранив за крестьянским сословием предоставленные ему положением о выборах преимущества.

Да примет Россия, осенясь крестным знамением, сей дар в залог беспредельной любви нашей, и да укрепится им исконная и неразрывная связь русского царя с богом вверенным ему народом.

Дан в Петергофе, в... день октября, в лето от рождества христова тысяча девятьсот пятое, царствования же нашего в одиннадцатое.

15.

Обращение С. Ю. Витте в «Правительственный Вестник».

Господину главному редактору «Правительственного Вестника» [1]).

По поручению г. председателя комитета министров статс-секретаря графа Витте, имею честь препроводить при сем вашему превосходительству для экстренного отпечатания и рассылки по возможности сегодня же, 17 с е г о о к т я б р я, списки: 1) со всемилостивейшего манифеста, 2) с высочайшего повеления и 3) со всеподданнейшего доклада статс-секретаря графа Витте.

К сему долгом считаю присовокупить, что со стороны г. м и н и с т р а ю с т и ц и и на распубликование манифеста п р е п я т с т в и й н е в с т р е ч а е т с я.

Временно управляющий делами комитета, гофмейстер *Н. Вуич.*

Верно: Экспедитор канцелярии комитета министров *(подпись).*

17 октября 1905 г. № 4041.

16.

Обращения С. Ю. Витте ко всем министрам в день 17 октября.

I.

Обер-прокурору святейшего синода.

Государь император высочайше соизволил повелеть мне принять меры к объединению деятельности министров, впредь до утверждения законопроекта о совете министров.

О таковой высочайшей воле имею честь уведомить ваше высокопревосходительство. Статс-секретарь граф *Витте.*

Верно: Экспедитор канцелярии *(подпись).*

17 октября 1905 г. № 4043

Такого же содержания посланы:

Г. наместнику кавказскому № 4044. Г. министру путей сообщения № 4045. Г. госуд. контролеру № 4046. Г. министру имп. двора № 4047. Г. министру иностр. дел № 4048. Г. министру нар. просв, № 4049. Г. военному министру № 4050. Г. морскому министру № 4051. Г. мин. фин. № 4052. Г. мин. внутренних дел. № 4053. Г. СПБ ген.-губернатору № 4054. Г. главноупр. зем. и землеустр. № 4055. Г. мин. юстиции № 4056. Г. главноупр. с[обственной] е[го] и[мперат]. в[елич] канцелярии № 4057. Г. главноупр. канцелярией е. и. в. по принятию прошений № 4058 [2]).

---

[1]) Все 3 документа были посланы для напечатания во все петербургские газеты (см. далее № 19).

[2]) Так же бумаги отдельно посланы в. кн. Александру Михайловичу, председателю госуд. совета, председателям департаментов гос. сов.: законов, промышленности и торговли, духовных и гражданских дел и государственному секретарю.

II.

Милостивый государь.

Всем, в том числе: об. прок. св.. син., гос. контролеру, ведом. учрежден. импер. Марии [1]).

Имею честь просить вас не отказать в представлении мне сведений о всех происходящих и имеющих отношение к вверенной вам части управления крупных событиях политического характера.

Булыгину [2]) с добавкой.

...Независимо от сего покорнейше прошу вас не отказать сделать распоряжение по ведомству телеграфному, дабы все проходящие через телеграф в Петербурге депеши, не написанные шифром, имеющие важное политическое значение, также немедленно мне доставлялись.

Графу Ламздорфу [3]).

Имею честь покорнейше просить не отказать в доставлении мне сведений о всех крупных внешних событиях, имеющих отношение до внутреннего положения России [4]).

17.

Письмо Д. Ф. Трепову.

М. Г.

Дмитрий Федорович.

Имею честь покорнейше просить вас не отказать сделать распоряжение, дабы департамент полиции или другое какое-либо учреждение по вашему усмотрению доставляли мне ежедневно сведения о всех выдающихся происшествиях и о всех производимых арестах по политическим преступлениям с поименованием арестованных лиц, а также, насколько сие возможно, и о причинах ареста. Независимо сего, благоволите приказать доставить мне общий список всех лиц, находящихся под арестом по политическим причинам, с объяснением оснований ареста. Буду вам также очень благодарен, если вам будет угодно сообщать мне о различных ожидаемых событиях, о которых вы имеете надлежащие сведения.

Примите, м. г., уверение в отличном моем уважении и совершенной преданности.

Подписал: Граф *Витте*.

17 октября 1905 г. № 4078.

Верно: Делопроизводитель (*подпись*).

---

[1]) Рукой Витте приписано: «в[оенному] м[инист]ру и м[орско]му м[инист]ру».

[2]) Булыгин — мин. вн. дел.

[3]) Ламздорф — мин. иностранных дел.

[4]) Со слов: «о всех крупных» зачеркнут трафаретный текст и чернилами рукой Витте написан здесь приведенный.

18.

Сообщение ПТА.

«С.-Петербургским телеграфным агентством» разосланы следующие сообщения:

1) «Во многих газетах появились сообщения, приписывающие председателю совета министров заявления о том, что манифест 17 октября не внес существенных изменений в условия государственной жизни России, что возвещенные сим манифестом свободы и обеспеченные за Думою права могут и не быть полностью осуществлены, и что самодержавная власть в том виде, как осуществлялась до манифеста, также будет продолжать действовать и впредь, после созыва Государственной Думы, без всякой перемены. Такие сообщения столь очевидно ложны, что не требовали бы и опровержений, если бы они, к сожалению, не получили широкого распространения и не были приняты многими с доверием. Невозможность для графа Витте высказывать подобные суждения явствует из того, что в них выражалось бы сомнение в объявленной непреклонной воле государя императора. Такое сомнение, вообще недопустимое со стороны всякого верноподданного, очевидно, ни при каких условиях не могло быть высказано председателем совета министров».

19.

Интервью С. Ю. Витте с представителями печати.

I.

Господину редактору.

Граф С. Ю. Витте, свидетельствуя совершенное свое почтение, имеет честь покорнейше просить вас не отказать пожаловать к нему завтра, во вторник, 18 октября, в 11 час. утра (Каменноостровский пр., д. 5), для беседы.

17 октября 1905 г. разосланы повестки нижеследующим редакторам:

«Биржевых Ведомостей».
«Ведомости Спбург. Градоначальства».
«Вестник Европы».
«Гражданин».
«Журнал М-ва Юстиции».
«Исторического Вестника».
«Мир Божий».
«Новое Время».
«Новости» и «Биржевой Газеты».
«Образование».
«Петербургской Газеты».
«Петербургского Листка».
«Правительств. Вестника».
«Право».
«Русская Газета».
«Русский Вестник».
«Русское Богатство».
«Русь».
«Спбург. Ведомостей».
«Свет».
«Слово».
«Судебной Газеты».

«Судебного Обозрения».
«Торгово-Промышленной Газеты».
«Хозяин».
«Юридической Газеты».
«Юрист».
«Journal de St.-Petersbourg».
«St. Petersbourger Herold».
«St. Petersbourger Zeitung».
«Kraj».
«Дер Фрайнд».
«Рассвет».

II.

Редакторы петербургских газет и журналов у С. Ю. Витте [1]).

Считаем необходимым заметить для освещения нижеприведенной беседы, что пожелания всех представителей прессы сходились только на необходимости свободы печати и объявления политической амнистии. Остальные заявления исходили от отдельных лиц и групп, а не от имени всей печати.

18 октября редакторы, издатели и некоторые из сотрудников петербургских периодических изданий явились к графу С. Ю. Витте по его приглашению для беседы о современных событиях и о свободе печати.

С. Ю. Витте вышел к журналистам в 11 часов. Сославшись на недостаток помещения, гр. Витте, после обмена рукопожатий, заявил, что он не приглашает никого садиться и будет вести разговор стоя.

Все столпились поближе к гр. Витте. Он был почти в центре группы.

Граф Витте обратился к журналистам с такой речью:

— Охрана безопасности в государстве должна иметь опору на общественном мнении. Вы знаете, что в России, благодаря особым условиям, общественное мнение выражалось лишь печатью, так как других органов для выяснений мнений большинства, меньшинства и крайних элементов не было. В виду этого русская печать всегда имела исключительное значение. Невзирая на свое полное бесправие и беззащитность, наша печать всегда имела громадное влияние на умы. Я обращаюсь к вам, как русский человек, как гражданин, а не как царедворец или министр. Помогите мне успокоить умы. От вас, главное от вас это успокоение зависит. Пока не водворится порядок, никто не в состоянии ничего сделать. Теперь все дезорганизовано. Все чувства людей дезорганизованы. Я тоже человек: и у меня теперь нет нормального равновесия между чувством и умом. Как сановник, я встречаю людей, известных всей России и всему миру. Эти люди всегда жили только умственной жизнью. У них волевая жизнь не развита. Они еще могут судить о положении дел в отношении того, что следует делать (ум), но не о том, как можно делать (воля) при современных обстоятельствах. Что же я теперь буду делать? Ведь дело, которое

[1]) Рукою Витте помечено: «Слово», далее неразборчиво.

я буду вести, — не мое. Мне не сладка его тяжесть. Я нуждаюсь в поддержке. Обращаюсь к вам. Помогите мне. Если вы успокоите общественное мнение, если явится истинное народное представительство, все облегчится. Тяжкая обуза падет. Тогда правительство будет играть роль такую, как в культурных странах. Если вы хотите, господа, вы можете принести громадную пользу всем. Не мне, не правительству, а всей России. В таком же разброде чувств и мыслей дольше жить нельзя.

Редактор «Нового Времени» М. А. Суворин выступает немного вперед и говорит: Для полного успокоения страны теперь необходима прежде всего политическая амнистия.

С. Ю. Витте. Да. Одновременно с обнародованием манифеста произошли несчастные события у Технологического института. У меня был видный земский деятель. Имени его не буду называть. Он уже обратил мое внимание на необходимость политической амнистии. Сегодня я говорил с министром юстиции и поручил созвать сведующих лиц, дабы обсудить, в каких размерах возможна амнистия.

Издатель-редактор «Биржевых Ведомостей» С. М. Проппер. До объявления амнистии успокоения не будет. Теперь столичная печать объединилась в политический союз на условии амнистии. Преступно было бы, чтобы в обновленной России остались без амнистии, кто работал в пользу обновления страны. Требование амнистии категорическое.

С. Ю. Витте. Обращаюсь, господа, к вашему благоразумию и чувству. Этот вопрос не забыт. Я сделаю все, что могу. Вы можете говорить об этом в газетах. Если же вы дело поставите так: правительство еще не устроено, а вы будете писать, что успокоение невозможно, пока не будут удовлетворены и те требования, и другие. Если каждая группа будет требовать: сделайте это, иначе мы не сделаем того-то, — что же в результате получится? Кого мне сперва слушать? Я прошу прежде всего доверия.

Редактор «Новостей» О. К. Нотович. Мы верим, но народ не верит.

С. Ю. Витте. Я рад, что вы доверяете мне. У государя нет других забот, кроме забот о благе народа. Но в чем благо народа,— на этот счет возможны сомнения, особенно когда одни советники твердят: «Вот это полезно народу», а другие говорят: «Нет, это вредно». Вне соображений о благе народа у государя нет сомнений. Благо — единственная точка отправления у государя. Амнистия политическая — вопрос очень сложный. Даже тот земский деятель,— а он доктор прав, — вчера говорил мне: «Это вот можно, а то вот — нет». Я употреблю все силы. Его величество предоставил мне достаточные полномочия, чтобы я мог сказать это так положительно. Мы теперь в водовороте смуты. Всегда возможны кровавые столкновения. Если и теперь каждая группа будет являться со своими требованиями...

С. М. Проппер. Это не группа, а все, вся Россия...

С. Ю. Витте. Нет, не вся, не вся Россия...

Общие голоса. Нет, разногласий нет у нас в России.

О. К. Нотович. Даже «Гражданин» за амнистию.

С. М. Проппер. Амнистия должна явиться поскорей...

С. Ю. Витте. Господа, вы требуете...

Издатель «Нашей Жизни» проф. Ходский. Граф, вы заблуждаетесь. Мы не требуем, и мы не просим. Мы говорим, что́ необходимо. Амнистия прежде всего. Кроме того, генерал Трепов должен быть удален с должности генерал-губернатора С.-Петербурга. Таково постановление союза газет.

Представители «Нового Времени» и «Слова» возражают, говоря, что такого постановления не было.

С. Ю. Витте. Генерал Трепов сам охотно ушел бы, но теперь не такое положение, чтобы об этом можно было говорить... Вы говорите, что наступит успокоение, когда ген. Трепов удалится. А что скажут сотни тысяч обывателей, непричастных к политическому движению?

Делегат «Новостей» г. Арабажин. Успокоение нужно начать с уничтожения военного положения и усиленной охраны, а также с устранения опасности применения смертной казни.

Делегат «Русского Богатства» Анненский. Положение очень серьезно. Мы обязаны, зная психику страны, сказать, что́ нужно. Страна не верит обещаниям правительства. До успокоения страны еще далеко. Мы совершим преступление, погубим значение печати, если согласимся с вами. Все наши требования должны быть выполнены. В первую голову должно быть реальное осуществление всех свобод, объявленных в первой половине манифеста.

С. Ю. Витте. В этом вы можете быть уверены.

С. М. Проппер. Мы готовы вас поддерживать.

С. Ю. Витте. Перед кем? Если перед монархом, то напрасно. У него мне вашей поддержки не нужно. Монарх, кроме блага и добра, ничего не желает. Ему только нужно дать ясную картину дел. Необходимо только, чтобы он видел, где лежит истина и спасение. Ведь он человек. А ему говорят одни: «Нужны сила и репрессия». Другие возражают: «Нет, не сила. Нужно воздействовать на психологию общества. Необходимо удовлетворить желания большинства». Так вот вы, господа, постарайтесь, чтобы государь увидел, что от добрых мер есть результаты. Вот лучший путь. На нем вы меня и поддержите. Я с вами согласен, что нужно провести принципы реформы в жизнь, но для этого прежде всего нужно сделать все, чтобы на улицах не стреляли. Вы требуете, чтобы все было сделано немедленно. Но вы забываете, в каком мы положении. Правительству надо прежде всего самому организоваться. Между тем я еще не видался ни с кем из министров. Мне необходимо говорить с разными лицами, между прочим, из Москвы и Киева, куда я разослал телеграммы еще четыре дня назад. И никто не может приехать. Правительство хочет быть искренним. Оно не же-

лает быть в роли китайского пугала с несуществующей сущностью... А теперь даже печати периодической нет. Я не могу ориентироваться во мнениях печати. Ведь и между вами люди разных направлений и взглядов... Нужен порядок. А ныне я не могу поручиться, что не будет выстрелов на улицах.

Анненский. Необходимо организовать народную милицию. Нужно увести из столицы казаков и войска.

С. Ю. Витте. Теперь нельзя.

Анненский. Теперь революция. Нужны не обещания, не векселя, а нужна валюта.

С. М. Проппер. Назначьте срок для вывода войск.

Голоса. Нельзя отсрочить... Нужна народная милиция.

С. Ю. Витте. Неисполнимо, нет, нет.

Арабажин. В настоящее исключительное время печать может оказать С. Ю. Витте содействие в его добрых намерениях одним способом: фактическим осуществлением свободы печатного слова, которая возвещена манифестом. Таково решение союза газет.

С. Ю. Витте. Дело ваше. Я полагаю, что это решение не полезно при теперешних обстоятельствах. Ведь уже объявлена свобода печати. Но пока не изданы новые законы о печати, необходимо соблюдать существующие еще, не отмененные законы. Нарушение их будет уже дезорганизацией. Вы твердите: то снять, то свергнуть. Дайте время; пока в случае нужды черкните мне два слова, и всегда вы найдете у меня поддержку.

Анненский. Мы готовы дать время, но ведь жизнь не ждет.

Ходский. В манифесте нет даже упоминания о свободе печати.

С. Ю. Витте. Я отвечаю честным словом, что свобода печати существует, но, судите сами, нельзя же объявить в манифесте, что все законы о печати уничтожены.

Анненский. Но судебная ответственность?

С. Ю. Витте. Суд? Но ведь такой свободы печати нигде на свете нет, чтобы могли все печатать; за нарушение закона карает суд.

Анненский. При нынешней «свободе» мы без разрешения цензуры не можем выпустить нумеров из типографии.

Ходский. Мы не будем выпускать газет, пока войска не удалятся.

С. Ю. Витте. Увести войска? Нет, лучше остаться без газет и без электричества. Если войска уйдут, другие жители будут в праве за эту меру винить правительство.

Редактор «Руси» А. А. Суворин. Вы не доверяете обществу.

Острогорский. Стачечный комитет ручается, что без войск будет порядок.

С. Ю. Витте. Не могу стать на вашу точку зрения. Вы упраздняете правительство. А на правительстве в Петербурге лежит ответ-

ственность за 700 тысяч обывателей. Что другие жители скажут, если мы поверим, отпустим войска, а всюду начнутся грабежи, разбои, убийства?

Нотович. В Москве войска удалили, и водопровод начал действовать.

С. Ю. Витте. Снабжение жителей города водой — обязанность городской думы. Если она заявит, что снабжение столицы не нуждается в военной охране, то охрана, конечно, может быть снята.

Некоторые присутствующие заявляют, что именно дума и просила об охране водопровода, так как имела сведения о возможности его забастовки.

Представители радикальных газет. Удалите войска.

С. Ю. Витте. А вы слагаете с правительства ответственность? Если я удалю войска, то сотни тысяч, жены, дети скажут: «Витте сумасшедший».

Анненский. Но нас бьют казаки, удалите эту дикую орду.

С. Ю. Витте. Я сам возмущаюсь насилиями... Помогите мне, дайте несколько недель. Все неудобства, все беспорядки в мире и революции всегда происходили от недоразумений. Теперь дано почти всеобщее избирательное право. Является бесконечная масса вопросов. Населению трудно осуществить всеобщее право выбора без путей сообщения и без общественной организации. Лишь постепенно придем к этому...

Голоса. Уничтожить смертную казнь... Немедленно объявить политическую амнистию.

С. М. Проппер. Для гарантии личности нужно удаление войск.

С. Ю. Витте. Когда все успокоится, войска удалятся.

О. К. Нотович. Войска — причина беспорядков.

С. Ю. Витте. Столько задач. Множество вопросов для решения. Но у меня ведь не 48 часов в сутках.

О. К. Нотович. Мы указываем, как установить спокойствие, мы говорим против расстрелов, против военного положения, против усиленной охраны.

С. Ю. Витте. При мне усиленная охрана не будет обращаться в произвол... Но ныне мне еще нужен аппарат. Я только еще организую правительство. Дайте мне передышку.

Арабажин. Но если правительство еще не организовалось, то не отложить ли беседу до тех пор, пока С. Ю. Витте в силах будет исполнить свои обещания.

Издатель «Петербургской Газеты» С. Н. Худеков. Пусть все свободы, особенно свобода печати, сразу получат осуществление.

С. Ю. Витте. Завтра мы практически будем это обсуждать... Пока я скажу: не нарушайте законов о цензуре. Я сегодня поговорю с начальником главного управления по делам печати об устранении

недоразумений... Опять прошу вас, господа, приходите ко мне, когда хотите... Все, что я сказал вам, я могу сказать всем, придут ли ко мне революционеры или анархисты... До свидания.

Граф С. Ю. Витте обошел всех с рукопожатиями и удалился. Журналисты начали разъезжаться.

ПРИМЕЧАНИЯ.

К № 1. АОР, Архив Витте, папка № 14, арх. № 87, без названия. Повидимому, это отчет, сост. Витте о своем премьерстве. Печатаем лишь первую главу; всех глав одиннадцать, начало записки совпадает с началом II тома «Воспоминаний», такие же приблизительно совпадения имеются и в других главах.

К № 2. I Отд. Юрид. Секц. Ленинградского Центрального Исторического Архива (Л. Ц. И. А.). Дело № 22 Канц. Совета Мин. По Экспедиции л. л. 25—33. Записка напечатана на машинке, в отдельных местах на полях сделаны карандашные подчеркивания, подпись и дата собственноручные.

К № 3. Дело Канцелярии Совета Министров 1905 г. № 30, л. л. 2—3.

К № 6. АОР, Архив Витте, арх. № 708, альбом с фотографиями документов. Под № 88 в папке № 14 имеется переписанный на машинке (исправленный текст) экземпляр с надписью Витте, приведенной нами в заголовке.

К № 7. Составлена по словам самого Витте (см. «Воспоминания», т. II, стр. 5) в начале января 1907 г. АОР, архив Витте, папка № 14, архивный № 91, написано на машинке с карандашными пометками и поправками одного Витте, поэтому в примечаниях не оговорено, что поправки сделаны им. На перебеленном экземпляре есть следующая приписка Витте: «Сегодня 25 марта».

К № 8-а. АОР, архив Витте, папка № 14, арх. № 90. Писано чернилами на четырех страницах восьмушки с карандашной пометкой Витте: «Прошу также снять копию».

К № 8-б. АОР, архив Витте, арх. № 91. Перепечатываем с перебеленной на машинке копии, так как в черновике, писанном рукою Витте, помарки и поправки очень незначительны, чтобы их воспроизводить.

К № 8-в. АОР, архив Витте, папка № 14, архивный № 92. Писано чернилами на четырех страницах восьмушки с замечаниями Витте.

К № 8-г. АОР, архив Витте, папка № 14, арх. № 97. Писано чернилами на четырех листах восьмушки. Никаких пометок нет.

К № 8-д. АОР, архив Витте, папка № 14, арх. № 98. Письмо писано чернилами на четырех страницах восьмушки с фамильным гербом Вл. Ал. Пометок нет.

К № 9. АОР, архив Витте, папка № 14, арх. № 79. На четырех четвертушках, писанных рукою Оболенского с карандашными поправками Витте. Так как все остальные поправки сделаны только Оболенским, то об этом в примечаниях специально не оговорено. Под № 78 той же папки имеется перебеленный текст, составленный для Витте, с надписью, приведенной в заголовке настоящего документа. Кроме того, этот документ сфотографирован первым в его альбоме.

К № 10. АОР, Архив Витте, папка № 14, арх. № 80. На 4 страницах полул. Писано карандашом, все исправления сделаны самим же Вуичем. Под тем же арх. № имеется перебеленный для Витте экземпляр с надписью перебелявшего: «Незаконченный проект [зачеркнуто: «набросок»], составленный Н. И. Вуичем на пароходе после прочтения проекта кн. Оболенским». С оригинала снята фотография, имеющаяся в альбоме.

К № 11. АОР, Архив Витте, папка № 14, арх. № 81, на одной стр. полул., кроме первой записи, все остальное писано карандашом. На перебеленном экзем-

пляре надпись: «Записанное Н. И. Вуичем под диктовку графа Витте (во время остановки уже парохода у Петергофской пристани) окончательно установленное содержание пунктов предполагавшегося манифеста».

К № 12. АОР, Архив Витте, папка № 14, арх. № 82, на четырех листах плотной бумаги, писанной на машинке; все исправления сделаны карандашом Оболенским и Вуичем, кроме поправок, оговоренных в примечании 8-м (стр. 90) и 1-м (стр. 91).

К № 13. АОР, архив Витте, папка № 14, арх. №№ 85 и 86, писано каждое письмо чернилами на четырех страницах восьмушки. Пометок нет.

К № 14 I—III. Политсекция Л. Ц. И. А. Фонд В. Ф. Орлова, пакет с надписью Орлова «Манифест 1905 года 16 октября. Проекты и исправления». Как черновик, так и беловик первого варианта писаны на машинке. На черновике все поправки сделаны карандашом двумя почерками.

К № 14, IV. Политсекция Л. Ц. И. А. Фонд В. Ф. Орлова. Пакет с надписью Орлова «Манифест 1905 года 16 октября. Проекты и исправления». В пакете хранятся три варианта с черновиками и беловиками и литографированный экземпляр окончательного текста и отдельный листок. Все бумаги писаны на машинке, исправления сделаны карандашом преимущественно Будбергом, отчасти Горемыкиным и один раз Орловым (на отдельном листочке им начата фраза «Повелев надлежащим властям», повидимому, относящаяся к первому варианту). Кроме того, в пакете хранится переписанный карандашом экземпляр Виттевского проекта рукою писавшего вставки, оговоренные нами в примеч. 8 (стр. 90) и 1 (стр. 91) «окончательного текста» Виттевского манифеста.

К № 15. I отд. Юрид. Секции Л. Ц. И. А. Дело № 22. Канц. сов. мин. по экспедиции. л. 6.

К № 16—I. 1 отд. Юрид. Секции Л. Ц. И. А. Дело № 22. Канц. сов. мин. По экспедиции л. 8-й.

К № 16—II. I отд. Юрид. Секции Л. Ц. И. А. Дело № 22. Канц. сов. мин. по экспедиции л. 11-й. Л. 15 того же дела содержит обращение Витте к князю М. И. Хилкову, министру путей сообщения, где еще есть просьба «приказать доставлять мне ежедневно сведения о положении забастовок на железных дорогах и принимаемых мерах и о предположениях по этому поводу министерства».

К № 17. I отд. Юрид. Секции Л. Ц. И. А. Дело № 22. Канц. сов. мин. по экспедиции л. 18-й.

К № 18. I отд. Юрид. Секции Л. Ц. И. А. Дело № 22. Канц. сов. мин. по экспедиции л. 22-й.

К № 19—I. I отд. Юрид. Секции Л. Ц. И. А. Дело № 22. Канц. сов. мин. по экспедиции л. 20-й.

К № 19—II. АОР, архив Витте, папка № 14, арх. № 84, вырезка из газеты «Слово».

Из архива С. Ю. Витте.

В своих «Воспоминаниях» С. Ю. Витте дважды упоминает об участии «столпов партии народной свободы» в составлении ряда проектов официальных актов, представлявшихся царю в 1905 г. В роли посредника в этих случаях выступал ген. Трепов, имевший сношения с В. И. Ковалевским, который и устраивал необходимые совещания с лидерами кадетов. Таким путем была направлена царю большая записка о проекте основных законов, выработанном советом министров. К составлению записки В. И. Ковалевским были привлечены С. А. Муромцев, П. Н. Милюков, И. В. Гессен, М. М. Ковалевский, Ф. А. Головин, Н. И. Лазаревский, т.-е. виднейшие деятели и юристы кадетской партии. Ими же, по словам Витте, был составлен также проект приветственной речи членам Государственной Думы и совета, которую Николай Романов должен был произнести при приеме депутатов в Зимнем дворце. В измененном виде этот проект был использован царем. Копия докладной записки об основных законах, представленной Треповым царю, как и копия проекта тронной речи были переданы в 1907 г. В. И. Ковалевским в архив С. Ю. Витте, где и сохранились до настоящего времени. Для освещения роли «партии народной свободы» в 1905 г. и характеристики зигзагов политического курса камарильи, возглавлявшейся в то время Треповым, эти документы представляют исключительную ценность.

Среди других документов, переданных В. И. Ковалевским в архив Витте, имеется еще объяснительная записка о положении страны, представленная также через Трепова царю в апреле 1905 г., с приложением проекта манифеста, в известной мере предвосхищающего основы манифеста 17 октября.

С. Ю. Витте об этих документах в «Воспоминаниях» почему-то совершенно умалчивает. Между тем, на самих документах его же рукой сделаны пометки, подтверждающие получение их от В. И. Ковалевского, и на обложке имеется перечеркнутая надпись: «участники: Милюков, И. В. Гессен, Головин, Лазаревский, Муромцев». После Муромцева в скобках: «мало». Сбоку приписка — «Оба Кова[левские]».

Письма бар. Будберга, приложенные к этим документам, не оставляют никаких сомнений в том, что они действительно были переданы Николаю Романову. Участие в этом ген. Трепова не оставляет сомнения в том, что автором и этой записки и проекта манифеста В. И. Ковалевский является только номинально, фактически же эти документы идут из тех же кругов кадетской партии, с которыми был так тесно связан В. И. Ковалевский. Мы сочли необходимым дать полную коллекцию этих документов, могущих служить иллюстрацией взаимоотношений кадетов, Трепова и Николая Романова в 1905 г. Все эти документы хранятся в Особом Отделе Архива Октябрьской Революции, фонд X (архив С. Ю. Витте), папка № 38.

Письма Будберга В. И. Ковалевскому [1]).

Многоуважаемый

Владимир Иванович.

Завтра, в четверг, будет поздно, так как я утром еду с докладом, в конце которого буду просить разрешения уехать за границу до 30 апреля, и, следовательно, государя увижу не ранее 5 мая.

Подпишите присланное, дабы я мог завтра же подать; если записку не успеете напечатать вновь, — это не беда.

Где-нибудь поставьте свой адрес на случай, что государь пожелает вас вызвать.

К сожалению, надо полагать, что ваша программа покажется чрезмерной и в особенности найдется огромное количество возражений по вопросу об усиленной охране.

Фактически теперь газету мало стесняют, и все печатают что хотят, а собираются в собрания просто без разрешения, и это сходит с рук.

Помилование в с е х политических нарушителей также никогда не будет признано возможным.

Тем не менее, я считаю полезным, чтобы ваше откровенное слово дошло до государя. Сегодня вечером крайний срок.

Искренно преданный вам *Будберг*.

Многоуважаемый

Владимир Иванович.

Письмо ваше с приложениями сегодня представлено. Думаю, что ваше откровенное слово должно в о в с я к о м с л у ч а е принести ту пользу, что даст ясное представление о положении вещей, при чем картина ценна, как написанная человеком, близко знакомым с настроением.

Искренно преданный вам *Будберг*.

---

[1]) В конце письма рукою Витте сделана пометка: «Письмо это, равно следующее под № 2, передано мне Ковалевским в 1907 году (в начале), как доказательство тому, что им была представлена государю прилагаемая записка с двумя приложениями». Кроме того, имеется перечеркнутая надпись: «1906 год (около марта месяца)».

Объяснительная записка В. И. Ковалевского от 7 апреля 1905 г., представленная Н. Романову [1]).

Объяснительная записка.

Россия переживает тяжелый кризис и находится в таком опасном состоянии, которое является беспримерным в истории других народов. На несчастную родину нашу свалились все беды внутренние и внешние.

Неудачная война, всеобщее недовольство теперешним строем государственного управления, настоятельные требования более разумных и более справедливых условий жизни, беспорядки в сельской и фабрично-заводской России, утрата населением доверия и уважения к власти, упадок материального и нравственного кредита к силам России за границею, — таковы главнейшие черты современного состояния империи, богато одаренной природой, с населением даровитым и мужественным, способным при других условиях явить миру не слабость, нищету, невежество, смуту, а действительное могущество — политическое, духовное и материальное.

Повсеместное прекращение занятий в высших учебных заведениях и волнения на окраинах являются, рядом с прочими актами насильственного характера, очень серьезными и опасными симптомами разложения и распадения государства.

Напрасно более вдумчивые и прозорливые люди еще задолго предуказывали необходимость перехода от расслабившего Россию управления чиновниками-расхитителями народного блага к совершенно иному порядку, при котором царь ведал бы всю правду и нужды страны непосредственно от облеченных доверием народа его представителей. Тщетно доказывали эти лица, рискуя всем для себя дорогим, что без свободы слова, вероисповедания и публичного обсуждения, без личной неприкосновенности, без самодеятельности народа невозможно ни духовное движение вперед, ни материальное благосостояние государства. Люди, глубоко преданные своему государю, искренно убежденные и проникнутые патриотизмом, признавались за свой либеральный образ мыслей неблагонадежными и «красными», а деятельность их получила название «крамолы», на бесплодную борьбу с которой уходила большая часть усилий администрации.

От государя систематически скрывали, насколько бедствует народ от бесправия, бедности и невежества, что Россия задыхается в тисках административного произвола и что меры против крамолы, в виде

---

[1]) На обложке документа рукою Витте сделана пометка: «Эту записку мне передал В. И. Ковалевский в 1907 году,—по его словам, он представлял ее его величеству через генерала Трепова в 1905 году. *Граф Витте*».

Записка написана на машинке. Подпись и дата сделаны рукой Ковалевского.

закона об усиленной охране, преследований печати и общественной жизни, только умножают политические преступления и обращают доведенных до отчаяния людей во врагов правительства.

Так называемая «сильная власть» привела Россию к слабости во всех отношениях и на всех поприщах. Сама власть утратила всякое уважение и доверие со стороны населения. И это потому, что источник силы власти не в физическом авторитете, опирающемся на войско и преследования, а в разумной, открытой и честной деятельности на благо страны. От нашей сильной власти получились самые ужасные результаты: Россия на краю гибели.

Было бы пагубною ошибкою думать, что небольшая группа «крамольников» создали всю теперешнюю смуту и повсеместное брожение в умах и на улицах. Нет, — они родились от всеобщего недовольства гнетом и бесправием.

Стоя близко к жизни, сталкиваясь с разнообразными общественными кругами людей благонамеренных в лучшем значении слова, я не смею скрывать от своего государя, что Россия находится накануне жесточайшей из революций, последствия которой, как и всякой стихийной силы, не дано предвидеть человеческому разуму. Если легко справиться с местными бунтами, то нет возможности подавить общенародное революционное движение. Его можно только своевременно предупредить.

К глубокому несчастью, стоящие у власти лица большею частью не сознают степени опасности, а сознающие не имеют смелости сказать о том своему монарху и тем предотвратить будущее, полное крови, мрака и страдания.

Предумышленное сокрытие правды пред государем и привело Россию в состояние смуты и брожения. Ошибки и злоупотребления министров приписываются не им, а источнику их полномочия — самой верховной власти. Желая снять с себя ответственность, высшая администрация прикрывает свой произвол, ошибки или зло высочайшими повелениями и тем еще более подрывает веру в существующий государственный порядок. Оторванная от жизни, чуждая понимания того роста правосознания, который постепенно совершался в душе народа под влиянием просвещения и переживаемых бедствий, бюрократия оказалась совершенно бессильною совладать со справедливыми стремлениями страны к мирному движению вперед и к коренному улучшению своей жизни в рамках существующего режима.

Представители земской России на собрании, не только не запрещенном правительством, но даже состоявшемся с его поощрения, высказали в своем заявлении 8 ноября те условия, которые они считали необходимыми для того, чтобы сохранить течение общественной жизни в русле мирного, законного развития. Это был момент, когда власть могла подать руку общественному мнению России и на почве умеренных, справедливых земских желаний создать широкую общественную реформу. Но этот момент прошел неиспользованным, что

нельзя не признать огромной политической ошибкой. Вместо успокоения, которого так легко [было] достигнуть в ту минуту, меры, придуманные нашими канцеляриями за последнее полугодие, привели к еще большему раздражению; общественный конфликт принял характер насильственный, и надежды на мирное разрешение кризиса слабеют с каждым днем.

Основная причина такой неудачи правительственных мероприятий кроется в недостаточном доверии их к общественным силам.

Благой по мысли высочайший указ 12 декабря признал необходимым удовлетворить в большей или меньшей мере пожеланиям земской России, но после некоторого колебания законодатель обошел молчанием главное из этих пожеланий об участии земских сил в государственном строительстве. Затем указ этот возложил на комитет министров изыскание наилучших путей к осуществлению. Возложение этой исторически важной обязанности на учреждение, состоящее исключительно из высших сановников, с деятельностью которых тесно связано нынешнее настроение государства, не могло, конечно, поднять надежд на лучшее будущее. Призыв к участию в этой работе представителей общественных учреждений дал бы эти надежды и действительно способствовал бы успокоению.

Многочисленные комиссии, образованные по положениям комитета министров, работают также без участия общественных представителей, несомненно, к большому ущербу для самого дела.

Подобное же противоречие между благими намерениями декабрьского указа и их осуществлением на деле замечается и в других областях общественной жизни.

Одновременно с обещанными облегчениями для печати ей попрежнему приходится выносить тяжесть существующих цензурных условий. Одновременно с пересмотром положения об усиленной охране оно получает все большее и большее распространение. Одновременно с разработкою мер о внесении в нашу жизнь законности попрежнему применяются произвол и насилие над личностью и общественными собраниями.

Такое явное противоречие между словом и делом порождает горечь и обиду в душе искренно любящих государя и родину. У спокойных и мирно настроенных элементов общества оно подорвало веру в искренность намерений власти, а элементам боевым оно дало новое оружие для противогосударственных замыслов.

Впечатление это еще усилено последующей правительственной мерой.

Высочайший манифест 18 февраля произвел самое удручающее впечатление и, казалось, отнимал последнюю надежду на просветление омраченной русской жизни. Появившийся в тот же день высочайший рескрипт прорезал эту тьму обещанием нетерпеливо ожидаемого всеми высшего блага для России,— призыва к участию в законодательной работе избранников народа, облеченных его доверием. Эта царская

воля возвещена не манифестом, который, как в былые времена, словно колокольный благовест с Ивана Великого, поведал бы всей Руси о величайшем благодеянии царя своему народу.

В самом рескрипте царская воля выражена настолько туманно, нетвердо, что допускает толкования, идущие вразрез со всем, чего общество ожидало от этого великого акта верховной воли. Таким образом, и рескрипт не достиг своей цели, не принес желанного успокоения. Администрация медлит, не решается созвать совещания для составления проекта избирательного закона, а народ, не доверяя исполнительной власти, боится обращения мудрого царского слова в мертвую букву.

Обещание собрать совещание через три месяца, данное в недавнем правительственном сообщении, не только не помогло, но внесло еще бóльшую тревогу. Ссылка на высочайшее одобрение было большою ошибкою при теперешнем настроении умов. Самодержавная и безответственная администрация делает все, чтобы пошатнуть культ самодержавия, забывая, что история не дает примеров прочного восстановления расшатанных культов.

Итак, все правительственные меры, принятые для удовлетворения желаний общества, не достигли своей цели. Меры эти всегда приходили слишком поздно и потому встречались обществом, как вынужденные и неискренние уступки. Отсутствие всякой последовательности, всякой внутренней связи между этими мерами только увеличивало общее недоверие к ним.

Положение в настоящее время настолько опасно, виды на ближайшее будущее настолько мрачны, что необходимо безотлагательно наметить правильный путь к мудрому разрешению задачи, поставленной логикой жизни и ходом истории, а затем следовать этому пути с твердостью и неуклонностью.

Прежде всего, нужно поднять доверие и уважение к власти. В действительности, теперь нет никакой власти. Не она идет вперед навстречу назревшим и вполне определившимся потребностям народа, — нет, власть перебрасывается с волны на волну напорами случайностей дня. Она то уступает, то отступает, то умышленно закрывает глаза на осуждаемые ею же явления общественной жизни, ибо теперь уже бессильна подавить их. У власти нет ни определенной программы, ни твердо намеченного плана. Поэтому она всегда запаздывает и не последовательна в своих действиях. Такой недостаток власти на-руку крайней партии революционеров и социал-демократов, но в глазах лиц, желающих мирного развития своей родины, он является явным свидетельством разложения и предтечею грозных событий.

Теперь уже медлить нельзя. Каждый потерянный день ухудшает положение и уменьшает возможность бескровного выхода из него. Этих дней потеряно так много... В этом весь трагизм переживаемого нами времени. Только слепые могут не видеть, только оторванные от жизни могут не сознавать этого. И будущий историк патриот, ко-

торому придется сопоставлять причины и следствия, с глубокой скорбью занесет на свои страницы такую непрозорливость современных властителей.

Что же можно еще и что же нужно сделать?

Любящий свою родину любовью благодарного сына к страждущей матери, я решаюсь представить ответ самой жизни на этот вопрос, ибо только в этом ответе совмещается бессмертная слава теперешнего царствования, спокойствие и блага народа, залог порядка и мощи государства.

Необходимо немедленно снять оковы с русской мысли и русского духа и дать здоровый исход сжатым общественным силам. Вне этого нет спасения. Опасаться того, что это откроет внутренним врагам государства простор, нет основания. Всюду есть крайние партии, но они не опасны, ибо подавляются мощным голосом и силами самого общества, раз оно не враждебно настроено против правительства, а составляет с ним согласное и совместно работающее целое. Теперь кличкою «крайних» пользуются все те, кто открыто восстает против зла и неправды современного строя управления и желает мирной реформы. К этим крайним принадлежит в настоящее время весь русский народ. При ином складе жизни эти «крайние» перейдут в ряды защитников общественного порядка.

Горький опыт более чем двадцатилетнего применения закона об усиленной охране доказывает с несомненностью, что этот закон ничего и никого не охранил. Поэтому безотлагательная отмена некоторых статей его, т.-е. статей, относящихся до административных обысков, высылок и арестов, сняла бы тяжелые оковы с русской жизни, водворила бы спокойствие и укрепила бы власть.

Немедленная отмена ст. 140 и 144 и примечания к ней, т.-е. отмена права министра воспрещать обсуждения в печати любого вопроса по распоряжению административной власти, с предоставлением министру внутренних дел задержать выпуск в свет нумера повременного издания с возбуждением уголовного преследования против редактора, привела бы к тем же последствиям, что и отмена закона об усиленной охране.

Предоставление населению права собраний, не имеющих преступной цели, с обязательством предварительного за сутки заявления местной полиции программы этого собрания, с предоставлением ей присутствовать на собрании и закрывать его в случае возникновения беспорядков или уклонения от программы, дало бы естественный выход естественному стремлению общества обсуждать свои нужды и дало бы в его руки сильное оружие для борьбы с врагами порядка и мирного развития жизни. Власть нашла бы сильную поддержку в тех, с кем ей приходится в настоящее время вести постоянную и непосильную борьбу.

Наконец, милосердное прощение всех потерпевших за политические преступления было бы не только великодушным и благородным

движением царского сердца, но и актом высокой политической мудрости.

В тот день, когда русский народ удостоился бы этих милостей и облегчений великодушного монарха, был бы действительно светлым для него праздником. Благодарность и радость его были бы безмерны, и слава такого монарха не померкнет во-веки.

Существенно необходимо только этому будущему придать большую определенность, указав, что в состав народного представительства, возвещенного рескриптом 18 февраля, войдут избранники от всего населения без различия национальностей, и что законопроекты и государственная роспись, начиная уже с предстоящего 1906 года, будут представляемы на утверждение государя лишь по одобрении их законодательным собранием народных представителей. Таким образом было бы осуществлено «правильное участие народного представительства, как особого выборного учреждения, в осуществлении законодательной власти», которое представители земской России считали «безусловно необходимым для обеспечения правильного развития государственной и общественной жизни».

Для успокоения сельского населения было бы важно предуказать, что в первое же собрание таких представителей будут внесены предположения правительства о расширении крестьянского землевладения.

Возвещение всего этого в манифесте подняло бы власть монарха на недосягаемую высоту. Народ воспрянул бы духом, спокойно и уверенно относился бы к предстоящему благоустройству его жизни и развернул бы свои богатырские силы на одоление внешнего врага, ибо все великое и благородное исходит от духа. Да воспрянет же по царскому слову в манифесте к светлому дню воскресения христова этот великий дух великого народа.

В. Ковалевский.

7 апреля 1905 г.

Проект высочайшего манифеста, составленный В. И. Ковалевским [1]).

Высочайший манифест.

Божиею милостию,

мы, Николай вторый, император и самодержец всероссийский, царь польский, великий князь финляндский и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляем всем верным нашим подданным:

Печальные события последнего времени, вызывающие чувства глубокой скорби в душе моей, все явственнее обнаруживают недо-

[1]) На документе написано рукой В. И. Ковалевского: «Представлено государю императору 7 апреля 1905 г. *В. П. Ковалевский*»

статки современного законодательства и управления, не соответствующих изменившимся условиям жизни России.

Обостренное внутреннее состояние России приводит меня к убеждению, что отдельные реформы не могут удовлетворить назревшим нуждам государства и успокоить страну. В виду этого я признал за благо ускорить предуказанный мною созыв народных представителей, избранных всем населением без различия национальностей, с тем, чтобы, начиная с осени 1905 года, проекты законов и государственных росписей, ими не одобренные, не были подносимы на мое утверждение.

Независимо от всех разрабатываемых законодательных предположений, я в заботах своих о благосостоянии крестьянского населения, поставленного ныне в тяжелые условия, придаю особенную важность разработке вопросов о коренном улучшении быта сельского населения, главнейше — о расширении его землевладения. Проекты по этим вопросам подлежат внесению на рассмотрение народных представителей в первую очередь же.

Привлекая население к участию в управлении страной и желая всячески облегчить доступ ко мне голоса народа, я признаю за благо ныне же расширить установленные действующим законом пределы свободы печати и собраний и твердо верую в то, что отныне все население объединится вокруг престола в общих стремлениях к мирному развитию родины, отменяю некоторые исключительные полномочия администрации по охранению государственного порядка и общественной безопасности. Вместе с тем, движимый чувством человеколюбия, изъявляю прощение по политическим преступлениям, для осуществления чего мною даны соответственные указания министру внутренних дел.

Я твердо убежден, что с отменою стеснительных законов порядок и спокойствие в государстве не будут нарушаемы населением и что оно вполне оправдает мое к нему доверие.

Призываю, с божьей помощью, возлюбленный народ мой к широкой, плодотворной и мирной деятельности, во имя счастья и блага нашего дорогого отечества, на основе свободного развития его духовных и материальных сил.

Доклад С. Ю. Витте об основных законах [1]).

Месяца два тому назад граф Сольский передал мне, что вашему императорскому величеству благоугодно было передать ему на заключение проект основных законов империи и что за сим проект этот в более обработанной редакции будет передан на рассмотрение совета министров, а затем в государственный совет. После граф Сольский переслал мне экземпляр проекта в том виде, в каком он представил

[1]) На документе имеется пометка Витте: «По вопросу об основных законах. Начало марта или конец февраля. Всеподд. доклад». В деле имеется черновик доклада, написанный карандашом рукой Витте, и 1 экземпляр, написанный на машинке, подписанный собственноручно С. Ю. Витте.

вашему величеству. Проект этот, по моему мнению, с одной стороны, содержит несколько статей таких, которые допустить опасно, а с другой— не содержит таких положений, которые при новом порядке вещей являются безусловно необходимыми. Я говорю об определении, что́ такое закон и что́ такое постановление (декрет), издаваемый в порядке верховного управления. В настоящее время почти все представляется законом, ибо при точном соблюдении положения о государственном совете почти все должно было проходить через государственный совет. Если такой порядок вещей представлял известное удобство для монарха, когда государственный совет являлся совещательным учреждением, то он может представить самые большие затруднения при новом положении вещей [1]). Об этом я неоднократно заявлял в заседаниях, рассматривавших новые положения о государственном совете и Государственной Думе; все со мною соглашались, — говорили, что это нужно будет внести в основные законы. Но в экземпляре, мне переданном графом Сольским, статей, касающихся этого предмета, не имеется. Затем у меня есть сомнения относительно основных законов, касающихся опеки. В свое время К. П. Победоносцев и Н. В. Муравьев мне говорили, что ваше императорское величество полагаете в них внести изменения.

Но, во всяком случае, если даже оставить все основные законы без изменения, то, по моему убеждению, необходимо внести в основные законы положения, определяющие права монарха издавать декреты, иначе явится масса затруднений.

Наконец, если издавать основные законы в новой редакции или если только внести дополнительные постановления в основные законы, то, мне кажется, это необходимо сделать до выборов членов Государственной Думы и государственного совета, между тем, времени остается очень мало, так как рассмотрение столь важного предмета в совете министров и затем в государственном совете не может не потребовать довольно большого числа заседаний.

О всем вышеизложенном приемлю долг всеподданнейше доложить вашему императорскому величеству.

Председатель совета министров статс-секретарь граф *Витте*.

Записка, составленная Ковалевским при участии кадетов [2]).

Выработанный советом министров проект основных государственных законов производит самое грустное впечатление. Под видом сохранения прерогатив верховной власти, составители проекта стре-

---

[1]) В черновике зачеркнуто: «Это новое ограничение монаршей власти».

[2]) На документе имеется пометка рукой В. И. Ковалевского: «Подана 18 апреля 1906 г.», и надпись С. Ю. Витте: «В. И. Ковалевский передал мне сей экземпляр в 1906 году; по его словам, записка эта была составлена по желанию генерала Трепова в совещании, на котором участвовали, кроме него, следующие гос-да: М.М. Ковалевский, Милюков, И. В. Гессен, Головин, Лазаревский и Муромцев, и представлена государю Треповым».

Записка без подписи, напечатана на машинке.

мились оградить существующие безответственность и произвол министров. Защита собственных интересов и нежелание расстаться с безответственным положением, которым так долго пользовалось наше высшее чиновничество и которое довело Россию до теперешнего ужасного состояния, — таков был руководящий двигатель при составлении проекта. Попрежнему вся ответственность пред богом, историею и народом остается на государе императоре, министры же не отвечают ни за ход политики, ни за общее направление своей деятельности, ни за незакономерность действий своих ведомств. Силою основных государственных законов государь призывается к охране привилегий высшего чиновничества. Попрежнему его величеству подносятся на разрешение исключительные пенсии, усиленные оклады, увольнение чиновников, даже самых мелких, назначение которых исходило не от него. Дальше этого итти нельзя. (Статья 15-я проекта совета министров может служить подтверждением сказанного.)

Этого рода побуждения вызвали и другой коренной недостаток проекта — извращение великих начал манифеста 17 октября. Почти всюду оставлены выходы для администрации на всякий случай, и это где же?—в основных государственных законах. Во всех других государствах основные законы о личных и общественных правах составляются в смысле принципиальных руководящих начал законодательства. В проекте же совета министров основные государственные законы удерживают все исключительные отступления [1]) от основных начал впредь до отмены этих отступлений в установленном порядке. Казалось бы достаточным сказать, что те или другие права населения определяются законом, что и относилось бы безразлично к закону настоящему или будущему.

Манифест 17 октября задался высокою целью: удовлетворив насущным нуждам народа, привести его к успокоению и дать ему свободу и порядок для широкого духовного и материального развития в будущем. Население нетерпеливо ждет воплощения этих начал в основном государственном законе. Опубликование проекта совета министров произвело удручающее впечатление. Если бы этот проект обратился в закон, то недоверие к власти и подозрительное отношение к ее обещаниям еще более бы возросли. Всего печальнее, если бы такое недоверие распространилось и на верховную власть, милости которой народ и обязан провозглашением великих начал своего будущего благоустройства.

Во избежание коренной переработки проекта совета министров, он принят за основание, и затем в него введены частью более или менее существенные, частью лишь редакционные изменения.

При проектировании главнейших изменений руководствовались следующими соображениями:

---

[1]) Примером могут служить статьи 29 и 30. *Прим. подлин.*

Усиление министерской ответственности как за незаконные, так и за незакономерные деяния может иметь своим последствием не умаление, а возвеличение того обаяния, какое власть монарха должна иметь среди подданных. Стоящий превыше изменчивых настроений и партий и вне преследуемой ими политики, государь должен быть воплощением идеи единства и величия империи, правды и блага на своей земле. Ошибка временных правителей не должна служить источником недоверия или нерасположения к верховной власти. «Король, — гласит английский закон, — не может делать зла». Этими словами англичане выражают ту мысль, что за всякую неправду или ошибку ответствуют члены правительства, а не король. Такую ответственность министры с председателем совета принимают на себя, скрепляя своими подписями приказы, отдаваемые ими от имени государя.

Этими соображениями составители нового проекта руководствовались, выразив в статье 8-й, что особа государя императора священна, неприкосновенна и неответственна. Но необходимо было бы в особой статье категорично указать на ответственность министров, а также на то, что все правительственные акты для их законности нуждаются в скрепе подлежащего министра, этим самым принимающего на себя ответственность.

Чтобы предупредить возможность опасного разрыва между политикой, преследуемой правительством, и нуждами народа, выражаемыми большинством его избранников, необходимо предоставить государственному совету и Государственной Думе право представлять на высочайшее благоусмотрение не только о действиях министров, заключающих в себе нарушения законов, но и о таких, которые признаются вредными для государства и опасными для его будущего. Это даст возможность государю императору, взвесив представленные доводы и факты, в полной свободе принять меры к своевременному отклонению опасности. (Ст. ст. 65 и 65-а отвечают этому предположению.)

Личные права граждан находят себе охрану не столько в перечне этих прав в тексте основных законов, сколько в строгом соблюдении того правила, что всякое нарушение закона, кем бы оно ни было сделано, ведет необходимо к судебной ответственности виновного. Такой судебной ответственности не последовало бы в том случае, если бы государь пожелал освободить от преследования председателя совета или одного из министров. В виду этого статье 20-й нового проекта и придана соответственная редакция.

Государственной Думе и государственному совету предоставлено право делать запросы министрам. Цель таких запросов, в случае совершения министрами действий, несогласных с законами, заключается в скорейшем устранении беззакония. В проекте совета министров не указывается, в какой срок министр обязан дать разъяснение по запросу и какие средства находятся в распоряжении Думы и совета для

того, чтобы побудить председателя совета министров или министра отменить незаконные действия. Поэтому в новом проекте предположено установить недельный срок для представления министрами объяснений, в случае же отрицательного ответа — дать этим учреждениям право представлять на благовоззрение государя о всех тех случаях, когда по прошествии недельного срока или вовсе не последует ответа на запрос, или дан будет отрицательный ответ. (Ст. 60 в новой редакции.)

Обещание манифеста 17 октября, что впредь не будут издаваемы законы без предварительного одобрения их Думою, может быть осуществлено лишь при условии, что указы и повеления не будут противоречить законам. Судьею в этом деле должен быть правительствующий сенат; но уже самое изготовление указов, как тех, которые издаются в промежуток между сессиями Думы и совета, так и тех, которые имеют целью устройство и приведение в действие государственного управления, требует предварительного соображения с законами. Поэтому было бы не только желательно, но и необходимо поручить составление их особому департаменту государственного совета. (Эта мысль и нашла себе выражение в ст. ст. 11 и 52.)

Для укрепления доверия к тому, что впредь законы не будут издаваемы иначе, как при участии Государственной Думы и государственного совета, необходимо, чтобы при распущении Думы был определен срок для производства новых выборов. Такой срок предположен не долее 4-х месяцев после распущения, что и даст возможность этому учреждению заниматься делами государства не менее 8-ми месяцев в году.

Для той же цели упрочения доверия к обещаниям, данным манифестом 17 октября, весьма важно указать в законе, что налоги, пошлины и повинности подлежат рассмотрению Государственной Думой, государственным же советом они могут быть приняты или отвергнуты лишь целиком. Такой порядок существует во всех государствах, и в основе его лежит та мысль, что масса налоговых плательщиков представлена не членами государственного совета, а членами Думы, т.-е. нижней палаты. Тем же соображением об упрочении доверия вызывается и необходимость определения в законе, что государственный бюджет подлежит рассмотрению ежегодно в Думе и государственном совете во всех своих частях и что налоги, пошлины и повинности, не внесенные в государственную роспись, не могут быть взимаемы. Потребность в займе и условия его заключения должны быть разрешаемы чрез посредство Государственной Думы и государственного совета. Такой порядок существует во всех государствах, не исключая Австрии и Пруссии.

Торговые трактаты и конвенции, часто налагающие материальные тяготы на население, следовало бы подчинить тому же порядку рассмотрения. (Сответственно этому и составлены статьи 51-а, 52-а, 57-а, 60-а.)

Пересмотр основных государственных законов составляет исключительную прерогативу государя императора. В числе их есть и законы сравнительно второстепенного значения, что следует приписать предусмотрительной заботе министров о том, чтобы сохранить их в неприкосновенности от покушений государственного совета и Государственной Думы. К таким законам относятся порядок рассмотрения бюджета и порядок заключения займов. Даже такой маловажный предмет, как сохранение комитета финансов, и тот сделан неприкосновенным посредством включения в основные государственные законы. Между тем, надобность в этом учреждении очень спорная и условная. По этим соображениям, быть может, следовало бы дать Государственной Думе и государственному совету право представлять на благоусмотрение его императорского величества предположения о пересмотре основных государственных законов, обставив этот пересмотр исключительными требованиями. Такими требованиями могли бы быть согласие двух третей членов соединенного заседания Думы и совета на представление ходатайства о пересмотре, а затем, в случае удовлетворения этого ходатайства государем императором, согласие двух третей членов соединенного собрания Думы и совета на самое изменение. От воли государя императора зависело бы утвердить или не утвердить предположения об изменении основного закона. Все законодательства определяют условия и порядок такого пересмотра при участии народных представителей.

Единство политики и согласование деятельности отдельных ведомств может быть достигнуто и достигается на Западе Европы только при условии предоставления избранному монархом председателю совета права указывать государю на лиц, которых он желал бы иметь своими ближайшими товарищами по работе в качестве министров и главноуправляющих отдельными частями. У государя всегда имеется возможность отклонить ту или другую кандидатуру, если бы монархом она была признана несоответственной.

Еще в древней Руси население имело право обращения с челобитными не только к монарху, но и к земским соборам. Манифестом 17 октября это право не даровано. Между тем, оно является необходимым последствием уже признанного права собраний. Самые собрания нередко имеют целью изложить те или другие нужды в форме письменных прошений на имя государя императора или законодательного учреждения. Подача челобитных шумною толпою может повести к нарушению мира, представления же письменных ходатайств не заключают в себе ничего опасного. Поэтому перечень прав русского населения предположено пополнить также и правом представления челобитных на имя государя императора или в законодательное собрание.

Основные государственные законы.	Сравнение с проектом совета министров.
Статья 1-я.	
Государство Российское едино и нераздельно.	Статья 1-ая вошла без изменений.
Статья 2-я.	
Великое княжество Финляндское, составляя нераздельную часть государства Российского, во внутренних своих делах управляется особыми установлениями, на основании особого законодательства.	Статья 2-ая вошла без изменений.
Ст. 3-я.	
Русский язык есть язык общегосударственный и обязателен в государственных установлениях, а также в армии и флоте.	Статья 3-я. Русский язык есть язык общегосударственный и обязателен в государственных и общественных установлениях, а также в армии и флоте. Употребление местных языков и наречий определяется особыми законами.
ГЛАВА I	ГЛАВА I
О существе верховной самодержавной власти.	
Ст. 4-я.	
Императору всероссийскому принадлежит верховная самодержавная власть. Повиноваться власти его не только за страх, но и за совесть, сам бог повелевает.	Статья 4-я вошла без изменений.
Ст. 5-я.	
Особа государя императора священна, неприкосновенна и неответственна.	То же, с прибавлением слова «и неответственна».

Ст. 6-я.

Та же верховная самодержавная власть принадлежит государыне императрице, когда наследство престола, в порядке, для сего установленном, дойдет до лица женского. Но супруг ее не почитается государем, он пользуется почестями и преимуществами наравне с супругами государей, кроме титула.

Т о ж е.

Ст. 7-я.

Государь император осуществляет законодательную в Российской империи власть в единении с государственным советом и Государственной Думою.

Т о ж е.

Ст. 8-я.

Государю императору принадлежит почин по всем предметам законодательства. Правом законодательного почина пользуются также государственный совет и Государственная Дума, за исключением основных законов, пересмотр которых принадлежит нераздельно императорскому величеству.

Статья 8-я. Государю императору принадлежит почин по всем предметам законодательства.

Ст. 9-я.

Государю императору принадлежат утверждение и обнародование законов. Без его согласия никакой закон не может воспринять силы.

Государю императору принадлежит утверждение законов, и без его утверждения никакой закон не может иметь своего совершения.

Ст. 10-я.

Власть во всем ее объеме принадлежит государю императору в пределах всего государства Российского. В управлении верховном

Т о ж е, но слово «пространстве» заменено словом «объеме». (Это замечание, очевидно, было принято государем при оконча-

власть его действует непосредственно; в делах же управления подчиненного определенная степень власти вверяется от него, согласно закону, подлежащим местам и лицам, действующим его именем и по его повелениям.

Ст. 11-я.

Государь император в порядке верховного управления издает, в согласии с законами, указы для устройства и приведения в действие различных частей государственного управления. Проекты этих указов вносятся на предварительное рассмотрение в особый департамент государственного совета и затем представляются государю императору на утверждение. Указы обнародываются правительствующим сенатом.

Ст. 11-я. Государь император в порядке верховного управления издает, в соответствии с законами, указы и повеления, необходимые для исполнения законов, для устройства частей государственного управления, для ограждения государственной и общественной безопасности и порядка, а также для обеспечения народного благосостояния. Указы, в порядке верховного управления изданные, обнародываются правительствующим сенатом.

Ст. 11-я а.

Государь император в порядке верховного управления издает повеления для приведения законов в действие.

Этой статьи не было в проекте совета министров.

(То же относительно статей 10 и 11 [1]).

Ст. 12-я.

Государь император есть верховный руководитель внешних сношений Российского государства. Ему принадлежит высшее направление международной политики России. Он объявляет войну, заключает договоры и миры и политические союзы с иностранными государствами.

В проекте совета министров конец этой статьи изложен так: «Он объявляет войну, заключает мир, а равно договоры с иностранными государствами».

[1]) Заключенное в скобках написано рукою С. Ю. Витте.

Ст. 13-я.

Государь император есть державный вождь российской армии и флота. Ему принадлежит верховное начальствование над всеми сухопутными и морскими вооруженными силами. Он определяет устройство армии и флота, издает повеления относительно дислокации войск, приведения их на военное положение, строевого их обучения и прохождения службы чинами армии и флота. Им же устанавливаются ограничения в отношении права жительства и приобретения недвижимого имущества в местностях, которые составляют крепостные районы и опорные пункты для армии и флота.

Статья 13-я вошла без изменений.

Ст. 14-я.

Государю императору принадлежит право чеканки монеты и определение внешнего ее вида.

Статья 14-я вошла без изменений.

Ст. 15-я.

Государь император назначает и увольняет председателя совета министров, министров и главноуправляющих отдельными частями, а также прочих должностных лиц, если для последних не установлено законом иного порядка назначения и увольнения. Судьи пользуются несменяемостью и могут быть отставлены от должности только после постановки над ними обвинительного приговора.

Статья 15-я (по мнению большинства): государь император назначает председателя совета министров, министров и главноуправляющих отдельными частями, а также прочих должностных лиц, если для последних не установлено законом особого порядка назначения. Власти его предоставляется увольнение от государственной службы всех без изъятия должностных лиц.

(Редакция ст. 15 имела влияние на окончательную редакцию объявленных законов [1]).

Равным образом власти его императорского величества принадлежит определение окладов содержания и назначение размеров пенсий тем должностным лицам, коим таковые не установлены законом, а также пожалование служащим усиленных окладов и назначение усиленных пенсий и пособий служащим и их семействам.

Ст. 16-я.

Государь император жалует титулы, ордена и другие отличия.

В статье 16-й проекта совета министров после слов «и другие» стоит «государственные и сословные».

Ст. 17-я.

Государь император определяет пространство и свойство прав своих в отношении имуществ, ему принадлежащих, равно как удельных и состоящих в ведении кабинета его императорского величества. Им же определяется устройство и порядок управления императорским двором, состоящими при нем учреждениями и удельным ведомством.

Ст. 17 вошла без изменений.

Ст. 18-я.

Государю императору принадлежит объявление местностей Российской империи на военном положении.

В проекте совета министров стоит: «на военном или исключительном».

Ст. 19-я.

Судебная власть осуществляется от имени государя императора установленными законом судами. Ему, в указанных законом случаях, принадлежит утверждение судебных приговоров.

В проекте совета министров статья заканчивается так: «...судебных приговоров, а также возбуждение и прекращение судебного преследования».

---

[1]) Заключенно в скобках написано рукою С. Ю. Витте.

Ст. 20-я.

Государю императору принадлежит помилование осужденных, смягчение наказаний и общее прощение совершивших преступные деяния, с освобождением их от суда и наказания, а также сложения, в путях монаршего милосердия, казенных взысканий. Освобождение от судебного преследования не распространяется на председателя совета министров, министров и главноуправляющих отдельными частями, если такое преследование вчинено государственным советом или Государственной Думою.

Против проекта совета министров, конец—от слова «освобождение»—составляет нововведение.

Ст. 21-я.

Постановление свода законов (том I, ч. 1-я изд. 1892 г.) о порядке наследия престола (ст. 3—17), о совершеннолетии государя императора, о правительстве и опеке (ст. 18—30), о вступлении на престол и о присяге подданства (ст. 31—34), о священном короновании, миропомазании (ст. 35—36), о титуле его императорского величества и о государственном гербе (ст. 37—39), о вере (ст. 40—46) и об императорской фамилии (ст. 82—179), а также приложения к сим статьям сохраняют силу основных законов.

Статья 21-я вошла без изменений.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Об основных правах и обязанностях российских граждан.

Ст. 22-я.

Условия приобретения прав российских граждан, равно как и их утрата, определяются законом.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Об основных правах и обязанностях российских подданных.

Без изменения, только слово «подданных» заменено словом «граждан».

Ст. 23-я.

Защита престола и отечества есть священная обязанность каждого русского гражданина. Мужское население империи подлежит воинской повинности.

В статье 23, кроме замены слова «подданного» словом «гражданина», введено еще и следующее изменение; вместо: «мужское население без различия состояний» в новом проекте сказано: «мужское население империи».

Ст. 24-я.

Российские граждане обязаны платить налоги и пошлины и отбывать повинности, установленные законом.

Статья 24-я. Российские подданные обязаны платить установленные налоги и пошлины, а равно отбывать повинности, согласно постановлениям закона.

Ст. 25-я.

Никто не может подлежать преследованию за преступное деяние иначе, как в порядке, законом установленном, и в силу постановления суда.

В проекте совета министров конец изложен так: «...в порядке, законом определенном».

Ст. 26-я.

Никто не может подлежать задержанию под стражею иначе, как в случаях, предусмотренных законом, и лишь по постановлению судебной власти, лично к нему относящемуся.

Ст. 26-я. Никто не может быть задержан под стражею иначе, как в случаях, законом определенных.

Ст. 27-я.

Никто не может быть судим и наказан иначе, как за преступные деяния, предусмотренные действовавшими во время совершения сих деяний уголовными законами, если притом вновь изданные законы не исключают совершенных виновником деяний из числа преступных.

Ст. 27-я вошла без изменений.

Ст. 28-я.

Жилище каждого неприкосновенно. Вход должностных лиц в жилище без согласия на то хозяина или заступающего его место, а равно производство в жилище, без такового же согласия, обыска или выемки допускается не иначе, как в случаях и в порядке, законом определенных.

Ст. 28-я вошла без изменений.

Ст. 29-я.

Каждый российский гражданин имеет право свободно избирать и изменять место жительства и занятие, приобретать и отчуждать имущество и беспрепятственно выезжать за пределы государства, на основаниях, установленных законом.

Ст. 29-я. Каждый российский подданный имеет право свободно избирать и изменять место жительства и занятие, приобретать и отчуждать имущество и беспрепятственно выезжать за пределы государства. Изъятие в этом устанавливается особыми законами. Существующие законодательные постановления по отношению к свободе передвижения, равно как приобретение и отчуждение имуществ, сохраняют силу впредь до изменения таковых постановлений в установленном порядке.

Ст. 30-я.

Собственность неприкосновенна. Принудительное отчуждение имущества допускается только в случае и порядке, законом определенных, для государственной или общественной надобности и притом не иначе, как за справедливое вознаграждение.

Статья 30-я вошла без изменений.

Ст. 31-я.

Российские граждане имеют право собираться мирно и без оружия в целях, не противных

Статья 31-я. Российские подданные имеют право устраивать собрания в целях, не противных

законам, и принимать на собраниях постановления. Оповещение о времени, месте и цели собраний делаются в сроки и порядком, кои указаны в законе.

законам, мирно и без оружия. Законом определяются условия, при которых могут происходить собрания, порядок обязательного их закрытия, а равно ограничения мест для собрания.

Ст. 32-я.

Каждый может, не нарушая законов, высказывать изустно и письменно свои мысли, а равно распространять их путем печати или иными способами.

В проекте совета министров, вместо слов: «не нарушая законов», стоит: «в пределах, установленных законом».

Ст. 33-я.

Российские граждане имеют право образовывать общества и союзы, в целях, не противных законам. Условия образования обществ и союзов, условия и порядок сообщения им прав юридического лица, равно как порядок обязательного закрытия обществ и союзов определяется законом.

Ст. 33-я. «Российские подданные...»

Ст. 34-я.

Российские подданные пользуются свободой вероисповедания по велениям своей совести и свободой публичного отправления своих религиозных обрядов. Принадлежность к тому или другому вероисповеданию не ограничивает прав гражданства. Условия перехода из одного вероисповедания или вероучения в другое определяются законом.

Ст. 34-я. Российские подданные пользуются свободой вероисповедания по велениям своей совести. Условия перехода из одного вероисповедания или вероучения в другое определяются законом.

Ст. 35-я.

Иностранцы, в России проживающие, пользуются правами российских граждан, с соблюдением ограничений, установленных законом.

Ст. 35-я включена без изменений.

Ст. 35-я а.

Российские граждане имеют право обращаться с своими ходатайствами к государю императору, в Государственную Думу и в государственный совет.

Этой статьи не было в проекте совета министров.

Ст. 36-я.

Лица, состоящие на военной или гражданской службе, и местности, объявленные на военном положении, подлежат только тем ограничениям в пользовании изложенными в этой главе правами, которые установлены законом.

Ст. 36-я. Законом могут быть установлены изъятия из действия изложенных в сей главе постановлений в отношении лиц, состоящих на действительной военной и гражданской службе, а также местностей, объявленных на военном положении или в положении исключительном. Ограничения в применении указанных постановлений определяются законом. Существующие в сем отношении особые постановления сохраняют свою силу впредь до изменения их в установленном порядке.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

О законах.

Ст. 37-я.

Империя Российская управляется на основании законов, изданных согласно вышеизложенным статьям — 7-й, 8-й и 9-й.

Ст. 37-я. Империя Российская управляется на твердых основаниях законов, изданных в установленном порядке.

Ст. 38-я.

Законы обязательны для всех российских граждан и для иностранцев, пребывающих в Российской империи.

Ст. 38-я. Сила законов равно обязательна для всех без изъятия российских подданных и иностранцев, в Российском государстве пребывающих, в установленном порядке.

Ст. 39-я.

Никакой закон не может состояться без предварительного рассмотрения в Государственной Думе и в государственном совете и без принятия его этими учреждениями. Закон приемлет силу по утверждении императорским величеством.

Ст. 39-я. Никакой закон не может последовать без одобрения государственного совета и Государственной Думы и восприять силу без утверждения императорского величества.

Ст. 40-я.

Во время прекращения занятий Государственной Думы, если чрезвычайные обстоятельства вызовут необходимость в такой мере, которая требует обсуждения в порядке законодательном, совет министров представляет о ней императорскому величеству непосредственно. Мера эта, осуществляемая в форме указа и порядком, для издания указов установленным, не должна противоречить законам или вносить изменения в учреждения государственного совета или Государственной Думы, а также в постановления о выборе в совет или в Думу. Действие такой меры прекращается, если подлежащим министром или главноуправляющим отдельною частью не будет внесен в Государственную Думу в течение первых двух месяцев после возобновления занятий Думы соответствующий принятой мере законопроект, или его не примет Государственная Дума или государственный совет.

В статье 40-й проекта совета министров изменено лишь следующее место:
«...мера эта не может, однако, вносить изменения ни в основные государственные законы, ни в учреждения государственного совета и Государственной Думы, ни в постановления о выборах в совет или Думу».

Ст. 41-я.

Законы, особенно изданные для какой-либо местности или части населения, новым общим законом не отменяются, если в нем именно такой отмены не постановлено.

Ст. 41 вошла без изменений.

Ст. 42-я.

Каждый закон имеет силу только на будущее время, кроме тех случаев, когда в самом законе постановлено, что сила его распространяется и на время предшествующее или что он есть только подтверждение и изъяснение смысла закона прежнего.

Т о ж е.

Ст. 43-я.

Общее хранение законов полагается в правительствующем сенате. Посему все законы должны быть вносимы в подлиннике или в заверенных списках в правительствующий сенат.

Т о ж е.

Ст. 44-я.

Законы обнародываются во всеобщее сведение правительствующим сенатом в установленном порядке и прежде обнародования в действие не приводятся.

Т о ж е.

Ст. 45-я.

Законодательные постановления не подлежат обнародованию, если порядок их издания не соответствует положениям сих основных законов.

Т о ж е.

Ст. 46-я.

По обнародовании закон получает обязательную силу со времени назначенного для того в самом законе срока, при неустановлении же такого срока — со дня получения на месте номера «Собрания узаконений и распоряжений правительства», в коем закон напечатан. В самом издаваемом законе может быть указано на обращение его, до обнародования, к исполнению по телеграфу или посредством курьеров, либо эстафет.

Т о ж е.

Ст. 47-я.

Закон не может быть отменен иначе, как только силою закона.

Т о ж е.

Ст. 48-я исключена.

Статья 48-я. Никто не может отговариваться неведением закона, когда он был обнародаван установленным порядком.

Ст. 49-я.

Постановления по военному и морскому ведомствам, касающиеся строевой, технической, хозяйственной и судебной частей, а равно положения и наказы учреждениям и должностным лицам военного и морского ведомств издаются в порядке, установленном в сводах военных и военно-морских постановлений, если только сии постановления, положения и наказы не касаются предметов общих законов и не вызывают нового расхода из казны, или же вызываемый ими новый расход покрывается ожидаемыми сбережениями по финансовой смете военного или морского министерства по принадлежности. В противном случае представление означенных постановлений, пожеланий и наказов на высочайшее утверждение допускается лишь по испрошении в установленном порядке ассигнования соответственного кредита.

Статья 49-я. Постановления по строевой, технической, хозяйственнной военно-судебной и военно-морской судебной частям, а равно... и т. д. до конца без изменений.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

О государственном совете и Государственной Думе и образе их действий.

Ст. 50-я.

Государственный совет и Государственная Дума ежегодно созываются и распускаются указами императорского величества.

Ст. 50-я вошла без изменений.

Ст. 51-я.

Государственный совет образуется из членов по высочайшему назначению и членов по выборам. Государственный совет и Государственная Дума пользуются равными в делах законодательства правами.

Т о ж е.

Ст. 51-я а.

Проекты введения, изменения или отмены пошлин и повинностей вносятся сначала в Государственную Думу, а затем в государственный совет, которым принимаются или отвергаются в целом.

Статьи этой не содержится в проекте совета министров.

Ст. 52-я.

Для дел, особо в законе указанных, в составе государственного совета образуются департаменты, состоящие из членов, избираемых ежегодно высочайшею властью из числа членов государственного совета по назначению. На особый департамент возлагается предварительное рассмотрение указов, издаваемых высочайшею властью. Положения департаментов представляются непосредственно на монаршее благоусмотрение.

Против проекта совета министров в эту статью включено: «на особые департаменты возлагается предварительно рассмотрение указов, издаваемых высочайшею властью».

Ст. 52-я а.

Торговые трактаты, железнодорожные, почтовые и телеграфные конвенции и другие подобного рода международные соглашения подлежат рассмотрению Государственной Думы и государственного совета в порядке, установленном для прохождения законов.

Этой статьи не содержится в проекте совета министров.

Ст. 53-я.

Общее число членов государственного совета, призываемых высочайшею властью к присутствованию в совете из среды его членов по высочайшему назначению, не должно превышать общего числа членов по выборам. Состав членов совета по выборам может быть заменен новым составом до истечения срока полномочий сих членов по указу императорского величества, коим назначаются и новые выборы членов совета, но не позже четырех месяцев после издания такового указа.

В статье 53-й нового проекта прибавлено: «но не позже 4 месяцев после издания такового указа».

Ст. 54-я.

Государственная Дума может быть до истечения срока полномочия ее членов распущена указом императорского величества. Тем же указом назначаются новые выборы в Думу и время ее созыва, но не позже 4 месяцев после распущения.

В статью 54-ю нового проекта в конце добавлено: «но не позже 4 месяцев после распущения».

Ст. 55-я.

Предположения об отмене или изменении действующих и издании новых законов исходят как от министров и главноуправляющих отдельными частями, с высочайшего соизволения, так и от комиссий, избранных Государственною Думою и государственным советом из своей среды.

Ст. 55-я. Государственному совету и Гос. Думе, в порядке, их учреждениями определенном, предоставляется возбуждать представления об отмене или изменении действующих и издании новых законов, за исключением основных государственных законов, почин пересмотра которых принадлежит единственно императорскому величеству.

Ст. 56-я.

Ведению государственного совета и Государственной Думы и обсуждению их, в порядке, учреждениями их определенном, подлежат указанные в сих учреждениях дела.

Ст. 56-я включена без изменений.

Ст. 57-я.

Все доходы и расходы государства должны быть вносимы ежегодно в государственную роспись, которая составляется министерством финансов заблаговременно и представляется на рассмотрение и утверждение Государственной Думы и государственного совета. Без такого утверждения никакие доходы не могут быть взимаемы, а расходы не могут быть производимы.

Ст. 57-я. При обсуждении проекта государственной росписи не могут быть исключаемы или изменяемы такие доходы и расходы, которые внесены в проект росписи на основании действующих законов, положений, штатов, расписаний, а также высочайших повелений, в порядке верховного управления последовавших. Возникающие при этом в государственном совете или в Государственной Думе предположения об изменении действующих законов, положений, штатов, расписаний, а также высочайших повелений, на основании коих внесены в роспись доходы и расходы об ассигновании средств на новые, не относившиеся ранее на средства казны, потребности, — получают дальнейшее движение в порядке, для рассмотрения законодательных дел установленном.

Ст. 58-я.

Кредиты на расходы императорского двора, вместе с состоящими в его ведении учреждениями, в суммах, не превышающих ассигнования по государственной росписи на 1906 год, обсуждению не подлежат. Равным образом не подлежат обсуждению такие изменения означенных кредитов, которые обусловливаются постановлениями учреждения об императорской фамилии и соответственно происшедших в ней перемен.

Ст. 58-я включена без изменения, несмотря на полную непригодность редакции и на то, что статьею охвачены решительно все учреждения.

Ст. 59-я.

Назначения и платежи по государственным долгам и по другим

Статья эта включена без изменений, несмотря на все не-

принятым на себя государством обязательствам не подлежат сокращению.

Ст. 60-я.

Если государственная роспись не будет утверждена с началом сметного периода, то остается в силе последняя, установленным порядком утвержденная, роспись, на срок не свыше одного года, с теми лишь изменениями, какие обусловливаются исполнением последовавших после ее утверждения узаконений. Впредь до обнародования новой росписи, по постановлениям совета министров в распоряжение министров и главных управлений открываются постепенно кредиты, в размерах действительной потребности, не превышающие, однако, в месяц, во всей их совокупности, одной двенадцатой части общего итога расходов.

Ст. 60-я а.

Совершение государственных займов происходит по испрошении на то разрешения в порядке, установленном для утверждения государственной росписи.

удобства помещения ее в основных законах.

Статья 60-я включена без изменений, с указанием лишь «на срок не свыше одного года».

60-я а. Совершение государственных займов для покрытия как сметных расходов, так и всех сверхсметных кредитов, кроме случаев, ниже в сей статье указанных, происходит по испрошении на то разрешения в порядке, установленном для утверждения государственной росписи. В том случае, если заем требуется для покрытия расходов в пределах росписи, получившей силу на основании ст. 60-й настоящих законов, то осуществление такого займа может последовать без испрошения разрешения в указанном выше порядке. Государственные займы, потребные для покры-

тия чрезвычайных сверхсметных кредитов, упомянутых в ст. 62-й настоящих законов, разрешаются порядком, установленным для открытия сих кредитов в высочайше утвержденных 26 февраля 1890 года правилах (третье полное собрание законов. Т. X, № 6609). Определение способов и условий заключения займов возлагается на комитет финансов.

Ст. 61-я.

Если по заблаговременном внесении в Государственную Думу предположении о числе людей, потребном для пополнения армии и флота, закон по сему предмету не будет в установленном порядке издан к 1-му мая каждого года, то высочайшим указом призывается на военную службу количество людей не свыше назначенного в предшествующем году.

Ст. 61-я включена без изменения, хотя помещена она не на месте.

Ст. 62-я.

Чрезвычайные и сверхсметные кредиты на потребности военного времени и на особые приготовления, предшествующие войне, открываются по всем ведомствам порядком, установленным высочайше утвержденными 26 февраля 1890 года правилами (3-е полное собрание законов. Т. X, № 6609) и затем поступают на общем основании на разрешение Государственной Думы и государственного совета.

Ст. 62-я включена с прибавкою в новом проекте: «и поступают, на общем основании, на разрешение Гос. Думы и госуд. совета».

Ст. 63-я.

Законодательные предположения рассматриваются Государственной Думой и по одобрении

Включена без всяких изменений.

ею поступают в государственный совет. Законодательные предположения, предначертанные по почину государственного совета, рассматриваются в совете и по одобрении их поступают в Думу.

Ст. 64-я.

Законопроекты, не принятые государственным советом или Государственною Думою, признаются отклоненными.

Статья включена без изменений.

Ст. 65-я.

Государственному совету и Государственной Думе, в порядке, их учреждениями определенном, предоставляется обращаться к министрам и главноуправляющим отдельными частями, подчиненным по закону правительствующему сенату, с запросами по поводу таких, последовавших с их стороны или подведомственных им лиц и установлений действий, кои представляются незакономерными. Министры и главноуправляющие обязаны в недельный срок после запроса или устранить незакономерность соответственными распоряжениями, или лично дать объяснения о причинах, по которым они не признают возможным сделать такие распоряжения. Если Дума или совет не признают объяснения правильными, а также при уклонении названных должностных лиц от разъяснений по запросам, Государственная Дума и государственный совет представляют о том на высочайшее благоусмотрение.

В этой статье, против проекта совета министров, прибавлено от слова «министры и т. д.».

Ст. 65-я а.

Государственной Думе и государственному совету предоставляется доводить до высочайшего благоусмотрения ходатайства об изменении в основных законах, если они были поддержаны большинством двух третей голосов в обоих этих учреждениях. По воспоследовании высочайшего соизволения на ходатайство проекты изменений рассматриваются в соединенных заседаниях Думы и совета, и если были приняты двумя третями всех членов названных учреждений, то представляются на высочайшее утверждение. Если проект удостоится такого утверждения, то соответственное изменение вводится в текст основных законов.

Этой статьи не содержалось в проекте совета министров.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

О совете министров.

Ст. 66-я.

Направление и объединение действий министров и главноуправляющих отдельными частями по предметам как законодательства, так и высшего государственного управления возлагается на совет министров, на основаниях, в законе определенных.

Статья включена без изменений.

Ст. 66-я а.

Председатель совета министров представляет на высочайшее благоволение о назначении в его состав тех лиц, участие коих в совете он признает полезным.

Статья эта представляет нововведение против проекта совета министров.

Ст. 67-я.

Министры и главноуправляющие отдельными частями имеют право участия в голосовании в государственном совете и в Государственной Думе только в том случае, если они состоят членами сих установлений.

Статья эта включена без изменений.

Ст. 68-я.

Обязательные постановления, инструкции и распоряжения, издаваемые советом министров, министрами и главноуправляющими отдельными частями, а также другими на то законом уполномоченными установлениями, не должны противоречить законам.

Включена без изменений.

Ст. 69-я.

Председатель совета министров, министры и главноуправляющие отдельными частями ответствуют, за их совокупностью, пред его императорским величеством за общий ход государственного управления в пределах данных им полномочий. Каждый из них в отдельности ответствует за свои личные действия и распоряжения.

Включена без изменений.

Ст. 69-я а.

Государственной Думе и государственному совету предоставляется доводить до высочайшего благоусмотрения о вреде и опасности, какие угрожают государству от дальнейшего продолжения политики, преследуемой советом министров или отдельными министерствами и главными управлениями.

Статья эта не содержится в проекте совета министров.

Ст. 70-я.

За нарушение долга службы председатель совета министров, министры и главноуправляющие отдельными частями подлежат гражданской и уголовной ответственности на основаниях, в законе определенных. Право обвинения этих должностных лиц принадлежит также Государственной Думе и государственному совету, самый же суд возлагается на правительствующий сенат.	В статье 70-й проекта совета министров добавлено в конце: «право обвинения и проч.».

Проект тронной речи [1]).

Господа представители народа.

Привет вам от всего моего сердца на заре новой жизни нашей дорогой родины, на повороте ее истории. Исполнилось мое заветное и горячее желание работать в согласии и единении с представителями моего народа.

В твердом уповании на светлое будущее, да будут преданы забвению тяжелые события последних лет. Благословляемый господом богом на этот путь, дарую прощение всем подвергшимся административным взысканиям за политические проступки [2]).

Из предаваемого забвению прошлого я не могу не вспомнить, с чувством глубокой скорби о страданиях и жертвах русского народа в тяжкие годы войны. Вас, его избранников, я прошу передать населению сердечную благодарность императриц и мою за все подвиги, труды и пожертвования во имя высокой и бескорыстной любви к родине.

Для духовного и материального величия государства, для мирного развития его во всех областях творчества и труда необходима не одна свобода — необходим порядок на основе права.

В утвержденных мною основных государственных законах провозглашены незыблемые начала неприкосновенности личности и жилища, свобода совести, устного и печатного слова, собраний и союзов. Задачу осуществления этих основных начал в твердом положительном законе,

---

[1]) На документе имеется пометка В. И. Ковалевского: «Проект тронной речи, представленный 25 апреля 1906 г. Первоначальный проект был смягчен. См. отметки на полях. *В. Ковалевский*». Далее рукою С. Ю. Витте написано: «Проект был передан через Трепова».

[2]) На поле против этого абзаца пометка: «У меня была предположена полная амнистия».

взамен временных узаконений, я возлагаю на вас, г.г. представители народа [1]).

Вам же вверяю и пересмотр избирательного закона на основе всеобщего избирательного права.

Обеспечение дарованных населению прав и исполнение законов достижимы лишь при действительной, а не мнимой ответственности исполнительной власти. Поэтому я признаю необходимым твердо установить такую ответственность.

Рассмотрение государственной росписи, как предмета особой важности, я подчинил общим началам законодательного обсуждения и утверждения, за исключением чрезвычайных сверхсметных кредитов на потребности военного времени.

При всей необходимости скорейшего проведения постоянных законов вы не должны, однако, забывать главнейшей вашей задачи, — это забота ваша о коренных улучшениях в положении и быте крестьян и рабочих, ибо прежде всего — труждающиеся и обремененные. Этого требует как нравственный долг, так и сознание, что благосостояние трудящихся масс служит основным источником благосостояния государства.

Но одна моя власть, как бы ни была она одухотворена моею любовью к народу, бессильна водворить мирным путем тот порядок, без которого достижение желательного благосостояния невозможно. На вас, г.г. представители народа, возлагаю прежде всего озаботиться охранением этого порядка. Дайте мне возможность скорее и навсегда отменить положение об усиленной и чрезвычайной охране и выработать при вашем участии закон о способах восстановления порядка. От вас зависит дать народу спокойствие, а мне возможность помиловать, по водворении в стране порядка, всех преступников, осужденных за политические преступления [2]).

Сорок пять лет тому назад незабвенный дед мой, император Александр II освободитель, в этой самой зале провозгласил в высокопамятный день 19 февраля свободу десяткам миллионов крепостного населения. Заботы о лучшей будущности русского народа возлагают на меня еще бóльшую нравственную обязанность — призвать население империи к широкой политической, духовной и хозяйственной самодеятельности на основе свободы, порядка и права.

Да исполнятся, с помощью божиею, горячие мои желания видеть народ мой счастливым и передать сыну моему в наследие государство крепкое, просвещенное и благоустроенное.

Призываю вас и весь русский народ к испрошению вместе со мною благословения бога на предстоящий нам совместный труд на благо родной земли.

---

[1]) На поле против этого абзаца пометка: «У меня было: предоставление права петиций».

[2]) На поле против этого абзаца пометка: «Первоначально была предположена полная и немедленная отмена исключительных положений».

Reports

Доклады С. Ю. Витте Николаю II.

Доклады С. Ю. Витте Николаю II в разгар революционного движения в России представляют несомненный интерес. К сожалению, в нашем распоряжении имеется лишь часть этих докладов, сохранившихся в архиве Царскосельского дворца. В настоящее время эти фонды хранятся в Особом Отделе Архива Октябрьской Революции (II ф., карт. 22). Некоторые доклады были уже опубликованы [1]). Мы ограничиваемся воспроизведением неопубликованных докладов с имеющимися при них документами.

Первый доклад о революционном движении в Финляндии—без даты. Повидимому, он относится к октябрю—ноябрю 1905 г., так как в нем идет речь о ген.-губ. кн. Оболенском, который был отозван с этого поста в середине ноября.

Кн. Оболенский, прославившийся незадолго перед тем во время аграрных беспорядков в Харьковской губ. сплошными порками крестьян, при своем назначении финляндским генерал-губернатором, естественно, был встречен крайне настороженно населением Финляндии. По словам Витте, это был «неглупый и хороший человек, но не особенно серьезный и страшный балагур, при чем для балагурства готов был часто фантазию смешивать с истиной. Его даже в семействе Оболенских иначе не звали, как Ваня Хлестаков»... Неудивительно, что такой администратор «не пользовался в Финляндии ни доверием, ни уважением». Вскоре он был заменен по предложению С. Ю. Витте Н. Н. Герардом. Любопытна роль «националиста» Михелина, выступающего в качестве ближайшего советника и инспиратора агентов царского правительства [2]).

Публикуемое письмо Дубасова Витте и доклад последнего царю настолько красноречивы, что в особых комментариях вряд ли нуждаются. Цинизм, с которым диктатор Москвы, положивший «весь свой разум, все уменье и всю свою волю» на дело «подавления московского мятежа», требует себе «поощрения», повидимому, поразил даже Николая Романова. Казалось бы, действительно, адмирала надо было «поощрить» после блестящих «успехов», которыми «увенчались усилия» его в Москве. Тем более, что «сам» С. Ю. Витте обещал Дубасову содействие в его ходатайстве. Между тем Николай остался глух к просьбе Дубасова. В своих «Воспоминаниях» С. Ю. Витте говорит, что царь изъявил согласие на составление соответствующего рескрипта о назначении Дубасова членом государственного совета; проект рескрипта был составлен, но опубликован не был. Обиженный Дубасов, по словам Витте,

---

[1]) См. «Былое» 1918 г., кн. 3, март, стр. 3—10.

[2]) См. С. Ю. Витте, «Воспоминания», т. II, стр. 217—218.

вышел в отставку вскоре после ухода с своего поста самого Витте. «Вероятно, он (Дубасов) остался бы,—пишет Витте,—если бы к нему отнеслись особо милостиво». Впрочем, Витте объясняет причину нерасположения царя к Дубасову тем, что недавний усмиритель Москвы в докладе царю, о чем упоминается в публикуемых нами документах, высказался против предания военному суду участников московского восстания. В этом, по словам Витте, увидели «слабость» [1]).

О петиции землевладельцев С. Ю. Витте говорит довольно подробно в своих «Воспоминаниях». Там он приводит целиком свой доклад царю и несколько строк самой петиции. О резолюции Николая: «Осерчал граф», ему, конечно, вряд ли было известно, хотя он и говорит, что в этот момент его отношения с царем «были натянуты до крайности» и что он оставался на своем посту «только из-за преданности к монархическому принципу».

Доклад о Шмидте чрезвычайно характерен для Витте: «Я не имею и не могу иметь по этому предмету никакого мнения, так как это дело мне совершенно неизвестно». Эти слова по своей лживости и неискренности стóят цинизма резолюции Николая.

Все доклады С. Ю. Витте, за исключением доклада о лейтенанте Шмидте, написаны Витте собственноручно. Письма Герарда и телеграмма Соллогуба напечатаны на пишущей машинке.

I. О революционном движении в Финляндии.

Доклад С. Ю. Витте [2]).

Имею честь всеподданнейше донести, что я сегодня видел и беседовал с Михелином, который сегодня же уезжает обратно в Гельсингфорс.

Михелин объясняет происшедшее в Финляндии общим недовольством всех без исключения партий водворившимся в последние годы режимом, нарушившим прежний правовой быт Финляндии. Недовольство это выражалось во всем систематически, но не переходило в область революции потому, что, с одной стороны, имели основание ожидать от князя Оболенского возвращения к старому режиму, с другой стороны, потому, что вся партия конституционалистов (во главе ее находится Михелин) принципиально против всяких насилий, а потому они употребляли все усилия, чтобы сдерживать все увеличивающуюся партию социалистов и молодежь. Когда революционная волна из России хлынула посредством забастовок на Финляндию, то социалисты и молодежь взяли верх и, не находя активного отпора вообще в финляндских гражданах и в виду обнаружившейся полной свободы власти, в сущности временно завладели властью. После манифеста вашего императорского величества вся благоразумная часть Финлян-

[1]) См. Граф С. Ю. Витте. Воспоминания, том II, стр. 142.

[2]) На подлиннике, повидимому, рукою Николая подчеркнуты слова: «Так, он проговорился, что весь проект манифеста и другие представления написаны им, Михелиным, и его сотрудниками».

дии, составляющая громадное большинство, сразу встрепенулась и отозвалась верноподданнически на ваш царский призыв, а потому социалисты и молодежь сейчас же должны были устраниться, и восстановился порядок. В течение всего этого времени не было пролито ни капли крови.

Михелин, а значит, и вся его партия, относится симпатично к князю Оболенскому. Но из его рассказа видно, что князь Оболенский, как только произошел кризис, совершенно растерялся и сделался орудием в руках других, думаю, больше всего в руках Михелина. Так, он проговорился, что весь проект манифеста и другие представления написаны им, Михелином, и его сотрудниками. Вашему величеству известно, что я лично нахожу, что Михелин и финляндские конституционалисты люди совсем неопасные и наиболее умные и влиятельные, но если князь Оболенский их игнорировал до кризиса, то призвание их в качестве решительных советников, как только начался кризис, конечно, не могло усилить обаяния генерал-губернатора. Затем Михелин проговорился, что недостаток генерал-губернатора заключается в том, что он много говорит, а потому не имеет достаточного времени думать. Наконец, он заявил, что, собственно говоря, князь Оболенский ныне финляндцам даже люб, но что русские ему не простят, что он во время смуты покинул дворец, ночевал на судне и принимал днем, кажется, в крепости.

Что касается статс-секретаря по делам финляндским, то Михелин заявляет, что во время кризиса он сделал все, что хотели в Гельсингфорсе, но что он, правильно или неправильно, но не пользуется в Финляндии ни доверием, ни уважением.

Затем Михелин утверждает, что после манифеста вашего величества Финляндия, несомненно, придет в полное спокойствие и будет вполне верноподданна по отношению своего государя и лояльна относительно России, но нужно, чтобы манифест был искренно и твердо приведен в исполнение, а для сего, по его мнению, нужно назначить: 1) серьезного генерал-губернатора, 2) статс-секретаря финляндца, которому доверяют соотечественники (он указывает на графа Армфельда, бывшего при В. К. Плеве его помощником *), и 3) назначить сенат в том составе, который ныне представлен князем Оболенским, после обсуждения дела со всеми влиятельными финляндцами.

Статс-секретарь граф *Витте*.

[Без даты]

Доклад С. Ю. Витте.

Финляндия в последние годы служила убежищем петербургских революционеров. Там нашли притон еще убийцы Сипягина. Оттуда шло почти все оружие, которым вооружились революционеры. В Москве вооружение подготовлялось более года. Вследствие сего

*) Граф Армфельд двадцать лет служил в стаст-секретариате по делам Финляндии. (*Прим. подлин.*)

я обратился к финляндскому генерал-губернатору с особым письмом, настоятельно прося его содействия, дабы финляндская администрация приняла меры.

В этом письме я просил Н. Н. Герарда, если он признает нужным, обратиться от моего имени к Михелину. В ответ на это письмо я получил ответ, копию коего имею честь всеподданнейше представить вашему императорскому величеству.

Относительно усиления надзора со стороны жандармской полиции и пограничной стражи я обратился к подлежащим министрам.

Статс-секретарь граф *Витте*.

20 декабря 1905 г.

Письмо Н. Н. Герарда.

Я не сомневаюсь ни одной минуты, что русские революционеры совершенно свободно подготовляли свое дело здесь, в Финляндии, и находили в ней удобный путь, чтобы скрыть следы своих покушений в России; русские власти были бессильны в борьбе с ними, а финляндцы едва ли не пользовались ими для подготовления той революции, которая совершилась в октябре. Будет ли лучше, теперь сказать трудно: судя по печати, к нам продолжают относиться с большим недоверием, а против многих русских служащих существует положительное озлобление. Пока и Михелин, и его единомышленники преследуют главным образом свои национальные цели.

При знакомстве с новыми губернаторами я приглашаю их употреблять и свою власть, и свой авторитет для прекращения различных нелегальных действий со стороны местного населения, и они мне обещали. Досадно, что единственная губерния, где еще остался прежний губернатор, это Выборгская, так как барон Медем до сих пор не получил назначения в Россию.

Из вопросов, близко касающихся затронутого вами предмета, есть один, которым я занялся немедленно по вступлении моем в должность, — это незаконный ввоз оружия в Финляндию; я стал получать сведения о предстоящем ввозе одновременно из министерств иностранных дел, военного и внутренних дел, и замечательно, что все они поступали дней 5 или 6 после водворения в крае оружия; только вчера, наконец, установились между мною и Копенгагеном непосредственные сношения. Но для борьбы с этим злом необходимо содействие здешних властей. Я обратился с этим к новым губернаторам, сперва на словах, потом на письме, и они мне обещали свое содействие; кроме того, я написал в сенат, и там образована особая комиссия для установления совместных действий администрации с таможенным ведомством; но будет ли все это иметь практическое применение, сказать пока трудно. Одно только можно удостоверить, что прежние власти были совершенно бессильны в этой борьбе и в сознании этого бессилия сделались к ней безучастны.

Я думаю, что переговорить с Михелином по поводу указываемых вами случаев необходимо, и я не премину это сделать, но не сегодня, так как у финляндцев новый год; о последующем я вас немедленно уведомлю.

В конце концов, вот мой совет: не упускайте возможности наблюдать за финляндской границею; она очень удобна для наших революционеров; здесь много лиц, им сочувствующих, и теперь идет почти явно сбор денег в пользу русских забастовщиков. Хорошо покамест то, что здешние рабочие порвали солидарность свою с русскими революционерами и на здешнюю жизнь события в России прямо не отражаются; но полагаться здесь на кого бы ни было невозможно.

Н. Герард.

19 декабря 1905 г.

Доклад С. Ю. Витте.

Приемлю долг всеподданнейше представить вашему императорскому величеству второе письмо финляндского генерал-губернатора по вопросу об обезврежении в Финляндии преступных действий и замыслов петербургских революционеров.

Мою переписку по этому предмету с Н. Н. Герардом я передал министру внутренних дел, прося его войти в соглашение с представителем генерал-губернатора с целью выработать надлежащие меры и инструкции. Вместе с тем я высказал мнение, что дело это в Финляндии не следует поручать жандармерии (форменной), а нужно организовать секретную агентуру. Делу этому я придаю особое значение, так как в Финляндии находилось и, вероятно, ныне находится главное депо революционеров. Вместе с тем я просил министра финансов усилить на финляндской границе таможенный надзор и пограничную стражу. Но охранять границу этим путем весьма трудно.

Статс-секретарь граф *Витте.*

[Без даты]

Письмо Н. Н. Герарда.

Желая ускорить разрешение возбужденного вами вопроса, я поручил передать вам это письмо бывшему вазаскому губернатору Ф. М. Книповичу, которого я пригласил занять должность директора моей канцелярии.

Покуда я останавливаюсь на следующих соображениях: необходимо, чтобы имперская полиция могла следить за действиями русских революционеров в Финляндии; для этого, казалось бы, нужно выработать приемы и правила, соответствующие точно определенной цели. В основание этих правил следует положить следующие начала:

1) чтобы действия полиции в этом направлении касались исключительно русских революционеров, а не деятельности местных жите-

лей; всякое нарушение этого начала вызовет, без сомнения, противодействие и общества, и здешних властей;

2) чтобы такой надзор был поручен специальной имперской полицейской власти, а не общей администрации, так как ожидать от здешних властей энергии в борьбе с революционерами совершенно невозможно.

Быть может, было бы лучше всего поручить этот надзор жандармскому управлению, но при непременном условии преобразования его на тех основаниях, которые мною приведены в письме к министру внутренних дел по этому предмету. Нельзя сомневаться, что даже при этих условиях в некоторой части населения, в особенности между рабочими, вновь назначенные жандармы будут встречены далеко недружелюбно и что деятельность русских революционеров здесь возбуждает довольно большие симпатии. Поэтому желательна большая осторожность со стороны полиции; может быть, необходимо на первых порах, чтобы она ограничила свою деятельность наблюдением за пребывающими здесь лицами русского происхождения, но лишь в крайних случаях принимала меры дознания и следствия.

Я бы полагал, чтобы выработка подобных правил была сделана безусловно секретно. Коллежский советник Книпович, очень опытный служащий, знает край и местные законы и может дать все необходимые разъяснения. Если бы эта работа была возложена на него и на директора департамента полиции, то, надеюсь, вопрос подвинулся бы вперед.

С Михелином я пока об этом не говорил.

Н. Герард.

20 декабря 1900 г.

II. О формировании дружин и ополчения.

Доклад С. Ю. Витте.

При сем приемлю долг представить вашему императорскому величеству письма генерала Палицына по вопросу о формировании дружин и ополчения. Вчера вечером в совете министров предварительно обсуждался этот вопрос, при чем министры внутренних дел и юстиции отнеслись к этим предположениям отрицательно. По мнению этих лиц, поддержанному другими членами совета: 1) нельзя рассчитывать на то, чтобы дружинники и ополченцы действовали сколько-нибудь энергично против своих односельчан, — это войско может даже явиться опасным; 2) если дружинникам и ополченцам платить более, нежели чинам армии, то это может возбудить армию. Министр внутренних дел возлагает некоторые надежды на вновь формируемую полицию. Я позволил себе заявить, что готов ходатайствовать, чтобы на этот предмет, сверх 19 миллионов, которые испрашивает министр внутренних дел, было ассигновано еще 5 миллионов, но я все-таки думаю, что при серьезных аграрных беспорядках полиция будет бессильна. Тем не менее записку об ополчении и письмо начальника гене-

рального штаба передали министру внутренних дел для письменного заключения. В результате совет единогласно высказался, что опорою против беспорядков может быть главным образом войско, что нужно употребить все усилия, чтобы хотя часть действовавшей армии вернулась к апрелю; затем необходимо дислокировать войска согласно внутренним потребностям страны и координировать действия военных и гражданских властей.

Во вчерашнем же заседании министр внутренних дел передал высочайшее ваше повеление, чтобы совет снова рассмотрел вопрос о передаче дел о покушении на жизнь служащих вашему императорскому величеству военным судам. Этот вопрос был возбужден некоторое время тому назад мною в общей форме о большей определительности законоположений, в каких случаях преступления должны рассматриваться в военных, а в каких случаях в гражданских судах. Ныне это зависит, с одной стороны, находится ли данная местность в положении чрезвычайном или военном, а с другой, от усмотрения министра внутренних дел и генерал-губернаторов. По сему вопросу были составлены предположения в военно-судном управлении, но по моей инициативе Совет, в соответствии с мнением министра внутренних дел, отнесся ко всем этим предположениям отрицательно. По вступлении в должность нового министра юстиции я снова внес эти вопросы на рассмотрение совета, при чем новый министр юстиции отнесся также отрицательно ко всем предположениям, за исключением обязательности военного суда в случае покушения на жизнь служащих. Но совет, в соответствии с мнением министра внутренних дел, снова отнесся отрицательно ко всем проектам. Согласно повелению вашего величества вчера был в третий раз рассмотрен проект об обязательности военного суда в случае покушения на жизнь служащих, как военных, так и гражданских, в редакции, предложенной сенатором Акимовым. Голоса разделились. Вашему императорскому величеству по этому делу будет на-днях представлена мемория с проектом при ходатайстве передать дела в общее собрание государственного совета для спешного рассмотрения.

Статс-секретарь граф *Витте*.

[Без даты]

III. О карательной экспедиции в Прибалтийском крае.

Доклад С. Ю. Витте.

Имею честь всеподданнейше представить вашему императорскому величеству телеграмму генерала Соллогуба в ответ на мою, в которой я указывал, что в виду малочисленности войск и слабости полиции, с одной стороны, а с другой, кровожадных действий тамошних революционеров не остается другого средства для подавления революции, как действовать беспощадным образом.

25 декабря 1905 г. Статс-секретарь граф *Витте*.

Телеграмма генерала-лейтенанта Соллогуба.

Существует крупное различие в оценке обстановки здесь и в Петербурге. В Риге днем на улицах полное спокойствие; заводы, фабрики, железные дороги работают; праздного и пьяного люда почти нет, даже в праздники; только с наступлением темноты происходят отдельные нападения на чинов полиции, иногда и войск, кончающиеся сравнительно часто убийством городовых; вчера убит жандарм, сегодня — городовой. Многочисленные дознания, производимые прокурором, убедили его, что шайка рижских злоумышленников немногочисленна— сто-двести человек, — но сильна своею неуловимостью. Почти ежедневно полицией совместно с войсками производятся в разных частях города обыски с целью поймать известных администрации главных агитаторов, но именно их до сих пор изловить не удалось, — арестовывались деятели второстепенные. По вечерам ежедневно целые роты обходят разные кварталы и у всех прохожих отбирают оружие; первые дни собиралось сорок-пятьдесят револьверов, теперь — единицы. Таким образом, собственно в городе Риге не представлялось пока случая проявить беспощадную воинскую репрессию. В деле «Проводника» прокурор отмечает отсутствие сколько-нибудь серьезных улик против задержанных рабочих и попрежнему не оправдывает стрельбы. Как в Риге, так и в уездах войсковым начальникам даны вполне определенные указания самым энергичным образом проявлять силу оружия в случаях малейшего противодействия со стороны населения. В Риге вчера патруль дал залп по хулиганам, при чем убито четыре и ранено несколько. В большинстве случаев требования начальников отрядов населением исполняются, зачинщики, выдающиеся им, арестовываются большею частью без всякого противодействия. Сегодня получил депешу генерала Орлова, что посланною в Эрценскую волость ротою агитатор расстрелян, дом другого сожжен. В одном лишь отряде генерала Орлова до ста арестованных, виновность коих в агитации определяется большею частью лишь показаниями чинов администрации. Расстреливать без суда, когда они уже арестованы, невозможно. Количество оружия, отбираемого отрядами у населения как добровольною сдачею, так и путем обысков, незначительно, и вообще прежние сведения о значительном вооружении населения не оправдываются, только в местечке Салисбург, на пути Мойзекюль — Пернов, населением сдано 350 ружей и 70 револьверов отряду Орлова. В некоторых случаях, в последние дни участившихся, одно лишь ожидание прихода экзекуционного отряда приводит к добровольному смещению населением властей, незаконно избранных, и восстановлению властей законных. Возможные для местных средств меры принимаю постепенно; администрация и полиция расстроены, отчасти и войска. Жандармский надзор осведомлен крайне слабо в главном вопросе местной революционной деятельности. Наиболее насущная потребность — восстановить и устроить полицию с временным воспособлением для этой цели городских средств от казны. *Соллогуб.*

IV. О награждении Дубасова.

Доклад С. Ю. Витте.

При сем имею честь всеподданнейше представить вашему императорскому величеству частное письмо на мое имя генерал-адъютанта Дубасова, при котором он мне препроводил копию своего всеподданнейшего доклада по вопросу о порядке суда московских мятежников. По сему вопросу я, с своей стороны, присоединяюсь к мнению генерал-губернатора главным образом по следующим соображениям: во-первых, потому, что военный суд имеет существенное значение в виду скорости репрессии, между тем уже достаточно времени упущено; во-вторых, потому, что судить военным судом много лиц вообще неудобно. Относительно же остального содержания письма генерал-адъютанта Дубасова осмеливаюсь всеподданнейше доложить нижеследующее. Вашему императорскому величеству известно, что со дня моего назначения председателем совета министров я докладывал о необходимости сменить бывшего московского генерал-губернатора и назначении лица более соответствующего. Когда положение дела дошло до крайности, уже мне сделалось ясным, что в Москве разразится буря, и ваше императорское величество соизволило решить назначить в Москву генерал-адъютанта Дубасова; по приезде в Москву он немедленно пришел ко мне и, по нашим близким отношениям, высказал мне, что он решился просить ваше величество не назначать его в Москву, так как по нынешним временам не считает возможным принять этот боевой пост. Опасаясь, что отказ его может нанести громадный ущерб родине, я всячески уговаривал его не делать подобного шага, взывая к его преданности престолу и родине. После долгой беседы он, наконец, согласился не представлять вашему величеству ходатайство его не назначать, но засим просил меня, в случае, если что-нибудь с ним случится, ходатайствовать перед вашим величеством об его семье, а если бог к нему будет милостив, то ходатайствовать о назначении его членом государственного совета, дабы его будущность, в виду предстоящего преобразования государственного совета, была обеспечена.

Статс-секретарь граф *Витте*.

8 января 1906 г.

Письмо Дубасова.

Глубокоуважаемый Сергей Юльевич!

К сему прилагаю в копии всеподданнейший доклад мой государю императору о суде над участниками московского мятежнического восстания. Не знаю, будет ли мой взгляд вами разделен и поддержан, но прошу вас не сомневаться, что этот взгляд есть выражение совершенно независимого и глубокого личного убеждения моего, уста-

новившегося после самой внимательной и всесторонней оценки вопроса, и что все побуждения мои в этом деле сводятся лишь к тому, чтобы всячески оградить и укрепить авторитет верховной власти.

Теперь позвольте мне сказать два слова по моему собственному делу: меня мучают такие сомнения, которые делают мне больно и которые я хотел бы рассеять при вашем добром участии.

В дело подавления московского мятежа я положил весь свой разум, все уменье и всю свою волю, при чем усилия мои увенчались успехом. Между тем, у меня есть основание думать, что действия мои не заслужили одобрения, так как они не вызвали желания поощрить меня хотя бы тем обыденным способом, которым принято поощрять заслуги очередного порядка, а именно — производством в следующий чин или награждением очередным орденом. Я состою в чине вице-адмирала семь лет и занимаю теперь должность, по классу уже соответствующую чину полного адмирала, следовательно, мое производство могло бы состояться даже не в наградном порядке. То же самое можно сказать и об очередном ордене. Может быть, все это никому не пришло в голову; но ведь нельзя не признать, что волнующий меня факт имеет общественное значение и что вся Россия, следившая с захватывающим интересом за перипетиями московского мятежа, теперь комментирует его развязку и из нее извлекает поучения.

Я нахожу поэтому, глубокоуважаемый Сергей Юльевич, что в переживаемую нами минуту награждение московского генерал-губернатора (а не меня, Дубасова) есть немаловажный факт внутренней политики и что награждение это должно быть необходимо сделано, — и сделано громко, т.-е. возвещено всемилостивейшим рескриптом. Если вы со мною согласны, то вам, конечно, не трудно все это устроить.

Еще одно слово: я просил вас о назначении меня членом государственного совета, и вы были добры взять это на свою заботу. Я напоминаю об этом не для того, чтобы торопить вас; но я хочу быть назначенным теперь же, на основании действующего порядка, так как по изменении его в близком будущем это сделается невозможным.

Простите меня, что я даю вам все эти заботы, когда у вас их и без того больше, чем полагается даже самому сильному человеку; но я верю в ваше дружеское расположение и держусь того нескромного, может быть, правила, что amitié oblige.

Крепко жму вашу руку и желаю вам всего лучшего.

Сердечно вам преданный *Дубасов*.

7 января 1906 г.
Москва.

V. О петиции землевладельцев.

Доклад С. Ю. Витте[1]).

При сем имею честь представить вашему императорскому величеству экземпляр петиции, которая ходит по рукам землевладельцев для собирания подписей. Она напечатана в Киеве, хотя инициатива ее появления, конечно, исходит из Петербурга. Об замыслах сей петиции мне передавали уже несколько недель тому назад, а теперь мне передал прилагаемый экземпляр приехавший с юга министр путей сообщения. Конечно, я мог бы узнать и ее авторов и ее инициаторов, но я считаю излишним тратить на это время, тем более, что мне, как и всем живущим общественною жизнью, известно, что инициатива этого дела исходит от так называемой у нас в государственном совете «черной сотни государственного совета». А затем благородная мысль такой петиции принадлежит ли графу А. П. Игнатьеву, или Стишинскому, или Штюрмеру, или Горемыкину, или адмиралу Абазе, или кому-либо другому члену сказанного сообщества, это довольно безразлично. Впрочем, я думаю, что эти почтенные деятели не особенно добиваются быть у власти, так как им нежелательно давать в игру свои особы, а потому они предпочитают действовать и распространять из-за кустов всякую ложь в петербургских гостиных и посредством некоторой части печати (Грингмут, Шарапов, Никольский (доцент) и проч.).

Статс-секретарь граф *Витте*.

2 февраля 1906 г.

Петиция землевладельцев[2]).

Ваше императорское величество!

Пережив продолжительный период революционной смуты и правительственного безвластия, постепенно возроставших, не взирая на великодушно дарованные подвластным скипетру вашему народам вольности, вся Россия с надеждою взирала на энергичные и разумные мероприятия, которые министр внутренних дел, совместно с министром юстиции и при самоотверженном содействии верных престолу и отечеству войск, предпринимал в целях восстановления законности и порядка в стране, столь долго потрясаемой всеми ужасами национальных и сословных междоусобий, разразившихся, в конце концов, пол-

---

[1]) На подлиннике имеется собственноручная резолюция Николая II: «*Осерчал граф*». Рукою Трепова написано: «Его величеством собственноручно начертано: «Осерчал граф» в г. Царском Селе 3—II 1906. Свиты его величества генерал-майор *Трепов*». Синим карандашом, которым написана и резолюция Николая, подчеркнута фраза. «Конечно, я мог бы узнать».

[2]) Текст петиции напечатан в типографии Яковлева, Золотоворотская, 11. Киев. Имеется надпись: «Дозволено цензурой 23 января 1906 г.

ным разгромом многих хозяйств и жилищ зажиточного и культурного класса землевладельцев. Но надеждам этим не суждено осуществиться, и после первых признаков успокоения на разгромленную и разоренную страну нашу надвигается новая опасность, не из недр революционных партий, с которыми энергичное правительство сумело бы справиться, а со стороны всесильных представителей правительственной власти, вырабатывающих законопроекты и издающих предписания и циркуляры, носящие в себе всю разрушительную силу социалистических лжеучений.

Государь! В высочайшем указе вашем, 10 апреля минувшего 1905 г. правительствующему сенату данном, вашему величеству угодно было ясно и определенно подтвердить монаршим словом вашим, что «всякая частная собственность неприкосновенна и охранение ее от незаконных посягательств, тем более от насилия, составляет первейшую «обязанность правительства».

Мы, ныне обращающиеся к вашему величеству, верноподданные дворяне и землевладельцы южных областей великой державы вашей, не можем скрыть удивления нашего, что знаменательные слова эти, повидимому, запамятованы радикальными членами кабинета графа Витте, которые опасными законопроектами и легкомысленными циркулярами грозят разрушить все благие результаты твердой и разумной правительственной политики последних дней.

Великую смуту как среди землевладельцев, так и среди крестьян внес опубликованный в печати слух о существовании законопроекта, выработанного одним из ближайших сотрудников графа Витте, действительным статским советником Кутлером, по которому предполагается установить максимальные нормы землевладения, с обязательным отчуждением в пользу крестьян всех частновладельческих земель, превышающих означенные нормы.

Ваше величество, осмеливаемся доложить вам, что проект этот, существование которого подтверждено было председателем совета министров на сделанный ему по сему поводу запрос со стороны московского съезда предводителей дворянства, в случае осуществления его явил бы собою не только акт беспримерного насилия над обширным и верным престолу вашему классом землевладельцев, но послужил бы к вящшему ущербу для крестьян и государственной казны. Мы дивимся тому, что в стране, наименее населенной из всех государств земного шара, мог возникнуть серьезный вопрос о крестьянском малоземелье; но, государь, помимо этого общего соображения, мы осмеливаемся обратить внимание вашего величества на то обстоятельство, что ограничение размеров крупного землевладения неминуемо нанесет смертельный удар всей русской культуре, ибо оно приведет к закрытию не только многочисленных, связанных с сельским хозяйством промышленных предприятий, дающих многомиллионный доход казне и питающих несколько миллионов рабочего крестьянского сословия, но также и большинство сельских просветительных и лечебных учре-

ждений, ныне материально и нравственно поддерживаемых состоятельным и культурным классом крупных землевладельцев.

Кроме того, мы осмеливаемся доложить вашему величеству, что в такой, по преимуществу земледельческой, стране, как Россия, аграрный вопрос является лишь измышлением революционеров и мечтателей-бюрократов, не знакомых с реальною жизнью страны: русский крестьянин если не юридически, то фактически и теперь пользуется всею обрабатываемою в России землею; у него на поприще этом нет конкурентов, и на всем пространстве империи нет ни единой десятины, на которой работали бы не крестьяне. Таким образом, значительный процент выручки со всего годового урожая страны попадает в карман крестьянина-работника, при чем малоземельные крестьяне, кроме участия в полевых работах, всегда могут найти себе сторонние заработки по скотоводству, постройкам, по службе при экономиях и по другим статьям помещичьего хозяйства.

Трудно допустить, чтобы лица, приявшие из рук вашего величества бразды правления, обладали недостаточными знаниями и житейскою опытностью, чтобы уразуметь эти неопровержимые практические истины; а потому немудрено, что в обществе раздаются голоса, утверждающие, будто бы утопические законопроекты кабинета графа Витте вырабатываются с затаенною целью неудавшуюся среди городских и рабочих классов революцию перенести в села и деревни, дабы всеобщим народным взрывом вызвать тот политический переворот, которого столь настойчиво добиваются крайние революционные партии.

Не меньшую смуту в сельскую жизнь внесет и циркуляр от 9 января сего года за № 244, изданный от имени министра финансов товарищем его, г. Путиловым, во исполнение, будто бы, манифеста вашего величества от 3 ноября 1905 года, приглашающий уездных предводителей дворянства собрать комиссии при участии крестьян для обсуждения вопроса о том, какие именно земли подлежали бы отчуждению в пользу малоземельных крестьян, и для увещания помещиков предоставить эти земли крестьянам «на возможно льготных для них условиях». Увещание это рекомендуется подкрепить грозным предостережением, «что только этим путем мыслимо мирное разрешение аграрного вопроса, грозящего культуре и государству».

Государь! Циркуляр этот составляет насилие, находящееся не в согласии, а, напротив, в прямом противоречии с принципами, выраженными в высочайшем манифесте 3 ноября, на который он опирается, ибо в манифесте этом вашему величеству угодно было объявить волю вашу, дабы «удовлетворение дальнейших нужд крестьянства» достигалось «без всякой обиды для прочих землевладельцев» и «без нарушения закона и прав других лиц». Подрываясь таким образом под вековые основы собственности, колебание которых угрожает величайшими опасностями всему государственному строю, циркуляр этот, по крайнему разумению нашему, подлежал бы отмене, а лица,

столь легкомысленно потрясающие эти основы, подлежали бы ответственности за самовластное обнародование распоряжений, угрожающих внутреннему миру и спокойствию государства.

Мы сомневаемся притом же, чтобы министр финансов, именем которого издан циркуляр г. Путилова, мог быть компетентен в оценке «способов мирного разрешения аграрного вопроса», и надеемся, что министр внутренних дел располагает для этого средствами, вполне обеспечивающими страну от грозных потрясений; но мы полагаем, что если циркуляр этот, ныне обнародованный печатью, будет прочитан за границею, то он может подорвать государственный кредит империи, ибо едва ли может сохранить доверие Европы такое правительство, которое открыто заявляет, что мирного разрешения аграрного вопроса оно может достигнуть единственно только посредством узаконенного грабежа имущих классов, в противность элементарным понятиям о праве собственности.

Тревога, внесенная в сельскую жизнь вышеупомянутыми правительственными актами, грозит стране еще и величайшим бедствием голода, так как теперь уже многие землевладельцы, в виду приближающейся поры посевов, колеблются приступать к ним, опасаясь безвозвратно утратить плоды своих трудов и издержек на землях, могущих отойти от них в пользу крестьян. С другой стороны, и сами крестьяне грозят отказаться от работ на помещичьей земле, которую, в силу упомянутых выше актов, они надеются приобрести за бесценок. В эпоху же смуты голод, сам по себе составляющий великое народное бедствие, может разразиться такими последствиями, о которых без ужаса невозможно и подумать.

В силу вышеизложенных посильных суждений наших мы считаем священным долгом верноподданных удостоверить перед вашим величеством, что нынешнее правительство, олицетворяемое главою его графом Витте, не пользуется доверием страны и что вся Россия ожидает от вашего величества замены этого всевластного сановника лицом более твердых государственных принципов и более опытным в выборе надежных и заслуживающих народного доверия сотрудников.

К сему приемлем смелость присовокупить всеподданнейшее ходатайство наше, великий государь, властным словом вашим, в установленном порядке обнародованным, подтвердить всем лицам, у кормила правления стоящим, что никакие мероприятия, клонящиеся к насильственному нарушению незыблемых прав собственности (за исключением случаев, предусмотренных 575—608 ст. Т. X, ч. I Свода законов), не могут быть принимаемы, а в случае самовластного принятия их отдельными ведомствами должны быть признаваемы незаконными и не подлежащими исполнению.

VI. О лейтенанте Шмидте.

Доклад С. Ю. Витте [1]).

Мне со всех сторон заявляют, что лейтенант Шмидт, приговоренный к смертной казни, психически больной человек и что его преступные действия объясняются только его болезнью.

Я не имею и не могу иметь по этому предмету никакого мнения, так как дело это мне совершенно неизвестно. Но все заявления мне делаются с просьбой доложить о сем вашему императорскому величеству, а потому, опасаясь, что я не исполню свой долг, умолчав о вышеизложенном, имею честь всеподданнейше довести о сем до сведения вашего императорского величества.

Статс-секретарь граф *Витте*.

21 февраля 1906 г.

---

[1]) На подлиннике имеется собственноручная резолюция Николая II: «У меня нет ни малейшего сомнения в том, что если бы Шмидт был душевнобольным, то это было бы установлено судебной экспертизой». Рукою С. Ю. Витте сделана пометка: «23 февраля 1906 г. Царское Село». Доклад напечатан на машинке и подписан С. Ю. Витте.

Хроника вооруженной борьбы.

Реляция генерального штаба самодержавия о боевых действиях в декабре 1905 года.

«Охранная ложь во спасение самодержавия», — вот, что прежде всего просится на язык, когда читаешь эти еженедельные сводки департамента полиции. Действительно, и непроверенных сведений, — что вполне понятно в виду того, что донесения составлялись, можно сказать, на поле сражения, — и панических слухов, и, в особенности, заведомой лжи в этих донесениях больше чем достаточно.

Возьмем несколько примеров. Вот сообщение о московском восстании, вот донесения об атаке на Миусской площади. «14 декабря войска атаковали дом на Миусской площади, где засела боевая дружина революционеров, и, будучи встречены выстрелами, разрушили и сожгли дом артиллерийским огнем, так что никто из находившихся там революционеров не спасся».

Такого случая на Миусской площади не было. Дома, конечно, войска громили, но чтобы был такой случай, когда никто из революционеров не спасся в доме, подвергнутом обстрелу, такой, например, руководитель миусских дружин, как М. Виноградов, не помнит. Сообщая о начале ростовского восстания, именно о нападении войск на безоружный митинг в мастерских Владикавказской железной дороги, сводка говорит: «Большинство участников сходки успело разбежаться, но боевая дружина завязала открытую перестрелку с войсками, потеряв свыше 200 человек». Как известно и из тех же полицейских источников и по сообщениям революционеров, проверенным на суде, в этот день снарядом, попавшим в столовую, было убито и ранено несколько человек (число всех не превышало и десяти), и говорить о революционных потерях в 200 человек в этот день, когда и дружина-то не действовала как следует, более чем странно. Это тем более странно, что и всего-то в Ростове-на-Дону, как и в Москве, активно принимало участие в восстании несколько сот человек.

В городе Пинске, по словам охранной сводки, «рабочие железнодорожных мастерских присоединились к еврейской революционной партии, образовав в общей сложности кадр 10.000 человек вооруженных и угрожая восстанием». Десять тысяч человек вооруженных, это — четверть корпуса, и, обладай такой солидной боевой силой «еврейская революционная партия», — как знать, может быть, мы теперь не имели бы удовольствия даже читать охранной сводки.

Говоря о нападении войск на Пресню, охранная сводка так заканчивает рассказ о победе над прохоровцами: «На фабрике было найдено много трупов, принадлежащих,

повидимому, главным руководителям восстания, которых рабочие, по всей вероятности, расстреляли сами в отместку за вовлечение в мятеж».

Даже самый предубежденный против рабочих читатель едва ли поверит, чтобы московские пролетарии расстреливали революционеров.

Говоря о карательной экспедиции по Московско-Казанской жел. дор., сводка дает такие сведения: «Направленный вдоль линии дороги казачий отряд имел несколько столкновений с мятежниками, убив свыше 300 человек. Кроме того, 63 главных руководителя движения были расстреляны. Потери революционеров за время беспорядков определяются приблизительно в 10—12 тысяч человек». Что на пути следования отряда убито несколько сот человек,— это верно, но цифра убитых в Москве в 10—12 тысяч человек, конечно, баснословна. Если сводка говорит о всей России, то и тогда эта цифра преувеличена, а об одной Москве и говорить нечего: 12 тысяч убитых и раненых,— это потери хорошего боя в империалистической войне.

Этими словами мы совсем не хотим уменьшить геростратовских заслуг самодержавия и Дубасова перед революцией, но дело в том, что печатаемая сводка — документ и ею будут пользоваться как те, кто может проверить ее сведения, так и те, кто не искушен в этой проверке. Поэтому необходимо указать, какая осторожность нужна при пользовании этим документом.

Возьмем еще несколько примеров неточности и искажения фактов действительности. Сообщая о движении в Одессе, сводка департамента утверждает, что в ночь на 10 декабря жандармами арестован местный «Совет рабочих депутатов». Известно, что первые аресты, захватившие Совет, произошли 2 января 1906 года (арестован и председатель Совета Шавдия), а окончательно Совет был разрушен 4 января 1906 г. Точно также, говоря о подавлении восстания в Горловке, сводка называет цифру убитых «революционеров» в 300 человек, что весьма преувеличивает потери горловских рабочих.

Таких примеров возможно выбрать из сводки множество, и вообще, чтобы ею пользоваться, как сводкой действительно фактического материала, как сводкой действительно происходивших событий,— нужно внести множество поправок, и необходима крайняя осторожность.

И за всем тем сводка — драгоценный документ по истории декабрьского вооруженного восстания.

Прежде всего читатель поражен одним обстоятельством, создающим необыкновенно сильное впечатление,— это всеобщностью движения. Страна горит буквально вся, от края и до края; не только такие крупные центры революционного движения, искони игравшие роль, как Петербург, Москва, Польша, Ростов-на-Дону, Донецкий бассейн, Кавказ, но и самые захолустные медвежьи углы, как Полтава, Вятка, Пинск и тому подобные города, горят восстанием; массы пришли в движение,— не «революционеры», а массы,— рабочие, ремесленики, крестьяне, мелкая буржуазия берутся за оружие, пускай плохое, пускай неусовершенствованное, но за самое настоящее оружие, которое и колет, и режет, и рубит, и бьет, и пытаются бороться с войсками. Если на минуту забыть, что автор сводки имел какое-то предвзятое намерение сгустить краски, то получается положительно захватывающее своей силой впечатление. И это потому, что, действительно, в движение пришли массы, разрушились на время все перегородки, установленные веками, все начало двигаться, перемещаться, чтобы

занять новые положения, новые места. Массовый характер движения, его всеобщность бьет прямо в глаза. Мало того, стремление масс разрешить спор оружием придает ему тот драматический оттенок, который проглядывает даже сквозь полицейско-охранную сводку.

Сводка, конечно, не называет имен; имена героев массы скрыты в ней под общими терминами: революционеры, мятежники, бунтовщики, — и это обстоятельство только лучше оттеняет массовый характер того революционного народного творчества, какое охватило страну.

Сводка, представляет дело так, что сигнал дан из Петербурга и что как будто бы восстание происходило по какому-то плану. Но, несомненно, не лишено действительности заявление сводки, что «на призыв Петербурга поспешили откликнуться революционные организации и в других городах империи, предполагая, что наступил решительный, давно уже ожидаемый революционерами момент вооруженного восстания, что шансы борьбы тщательно взвешены и что победа, хотя бы и ценою крайних усилий, будет на их стороне».

Мы знаем, что такого плана восстания, когда по удару палочки в Петербурге произойдет восстание и в других местах, никто и не думал составлять, но мы знаем также, что живые массовые силы революции по какой-то внутренней логике событий, раз начавшись, моментально создавали центры движения, к которым тянулись менее значительные пункты движения. Так было в центральной России, где к Москве тянулась и Тверь, и Нижний, и Вятка, так было на юге России, где Екатеринослав являлся центром движения, с которым связывались и Горловка, и Авдеевка, и Юзово, так было и в Ростове-на-Дону, который стал центром движения для всего Северного Кавказа, так было и в Сибири, где Красноярск и Чита стали исходными точками вооруженного взрыва, так было и в других районах страны, где наиболее промышленные пункты и становились центрами движения.

План создавался и оформлялся в самом ходе движения, а что касается призыва из Петербурга, то это настолько верно, насколько верно, что Петербург со своим Советом до конца ноября был, действительно, высшим этапом движения.

Итак, всеобщий и массовый характер движения — эта черта хорошо отражена и в полицейской сводке.

Другая черта, хорошо отраженная в документе, — это постепенно крепнущее положение старой власти. В первой сводке, когда еще был гадателен исход восстания в Москве и в таких пунктах, как Ростов-на-Дону, мы не находим того уверенного тона, которым дышит в особенности последняя сводка.

Никакой попытки подвести итог борьбы еще нет: «об изложенном всеподданнейшим долгом поставляю себе представить вашему императорскому величеству», — и только. Во второй же сводке уже говорится о том, «что восстание в Москве надо считать законченным, так как благодаря прибывшим из Петербурга подкреплениям, в виде бригады пехоты, захвачено 19 декабря главное гнездо мятежников — фабрика Прохоровской мануфактуры»...

Чувству растерянности уже совсем нет места в третьей сводке. Наоборот, здесь звучат настоящие торжественные ноты фанфар победителя, чего еще не было, когда писалась вторая сводка (22 декабря).

«По сведениям, полученным за истекшую неделю от подлежащих властей, беспорядки, возникшие на почве «революционного комитета», 8 декабря можно почти по-

всеместно считать законченными. Последним оплотом мятежников являлся город Ростов-на-Дону, но и там 21 декабря были рассеяны все революционные «боевые дружины».

Итак, в конце декабря самодержавие покончило с одним революционным фронтом, рабочим, и могло теперь перебросить свои силы в деревню.

Бить по частям, сначала в городе, потом в деревне, — вот какова была стратегия самодержавия; бить жестоко, не считаясь ни с чем, — вот тактика старой власти.

И мы знаем, что Витте, обозревая результаты военных действий против народа, как раз примерно в то же время, как писались эти сводки, доносил царю, что рабочее движение подавлено и что теперь можно будет бросить все силы в деревню против бунтующих крестьян.

Что касается жестокости, то сводка и не пытается этого скрывать. В спешке и сумятохе военных действий генеральный штаб самодержавия, т.-е. департамент полиции, не особенно гнался даже за чинно-лицемерными терминами самодержавно-казенного языка, а употреблял в своих реляциях, каковыми, несомненно, являются печатаемые сводки, первые попавшиеся слова, какие были тогда на языке любого гражданина.

«Направленный вдоль линии дороги казачий отряд имел несколько столкновений с мятежниками, убив свыше 300 человек». Не расстрелял, как говорится строчкой ниже, не потерял убитыми и ранеными или причинив урон неприятелю в количестве стольких-то убитых и раненых, а просто, по-обывательски, «убив свыше 300 человек».

Гражданская война, — так и все по обычаям этой войны, где не несут потери, а «убивают» и расстреливают. Циничность сводки бьет прямо в глаза, стоит только прочесть, например, те места, где сводка спокойно говорит о том, как под развалинами горящего дома гибнут люди, как революционеры мешают тушить пожар и т. п.

Еще одна черта характерна для сводки: это особенное внимание к восстанию в войсках. Каждый такой случай отмечается особо, о нем сообщается отдельно, ему придается особое значение. Самодержавие прекрасно знало, что революции делаются не резолюциями, а восстания сильны тогда, когда в них участвует армия.

Спрашивается теперь, зачем же понадобился департаменту тот особый язык лжи (кроме обычного языка лжи при освещении событий), те преувеличения сил восставших (в Пинске чуть ли не 10 тысяч вооруженных и т. п.), то преувеличение потерь, захваченных в плен и уничтоженных, которыми щеголяет департамент?

Несомненно, для того, чтобы запугать и без того запуганных представителей высшей власти, растерявшихся и в октябре, и в ноябре, и в декабре.

Уступку самодержавия силам революции в октябре нужно было так или иначе если не аннулировать, то уменьшить, ослабить, обкарнать. А момент был самый подходящий: борьба с оружием в руках, это — не мирная забастовка, здесь можно пустить в ход и пулеметы, и артиллерию.

«И вот, смотрите вы, слабые духом, — как бы хочет сказать генеральный штаб самодержавия, — ваша слабость до чего довела! Отряды чуть ли не в десять тысяч человек, и революционеры, гибнущие в боях сотнями и тысячами!»

Ложь во спасение самодержавия, во имя собственного существования.

— Итак, если ложь, то зачем и печатать такие документы? — спросит иной читатель.

Да, ложь, да, сводка, полная искажений действительности, но за всем тем сводка — огромной ценности документ, колоритный, в общем прекрасно отражающий всеобщий и массовый характер движения и, однако, не забывающий даже мельчайших эпизодов в той буре борьбы, какая клокотала буквально по всей стране.

Из-за лицемерно-сухих и порой лживых фраз охранного творчества глядит самая неподдельная жизнь, с ее классовой борьбой, с ее кровью, стонами и слезами. Ведь не случайно же вы не встретите в сводке ни слов: «интеллигенция выступила на баррикадах», ни слова «студент», ни слова «обыватели», а повсюду находите: «рабочие», «рабочие», «рабочие»...

Сводка как нельзя лучше отражает тот факт, что в декабре 1905 года на улицу, на баррикаду против установленного порядка вещей выступил не буржуа, не третий элемент, не студент, не курсистка, а самый доподлинный народ в лице его передового класса — пролетариата. С этим народом, с русским рабочим классом и партиями, ведущими его в бой, и вело борьбу самодержавие. Это и подчеркивает особенно рельефно печатаемый документ. Революция 1905 г., стало быть, была буржуазная, но движущей силой этой революции была не буржуазия, а пролетариат. Это на деле прекрасно понимал даже департамент полиции и этого, к сожалению, не умеют или не хотят понять до настоящего времени многие, называющие себя даже историками и даже социалистами.

В. Невский.

Еженедельная записка по департаменту полиции за период времени с 8 по 15 декабря [1]).

После ареста в С.-Петербурге «Совета рабочих депутатов» местные революционные группы решили устроить всеобщую политическую забастовку, в виде протеста против принятых по отношению к ним репрессивных мер. Сначала главари движения колебались, находя настоящий момент неудобным для забастовки, так как большинство рабочих было против нее, но затем они должны были уступить настояниям наиболее революционно настроенных членов партий, которые, в ответ на аресты их товарищей, хотели непременно поднять вооруженное восстание и распространить его на всю Россию. Начальным днем для забастовки было выбрано 8 декабря, о чем радикальные органы печати не замедлили оповестить во всеобщее сведение, отпечатав особое воззвание «Ко всему народу» от имени «Совета рабочих депутатов», российской социал-демократической рабочей партии, партии социалистов-революционеров и еврейского рабочего союза. В воззвании указано, что правительство обмануло, будто бы, народ и вступает на путь реакции с целью отменить все льготы, дарованные всемилостивейшим манифестом от 17 октября, и что, таким образом, остается одно средство покончить с «произволом правительства» — это вооруженная борьба за свободу, к которой представители партий и призывают все население, а также армию и флот. На призыв Петербурга поспешили откликнуться революционные организации и в других городах империи, предполагая, что наступил решительный, давно

[1]) Печатаемые нами документы извлечены из дела арх. деп. полиции, О. О., № 2540, т. II, лл. 105 и сл., лл. 149 и сл., лл. 179 и сл., хранящемся в Ленинградском Центральном Историческом Архиве.

уже ожидаемый революционерами момент вооруженного восстания, что шансы борьбы тщательно взвешены и что победа, хотя бы и ценою крайних усилий, будет на их стороне. Действительность, однако, не оправдала подобных ожиданий.

Агитация, предпринятая революционерами в Петербурге, не увенчалась успехом. Возникшая было забастовка распространилась только на фабрики и заводы, но и то не на все. Железные дороги продолжали действовать, попытка прекращать насильственно торговлю в магазинах встретила дружный отпор со стороны чинов полиции и самих торговцев, и вообще, за исключением некоторых отдельных единичных нарушений порядка, нормальное течение жизни в столице не прерывалось. В настоящее время забастовка близится к концу, так как громадное большинство фабрик приступило к обычным работам. Столь благоприятному исходу забастовки в значительной степени способствовали многочисленные аресты главных руководителей движения и представителей боевых дружин, расстроившие планы революционеров, не давая им возможности сорганизоваться. Кроме того, по обыскам было отобрано у революционеров много оружия, и захвачены мастерские, в которых изготовлялись разрывные снаряды. Таких мастерских обнаружено за последние дни три: у студента Политехнического института Платонова, мещанина Шапочникова и неизвестного лица, проживавшего в Петербурге под именем секретаря забайкальской казенной палаты Смирнова. Все мастерские были прекрасно оборудованы и снабжены большими запасами взрывчатых веществ. Найдены в них также и готовые оболочки для бомб в числе 120 и три готовых разрывных снаряда.

Совершенно в иных условиях оказался город М о с к в а, где агитация, предпринятая революционерами, нашла широкую поддержку со стороны рабочих и вылилась в форме открытого восстания, продолжающегося, хотя и в меньшей степени, до сих пор. Боевые революционные дружины вступали в открытую перестрелку с войсками, бросали в них разрывные снаряды и устраивали баррикады. Они оцепили ими целые кварталы города в надежде, что таким путем удастся покрыть город сетью заграждений и, не допуская войска в захваченные местности, постепенно захватывать один район за другим. Для противодействия мятежникам были приняты самые энергичные меры. Баррикады обстреливались артиллерийским и ружейным огнем, а также дома, которыми пользовались революционеры для стрельбы по войскам из окон. Здания, где происходили сборища мятежников, оцеплялись войсками и, в случаях вооруженного сопротивления, тоже подвергались действию артиллерии. Так, был обстрелян орудийным огнем дом Фидлера, где 9 декабря революционные комитеты устроили соединенное заседание и на предложение сдаться ответили бомбой. Революционеры сдались, потеряв 3 человека убитыми и 15 ранеными, при чем в помещении, где происходила сходка, обнаружено 20 бомб и много оружия. 11 декабря в типографии Сытина собралось

для совещания около 70 революционных деятелей. На требование полиции разойтись они ответили отказом и, по прибытии воинского наряда, открыли по войскам стрельбу из револьверов. После этого была подвезена артиллерия, и по дому сделано несколько выстрелов картечью. В доме произошел пожар; прибыла городская пожарная команда, но революционеры выстрелами из револьверов не допускали ее тушить огонь, при чем принялись сами за тушение пожара имевшимися в типографии водопроводными приспособлениями. Озлобленные сопротивлением войска уничтожили доступ воды в горевшую типографию, и дом обрушился, задавив всех находившихся в нем людей. 13 декабря при помощи артиллерии были разрушены четыре дома на Кудринской-Садовой улице, откуда революционеры обстреливали войска, находившиеся на сборном пункте, во дворе здания, занимаемого штабом гренадерского корпуса. 14 декабря войска атаковали дом на Миусской площади, где засела боевая дружина революционеров, и, будучи встречены выстрелами, разрушили и сожгли дом артиллерийским огнем, так что никто из находившихся там революционеров не спасся. Видя невозможность бороться с войсками открытою силою, боевые дружины прибегли к партизанскому способу действий, устраивая нападения из засад на чинов полиции и воинские патрули, но благодаря молодецкому поведению войск терпят неудачу и на этом пути и несут жестокий урон. Потери их за дни восстания очень велики. Тяжело ранеными переполнены все больницы, но число жертв точному учету не поддается, так как своих убитых и раненых революционеры убирают при помощи особых санитарных отрядов. Особенное озлобление мятежников направлено на начальствующих лиц и полицию, которых они решили истреблять всеми способами. Несколько нападений было сделано, между прочим, и на дом градоначальника, но нападавшие вынуждены были отступить, потеряв много убитых и раненых. В ночь на 10 декабря неизвестным злоумышленником, проезжавшим на лихаче, было брошено две бомбы в помещение, занимаемое в доме градоначальника охранным отделением. Взрывом их попорчен весь лицевой фасад здания, убит дежурный полицейский надзиратель и двое служителей. Нападали революционеры и на отдельные управления полицейских участков, при чем в 1-м Пресненском участке им удалось даже арестовать пристава и, ворвавшись в помещение участковой канцелярии, уничтожить деловую корреспонденцию, в остальных же местах они были отбиты. Окончилась также неудачею попытка атаковать здание пересыльной тюрьмы с целью освобождения арестованных. Тюремная стража, в количестве 200 человек, действуя весьма решительно и с большим мужеством, рассеяла бунтовщиков и разрушила баррикады, под прикрытием которых производилось нападение. Настроение войск весьма бодрое. Потери их незначительны, исчерпываясь только единичными случаями. Последнее обстоятельство удручающим образом действует на революционеров, и главари движения считают свое дело безвозвратно проигран-

ным, но масса, в революционном ослеплении, продолжает свою разрушительную работу, и потому рассчитывать скоро на полное успокоение трудно. В связи с действиями вооруженною силою производятся многочисленные аресты главных руководителей восстания и охватившей город забастовки, в том числе железнодорожной. Из железных дорог Московского узла работает только Николаевская дорога, вокзал которой охраняется сильным отрядом войск. На Московско-Курской железной дороге забастовщики овладели, между прочим, товарною станциею, сформировали свое управление и самовольно распоряжаются поездами. Около станции Перово, Московско-Казанской линии, образовалась шайка грабителей, расхищающая товар из вагонов. 11 декабря члены ее напали на санитарный поезд и отобрали 47 ружей от чинов команды, сопровождавшей поезд, и ящик патронов.

На остальных городах империи московские события и призыв к революции из Петербурга отразились следующим образом:

В гор. Твери забастовали 12 декабря все местные фабрики, при чем забастовщики пытались устроить в городе демонстрацию, которая была предупреждена войсками.

В гор. Ярославле толпа забастовавших рабочих двинулась 10 декабря в город, насильственно прекращая занятия в местных правительственных учреждениях. На предложение разойтись выступившая впереди толпы боевая дружина открыла огонь по казакам, преградившим им путь. Казаки отвечали выстрелами, ранив и убив несколько человек демонстрантов.

В гор. Костроме забастовали все фабрики, при чем толпы забастовщиков насильственно прекращали работу в мелких мастерских, типографиях и магазинах. Положение города очень серьезное в виду почти полного отсутствия войск.

В гор. Владимире, в виду беспорядков, возникших на почве железнодорожной забастовки, вся полоса железнодорожного отчуждения в пределах губернии объявлена на военном положении. На станции Орехово-Зуево делегаты забастовочного бюро, прибывшие с специальным поездом из Москвы, оказали вооруженное сопротивление чинам полиции и казакам, убив помощника пристава и двух станционных рабочих. В гор. Александрове возникла забастовка на местных фабриках и заводах, при чем бунтовщиками были обезоружены чины полиции и арестован исправник. Население терроризовано забастовщиками, на помощь которым приехала еще боевая дружина из Москвы. Город объявлен на военном положении.

В гор. Нижнем-Новгороде рабочие Сормовского и других заводов в ночь на 9 декабря заготовили оружие, объявили на следующий день забастовку, а 11 декабря толпами, с пением революционных песен, направились в город, силою закрывая магазины и прекращая движение трамвая. При рассеивании толпы рабочие оказали вооруженное сопротивление, ранив трех городовых. Полицей-

ский наряд отвечал 4-мя залпами, убив и ранив нескольких рабочих. Вечером того же 11 декабря в казачий разъезд была брошена бомба, взрывом которой убит один казак и один полицейский стражник. 14 декабря в помещении канцелярии полицейского пристава на Сормовском заводе брошена бомба. Взрывом ее легко ранен полицейский надзиратель. На железной дороге забастовщики образовали стачечный комитет и захватили в свои руки станцию, фактически распоряжаясь движением поездов.

В гор. У ф е забастовавшие рабочие железнодорожных мастерских устроили сходку и, потребовав к себе для объяснений помощника коменданта станции и жандармского вахмистра, арестовали их. Высланную для освобождения задержанных лиц воинскую команду рабочие встретили выстрелами из револьверов и разрывными снарядами, ранив 4 солдат. Команда, в свою очередь, открыла огонь, вынудивший участников сходки разбежаться, оставив в помещении мастерских арестованных ими лиц.

В гор. С а р а т о в е, под влиянием агитации приехавших из Москвы делегатов железнодорожного съезда, возникла железнодорожная забастовка, и для руководства ею образовался стачечный комитет. Местными властями произведены многочисленные аресты главарей забастовки, и 10 декабря арестовано 4 лица из состава боевой группы социалистов-революционеров, выслеживавших губернатора для покушения на его жизнь.

В гор. Т а м б о в е 13 декабря возникла железнодорожная забастовка, распространившаяся на всю линию в пределах губернии. Станции Козлов, Грязи и Борисоглебск, где действуют стачечные комитеты, заняты войсками, при чем станция Грязи объявлена на военном положении. Среди главарей движения произведены многочисленные аресты. По обыску у них найдено много оружия и бомбы.

В гор. Х а р ь к о в е 12 декабря возникла общая забастовка, сопровождавшаяся попыткой воруженного восстания. Революционные дружины вступали в перестрелку с войсками и особенно упорное сопротивление оказали у паровозного завода, где засела партия мятежников, отказавшаяся сдаться. Здание завода было обстреляно артиллерийским огнем, после чего собравшиеся сдались. Арестовано 136 человек. За последние дни была произведена ликвидация членов федеративного совета российской социал-демократической рабочей партии.

В гор. П о л т а в е 12 декабря на площади железнодорожными забастовщиками была устроена сходка, сопровождавшаяся призывом к мятежу. При рассеивании толпы из окон гостиницы «Марсель» и редакции газеты «Полтавщина» были произведены выстрелы в казаков, не причинившие никому вреда. Забастовщики насильственно закрывали магазины. В ночь на 13 декабря арестована типография партии социалистов-революционеров, выпускавшая прокламации с призывом к восстанию. С особенной силой проявились беспо-

рядки в гор. Кременчуге, который и объявлен на военном положении вместе с уездом. 13 декабря в квартиру, занимаемую кременчугским временным генерал-губернатором, была брошена бомба, к счастию, не разорвавшаяся.

В гор. Екатеринославе с 8 декабря возникла общая забастовка, прекратилось движение трамвая и железных дорог, и остановились все фабрики и заводы. В городе сформирован боевой стачечный комитет, в составе представителей от объединенных революционных организаций, который выпустил объявление, требуя от жителей города, чтобы они подчинялись его распоряжениям. Толпы забастовщиков врывались даже в правительственные учреждения, разгоняя служащих. В пределах губернии забастовка с особенною силою отразилась на Екатерининской железной дороге, где образовался особый стачечный комитет, объявивший себя временным правительством. Члены комитета самовольно распоряжаются движением поездов по линии и не допускают проезда пассажиров, им нежелательных.

В гор. Ростове-на-Дону 13 декабря собравшиеся на сходку в железнодорожных мастерских железнодорожные забастовщики оказали вооруженное сопротивление войскам, оцепившим сходку. Войска обстреливали помещение сходки артиллерийским огнем, разрушив здание. Большинство участников сходки успело разбежаться, но боевая дружина завязала открытую перестрелку с войсками, потеряв свыше 200 человек.

В гор. Одессе 8, 9 и 10 декабря представители местных революционных групп, захватив насильственно типографии, отпечатали и распространили массу воззваний с призывом к общей забастовке. 10 декабря возникла забастовка пекарен, и прекратились работы в железнодорожных мастерских. В ночь на 10 декабря арестован местный «Совет рабочих депутатов», в числе 9 человек железнодорожных служащих.

В Подольской губернии железнодорожная забастовка возникла на станциях Жмеринка, Бирзула и Мариуполь.

В гор. Киеве с утра 12 декабря возникла забастовка местных фабрик, заводов и железнодорожных мастерских, при чем забастовщики 12 декабря напали на поезд электрического трамвая и разбили два вагона, а за чертою города обстреливали поезда трамвая. В виду усиленной агитации, предпринятой революционерами, произведены многочисленные аресты их главных руководителей из партии социалистов-революционеров и анархистов. Обнаружено два склада нелегальной литературы и полная типография этих партий с 6 пудами типографского шрифта. Кроме того, в квартире анархистов Раковца и Пастушенко взято 15 бомб, из них 3 снаряженных. В пределах губернии крупные беспорядки произошли в городе Бердичеве, в виду чего город 12 декабря объявлен на положении усиленной охраны. На станции Казатин, Киевской губернии, толпа железнодорожных забастовщи-

ков пыталась силою прекратить движение поездов, но была разогнана войсками, которые вынуждены были стрелять.

В Черниговской губернии в очень тревожном положении благодаря беспорядкам, производимым железнодорожными забастовщиками, оказывается станция Конотоп, которая объявлена на военном положении.

В гор. Курске прекратилось движение поездов по Московско-Киево-Воронежской дороге.

В гор. Гомеле, Могилевской губернии, происходит усиленная агитация среди железнодорожных рабочих, которые забастовали и систематически устраивают сходки с призывом к вооруженному восстанию.

В гор. Пинске, Минской губернии, забастовавшие рабочие железнодорожных мастерских присоединились к еврейской революционной партии, образовав в общей сложности кадр 10.000 человек вооруженных и угрожая восстанием. Забастовщики насильственно прекратили торговлю в магазинах и экипажное движение. Снята ими также прислуга из частных домов. Улицы запружены бастующими. Восстановление порядка замедляется недостаточностью гарнизона, большая часть которого выделена для охраны оружейного склада и правительственных учреждений.

В гор. Ковне 12 декабря началась общая забастовка всех заводов и торгово-промышленных предприятий. Забастовщиками насильственно прекращены занятия в различных учреждениях. Вместе с тем революционные партии устроили многочисленную народную сходку на одной из улиц. Сходка была рассеяна при помощи войск, но без употребления оружия. 14 декабря забастовка стала затихать, несмотря на все усилия революционеров поддержать ее. Боевые дружины еврейского рабочего союза, пытаясь насильственно прекращать работы в городе, вступали даже в перестрелку с войсками.

В гор. Ревеле возникла большая забастовка местных фабрик, заводов и торгово-промышленных предприятий, а также железных дорог. Наглые домогательства забастовавших рабочих, в связи с имевшимися сведениями об изготовлении ими разрывных снарядов и недостаточностью гарнизона, вынудили губернатора объявить 10 декабря Ревель с уездом на военном положении.

В виду тех размеров, которые приняло движение, губернским властям предложено принимать самые решительные и энергичные меры для восстановления порядка и путем ареста руководителей изъять главные силы революционеров.

Восстание крестьян латышей, охватившее губернии Лифляндскую и Курляндскую, продолжается с прежнею силою. Вся Курляндская губерния, кроме городов Либавы, Митавы, Туккума, Газенпота и Гробина, находится, повидимому, в руках повстанцев. В самом городе Риге общая забастовка хотя и была объявлена, но не осуществилась. Тем не менее настроение в городе продолжает быть

тревожным, так как революционные дружины проявляют попрежнему усиленную деятельность. Они захватили даже в качестве заложников нескольких лиц из числа местных жителей, которых теперь удалось освободить. 11 декабря шайка революционеров ворвалась в квартиру командира таможенного крейсера капитана 2-го ранга Мильрат и завладела его оружием, прибывший же на выручку полицейский отряд обезоружила, убив помощника пристава, околоточного надзирателя и двух городовых и ранив одного городового. Латышское движение охватило и соседние с Курляндиею местности Витебской губернии, где действуют вооруженные дальнобойными винтовками многочисленные банды мятежников. Сельские власти смещены жителями, земские начальники и судебные следователи также не могут выехать в свои участки. 9 декабря мятежниками разгромлено удельное имение «Русколово».

Националистическое движение стало за последнее время замечаться и среди части литовского населения Ковенской губернии, которое демонстративно начинает бойкотировать все русское, а местами даже нападать на русских жителей, угрожая разгромом православных и старообрядческих храмов. Для подавления беспорядков в Ковенскую губернию посланы четыре отряда в составе всех трех родов оружия. Один из этих отрядов вынужден был в местечке Жагора, Шавельского уезда, употребить в действие артиллерию, разрушив орудийным огнем дом главного бунтаря.

В губерниях Привислинского края местный генерал-губернатор вынужден был объявить все 10 губерний на военном положении, в виду массовых случаев отказа сельского населения повиноваться законным властям и платить подати и вследствие охватившего весь край стремления вытеснить государственный язык из всех учебных заведений, из гминных управлений и судов и даже некоторых правительственных учреждений. В гор. Варшаве распоряжение это вызвало усиленную агитацию всех партий к вооруженному восстанию. Вследствие сего были произведены многочисленные аресты агитаторов, при чем обнаружен склад прокламаций и другой нелегальной литературы, в количестве около 10 пудов. В ночь на 12 декабря произошел сильный взрыв на чердаке одного из домов еврейской части города, не причинивший никому повреждений. Владелец квартиры, где произошел взрыв, скрылся.

Относительно аграрных беспорядков поступили за неделю сведения из губерний: Витебской, Вятской, Екатеринославской, Орловской, Пермской, Полтавской, Рязанской, Саратовской, Таврической, Тамбовской, Тульской и Херсонской. Из числа крупных экономий разграблены: в Орловской губернии имения графа Рибопьера, князя Куракина и графа Гейдена, а в Таврической губернии — Рогочинская экономия его императорского высочества великого князя Михаила Николаевича. С особенною силою проявляется аграрное движение в губерниях: Полтавской, Екатеринославской и Херсонской. В послед-

ней губернии владельцы и администрация имения вынуждены бежать, бросая усадьбы на произвол судьбы, так как постоянные погромы, поджоги и полное разрушение частновладельческих экономий, главным образом в Херсонском и Одесском уездах, совершенно не дают возможности оставаться в имениях. Уезды эти объявлены на положении усиленной охраны. Командующему войсками сообщено о командировании в губернию еще одной войсковой части для усиления гарнизона.

По поводу брожения в войсках за истекшую неделю были получены сведения только из Екатеринослава, где на параде по случаю высокоторжественного дня тезоименитства вашего императорского величества предполагалась демонстрация нижних чинов, которая, однако, принятыми мерами была предупреждена.

Об изложенном всеподданнейшим долгом поставлю себе представить вашему императорскому величеству.

15 декабря 1905 г.

Еженедельная записка по департаменту полиции за период времени с 15 по 22 декабря.

Беспорядки, возникшие на почве революционного «манифеста» от 8 сего декабря, продолжались и за истекшую неделю, но в П е т е р б у р г е общественное спокойствие, за исключением нескольких единичных случаев столкновений рабочих с воинскими патрулями и чинами полиции, попрежнему не нарушалось, и жизнь шла обычной колеей. Аресты местных революционных деятелей, главным образом из состава боевых дружин, значительно разредили силы организаций и вместе с тем привели за истекшую неделю к обнаружению двух тайных типографий с массой нелегальной литературы и значительного количества оружия, которым запаслись революционеры.

Восстание в М о с к в е надо считать законченным, так как благодаря прибывшим из Петербурга подкреплениям, в виде бригады пехоты, захвачено 19 декабря главное гнездо мятежников — фабрика Прохоровской мануфактуры, которою они пользовались в качестве склада оружия, а также для формирования своих кадров и изготовления разрывных снарядов. Осада фабрики началась 17 декабря с прибытием в Москву лейб-гвардии Семеновского полка. Последнему было поручено очистить от мятежников весь Пресненский район, где восстание проявилось с особенной силою. Во многих местах полк встретил со стороны революционеров упорное вооруженное сопротивление, и некоторые дома приходилось брать с боя. Таким образом была разгромлена войсками мебельная фабрика Шмидта, владелец которой, студент, сам принимал энергичное участие в революционной деятельности, сформировав боевую дружину из среды своих рабочих. Он был арестован в своей частной квартире и на предложение командира Семеновского полка разоружить дружину отвечал отказом. Тогда фабрика,

в виду нежелания дружинников сдаться, была взята штурмом и сожжена. Уцелевшие остатки дружины 19 декабря дважды пытались освободить Шмидта, нападая на помещение Пресненского полицейского дома, где он содержался под стражею, но оба раза были отбиты, понеся урон убитыми и ранеными. Подойдя к Прохоровской фабрике, войска встретили вооруженное сопротивление со стороны рабочих, казармы которых вследствие сего были обстреляны артиллерийским огнем и сожжены, а затем был оцеплен войсками и главный корпус фабрики. Утром 18 декабря осажденные выслали своих депутатов с белым флагом для переговоров о сдаче. Им было предложено сложить оружие и выдать зачинщиков. На эти условия рабочие не согласились и вернулись к своим товарищам, но утром 19 декабря, видя бесполезность сопротивления, они сдались безусловно. На фабрике было найдено много трупов, принадлежащих, повидимому, главным руководителям восстания, которых рабочие, по всей вероятности, расстреляли сами в отместку за вовлечение в мятеж. Кроме того, обнаружены 4 бомбы, 28 фунтов гремучего студня, другие материалы для изготовления взрывчатых веществ и громадное количество всякого оружия, в том числе 3 усовершенствованных ручных английских пулемета. Дальнейшие обыски, а равно допрос арестованных производятся военным начальством, при чем лица, оказавшиеся наиболее виновными, тут же предаются полевому суду. Так, 20 декабря расстреляны по приговору суда: техник, снаряжавший бомбы, лицо, заведывавшее складом оружия, и один рабочий, убивший во время восстания околоточного надзирателя Сахарова. В других районах города спокойствие также восстановлено при помощи войск. Железные дороги очищены от мятежников, при чем при захвате товарной станции Московско-Курской дороги, которая была во власти революционеров, у них отобрано около 100.000 патронов. Для восстановления движения по Московско-Казанской дороги пришлось прибегнуть к отдельной экспедиции. Направленный вдоль линии дороги казачий отряд имел несколько столкновений с мятежниками, убив свыше 300 человек. Кроме того, 63 главных руководителя движения были расстреляны. Потери революционеров за время беспорядков определяются приблизительно в 10—12 тысяч человек. Потери со стороны полиции и войск очень незначительны и не превышают 70 человек. Теперь жизнь в городе мало-по-малу начинает входить в обычные условия. Относительное спокойствие наступило уже 18 декабря, когда революционеры, сознавая бесполезность дальнейшей борьбы, отказались от насильственных действий и распорядились уничтожением баррикад. Настроение среди главарей партий угнетенное — под влиянием тяжелых потерь, явившихся для них результатом восстания, но революционный фанатизм не позволяет им в этом сознаться, а потому, прекращая борьбу, они заявили, что не считают дело проигранным и откладывают решительный бой до марта месяца. Жертвою мятежников пал, между прочим, в Москве начальник сыскной полиции Войлошников, проживавший на частной

квартире в районе Пресненской части. К нему ворвались несколько революционеров, прочитали ему смертный приговор от имени партии, предложили проститься с женой и детьми и, выведя на улицу, расстреляли его. Для характеристики приемов борьбы, к которым прибегали мятежники, может послужить также и тот факт, что многие из них для удобства нападения переодевались в женские платья.

Относительно беспорядков в других местностях империи получены за истекшую неделю нижеследующие сведения:

В гор. Нижнем-Новгороде волнения среди рабочих сопровождались вооруженным столкновением с войсками и устройством баррикад, которые разрушены артиллерийским огнем. Действию артиллерии был также подвергнут вокзал Московско-Нижегородской железной дороги, которым овладели мятежники, после чего они сдались. Предпринятыми арестами взят 15 декабря весь исполнительный комитет местной боевой группы, при чем обнаружены две лаборатории для изготовления бомб. Одна из таких лабораторий помещалась в народном доме, который и закрыт. 19 декабря было задержано на улице два лица с бомбами. При разряжении бомб взрывом убит судебный следователь. Спокойствие в городе восстанавливается.

В гор. Вятке 18 декабря вспыхнуло вооруженное восстание с целью овладеть городом и губернией путем избиения начальствующих лиц. Встретив отпор со стороны войск, революционеры заперлись на водопроводной станции. Одновременно с тем в здании фельдшерских курсов собрались участники крестьянского съезда, также в большинстве вооруженные. Последняя группа вскоре сдалась, но революционеры, находившиеся в здании водокачки, оказали упорное сопротивление. На помощь им подоспели их товарищи, но были атакованы воинскою командою, потеряв двух убитыми и несколько ранеными. Со стороны войск убито два и один ранен. 18 декабря вечером сдалась, наконец, и партия революционеров, занимавшая водопровод. Всего до 20 декабря арестовано 80 мятежников и захвачено у них 90 винтовок из числа похищенных ими 306 винтовок из склада слободского уездного воинского начальника. Положение города очень тревожное. Приняты меры к усилению местного гарнизона и к аресту главных руководителей движения. Губерния объявлена на положении усиленной охраны.

В гор. Екатеринославе революционеры почти неделю держали в страхе весь город. Они ходили по частным квартирам, вымогая деньги для своих преступных целей, и насильственно закрывали торгово-промышленные заведения. Центром их деятельности явился заводский район, совершенно подчинившийся влиянию боевого стачечного комитета. Туда переселились все крупные революционные силы, так как администрация, за отсутствием достаточного количества войск, не могла проникнуть в район для производства арестов. Все ближайшие к городу железнодорожные станции оказались забаррикадированными. 18 декабря в город прибыл Симферопольский пехотный полк, прорвавшийся из Севастополя, очищая по пути своего

следования станции железной дороги от мятежников. Около станции Нижнеднепровской полк подвергся обстрелу, но потерь не понес. С прибытием полка было приступлено к производству арестов. В пределах губернии особенно крупные беспорядки возникли в Бахмутском уезде, главным образом в местечке Горловке, где при подавлении мятежа военною силою убито свыше 300 революционеров. Со стороны войск потери выразились 3 убитыми и 12 ранеными нижними чинами. Захвачено было до 500 мятежников; по приведении к присяге они отпущены. У них отобрано до 7.000 патронов, свыше 300 пик, много ружей, винтовок, револьверов, динамита и 2 бомбы.

В гор. Ростове-на-Дону беспорядки сопровождались устройством баррикад в Темерницкой части города и в окрестностях вокзала, взятие которых подготовляется артиллерийским огнем. 15-го и 16-го мятежники вступили в открытое столкновение с войсками, понеся значительный урон. У них было отобрано много оружия. Градоначальство объявлено на военном положении. Слабое место Ростова заключается в удобстве сообщения революционеров с поездами Владикавказской дороги, которая доставляет им боевые припасы и поддержку людьми. Местным властям предложены самые решительные меры к подавлению мятежа вооруженною силою.

Во время происходивших беспорядков главное внимание революционеров было обращено на перерыв железнодорожных сообщений. Везде, где возможно, они пытались захватить в свои руки железнодорожные станции и не останавливались даже перед порчей пути. Так, например, с целью прервать сообщение между Москвой и Петербургом и тем помешать подвозу войск для подавления восстания в Москве, они, при помощи рабочих Тверской Морозовской мануфактуры, устроили заграждение из телеграфных столбов и разрушили часть пути между станциями Брянцево и Кулицкой, Николаевской железной дороги. Рабочие были рассеяны отрядом войск, посланным из Твери. Затем во власти мятежников оказалось большинство станций Юго-Восточных железных дорог, а также и Екатерининской и Либаво-Роменской. Для очищения этих станций направлены войска, которые успешно выбивают мятежников и восстанавливают движение по мере возможности. Особенно в тяжелых условиях был город Гомель, но и там теперь движение восстановлено благодаря массовым арестам при помощи войск.

Из большинства местностей империи поступили за истекшую неделю сведения о произведенных арестах главарей революционного движения. Результаты, достигнутые следственными действиями, оказались вполне благоприятными. Обнаружено несколько тайных типографий, мастерских для изготовления разрывных снарядов, масса нелегальной литературы и оружия, в том числе бомбы. Между прочим, в гор. Одессе перехвачен транспорт оружия, в количестве 42.000 патронов, который местные революционные партии хотели обманным способом захватить в свои руки. Получатель груза успел скрыться.

Истекшая неделя ознаменовалась также рядом покушений на жизнь некоторых чинов администрации. 15 декабря в гор. Тамбове тяжело ранен вице-губернатор статский советник Богданович, ныне уже скончавшийся от раны. Того же 15 декабря смертельно ранен в гор. Минске помощник полицеймейстера Шкляревич. 18 декабря в гор. Царицыне совершено покушение на жизнь местного полицеймейстера. И, наконец, в ночь на 20 декабря тяжело ранен управляющий Уфимскою губерниею вице-губернатор камер-юнкер высочайшего двора надворный советник Келеповский. Преступники, посягавшие на жизнь этих лиц, задержаны и будут преданы военному суду. На этой же неделе в гор. Одессе имел место нижеследующий случай, носящий характер мести революционеров уже по отношению ко всему обществу. 17 декабря в кофейню Либмана, посещаемую интеллигентною публикою, неизвестными злоумышленниками было последовательно брошено четыре бомбы, из которых две попали в отдельный кабинет, занятый 4 лицами, причинив им поранения, третья, не разорвавшаяся, попала в никем незанятую комнату кондитерской, а четвертая пролетела мимо окна и, ударившись об стену, разорвалась на улице, легко ранив проходившую девочку. Пятая бомба оказалась лежащею на улице и была поднята прапорщиком Охримовичем, который отнес ее в участок. Там взрывом ее убито два околоточных надзирателя и тяжело ранено пять офицеров, доставивших вместе с Охримовичем эту бомбу в участок.

Восстание латышей в губерниях Лифляндской и Курляндской продолжается. Для водворения порядка посланы значительные войсковые подкрепления в составе всех трех родов оружия, действиями которых очищены от мятежников города Валк, Крейцбург, Якобштадт и местечко Штоксмансгоф. Вместе с тем предпринимаются экспедиции в окрестные волости, сопровождаясь арестом главных зачинщиков беспорядков. В самом городе Риге настроения рабочих, под влиянием непрекращающейся революционной агитации, продолжает быть тревожным, при чем одно время были даже попытки к устройству в городе баррикад. 20 декабря утром расположенный на фабрике «Проводник» взвод драгун подвергся внезапно нападению шайки злоумышленников, убившей 11 нижних чинов и ранившей 7. Здание фабрики было оцеплено войсками. На предложение сложить оружие и выдать зачинщиков рабочие ответили отказом, в виду чего по фабрике было сделано 6 орудийных выстрелов, обративших рабочих в бегство, которое было остановлено пулеметами. Тогда рабочие в числе 1.600 человек сдались и были обезоружены. Ими указано 22 зачинщика в нападении на драгун, из коих 18 уже арестованы, 4 скрывшихся приказано рабочим доставить, до исполнения же этого приказания задержано 37 делегатов рабочих. В районе Витебской губернии вооруженные шайки латышей стали появляться около города Режицы. Для истребления их и восстановления порядка выделен из состава войск вилен-

ского военного округа особый летучий отряд, который направляется в западные уезды губернии.

На ряду с движением латышским стало за последнее время обостряться брожение среди эстонцев. С особенною силою проявляется оно в Ревельском уезде, где появилось несколько вооруженных банд, состоящих преимущественно из рабочих ревельских фабрик и заводов. Мятежниками разграблено и сожжено за истекшую неделю около 40 помещичьих имений. Для водворения порядка из Ревеля направляются военные экспедиции в охваченные восстанием местности. Один из таких отрядов имел 15 декабря вооруженное столкновение с повстанцами около имения «Койль», заставив их выдать награбленное имущество. Шайка была рассеяна, потеряв 16 человек убитыми. Из Ревельского уезда движение распространяется на уезды Гапсальский и Вейссенштейнский, сопровождаясь и там разгромом имений. Во главе эстонского восстания стоит помощник присяжного поверенного Темант. Местным властям предложено принять самые энергичные меры к поимке и аресту Теманта, а также других зачинщиков беспорядков и подавлению мятежа силою оружия.

В губерниях Привислинского края также продолжается брожение. В Варшаве, например, 16 декабря в еврейских кварталах города была попытка устроить баррикады, не удавшаяся благодаря принятым мерам. Многочисленные аресты вырывают из революционной среды наиболее энергичных и предприимчивых представителей движения. Последние обыски привели еще к обнаружению заготовленных революционерами для активных действий против полиции и войск 20 снаряженных бомб, 37 фунтов динамита, значительного количества материала для изготовления взрывчатых веществ и оружия. Серьезные беспорядки происходят также и в Радомской губернии, выражаясь главным образом в стремлении не допускать приема новобранцев, самовольном смещении должностных лиц, разгроме гминных управлений и казенных винных лавок и т. п. Кроме того, 16 декабря была сделана попытка взорвать железнодорожный мост в 20 верстах от станции Скаржиско, Привислинской железной дороги. Из числа подложенных злоумышленниками 4 снарядов взорвался только один, причинив незначительное повреждение пути.

О положении дел в Кавказском наместничестве сведений не поступало уже около 2 недель. Вследствие сего на Кавказ командирован особый офицер корпуса жандармов, с поручением объехать все тамошние губернские города, ознакомиться через местных властей с обстоятельствами последнего времени и при первой же возможности телеграфировать о результатах своей поездки. Единственным пока источником для характеристики дел на северной окраине Кавказа может служить всеподданнейшая телеграмма вице-адмирала Чухнина, в которой он представлял вашему императорскому величеству отчет по командировке военного судна «Днестр» для перевозки пластунов из Ново-

россйиска в Батум. По словам командира судна, в Новороссийске царит полная анархия.

Относительно Сибири командующий войсками сибирского военного округа телеграммою от 17 декабря сообщает, что в гор. Красноярске также господствует анархия, при чем во главе бунтовщиков находится железнодорожный батальон. Верными долгу присяге остались приблизительно три сотни чинов запасного батальона и казаков. Действия мятежников выражаются, между прочим, в том, что они оказывают в желательном для них смысле давление на выборы думских гласных. От чинов прибывшего в город Омск Тобольского полка, а также от проезжающих с востока частных лиц командующим войсками получены сведения, что местности по линии Забайкальской и Манчжурской железных дорог тоже находятся в состоянии мятежа. К западу от Красноярска на всех станциях происходят публичные собрания противоправительственного характера. Управления дорог находятся в руках забастовочных комитетов, постановления которых строго исполняются, и, согласно этим постановлениям, не принимаются, например, шифрованные телеграммы, и исключаются из расписаний скорые, почтовые и пассажирские поезда. О подавлении мятежа в районе сибирского военного округа вооруженной силой, без всякой пощады и ослабления, я просил генерал-адъютанта Сухотина.

Относительно аграрных беспорядков, выражающихся главным образом в самовольном истреблении крестьянами леса в частновладельческих и казенных дачах, поступили за истекшую неделю сведения из губерний: Бессарабской, Екатеринославской, Минской, Могилевской, Полтавской, Пермской, Черниговской. В Черниговской губернии, в Стародубском уезде, и Верхнеднепровском, уезде Екатеринославской губернии, крестьянские волнения сопровождались также разгромом помещичьих усадеб. Относительно положения в Пермской губернии совет съезда горнопромышленников на Урале признает его крайне тяжелым и угрожающим разорением заводского дела в виду проявленного за последнее время со стороны революционных элементов и заводских поселян ряда насилий над служащими горных заводов и даже захвата революционерами заводского управления в свои руки, как, например, на Чермозском заводе князя Абамелек-Лазарева. О командировании для восстановления спокойствия в губернии еще одного казачьего полка сделано сношение с военным министерством.

По поводу революционного брожения в войсках за истекшую неделю, помимо случаев, указанных выше, получены сведения об усиленной пропаганде, которую ведут революционеры среди войсковых частей казанского гарнизона. 15 декабря, при аресте представителей местной революционной группы, на сходке было задержано 11 нижних чинов. Затем 18 декабря в Петербурге, в квартире дочери статского советника Кухаренко, задержано на революционной сходке 6 нижних чинов лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригады. И, наконец, того же 18 декабря, во время беспорядков, происходивших в гор. Вятке, один

из рядовых, поддерживавших сношения с революционерами, выстрелом из винтовки смертельно ранил своего батальонного командира. По обыскам, произведенным за последнее время, обнаружена масса нелегальной литературы, специально приспособленной для пропаганды в войсках.

« » декабря 1905 года.

Еженедельная записка по департаменту полиции за период с 21 по 29 декабря.

По сведениям, полученным за истекшую неделю от подлежащих властей, беспорядки, возникшие на почве «революционного комитета» [1]) 8 декабря, можно почти повсеместно считать законченными. Последним оплотом мятежников являлся город Ростов-на-Дону, но и там 21 декабря были рассеяны все революционные «боевые дружины», сосредоточивавшиеся в Затемерницкой части города и железнодорожных мастерских; устроенные же ими баррикады были разрушены. По обыскам у задержанных участников восстания отобрано 14 ящиков патронов, более 40 пудов пороха, оружие, динамит, материалы для изготовления разрывных снарядов, 2 ящика революционных воззваний, мимеограф, красное знамя и сигнальная пушка. Из Ростова мятежники перекинулись в Нахичевань и захватили там столовую завода «Аксай», куда перенесли разрывные снаряды и оружие. От нечаянного взрыва одной из бомб столовая загорелась. Пожаром оружие уничтожено. Кроме того, от огня и взрывов погибло 9 революционеров, и трое ранено. Остатки ростовских революционных «боевых дружин» сосредоточились за железнодорожным мостом, на полустанках Батайск и Заречная. Для ареста их были посланы войска, и 23 декабря движение поездов восстановилось. Захватываются также при помощи войск железнодорожные станции в других местностях империи, находившиеся во власти мятежников, благодаря чему железнодорожное сообщение почти повсеместно открыто, хотя и не везде производится по расписанию. В последние дни очищена, между прочим, от мятежников станция Рузаевка, где сосредоточился забастовочный комитет Московско-Казанской железной дороги, при чем арестовано 19 главарей забастовки, у которых отобрано много оружия и две бомбы.

Неудача, постигшая попытку устроить вооруженное восстание, безусловно признается теперь и самими революционерами. Так, «С.-Петербургский Совет Рабочих Депутатов», перенесший свои заседания на станцию Териоки, Финляндской железной дороги, в резолюции своей по поводу вооруженного восстания прямо указывает, что боевое выступление масс теперь осуществиться не может, и годовщину январских событий текущего года вторично пролетариат мог бы ознаменовать только нападениями своих «боевых дружин» на отдельные

[1]) Так в подлиннике.

правительственные учреждения и полицейские участки. Тем не менее в январе месяце возможно ожидать повторения беспорядков, хотя, конечно, и не в таких крупных размерах. Агитация, по крайней мере со стороны революционных партий в этом смысле ведется, и международное социалистическое бюро выпустило даже особое воззвание с призывом помочь русским товарищам в их борьбе за свободу путем повсеместного устройства митингов и сбора пожертвований на революционные цели в России, приурочив эти митинги ко дню 9 января. Для предупреждения беспорядков предложены местным властям самые энергичные меры. На ряду с тем продолжаются аресты главных руководителей революционного движения, дающие пока прекрасные результаты. В Петербурге, например, в ночь на 24 декабря арестованы 54 лица, входящие в состав боевых дружин партии социалистов-революционеров, по обыску у которых отобрано много оружия и 14 бомб.

Восстание эстов и латышей в губерниях Прибалтийского края также, повидимому, близится к концу благодаря энергичным действиям войск. В Эстляндской губернии восстание уже подавлено повсеместно, кроме уездов, пограничных с уездами Лифляндской губернии, куда для восстановления порядка посланы части войск. В Лифляндской губернии, в уездах Вольмарском и Венденском, беспорядки прекратились еще до прибытия войск в виду распространившихся только среди населения слухов о приближении отряда генерала Орлова.

В гор. Валке порядок восстановлен при помощи войск из состава того же отряда, благодаря чему почти повсеместно в Валкском уезде законные власти получили возможность вступить в исполнение своих обязанностей. Попутно производится арест главарей движения и обезоружение населения.

Из губерний Привислинского края особенно серьезным представляется положение Радомской губернии, где в самое последнее время усилились действия мятежнических шаек, руководимых помещиками и ксендзами. Деятельность этих шаек проявляется в разгромах правительственных учреждений и казенных винных лавок, смещении гминных властей и замене их своими ставленниками, в предъявлении к населению требований об отказе от взноса податей и доставки новобранцев и в нападениях на должностных лиц. 22 декабря в г. Радоме была брошена бомба в помощника уездного начальника Станкевича, и взрывом ее убит сам Станкевич, и ранены случайно проходившие женщина и один офицер. Затем 25 декабря в городе Островце убит один полицейский надзиратель, и ранен полицейский стражник, а 26 декабря были произведены из засады выстрелы в проходившего по улице офицера, при чем вызванный караул ответил на эти выстрелы огнем, убив и ранив несколько человек из числа нападавших. Проявляется также в Радомской губернии стремление и к массовым беспорядкам. Так, по секретным сведениям, в посаде в Вялобржеди революционными агитаторами была произведена пробная мобилизация

на случай восстания, при чем на местную мобилизацию явилась многочисленная толпа народу, вооруженная кто чем мог.

По сведениям из Кавказского наместничества, в Закавказье, под влиянием отрезанности от России благодаря почто-телеграфной забастовке и ложным слухам, распускаемым крайними партиями, революционное движение всюду обострилось. Железнодорожная забастовка окончательно отрезала Тифлис от всего края, так как революционеры, захватившие дорогу, пускали поезда только по своему выбору. В Тифлисе они объявили забастовку всей торговли и пытались даже прекратить занятия в правительственных учреждениях. Город был объявлен на военном положении, что вызвало объединение крайних партий, организовавших нападения с бомбами на отдельные части войск, офицеров и чинов полиции. Несколько складов бомб арестовано. На ряду с тем были произведены многочисленные аресты руководителей почтово-телеграфной и железнодорожной забастовки, и вся линия Закавказской дороги объявлена на военном положении. Движение поездов производится при помощи воинских команд. В уездах Горийском и Душетском под влиянием общего революционного настроения вновь вспыхнуло аграрное движение, в виду чего в уездах объявлено военное положение. В губернии Елисаветпольской продолжаются столкновения армян с татарами. В Кутаисской губернии положение очень тревожное, так как там революционеры захватили почти всю власть в свои руки, но точных сведений оттуда главное кавказское начальство еще не имеет. В районе Северного Кавказа железнодорожная забастовка благодаря принятым энергичным мерам также прекратилась, движение поездов восстановлено, и управление дорог вступило в исполнение своих обязанностей. Настроение забастовщиков было очень упорное, так что для водворения порядка пришлось занять войсками все станции от Ростова до Беслана, арестовав главных руководителей забастовки, а станцию Минеральные Воды пришлось брать с бою.

Сведения из Сибири продолжают указывать на крайне тревожное положение в гор. Красноярске, где железнодорожные рабочие, руководимые местным революционным элементом, при содействии взбунтовавшегося местного железнодорожного батальона и пользуясь отсутствием войск, захватили в городе власть. К водворению порядка удалось приступить только с прибытием в город эшелона одной из следовавших по Сибирской линии войсковых частей, при помощи которого занята почтово-телеграфная контора. 23 декабря ожидалось прибытие первого эшелона Красноярского пехотного полка, и при его посредстве будут приняты дальнейшие меры к подавлению мятежа. На необходимость самой суровой и быстрой расправы с красноярскими мятежниками указано командующему войсками сибирского военного округа.

Относительно аграрных беспорядков наиболее неблагоприятные сведения получены за истекшую неделю из Полтавской губернии.

В местечках Сорочинцы и Устивица, Миргородского уезда, население под влиянием революционной агитации заявило об отказе платить подати и ставить новобранцев, а в первом из них арестовало станового пристава и других полицейских чинов, вследствие чего для водворения порядка был командирован 19 декабря с воинским отрядом помощник исправника Барабаш. Отряд имел столкновение с мятежниками, причинив им значительный урон, но сам Барабаш во время столкновения был убит. Мятежники приведены к покорности, зачинщики и подстрекатели мятежа арестованы, и виновники убийства Барабаша будут преданы военному суду. Кроме того, об аграрных беспорядках, выражающихся в самовольном истреблении леса в частновладельческих и казенных дачах, получены указания из губерний: Витебской, Воронежской, Екатеринославской, Могилевской и Черниговской. В Воронежской губернии беспорядки сопровождались также разгромом трех помещичьих усадеб. Несмотря на строгие репрессивные меры, принимаемые против зачинщиков крестьянских беспорядков, для подавления которых местным властям предложено действовать самым решительным образом, агитация среди крестьян продолжается, и революционеры имеют даже в виду созвать вновь крестьянский съезд. Первоначально он предполагался в Москве, но теперь переносится в провинцию, где обстановка может быть более благоприятной его занятиям. О недопущении съезда и рассеянии его в случае сопротивления даны соответствующие инструкции местным властям.

Сообщила *Е. Михайлова*.

29 декабря 1905 года.

Аграрное движение в 1905 г. по отчетам Дубасова и Пантелеева.

Печатаемые конспекты Дубасова и Пантелеева относятся к их выездам в центральные губернии (Курскую и Черниговскую), первого — в конце 1905 года, второго — в начале 1906 г.

Оба генерал-адъютанта, один вслед за другим, явились в места движения, когда последнее здесь или стихало, или уже стихло — правда, временно. Здесь было два основных крупных революционных подъема в конце октября и в начале ноября, а затем в конце ноября и в начале декабря.

Поскольку центральный район являлся районом господства полукрепостного хозяйства, в нем главенствующую роль играло разгромное движение, которое, как это можно видеть из приводимых в докладах цифр, привело к довольно ощутительным результатам — к разгрому до двухсот слишком хозяйств на территории только четырех губерний. Временно прекратившееся движение после упадка в начале 1906 г. (оно усилилось лишь летом 1906 г.) дало правительству передышку, которая позволила ему оправиться — особенно после разгрома вооруженного декабрьского восстания — и перейти в наступление.

Быстро начала организовываться реакция. «Начали сплачиваться хорошие (!) элементы партии консервативного, монархического и правового порядка». В некоторых местах Черниговской губернии кулачество при содействии полиции устраивало жестокие самосуды над революционными крестьянами.

Как производилось подавление крестьянского восстания и какие меры принимались карательными экспедициями, — это и описывают в своих отчетах генерал-адъютанты.

Конечно, главные их усилия направлены в сторону военного подавления восстания «отрядами трех родов оружия». Против беззащитных крестьян, действовавших большей частью с вилами, топорами, косами и просто палками и редко с охотничьими ружьями и плохенькими револьверами, высылали артиллерию.

К военному подавлению прибавлялись меры по перетряхиванию местной администрации, удушению печати и проч., по части чего генерал-адъютанты предпринимают и намечают целый ряд мер.

В записке Пантелеева нашло себе отражение и общее помещичье мнение о необходимости «реформ» в деревне, именно уничтожение общины и утверждение крестьянской частной собственности, как оплота помещичьей собственности. Общине помещиками приписывалась и отсталость и разорение крестьянского хозяй-

ства, в действительности являвшееся результатом помещичьей эксплоатации. «Пока производительность их (крестьянских) земель падала, частные хозяйства быстро повышались», — правильно устанавливает факт, не понимая его смысла, Пантелеев.

В начале 1906 г. вполне оформились основы Столыпинской реформы, которая и являлась помещичьим-прусским — по определению Ленина — путем ликвидации «аграрного вопроса». Крестьяне же в 1917 г. ликвидировали этот вопрос «русским» путем.

С. Дубровский.

I.

Конспект к отчету генерал-адъютанта Дубасова.

Генерал-адъютант Дубасов прибыл в Черниговскую губернию, когда острый кризис революционного движения уже миновал. Крестьянские разгромы были результатом долго таившегося брожения и неудовольствия среди населения; толчком для сего послужил еврейский погром. Аграрное движение захватило собственно два района: Городнянский уезд (узкая вытянутая полоса, где стерты с лица земли чудные старинные барские усадьбы) и Суражский, с частью Черниговского уезда (громадный район, где разгромлено 25 хуторов); при чем в виду забастовок и плохого состояния путей сообщения власти не могли подать всюду помощь. Суражский уезд весьма беден, почва песчаная, мало производительная, население его темное и нуждающееся, и потому пропаганда в нем имела легкий доступ. Пояснение революционеров, что крестьяне могут, причиняя убытки помещикам, принудить последних продать свою землю за ничтожную цену, и еврейские погромы — побудили крестьян к крайним мерам. Антисемитское движение имеет в русском народе глубокие корни. В большинстве имений Суражского уезда находились евреи арендаторами, управляющими, приказчиками, мельниками и т. д., а отношение их к крестьянам было суровое. После манифеста 17 октября, косвенно признавшего равноправность евреев, последние держали себя вызывающим образом, оскорбляя патриотизм и верноподданнические чувства русских; ответом на это были еврейские погромы, первым же сигналом послужил погром в посаде Клинцах. Во главе шаек громил были главари, носившие у местных жителей имена «Куропаткиных» и «Линевичей»; успеху же агитации способствовало ложное толкование манифеста 17 октября о свободе и ходившие нелепые слухи: «царь уехал за границу и дал до января сроку бить жидов и панов». Погромы производились в два приема: в 1-й — громили и буйствовали, во 2-й — грабили, увозили и жгли, что нельзя было увозить. Благодаря умелым действиям вице-губернатора Родионова в северных уездах при помощи войск были прекращены беспорядки, хотя настроение населения оставалось возбужденным. Наиболее сильные проявления были в Новозыбковском

уезде и то же в Городнянском и Черниговском уездах. В этом районе агитации много способствовали председатель земской управы А. А. Свечин и член управы Малявко; из среды учителей—некий Теремец. Кроме того, подозрительно поведение земского начальника А. М. Селецкого и некоторых священников, а также черниговского уездного предводителя Карвольского-Гриневского. (Приложены к отчету фотографии с некоторых разгромленных и уничтоженных пожаром усадеб). При вызванной реакции среди казаков и крестьян, самосудом убито до 50 человек громил из самых буйных.

В Нежинском и Козелецком уездах движение приняло полуаграрный полу-революционный характер. В селе Мринах сильно агитировал господин, особо одетый, называвший себя «главным контролером стачки (разгрома)». Непременный член Шрамченко с эскадроном драгун своей энергией восстановил порядок. В Нежине пришлось арестовать так называемых «демократов» (политических агитаторов), чтобы их спасти от толпы. В Конотопе движение было главным образом рабочее, а главный руководитель—агент московского стачечного союза Шор. В с. Гоголеве, Остерского уезда, порядок был восстановлен, когда непременный член Шрамченко арестовал 41 зачинщика.

Вообще ясно, что местное земство покровительствовало пропаганде; требование администрации в 1905 году об удалении вредных лиц не удовлетворялось. 9 сентября в Москве «Всероссийский союз учителей» свои решения разослал с делегатами по губерниям.

В отношении войск Черниговская губерния была поставлена довольно удовлетворительно, большого недостатка, благодаря добавочным командированиям частей, не ощущалось. Острогожский пехотный полк был в боевом составе, но власти опасались его посылать для прекращения разгромов, ибо он мобилизовался в момент разгара брожения умов. Тем не менее генерал-адъютант Дубасов свидетельствует об отличном поведении этого полка, а особенно 9-й роты (капитан Август Табенецкий). Всего в губернии было 31 ½ рот, 7 эскадронов и 7 ½ сотен, не считая артиллерии и частей, специально назначенных для охраны железных дорог.

Генерал-адъютант Дубасов, убедившись, что безнаказанность крестьян мешала прекращению движения, просил министра юстиции усилить состав окружных судов, что и было частью исполнено. По совещании с местными властями генерал-адъютант Дубасов признал нужным воспользоваться законом, дающим крестьянским обществам право высылать в Сибирь вредных членов, но закон требует, чтобы это выселение делалось за счет самих обществ, что в некоторых случаях невозможно. Поэтому генерал-адъютант Дубасов просил министра внутренних дел разрешить этот расход произвести за счет казны; сенатор Дурново ответил, что полностью это ходатайство он не может удовлетворить, но что предоставляется обществам в каждом отдельном случае

при неимении средств, о сем возбуждать особое ходатайство. Генерал-адъютант Дубасов с таким решением не согласен, ибо он, как царский посланный, это обещал крестьянам и слову его должны верить. А посему он просит ваше величество, в виду важности вопроса, удовлетворить полностью его ходатайство (лист 7-й внизу и на обороте).

В посаде Клинцы генерал-адъютант Дубасов объяснял местному еврейскому обществу, что оно своим вызывающим поведением само вызвало против себя народ, что оно должно помогать администрации, а не спорить с ней, что убытки если и будут возвращены правительством, на что мало надежд, то во всяком случае не скоро. В Суражском уезде он говорил с населением на сходках, увещевал их и пригрозил, если беспорядки не прекратятся, вернуться с войсками и стереть с лица земли мятежные селения. Толпа везде выказала покорность, в 7 селениях выданы и постановлены приговоры о выселении 87 зачинщиков. Для прекращения порубок генерал-адъютант Дубасов приказал против непослушных войскам открывать сейчас же огонь. В Стародубе генерал-адъютант Дубасов словами успокоил царившую там панику. В Городнянском уезде он добился выселения крестьянскими обществами 94 зачинщиков и полного раскаяния обществ.

В Чернигове созванные уездные старшины указали на желательность скорейшего созыва Государственной Думы, понижения искусственно вздутых цен на землю, жаловались на то, что ссылаемые в Сибирь, с отпускными свидетельствами, возвращаются и держат в страхе население, и просили обратить внимание на бесчинства призванных на службу и временно уволенных по домам новобранцев. В Конотопе генерал-адъютант Дубасов имел случай убедиться, что толпа повинуется твердому и решительному обращению слова царского посланного. Благодаря назначению московским генерал-губернатором генерал-адъютант Дубасов не мог докончить свою командировку в Курской губернии, где пробыл всего 4 дня. В Курской губернии положение было серьезное, разгромлено было до 45 экономий, войск было мало. К прибытию генерал-адъютанта Дубасова движение охватило почти все уезды губернии. Вице-губернатор, оправдываясь болезнью, оставался дома и мало делал. Губернатор Гордеев принужден был дать самостоятельность исправникам и местной полиции и предоставил им даже передвижение войск. Всех разгромов было до 100, пропаганда шла страшно успешно на почве малоземелья, но главным образом революционная. Агитаторы всюду сеяли смуту, манифест 17 октября критиковался, ибо в нем не было упомянуто о главном вопросе для крестьян—о земле. Манифест 3 ноября тоже; говорили, что позволили покупать то, что уже взяли. К счастью, насилий над самими помещиками не было. Предотвратить беспорядки было очень трудно, ибо движение носило характер вспышек везде, а не в одной какой-либо полосе губернии. Требовались всюду войска, а их не было; было всего 1.350 человек пе-

хоты, 376 кавалерии и 474 казаков. Обоянский и Грайворонский пехотные полки, развернутые из резервных батальонов, стояли в Курске, но были ненадежны в виду массы запасных, которые и были удалены по ходатайству генерал-адъютанта Дубасова. Дабы произвести подавляющее впечатление на население, генерал-адъютант Дубасов разослал такое же воззвание, как и в Черниговской губернии, но прибавил, что если повторятся погромы, он уничтожит мятежные села, и приготовился итти исполнить это с отрядом 3-х родов оружия. Отозвание его в Москву помешало ему выполнить этот план; он не хотел связывать генерал-адъютанта Пантелеева, предоставив ему действовать по своему усмотрению, но все же генерал-адъютант Дубасов сожалел, что не довел начатое до конца, так как отозвание его могло быть истолковано с превратной стороны.

В Полтавской губернии генерал-адъютант Дубасов не успел побывать в виду железнодорожных забастовок и имел сведения лишь телеграфные. В Орловской губернии из личного доклада губернатора генерал-адъютант Дубасов усматривает, что движение было много слабее. Войск было 2 полка пехоты и 6 сотен казаков, кроме того, губернатор возлагал большие надежды на формируемую местную полицейскую стражу.

В заключение генерал-адъютант Дубасов говорит, что достигнутое успокоение есть только затишье. С наступлением весны беспорядки могут возобновиться. Необходимо, чтобы виновные крестьяне понесли кару, а невинно пострадавшим помочь восстановить свое хозяйство. Надо усилить воинские части и полицейские команды. Наблюдать за движением в глуши деревни. Разоренным помещикам надо по возможности вернуть убытки и хотя бы часть этого разложить на громивших крестьян. Крестьянский банк должен наблюдать за тем, что, покупая от разгромленного помещика землю, эта земля отнюдь бы не досталась громившим ее крестьянам, а такую землю надо продать другим крестьянам, не принимавшим участия в беспорядках, и для этого не останавливаться перед переселением. Это очень важно.

Чтобы пользоваться дарованными свободами, надо, чтобы крестьянство сперва поняло, что надо уважать чужую собственность наравне со своею.

Генерал-адъютант Дубасов свидетельствует об отличной деятельности при нем администрации Черниговской губернии и особенно губернатора Хвостова, вице-губернатора Родионова и непременных членов губернского по крестьянским делам присутствия Малахова и Шрамченко — оба бывшие военные, которые много личной деятельностью способствовали успокоению.

Кроме того, генерал-адъютант Дубасов свидетельствует о безукоризненном исполнении долга присяги и поведении войск, которые, несмотря на всю пропаганду, не дрогнули ни разу и остались верны престолу и отечеству.

II.

Конспект к отчету генерал-адъютанта Пантелеева.

1.

Аграрное движение вызвано пропагандой. Революция, переходя от глухой оппозиции к активным действиям, нашла после фабричных и заводских рабочих беспорядков благодарную почву в сельском населении (войска, несмотря на пропаганду, устояли). Крестьянин после 1861 года переменил лишь хозяина, став рабом своей общины; находясь в зависимости от мира, он бесправен даже в деле залога и продажи своего участка. Для него права собственности мертвая буква. «Земля ничья — она божья», — говорят крестьяне. Пока производительность их земель падала, частные хозяйства быстро повышались. Вследствие этого и появления сахарных и других заводов арендные цены стали повышаться (в данном районе доходя до 45 руб. за десятину); неприступность этих цен для крестьян заставила их довольствоваться своими душевыми наделами, которые продолжали дробиться (в данном районе колеблясь от 2 до $4^1/_2$ дес., в Полтавской же губернии он менее десятины), но поднять производительность земли при общинном владении и отсутствии правительственного кредита было невозможно. Малоземелье, делаясь все более чувствительным, породило у крестьян все возрастающую вражду к землевладельцам и крупным арендаторам. Недород в 1901 г. в Полтавском и Константиноградском уездах не обратил на себя в 1902 году должного внимания администрации. Первые проявления смуты были подавлены, но она не улеглась. Удачный опыт пропаганды в Константиноградском уезде 1902 г. способствовал всеобщему взрыву народного мятежа.

К сожалению, правительство бездействовало в вопросах сельскохозяйственного воспитания, кредита и переселения; помещики соблюдали свои выгоды, духовенство безлюбовно относилось к воспитанию своей паствы. Промышленный кризис наводнил деревню безработными. Кризис назревал. Революционные агитаторы, встретив неожиданный отпор в своем стремлении поколебать вековые народные верования в бога и своего самодержавного русского государя, обрушились всею силою на правительство; этому помогла война и бездействие власти. Революция обещала народу даровой надел,—этими посулами она завоевала симпатии крестьянина. Железнодорожная забастовка 9 октября, показав бессилие правительства, дала толчок мятежу. Евреи явились спайкой революционной организации, земство же сыграло роль организационной силы. Борьба администрации с последним была весьма трудная; напр.: 1) Курский губернатор Гордеев знал неблагонадежность только что избранного большинством одного шара председателя губернской земской управы Раевского и просил 18 февраля

1905 г. министра внутренних дел его не утверждать. К сожалению, он все же утвержден. 2) Генерал-адъютант Дубасов приказал городнянскому земству уволить несколько неблагонадежных учителей. Это исполнено номинально, в действительности же земство продолжало платить им жалованье и вместо казенной квартиры дало им квартирные деньги. Эти два случая показывают несолидарность действий правительства при борьбе с дружной сплоченностью революционеров. Из земских деятелей выделились приверженностью к Крестьянскому союзу председатели уездных земских управ: льговской — Широков и суджанской — князь Долгоруков. Революционные деяния председателей управ были искусно замаскированы; низшие служащие прямо способствовали пропаганде. С началом же железнодорожной забастовки силы революционеров усилились присоединением всякого недовольного элемента. Резолюция московского крестьянского съезда: «Земля должна принадлежать тем, кто ее обрабатывает», поднимала повсеместно народ, видевший безнаказанность забастовок. Нерешительность правительства и властей ставила губернаторов в тяжелое положение, запросы их в Петербурге оставались без ответа. Разнузданность прессы все разжигала. Революционные круги истолковали манифест 17 октября, как победу над правительством и доказательство его слабости. Это превратное толкование и дало повод всем бедствиям. Затем милости, дарованные манифестом 3 ноября, прошли незамеченными в пылу такого стихийного брожения. Губернаторы, не поддерживаемые правительством, растерялись; указание им действовать по существующим законам в духе манифеста их окончательно сбило с толку; земские начальники в большинстве бездействовали (в Черниговской губернии при разгроме имений Жемчужникова и Михневича они уклонились от своего долга), исправники тоже; полиция, вследствие отсутствия охранных отделений неосведомленная, действовала, не согласуясь с жандармскими управлениями и судебным ведомством. Часто судебным ведомством и жандармским управлением без ведома губернаторов освобождались задержанные по их приказанию, что еще больше подорвало престиж власти. Оставалась одна надежда на войска, а их было недостаточно. В Курской губернии — 9 сотен, 4 эскадрона, 5 рот; в Черниговской — 8 сотен, 8 эскадронов, 14 рот; в Полтавской — 9 сотен, 5 эскадронов, 8 рот. Средний состав эскадрона и сотни — 70 коней, роты — 35 нижних чинов. Кроме того, войска дробили на слишком мелкие части (курьез: гор. Щигры, Курской губернии, охранялся тремя пехотинцами), и обращались неумело с ними (пример: $^1/_2$ роты 166-го Ровенского полка передвинуто губернатором из Остры, Черниговской губернии, в распоряжение непременного члена по крестьянским делам Шрамченко; его налицо не оказалось, $^1/_2$ роты передано исправнику; скоро он уехал, $^1/_2$ роты передается приставу, уезжает и он, и $^1/_2$ роты передается уряднику).

2.

С 9 октября в Курской губернии начались революционные митинги и демонстрации по городам. Сначала случаи погромов были только единичные, направленные на евреев, и могли быть подавлены быстро силою. С 17 октября движение усилилось и затем в течение месяца все ухудшалось. Крестьяне озверели, даже под угрозами заставляли молчать священников, запрещая успокоительные проповеди. Войска утомились. Приказ увольнения в запас срока 1901 года в кавалерии вызвал глубокое брожение в пехоте. Генерал-адъютант Пантелеев по прибытии в Орел сейчас направился в Курск, так как эта губерния была более беспокойна. Вообще, и Курская, и Полтавская, и Черниговская губернии были в критическом положении. Главное внимание генерал-адъютант Пантелеев с места обратил на войска, запретив их дробление, просил военного министра об усилении и назначении в распоряжение губернаторов офицеров генерального штаба для руководства их распоряжений и, кроме сего, назначил районных начальников. Начавшееся в Белгороде брожение в 51-й артиллерийской бригаде, благодаря испрошенным от киевского командующего войсками подкреплениям и генерала для расследования, было тотчас прекращено. В городе Льгове при разговорах с толпой генерал-адъютант Пантелеев встретил явно враждебное отношение и арестовал говорившего с ним депутата, как оказалось, делегата московского съезда; генерал-адъют. Пантелеев делал смотры войскам и говорил с ними, везде стараясь поднять дух, что и удавалось. Огромное количество газет вредного направления очень вредили успокоению, несколько из них генерал-адъютант Пантелеев приостановил; кроме того, давал новые дислокации и инструкции войскам, назначал начальников летучих отрядов, содействовал губернаторам в образовании конной стражи, говорил с крестьянами и их уполномоченными, и все его слова были напечатаны в нескольких тысячах экземплярах и разосланы во все населенные места; на созванных им совещаниях выяснилось, что рассылаемые губернаторами объявления не допускались агитаторами и уничтожались. После покушения на черниговского губернатора Хвостова генерал-адъютант Пантелеев поехал в Черниговскую губернию, будучи уже назначен главноначальствующим. Успокоению много помогли энергичные действия генерал-майора Рудова [1]) с его отрядом и, наконец, полученные из Петербурга твердые указания местным властям, пробудившие их нерешительность. Высочайшие слова, сказанные депутации щигров-

[1]) Ген.-майор Рудов с карательным отрядом в начале 1906 г. прошел по Черниговской губ. и части Могилевской губ., учиняя бесчеловеческие порки и сжигая дома и хозяйственные постройки наиболее революционных крестьян.

Ред.

ских крестьян [1]), подействовали отрезвляюще. Губернское земское собрание, несмотря на серьезные опасения, прошло благополучно благодаря умелому председательству уездного предводителя дворянства графа Мусина-Пушкина (губернский, князь Голицын, заболел). К 9 февраля общее состояние всего района много улучшилось, Орловская же губерния уже была с конца декабря спокойная. Начали сплачиваться хорошие элементы,—партии консервативные, монархические и правового порядка. Крестьяне начали подавать всеподданнейшие адреса и выдавать подстрекателей. 10 февраля генерал-адъютант Пантелеев выбыл обратно в Петербург.

За все время произведено погромов и поджогов:

в Орловской	губернии	59	экономий	на 500	тыс. рублей.
» Курской	»	130	»	» 3	милл. рублей.
» Полтавской	»	22	»	» 650	тыс. рублей.
» Черниговской	»	35	»	» 3	милл. рублей.

3.

Заключение и выводы.

Причины, вызвавшие революцию, не устранены, и волнение лишь временно подавлено. Цель командировки была лишь использование и объединение местных средств и властей, что и сделано. Но, чтобы закрыть доступ революции в население, традиционно верное богу, царю и отечеству, надо ясную и неизменную правительственную программу и ряд соответственных законодательных актов. Отсутствие программы и быстрые перемены внутренней политики суть корень всего зла. Колебание власти в центральных правительственных учреждениях передается по всем иерархическим ступеням до низших, разрушаются основы и престиж власти в глазах народа, страдает планомерность правительственных мероприятий, а революция каждым неуверенным шагом правительства пользуется, чтобы взять свое.

К еще большему расстройству вели недоверие начальников к своим подчиненным и неудачные назначения начальствующих лиц, иногда не сочувствующих правительству. Зло это, конечно, гнездится в высших правительственных сферах.

На будущее время, казалось бы, правительству следовало бы:

1) Всемерно избегать неясности в актах первостепенной важности; такие акты должны быть понятны всем подданным и не допускать превратных толкований. (Как, напр., манифест 17 октября.)

---

[1]) Подставная депутация крестьян Щигровского у. Курской губ., принятая царем 18 января. Сказанная последним по шпаргалке речь сводилась к следующему: «Всякое право собственности неприкосновенно: то, что принадлежит помещику, принадлежит ему; то, что принадлежит крестьянину, принадлежит ему... Помните всегда, что право собственности свято и должно быть неприкосновенно». *Ред.*

2) Деятельно бороться с революционной прессой. По мнению губернаторов, издание одной или двух правительственных газет в каждой губернии принесло бы большую пользу, они бы разъяснили читающему люду несбыточность и лживость революционных прокламаций и распространяли бы твердые патриотические взгляды на преданность самодержавному царю и православной церкви, — два исторических устоя славы и могущества России.

3) Вполне реорганизовать губернскую администрацию, дав губернаторам более широкие полномочия и подчинив им местные полицейские и жандармские власти, а для сего установить новую должность помощника губернатора по полицейской части или второго вице-губернатора.

Равно надо улучшить положение полиции, от которой сейчас требуют всего, а для исполнения этих требований ничего ей не дают: а) чины полиции фактически подчинены посторонним учреждениям и лицам (судебному ведомству, казенным палатам, жандармским управлениям и проч.), которые обращаются к ней с самыми разнородными требованиями, отвлекая ее от прямых ее обязанностей и как бы забывая, что у нее есть свое прямое начальство; б) должности классных чинов полиции по служебному положению поставлены неудовлетворительно; напр., полное неразграничение административной власти земских начальников и исправников постоянно приводит к вредным для дела коллизиям; в) нищенский оклад высших и низших чинов полиции, на ряду с трудностью и риском службы, не дает возможности иметь удовлетворительный состав и искоренить в нем злоупотребления и взяточничество. Кроме того, служебные разъезды исправников и становых по закону производятся за счет уездного земства, и размер их устанавливается земскими собраниями, и исправники, и пристава находятся в зависимости от земств, что при оппозиционном направлении некоторых из них крайне нежелательно.

Все это следовало бы немедленно преобразовать. Уездных исправников преобразовать в начальников уездов, с присвоением этой должности 6 класса. Оклады полиции значительно увеличить. Полицию избавить от зависимости от земств.

4) По судебному ведомству надо ускорить производство дел и установить бóльшую солидарность в действиях судебной и административной власти. Отсутствие таковой мешает подавлению волнений.

5) Административная высылка желательна для главарей и подстрекателей революционного движения, но за пределы Европейской России и даже в отдаленнейшие места Сибири на продолжительные сроки. Применения к высланным амнистий по манифестам в будущем крайне нежелательны.

6) Земская статистика мало полезна; статистики во многих случаях агитаторы. Поэтому лучше бы прекратить правительственную субсидию земствам на статистику, и этот миллион ассигновать на по-

лицию или Крестьянскому банку на земельный фонд для малоземельных крестьян.

7) Необходима новая дислокация войск. В каждой беспокойной губернии надо расквартировать дивизию пехоты и бригаду кавалерии.

8) Циркуляр министерства финансов, увещевающий помещиков, произвел неблагоприятное впечатление на все местное население. Принудительное отчуждение частновладельческих земель крайне опасно и нежелательно. Нужда крестьянина в большинстве не в малоземелье, а в низкой его культурности. Надо безотлагательно устранить чересполосность земельных участков, уничтожить общину, открыть для крестьян государственный кредит, упорядочить действия Крестьянского банка и, наконец, поставить правильно переселенческое дело.

Аграрный вопрос есть вопрос благоденствия России.

В заключение генерал-адъютант Пантелеев свидетельствует перед вашим императорским величеством о беззаветной преданности и самоотверженной службе войск, находившихся в его распоряжении, а также чинов администрации и полиции.

Генерал-адъютант Пантелеев с высочайшего соизволения вошел с представлением к министрам военному и внутренних дел о награждении более достойных, по его мнению, лиц и в настоящем отчете повергает на всемилостивейшее вашего величества благовоззрение особо полезную деятельность полтавского губернатора, в должности шталмейстера, князя Урусова, временного кременчугского генерал-губернатора генерал-майора Штерича и начальника черниговского губернского жандармского управления генерал-майора Рудова.

Флот в 1905 г.

Восстание броненосца «Потемкин-Таврический».

«Заграничная печать всех стран и всех партий, — писал В. И. Ленин 27 июня 1905 г. в газете «Пролетарий», — полна известиями, телеграммами, статьями по поводу перехода части судов Черноморского флота на сторону русской революции. Газеты не находят слов для выражения своего изумления, для достаточно сильной характеристики того позора, до которого довело себя самодержавное правительство. Верхом этого позора было обращение царского правительства к Румынии и Турции с просьбой о полицейской помощи против восставших матросов. Вот когда сказалось, что «турки внутренние» страшнее для русского народа, чем «всякие турки внешние».

Публикуемые ниже материалы, извлеченные из дипломатической переписки б. русского министерства иностранных дел с румынским правительством и с своими агентами в Турции и Болгарии, отражают именно тот момент, когда русское правительство искало помощи Румынии, Турции и Болгарии против восставших судов Черноморского флота — броненосца «Потемкин-Таврический» и миноносца «№ 267». Румынским портовым властям г. Констанцы, вынужденным оказать гостеприимство восставшим судам, пришлось лавировать между требованиями революционных матросов — отпустить им продовольствие и уголь — и угрозами русского правительства, квалифицировавшего восставших матросов, как «уголовных преступников». Однако румынское правительство, несмотря на угрозы могущественного соседа, отказалось удовлетворить его требования о выдаче ему восставших и предложило последним интернироваться в Румынии, гарантировав им полную безопасность на румынской территории. Не приняв предложенных условий, восставшие суда ушли обратно к крымским берегам, но после известных событий в Феодосии, под впечатлением своей изолированности, оставшись без угля и провианта, вновь пришли в Констанцу и сдались там на ранее предложенных им условиях, которые румынские власти не посмели изменить. Историю этих двух заходов восставших русских судов в Констанцу и сдачу их Румынии в качестве «военных дезертиров» и воспроизводят главным образом, печатаемые нами документы.

Русское правительство, не добившись выдачи революционных матросов, получило обратно броненосец и миноносец, но не оставило, однако, надежды заполучить матросов в свои руки и беспощадно расправиться с ними «за бунт против власти

и убийства своих офицеров». Румынское правительство предупредительно указало русскому правительству, что большинство сдавшихся русских матросов направлено им в провинции, граничащие с Россией, чтобы дать им возможность во всякое время перейти границу и вернуться на родину. Румынским властям не менее русского правительства желательно было поскорее ликвидировать на своей территории «революционную заразу», но они не решились на открытые действия против моряков. Болгарское же правительство прямо обещало нашему дипломатическому представителю в Софии всяческое содействие в поимке матросов «Потемкина» и выдаче их русскому правительству, если они окажутся на болгарской территории.

Для характеристики паники, произведенной на Черном море восстанием части русского флота, весьма любопытны также документы, сообщающие сведения о проекте посылки Англией двух судов в черноморские воды и о требованиях, предъявлявшихся русским правительством турецкому султану в связи с возможностью появления восставших судов у Босфора.

Все-таки «самое большее, чего царскому правительству удалось добиться, — писал Ленин тогда, — это — удержать флот от активного перехода на сторону революции. А броненосец «Потемкин» остался непобежденной территорией революции, и, какова бы ни была его судьба, перед нами налицо несомненный и знаменательный факт: попытка образования *ядра революционной* армии». С другой стороны, — как это подчеркивал Ленин, — «переход «Потемкина» на сторону восстания сделал первый шаг к превращению русской революции в *международную силу*, в сопоставлении ее лицом к лицу с европейскими государствами». Признавая большую долю правды в замечании газеты «Le Matin», что «революция овладевает броненосцем,— событие невиданное в истории! — не зная в то же время, что с ним делать»,— Ленин писал: «Да, мы повинны, спора нет, в недостаточной организованности революции». Но заслуга «Потемкина» в том, что в лице его «русская революция объявила Европе об открытой войне русского народа с царизмом».

Печатаемые документы извлечены из дела б. министерства иностранных дел «О восстании броненосца «Потемкин-Таврический», хранящегося в Московском Архиве Революции и Внешней Политики.

1.

Товарищ министра внутренних дел министру иностранных дел.

20 июня 1905 г. № 7669.

В. нужное.
Совершенно доверительно.

Милостивый государь,
граф Владимир Николаевич.

На броненосце черноморской эскадры «Князь Потемкин-Таврический» произошло восстание нижних чинов, которые, умертвив часть офицеров, а других высадив на берег, завладели судном и с присоединившимися миноносцами взяли курс из Одессы в море, повидимому, направляясь к Константинополю.

Сообщая о сем, имею честь покорнейше просить ваше сиятельство не отказать немедленно войти с представлениями к правительствам Турции, Румынии и Болгарии о недопущении на берег кого-либо из лиц, находящихся на указанном броненосце и миноносцах.

О последующем покорнейше прошу почтить уведомлением.

Примите, ваше сиятельство, уверения в совершенном моем почтении и преданности.

Д. Трепов.

2.

Секретная телеграмма колл. сов. Лермонтова.

Синайя. 20 июня/3 июля 1905 г.

Вчера, вечером, появились перед Констанцею броненосец «Князь Потемкин» и один миноносец. Команда судов, на коих офицеров нет, потребовала у румынских властей угля, воды и съестных припасов, в чем им по приказанию военного министра было отказано и предложено сдаться и сойти на берег без оружия. Ответа еще не получено. Командир нашего стационера, находящегося в Констанце, с которым говорил по телефону, сообщил, что он был на «Потемкине»; команда повторила ему свое требование. Генерал Лаговари сказал мне, что если команда сдастся, то суда будут заняты румынским экипажем и затем возвращены нам. Я командировал в Констанцу Вестмана для составления подробного донесения и ходатайствую о разрешении задержать его там до окончательного разрешения этого вопроса.

3.

Управляющий морским министерством министру иностранных дел.

20 июня 1905 г. № 2828.

Спешно. Секретно.

Милостивый государь,

граф Владимир Николаевич.

По полученному сего числа донесению по телеграфу командира нашего стационера на Дунае транспорта «Псезуапе», в Констанцу прибыли с мятежными командами броненосец «Князь Потемкин-Таврический» и миноносец № 267, при чем оба судна нуждаются в угле и провизии.

По всеподданнейшем докладе мною сего числа содержания этого донесения его императорскому величеству благоугодно было указать на необходимость снестись с болгарским и румынским правительствами с целью запрещения ими снабжения указанных судов как

углем, так и провизиею в портах обоих государств, а также недопущения съезда команды на берег.

О таковой высочайшей воле имею честь сообщить вашему сиятельству, прося о последующих распоряжениях не отказать мне уведомлением.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном моем почтении и искренней преданности.

Ф. Авелан.

4.

Проект срочной секретной телеграммы российским представителям в Бухаресте и Софии.

20 июня 1905 г. №№ 277 и 278.

Броненосец «Князь Потемкин» и миноносец № 267, команды коих взбунтовались, пришли в Констанцу.

Сообщив об этом румынскому правительству, передайте ему нашу просьбу не выдавать этим судам ни провизии, ни угля.

При этом обратите главное внимание правительства, при коем вы аккредитованы, что командами совершено много важных уголовных преступлений — убийств, поджогов, грабежей.

Для Болгарии. Сообщив о сем болгарскому правительству, передайте ему нашу просьбу не выдавать ни провизии, ни угля этим судам, если они зайдут в болгарский порт. При этом и пр. (см. выше. *Ред.*).

5.

Секретная телеграмма колл. сов. Лермонтова.

Синайя. 20 июня/3 июля 1905 г.

Ген. Лаговари телеграфирует:

Русские моряки отказались сдать оружие и передать корабли властям, даже при условии, что с ними поступят, как с иностранными дезертирами. Сегодня утром русский миноносец пытался проникнуть в порт. Румынский крейсер помешал ему, сделав два пушечных выстрела в знак того, что вход в порт воспрещен. Миноносец удалился. Моряки, с которыми капитан порта вел переговоры, предлагая им удалиться, заявили, что они направляются к русским берегам.

6.

Секретная телеграмма колл. сов. Лермонтова.

Синайя. 20 июня/3 июля 1905 г.

«Потемкин» ушел, направляясь на юго-восток.

7.

Секретная телеграмма д. т. с. Зиновьеву.

21 июня 1905 г. № 282.

В виду принятых румынским правительством в Констанце суровых мер по отношению к «Потемкину», едва ли последний решится зайти в Босфор. Если же, однако, это случится, то рассчитываем на соответственные энергичные мероприятия со стороны оттоманских властей.

Что же касается предполагаемого султаном прощения от имени государя императора взбунтовавшейся команде, то о таковой мере и речи быть не может.

8.

Секретная телеграмма колл. сов. Лермонтову в Бухарест.

21 июня 1905 г. № 285.

Государю императору благоугодно было высочайше повелеть выразить румынскому правительству благодарность е. и. в. за энергические меры, принятые относительно броненосца «Кн. Потемкин».

9.

Секретная телеграмма д. с. с. Бахметьева.

София. 21 июня/4 июля 1905 г.

20 июня, до получения телеграммы вашего сиятельства, княжеское правительство, вследствие известий из Констанцы, приказало приморским властям в случае, если появятся наши мятежные суда, ни под каким предлогом не выдавать им ни провизии, ни угля, а ежели они пожелают сдаться, то задержать суда и впредь до дальнейшего распоряжения арестовать всю команду.

10.

Копия с донесения консула в Добрудже, ст. сов. Сергея Вестмана поверенному в делах в Бухаресте колл. сов. Сергею Лермонтову.

Констанца. 21 июня 1905 г. № 67.

Воскресенье, 19 июня, около пяти часов пополудни, прибыл из Одессы в Констанцу броненосец «Князь Потемкин-Таврический». Вслед за остановкою к нему подошли на шлюпках командир стацио-

нера нашего «Псезуапе», капитан над Констанцским портом и командир румынского крейсера «Елисавета». Офицеры эти на вопросы команды «Потемкина» ответили, что им ничего не было известно об ее возмущении или что хотя о том и ходил слух, но что они не могли придавать ему веры.

На запрос капитана над портом, с какою целью «Потемкин» прибыл в Констанцу, руководители возмутившейся команды заявили, что они рассчитывают запастись провиантом и другими необходимыми предметами. При этом был вручен длинный список этих предметов капитану Негрю, который, возразив, что он запросит инструкций, добавил, что лично он не полагает, чтобы желание команды могло быть удовлетворено. Вместе с тем капитан Негрю преподал команде совет оставить броненосец и сойти всем на берег, где свобода им была бы обеспечена.

Вожаки возмутившихся отвергли это предложение, прося и получив разрешение для некоторых из них сойти временно на берег. На берегу были приняты меры к тому, чтобы ничего не могло быть вывезено на броненосец.

Один из матросов «Потемкина», не пожелав возвратиться на броненосец, был задержан, а затем выпущен на свободу местными властями.

Впечатление капитана Негрю было, что лишь вожаки препятствуют большинству команды покориться; ему казалось также, что на броненосце было два или три офицера, хотя и без погон, но что они были подневольны.

Высадившиеся на берег из возмутившейся команды, встретив несколько матросов с нашего стационера, оповестили их, что если «Псезуапе» не примет сторону «Потемкина», то он будет утром пущен ко дну миноносцем, сопровождающим броненосец. Вследствие сего «Псезуапе» был отведен ближе к берегу и окружен понтонами.

Утром по направляющемуся в порт миноносцу было произведено румынским крейсером «Елисавета» два выстрела: первый холостой, а второй боевой, но поверх, что принудило миноносец возвратиться к броненосцу.

Тем временем была получена телеграмма королевского правительства, воспрещающая снабжать чем-либо «Потемкина», но обещающая команде полную свободу под непременным условием покинуть броненосец совершенно неповрежденным. Капитан над портом снова вступил по этому случаю в переговоры с возмутившейся командой, стараясь ее убедить. Телеграмма была переведена на русский язык, но затем команда потребовала и подлинный текст, который и был ей вручен. Часа через два командой было заявлено, что предлагаемые условия не принимаются, между прочим, по той причине, что Румыния слишком слаба, чтобы отказать в безотлагательном возвращении броненосца России.

На запрос капитана Негрю, что намерен предпринять «Потемкин», ему было сообщено, что броненосец направится в какой-нибудь незна-

чительный пункт нашего побережья, где было бы возможно запастись необходимым.

Затем капитану над портом было доставлено пятнадцать пакетов с прокламациями, адресованными местным иностранным консулам, с просьбою вручить их по назначению, по крайней мере великобританскому консулу. Капитан Негрю, отказав в этом, препроводил прокламации к своему правительству. В прокламациях этих, носящих подпись: «экипаж броненосца «Князь Потемкин-Таврический», говорится, что «Потемкин» ведет войну против России, но не будет нападать на иностранные города или корабли. Возмущение команды броненосца носит чисто анархический характер.

В час пополудни 20 июня «Потемкин» отошел по направлению к югу. 21-го утром приходил в Констанцу на несколько часов один из наших контр-миноносцев, следящий за «Потемкиным».

Появление броненосца произвело в Констанце большое смятение и беспокойство.

По всем поступающим сведениям, румынские власти держали себя во время этого исключительного происшествия вполне корректно. Капитан же над Констанцским портом проявил, кроме того, много такта.

11.

Секретная телеграмма д. с. с. Бахметева.

София. 22 июня/5 июля 1905 г.

Получил вчерашнюю телеграмму № 287.

Министр внутренних дел сейчас подтвердил мне, что команды судов будут арестованы и задержаны как в случае добровольной сдачи, так и съезда на берег под каким бы то ни было предлогом.

12.

Секретная телеграмма колл. сов. Лермонтова.

Синайя. 22 июня/5 июля 1905 г.

Вчера пришел в Констанцу контр-миноносец «Стремительный», ища «Потемкина», и затем отбыл в Варну.

13.

Секретная телеграмма д. с. с. Бахметева.

София. 22 июня/5 июля 1905 г.

Миноносец «Стремительный» вчера пришел в Варну. Сначала местные власти приняли его за мятежное судно, но после объяснений выдали ему уголь и воду. По словам командира, он следует за «Князем Потемкиным» к азиатскому берегу и вышел за ним сегодня утром.

14.

Секретная телеграмма д. т. с. Зиновьева.

Буюкдере. 22 июня/5 июля 1905 г.

Из чрезвычайно секретного источника узнал, что по приказанию своего правительства английский посланник сделал представление султану о получении согласия его на проход через проливы двух крейсеров, назначенных для охраны коммерческих и других интересов Англии, в Черное море. В настоящую минуту султан отклонил эту просьбу, но все-таки согласен рассмотреть этот вопрос в случае угрозы интересам Англии.

15.

Секретная телеграмма д. т. с. Зиновьеву.

23 июня 1905 года. № 293.

Телеграмма 22 получена.

Пропуск английских крейсеров через проливы составил бы явно недружелюбное действие по отношению к России.

Императорское правительство сочло бы себя в таком случае совершенно свободным от всяких обязательств в вопросе о проливах.

Не допускаем мысли, чтобы султан мог согласиться на подобную меру. К тому же никому из иностранцев не грозит никакой опасности на русском побережье Черного моря, где сделаны уже все нужные распоряжения по охране спокойствия.

16.

Румынский посланник в Петербурге министру иностранных дел.

С.-Петербург. 23 июня 1905 г.

Граф. Миноносцы русской императорской эскадры проникли в порты Галац и Констанцу, не выполнив формальностей, требуемых в подобных случаях международным правом. По приказанию моего правительства, я имею честь довести эти факты до вашего сведения и просить ваше сиятельство указать на них императорскому морскому министру, обратив внимание русских морских властей на исключительное право полиции, принадлежащее прибрежным государствам в территориальных водах.

Пользуюсь этим случаем, чтобы возобновить вам, г. министр, уверения в совершенном моем почтении.

Г. Розетти-Солеско.

17.

Секретная телеграмма графу Бенкендорфу в Лондон.

24 июня 1905 г. № 297.

На основании сведений из весьма секретного источника, который не следует обнаруживать, Зиновьев сообщает, будто великобританский посол в Константинополе по поручению своего правительства обращался к султану с ходатайством о пропуске через проливы двух английских крейсеров, предназначенных для защиты коммерческих и иных интересов Англии в Черном море.

Отказываясь верить справедливости помянутого известия, находим, однако, необходимым привлечь на дело это самое серьезное внимание ваше. Если бы у великобританского правительства действительно существовало намерение прибегнуть к вышеуказанной, ничем не оправдываемой, мере, то мы не могли бы отнестись к этому иначе, как к явно враждебному в отношении России действию.

18.

Секретная телеграмма кол. сов. Лермонтова.

Синайя. 24 июня/7 июля 1905 г.

В Констанце остался матрос с «Князя Потемкина» Григорий Рахотин, Ставропольской губернии, села Воронцово-Александровского. Если императорскому правительству угодно требовать его выдачи, как совершившего уголовное преступление, ходатайствую о высылке всех потребных документов.

19.

Секретная телеграмма д. т. с. Зиновьева.

Буюкдере. 24 июня/7 июля 1905 г.

Сегодня я был принят султаном. Главным предметом разговора послужил бунт на броненосце «Князе Потемкине», слух о котором вызвал смятение в Ильдизе и крайнюю тревогу в городе. На мою просьбу об отказе взбунтовавшейся команде в угле и провианте султан ответил, что в Босфоре принимаются все необходимые меры, но что остальные турецкие порты совершенно беззащитны и не в состоянии оказать сопротивление бунтовщикам, если они решатся прибегнуть к насильственным мерам. В виду этого султан надеется, что со стороны нашего флота будут приняты возможные меры к предупреждению насилий.

Между прочим, я сказал, что у России есть внешние недоброжелатели, которые попытаются, может быть, воспользоваться настоящими обстоятельствами для осуществления каких-либо враждебных ей предположений, но что я надеюсь, что султан не изменит чувствам дружбы к России, в которых он постоянно меня уверяет. Султан ответил мне просьбою довести до сведения государя императора, что его величество может вполне положиться на его доброжелательное намерение и преданность.

20.

Военный агент в Румынии в главный штаб ген. А. А. Поливанову.

24 июня 1905 г. № 65. г. Бухарест.

Копия.

Секретно.

Милостивый государь,

Алексей Андреевич.

В дополнение к телеграммам, отправленным мною на имя вашего превосходительства, по поводу захода в порт Констанцы броненосца «Князь Потемкин-Таврический» считаю долгом сообщить следующее:

Рано утром 20 июня из газетных телеграмм я узнал о приходе в Констанцу взбунтовавшегося экипажа «Потемкина». Единственный представитель нашей миссии в Бухаресте, г. Лермонтов, находящийся в настоящее время в Синайе и управляющий делами за отсутствием посланника, был извещен о происшедшем в Констанце консульской телеграммой еще 19-го, вечером; однако он не счел, повидимому, нужным поставить меня об этом в известность.

Немедленно же я отправился к министру иностранных дел Лаговари. Сущность моего разговора с ним я сообщил вашему превосходительству телеграммой.

Между прочим, г. Лаговари сказал мне, что группа русских социалистов, проживающих в Бухаресте, обратилась к нему за разрешением отправиться в Констанцу, с тем, чтобы уговорить экипаж сдаться на условиях, предложенных румынским правительством. «Я разрешил им эту поездку, полагая, что это послужит к пользе дела», — добавил министр.

Когда г. Лаговари заявил мне, что в случае принятия условий команда будет считаться дезертирами, не подлежащими выдаче русскому правительству, я возразил, что, помимо нарушения воинской дисциплины, людьми этими совершен целый ряд убийств и насилий — тяжелое уголовное преступление, почему, по моему мнению, они являются не дезертирами, а уголовными преступниками, подлежащими выдаче стране, в которой ими совершено преступление. Г. Лаговари замялся

и ответил, что такое решение румынского правительства вызвало бы неисчислимые затруднения при применении его на практике. Я же оставил этот вопрос, в виду преждевременности возбуждения его, и с ближайшим поездом отправился в Констанцу. Предварительно я еще раз заехал к г. Лаговари и узнал от него о колебаниях, происходящих в экипаже по поводу принятия условий сдачи; тогда же министр обещал сообщить непосредственно мне в Констанцу о решениях, принимаемых румынским правительством.

Приехав около 10 час. вечера в Констанцу, я узнал, что «Потемкин» уже покинул рейд, взяв направление на восток. Из разговоров с командиром нашего стационера, канонерской лодки «Псезуапе», капитаном Бановым, командиром над портом и прочими лицами, приходившими в соприкосновение с мятежниками, я мог выяснить следующее.

Броненосец «Князь Потемкин-Таврический», в сопровождении миноносца 267 (а не 216, как я ошибочно телеграфировал со слов г. Лаговари), вошел на рейд под Андреевским флагом, отдавая установленный салют; в виду носившихся слухов о бунте на броненосце, появление его на рейде показалось румынским властям подозрительным, и румынские суда на салют не ответили; вместе с сим командир над портом капитан Негру [1]) отправился на борт броненосца, где он был встречен с подобающими воинскими почестями; вышедшие к нему матросы объявили, что командира и всех офицеров они убили или удалили с борта и управляются 20 выборными; целью своего поступка выставили желание пред лицом всей Европы выразить протест существующему в России порядку; вместе с тем матросы просили угля и провизии для продолжения пути. Капитан Негру ответил, что должен предварительно запросить у своего правительства.

Матросы пригласили его в каюту; разговор велся через переводчика; со стороны матросов почти исключительное участие принимал в нем кондуктор Мистученко [2]) (человек лет около 30, худощавый, с монгольским типом лица, небольшого роста); по словам всех лиц, с которыми мне пришлось говорить, этот Мистученко и является душою мятежа. На вопрос капитана Негру: «Как вы убили командира?» — Мистученко подошел к нему и со словами: «А вот как», — полушутя, полусерьезно прицелился в него; капитан Негру выхватил револьвер из рук Мистученки и увидел, что 4 патрона в барабане были уже выстрелены, повидимому, недавно. Затем командир над портом покинул судно.

Капитан Негру рассказывал мне, что 20 выборных вооружены револьверами; их охраняет человек 50 матросов, вооруженных ружьями; 70—80 человек и составляют, повидимому, группу главных зачинщиков, держащую все стадо в руках. Капитан Негру заметил даже двух офицеров; один, принимавший участие в переговорах, еще совсем моло-

[1]) В подлиннике ошибочно написано «Негру». *Прим. ред.*

[2]) Так в подлиннике. Надо—Матюшенко.

дой человек, производил впечатление нервно-больного, — он весь дрожал и был мертвенно бледен; другой же казался человеком психически расстроенным, — не принимая никакого участия в окружающем, он ходил взад и вперед по каюте, низко опустив голову. Порядок на броненосце, по словам Негру, был полный, даже часовые стояли на положенных по уставу местах.

Вскоре на борт броненосца явился капитан Банов; ему не успели еще сообщить о положении дел на судне, и он явился сделать положенный по уставу визит командиру. Встреченный бунтовщиками, он узнал от них о гибели командира и офицеров. Мятежники держали себя прилично, хотя чести и не отдавали, гарантировали его безопасность и дали паровой катер для отбуксировки его шлюпки.

По получении инструкций из Бухареста капитан Негру потребовал к себе представителей; их явилось трое, в том числе и Мистученко; получив ответ, они вернулись на судно для обсуждения с товарищами; вернувшись, они объявили, что не могут принять условий из опасения, что румынское правительство выдаст их России; тогда им дали подлинную телеграмму министра иностранных дел, где было сказано, что, в случае сдачи судов и оружия в полной неприкосновенности, экипаж рассматривается Румынией, как дезертиры, не подлежащие выдаче русским властям; выборные опять отправились с этой телеграммой на судно. Между тем в порту разнесся слух, пущенный, по всей вероятности, матросами, сходившими на берег с «Потемкина», что если канонерская лодка «Псезуапе» не присоединится к ним к 8 час. утра следующего дня, она будет взорвана миноносцем. В виду этих слухов и наступления ночи, капитан Банов, решившийся, было, покинуть порт, просил распоряжения румынских властей об отбуксировании канонерки во внутренний порт, в безопасное от покушений место, что и было немедленно исполнено румынским паровым катером; у входа в порт стал румынский крейсер «Елисавета» для охраны нашего стационера.

Должен заметить, что дух команды канонерки был прекрасен. Когда командир собрал матросов и в немногих словах разъяснил им всю позорность поведения экипажа «Потемкина», матросы единогласно заявили, что намерены продолжать службу так, как до сих пор служили.

В 5 час. утра 20 июня выборные явились с окончательным ответом, что принять условий не могут, почему и пойдут к русским берегам для захвата в одном из портов всего необходимого силой; на уговоры капитана Негру Мистученко отвечал упорным отказом; главное, что ему не нравилось, — это выдача судов и оружия в полной невредимости; другие же матросы явно колебались. В момент отплытия выборных один из них выпрыгнул из катера и бросился бегом к городу; как я потом узнал, матрос этот на следующий же день взят в услужение одним румынским офицером, женатым на русской.

Около 2 часов дня 21 июня «Потемкин», не получив в Констанце ни угля, ни провизии, снялся с якоря и скрылся в восточном направлении.

Инцидент с «Потемкиным» возбудил большую тревогу в здешних правящих сферах, где сильно опасались, что мятежники, получив отказ в своих требованиях, начнут бомбардировать город и порт. Такая тревога станет вполне понятной, если принять во внимание полную беззащитность Констанцы: порт лишен всякой защиты как с моря, так и суши; крейсер «Елисавета» и бриг «Мирча»,— единственные военные суда слабого румынского флота, находившиеся в порту, — могли оказать лишь слабое сопротивление «Потемкину».

Замечу также, что около 8 час. утра миноносец 267 пытался пройти в порт, вероятно, с целью подойти к «Псезуапе», но был остановлен двумя выстрелами с «Елисаветы», — одним холостым, другим боевым, поверх голов; каких-либо других столкновений у мятежников с румынами не было.

Нет никакого сомнения, что мятеж на «Потемкине» был исподволь подготовлен революционною партиею; убийство же офицером матроса, вызванное, вероятно, крайней дерзостью последнего, послужило лишь поводом. Связь главных, по крайней мере, зачинщиков с революционерами подтверждается и телеграммой из Вены, адресованной на броненосец и полученной во время его пребывания в Констанце; телеграммой этой, написанной по-русски, неизвестное лицо (подписи нет) спрашивает экипаж «Потемкина», когда кончится его плавание. Не могу обойти молчанием поведения врача стационера; при первом известии о том, что «Потемкин» находится во власти мятежников, врач этот поспешно покинул судно и, несмотря на уговоры консула и приказания своего начальника, не пожелал вернуться на стационер, пока тот не был введен в безопасное место. Свое позорное поведение, о котором много говорили в Констанце, врач объяснял нежеланием рисковать собой в виду возможного, по его мнению, бунта матросов или нападения мятежников с «Потемкина»; фамилия этого врача — единственного на стационере — мне неизвестна.

Около 12 часов дня 21 июня в порт Констанцу пришел миноносец «Стремительный» с приказанием разыскать «Потемкина» и в случае отказа сдаться потопить его.

Так как Андреевский флаг, благодаря пользованию им мятежниками, достаточно уже дискредитирован, — при приближении миноносца на крейсере «Елисавета» пробили боевую тревогу и направили на него орудия. Огонь не был открыт лишь благодаря тому, что командиру крейсера удалось рассмотреть на палубе миноносца офицеров. Из 40 человек команды — 22 были офицеры, переодетые матросами; такой состав команды, по единогласному заявлению командира и офицеров миноносца, объясняется не ненадежностью матросов для подобного предприятия, а желанием, выраженным многими офицерами, принять участие, хотя бы в качестве простых матросов, в наказании экипажа «Потемкина», покрывшего тяжелым позором наш флот.

Во избежание ошибочного открытия огня по миноносцу, командир его решил, в знак лойяльности, держать на задней мачте белый флаг

с красным крестом, о чем по просьбе командира, намеревавшегося итти в болгарские и турецкие порты, я и телеграфировал военным агентам в Софии и Константинополе, для доклада нашим дипломатическим представителям и соответствующих распоряжений.

В 2 ч. дня «Стремительный», взяв курс на Варну, вышел из порта Констанцы. К сожалению, командир миноносца рассказал командиру над портом о составе своего экипажа; я тогда же высказал командиру свое мнение, что лучше бы этого не говорить в виду вероятности превратного толкования; так и оказалось в действительности: в обществе и в прессе пошли слухи об общем бунте матросов в нашем флоте, вследствие чего задачу по преследованию бунтовщиков пришлось возложить исключительно на офицеров. Насколько мог, я исправил эту невольную и вполне понятную ошибку человека, незнакомого с настроением чуждой ему страны: в разговоре с корреспондентами по поводу всех этих столь взволновавших здешнее общественное мнение событий я придал упомянутому факту соответствующее освещение, благодаря чему в газетах и появилась при сем мною прилагаемая заметка.

В заключение считаю нобходимым сообщить вашему превосходительству, что все здешние газеты полны сообщениями о матросских бунтах в нашем флоте, — рисуется картина, что весь наш флот примкнул к революционному движению; такое поведение флота, сопоставленное с победами японцев, дает пищу для самых обидных, сильно нас дискредитирующих статей и карикатур.

В виду несомненной преувеличенности этих сообщений, быть может, ваше превосходительство найдете возможным напечатание обстоятельной статьи, и, с соответствующим изложением и освещением печальных для нас событий, такая статья могла бы быть переведена и помещена в здешних газетах.

Прошу ваше превосходительство принять уверение в совершенном почтении и преданности вашего покорного слуги *М. Занкевича.*

С подлинным верно:

Начальник отделения полковник *(подпись).*

Сверял и. д. столоначальника капитан *(подпись).*

21.

Нота гр. Ламздорфа румынскому посланнику Розетти-Солеско.

25 июня 1905 г.

Г. посланник.

Я не замедлил сообщить подлежащим властям содержание ноты от 23 июня ст. стиля, за № 360, в которой вы указали мне на то, что русские миноносцы проникли в порты Галаца и Констанцы, не выполнив принятых формальностей.

Морской министр только что известил министерство иностранных дел, что главному командиру Черноморского флота посланы инструкции для предупреждения возобновления подобных случаев и для следствия по поводу обстоятельств, при которых имели место эти нарушения установленных правил. Выражая свое сожаление по поводу фактов, указанных в предыдущей ноте, морской министр думает, что в настоящее время он может дать следующее объяснение: миноносцы были посланы спешно, не будучи снабжены соответствующими инструкциями.

22.

Секретная телеграмма графа Бенкендорфа.

Лондон. 25 июня/8 июля 1905 г.

Несколько дней тому назад английское правительство ответило в палате на запрос о безопасности интересов английских подданных в Черном море в уклончивом смысле. Я никоим образом не думаю, чтобы правительство могло серьезно думать о подобных мерах, за исключением наличия чрезвычайных местных осложнений, притом без согласования с нами и другими державами.

23.

Секретная телеграмма колл. сов. Лермонтова.

Синайя. 25 июня/8 июля 1905 г.

«Потемкин» с миноносцем вернулись в Констанцу.

24.

Телеграмма № 294 министру иностранных дел генералу Лаговари.

Бухарест. 25 июня/8 июля 1905 г.

Узнав о прибытии в Констанцу «Потемкина» и миноносца, по распоряжению моего правительства имею честь просить королевское правительство не разрешать экипажу обоих этих судов высадки на румынской территории, а также не снабжать их ни углем, ни провизией.

Одновременно имею честь также сообщить вам по распоряжению моего правительства, что экипаж обоих этих судов запятнал себя совершением убийств и грабежей.

Лермонтов.

25.

Телеграмма Лермонтову, русскому поверенному в делах.

Синайя. 25 июня/8 июля 1905 г.

Ваша телеграмма получена мною после сдачи «Потемкина» и миноносца, совершившейся в условиях, указанных в наших инструкциях еще при его первом прибытии; предпринимаемые нами меры тогда же были сообщены в Петербург, где, казалось, они были встречены одобрительно в виду невозможности для нас разоружить крейсер силой. В этом смысле телеграфирую нашему посланнику в Петербурге.

Генерал *Лаговари.*

26.

Телеграмма румынского министра иностранных дел румынскому посланнику в Петербурге Розетти-Солеско.

25 июня 1905 г. № 148.

Прошу вас довести до сведения императорского правительства, что сегодня, в полночь, крейсер «Князь Потемкин» и миноносец 267 прибыли на рейд в Констанцу. Будучи спрошены начальником порта о цели их прибытия, они ответили, что разыскивают «Синоп». Узнав, что судно это не появлялось в Констанце, они высказали желание разоружиться, сдаться нашим властям и передать суда в полном порядке на условиях, предложенных нашими властями еще в первый раз, которые были вам телеграфно сообщены, а именно, что отныне они будут рассматриваемы как дезертиры и им будет предоставлено право отправиться, куда они найдут для себя желательным.

Необходимость дать подобное заверение в целях разоружения и спасения русских судов вытекала для королевского правительства из невозможности применить силу, в виду того, что румынское морское ведомство не располагает военными судами достаточно сильными, чтобы быть в состоянии воздействовать принудительными мерами на столь мощный крейсер, как «Потемкин». Всякий же сухопутный отряд, в случае появления его на румынской территории, был бы разоружен силой.

Из сделанных вами мне сообщений явствовало, что соображения эти были учтены императорским правительством, так как вы были уполномочены передать мне благодарность его величества за проявленный нами в отношении мятежников превосходный и энергичный образ действий.

В виду того, что с возвращением «Потемкина» создалось то же положение, мы прибегли к тем же самым мерам, что и ранее, увенчавшимся на этот раз успехом, так как суда сдались.

Поэтому я был крайне удивлен, получив после сдачи «Потемкина» телеграмму русского поверенного в делах, сообщавшего мне, по распоряжению императорского правительства, что матросы «Потемкина» являются убийцами.

Я не могу изменить ныне условия, на которых была произведена сдача, последствием коей явилось спасение двух русских военных судов и избавление Черного моря от опасности морского разбойничества; румынский флот не имеет достаточно силы, чтобы оказать должное воздействие, которое также не было оказано и русским флотом в Севастополе.

По приказу его величества короля Румынии доведите до сведения русских властей, что королевское правительство готово передать им суда, столь неожиданно ею полученные и как бы чудом спасенные от почти неизбежного истребления.

Генерал *Лаговари*.

27.

Г. Лермонтову, русскому поверенному в делах.

Синайя. 25 июня/8 июля 1905 г.

Разоруженные военные суда будут охраняться румынской морской стражей. Разоруженный экипаж этих судов будет отправлен в глубь страны в качестве свободных иностранных дезертиров. Я подробно телеграфировал в Петербург о мотивах такого образа действий, единственно благодаря коему нам удалось разоружить суда, представлявшие опасность для всего Черноморского побережья, так как Румыния не располагала военным флотом, достаточно мощным, чтобы овладеть ими силой.

Я возвращаюсь в Бюстени лишь в понедельник вечером, до тех пор остаюсь в Бухаресте.

Генерал *Лаговари*.

28.

Генералу Лаговари. Бухарест.

25 июня/8 июля 1905 г.

Можно опасаться, что поднятие румынского флага вызовет некоторые осложнения. Судно еще не принято. В момент сдачи его пришлось бы воздавать почести нашему флагу, что могло бы не быть выполнено в виду того, что крейсер является лишь временно задержанным.

Карл.

29.

Телеграмма № 151 с.

25 июня/8 июля 1905 г.

Приказания вашего величества будут исполнены. Экипаж «Потемкина» состоит приблизительно из 750 человек; мы оставили у себя на берегу около 100 человек, не военных; они приняты нами на службу для содержания в порядке судна и машин; я распорядился, чтоб им было назначено установленное в нашем флоте содержание.

Сдавшийся экипаж направляется нами небольшими партиями во все порта от Брокса до Burhes Leverin; там им легче будет устроиться, и, в особенности, оттуда им будет легче перебраться к нашим соседям. Почтительно приветствую ваше величество.

Генерал *Лаговари.*

30.

Копия шифрованной телеграммы из Castelus Peles генералу Лаговари. Бухарест.

25 июня/8 июля 1905 г.

Надо телеграфировать в С.-Петербург, что мы возвратим суда, и спросить, где может состояться их передача. Какова численность экипажа? Большая численность осложнила бы положение.

Карл.

31.

Телеграмма № 273 Розетти-Солеско, румынскому посланнику. С. Петербург.

25 июня 1905 г.

В дополнение к моей сегодняшней шифрованной телеграмме довожу до вашего сведения о происшедших изменениях. Миноносец № 267 объявил о своем желании возвратиться в Севастополь; наши власти согласились на это, не снабдив его, однако, ни в какой мере продовольствием. «Потемкин» — в нашем порту; он охраняется нашими моряками, которые передадут его морякам его величества, как только они прибудут за ним.

Министр иностранных дел генерал *Лаговари.*

32.

Его превосходительству генералу Лаговари.

Весьма срочно.

25 июня 1905 г. № 1198.

Господин министр.

В подтверждение моего телеграфного сообщения, сделанного вам сегодня утром, имею честь по распоряжению моего правительства передать вашему превосходительству, что императорское правительство просит королевское правительство не разрешать экипажу крейсера «Князь Потемкин» и миноносца № 267 высадки на румынской территории и не удовлетворять никаких просьб русских моряков о снабжении их как углем, так и продовольствием.

Сообщая вышеизложенное, имею честь особо обратить внимание королевского правительства на то обстоятельство, что экипаж обоих судов обвиняется в совершении убийств и грабежей.

Благоволите, господин министр, принять уверение в совершенном моем уважении.

Лермонтов.

33.

Секретная телеграмма колл. сов. Лермонтова[1]).

Синайя. 25 июня/8 июля 1905 года.

Министр иностранных дел уведомил меня, что суда сданы под охрану румынских моряков. Команда отправляется внутрь страны, но остается на свободе и признается иностранными дезертирами: по мнению Лаговари, румынское правительство, не располагая достаточными морскими силами, чтобы заставить бунтовщиков повиноваться его требованиям, не имело иного выхода.

34.

Телеграмма № 339.

Генералу Лаговари. Министру иностранных дел. Бухарест.

Срочно.

26 июня/9 июля 1905 г.

На крейсере императорского флота «Князе Потемкине» был поднят румынский флаг.

---

[1]) На подлинном резолюция Николая Романова: «Румыния должна выдать команду, как беглецов или перебежчиков через границу. Петергоф, 26 июня 1905 г.».

Решительно протестую против подобного акта со стороны королевского правительства и ожидаю вашего срочного ответа.

Лермонтов.

35.

Секретная телеграмма колл. сов. Лермонтова.

Синайя. 26 июня/9 июля 1905 г.

По сдаче «Потемкина» на нем поднят румынский флаг и вымпел. Лаговари мною отправлен энергичный протест.

36.

Телеграмма № 278.

Г. Лермонтову.

Синайя. 26 июня 1905 г.

Генерал Лаговари не ответит на вашу телеграмму, посланную вами в необычайной форме. Он примет г. Лермонтова завтра, в понедельник, между тремя и четырьмя дня, в министерстве.

Генерал *Лаговари.*

37.

Телеграмма.

Г. Лермонтову, русскому поверенному в делах.

Синайя. 26 июня 1905 г.

Только что приехал. «Потемкин» вчера сдался на условиях, указанных в предыдущем донесении; оккупирован военным образом; на нем поднят румынский флаг. Буду протестовать. Часть экипажа, снабженная пропуском, отправилась в Бухарест. Деньги поделены между экипажем; несколько офицеров, временно задержанных на берегу, освобождены. Сегодня утром на рейд в Констанцу прибыл адмирал Писаревский с двумя крейсерами и четырьмя миноносцами.

Вестман.

38.

Копия шифрованной телеграммы из Константинополя № 1124.

Генералу Лаговари. Бухарест.

26 июня/19 июля 1905 г.

В Ильдизе получено сегодня вечером извещение, что взбунтовавшееся военное судно снова находится в Констанце. Султан выразил желание быть осведомленным о том, какое решение будет принято

королевским правительством относительно передвижений этого судна. Прошу ваше превосходительство держать меня в курсе всех предположений, чтобы иметь возможность сообщать о них великому визирю.

Ставриди.

39.

Телеграмма № 158 с.

Ставриди, румынскому поверенному в делах. Константинополь.

26 июня 1905 г.

Сообщите его светлости великому визирю, что русское военное судно «Князь Потемкин», вернувшись в Констанцу, сдалось в распоряжение наших властей на условиях, поставленных нами еще при первом его прибытии сюда. Судно было разоружено, а экипаж был оставлен на свободе на положении дезертиров. Сегодня по распоряжению его величества короля состоялась передача «Князя Потемкина» нашими морскими властями двум русским крейсерам и четырем миноносцам, прибывшим в Севастополь от имени императорского правительства для принятия его.

Дополнительно сообщают, что сопровождавший «Потемкина» миноносец не захотел сдаться и покинул Констанцу, заявив, что он намерен возвратиться в Севастополь. Инцидент исчерпан. Черное море освобождено от опасности.

Генерал *Лаговари.*

40.

Шифрованная телеграмма № 155. Розетти-Солеско, румынскому посланнику.

26 июня/9 июля 1905 г.

Сегодня утром в Констанцу прибыли два крейсера и четыре миноносца императорского флота. По приказу его величества короля командующий румынским флотом сообщил контр-адмиралу, что его величество король Румынии желает передать его величеству государю судно «Князь Потемкин», разоруженное в Констанце, куда оно прибыло без соблюдения установленных правил.

Г. Лермонтов, русский поверенный в делах, выступил с протестом, в котором он заявил, что после сдачи экипажа мы не имели права поднять на «Потемкине» румынский флаг.

Благоволите довести до сведения императорского правительства, что команда румынского флота не могла не поднять на крейсере своего флага, поскольку крейсер этот временно был ею занят и поскольку это

судно охранялось румынскими морскими силами, будучи задерживаемо нами до того момента, когда мы сможем вернуть его России. Поднятие румынского флага отнюдь не знаменовало собой захвата этого судна и фактического овладения им, но естественным образом вытекало из того обстоятельства, что судно находится под охраной румынских солдат. Осведомьте императорское правительство и о том, что русские военные суда прибыли в Констанцу без предварительного уведомления, что противоречит существующим правилам и вынуждает меня довести об этом до сведения императорского правительства.

41.

Секретная телеграмма колл. сов. Лермонтову в Бухарест.

27 июня 1905 г.

Телеграмма 25 июня получена.

Управляющий морским министерством полагает крайне необходимым потребовать у румынского правительства выдачи и возвращения в Россию сдавшихся команд броненосца «Князь Потемкин» и сопровождавшего его миноносца, как виновных в уголовном преступлении, выразившемся прежде всего в убийстве командира и офицеров своего корабля.

Благоволите объясниться в этом смысле с ген. Лаговари, предъявив ему формальное требование о выдаче преступников.

Принимая во внимание, что румынскому правительству крайне обременительно присутствие столь вредных элементов, надо полагать, что оно, при известных условиях, охотно избавится от высадившейся команды. Необходимо лишь выяснить наилучший способ добиться постепенной выдачи названных преступников. Постарайтесь этим озаботиться.

42.

Секретная телеграмма колл. сов. Лермонтова.

Синайя, 27 июня/10 июля 1905 г.

Лаговари, которого я видел вчера в Бухаресте, ответил мне по поводу протеста моего на поднятие румынского флага на «Потемкине», что сделано это было без всякого желания оскорбить Россию. Заняв судно, на котором флага не было, румынский отряд поднял свой национальный флаг, так как по военному статуту никакой военный отряд без флага быть не может. Лаговари сказал мне, что объяснение передано уже вашему сиятельству через Розетти. В виду сего и не имея еще от вашего сиятельства уведомления, удовлетворилось ли импера-

торское правительство этим объяснением, я принял его лишь к сведению, сохраняя за собою право на дальнейшие настояния, если вашему сиятельству угодно будет мне дать на то предписания.

43.

Секретная телеграмма колл. сов. Лермонтова.

Синайя, 27 июня/10 июля 1905 г.

Получил телеграмму 27 июня.

Приложу все старания к исполнению приказания вашего сиятельства; пока же могу сообщить высказанный уже взгляд ген. Лаговари. Команда броненосца могла бы быть выдана нам лишь как совершившая уголовное преступление; для этого нужно, чтобы с нашей стороны были исполнены все формальности, требуемые в подобных случаях. Матюхин [1]), главный вожак, показал бухарестскому полицейскому префекту, что в убийстве командира и офицеров, исключая доктора, который застрелился, участвовало лишь 8 человек, из коих Петров был убит при попытке высадиться в Феодосии. Команда миноносца № 267, возвратившаяся в Россию, могла бы, быть может, назвать остальных. Постараюсь, с своей стороны, узнать эти имена. Дело это следует вести как можно быстрее, так как румынское правительство будет стараться избавиться от большой, по его мнению, опасности как можно скорее. Большинство сейчас находится в придунайских провинциях, остальные поступили на полевые работы к различным помещикам.

44.

Копия с донесения консула в Добрудже ст. сов. Сергея Вестмана поверенному в делах в Бухаресте кол. сов. С. Лермонтову.

Констанца. 27 июня 1905 г. № 71.

При приближении к Констанце отряда к.-адмирала Писаревского 26 июня на занятом румынами броненосце «Кн. Потемкин» был поднят сигнал: «не пробуйте входить в порт».

Оскорбленный таким сигналом, тем более данным с нашего броненосца, адмирал не принял офицера, высланного для его встречи. Прибывший засим сконфуженный начальник румынской флотилии извинился тем, что в виду неточных газетных известий он не знал, не возмутились ли также броненосцы, приближавшиеся к Констанце.

Адмирал и офицеры нашего отряда имеют некоторое основание предполагать, что краны, наполнившие водой «Кн. Потемкина», были

[1]) Не Матюхин, а Матюшенко.

открыты не нашей возмутившейся командой, а румынами, временно занимавшими броненосец, с целью скрыть исчезновение нескольких ценных морских технических предметов из подводной части. Некоторых новейших инструментов недосчитываются и в верхней части броненосца. Вследствие веса и громоздкости этих предметов трудно предположить, чтобы они были взяты на берег нашей командой.

Адмирал надеется, что будет возможно поднять «Кн. Потемкина» и сняться в Севастополь всему отряду завтра, 28 июня.

По спущении на берег возмутившейся команды 25 июня она собралась на одной из городских площадей, где глава восстания Матюшенко в присутствии румынских властей раздавал матросам деньги. Русские деньги из кассы броненосца были при содействии местных властей обменены предварительно на румынские. Каждый из свыше 600 матросов каманды получил около 70 франков. По слухам, Матюшенко, кроме того, продал, также с разрешения румынских властей, в одном из здешних банков несколько русских облигаций или акций. По некоторым сведениям, Матюшенко, офицер-механик Коваленко и один из находившихся на броненосце невоенных анархистов выехали вчера вечером в Швейцарию по румынским паспортам. В общем отдельные матросы возмутившейся команды встречают сочувствие и содействие как румынских властей, так и частных лиц. В этом отношении сдача в Румынии «Кн. Потемкина» могла бы иметь для нас в будущем нежелательные последствия.

45.

Министр иностранных дел товарищу министра внутренних дел ген. Д. Ф. Трепову.

Июня 28 дня 1905 г. № 1143.

Милостивый государь,

Дмитрий Федорович.

Ссылаясь на письмо от 26 июня за № 492, считаю долгом уведомить ваше превосходительство, что румынское правительство не располагало, к сожалению, достаточными силами, чтобы принудить команду «Князя Потемкина» к безусловной сдаче, и обещало сдавшимся рассматривать их, как военных дезертиров, не подлежащих выдаче в Россию.

При таком положении дела предъявлять к румынскому правительству требование о выдаче мятежников было бы в настоящее время бесполезно, но можно не сомневаться, что присутствие в стране столь опасных элементов, явится крайне обременительным для Румынии, и правительство оной впоследствии, при известных условиях, охотно постарается от них избавиться, сдав их постепенно нашим властям.

Означенные соображения были повергнуты мною на благовоззрение государя императора и удостоились высочайшего одобрения, в соответствии с чем поверенному в делах нашему в Бухаресте предписано действовать в означенном смысле.

Вместе с тем долгом считаю вас уведомить, что от румынских властей затребован список всех лиц, сдавшихся на броненосце «Князь Потемкин», для сообщения оного вашему превосходительству, а равно и управляющему морским министерством.

Примите и проч.

46.

Копия с донесения консула в Добрудже ст. сов. Сергея Вестмана поверенному в делах в Бухаресте кол. сов. С. Лермонтову.

Констанца. 28 июня 1905 г. № 73.

Отряд судов наших снялся в Севастополь сегодня, в 7 ч. вечера, при чем броненосец «Синоп» взял на буксир «Кн. Потемкина».

Контр-адмирал Писаревский, прибывший с отрядом 26 июня и крайне озабоченный состоянием «Кн. Потемкина», проводил на этом броненосце большую часть времени. Было опасение, чтобы не явилась необходимость для поднятия броненосца в разборке машин.

На берег адмирал не сходил совершенно за неимением времени и во избежание возможности быть оскорбленным командою «Кн. Потемкина», как это случилось с одним из офицеров.

Вследствие сего адмирал Писаревский лишь сегодня поручил военному агенту нашему, полковнику Занкевичу, отвезти его визитные карточки местному префекту и командиру II армейского корпуса, начальнику войск округа.

Префект Капша выразил полковнику Занкевичу свое удивление, что адмирал ранее не сделал положенных визитов, также и председателю совета министров Кантакузену, находившемуся в день прибытия нашего отряда в Констанце. Г. Капша заявил, что он уже донес об этом министру иностранных дел и предполагал, что адмирал был чем-нибудь недоволен, хотя он и не осведомлен о каком-либо инциденте. Полковник Занкевич, указав на вышеупомянутые обстоятельства, не позволившие адмиралу сойти на берег, намекнул вместе с тем на инцидент поднятия сигнала с занятого румынами «Кн. Потемкина» о запрещении нашему отряду входить в порт, о чем префекту совершенно не было известно.

Г. Капша сообщил, что он будет телеграфировать министру иностранных дел объяснение, данное полковником Занкевичем.

Командир II корпуса генерал Ангелеско обиженным тоном сетовал на неполучение визита от адмирала Писаревского.

На изъяснение военным агентом вероятных причин этого упущения генерал Ангелеско возразил, что королевское правительство сумело бы оградить адмирала от оскорблений находящейся в городе команды «Кн. Потемкина».

Указав на всю трудность предупредить подобные оскорбления, полковник Занкевич еще раз сослался на заботы адмирала и полный недостаток времени. При этом военный агент наш выставил, как наглядный пример, тот факт, что уже более недели тому назад он сделал визит генералу Ангелеско, но ответного его визита еще не получил. Упоминание об этом привело генерала в замешательство.

Поскольку официальные румынские лица требовательны в исполнении по отношению к себе принятых обычаев вежливости, постольку же они не стесняются не выполнять сами эти правила. При первом еще появлении «Кн. Потемкина» на здешнем рейде, прибыв в Констанцу, я счел своей обязанностью сделать визиты префекту, директору префектуры и генералу Ангелеско, но ответного визита ни от кого из них не получил.

47.

Проект в. секр. письма д. т. с. Зиновьеву в Константинополь от министра.

Отпр. 29 июня 1905 г. № 502.

М. г., Иван Алексеевич.

По получении телеграммы вашей от 22 июня относительно намерения Англии ходатайствовать о пропуске в Черное море через проливы двух крейсеров я не преминул поручить российскому послу в Лондоне проверить на месте основательность этого слуха.

Как вы изволите усмотреть из прилагаемой у сего в копии ответной его телеграммы, граф Бенкендорф положительно отрицает возможность подобного шага со стороны английского правительства и утверждает, что если бы оно и решилось принять приписываемую ему меру, то не иначе, как по соглашению с Россией и прочими великими державами.

С другой стороны, все имеющиеся в распоряжении министерства секретные данные не содержат ни малейшего указания на упомянутое намерение Англии.

Вследствие сего весьма естественно возникает сомнение не только в верности переданного вами сведения, но и в то, насколько заслуживает доверия источник, из коего вы оное получили.

Долгом считаю обратить на это обстоятельство особое ваше внимание. Пользуюсь случаем, чтобы возобновить вам, м. г., уверение и пр.

48.

Копия шифрованной телеграммы из Петербурга № 381.

Генералу Лаговари. Бухарест.

29 июня/12 июля 1905 г.

Граф Ламздорф только что сообщил мне, что русскому поверенному в делах велено передать королевскому правительству живейшую благодарность императорского правительства. Его превосходительство добавил, что его величество император сказал ему вчера, что он крайне признателен его величеству королю и королевскому правительству. В официальных кругах отзываются самым лестным образом о дружественном содействии Румынии и о безупречном во всех отношениях способе передачи «Потемкина». Письмо следует.

Розетти.

49.

Письмо Розетти ген. Лаговари.

С. Петербург. Среда, 29 июня 1905 г.

Дорогой генерал.

Я счастлив, что имею, наконец, возможность спокойно писать вам, после того как в течение последних четырех дней я употреблял все силы, чтобы выяснить и особенно настроить надлежащим образом мнение руководящих кругов по поводу конечного исхода Потемкинской авантюры.

По прочтении вашей открытой телеграммы 273 и вашей шифрованной телеграммы 148, полученной одновременно в это воскресенье и в части дешифрованной еще Митилининым, я отправился к графу Ламздорфу; несмотря на перегруженность работой, он тотчас же меня принял.

Тем не менее я заметил, что его превосходительство, так восторженно передававший мне признательность вашему превосходительству императора после первого прибытия «Потемкина» и его ухода без малейшего снабжения с нашей стороны, на сей раз был более сдержан. В границах, допускаемых чувством такта, я с некоторой настойчивостью старался убедиться в том, что государь попрежнему доволен положением дела, и дать понять, насколько важно, чтобы отношение императора не изменялось; все, чего мне удалось добиться от графа Ламздорфа, было его обещание доложить обо всем во вторник его величеству императору. Я был поражен этой сдержанностью, как ни была она незначительна, и, разузнав в тот же вечер из отзывов надежных

друзей о вероятной причине таковой сдержанности, я в понедельник вечером, по получении вашей телеграммы № 155, имел длительную беседу с главными чиновниками императорского министерства иностранных дел; я им обстоятельно разъяснил все причины, в силу которых представляется необходимым не допускать и мысли о малейшем неудовольствии императорского правительства, и я просил их обратить на это внимание графа Ламздорфа перед его докладом или устным отчетом императору в понедельник; я дал понять, что вы, естественно, не могли не быть крайне удивлены телеграммой русского поверенного в делах; я доказал всю неосновательность его ребяческого требования относительно флага и имел счастье убедить всех, что королевское правительство, в виду особенных обстоятельств, создавшихся при втором появлении «Потемкина», не могло поступить лучше, нежели то было им сделано; конечно, не следует придавать большого значения излишней горячности со стороны молодого поверенного в делах, к тому же не вполне осведомленного.

Я также виделся с адмиралом Авеланом, который все еще состоит управляющим морским министерством; его я также убедил и достиг того, что его превосходительство высказал мне свое сожаление по поводу прибытия русских военных судов без предварительного уведомления; адмирал уверил меня, что одна лишь необходимость немедленного отбытия была причиной того, что правило это было упущено из виду черноморскими моряками. Так как еще недавно я переслал вам письменное выражение этих сожалений по поводу прибытия миноносцев без соблюдения установленных правил, то я полагаю, что нет необходимости обращаться к новому министру со вторичной нотой, которая, будучи послана через столь непродолжительное время, могла бы показаться излишней.

Необходимость вкратце сообщить об этих фактах, не касаясь ничего иного, в самой лаконичной по возможности телеграмме, дабы она могла быть зашифрована Яблонским, который и так употребил на это восемь часов, пока я собирал остальные сведения, — вынудила меня, может быть, слишком сжать телеграмму 377, но при составлении ее моей главной заботой было лишь фотографически точно воспроизвести картину положения; я не мог еще говорить о выражениях признательности, которой я еще не получил и получение коей я как раз старался себе обеспечить; я не считал нужным бесцельно докучать вам сообщением о чуть заметной сдержанности, не совсем понятной и не совсем уясненной самим министром. Поэтому я вам только сообщил о данном мне накануне графом обещании доложить обо всем государю, с тем, чтобы вы подождали дальнейшего сообщения о результатах этого доклада; я указал на то, что императорское министерство иностранных дел, то-есть главные чиновники департамента, признали, что, с их точки зрения, королевское правительство и не могло действовать лучше, нежели оно это сделало; в заключение я передал сожаления управляющего морским министерством о сообщенном вами

нарушении правил, — сожаления, которые сами уже свидетельствовали о полном признании совершенной корректности наших действий со всех точек зрения. Сегодня, в среду, по получении ваших телеграмм 160 и 274, я повторил вам мою телеграмму 377, вновь посланную вам за № 380 с добавлением: «вторая телеграмма и письмо следуют». Затем я отправился повидать графа Ламздорфа, чтобы узнать о результате его доклада государю, и имел удовольствие послать вам мою телеграмму 381 [1]).

Таким образом, телеграммой этой определенно выяснилось, что в отношении нас со стороны императорского правительства не имеется ни малейших признаков неудовольствия. Понимая необходимость официально это подтвердить, граф Ламздорф предписал г. Лермонтову передать вам вторично после сдачи «Потемкина» благодарность императорского правительства. Граф специально меня уполномочил передать вам выражение высочайшей признательности в отношении его величества короля и его правительства. Наконец, все официальные круги единодушно расточают похвалы рыцарству нашего августейшего монарха, каждый поступок коего отмечен благороднейшим джентльменством, а также и образцовой корректности его правительства. Что же, однако, было причиной этой минутной сухости, которую я заметил в графе после сдачи и которую я всеми силами старался тотчас же рассеять? Эта временная сдержанность, слава богу, уже исчезнувшая в отношении к нам, не имела ничего общего с совершенно безупречной линией поведения нашего правительства. Она просто в первую минуту была невольной реакцией сожаления императорского правительства, которое возникло и еще остается у него по поводу безнаказанности матросов — дезертиров и опасных анархистов. Император сначала считал неоспоримым, что за моряками не должно признаваться право дезертирства. Здесь уверяют, что будто бы все великие державы выдают матросов-дезертиров, даже если они не запятнаны совершением преступлений против обычного права, — иначе, якобы, не было бы возможно никакое мореплавание; безнаказанность же потемкинских беглецов могла бы послужить опасным примером для всего мира. «Но государь,— дословно сказал мне граф,—сам слишком хорошо знает цену данного слова, чтобы просить королевское правительство не сдержать свое». Одно это заявление графа пресекает в корне возможность какого-либо недоразумения. «Если же королевское правительство, — добавил министр, — увидело бы, что эти люди создают в стране очаг опасной агитации, королевское правительство само в первую же очередь было бы заинтересовано в том, чтобы отделаться от них тем способом, какой оно только найдет для себя возможным». Я указал на то, что я решительно ничего не могу сказать по этому поводу и не могу ни в какой мере предвосхитить какого-либо решения, ограничивающего в какой бы то ни было степени свободу действий королевского

[1]) См. выше текст телеграммы, здесь его опускаем. *Прим. Ред.*

правительства; я только напомнил, что Румыния всегда стремилась, как страна определенного порядка, не допускать на своей территории никакой агитации, и я позволил себе высказать убеждение, что если у нас все правительства работали в этом направлении, то тем более нынешнее правительство, более, чем какое-либо другое, стремится проводить эти принципы сохранения порядка самым энергичным образом в интересах общего спокойствия. Надеюсь, дорогой генерал, что вы будете вполне удовлетворены тем, как мне удалось уладить здесь дело с «Потемкиным» и достигнутыми в этом отношении результатами. Я думаю, что самой главной задачей было тотчас же дать русским определенно понять, как только выявилось их сожаление о безнаказанности мятежников, что они должны всячески стремиться к тому, чтобы сожаления эти, сами по себе вполне понятные, ни в какой степени не вылились бы в форму их недовольства в отношении нас и не повлекли бы за собой немедленных преувеличенных притязаний, которые могли бы быть нами дурно истолкованы, могли подорвать наш престиж и осложнить задачу правительства, и без того преисполненного самыми разумными принципами порядка. Надеюсь, что мне удалось предотвратить возможность какого-либо недоразумения настоятельным убеждением графа Ламздорфа в необходимости телеграфно предписать г. Лермонтову после сдачи вторично выразить вам благодарность от имени его величества и в настоящий момент не требовать ничего иного, кроме списка высадившихся и наблюдения за их действиями. Я полагаю, что императорское правительство заготовляет по этому поводу пространную ноту, которая последует позже, и спешу вас обо всем предуведомить; я убежден, что императорское правительство, будучи осведомлено о том, в какое ложное положение оно рисковало себя поставить благодаря интригам и своей досаде, отныне будет придерживаться такого образа действий, который действительно даст возможность достигнуть полного соглашения; я также уверен, что упомянутая мною нота, которая имеет быть вам позднее представлена, будет выдержана в духе самого дружеского согласия.

Прошу вас, дорогой генерал, принять уверение в моем совершенном почтении и самой сердечной преданности.

Всегда ваш *Розетти Солеско.*

Я спрашиваю себя, надлежит ли мне еще сделать по этому поводу официальное донесение? Мне кажется, что в моих телеграммах уже передано все самое существенное, за исключением некоторых оттенков, но я думаю, что я достаточно выявил их вам в этом личном письме. Что касается предполагаемого обращения к вам, о котором я упомянул, то я слышал о нем лишь совершенно частным образом и по этому поводу не мог бы ничего утверждать официально.

Я был бы очень счастлив, если бы вы изволили телеграфно одним словом поставить меня в известность о получении вами этого письма;

это дало бы мне понять, что я могу продолжать свою работу в прежнем направлении. У меня болят глаза; мне некому дать переписать официальное французское донесение, и я не могу все сделать сам; милый *Я.* не столько мне помогает, сколько все путает; он был бы хорошим канцеляристом-архивистом! *Р.*

Распространился слух, что в Америку для ведения мирных переговоров поедет уже не г. Витте, а г. Муравьев.

50.

Секретная телеграмма колл. сов. Лермонтова.

Синайя. 30 июня/13 июля 1905 г.

Получил телеграмму от 27 июня.

Несмотря на сделанное мною ранее заявление о возможности выдачи нам команды, как уголовных преступников, Лаговари просит ныне не предъявлять румынскому правительству подобного требования. Просьба его основана на том, что королевское правительство связано в этом деле словом, неисполнение коего может повлиять на отношения королевства к другим европейским державам. Высказав это, Лаговари просил передать вашему сиятельству, что румынское правительство сделает иным путем все возможное для удовлетворения наших требований. Большинство команды, по его мнению, совершенно неповинно; направлены в провинции, граничащие с Россией, чтобы дать им возможность во всякое время перейти границу. Местным тамошним властям дано предписание способствовать этому всеми мерами. Матюшенко находится в Бухаресте под строжайшим негласным надзором и при малейшем с его стороны проступке будет выслан в Болгарию или даже прямо в Россию, о чем миссия будет немедленно извещена. Если же он захочет сам покинуть Румынию, то и в этом случае Лаговари обещает известить, куда он направится. Лаговари сказал мне, что если бы он был во-время предупрежден о столь быстром приходе отряда адмирала Писаревского, он затянул бы переговоры, и тогда, может быть, удалось бы принудить команду к сдаче на иных условиях, тем более, что последняя, сознав всю тяжесть преступления, относилась уже к вожакам враждебно, обвиняя их во всем происшедшем.

51.

Копия письма вице-адмирала Чухнина д. с. с. Щербачеву.

30 июня 1905 г. № 5998.

Мною получена от начальника главного морского штаба телеграмма с изложением просьбы вашего превосходительства по поводу преувеличенных сведений о бунте команд в Черном море, дошедших до Греции.

Спешу вас уведомить, что бунт принятыми мерами подавлен и в настоящее время нет надобности в каких-либо предосторожностях при смене лодок. Команда отправляемой в Пирей лодки «Кубанец» вполне благонадежна.

Прошу ваше превосходительство не беспокоиться о нравственном состоянии лодки «Кубанец» и прошу принять уверение и пр.

52.

Секретное донесение колл. сов. Лермонтова.

Синайя. 1 июля 1905 г. № 39.

Имею честь представить на благоусмотрение вашего сиятельства копии с донесений ст. сов. Вестмана о пребывании в Констанцском порту эскадренного броненосца «Князь Потемкин-Таврический» и миноносца № 267 и о сдаче команды броненосца румынским властям.

К сему считаю долгом приложить 15 экземпляров воззваний [1]), переданных командой броненосца капитану над Констанцским портом для вручения иностранным консулам, находящимся в Констанце, и список фамилий вожаков возмутившейся команды. Воззвания эти не были переданы по назначению, и королевский министр иностранных дел препроводил их в императорскую миссию.

Согласно телеграфным предписаниям вашего сиятельства от 22 и 29 июня, я имел честь передать министру иностранных дел всемилостивейшую его императорского величества государя императора благодарность королевскому правительству за энергичные меры, принятые относительно броненосца «Князь Потемкин» в первый его приход в Констанцу, и за любезное содействие по передаче броненосца прибывшему в Констанцу с отрядом судов контр-адмиралу Писаревскому.

В дополнение к ряду моих телеграмм и прилагаемым донесениям г. Вестмана считаю долгом высказать скромное мнение, что если бы не панический страх, обуявший румынских властей при одном приближении к Констанце нашего броненосца, и не поспешность, выказанная ими при переговорах с взбунтовавшейся командой, все это прискорбное событие могло окончиться иначе.

По получении телеграммы вашего сиятельства от 22 июня, в коей вам, милостивый государь, угодно было предписать мне настоять перед румынским правительством о недопущении съезда на берег команды взбунтовавшихся судов, я на другой же день на дипломатическом приеме передал генералу Лаговари содержание телеграммы вашего сиятельства.

Министр иностранных дел, весьма довольный тем, что в первый раз королевскому правительству удалось избавиться столь легко от

[1]) В деле воззваний не имеется; они были пересланы мин. ин. дел в департамент полиции.

непрошенного гостя, тут же заверил меня, что если бы броненосец еще раз появился у берегов Румынии, то его правительство поступило бы точно так же, как и в первый раз, заметив при этом, что едва ли это может случиться, так как на броненосце почти нет угля и пресной воды и что с 20 числа, — дня его ухода из Констанцы, — он должен был, вероятно, уже израсходовать все свои запасы.

Получив рано утром 25 числа телеграмму от нашего вице-консула в Констанце, уведомляющего меня о возвращении в этот порт броненосца, я немедленно телеграфировал генералу Лаговари, прося его не допускать съезда команды на берег, и затем тотчас же подтвердил еще эту телеграмму нотой.

Генерал Лаговари был в это время на даче в Буштенах, и хотя телеграмма моя дошла до него весьма быстро, но сдача броненосца румынским властям уже была совершена.

Генерал Лаговари, очевидно, уверенный в том, что броненосец не вернется, не принял надлежащих мер после разговора со мной, имевшего место 23 числа, а констанцские власти, в настоящем паническом страхе бомбардирования броненосцем порта, согласились на сдачу команды.

24 и 25 июня в Констанце находился г. Кантакузен, председатель совета министров, и в честь его в этот вечер давался банкет; тотчас же по сдаче команды г. Кантакузен отправился на броненосец со всеми присутствовавшими на банкете, между коими было много дам, а за этими лицами потянулись на броненосец все, кто только ни пожелал, и так продолжалось бы до утра, если бы кому-то не пришло на мысль, что на броненосце могут быть пороховые погреба; этого было достаточно, чтобы вся компания, во главе с г. Кантакузеном, покинула немедленно наше судно.

Первой заботой властей было поднять на «Потемкине» румынский флаг, но никто не подумал даже принять меры к охране самого судна.

Если на броненосце пропало много судового имущества, то, на основании имеющихся у меня сведений, я могу прямо сказать, что некоторая его часть разграблена румынами.

Секретный агент департамента полиции, проживающий в Румынии, донес мне, что множество предметов с судна продавалось в Констанце за бесценок, а когда он спросил у нескольких матросов, зачем они разграбили судно, они ответили ему: «Мы, ваше благородие, ничего не брали с собой, все оставили на броненосце».

Со слов очевидцев мне известно, что некоторые из матросов, покидая свой корабль, плакали.

Как я уже имел честь донести вашему сиятельству, всего сдалось 42 человека, но я убежден, что если бы румынское власти не поторопились эвакуировать из Констанцы наших моряков, то значительная часть их, за исключением, конечно, вожаков, явилась бы с повинной к адмиралу Писаревскому.

Все вышесказанное ясно свидетельствует о том, до какой степени во всем этом деле действия румынских властей оказались легкомысленными и до какой степени они все потеряли головы.

Не могу также обойти молчанием возмутительный факт пассивного присутствия румынских властей при разделе вожаками ограбленных сумм броненосца. Хотя генерал Лаговари это и отрицает, но нет никакого сомнения, что это произошло именно так, как об этом доносит ст. сов. Вестман.

К чести некоторых чинов команды могу сказать, что они отказались от этих денег.

Пребывающий здесь германский посланник сообщил мне, что его величество король Карл в разговоре с ним выразил сожаление о том, что без его ведома на броненосце был поднят румынский флаг.

Его величество узнал об этом, по словам г. Кидерлена-Вехтера, когда флаг уже развевался на нашем корабле.

53.

Секретная телеграмма д. с. с. Бахметева.

София. 2/15 июля 1905 г.

Получил телеграмму 28 июня.

Болгарское правительство охотно задержит и выдаст преступников с броненосца «Князь Потемкин», ежели они появятся на болгарской территории, но для этого необходимо знать их имена и приметы.

54.

Секретная телеграмма надв. сов. Лермонтова.

Синайя. 3/16 июля 1905 г.

Полицейский префект меня только что известил, что Матюшенко выехал в Швейцарию, при этом заявил, что в виду того, что последний во время пребывания своего в Румынии не совершил никакого проступка, выслать его не представилось возможности.

55.

Сообщение ген. Лаговари поверенному в делах Лермонтову.

Господин поверенный в делах.

Префектура Констанцы представила мне сумму в 2431 леи 80 бани, а также восемь листов русской четырехпроцентной ренты. Эта сумма и эти листы, по сообщению префектуры, поступили от руково-

дителя мятежников с «Князя Потемкина» Матюшенко, который при этом заявил, что после раздела денег между находившимися на берегу товарищами у него осталась указанная сумма денег и эти листы, которые он не имел возможности раздать морякам, не бывшим налицо при общем разделе.

Препровождая вам 2431 леи 80 бани и восемь листов русской четырехпроцентной ренты, прошу вас, господин поверенный в делах, принять и проч.

56.

Посланник в Софии Бахметев министру иностранных дел.

София. 30 июля 1905 г. № 32 [1]).

Весьма доверительно.

Милостивый государь,

граф Владимир Николаевич!

Я имел честь получить письмо вашего сиятельства от 13 июля, за № 535, с списком вожаков взбунтовавшейся команды броненосца «Князь Потемкин» и не преминул сообщить содержание его княжескому правительству.

Ныне Станчов передал мне от имени отсутствующего министра-председателя, что правительство примет все зависящие от него меры к разысканию и задержанию этих преступников, в случае, ежели они появятся в Болгарии.

Наши консулы будут немедленно оповещены местными властями, дабы притти к соглашению касательно способа выдачи их или отправления к порту или границе, где наша полиция, заранее уведомленная, будет иметь возможность их принять.

Я не сомневаюсь, что болгарское правительство, действительно, сделает все возможное, чтобы помочь нам наказать этих злодеев, но вместе с тем было бы, мне кажется, желательно, во избежание разных излишних толкований как в западной, так и в нашей и здешней печати, не давать огласки этому делу и устроить его домашним образом.

Я, с своей стороны, препроводил список всем подведомственным мне консулам, предписав им зорко следить за этими разбойниками и в случае появления одного из них немедленно известить меня и снестись с местными властями.

---

[1]) Ниже помета рукой Гартвига: «Морскому министру».

57.

Депеша гофмейстера Гирса.

Синайя. 30 июля 1905 г. № 45.

Румынский министр иностранных дел доставил во вверенную мне миссию представляемые мною в отдельном пакете 2431 франк. 80 сантимов деньгами и 800 рублей нашею 4% государственною рентою. В препроводительном письме генерал Лаговари сообщает, что эта сумма была, будто бы, передана константцскому префекту матросом Матюшенко, заявившим, что она осталась у него по раздаче им своим товарищам денег, находившихся на броненосце «Князь Потемкин», так как не все матросы присутствовали при этой раздаче.

Полагаю, что государственная рента составляет собственность одного из офицеров, убитых на «Потемкине».

58.

Депеша поверенного в делах в Бухаресте М. Гирса [1]).

Синайя. 30 июля 1905 г.

Милостивый государь, граф Владимир Николаевич.

Вследствие телеграфного предписания вашего сиятельства от 29 прошлого июня месяца, наш бывший поверенный в делах коллежский советник Лермонтов обратился к румынскому правительству с просьбою сообщить нам имена и фамилии команды и прочих лиц, находившихся на броненосце «Князь Потемкин-Таврический» и оставшихся в Румынии по сдаче его.

На сегодняшнем дипломатическом приеме министр иностранных дел вручил мне несколько листов бумаги, на коих наши матросы собственноручно, по уверениям министра, записывали свои фамилии.

Имею честь представить эти листы императорскому министерству.

Повидимому, генерал Лаговари был мало знаком с условиями составления переданного им мне документа.

По указанным на нем рядом с фамилиями некоторых матросов числам 80, 66, соответствующим сумме франков и сантимов, полученных каждым матросом при дележе ограбленных ими казенных денег на броненосце, можно предполагать, что список матросов составлен при дележе этих денег.

---

[1]) На подлинном рукою Николая Романова написано: «Списки имен могут быть полезны морскому министерству». Ниже рукою Ламздорфа: «Петергоф. 6 августа 1905 г.».

То же обстоятельство, что фамилии матросов написаны не только славянскими, но и латинскими буквами, подтверждает, по мнению моему, рассказы очевидцев, что представители румынских властей не оставались безучастными зрителями этого дележа.

Считаю долгом присовокупить, что помянутый в прилагаемом списке матрос Евдоким Григорьев Мищенко, Баталпашинского отдела, Кубанской области, явился на этих днях в наше вице-консульство в Сулине и просил о водворении его в Россию. Наш вице-консул снабдил его проходным свидетельством и препроводил в г. Измаил, в распоряжение помощника начальника жандармского управления.

59.

Заявление потемкинцев.

Нижеподписавшиеся матросы эскадренного броненосца «Князя Потемкина-Таврического», узнавши, что вам передана оставшаяся часть денег нашего экипажа, имеем честь просить вас возвратить этих денег нам или же сохранить их для надобностей матросов. Многие из нас должны в самом кратчайшем времени покинуть Румынию, и они желали бы, не имея других средств, получить помощь на дорогу из этих денег. С другой стороны, есть товарищи, которые по независящим от них причинам не успели получить те 80 фр., которые и заплатить им. Некоторые из них уже вернулись в Констанц.

Мы пользуемся этим случаем, чтобы выразить вам лично, господин префект, а также посредством вас румынскому правительству и румынскому обществу нашу глубокую благодарность за теплый и братский прием, который был сделан нам.

Илларион Шестидесятный. Борис Прохоров. Адольф Окрасинский. Константин Чернин. Николай Хохряков. Иван Шинкарев. Ефим Бредихин. Николай Рыжов. Иван Калашников. Константин Савотченко. Яков Овчаров. Тимофей Медведев. Федор Липатов. Александр Турабаев. Иван Цымбалюк. Григорий Куликов. Николай Погорелов. Алексей Кирилов. Алексей Родионов. Леонтий Касьянов. Петр Блохин. Петр Бессонов. Савва Щербан. Михаил Шенкаренко. Исидор Андронов. Александр Беликов. Иван Медников. Иван Шевцов. Захарий Цымбал. Иван Захарченко. Максим Лесовой. Евтихий Резников. Василий Золотарев. Михаил Романов. Арсентий Самойло. Федор Шевченко. Степан Денисов. Иван Репин. Михаил Ситников. Тихон Агеев. Михаил Мартыненко. Андрей Бойченко. Федор Антонов. Иван Чиханов. Павел Плотников. Василий Пугин. Стефан Зубков. Мечислав Бринк. Фома Алексеенко. Василий Биягин. Никита Силкин. Николай Соловьев. Иван Баланюк. Порфирий Глаголев. Афанасий Озеров.

60.

Прошение потемкинца Даниила Горелова. Его сиятельству г-ну министру экстерну.

Проживающего в городе Калараше Данило Горелов, матрос броненосца «Князя Потемкина».

Прошение.

Я обращаюсь к вашему сиятельству, как к источнику высшей правды.

Мы избежали смертной казни и нашли покровительство в королевстве Румынии и благодаря начальствующим лицам, как то полициям комиссарам, которые входят в наше тяжелое положение, но пособить не могут.

Мы оказались чужестранцы и порешили зарабатывать кусок хлеба честным трудом, но выходит наоборот. Помещики королевства Румынии поневоле почти заставляют сделаться ворами и убийцами, как это выходит со мной. Я, Горелов, прибыл в город Калараш в последних числах месяца июня 1905 г. и поступил на должность кузнеца до помещика г-на Дердицы Мигулеска, ценою в месяц по 50 франков, где пробыл 7 месяцев, за что доводилось 350 франков, и этого 1-го февраля я потребовал расчет, то получил отказ. Так «я тебе должным не состою» и отправлю в Россию. То я обратился в местную полицию г. Калараша, которая полиция приняла участие, но г. Мигулеско не уплатил, а указал: подавай в суд. И что мне остается делать, пуститься на отчаяние, так как я остался голый и босый среди зимы и вдобавок без куска хлеба? А потому покорнейше прошу ваше сиятельство: 1-е, по телефону сообщить полиции г. Калараша, чтобы без суда вытребовала от г-на Дердицы Мигулеска 350 фран. А 2-е, прошу издать указ, т.-е. орден в полицию, чтобы наложила амент, т. е. штраф на г-на Мигулеска, так как в его находится в работниках более 150-ти работников, а кондикуций не имеют, т.-е. г-н Дердица Мигулеско заключать совсем не хотит, и это ему на руку.

Данил Горелов.

1906 года, февраля 2-го дня.

61.

Посланник в Бухаресте министру иностранных дел.

Бухарест. 4 мая 1907 г. № 32. *Доверительно.*

Хотя участие потемкинцев в последнем крестьянском восстании в Румынии далеко не доказано, тем не менее долгое пребывание в пределах королевства столь многочисленного и мало

верного элемента начинает тревожить нынешнее либеральное правительство.

Председатель совета в частной беседе сообщил мне, что он обратился с доверительным запросом к германскому правительству, не согласится ли оно указать один из германских портов, куда потемкинцы могли бы быть направлены для дальнейшего эмигрирования в Америку.

В случае получения от Германии благоприятного отзыва Стурдза обратится в Вену с ходатайством о пропуске наших матросов через Австро-Венгрию.

Если же придется отказаться от австро-германского пути, то правительство попробует выслать потемкинцев в Америку непосредственно из Констанцы, что, однако, довольно затруднительно за отсутствием прямых пароходных сообщений.

Донося о вышеизложенном, почитаю долгом присовокупить, что хотя румынское правительство и стремится ныне избавиться от потемкинцев, при всем том оно, по моему впечатлению, окончательного решения об их высылке еще не приняло.

II.

«Георгий Победоносец».

Тень броненосца «Князь Потемкин-Таврический» заслонила броненосец «Георгий Победоносец», а между тем на последнем 17 июня также произошло вооруженное восстание команды, финал которого последовал быстрее, чем на «Потемкине». 16—26 августа севастопольский военно-морской суд вынес свое постановление, по которому машинист Дорофей Кошуба, матрос Семен Дейнега и машинист Иван Степанюк были приговорены к смертной казни, а остальные обвиняемые осуждены были на каторжные работы и в арестантские отделения. Вице-адмирал Чухнин не дал хода кассационной жалобе и утвердил смертный приговор над Кошубой и Дейнегой, заменив Степанюку смертную казнь ссылкой в каторжные работы. 3 сентября приговор над присужденными к смерти героями черноморской драмы был приведен в исполнение.

Печатаемые нами документы — обвинительный акт и резолюция — сообщают подробности происшедшего, а донесения командира эскадрона броненосца «Георгий Победоносец» рисуют нам его гнусную роль по спровоцированию команды к выдаче товарищей—«зачинщиков бунта». Приводимое анонимное письмо является интересным в бытовом отношении. Автора его не удалось обнаружить, но матрос Гуляев, заподозренный в числе трех в авторстве, поплатился за него своей жизнью. Показание нижних чинов за подписью Концевича, Стефанова и других, конечно, не явилось плодом творчества подписавшихся малограмотных большей частью матросов, а доказывает только усердие начальства, так как это показание было подписано матросами после его фабрикации и переписки на машинке.

Документы извлечены из дела № 156 1905 г. т. I военноморского суда Севастопольского порта «75 челов. ниж. чинов 28 флот. экипажа команды эскадренного броненосца «Георгий Победоносец», обвин. по ст. 109 в. м. у. о нак. и 102 уг. уложения».

Сообщила *К. Воинова.*

1.

Копия.

Рапорт командира броненосца «Георгий Победоносец» от 21 июня 1905 г. № 892 [1]).

Главному командиру Черноморского флота и портов Черного моря.

На основании предписания вашего превосходительства от 19 июня сего года за 271 я и офицеры броненосца «Георгий Победоносец», кроме титулярных советников Олейниченко и Васильева, последние, вероятно, не были разысканы, собрались на пароход «Эриклик» к 11 часам дня 19 июня, а в 12¼ час. дня пароход «Эриклик» снялся с якоря для следования в гор. Одессу. Не доходя 6—7 миль до Очакова, налетел шквал от NN 7—8 баллов с дождем и мглою. Командир парохода «Эриклик» принужден был стать на якорь, пока пройдет мгла, через полчаса снялся и последовал в Очаков, куда пришел в 5½ час. вечера. В виду наступления ночи командир «Эриклика» отложил съемку с якоря до рассвета; в 2½ ч. утра, чуть занялась заря, снялся с якоря и в 6½ ч. утра 20 июня прибыл в Одессу. С приходом в Одессу я немедленно отправился к командующему войсками, вручил ему лично от вас пакет, получил от него приказание обходиться с командою как можно мягче, с тою целью, чтобы она не раздумала в своем раскаянии, и по принятии броненосца прибыл к нему с докладом. В 8½ час. утра возвратился на «Эриклик» и с офицерами отправился на броненосец; команда встретила нас, стоя во фронте. Я с нею поздоровался и сейчас же объявил ей все пункты, поименованные в предписании вашем, после чего команда мне поклялась, что будет служить честно престолу и отечеству и будет повиноваться всяким распоряжениям своего начальства, до боя с мятежниками включительно. Я тогда потребовал немедленно баржу к борту с ротою пехоты, команду же не распускал, а выбрал из нее более надежных людей и расставил их с заряженными ружьями всюду по броненосцу. С приходом баржи, установив ее у левого борта и оставив роту пехоты на барже для приема бунтовщиков, предложил команде выдавать бунтовщиков; они все, от новобранца до квартирмейстера включительно, в присутствии моем и всех офицеров выдали немедленно без всяких замешательств 68 человек таких, которые были замечены двумя-тремя свидетелями и объясняли, что они делали во время бунта; я их по-одному под конвоем из своей команды передавал на баржу, людей же, указанных одним свидетелем, отдавал на суд всей команды, чтобы избежать наговоров. С окончанием выдачи преступников, передав их всех военному ведомству, предложил священнику

[1]) На подлинном резолюция главного командира: «Снять копию с этого рапорта и, когда начнется следствие, препроводить прокурору вместе с подлинным письмом, угрожавшим выдавшим зачинщиков. Подп. вице-адм. Чухнин. 25 июня 1905 г.».

привести команду к присяге; священник, раньше чем приводить команду к присяге, сказал ей прочувствованное слово. Тридцать три года прослужил я на службе, много раз присутствовал при приводе нижних чинов к присяге, никогда не видел такой сознательной присяги и такого чистосердечного раскаяния перед крестом и евангелием,— почти три четверти команды плакали.

На броненосце, кроме судовой команды, находился еще младший судовой врач Галенко с броненосца «Потемкин», — он много способствовал усмирению бунтующихся при входе броненосца в гавань; я его оставил до прибытия эскадры и еще трех нижних чинов, бежавших с «Потемкина»: телеграфист Семен Челягин и матросы Николай Костенко и Сергей Гусь; все трое просили меня принять их и дали клятвенное обещание служить верно царю и отечеству и просили привести их к присяге; просьбы их я исполнил и оставил их впредь до распоряжения.

После присяги проверил сигнальные и секретные книги и судовую кассу, — то и другое оказалось в целости.

Не расхищены деньги с броненосца и его имущество только благодаря команде, не принимавшей участия в бунте. Члены социал-демократического комитета несколько раз приезжали на броненосец за деньгами и офицерскими вещами, но команда их не выдавала.

Также и уход броненосца «Георгий Победоносец» от броненосца «Потемкин» произошел по инициативе команды, не принимавшей участия в бунте; она увидела, что к правому борту броненосца «Потемкин», стоявшего носом на SO, подошел пароход «Петр Регир» с углем и своим корпусом закрыл все орудия правого борта; команда приняла это во внимание, быстро подняла пары, подняла якорь и самым полным ходом, не убирая якоря, прошли вдоль правого борта «Потемкина» и пошли в Карантинную гавань Одессы. Управляли броненосцем машинные квартирмейстеры Тумаков и Задырко. По приходе в гавань старший боцман Кузьменко от лица всей команды, раскаявшейся в своем преступлении и давшей клятвенное обещание служить верно и правдиво, поехал к главнокомандующему войсками просить возвратить офицеров.

Сегодня ночью кто-то из команды подбросил анонимное письмо фельдшеру Стефанову, каковое прилагаю при сем же; это письмо заставило меня сегодня вторично собрать всю команду, прочесть ей это письмо и напомнить на счет принятой вчера присяги и выдачи всех участников в бунте. Многие из команды заподозрели виновниками письма троих: машинного квартирмейстера Гуляева и машинистов Шулевицкого и Ольшанченко, все трое ненадежные и состояли в числе сомнительных при выдаче виновных; кроме их, выдали еще пятерых соучастников в бунте.

При отправлении всех их восьми на берег в распоряжение военного ведомства, машинный квартирмейстер Гуляев бросился в воду и утонул; через $^1/_4$ часа был спущен водолаз, а через 35 минут с момента

падения Гуляева его вытащили из воды, но к жизни не могли возвратить; тело отправил через полицию для погребения.

Телеграммами донес в главный морской штаб и вашему превосходительству.

Четыре человека нижних чинов из бунтовщиков бежали до моего прибытия.

О всем вышеизложенном вашему превосходительству доношу.

Подписали:

Капитан I ранга *Гузевич* и и. д. ревизора мичман *Энгельман*.

Верно: Делопроизводитель *Иванов*.

Приложение.

Предатель, ты рад, что дал командиру список тех людей, которые стояли за правду. Ты хотел скрыто дать этот список, но не удалось скрыть; все равно узнали тебя, хотели убить, когда ты говорил, когда свезли офицеров, но помешали тогда убить. Ты засыпал моих друзей; они погибли из-за такой сволочи, как ты. Ворочай начальству, ну, ворочай, ворочай, и тебя поворотят; ты умрешь от рук, как собака. Берегись ты, мерзавец; описал, но не удалось засыпать,— я вам во всем отомщу, а тебя задушу, предателя; ты умный нашелся, подумаешь, речи говорит, умнее тебя есть другой фельдшер — ничего не говорил. Втерся у начальства, и доверили. Я видел, как ты сходил с доктором вниз и скоро вышел к командиру, указывал на списки, — это все видели. Я сегодня ночью хотел тебя убить, но поживи немного, берегись, сволочь. Я погибну, и ты помрешь; передай и остальным предателям, что, мол, мы им будем мстить.

Твой враг.

2.

Донесение командира броненосца «Георгий Победоносец» от 28 июня 1905 г. № 49.

Секретно.

Главному командиру Черноморского флота и портов Черного моря.

Вследствие предписания вашего превосходительства от 26 июня с. г. за № 5805 доношу следующее:

15 июня с. г., в 2 ч. 20 мин. дня, сигналом начальника практической эскадры я был потребован экстренно к начальнику эскадры на брон. «Ростислав», а следующим сигналом в $2^1/_2$ час. дня было приказано брон. «Георгий Победоносец» разводить пары.

Прибыв немедленно на брон. «Ростислав», флаг-капитан начальника эскадры сообщил мне, что я с вверенным мне броненосцем поступаю в распоряжение младшего флагмана контр-адмирала

Вишневецкого, — к нему я и должен отправиться за получением инструкций.

Направляясь к младшему флагману на брон. «Три Святителя», стоявшего на бочке № 9, и проходя мимо брон. «Георгий Победоносец», стоявшего на бочке № 7, я крикнул старшему офицеру разводить пары в 12 котлах.

Младший флагман сообщил мне секретно, что на броненосце «Князь Потемкин-Таврический» команда сбунтовалась, перерезала всех офицеров и с броненосцем перешла из Тендровского залива в Одессу, там спустила военный кормовой флаг, а вместо него подняла красный флаг; броненосцы «Три Святителя» и «Георгий Победоносец» посылаются экстренно усмирить команду, заставить ее поднять военный кормовой флаг и привести броненосец в Севастополь; посылаемые броненосцы должны немедленно и экстренно разводить пары во всех котлах, и, когда пары будут готовы, снимемся и пойдем полным ходом. Получив такое приказание, я немедленно возвратился на броненосец—было $3^1/_4$ ч. дня—и приказал разводить пары во всех 16 котлах; топки в котлах не были заряжены, потому пары и начали разводить только в $4^1/_2$ ч. дня; к 11 ч. ночи пары были готовы. Принимая во внимание, что команда брон. «Потемкин» добровольно, может быть, и не сдастся и, может быть, с броненосцем «Потемкин» придется вступить в бой, я с 8 вечера до $11^1/_2$ ночи подготовлял броненосец к бою, т.-е. убрал все гребные суда в ростры, завалил их шлюпбалки, убрал тентовые стойки и все на палубе, что мешает стрельбе из 12″ орудий. В час ночи 16 июня по сигналу начальника эскадры броненосцы: «Три Святителя», «Георгий Победоносец» и «XII Апостолов», минный крейсер «Казарский» и миноносцы за №№ 255, 258, 272 и 273 снялись с якоря для вышеуказанной цели. В 5 ч. 20 м. вечера того же дня вышепереименованный отряд судов подошел к Тендровскому маяку и стал на якорь.

В $5^1/_2$ ч. дня младший флагман потребовал к себе всех командиров отрядэ. На совещании командиров под председательством младшего флагмана младший флагман сообщил, что если команда брон. «Потемкин» миролюбиво не сдастся и не спустит красного флага, поднятого вместо военного, он с брон. «Потемкин» в бой вступать не будет, а будет морить команду измором, основываясь на том, что на броненосце провизии и угля мало, то и другое с берега доставлять не будут, и команда его поневоле должна будет сдаться; минами с миноносцев, если удастся взорвать его, взорвет, а с броненосцами он будет держаться около Одессы, чтобы не выпускать «Потемкина» оттуда, в крайнем только случае вступит в бой, если «Потемкин» первый откроет огонь. По поводу этого отдал даже и приказ, копии с него роздал командирам и приказал им по приезде на суда прочесть приказ офицерам и команде; подлинную копию старший офицер вверенного мне броненосца представил вашему превосходительству. В тот же вечер посланы были два миноносца за №№ 255 и 258 в Одессу для разведок на счет брон.

«Потемкин», остальные миноносцы и крейсер «Казарский» были поставлены на ночь вокруг броненосцев сторожевыми судами для предупреждения от нападения брон. «Потемкин».

17 июня, в 4 утра, брон. «Три Святителя», «Георгий Победоносец» и «XII Апостолов» по сигналу младшего флагмана снялись с якоря и легли на Одесский маяк.

В 7 утра открыли маяк, но города Одессы и его рейда не было видно, были занесены мглою, поэтому повернули на Воронцовский маяк; в скорости открылся Воронцовский маяк, рейд и суда, стоящие на нем, и, как казалось издали, брон. «Потемкин» стоял на рейде между судами.

В $8^3/_4$ утра брон. «Потемкин» снялся с якоря и следовал навстречу нашему отряду судов полным ходом; наш отряд по сигналу младшего флагмана повернул на обратный румб и 12-узловым ходом стал уходить от него; суда нашего отряда не были подготовлены к бою, боевой тревоги не билось, и орудия не были заряжены; брон. «Потемкин» долго не гнался, приблизительно через $^1/_2$ часа повернул обратно на Одесский рейд. В $10^1/_4$ утра начальник эскадры, идя на броненосце «Ростислав», соединенно с броненосцем «Синоп» и эскадренными миноносцами «Строгий» и «Свирепый» и приближаясь к отряду младшего флагмана, сделал сигнал брон. «Три Святителя» в брон. «Потемкин» не стрелять, — это мое мнение, — чтобы не повредить города.

Затем присоединились к отряду на правый фланг, строем фронта, 10-узловым ходом; начальник эскадры лег прямо на Воронцовский маяк, вверенный мне броненосец шел третьим, «Синоп» четвертым и «XII Апостолов» пятым, оба адмирала шли на правом фланге [1]).

Около 12 час. дня брон. «Потемкин» снялся с якоря и следовал навстречу эскадре; приближаясь к эскадре, поднял сигнал: «команда «Потемкина» просит командующего флотом», на что начальник эскадры ответил «Потемкину» стать на якорь, но «Потемкин» на якорь не стал, продолжал итти малым ходом, в кабельтовых 3—4-х от эскадры сделал сигнал семафором: «Синопу», «XII Апостолов» и «Три Святителя» стать на якорь, затем поднял сигнал: «эскадре стать на якорь», но на его сигналы никто не обратил внимание: продолжали итти назначенным курсом NN 44°.

Брон. «Потемкин» вышел навстречу эскадре в полной боевой готовности к бою и все время направлял башни 12″ орудий: носовую на брон. «Три Святителя», кормовую на «XII Апостолов»; эскадра же, приблизившись к нему совершенно, не была подготовлена к бою, шла по якорному, и на некоторых судах не были убраны гребные суда и банки, боевой тревоги и сигнала приготовиться к бою не было, потому команды и торчали все на верху.

---

[1]) На поле пометка: «А как же есть донесение мл. флагмана, что он ездил на брон. к ст. флагману.».

Брон. «Потемкин» прорезал строй фронта между броненосцами «Синоп» и «Георгий Победоносец»; команды обоих, но за «Синоп» не утверждаю, а «Георгий Победоносец» в момент прохода брон. «Потемкина» кричал «ура» и махал фуражками [1]).

Команда брон. «Потемкина», стоя в башнях у орудий, отвечала ей; при повороте эскадры на обратный румб брон. «Потемкин» вторично прорезал строй фронта и прошел по правому борту брон. «Георгий Победоносец»; команда вторично кричала «ура». И с того момента команда начала бунтоваться, кочегары, в особенности ученики, побросали котлы, молодые ученики машинисты побросали машины, все повыскакивали наверх; вначале приказывали им, а затем уговаривали их итти по своим местам; не послушали; пришлось послать боевую вахту; не прошло и несколько минут, собравшаяся масса на баке с бака двинулась на площадку; на ней в тот момент были: я, старший офицер и вахтенный начальник, и в стороне стояли большая часть свободных офицеров, не занятых службою, и наблюдали за брон. «Потемкин»; вбежавшая масса начала требовать, чтобы я повернул обратно назад за брон. «Потемкин», с угрозою, если я не исполню, они выбросят всех офицеров за борт; в тот момент начальник эскадры запросил семафором, почему такая масса нижних чинов на площадке; я ответил также семафором, что команда бунтуется с угрозою выбросить всех офицеров за борт; получил ответ: итти в Севастополь. Команда, видя, что я их требование не исполняю, и приказание старшего флагмана итти в Севастополь, стала требовать шлюпку съездить на брон. «Потемкин» для каких-то переговоров; я вторично обратился семафором к старшему флагману за разрешением, предполагая часть самых ярых бунтовщиков сбыть, а с остальными уйти полным ходом в Севастополь; усмирить же всех силою не представлялось возможности, так как на стороне бунтующих был перевес и, мало того, часть бунтовщиков позахватывала ружья и никого вниз не пускали, но и на второй сигнал получил тот же ответ итти в Севастополь. С того момента эскадра быстро стала удаляться в море, бунтующая команда, надо полагать, заметила это, моментально окружили меня и старшего офицера, вырвали штурвал у рулевого, застопорили машины, совершенно вышли из повиновения и требовали, с угрозою выбросить офицеров всех за борт, поворачивать к брон. «Потемкин» для присоединения к команде брон. «Потемкин», который держался кабельтова три и около него миноносец; я все-таки не повернул. Не прошло и $^1/_4$ часа, к борту броненосца подошел миноносец № 268, на нем явились три агитатора; взобравшись на броненосец, стали говорить антиправительственные речи, после них почти вся команда примкнула к бунтующим и по распоряжению прибывших агитаторов свели нас всех силою с площадки с ружейным около каждого; мы же оказать сопротивления не могли, так как были все без оружия, кроме

[1]) На поле пометка: «Ст. флагман и мл. флагман говорят, что «Потемкин» прошел между другими судами.

лейтенанта Григоркова, бывшего на площадке с револьвером в кармане, и когда нас окончательно окружили, он застрелился и упал в воду; выстрел его произвел сильное влияние на бунтующих, и они бросились с ружьями, предполагая, что в них стреляют, но потом увидели упавшего офицера за борт, успокоились. Затем повели нас всех в кают-компанию, окружили часовыми, и главный агитатор обратился к каждому из нас с просьбою, не пожелает ли кто из нас перейти к ним на службу, но никто из офицеров даже и не слушал его, и наотрез все отказались; тогда агитатор приказал нас всех обыскать, нет ли в карманах у нас револьверов; мы ему ответили, что нет; он поверил на слово и приказал нас с ружейными отправить на берег. К этому времени пришел гребной катер с брон. «Потемкин», нас в него всех усадили; кроме гребцов, посадили 8 ружейных и одного главаря с револьвером посадили рядом с рулевыми. Этот главарь указывал каждому, где садиться, а меня посадил около себя и предупредил, что, если я окажу хоть малейшее сопротивление, он убьет меня, и на буксире миноносца отправили нас к Пересыпи, там и высадили всех на берег.

При высадке нас на берег из катера выскочил артиллерийский квартирмейстер Бардышев, не пожелавший оставаться на броненосце, и тайком спрятавшийся на катере; вначале его не отпускали, но потом по просьбе нашей разрешили. От Пересыни мы отправились на почтовых в г. Николаев, куда прибыли, ехавши всю ночь, на другой день, в 11 ч. дня, и прямо с дороги явились вашему превосходительству.

Обстоятельство бывшего бунта команды на вверенном мне броненосце произошло, по моему мнению, от того, что за последнее время в команде развилась масса политических неблагонадежных нижних чинов. И если верить бывшему распорядителю при свозе нас с броненосца на берег, бывший минный машинист брон. «Потемкин» Матушенко, ныне ставший ярым революционером, он сообщил нам, что в настоящее время в каждом черноморском экипаже есть от 200 до 300 человек их членов, и эти люди стараются привлечь остальных, и что в скором времени все команды перейдут на их сторону. В дальнейшем разговоре он сообщил, что первым должен был присоединится к брон. «Потемкин» брон. «Екатерина II», вторым «Ростислав», третьим «Синоп», что же касается брон. «Георгий Победоносец», он у них стоял из последних, а почему он примкнул первым, они даже удивились, и поэтому у них сегодня праздник.

Вторая причина бунта — не приближайся начальник эскадры с эскадрою к брон. «Потемкин» настолько, что последний дважды прорезал строй фронта, и не будь команды наверху, очень может быть, в тот момент никакого бунта и не было бы.

Искоренить неблагонадежных людей из среды команды могут только лишь одни товарищи; ротные командиры и офицеры, по моему мнению, этого сделать не могут.

До бунта на броненосце не было никаких признаков в команде к тому, чтобы произвести бунт. По прочтении же приказа младшего

флагмана на счет того, что наш отряд судов с броненосцем «Потемкин» вступать в бой не будет, вступит только в крайнем случае для самозащиты, в ту же ночь на 17 июня машинный квартирмейстер Гуляев в разговоре в машине с старшим (?) механиком поручиком Скомороховым проговорился, что наша команда первая в «Потемкина» стрелять не будет, о чем поручик Скоморохов сообщил старшему офицеру; на другой день утром, т.-е. 17 июня, этот же Гуляев объявил лично старшему офицеру об этом, на что ему старший офицер ответил, что об этом и в приказе объявлено. После бунта, когда команда выдала уже преступников, выяснилось, что Гуляев, видимо, действовал на команду не стрелять в «Потемкина»; с таким вопросом он обращался к артиллерийскому квартирмейстеру Ваньбоинко, на что последний ответил ему: «а тебе какое дело».

На этого же Гуляева пало подозрение, что им было написано анонимное письмо фельдшеру, которое я представил вашему превосходительству; когда его арестовали, он с катера бросился в воду и утопился. Об обстоятельствах добровольного изъявления командой покорности команда просила старшего офицера представить их показание за подписью 37 человек, каковое и представляю.

При сем представляю список свидетелей.

Капитан I ранга *Гузевич.*

Представляю при сем донесения поручиков Скоморохова и Фармаковского, остальных офицеров представлю завтра.

Капитан I ранга *Гузевич.*

Р е з о л ю ц и я: Дело передать судебному следователю для производства следствия о бунте на брон. «Георгий Победоносец» (*подпись*).

28 июня 1905 года.

Р е з о л ю ц и я: Следствие производить на броненосце, где живет вся команда (*подпись*).

3.

С п и с о к с в и д е т е л е й, к о т о р ы м и б ы л и и з о б л и ч е н ы а р е с т о в а н н ы е:

Фельдф. В о р о н о в.
Строев. кварт. К о в т у н е н к о.
М а к а р о в.
К а р п е н к о.
13 п. Е р е м е н к о.
Р о ю з и н о в.
Г о р о д о в о й.

1 п.
Арт. кварт. Сергеев.
Старш. коменд. Шевченко.
Ефремов.
Прокопчук
Стр. инструкторы: Ялдыгин.
Грузин.
Стоноп.
Матросы: Шупик.
Максимов.
Жеребкин.
Кушнаренко.
Миляев.
Марсовой Яикваи.
Сигнальщик Гниленко.
Рулевой кварт. Величко.
Водолаз Левченко.
Мин. арт. содерж. Малеев.
Машин. кварт. Задырко.
Тумаков.
Волобуев.
Рассоха.
Борисов.
Цыбульский.
Машинист Молодыко.
Старший фельд. Стефанов.

Итого 32

Командир броненосца «Георгий Победоносец» капитан I ранга *Гузевич.*

4.

Показание нижних чинов команды эскадренного броненосца «Георгий Победоносец» о бунте, бывшем, 17 и 18 июня 1905 года.

После своза г.г. офицеров с броненосца на нем остались три матроса команды «Потемкина», из коих, как удалось выяснить, два были студентами и один из них, повидимому, еврей.

Выбрав себе повыше место на баке, они по-очереди всеми силами старались убедить команду, якобы она со стороны своего начальства, а ее родители со стороны гражданского начальства переносят всевозможные лишения, притеснения и проч.; конечно, наша команда оказалась настолько глупой, что всем этим бредням, выходящим из уст людей, потерявших все, что могло быть для них дорогого, поверила

настолько, что в тот момент разуверить ее не было возможности. Социал-демократы, окончив речь, приступили к выбору комиссии, в состав коей вошло человек двадцать нижних чинов команды нашего броненосца; избирались большей частью такие лица, которые придерживались партии социал-демократов, как-то: Кошуба, Дейнега, Каюров, Бутрин, Горобец, Соседка, Шеповалов и много других, но всех трудно запомнить. Председатель комиссии почему-то избран не был, а потому его заменил один из евреев, прибывший с «Потемкина», который, воссев в кают-компании, проповедывал какую-то свободу, подправляя свою речь всевозможной ложью, ничем не стесняясь, и, в конце концов, так повлиял на глупые умы членов комиссии, что они, поверив словам негодяя, согласились управлять броненосцем самостоятельно и никому в руки не отдаваться. Все это невыносимо трудно было слушать, но, пока была сила на стороне социал-демократов, приходилось молчать. Старший фельдшер попробовал было опровергнуть слова председателя, но это ни к чему не привело, а потому пришлось замолчать. После всевозможного рода речей комиссия приступила, так сказать, к обсуждению некоторых вопросов, как-то: рассчитать и уволить ресторатора, свезти кондукторов на берег, так как они все об этом усиленно просили комиссию, и не желавших принимать участия в бунте нижних чинов списать на «Потемкин»; первый вопрос был решен не ранее, как через час, и после подсчетов и пересчетов о сумме, следуемой ресторатору, комиссия подвела итог, где получилось 120 рублей; конечно, этих денег он не получил, так как команда, не принимавшая участия в бунте, не разрешила взять деньги из сундука, других же источников не было. Второй вопрос также решили не очень скоро, но все-таки, в конце концов, пришли к заключению выдать каждому кондуктору по десяти рублей на дорогу и свезти их на берег, чему все кондукторы от души радовались; сбыться же этому не пришлось; почему и в виду каких обстоятельств,—объяснить не беремся. Третий же вопрос, кажется, остался не решенным, повидимому, разжигатели «Потемкина» боялись начать своз команды на «Потемкин», ибо прекрасно видели, что не принимающих участия в бунте гораздо больше. На этом закончилось заседание комиссии. В кают-компании дым стоял столбом; кто-то сидел у пианино и играл, а что, вероятно, и сам не знал, кто-то сидел или, правильнее сказать, полулежал на диване, кто-то сидел за столом и пил вино или что-то в этом роде, напротив же, у 6″ орудия, стоял старший боцман; к нему подошел один из матросов и предложил ему, как командиру броненосца, ночью отклепать якорь и полным ходом итти в Севастополь, что можно было легко исполнить, так как главные бунтари спали, других можно было заставить молчать, благо, нижние чины, не принимавшие участия в бунте, совершенно отказались от сна; но наш новый командир на это не согласился,—повидимому, своя рубашка ближе к телу, хотя этого на военной службе и не должно быть.

Около двух часов ночи подошла к броненосцу шлюпка, и выскочивший из нее матрос, обращаясь к командиру, потребовал боевую мину,

на что командир ответил, что мина может быть выдана лишь только завтра утром, выдать же ее ночью невозможно, так как для этой цели пришлось бы будить команду. Слышавший все это минно-машинный квартирмейстер Волошкин категорически заявил, что он ни одной мины с броненосца не даст. На следующий день утром, т.-е. 18 июня, прибыли с «Потемкина» социал-демократы; требовали ли они мину, или нет, — неизвестно, но зато хорошо знаем, что они требовали перевезти денежный сундук и все офицерские вещи на «Потемкин»; повидимому, это обстоятельство заставило немножко открыть глаза бунтарей, так как они поняли, что «Потемкин» их хочет только ограбить, а затем бросить на произвол судьбы; многие после этого ходили повесивши головы и говорили: мы попали в ловушку; но таким лицам приходилось говорить, что, снявши голову, по волосам не плачут; с мнением же, что мы попали в ловушку, не соглашались лишь только Кошуба, Дейнега и им подобные. Удивительно то, что в эту критическую минуту, когда команда колебалась и не знала, на что решиться, как быть, между нею не было ни одного более старшего по службе и опытного человека, каким мог бы быть один из кондукторов; где они были в то время, объяснить не можем. Когда же нижние чины, не принимавшие участия, взяли верх над бунтовщиками и когда уже было ясно, что бунтовщики потеряли свою силу, только тогда появился наш командир на мостике, но все распоряжения относительно съемки с якоря были отданы до его прихода. Не мешает прибавить, что наш командир в компании нескольких нижних чинов отправился на «Потемкин» для обсуждения каких-то вопросов; какие это были вопросы и как они обсуждались, не знаем, но можем сказать, что возвратившийся с «Потемкина» кочегар Бутрин, говорил, что там его угощали чаем, который они пили в кают-компании с каким-то, по его словам, вином.

В 4 часа дня 18 июня мы подняли сигнал «Потемкину»: «Снимаюсь в Севастополь». «Потемкин», принимавший в то время уголь с парохода «Петр Регир», семафором просил подождать 15 минут и затем сняться вместе для следования в Севастополь, после чего моментально прекратил приемку угля и, не подымая шлюпок, начал сниматься с якоря. Наша команда, заметив такое движение на «Потемкине», решила переменить курс и, взамен следования в Севастополь, направила броненосец в Одесскую гавань, куда мы и вошли полным ходом, не выбирая якоря. Трудно передать, что́ во время перехода творилось на броненосце, и если обошлось без человеческих жертв, то лишь только благодаря бывшему у нас лекарю Голенко, который, собрав на баке большую часть команды, объяснял ей, насколько глупо она поступила и как можно поправить свою ошибку; команда его послушалась и, не обращая внимания на то, что происходило кругом, та же команда, которая, так сказать, желала прекращения бунта, бросилась исполнять свои обязанности, как, например, машинные квартирмейстеры Задырко и Тумаков,—один в машине, а второй наверху,—заменяли все начальство; много помог также рулевой Уськов; он умелым управлением, без всяких лоцманов, ввел броненосец

в гавань, куда мы смело шли, положившись на штурмана Кушнаренко, знавшего глубину гавани. Бросили якорь, подошел портовый катер, тот же, который подвозил провизию «Потемкину», на этот катер сошел старший боцман, кондуктор Бевзенко и несколько нижних чинов, решившихся бросить броненосец и бежать; хотели ли бежать также и боцман с кондуктором Бевзенко, не знаем, но думаем, что да. После этого подошли к броненосцу простые рабочие шлюпки, и рыбаки старики со слезами на глазах просили пощадить и не стрелять в город; невозможно было смотреть на этих трясущихся стариков, которые, нажив трудом многих лет какую-нибудь лачужку, дрожат за нее, боясь своих же русских. Мы, насколько могли, успокоили стариков, говоря им, что стали сюда защищать Одессу от «Потемкина», но ни в каком случае разбивать ее; успокоенные старики отъехали. Вечером прибыл на броненосец начальник штаба командующего войсками Одесского военного округа с офицерами; мы, покаявшись в своем проступке, просили его дать телеграмму нашему начальству, дабы оно возвратилось обратно на броненосец. Генерал согласился исполнить нашу просьбу и, кроме того, прочел составленные им по нашей просьбе телеграммы государю императору и главному командиру.

Следующие дни прошли тихо, без всяких волнений; команда, сознав свою вину, ходила опустив головы, каждый о чем-то думал, и это длилось впредь до выдачи главарей бунта, после чего, вздохнув свободно, мы все решили снять с себя даже последнюю степень наказания и, если окажется нужным, с радостью умереть за царя и отечество.

Матрос Владислав К о н ц е в и ч. Старший фельдшер Иван С т е ф а н о в. Минный квартирмейстер Мартин Г о р б а ч е н к о. Матрос Илья Щ е р б и н а. Водолаз Захарий Л е в ч е н к о. Боцман Михаил Н и ч и п о р у к. Минно-артиллерийский содерж. Даниил М а л е е в. Рулевой Матвей У с ь к о в. Рулевой квар. I ст. Нестор В е л и ч к о. Матрос Владимир Г о р б у н о в. Хоз. оп. от. (?) Михаил К а н а е в. Стар. комендор Андрей П р о к о п ч у к. Младший ф. Федор А л е к с е е в. Мин. маш. кв. Алексей В о л о ш и н. Маш. кв. Андрей З а д ы р к о. Минер Гавриил В а с и л ь е в. Машин. квартирм. Александр Т у м а к о в. Штурман Антон К у ш н а р е н к о. Артилл. квартир. В е л ь б о е н к о. Строев. квар. Василий М а к а р о в. Арт. кварт. Алексей С к л я р о в. Старший минер Харитон М е ш к о в. Телеграфист Василий О в ч а р е н к о. Старший минер Антон Б е с е д и н. Арт. кварт. С т а р и к о в. Стар. инстр. Я л д ы г и н. Сигнальщик Тимофей Г н и л е н к о. Хоз. тр. отсеков Архип А с м о л о в. Меркурий Ч е р н ы ш е в. Старший комендор Семен Ш е в ч е н к о. Хоз. трюмных отсеков Авраам К и в а. Суд. маш. Павел П о л е в о й. Сигнальный квартир. Александр М о й с е е н к о. Т о х т у р о в. Сигнальщик Лукьян Б о н д а р е н к о. Сигнальщик Василий М а р т ы н о в. Сигнальщик Михаил Д е р е в и н.

5.

Обвинительный акт,

коим предаются суду военно-морского суда Севастопольского порта для суждения по законам военного времени нижепоименованные нижние чины 28 флотского экипажа команды эскадренного броненосца «Георгий Победоносец», в числе 75 человек, обвиняемые по ст. 109 военно-морского устава о наказаниях и ст. 102 уголовного уложения.

17 июня 1905 года, около 12 часов дня, во время маневрирования практической эскадры Черноморского флота вблизи Одесского рейда, где в то время находился мятежный броненосец «Князь Потемкин-Таврический», судовая команда входившего в состав означенной эскадры броненосца «Георгий Победоносец» вышла из повиновения своему начальству, захватила броненосец в свою власть и, отделившись от эскадры, присоединилась к мятежной команде броненосца «Князь Потемкин-Таврический».

На произведенном по этому поводу предварительном следствии выяснилось следующее.

Утром 17 июня 1905 года практическая эскадра Черноморского флота под начальством старшего флагмана вице-адмирала Кригера, в составе броненосцев «Ростислав», «Три Святителя», «Георгий Победоносец», «Синоп», «XII Апостолов», минного крейсера «Казарский» и миноносцев, приближалась к Одессе, имея назначением прекратить вспыхнувший за несколько дней перед тем бунт команды на броненосце «Князь Потемкин-Таврический», находившемся в то время, вместе с бывшим при нем миноносцем № 267, на Одесском рейде. Около 12 часов дня, когда эскадра в строе фронта приблизилась к рейду, броненосец «Князь Потемкин-Таврический» двинулся навстречу эскадре и прорезал ее строй между броненосцами «Георгий Победоносец» и «Синоп». В это время часть находившейся на баке броненосца «Георгий Победоносец» команды начала кричать «ура» и махать фуражками по направлению к броненосцу «Князь Потемкин-Таврический», оттуда отвечали тем же. Сейчас же последовал приказ командующего эскадрой повернуть обратно, то же сделал и «Князь Потемкин-Таврический». Между тем толпа на баке броненосца «Георгий Победоносец» все увеличивалась. Некоторые нижние чины стали бегать по кубрикам, машинным и минным отделениям и выгонять оттуда людей, крича, чтобы все выходили наверх и шли на бак. При проходе мимо броненосца «Князь Потемкин-Таврический», вторично прорезавшем строй эскадры, команда «Георгия Победоносца» снова принялась кричать «ура», и из бывшей на палубе толпы нижних чинов стали раздаваться громкие возгласы: «Идем к «Потемкину»!», «Хотим к «Потемкину»!». Шум все более и более увеличивался, и, наконец, толпа человек в 40 с криками: «Идем на мостик, долой офицеров, не надо их!», бросилась на командный мостик

на котором в то время находились командир броненосца капитан 1 ранга Гузевич, старший офицер лейтенант Фролов и вахтенный начальник лейтенант Григорков, тщетно уговаривавшие команду успокоиться. Вбежав на мостик, толпа бунтовщиков овладела телеграфом и рулем; один из них передал по телеграфу приказание застопорить машину, и броненосец остановился, эскадра же, подняв дважды сигнал «итти в Севастополь», продолжала следовать в прежнем направлении и вскоре скрылась за горизонтом. Ободренные успехом, бунтовщики на броненосце «Георгий Победоносец» значительно увеличились в своем числе, так как к ним примкнули многие из оставшихся до того спокойными; некоторые из них, захватив из пирамиды винтовки, стали у всех трапов и люков, и с этого момента мятежники вполне овладели броненосцем. В то же время к «Георгию Победоносцу» подошел миноносец № 267, который до того вместе с броненосцем «Князь Потемкин-Таврический» держался в расстоянии нескольких кабельтовых и с которым бунтующие вступили перед тем в переговоры по семафору. С миноносца на броненосец «Георгий Победоносец» перешли несколько вооруженных нижних чинов потемкинской команды и с ними какой-то человек, по всем признакам вольный, одетый в матросское платье. Последний начал говорить сгруппировавшимся вокруг него бунтовщикам о том, что произошло на «Потемкине», объявил, что наступило время свободы, и закончил свою речь словами: «Надо арестовать всех офицеров». После этого все офицеры были окружены немедленно вооруженными нижними чинами и отведены в кают-компанию, за исключением лейтенанта Григоркова, который, не допустив арестовать себя, застрелился на мостике. К дверям кают-компании были приставлены ружейные часовые. Бунтовщики избрали из своей среди выборных, которые, составив комиссию, приступили к обсуждению дальнейшего образа действий. После совещания комиссия решила всех офицеров свезти на берег, самим же присоединиться к «Потемкину». Затем офицеры были бунтовщиками обысканы, посажены с вооруженными людьми на подошедший с «Потемкина» гребной катер и свезены на берег. После своза офицеров броненосец «Георгий Победоносец» прошел на Одесский рейд и стал на якоре вблизи броненосца «Князь Потемкин-Таврический».

На следующий день, 18 июня, настроение команды броненосца «Георгий Победоносец», однако, переменилось. Стали раздаваться голоса: «Идем в Севастополь, идем к начальству». Команда разделилась на две партии: одни хотели вернуться к порядку, другие настаивали, чтобы продолжать возмущение и оставаться с «Потемкиным». Бунтовщики проявляли усиленную деятельность, убеждениями и угрозами стараясь склонить команду к бунту, но число благоразумных все увеличивалось, и перевес оказался на стороне желающих отделиться от «Потемкина» и итти в Севастополь. Заметив, что бунтовщики оказались в меньшинстве, старший боцман Кузьменко, избранный комиссией командиром судна, решил немедленно сделать попытку уйти от «Потемкина», для чего, выйдя на мостик и распорядившись поднять якорь, приказал

в машину дать ход и направил броненосец в Севастополь. Как только это движение было усмотрено на броненосце «Князь Потемкин-Таврический», грузившем в то время с частного парохода уголь, оттуда был поднят сигнал: «Вернуться и стать на место», и затем второй сигнал: «Буду стрелять». Тогда старший боцман Кузьменко повернул броненосец обратно и, несмотря на противодействие бунтовщиков, успел ввести его полным ходом в одесскую гавань, где и отдал якорь, сам же отправился к командующему войсками с докладом о случившемся, после чего броненосец поступил в ведение военных властей г. Одессы.

20 июня офицеры возвратились на броненосец, и команда по требованию командира капитана 1 ранга Гузевича назвала зачинщиков и главных участников бунта в числе 81 человек.

Из этих последних, по имеющимся в деле сведениям, машинный квартирмейстер Павел Гуляев при посадке, по арестовании, в шлюпку бросился в воду и утонул, а матрос Дружин, кочегар Силкин и машинист Кошуба скрылись во время стоянки броненосца в г. Одессе, при чем Кошуба был задержан в г. Феодосии вместе с несколькими нижними чинами команды броненосца «Князь Потемкин-Таврический». Что же касается матросов Леонтия Дюмина, Фомы Опришко и Даниила Ровенко, то на предварительном следствии не удалось установить чем-либо их участие в бунте.

Показаниями допрошенных на предварительном следствии свидетелей нижепоименованные нижние чины, принимавшие особенно деятельное участие в возмущении на броненосце «Георгий Победоносец», изобличаются в следующем:

Матрос Назарий Безбах и строевой квартирмейстер Захарий Бородин — при первом же проходе броненосца «Князь Потемкин-Таврический» мимо броненосца «Георгий Победоносец» закричали «ура» и стали махать фуражками. Затем с криками: «Держать к Потемкину», они одни из первых бросились на мостик и кричали, что надо перебить офицеров или выбросить их за борт. После арестования офицеров Бородин, принявший начальствование над караулом, и Безбах обыскали в кают-компании офицеров, а по свозе последних на берег говорили команде речи о свободе и распространяли среди нижних чинов прокламации; кроме того, Бородин 18 июня, около 3 часов дня, явился, вооруженный ножом, вместе с матросами Гилем, Рябоконем и машинистом Кошубой в задний матросский кубрик и потребовал от маляра Чернышега данные ему ревизором на расходы деньги, при чем силою отнял у него 35 рублей собственных его денег; Безбах же при входе броненосца в одесскую гавань пытался бежать на шлюпке вместе с машинистом Кошубой и кочегаром Силкиным, но был задержан командой.

Машинист Дорофей Кошуба — при встрече с «Потемкиным» стал бегать среди команды, подстрекая всех к бунту, и затем, схватив лопату, начал гнать нижних чинов на мостик; подбежав к мостику, он требовал, обращаясь к командиру, повернуть к «Потемкину» и кричал при этом: «Не надо офицеров, за борт их, довольно дворянствовать!»;

бросившись впереди других на мостик, он оттолкнул командира от телеграфа и, завладев последним, отдал приказание застопорить машину; далее, он прогнал рулевого и поставил силой к рулю рулевого Щербину, приказывая держать к «Потемкину»; после речи прибывшего на миноносце № 267 агитатора закричал: «Пойдем, убьем старшего офицера и других!» и затем, взяв винтовку, распоряжался вооружением прочих бунтовщиков; по арестовании офицеров Кошуба настоял, чтобы они были обысканы, и первый стал обыскивать командира капитана 1 ранга Гузевича, на упрек же последнего ответил: «Я сам капитан»; между прочим, Кошуба был замечен с офицерским кортиком в руках советовавшимся с кочегаром Силкиным о том, чтобы подколоть командира; после своза офицеров на берег он вместе с матросом Дейнегой и Силкиным пытался открыть каюту ревизора, говоря, что там можно поживиться.

Матрос Семен Дейнега — один из первых закричал «ура» и потом гонялся с выжимкой, употребляемой при скачивании палубы, за неучаствующими в бунте, сгоняя всех на верхнюю палубу; подбежав к мостику, Дейнега стал кричать командиру, чтобы он повернул к «Потемкину», в ответ же на уговоры командира и старшего офицера успокоиться грозил им, что все офицеры будут перебиты и выброшены за борт, после чего обратился к команде с речью, в которой говорил о несправедливости офицеров и бранил последних; затем, вбежав с другими бунтовщиками на мостик, он совместно с Кошубой завладел рулем и заявил находившемуся тут же старшему офицеру лейтенанту Фролову, толкая его при этом в грудь: «Теперь я буду пить твою кровь, я буду старшим офицером»; впоследствии Дейнега стоял часовым у люка на юте и был избран в члены комиссии.

Кочегар Григорий Рябоконь — еще до встречи с «Потемкиным» подговаривал команду не стрелять, если прикажут; в начале же бунта с пипкой в руках стал сгонять людей на бак и преследовал непринимавшего участия в бунте квартирмейстера Рогозинова с намерением его ударить; затем он обращался к капитану 1 ранга Гузевичу с требованием повернуть к «Потемкину» и предлагал команде связать командира и расстрелять его или выбросить за борт; несколько раз Рябоконь собирал толпу, чтобы итти на мостик, крича «долой офицеров», и один из первых бросился туда; он же с винтовкой в руках распоряжался вооружением бунтовщиков и, взяв из рулевого помещения ящик с патронами, передал таковой Кошубе и кочегару Силкину; после своза офицеров Рябоконь осматривал все каюты и, усевшись в кают-компании за пианино, пробовал играть; на следующий день, 18 июня, вместе с Гилем, Кошубой и Бородиным он отнял у маляра Чернышева деньги и подговаривал новобранцев продолжать бунт; когда же матрос Краснощек стал его увещевать не волновать новобранцев, бросился на Краснощека с ножом, но квартирмейстер Задырка удержал его; тогда же, 18 июня, Рябоконь сговаривался с Гилем потопить или взорвать броненосец.

Кочегар Александр Бутрин — еще до встречи с броненосцем «Князь Потемкин-Таврический» подговаривал команду не стрелять в названный броненосец, если бы даже и было отдано такое приказание; он же, когда начался бунт, грозил выбросить за борт водолаза Левченко, уговаривавшего команду успокоиться, и по той же причине ударил кочегарного квартирмейстера Лекарева; стоя в кают-компании при арестованных офицерах часовым, Бутрин улыбался и затем, будучи избран членом комиссии, сопровождал, вооруженный винтовкой, офицеров при свозе их на берег; после своза офицеров ездил на «Потемкин» и по возвращении оттуда уговаривал команду присоединиться к «Потемкину»; когда же броненосец «Георгий Победоносец» отделился от последнего, кричал, что надо затопить судно.

Кочегар Матвей Волков — при проходе броненосца мимо «Потемкина», когда некоторые из команды бросились было с верхней палубы вниз, стоя у входного люка, скомандовал: «Стой все, не расходись!»; он же кричал, что всех офицеров и нижних чинов, не желавших присоединиться к «Потемкину», следует выбросить за борт; заметив, что машинный содержатель Лауцин не принимает никакого участия в бунте, Волков хотел выбросить его за борт, а затем вместе с одним из бунтовщиков схватил не желавшего итти на мостик телеграфиста Овчаренко и также намеревался бросить последнего в море, но Овчаренко успел вырваться и убежать; в начале бунта Волков вместе с Кошубой силой поставил к штурвалу матроса Щербину, когда же броненосец двинулся в одесскую гавань, пытался остановить машину, крича: «Бить изменников, затопить судно».

Кочегар Андронник Гиль — подстрекал команду к бунту и кричал, что надо связать командира и расстрелять его или же вместе с прочими офицерами выбросить за борт; когда к борту броненосца подошел миноносец № 267, Гиль стал звать с миноносца караул, чтобы подействовать на неучаствующих в бунте; когда же на следующий день, 18 июня, броненосец повернул в Севастополь, а затем в одесскую гавань, он сговорился с кочегаром Рябоконем потопить или же взорвать судно; он же вместе с Бородиным, Кошубой и Рябоконем 18 июня насильно отнял у маляра Чернышева деньги.

Кочегар Николай Гирчич — подстрекал команду к бунту, выгонял всех снизу на верхнюю палубу, при чем, встретив матроса Шубика, сказал последнему, что побьет его, если тот не выйдет наверх и не примет участия в бунте; в числе первых Гирчич бросился на мостик и затем с винтовкой в руках распоряжался вооружением других бунтовщиков; на следующий день, 18 июня, Гирчич уговаривал команду не итти в Севастополь, а оставаться с «Потемкиным».

Матрос Антон Горобец — подстрекал команду к бунту и вместе с другими бунтовщиками вбежал на командный мостик; семафорил на «Потемкин», прося о помощи бунтовщикам; кричал: «Дождались своего, довольно начальству пить нашу кровь!»; советовал связать командира и расстрелять его или выбросить за борт; распоряжался воору-

жением бунтовщиков и сам находился в числе караула, расставленного ими по судну; он же, Горобец, был выбран бунтовщиками в члены комиссии.

Комендор Лука Д е д — с выжимкой в руках гнал людей на мостик, когда же старший комендор Ефремов начал его уговаривать не делать этого, обругал Ефремова и сказал: «Раз начали дело, нужно кончать», затем он же вошел в состав караула для арестования офицеров.

Кочегар Иван И л ь ч е н к о — подстрекал других к бунту и, заявив строевому квартирмейстеру Рогозинову: «Теперь не ваша воля, а наша», сорвал с правого плеча названного квартирмейстера нашивки.

Машинист Александр К а ю р о в — в начале бунта держал речь команде о присоединении к «Потемкину», убеждая не слушать начальства, а потом, будучи избран членом комиссии, предлагал арестовать кондукторов и два раза ездил на «Потемкина»; при повороте броненосца в одесскую гавань требовал, чтобы дали задний ход; когда же броненосец бросил якорь в гавани, сказал: «Теперь мы пропали».

Машинист Иван М о т о р н ы й, — когда «Потемкин» шел навстречу броненосцу, сказал: «Вот кому честь и слава, он будет памятен в русской истории»; затем Моторный начал держать речь о присоединении к «Потемкину», предлагая выбросить офицеров за борт; будучи впоследствии выбран в члены комиссии, он неоднократно обращался к команде с противоправительственными речами.

Минный машинист Максим П а н ф и л о в — взял комендорский крюк и звал команду на мостик, грозя смертью всем не желавшим принять участие в бунте, при чем ударил кочегарного квартирмейстера Лекарева; далее, Панфилов советовал связать и расстрелять или выбросить за борт командира; он же говорил офицерам: «Теперь мы будем командовать» и, будучи затем выбран членом комиссии, разводил часовых, приказывая не пускать офицеров к денежному сундуку и в каюты.

Матрос Андрей Р ы б а л ь ч е н к о — гнал команду на мостик, и сам один из первых бросился туда.

Машинист Иван С т е п а н ю к — подстрекал других к бунту, крича, что всех офицеров надо выбросить за борт; затем, вбежав на мостик, хотел сбросить оттуда сигнальщика Мартыненко, требуя, чтобы тот не семафорил на адмиральский корабль о начавшемся возмущении; подойдя к командиру капитану 1 ранга Гузевичу, Степанюк взял его за грудь со словами: «Теперь вы нас послушайте»; будучи выбран членом комиссии, он говорил среди команды: «Давно пора так сделать, я жизни не пожалею для этого дела».

Марсовой Леонтий С т р е л ю к — подстрекал команду к бунту и, вооруженный винтовкой, угрожал непринимавшим участия в возмущении выбросить их за борт.

Минный машинист Антон С о с е д к а — подстрекал других к бунту, крича: «На что нам государь, нам нужна воля, долой офицеров!», и затем, будучи выбран членом комиссии, говорил команде: «Теперь нам все дадут».

Рулевой Михаил Хоха — выражал в начале бунта одобрение речам Дейнеги и впоследствии, когда сигнальщик Гниленко и другие хотели сесть на катер, чтобы спастись от бунтовщиков на берег, вывел их при содействии рулевого Белого из катера и доложил об этом квартирмейстеру Бородину, который объявил Гниленке, что при вторичной попытке к побегу в него будут стрелять.

Рулевой Константин Белый — настаивал на свозе офицеров с судна и был в числе караула, арестовавшего последних; вместе с Хохой воспрепятствовал Гниленке и другим съехать с броненосца.

Машинист Александр Шулевицкий — еще до бунта уговаривал команду при встрече с «Потемкиным» не стрелять в него; впоследствии же, будучи выбран членом комиссии, предлагал поделить между командой судовую кассу и уйти в Румынию, а броненосец взорвать.

Минный машинист Федор Яненский — подстрекал других к бунту; 18 июня убеждал команду не итти в Севастополь и, когда броненосец повернул туда, бросился к штурвалу, желая этому воспрепятствовать, крича при этом: «Оставайтесь с Потемкиным».

Минный машинист Николай Алексеев — гнал всех наверх из батарейной палубы, убеждая команду присоединиться к «Потемкину».

Матрос Михаил Бородатый (он же Бородач) — кричал, стоя на рострах: «Теперь наша свобода».

Матрос Иосиф Веклич и комендор Семен Кирпичев — кричали: «Наконец дождались своего».

Матрос Никифор Гонвич — предлагал команде связать командира.

Машинист Владимир Гутков — был в числе членов комиссии.

Стрелок-инструктор Михаил Каменев — подстрекал к бунту и руководил молодыми матросами, которые слушались его, как своего непосредственного начальника.

Кочегар Дмитрий Кочнев — грозил убить машинного квартирмейстера Борисова и выбросить в море матроса Шубика за то, что те не принимали участия в бунте.

Матрос Пимен Коваль — вместе с другими бунтовщиками вбегал на командный мостик.

Кочегар Логгин Кулешов, — когда было решено вернуться в Севастополь, кричал, что того, кто пойдет в кочегарку, он выбросит за борт.

Кочегар Архип Кологривенко — кричал, чтобы всех, не принимавших участия в бунте, выбросить за борт, и настаивал на свозе офицеров с судна.

Матрос Дорофей Краснов — непосредственно перед свозом офицеров стоял часовым у ружейной пирамиды.

Машинист Никифор Кравцов — кричал, что офицеров надо выбросить за борт.

Матрос Семен Лазуренко — был с винтовкой в руках при свозе офицеров.

Кочегар Яков Лысенко — кричал: «Теперь наша воля».

Матрос Василий Лукаш — кричал командиру капитану 1 ранга Гузевичу, чтобы тот дал сигнал «Потемкину» подойти к броненосцу «Георгий Победоносец».

Машинист Николай Ольшаниченко — один из первых закричал «ура» при встрече с «Потемкиным».

Рулевой Василий Пискунов — подстрекал других к бунту и кричал: «Дождались своего».

Матрос Афанасий Падалка, — когда фельдшер Стефанов уговаривал команду успокоиться, сказал: «Надо застрелить его».

Матрос Павел Рудницкий — при свозе офицеров стоял с винтовкой у офицерского люка, а затем был на часах у денежного сундука.

Матрос Михаил Семыкин — в начале возмущения выгнал всех из батарейной палубы наверх, а впоследствии сказал горнисту Кушнареву, что выбросит его за борт, если Кушнарев присоединится к желающим возвратиться в Севастополь.

Кочегар Семен Савченко — особенно выделялся из толпы бунтовщиков своими криками; вбежав на мостик, он кричал сигнальщикам и рулевым, чтобы те слушались не начальства, а команду и держали к «Потемкину»; он же настаивал на том, чтобы офицеров свезти на берег или выбросить за борт.

Матрос Иван Ходоровский — в ответ на увещания старшего офицера лейтенанта Фролова сказал, обращаясь к этому офицеру: «Что вы на нас свистите, как на собак».

Матрос Павел Черненко — подстрекал к бунту новобранцев, уговаривая их итти на командный мостик.

Машинист Илья Шаповалов — кричал: «Ура, вали, ребята, на мостик», впоследствии он же был избран членом комиссии.

Кроме того, все вышеназванные нижние чины, а также матросы — Федор Антонов, Егор Берестнев, Сергей Бубликов, Семен Балашев, Иван Белов, Михаил Бут, Поликарп Герасименко, Кузьма Гусев, Василий Дьяков, Савелий Иванов, Андрей Карачевцев, Никита Конько, Петр Кожумяко, Дементий Мажарин, Степан Никитин, Леонтий Шишкин, Кузьма Шеремет, кочегары — Антип Гулидов, Алексей Дерябин, Александр Денисов, Трофим Дудник, Пимен Коваленко, Василий Камышан, Тимофей Кормильченко, Макарий Марченко Василий Петрина и комендор Павел Колесников были замечены в том, что в начале возмущения кричали: «Ура», «Держать к «Потемкину», «Не надо офицеров» и проч.

Привлеченные к ответственности и допрошенные в качестве обвиняемых, вышепоименованные 75 нижних чинов, за исключением минного машиниста Максима Панфилова, не признавая себя виновными, объяснили, что они никакого участия в возмущении не принимали, Панфилов же признал себя виновным и показал, что,

действительно, при приближении «Потемкина» он кричал «ура» и затем, будучи избран бунтовщиками членом организованной ими комиссии, произвел расчет с ресторатором.

По выпискам из алфавита и журналов взысканий видно:

1) Минный машинист 28 флотского экипажа Николай Кузьмин Алексеев (он же Оболенский) происходит из мещан г. Киева, 25 лет, православный, на службе с 1902 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям подвергался два раза (л. л. д. 307 и 453).

2) Матрос 2 ст. 28 флотского экипажа Федор Поликарпов Антонов происходит из мещан г. Зарайска Рязанской губернии, 22 лет, православный, на службе с 1905 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 299 и 510).

3) Рулевой 28 флотского экипажа Константин Васильев Белый происходит из крестьян Херсонской губернии, 24 лет, православный, на службе с 1902 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 285 и 441).

4) Матрос 2 ст. 28 флотского экипажа Назарий Федоров Безбах происходит из крестьян Полтавской губернии, 22 лет, православный, на службе с 1905 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 287 и 443).

5) Матрос 2 ст. 28 флотского экипажа Михаил Семенов Бородатый (он же Бородач) происходит из крестьян Саратовской губернии, 28 лет, православный, на службе с 1901 года, приговором экипажного суда от 29 марта 1902 года осужден за первый от службы побег и первое промотание вещей казенного обмундирования к заключению в плавучей тюрьме на 2 месяца; приговором военно-морского суда от 16 марта 1904 года осужден за второй от службы побег, второе промотание вещей казенного обмундирования и подлог к отдаче в дисциплинарные батальоны на один год; дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 289 и 446).

6) Матрос 2 ст. 28 флотского экипажа Егор Петров Берестнев происходит из крестьян Екатеринославской губернии, 26 лет, православный, на службе с 1904 года, приговором военно-морского суда от 27 апреля 1904 года осужден к отдаче в дисциплинарные батальоны на один год и 6 месяцев за оскорбление на словах офицера; дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 291 и 507).

7) Матрос 1 ст. 28 флотского экипажа Сергей Иванов Бублик ов происходит из мещан г. Очакова Херсонской губернии, 25 лет, православный, на службе с 1902 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 305 и 451).

8) Строевой квартирмейстер 28 флотского экипажа Захарий Григорьев Бородин происходит из крестьян Таврической губернии, 26 лет, православный, на службе с 1900 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 303 и 449).

9) Кочегар 2 ст. 28 флотского экипажа Александр Семенов Бутрин происходит из крестьян Таврической губернии, 24 лет, православный, на службе с 1903 года, приговором мелитопольского уездного съезда от 12 марта 1904 года осужден к заключению в плавучей тюрьме на 3 месяца за кражу; дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 433 и 549).

10) Матрос 2 ст. 28 флотского экипажа Иван Петров Балашев происходит из крестьян Рязанской губернии, 22 лет, православный, на службе с 1905 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 357 и 467).

11) Матрос 2 ст. 28 флотского экипажа Иван Петров Белов происходит из крестьян Самарской губернии, 22 лет, православный, на службе с 1905 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 355 и 441).

12) Матрос 2 ст. 28 флотского экипажа Михаил Андреев Бут происходит из казаков Черниговской губернии, 22 лет, православный, на службе с 1905 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 301 и 511).

13) Кочегар 1 ст. 28 флотского экипажа Матвей Иванов Волков происходит из крестьян Курской губернии, 24 лет, православный, на службе с 1903 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 319 и 515).

14) Матрос 2 ст. 28 флотского экипажа Иосиф Гордеев Веклич происходит из крестьян Екатеринославской губернии, 22 лет, православный, на службе с 1905 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 353 и 528).

15) Кочегар 2 ст. 28 флотского экипажа Антип Петров Гулидов происходит из крестьян Орловской губернии, 24 лет, православный, на службе с 1903 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям подвергался один раз (л. л. д. 321 и 516).

16) Кочегар 1 ст. 28 флотского экипажа Андроник Васильев Гиль происходит из казаков Полтавской губернии, 24 лет, православный, на службе с 1903 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 275 и 435).

17) Матрос 2 ст. 28 флотского экипажа Поликарп Семенов Герасименко происходит из крестьян Области Войска Донского, 22 лет, православный, на службе с 1905 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 277 и 437).

18) Матрос 2 ст. 28 флотского экипажа Антон Иванов Горобец происходит из крестьян Херсонской губернии, 29 лет, православный, на службе с 1898 года, приговором военно-морского суда от 5 июня 1901 года за нарушение правил караульной службы осужден к заключению в плавучей тюрьме на 5 месяцев; дисциплинарным взысканиям подвергался один раз (л. л. д. 279 и 439).

19) Матрос 2 ст. 28 флотского экипажа Кузьма Андреев Гусев происходит из крестьян Рязанской губернии, 22 лет, православный,

на службе с 1905 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 281 и 505).

20) Машинист 2 ст. 28 флотского экипажа Владимир Филиппов Г у т к о в происходит из мещан г. Харькова, 22 лет, православный, на службе с 1905 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 283 и 506).

21) Кочегар 1 ст. 28 флотского экипажа Николай Кузьмин Г и р ч и ч (он же Г и р и ч) происходит из крестьян Екатеринославской губернии, 27 лет, православный, на службе с 1900 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям подвергался один раз (л. л. д. 323 и 460).

22) Матрос 1 ст. 28 флотского экипажа Никифор Васильев Г о н в и ч происходит из крестьян Херсонской губернии, 29 лет, православный, на службе с 1898 года, приговором экипажного суда от 14 октября 1900 год был наказан за первый от службы побег; дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 325 и 517).

23) Кочегар 1 ст. 28 флотского экипажа Алексей Петров Д е р я б и н (он же Г у р о в) происходит из крестьян Тульской губернии, 24 лет, православный, на службе с 1903 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 351 и 527).

24) Комендор 28 флотского экипажа Лука Федоров Д е д происходит из крестьян Екатеринославской губернии, 28 лет, православный, на службе с 1899 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 309 и 512).

25) Матрос 2 ст. 28 флотского экипажа Семен Пантелеев Д е й н е г а происходит из крестьян Екатеринославской губернии, 27 лет, православный, на службе с 1900 года, приговором экипажного суда от 1 февраля 1905 года осужден к заключению в плавучей тюрьме на 2 месяца за первый побег и первое промотание вещей казенного обмундирования; дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 313 и 513).

26) Матрос 2 ст. 28 флотского экипажа Василий Иванов Д ь я к о в происходит из крестьян Тульской губернии, 22 лет, православный, на службе с 1905 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 349 и 526).

27) Кочегар 1 ст. 28 флотского экипажа Александр Антипов Д е н и с о в происходит из крестьян Орловской губернии, 24 лет, православный, на службе с 1902 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 315 и 457).

28) Кочегар 1 ст. 28 флотского экипажа Трофим Архипов Д у д н и к происходит из крестьян Екатеринославской губернии, 24 лет, православный, на службе с 1902 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 317 и 514).

29) Кочегар 2 ст. 28 флотского экипажа Иван Романов И л ь ч е н к о происходит из крестьян Ставропольской губернии,

23 лет, православный, на службе с 1904 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 347 и 465).

30) Матрос 2 ст. 28 флотского экипажа Савелий Канаев Иванов происходит из крестьян Области Войска Донского, 23 лет, православный, на службе с 1905 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 361 и 530).

31) Кочегар 2 ст. 28 флотского экипажа Пимен Иванов Коваленко (он же Коваль) происходит из крестьян Киевской губернии, 24 лет, православный, на службе с 1903 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 369 и 532).

32) Матрос 1 ст. 28 флотского экипажа Пимен Моисеев Коваль происходит из мещан г. Александровска-Грушевского Области Войска Донского, 22 лет, православный, на службе с 1905 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 367 и 473).

33) Кочегар 1 ст. 28 флотского экипажа Логгин Федоров Кулешов происходит из крестьян Области Войска Донского, 23 лет, православный, на службе с 1903 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 365 и 471).

34) Кочегар 2 ст. 28 флотского экипажа Василий Петров Камышан происходит из крестьян Херсонской губернии, 25 лет, православный, на службе с 1902 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 363 и 531).

35) Комендор 28 флотского экипажа Семен Максимов Кириличев происходит из крестьян Самарской губернии, 27 лет, православный, на службе с 1899 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям подвергался один раз (л. л. д. 377 и 479).

36) Машинист 2 ст. 28 флотского экипажа Никифор Васильев Кравцов происходит из мещан г. Луганска Екатеринославской губернии, 23 лет, православный, на службе с 1904 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 375 и 477).

37) Кочегар 2 ст. 28 флотского экипажа Архип Сергеев Кологривенко происходит из крестьян Полтавской губернии, 24 лет, православный, на службе с 1903 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям подвергался один раз (л. л. д. 373 и 533).

38) Машинист 2 ст. 28 флотского экипажа Александр Дмитриев Каюров происходит из мещан г. Симбирска, 23 лет, православный, на службе с 1904 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 371 и 475).

39) Матрос 2 ст. 28 флотского экипажа Андрей Матвеев Карачевцев происходит из крестьян Курской губернии, 23 лет, православный, на службе с 1904 года, приговором корабельного суда от 14 августа 1904 года осужден к заключению в плавучей тюрьме на $3^1/_2$ месяца за кражу; дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 345 и 525).

40) Кочегар 1 ст. 28 флотского экипажа Тимофей Миронов К о р м и л ь ч е н к о происходит из крестьян Области Войска Донского, 25 лет, православный, на службе с 1902 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. 379 и 481).

41) Кочегар 1 ст. 28 флотского экипажа Дмитрий Егоров К о ч н е в происходит из крестьян Саратовской губернии, 25 лет, православный, на службе с 1901 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 385 и 536).

42) Машинист 1 ст. 28 флотского экипажа Дорофей Петров К о ш у б а происходит из крестьян Харьковской губернии, 26 лет, православный, на службе с 1901 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям подвергался пять раз (л. л. д. 387 и 483).

43) Матрос 2 ст. 28 флотского экипажа Никита Иванов К о н ь к о происходит из крестьян Полтавской губернии, 22 лет, православный, на службе с 1905 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 343 и 524).

44) Матрос 2 ст. 28 флотского экипажа Петр Миронов К о ж у м я к о происходит из крестьян Екатеринославской губернии, 22 лет, православный, на службе с 1905 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 341 и 523).

45) Матрос 2 ст. 28 флотского экипажа Дорофей Васильев К р а с н о в происходит из крестьян Херсонской губернии, 22 лет, православный, на службе с 1905 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 383 и 535).

46) Комендор 28 флотского экипажа Павел Федоров К о л е с н и к о в происходит из крестьян Самарской губернии, 25 лет, православный, на службе с 1902 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям подвергался один раз (л. л. д. 381 и 534).

47) Стрелок-инструктор 28 флотского экипажа Михаил Захаров К а м е н е в происходит из крестьян Гродненской губернии, 23 лет, православный, на службе с 1903 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 297 и 509).

48) Кочегар 1 ст. 28 флотского экипажа Яков Григорьев Л ы с е н к о происходит из крестьян Полтавской губернии, 25 лет, православный, на службе с 1902 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 391 и 485).

49) Матрос 2 ст. 28 флотского экипажа Семен Иванов Л а з у р е н к о происходит из мещан г. Бахмута Екатеринославской губернии, 22 лет, православный, на службе с 1905 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 389 и 537).

50) Матрос 1 ст. 28 флотского экипажа Василий Андреев Л у к а ш происходит из крестьян Полтавской губернии, 23 лет, православный, на службе с 1904 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 337 и 521).

51) Кочегар 1 ст. 28 флотского экипажа Макарий Степанов М а р ч е н к о происходит из крестьян Полтавской губернии, 25 лет, право-

славный, на службе с 1902 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 397 и 540).

52) Матрос 2 ст. 28 флотского экипажа Дементий Петров Мажарин происходит из крестьян Тамбовской губернии, 22 лет, православный, на службе с 1905 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 395 и 539).

53) Машинист 2 ст. 28 флотского экипажа Иван Спиридонов Моторный происходит из крестьян Екатеринославской губернии, 22 лет, православный, на службе с 1905 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 393 и 538).

54) Матрос 2 ст. 28 флотского экипажа Степан Ильин Никитин происходит из крестьян Радомской губернии, 22 лет, православный, на службе с 1905 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 413 и 495).

55) Машинист 1 ст. 28 флотского экипажа Николай Алексеев Ольшаниченко происходит из крестьян Харьковской губернии, 25 лет, православный, на службе с 1902 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 411 и 543).

56) Кочегар 2 ст. 28 флотского экипажа Василий Васильев Петрина происходит из крестьян Екатеринославской губернии, 24 лет, православный, на службе с 1903 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 339 и 522).

57) Рулевой 28 флотского экипажа Василий Алексеев Пискунов происходит из крестьян Симбирской губернии, 24 лет, православный, на службе с 1903 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 403 и 490).

58) Минный машинист 28 флотского экипажа Максим Петров Панфилов происходит из мещан г. Керчи Таврической губернии, 25 лет, православный, на службе с 1902 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 407 и 491).

59) Матрос 2 ст. 28 флотского экипажа Афанасий Антонов Падалка происходит из мещан г. Таганрога Области Войска Донского, 23 лет, православный, на службе с 1904 года; приговором экипажного суда от 22 апреля 1905 года осужден к заключению в плавучей тюрьме на 3 месяца за первый от службы побег и первое промотание вещей казенного обмундирования; дисциплинарным взысканиям подвергался три раза (л. л. д. 405 и 542).

60) Кочегар 1 ст. 28 флотского экипажа Григорий Степанов Рябоконь происходит из крестьян Екатеринославской губернии, 27 лет, православный, на службе с 1900 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 401 и 541).

61) Матрос 2 ст. 28 флотского экипажа Павел Фомин Рудницкий происходит из мещан местечка Хорощи, 22 лет, римско-католического вероисповедания, на службе с 1905 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 419 и 545).

62) Матрос 2 ст. 28 флотского экипажа Андрей Никитин Рыбальченко происходит из крестьян Курской губернии, 24 лет, православный, на службе с 1903 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 417 и 544).

63) Машинист 1 ст. 28 флотского экипажа Иван Кондратов Степанюк происходит из крестьян Херсонской губернии, 26 лет, православный, на службе с 1900 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 335 и 520).

64) Марсовой 28 флотского экипажа Леонтий Васильев Стрелюк происходит из крестьян Волынской губернии, 28 лет, православный, на службе с 1899 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям подвергался один раз (л. л. д. 293 и 447).

65) Матрос 2 ст. 28 флотского экипажа Михаил Николаев Семыкин происходит из крестьян Курской губернии, 22 лет, православный, на службе с 1905 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 295 и 508).

66) Кочегар 2 ст. 28 флотского экипажа Семен Андреев Савченко происходит из казаков Полтавской губернии, 23 лет, православный, на службе с 1904 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям подвергался один раз (л. л. д. 333 и 519).

67) Минный машинист 28 флотского экипажа Антон Евсеев Соседка происходит из крестьян Екатеринославской губернии, 28 лет, православный, на службе с 1899 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям подвергался три раза (л. л. д. 421 и 546).

68) Матрос 2 ст. 28 флотского экипажа Павел Игнатьев Черненко происходит из крестьян Полтавской губернии, 22 лет, православный, на службе с 1905 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 331 и 463).

69) Матрос 2 ст. 28 флотского экипажа Леонтий Прокофьев Шишкин происходит из крестьян Саратовской губернии, 25 лет, православный, на службе с 1902 года; приговором экипажного суда от 26 мая 1904 года осужден к заключению в пловучей тюрьме на три месяца и 2 недели за кражу; дисциплинарным взысканиям подвергался два раза (л. л. д. 423 и 499).

70) Машинист 1 ст. 28 флотского экипажа Илья Иванов Шаповалов происходит из крестьян Екатеринославской губернии, 27 лет, православный, на службе с 1900 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 329 и 461).

71) Машинный квартирмейстер 2 ст. 28 флотского экипажа Александр Игнатьев Шулевицкий происходит из мещан г. Самары, 28 лет, православный, на службе с 1901 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 425 и 501).

72) Матрос 2 ст. 28 флотского экипажа Кузьма Васильев Шеремет происходит из крестьян Екатеринославской губернии, 22 лет, православный, на службе с 1905 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 427 и 547).

73) Рулевой 28 флотского экипажа Михаил Михайлов Хоха происходит из крестьян Гродненской губернии, 25 лет, православный, на службе с 1902 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 429 и 503).

74) Матрос 2 ст. 28 флотского экипажа Иван Викторов Ходоровский происходит из крестьян Гродненской губернии, 22 лет, православный, на службе с 1905 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 431 и 548).

75) Минный машинист 28 флотского экипажа Федор Иванов Яненский происходит из крестьян Херсонской губернии, 25 лет, православный, на службе с 1901 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 327 и 518).

В виду изложенного нижние чины 28 флотского экипажа: Николай Алексеев, Федор Антонов, Константин Белый, Назарий Безбах, Михаил Бородатый, Егор Берестнев. Сергей Бубликов, Захарий Бородин, Александр Бутрин, Семен Балашов, Иван Белов, Михаил Бут, Матвей Волков, Иосиф Веклич, Антип Гулидов, Андроник Гиль, Поликарп Герасименко, Антон Горобец, Кузьма Гусев, Владимир Гутков, Николай Гирчич, Никифор Гонвич, Алексей Дерябин, Лука Дед, Семен Дейнега, Василий Дьяков, Александр Денисов, Трофим Дудник, Иван Ильиченко, Савелий Иванов, Пимен Коваленко, Пимен Коваль, Логгин Кулешов, Василий Камышан, Семен Кирпичев, Никифор Кравцов, Архип Кологриваенко, Александр Каюров, Андрей Карачевцев, Тимофей Кормильченко, Дмитрий Кочнев, Дорофей Кошуба, Никита Конько, Петр Кожумяко, Дорофей Краснов, Павел Колесников, Михаил Каменев, Яков Лысенко, Семен Лазуренко, Василий Лукаш, Макарий Марченко, Дементий Мажарин, Иван Моторный, Степан Никитин, Николай Ольшаниченко, Василий Петрина, Василий Пискунов, Максим Панфилов, Афанасий Падалка, Григорий Рябоконь, Павел Рудницкий, Андрей Рыбальченко, Иван Степанюк, Леонтий Стрелюк, Михаил Семыкин, Семен Савченко, Антон Соседка, Павел Черненко, Леонтий Шишкин, Илья Шаповалов, Александр Шулевицкий, Кузьма Шеремет, Михаил Хоха, Иван Ходоровский и Федор Яненский обвиняются в том:

Что 17 июня 1905 года, находясь в числе судовой команды эскадренного броненосца «Георгий Победоносец» в то время, когда названный броненосец маневрировал в составе практической эскадры Черноморского флота вблизи Одесского рейда, где находился броненосец «Князь Потемкин-Таврический», они, с целью присоединиться к мятежной команде последнего, подняли открытый бунт против своего

судового начальства, при чем, с криками «ура», «идем к «Потемкину»!», часть из них бросилась на командный мостик и самовольно застопорила машину, после чего все вышеназванные нижние чины, завладев броненосцем и вооружившись винтовками, насильственно совокупными силами арестовали командира и всех офицеров и свезли их на берег, сами же, под руководством тогда же прибывших к ним главарей бунтовщиков с «Потемкина», стали распоряжаться броненосцем и намеревались действовать в направлении революционных партий, стремящихся к ниспровержению существующего в России государственного строя, при чем лишь на следующий день, 18 июня, благоразумная часть команды, одержав верх над бунтовщиками, успела ввести броненосец в Одесскую гавань и передать его там в ведение военных властей.

Означенное преступное деяние предусмотрено 109 ст. военно-морского устава о наказаниях и 102 ст. уголовного уложения, а посему, согласно приказа морского министра, сообщенного главному командиру Черноморского флота и портов Черного моря телеграммою главного военно-морского прокурора от 20 июля сего года за № 4104, и приказа главного командира от 8 августа сего года за № 923, все вышепоименованные нижние чины, на основании 90 ст. воен.-морск. Устава о наказ. (по продолжению 1898 года), предаются военно-морскому суду Севастопольского порта для суждения их порядком, определенным в статье 1255 того же устава и с применением к ним наказаний, установленных для военного времени.

Составлен обвинительный акт августа 9 дня 1905 года в г. Севастополе.

Военно-морской прокурор полковник *Александров*.

Помощник военно-морского прокурора *Плещеев*.

№ 1700.

6.

Р е з о л ю ц и я.

1905 года 16—26 августа дня военно-морской суд Севастопольского порта в следующем составе: председатель генерал-лейтенант А н д р е е в, воен.-мор. судья действительный статский советник М а т в е е в, временные члены: капитан 1 ранга барон Н о л ь к е н,
» » » С о л о в ь е в,
» » » М я з г о в с к и й.
капитан 2 ранга Ш а р ы г и н,

выслушав дело о 75 нижних чинах 28 флотского экипажа, преданных суду по обвинению в том, что 17 июня 1905 года, находясь в числе судовой команды эскадренного броненосца «Георгий Победоносец» в то время, когда названный броненосец маневрировал в составе практической эскадры Черноморского флота вблизи одесского рейда, где

находился броненосец «Князь Потемкин-Таврический», они, с целью присоединиться к мятежной команде последнего, подняли открытый бунт против своего судового начальства, при чем, с криками: «ура», «идем к Потемкину!», часть из них бросилась на командный мостик и самовольно застопорила машину, после чего, завладев броненосцем и некоторые вооружившись винтовками, насильственно совокупными силами арестовали командира и всех офицеров и свезли их на берег, сами же, под руководством тогда же прибывших к ним главарей бунтовщиков с «Потемкина», стали распоряжаться броненосцем и намеревались действовать в направлении революционных партий, стремящихся к ниспровержению существующего в России государственного строя, при чем лишь на следующий день, 18 июня, благоразумная часть команды, одержав верх над бунтовщиками, успела ввести броненосец в одесскую гавань и передать его там в ведение военных властей,— признал из них виновными: минного машиниста Николая Алексеева, матроса Назария Безбаха, матроса Сергея Бубликова, строевого квартирмейстера Захария Бородина, кочегара Александра Бутрина, матроса Михаила Бута, кочегара Матвея Волкова, кочегара Антипа Гулидова, кочегара Андроника Гиль, матроса Антона Горобец, машиниста Владимира Гуткова, кочегара Николая Гирчича, матроса Никифора Гоневича, комендора Луку Деда, матроса Семена Дейнега, кочегара Александра Денисова, кочегара Трофима Дудника, кочегара Ивана Ильиченко, кочегара Пимена Коваленко, матроса Пимена Коваль, кочегара Логгина Кулишова, кочегара Василия Камышина, комендора Семена Кирпичева, машиниста Никифора Кравцева, кочегара Архипа Кологривенко, машиниста Александра Каюрова, кочегара Тимофея Кормильченко, кочегара Дмитрия Кочнева, машиниста Дорофея Кошуба, матроса Никиту Конько, матроса Петра Кожумяка, матроса Дорофея Краснова, комендора Павла Колесникова, стрелка инструктора Михаила Каменева, матроса Семена Лазуренко, матроса Василия Лукаш, кочегара Макария Марченко, машиниста Ивана Моторного, машиниста Николая Ольшаниченко, рулевого Василия Пискунова, минного машиниста Максима Панфилова, матроса Афанасия Падалка, кочегара Григория Рябоконь, матроса Павла Рудницкого, матроса Андрея Рыбальченко, машиниста Ивана Степанюка, марсового Леонтия Стрелюка, матроса Михаила Семыкина, кочегара Семена Савченко, минного машиниста Антона Соседка, матроса Павла Черненко, машиниста Илью Шаповалова, машиниста Александра Шулевицкого, матроса Ивана Ходоровского и минного машиниста Федора Яненского. При этом первыми приступили к совершению этого деяния и руководили другими: машинист Кошуба, матрос Дейнега и машинист Степанюк. Уменьшающими вину обстоятельствами по отношению Бородина, Горобца, Гирчича, Деда, Кирпичева, Стрелюка, Соседка, Шаповалова суд признал продолжительную, более пяти лет, службу их, ничем не опороченную, а по отношению к Антонову, Безбаху, Бут, Гуткову, Ковалю, Конько, Кожумяко, Краснова, Лазуренко, Моторного, Рудниц-

кого, Семыкина, Черненко и Ходоровского — кратковременную, менее года, службу их.

Посему и на основании 74, 78, 109 ст. кн. XVI св. мор. пост. 12, 153 ст. уложения о наказаниях приговорил: машиниста Дорофея Кошуба, матроса Семена Дейнега и машиниста Ивана Степанюка лишить всех прав состояния и подвергнуть смертной казни через расстреляние; нижеследующих нижних чинов лишить всех прав состояния, исключить из службы с лишением воинского звания и сослать в каторжные работы: Рябоконь — без срока, Бородина и Волкова — на двадцать лет каждого, Панфилова — на семнадцать лет, Безбаха — на пятнадцать лет, Каменева — на четырнадцать лет, Бутрина, Гиля и Горобец — на двенадцать лет каждого, Гирчича и Моторного — на десять лет каждого, Ильиченко, Казарова, Шулевицкого и Яненского — на восемь лет каждого, Гоневича на семь лет, Падалку — на шесть лет, Бута — на пять лет и Савченко — на четыре года; нижеследующих нижних чинов исключить из службы с лишением воинского звания, лишить всех особенных прав и преимуществ и отдать в исправительные арестантские отделения гражданского ведомства: Стрелюка, Семыкина, Бубликова, Алексеева, Дудника, Коваленко, Кулишова, Камышана, Кочнева, Лукаша, Ольшаниченко и Рыбалченко — на пять лет каждого, Деда, Коваля, Лазуренко, Соседку, Гулидова, Кравцова, Кологривенко, Кормильченко, Колесникова, Марченко и Пискунова — на четыре года каждого, Гуткова, Денисова, Кирпичева, Конько, Кожумяка, Краснова, Рудницкого, Черненко, Шаповалова и Ходоровского на три года каждого. По отбытии наказания осужденными в арестантские отделения, отдать их под особый надзор полиции на четыре года каждого.

По недоказанности обвинения, Антонова, Белого, Бородатого, Берестнева, Балашева, Белова, Веклича, Герасименко, Гусева, Дерябина, Дьякова, Иванова, Карачевцева, Лысенко, Мажарина, Никитина, Петрина, Шишкина, Шеремета и Хоха виновными в предъявленном к ним обвинении не признал и, на основании 1 пункта 825 ст. кн. XVIII св. мор. пост., определил: считать их по суду оправданными.

По вступлении приговора в законную силу, прежде исполнения его представить, на основании 1012 ст. кн. XVIII св. мор. пост. (по прод. 1898 г.) и телеграммы морского министра от 9 августа за № 846, объявленной в приказе наз. командира Черн. флота и портов от 13 августа сего года за № 933, главному командиру черноморского флота и портов на усмотрение.

Об упущениях командира и офицеров во время бунта на корабле, усмотренных судом при производстве настоящего дела, на основании 834 ст. кн. XVIII св. морск. пост., составить особое постановление.

Генерал-лейтенант *Андреев*, действит. ст. сов. пол. *Матвеев*, капитан 1 ранга барон *Нолькен*, капитан 1 ранга *Соловьев*, капитан 1 ранга *Мязговский*, капитан 2 ранга *Шарыгын*.

Прибалтийский край в 1905 году.

Печатаемая ниже официальная записка обязана своим происхождением тому запросу в 3-й Государственной Думе, который, с заявлением о спешности, был внесен 2 мая 1908 года фракциями с.-д. и трудовиков на имя министров внутренних дел, военного, морского и юстиции—«по поводу незаконных действий военных и гражданских властей, чинимых над населением Прибалтийского края». Государственная Дума отклонила спешность этого запроса и передала его в «комиссию по запросам». Записка извлечена из дела департамента полиции, о. о., 1908 г., № 236, ч. II—«По запросам Государственной Думы. О действиях карательных отрядов в Прибалтийском крае». Материалом, который лег в основу этой записки, были документы как имевшиеся в самом департаменте полиции, так и полученные из военного ведомства.

Печатаемая часть записки охватывает преимущественно события 1905 года, когда революционное движение в Курляндской, Эстляндской и Лифляндской губерниях достигло своего апогея, обнаружив вместе с особенностями стихийного взрыва протеста прибалтийского пролетариата против самодержавия и капиталистической эксплуатации мало изученные до сих пор организационные формы революционной борьбы.

В 1905 году нигде в России, — говорит Витте в своих «Воспоминаниях» [1]), «иллюминация» помещичьей собственности не приняла таких размеров, как в Прибалтийском крае». По мнению Витте, было две главных причины особой силы аграрных волнений и революционного движения в Прибалтике: с одной стороны, «руссификирование латышей», имевшее своим следствием «натравливание их на немецкое дворянство», с другой,— распропагандированность латышского населения «в смысле социалистическом и анархическом». Печатаемая нами записка предпосылки революционного движения в Прибалтике определяет гораздо конкретнее. «Экономическое положение края, — говорит составитель записки, — представляет в высшей степени резкие контрасты; на одной стороне находятся крупные дворянские землевладения с богатыми землями и обширные промышленные предприятия, а на другой—малоземельные в большинстве участки латышей и эстов со множеством безземельных батраков и масса необеспеченного материально заводско-фабричного люда. Дворянам-землевладельцам принадлежат права по местному управлению, ведению земского дела, обложение населения сборами и повинностями, назначение пасторов, право охоты и проч. Крестьянам - землевладельцам остаются в удел зависимое положение и задолженность за купленную у помещиков землю, часто совершенно безнадежная, несмотря на самый упорный труд». Классовое расслоение в трех прибалтийских губерниях исторически сложилось необыкновенно четко, и, конечно,

[1]) Воспоминания, т. II, стр. 125.

составитель записки совершенно прав, говоря, что «революционным агитаторам не трудно было внушить народу, что ему следует рассчитывать лишь на себя и, когда представится момент, самому добиваться осуществления своих прав. Таким моментом и счел народ то время, когда после неудачной войны произошел взрыв недовольства правительством».

Но для «осуществления своих прав» трудящимся Прибалтийского края недостаточно было искусно выбрать подходящий момент: нужна была руководящая организация и план действий. Политическое воспитание фабричного пролетариата, а также закабаленных помещиками крестьян и батраков находилось в руках ряда социал-демократических организаций, которые сумели подготовить массы к вооруженной борьбе за свое освобождение. Записка довольно ярко описывает первые открытые «мятежные выступления» рабочих, «домогавшихся улучшения их быта», в 1903—1904 гг., происходившие в Риге, Либаве, Реведе, Виндаве, Митаве и др., а также борьбу сельско-хозяйственного пролетариата в уездах, где происходили нападения на волостные правления, помещичьи усадьбы и т. д.

В 1905 году борьба приняла еще более планомерный и вместе с тем ожесточенный характер. Столкновения с войсками стали систематическими, участились террористические акты, безземельные батраки в Курляндии «с угрозами требовали раздела имений», постоянно вспыхивали забастовки на фабриках и заводах. Объявленное правительством военное положение, разумеется, не могло привести к умиротворению революционной стихии.

Не удовлетворил рабочие и крестьянские массы, конечно, и манифест 17 октября. Напротив, октябрь-декабрь 1905 г. явились кульминационным моментом революционного движения в прибалтийских губерниях, когда последнее приняло форму вооруженного массового восстания против существующей власти, гражданской войны в прямом смысле этого слова. Учитывая официальное происхождение записки, специфический стиль ее и оценку излагаемых событий, все же приходится признать, что этот момент она отражает довольно ярко. Перед нами налицо активнейший участок поля того сражения, которое давала первая революция романовскому самодержавию. Руководителями этого сражения были Рижский Федеративный Комитет, съезды, исполнительные комитеты, заменявшие прежние органы местной власти, отдельные партийные организации. Правительство должно было оборонять военными мерами или брать штурмом крупнейшие города края. Это была настоящая война за власть, при чем там, где побеждали восставшие, немедленно организовывался новый административный аппарат, взимавший налоги, закрывавший «казенки» и бравший на себя управление захваченными имениями. Каким ярким показателем энтузиазма восставших и веры их в невозможность реставрации свергнутого режима является такая деталь, как заказ шнуровых канцелярских книг на 10 лет вперед!

Мы видим, таким образом, в революционном движении Прибалтики не только стихийную «волю к победе», двигавшую массы, но и творческую волю, организовавшую эти массы и новый уклад их жизни. Характерно при этом, что в главнейшем центре восстания—Риге—организатором боровшихся масс был не Совет Рабочих Депутатов, как в других местах б. империи. «В Риге, — говорит т. Стучка, — не образовался Совет Рабочих Депутатов, ибо там был столь авторитетный орган власти, как Рижский Федеративный Комитет (лат., русские и евр. с.-д.), а в латвийских размерах ЦК латышской с.-д. рабочей партии, которые вполне заменили рабочее правительство и представляли собой действительно фактическую и притом вооруженную власть рабочих и крестьян (Стучка. Револ. роль права и государства, стр. 121).

Разгром 573 помещичьих имений, расстройство административного аппарата, остановка транспорта, заводов и фабрик и т. д. заставили правительство ввести в бой резервы. 29 ноября министерство внутренних дел потребовало «двинуть в Лифляндскую губернию все свободные в Петербургском военном округе военные части». 4 декабря в крае была введена военная диктатура в лице вновь назначенного генерал-губернатора г.-л. Соллогуба. Новым военным силам удалось сломить восставших, и торжествующая военщина, вместе с поднявшей голову буржуазией и феодальным дворянством, приступила к истреблению «мятежников». Военные экспедиции «мистериозного», по словам Витте, морфомана садиста Орлова и др. залили кровью революционную Прибалтику. Целый месяц шла вакханалия убийств без суда, и только к концу января, — говорит записка,— «расстреляние войсками захваченных бунтарей было прекращено». Только 23 января 1906 г. Витте счел своевременным доложить царю, что теперь уже возможно «не подвергшихся истреблению революционеров» судить «по закону».

А. С.

Начало смуты.

По суждениям знатоков местной жизни и печатным сообщениям, начатки прибалтийской смуты обнаружились еще с 80-х годов прошлого столетия. В то время уже происходили поджоги немецких дворянских имений в некоторых уездах (напр., в Венденском, Лифляндской губернии), и ходили в латышском населении толки об «изгнании из края немцев». С конца же 90-х годов очагами недовольства существующим положением стали размножившиеся тогда сельско-хозяйственные, профессиональные и разные другие общества.

Экономическое положение края представляет в высшей степени резкие контрасты: на одной стороне находятся крупные дворянские землевладения с богатыми замками и обширные промышленные предприятия, а на другой — малоземельные в большинстве участки латышей и эстов со множеством безземельных батраков и масса необеспеченного материально заводско-фабричного люда. Дворянам-землевладельцам принадлежат права по местному управлению, ведение земского дела, обложение населения сборами и повинностями, назначение пасторов, право охоты и пр. Крестьянам-землевладельцам остаются в удел зависимое положение и задолженность за купленную у помещиков землю, часто совершенно безнадежная, несмотря на самый упорный труд.

Ревизия сенатора Н. А. Манасеина в 80-х годах поселила в крестьянском населении преувеличенные надежды на коренное изменение неблагоприятных условий его быта, и когда в течение многих лет население не дождалось каких-либо результатов сенаторской ревизии по улучшению его положения, то перестало верить в попечительные заботы о нем высшего правительства. Отсюда революционным агитаторам нетрудно было внушить народу, что ему следует рассчитывать лишь на себя и, когда представится момент, самому добиваться осуществления своих прав. Таким моментом и счел народ то время, когда после неудачной войны произошел взрыв недовольства

правительством. Боясь упустить обстоятельства, латыши и эсты в громадном большинстве и примкнули к революционному движению.

Перечисленные причины усиливаются еще племенною рознью. По отношению к аборигенам края немцы всегда держались роли былых завоевателей. В прежнее время они могли бы легко ассимилировать с собою латышей и эстов, но не стремились к этому (о чем теперь сожалеют) и, за весьма редкими случайными исключениями, не допускали в свою среду кого-либо из этих племен. Помещики изучали наречия последних, чтобы не давать им права говорить на языке господ. Не без некоторых оснований считая себя несправедливо угнетенными, латыши и эсты, по характеру своему болезненно самолюбивые и тщеславные, таили чувства зависти и обиды за граничащую с презрением отчужденность от высшего немецкого общественного слоя. Впрочем, наружно они высказывали перед немцами раболепство, проявляющееся еще и теперь в обычае целования руки у помещиков. Подобные отношения повели к тому, что латыши и эсты дали как бы готовую почву для агитационного посева. Учащаяся молодежь их, крайне восприимчивая к усвоению социалистических учений, взялась ретиво как устно, так и в печати за пропаганду этих учений в среде фабрично-заводских рабочих и близко связанных с последними по условиям быта безземельных крестьян. В этом ею встречено содействие со стороны германских социал-демократов, приехавших в фабричные центры края для распространения своих идей. Путем издания переводимых с немецкого языка на местные наречия заграничных агитационных по рабочему вопросу брошюр, которые приноравливались к быту и пониманию латышей и эстов, пропаганда велась первоначально почти исключительно на экономической почве. В главнейших центрах промышленности края — Риге и Либаве — устраивались массовки, и проводилось празднование рабочими 1 мая. В дальнейшем пропаганда сосредоточилась в особых организациях. В 1901 году образована «Латышская социал-демократическая рабочая партия», которая поставила своей задачей «самоопределение» латышского племени, поднятие развития его, разрешение в интересах крестьян земельного вопроса, улучшение быта рабочих и т. п. Не сознавая за собой силы для политической борьбы, «Латышская социал-демократическая рабочая партия» стремилась подготовлять рабочих к единению, чтобы постепенно сплотить их в устойчивую массу. Для этого имелись в виду главным образом рабочие в Риге, где на заводах, фабриках и в порту скопляется их до 100 т. человек. Такая «постепенная» деятельность вызвала протест в среде меньшинства партии, требовавшего приступа к более быстрым и решительным мерам. От нее откололась особая группа, под названием «Uspeekschu», что значит — «Вперед», вскоре переименовавшаяся в «Латышский социал-демократический союз», отчасти приблизившийся по программе к партии социал-революционеров, выставив своею главною и ближайшею задачей борьбу с правительством для ниспровержения существующего

государственного и общественного строя. Комитет этого союза (Saaveniba) подготовлял так называемых «боевиков», которые совершали впоследствии убийства и другие преступления. На ряду с этими партиями действовали в Прибалтийском крае: еврейский «Бунд» и «Российская социал-демократическая рабочая партия». Вторая, вместе с одноименной эстонской, укрепилась преимущественно в Ревеле и Юрьеве и прилежащих местностях, населенных эстами. В то же время развивала свою деятельность «Курляндская социал-демократическая группа», основанная около 1902 года.

Перечисленными партиями, объединившимися потом в «Социал-демократию Прибалтийского края», образовывались кружки между рабочими и выпускались, начиная с апреля 1903 года, прокламации против самодержавия, с лубочными карикатурами, осмеивающими и его «приспешников» — помещиков и пасторов. Издавалась расходившаяся в большом количестве экземпляров революционная газета «Zihna» (Борьба), которая, как и прокламации, печаталась в хорошо оборудованных тайных типографиях. На местах вели пропаганду отдельные революционные комитеты: в Вольмаре и Вендене (Лифляндской губернии), в Либаве, Виндаве, Тальсене и Дондангене (Курляндской губернии). Вместе с тем в городские и сельские местности отправлялись агитаторы для устной пропаганды, устройства сходок, составления петиций с разными требованиями от правительства и для производства демонстраций.

В период времени 1905—1906 г.г. положено также начало рижской военной организации для поднятия посредством пропаганды бунта в войсках.

Первые мятежные выступления.

В результате действий Латышской социал-демократической и других партий явились открытые-домогательства рабочими улучшения их быта. Обострились отношения их с заводско-фабричными управлениями, и начались столкновения с последними и убийства мастеров.

В Риге устраивались в 1903 и 1904 г.г. сборища, с разбрасыванием прокламаций, с зажигательными речами и с красными флагами. Сходки с участием рабочих и учащейся молодежи, преимущественно еврейской, происходили в театрах, кирках, синагогах, на латышском и еврейском кладбищах, в садах и окрестных лесах.

Чтобы уследить за сборищами и разгонять их, рижской городской полиции приходилось держать постоянно большие наряды, и чины ее были вынуждены иногда к столкновениям и к употреблению силы против неповинующихся призыву к порядку.

В марте 1904 года произошло столкновение полиции с толпой, собравшеюся на еврейском кладбище при похоронах высланного раньше студента-еврея, «жертвы произвола», «борца за свободу», как называли таких лиц в то время. Разгонявший ту сходку помощник

пристава был ранен камнем, брошенным из толпы. Подобные случаи происходили не раз, и толпа, быстро воспитываясь в деле столкновения с властью, стала вооружаться уже не камнями, а револьверами. При попытке освобождения толпой демонстрантов из рижской губернской тюрьмы в августе 1904 года арестованных за распространение прокламаций лиц револьверными выстрелами был убит один полицейский городовой, и ранены помощник полицеймейстера и другой городовой.

Рядом с местными условиями на политическое положение Прибалтийского края оказывали сильное влияние события подобного же характера, происходившие внутри империи и особенно в столицах.

Известный «Гапоновский» инцидент в С.-Петербурге 9 января 1905 года отразился в Риге забастовками рабочих и требованием со стороны их закрыть торговлю в знак траура. В конце концов, волнения забастовщиков разразились 13 января демонстрацией на площади «картофельного рынка», близ рижского железнодорожного моста через реку Западную Двину. На этой площади вожаки рабочих организаций условились устроить «грандиозную» демонстрацию, в виде протеста за «избиение петербургских товарищей 9 января», и затем большими толпами итти в город разбивать магазины и лавки. Имелось в виду разгромить преимущественно оружейные магазины, чтобы запастись оружием для борьбы с полицией, и освободить из рижской губернской тюрьмы «политических заключенных». Для остановки шествия рабочих, в числе от 10 до 15 тысяч, полиция располагала вызванной наскоро полуротой учебного батальона, т.-е. 40 ружьями. Впрочем, и этого незначительного числа, вместе с несколькими полицейскими чинами, оказалось вполне достаточным, дабы сладить с 10—15 тысячами рабочего сброда. Увидев солдат, преграждавших проход из Фурштадтского предместья в город под железнодорожным полотном, рабочие со всех сторон окружили полуроту и полицейских. Когда они подошли и начали вырывать у солдат ружья, солдаты и полицейские чины, став в две шеренги на два фронта, открыли огонь пачками; со стороны полиции в этом столкновении был ранен помощник пристава, а из полуроты—8 солдат, в толпе же убито 70 человек, ранено до 200, и многочисленная толпа быстро рассеялась, обратившись в паническое бегство, так что масса попадала в реку, где значительное число утонуло.

Во втором после Риги по торгово-промышленному значению портовом городе края — Либаве (Курляндской губернии) — произошла 13 того же января общая забастовка рабочих на всех фабриках и заводах. Толпа забастовщиков с красными флагами выгнала с погрузки рабочих коммерческого порта. При этом убит револьверным выстрелом портовый жандармский унтер-офицер, бросившийся разгонять толпу. Никем не удерживаемая, толпа уничтожила городскую телефонную станцию, прервала телефонное сообщение Либавы с Гробиным, подожгла в ночь на 14 января публичные дома, разграбив имущество. Бесчинство толпы продолжалось до 25 января и прекра-

тилось лишь с началом работ на всех крупных фабриках. Начавшаяся 14 января на всех фабриках и заводах забастовка продолжалась до 28 числа. К демонстративным шествиям забастовщиков примыкали толпы праздничного народа и много воспитанников и воспитанниц учебных заведений города. Происходившие в обоих городах забастовки рабочих в Ревеле (4 забастовки и 3 сборища) прекратились вскоре, а в Виндаве продолжались с 17 до 26 января.

После поражения 13 января рабочие уже не пытались в Риге на массовые выступления. Однако забастовки время от времени продолжались, и происходили отдельные убийства и нападения на фабричное начальство и на должностных лиц полиции, т.-е. вообще такие преступления, которые принято называть «террористическими актами». Из заводско-фабричной администрации были убиты с февраля по октябрь 5 лиц, и ранены двое. За этот же период из чинов полиции убито 14 человек, и ранено 23.

В уездах террористическим действиям начались подвергаться, кроме полицейских и жандармских чинов, землевладельцы и управляющие имениями, затем православные священники и пасторы, волостные старшины, их помощники; волостные писаря и волостные учителя, не согласившиеся по требованию агитаторов оказывать содействие мятежу. Подобных лиц называли «шпионами», присуждали к смерти, и такие приговоры после предварительного извещения беспощадно приводились в исполнение. За указанное время убито таких лиц 7, и ранено 21. К террористическим актам присоединялись еще нападения для отбирания оружия с целью снабжения «боевых дружин». Вторжения в церкви в уездах с целью устройства в них митингов и для других революционных действий начались с 5 июня 1905 года, когда толпа напала на витаусскую кирку.

К тому же времени относятся разгромы и поджоги казенных винных лавок, сперва в видах нанесения «ущерба казне», а впоследствии — с простою целью ограбления, которая прикрывалась только политическими мотивами. В Рижском уезде таким образом разгромлены с 15 августа по 15 октября 6 винных лавок, из коих две сожжены.

В Курляндии происходили такие же проявления смут, как и в Лифляндии, но в более значительных размерах.

С апреля 1905 года Курляндской социл-демократической группой выпускались воззвания к сельско-хозяйственным рабочим с приказом готовиться к общей стачке и к вооруженному восстанию. Приказ этот был поддержан отправленными в селения шайками агитаторов со всяким сбродом. Шайки от 10 до 15 человек поднимали, где было можно, местный неблагонадежный люд. Благомыслящая же часть населения терроризировалась распространением в ее среде нелепых слухов и угрозами убийства и поджога усадеб в случае упорства усадьбовладельца и сельских батраков в сохранении старого порядка. Излюбленной темой слухов была «черная сотня», к которой принадле-

жали будто бы власти, помещики и пасторы, составившие заговор перебить всех латышей. Для защиты от черносотенных отрядов и нужно было будто бы отбирать оружие в замках, пасторатах, у полицейских и лесничих. Чтобы укрыться в своих разъездах от преследования полиции и не дать населению возможности проверить распространяемые слухи, агитаторы портили телеграфное и телефонное сообщения.

В период времени с 1 июня по 1 августа забастовка сельских рабочих достигнута агитацией только в 3 имениях. Столь ничтожное число сравнительно с 200-тысячной массой сельских батраков в Курляндии показывает, насколько консервативный вообще сельский житель трудно поддается внешнему влиянию, когда последнее направлено к изменению привычного существования его. Большею частью демонстрации, с красными флагами, революционными песнями и речами, устраивались сторонними людьми, которые пользовались обычными гуляньями «в зелень» и, являясь перед толпой латышей, произносили зажигательные речи и разбрасывали прокламации. 15 мая в имении Донданген, Виндавского уезда, разбрасывались красные флаги, с девизами на латышском языке: «Долой самодержавие!», «Долой дворян!», «Да здравствует свобода народа!». Почты подвергались ограблению, при разгроме винных лавок грабили деньги, посуду разбивали и здания поджигали. Нападали на имения и грабили, что было возможно, требуя прежде всего оружие. Нападая на волостные правления, толпы уничтожали царские портреты, архивы и дела, а одновременно шли террористические убийства и покушения на них. С 15 апреля по август 1905 года убито и ранено до 30 лиц. В парке имения Дондангена стреляли 24 июля в драгунского офицера, прострелили фуражку и контузили. Нарушено 5 июня богослужение в лютеранской кирке имения Грюнгоф, Добленского уезда; пастор Заземан прогнан, и взошедший вместо него на кафедру неизвестный произнес речь в оскорбительных для государя императора выражениях. В разных уездах поджигали принадлежащие частным имениям леса, барские дома и другие строения.

В городах Курляндии не отставали от уездов в производстве беспорядков. В Митаве еще 19 февраля 1905 года толпой демонстрантов требовалось прекращение занятий. После воззвания митавского революционного комитета 30 апреля бастовали все фабрики и заводы. В течение мая и июня было 5 террористических убийств. Также в Либаве происходили забастовки 5 и 7 февраля, 3-го же мая бастовали рабочие разных заводов и фабрик. С 6 февраля по 18 июня было до 20 террористических нападений, жертвами коих были жандармы, полицейские и другие лица. В казачий разъезд 12 июня брошена бомба, которая, однако, не взорвалась. В латышский молитвенный дом в Новой Либаве 1 июня ворвалась шайка разного сброда, при чем тяжело ранен пастор Гольдберг. В лесу около Виндавы с 19 мая производилось обучение революционеров стрельбе.

Происходившие в Курляндии беспорядки обратили на себя внимание центрального правительства, и 5 августа 1905 года объявлено военное положение в Курляндской губернии.

После объявления Курляндской губернии на военном положении продолжались нападения на волостные правления и училища, с уничтожением царских портретов и государственных гербов, а также не прекращались террористические акты. 14 августа в Фридрихштадтском уезде стреляли по полуэскадрону драгун из толпы, собравшейся на празднество «в зелени». 13 октября у Варденской корчмы, Гольдингенского уезда, произошло столкновение между толпой крестьян и разъездом драгун. Безземельные батраки с угрозами требовали раздела имений, и вообще военное положение не привело тогда Курляндию к тому умиротворению, которое имелось в виду этой экстренной мерой.

Положение Риги и Лифляндии после манифеста 17 октября 1905 года.

В Риге митинги в театрах, в общественных собраниях и на окраинах города достигали иногда,—как, например, происходивший почти без перерывов в Гризенбергском парке, на окраине Риги,—до 40 т. и даже до 50 т. человек. На митинги сгонялись снятые с работ городские и портовые рабочие, а также приказчики и прислуга; ходили на них чиновники и военные; образовывались группы, в которых на разных языках произносились противоправительственные речи отдельными лицами, большею частью евреями. Развевались красные и черные флаги, раздавались выстрелы и крики: «Долой царя!». Под сенью флагов формировали народные «боевые дружины», собирали деньги на вооружение и на содержание их, распределяли административные должности в крае и сговаривались, кого убить из представителей старого режима и «шпионов». При этом, конечно, сводились часто личные счеты.

Впрочем, как всюду и всегда, толпа, желавшая избавиться от одной старой власти, создала себе другую—новую—власть. Различие только в том, что последняя не признавала ни законов, ни общественных условий, ничьих прав, а лишь собственный произвол и насилие. Такая власть в Риге образовалась в виде «федеративного комитета» из делегатов местных революционных организаций, которые, в виду оказавшейся нежданно возможности открыто действовать против правительства, решили подчинить распоряжения своих партийных комитетов объединенному федеративному органу. «Рижский федеративный комитет», помещавшийся в доме латышского общественного собрания, а иногда в обществе «Ионафан» и других местах, не только руководил забастовками на фабриках и заводах, на почте, телеграфе и железных дорогах, но заправлял всею остановившеюся административною машиною. Он запрещал торговлю, езду на извозчиках, конфисковал деньги

и издавал обязательные постановления, манкировать которыми никто не смел, ибо это стоит слишком дорого, — каждый страшился за жизнь свою и близких и за безопасность имущества. У федеративного комитета были свои шпионы, следившие за исполнением его постановлений, а также за тем, не отзывается ли кто-либо оскорбительно об этом «новом правительстве» [1]). Из подонков общества и выпущенных на свободу арестантов появились темные личности, предлагавшие на улицах, не желает ли кто отделаться от своего врага; убийство оценивалось не больше 3 рублей, а иногда и дешевле. По окраинам города шла беспрестанная стрельба, так что шальная пуля, как и бывало, могла поразить каждого обывателя. Поэтому последний, выходя из дома, не знал, вернется ли он к своей семье, как равно не знал, застанет ли в живых и своих семейных, ибо агенты федеративного комитета врывались в квартиры, требуя контрибуции или отпуска прислуги на митинг, или просто для грабежа, под предлогом обыска и захвата «черносотенцев» и шпионов.

Ведая административною частью, например, окарауливанием улиц своими патрулями, и, между прочим, устанавливая для домовладельцев таксы на квартиры для рабочих и интеллигентов, «федеративный комитет» творил и суд, взамен закрытого по требованию малочисленной толпы коронного суда, при чем назначал даже защитников для своих подсудимых. Большею частью комитет постановлял смертный приговор, который безотлагательно в ту же ночь или на следующее утро приводился в исполнение на отдаленных улицах или за городом. Иногда же смерти подвергались даже без этого «суда». Например, назначенный начальником эшелона на Восток подполковник Левис-оф-Менар пристрелен только за то, что бросился защищать женщину, которую тащили с извозчика агенты «федеративного комитета» во исполнение обязательного постановления последнего об общей забастовке. Также застрелен корнет Холодовский известным разбойником Делинш, по кличке «Чем», который, будучи отличным стрелком, занимался стрельбой в людей в виде спорта.

Не только население, беспрекословно подчинявшееся «федеративному комитету», но даже агенты законного правительства находились как бы под гипнозом этого комитета. С ними осмеливались вступать в сношения коноводы бунта; например, известный глава железнодорожного забастовочного союза еврей «Максим» (Соколовский), который раньше был выслан в Архангельскую губернию, но возвращен после манифеста, нагло являлся к лифляндскому губернатору для «переговоров». Каждый день приходили к властям депутации от разных митингов и собраний, называвшие себя «представи-

---

[1]) За подобный отзыв в рижском ресторане «Tivioli» 3 лица (Мирам, Энгельгардт и Крегер) были арестованы, подвергнуты суду и расстреляны на «песках». Мирам не был убит, а только сильно ранен, подобран своими родными и впоследствии вылечился. *(Прим. подлин.)*.

телями граждан», предъявляли требования или об отмене военных патрулей, или о снятии полицейских постов, или о повышении заработной платы и т. п. Большею частью заявления даже не относились к компетенции властей и представлялись непоследовательными со стороны тех самых, кто провозглашал низложение этих властей.

Между тем положение становилось довольно серьезным, когда военная организация проникла в Усть-Двинскую крепость, на которую революционеры обращали особенное внимание и где специальные роды оружия были сильно распропагандированы. В местечке Больдераа, рядом с крепостью, находился ответственный организатор-пропагандист, сын статского советника Атабеков. Там же устраивались митинги, на которые собирались крепостные нижние воинские чины. В конце концов, только расположение в Больдераа пехотного батальона и бдительный надзор за артиллеристами, минерами и саперами со стороны офицеров и крепостной жандармской команды, а также арест солдат-центровиков военной организации предупредили открытый бунт и взятие крепости в руки революционеров. После этого ареста Атабеков и более 20 нижних чинов, примкнувших к усть-двинской военной организации, бежали.

В Риге все ожидали разгромов, и некоторые жители скрывались по знакомству в квартирах иностранных консулов. В рижскую пристань был прислан шведским правительством минный крейсер, который увез из Риги своих подданных, опасавшихся остаться в этом городе, а бунтари, не ограничиваясь пристреливанием полицейских, стали стрелять по казачьим и драгунским разъездам [1]). Благоразумная часть населения Риги, однако, шла навстречу порядку и лишь на первое время поддалась террору. Вскоре же благомыслящею его частью организована самооборона (Selbstschütze) и основано «общество соседской помощи» (Nachbarhilfe). Эти общества, насчитывавшие не более 1.500 членов, внушили, однако, революционным организациям большую боязнь, так как они давали отпор последним.

В уездах Лифляндской губернии террор усиливался. С освобождением после манифеста из мест заключения арестованных с помощью войск в августе и сентябре 1905 года за противоправительственную агитацию, за участие в шествиях с красными флагами, снятие рабочих в экономиях и пр., на преданную порядку часть населения, из которой вызывались свидетели для уличения виновных, напал ужас; бывшим свидетелям посылались угрожающие письма и затем безжалостно убивали, оставляя записку: «Шпиону собачья смерть». Террористическим действиям вскоре после манифеста подверглось 12 лиц, из коих 4 помощника уездных начальников, 2 помощника

[1]) Например, в конце октября, днем, из Верманского парка, почти в центре Риги, обстреливали драгунский разъезд в 6 нижних чинов, из коих было ранено 2 и убито 2 лошади. *(Прим. подлин.)*.

и 3 управляющих имениями, из остальных учитель и полицейские урядники.

Прибывшие летом 1905 года в Лифляндскую губернию для содействия гражданской власти воинские чины распределялись администрацией, согласно ходатайствам помещиков, в их имениях малочисленными командами, плохо снабженными патронами. Пользуясь этим, коноводы мятежа старались вызвать столкновения между военными отрядами и волнующимися сельскими обывателями. Так было, например, 5 ноября 1905 года в замке Ригмундсгоф, Рижского уезда, где находилась команда из 12 человек 9-го драгунского Елисаветградского полка, под начальством унтер-офицера. Собравшаяся у замка толпа требовала освобождения двух арестованных полицией подстрекателей, и после сделанных из толпы выстрелов, одним из коих был ранен драгун, полиция уступила домогательству толпы, освободив арестованных. При этом полиция настояла, чтобы военные команды не употребляли в дело оружия, на том основании, что вооруженная толпа в 200 человек могла перебить как драгун, так и обитателей замка и разгромить последний. Подобные уступки, поселяя в повстанцах уверенность, что в «народ» не смеют и не будут стрелять, побуждали их к более наглым посягательствам, производя вместе с тем удручающее впечатление на воинские части и распространяя террор в населении.

Большой вред раздробления воинских частей на малочисленные команды обнаружился вскоре при нападении вооруженных повстанцев на команду в 8 драгун, находившуюся в Кейпене, Рижского уезда. Из этой команды убит начальник ее корнет Козлянинов, один драгун, двое ранены, и остальные обезоружены.

С усилением мятежа стали при нападении повстанцев подвергаться урону и более крупные воинские части, как, например, было при следовании из Ремерсгофа в Ригу эскадрона 9-го драгунского Елисаветградского полка, под начальством ротмистра Штерна. В Ленневардене 27 октября повстанцами была устроена засада этому эскадрону при проходе его между р. Западной Двиной и железнодорожным полотном, где находился, под командой помощника начальника железнодорожной станции Пегаса, боевой поезд мятежников. При обстреле последними убито два драгуна и 38 ранено. Под ротмитстром Штерн убита лошадь, и он взят в плен. Хотя эскадрон прорвался и прибыл в Ригу, но бывшие под охраной эскадрона помещики, уездные полицейские должностные лица и обоз остались в руках повстанцев, которыми многие из пленников убиты и расстреляны.

С 14 ноября в Риге, в помещении частного училища Кельми, созывался из народных учителей, примкнувших к «освободительному движению», съезд, на который был послан член от петербургского учительского союза. Произнесенная этим эмиссаром речь характерно определяет распространенные тогда между сельскими педагогами взгляды на назначение народных учителей: «учителя должны участво-

вать во всеобщей революционной борьбе и принадлежать к социал-демократической рабочей партии, которая есть настоящая народная партия. Без опоры на последнюю не может быть и речи о реформе народных училищ» [1]). Делегат на том же съезде от Рижского федеративного комитета Дерман говорил: «Наука должна революционировать детей, чтобы они вступили в жизнь просвещенными». Одно из постановлений учительского съезда говорило об отправке в Москву 1.000 рублей «для поддержки боровшегося там пролетариата». Съездом выбран был исполнительный его орган — «центральное учительское бюро» из 15 лиц, между коими было 6 учителей и одна учительница рижских городских частных училищ, гимназий и торговой школы, прочие семь членов принадлежали к литераторам, и один (Розен) состоял пастором военного ведомства. «Центральное учительское бюро» превратилось в революционный орган, от имени и за печатью которого делались угрозы с вымогательством денег и совершались террористические убийства в течение всего 1906 года.

В первых числах того же ноября открыт был в Рижском замке, с разрешения губернатора, съезд волостных старшин и писарей Лифляндской губернии для изыскания мер к умиротворению населения. Этим воспользовались революционеры и 21 ноября открыли второй съезд под председательством кокенгузенского волостного писаря Кродера. В конце своих заседаний этот второй съезд обратился в незаконное сборище, на котором приняли участие и делегаты от Курляндской губернии. Съезд стал как бы временным правительством, решив прекратить какие бы то ни было сношения с законными властями и должностными лицами, и издал постановление о вооруженной защите населения.

После съездов пошел открытый мятеж в губернии. Почти всюду начались сборища, на которых заезжие агитаторы призывали крестьян к вооруженному восстанию, к изгнанию помещиков, образованию народного управления и пр. Тогда, несмотря на протесты стариков и усадьбовладельцев, стал хозяйничать в селениях крестьянский пролетариат, в одних волостях под главенством волостного учителя, в других — псаломщика, а в иных — волостного старшины или писаря. Тут сказались специальные свойства характера латышей: отсутствие религиозных чувств и уважения к старшим, даже к родителям. Все, начиная с бога, подвергалось отрицанию; всем, несогласным с общим течением, угрожалось, и, в случае упорства в протесте, на угрозах не останавливались, — жизнь человеческая ставилась ни во что.

На революционных митингах в волостях, собиравшихся в доме волостного правления или школы, смещались законные волостные правления и взамен их избирались самовольные «исполнительные»

---

[1]) Отчет о заседаниях в рижском революционном вестнике «Deenas Cap» за № 252. (*Прим. подлин.*).

или «распорядительные» комитеты — «Rihzibas Komiteja». Подобных комитетов, называющихся в некоторых волостях «республиками», было в латышских уездах Лифляндской губернии около 100. На обязанности их возлагалось принятие касс и книг от прежних волостных правлений, взимание волостных податей и сборов (в том числе на покупку оружия), отобрание оружия в имениях, у полицейских и лесных чинов, организация милиции, закрытие корчм и казенных винных лавок, управление имениями и лесами и пр. Насколько крепко было убеждение агитаторов в невозможности возврата к старому режиму, показывает то, что некоторые «Rihzibas Komiteja» заказали бланки талонных книг для взимания волостных сборов на целое десятилетие. Одни из волостных выбранных искренно верили в новую их миссию; например, в прекульнском волостном правлении, Венденского уезда, на сходке 22 ноября 1905 года состоялось постановление о приобретении за счет волостной кассы на 2.000 рублей огнестрельного оружия и патронов для защиты от нападения «черной сотни». Наоборот, другие воздержались от принятия на себя новых обязанностей и, только подчиняясь террору, не противились избранию.

Из решений незаконных народных митингов выдаются постановления:

Зегевольдского (Рижского уезда) 9 ноября 1905 года: «Не ходить в церковь и не платить податей в пользу пастора впредь до отмены патронатного права»... «предложить местному пастору оставить должность».

Ленневарденского (того же уезда): «Прекратить всякое сообщение с бюрократическими учреждениями, пока не будет объявлено созвание государственного Учредительного Собрания». «Всякий, кто не исполнит постановлений волостного народного собрания, будет признан изменником народным правам».

Такими изменниками «народные собрания» признавали прежде всего помещиков, и на их имения обратились мятежники, громя замки. Вечером 16 ноября толпа в несколько сот человек, собравшись в Сесвегене, Венденского уезда, бросилась на замок барона Вольфа, с требованием выдачи оружия. В замке находились тогда управляющий Адальберт Адеркас, его старший брат помощник начальника уезда Евгений Адеркас, затем — доктор, лесничий, бухгалтер имения и подпоручик с солдатами, охранявшими замок. Старший Адеркас, вступивший в переговоры с латышами, пообещал им 5 ружей. Шайка как будто удовлетворилась этим, но вскоре раздались возгласы недоверия, и толпа яростно потребовала выдачи «всего оружейного склада», ибо в то время распространялись вздорные слухи, что в каждом замке заготовлены склады оружия для избиения латышей. Не взирая на заверения, что никакого оружейного склада нет, толпа приступила к обыску. Братья Адеркас кинулись было в свои комнаты, но были настигнуты, сшиблены с ног и зверски убиты. Бунтовщики изломали всю мебель, уничтожили царские портреты и, забрав деньги

и оружие, скрылись. Нападение это имело значение как бы сигнала для других подобных разгромов, и, видя по участи Адеркасов явную и грозную опасность себе, многие помещики спешили оставить свои имения, уезжая в Ригу и за границу, и отправляли туда свои семьи, а затем стали покидать местопребывания и должностные лица уездной администрации и полиции, направляясь также в Ригу. Когда обо всем этом дошли сведения до высшего правительства, последовал высочайший указ 22 ноября 1905 года, объявивший Лифляндскую губернию на военном положении.

Смута в Эстляндии.

Охватившее почти всю Россию революционное возбуждение в Эстляндской губернии проявилось несколько позднее, нежели в остальных Прибалтийских губерниях, при чем в некоторых местностях противоправительственное направление укрепилось на довольно продолжительное время.

В ревельском городском общественном управлении, вследствие непредусмотрительности и попустительства губернской администрации, дано было в 1904 году преобладание группе из неблагонадежных в политическом отношении членов эстонской национальной партии. Главари последней вытеснили из городского общественного управления господствовавших ранее немцев, забрав все в свои руки. В действиях они руководились отнюдь не соображениями пользы населения города, а исключительно личными видами и революционными целями. Из таких деятелей выдавались особенно ревельский городской голова — русский, действительный статский советник Гиацинтов, Лендер, заступающий на место ревельского городского головы Пятс, секретарь городской управы Пунг (адвокат), гласные думы Темант, Штрандман и Поска. Из них Константин Пятс, бывший редактор революционной газеты «Theolaja», разработал программу эстонской конституционно-демократической партии в ревельской городской думе, при содействии старшего фабричного инспектора Эстляндской губернии Николая Шевелева, а также некоторых других лиц. Прикрываясь этой партией, а равно служебным положением, Пятс, вместе с Темант, Пунг и Штрандманом, проявили деятельность совершенно революционного характера, выражавшуюся в совместных действиях с членами ревельского комитета Российской социал-демократической рабочей партии и в участии в тайном комитете, задавшемся целью путем восстания добиться автономных прав для Эстляндии, подобно Лифляндии.

Кроме Ревеля, из отдельных местностей обращали на себя внимание беспокойные местечки Леаль и Мерьяма, Гапсальского уезда, с Фикельской и Фелькской волостями; затем — местечки Ампель, Вейсенштейнского уезда, Иеве и Иоахимсталь, Везенбергского уезда. В Фикельской и Фелькской волостях летом 1905 года было совершено нападе-

ние на судебного пристава, которому поручалось произвести выселение из крестьянского участка арендатора Айцима. Беспорядки возобновились в сентябре того же года и вызвали отправку на место военной силы.

В Ревеле, где сверх 80.000 жителей находится до 15 т. фабрично-заводских рабочих, революционное настроение выражалось в требованиях освобождения арестованных. Допущенная в этом отношении губернатором поблажка имела своими последствиями постоянные забастовки и митинги. Первых было в феврале и марте 18, а вторых с марта по сентябрь — 62.

Накануне манифеста 17 октября 1905 года, в виду получения в Ревеле из С.-Петербурга известия о готовящемся издании важного акта со стороны высшего правительства, на ревельском городском рынке собрались толпы народа. Полиция была не в состоянии разогнать их, и вызванные к месту две роты местного гарнизона рассеяли волновавшихся оружием, при чем убито и ранено до 300 человек. Эта решительная мера имела большое значение для будущего, предотвратив дальнейшие массовые выступления в Ревеле.

Одновременно замечено брожение в полках 1-й бригады 23-й пехотной дивизии, где находилось много запасных нижних чинов из эстонцев Верроского уезда, Лифляндской губернии, и шло также движение среди морских команд. В прокламациях, издававшихся тогда в Ревеле, открыто призывали к восстанию матросов и солдат по примеру Севастополя. В виду сего и событий в Кронштадте и Севастополе последовали: приказ по с.-петербургскому военному округу об увольнении запасных и распоряжение морского министра о рассылке матросов из Ревеля в разные порты. Тогда настало успокоение в частях ревельского гарнизона.

К началу беспорядков в уездах наличный гарнизон Ревеля составляли части пехотных полков (около 600 штыков) и сотня казаков, выполнявшая охранную службу. Силами этими были охранены Ревель и Ревельский порт, овладение которым входило в планы революционеров.

В некоторых городах и уездах расположены были военные команды (всего 1 эскадрон). Кроме того, по ходатайству эстляндского губернского предводителя дворянства выставлены были небольшие пехотные заставы (в 15—20 человек) на путях, идущих из Ревеля в уезды, дабы заградить движение шаек из этого города, как очага эстонской революции, в уезды. Однако вскоре было получено приказание о сосредоточении войск в Ревеле, с отозванием пехотных застав из имений и драгун из уездных городов. Лишь только заставы были сняты, как из Ревеля хлынули зачинщики в уезды, сформировали там шайки и начали грабить и жечь усадьбы. В погоню за шайками было послано несколько отрядов из драгун и пехоты. Они действовали энергично, рассеивая шайки, но помешать разгрому имений не могли.

Когда некоторые имения были разгромлены и сожжены, получены были подкрепления в составе 2 морских батальонов, губерния была разбита на 8 участков, в каждый из них назначено около 100 матросов; во главе участка поставлен военный начальник, с подчинением ему гражданских властей.

В течение октября и ноября зарегистрировано забастовок—33, митингов—10, разгромов и поджогов имений и винных лавок—56.

Весьма серьезное значение в деле революционизирования крестьянского населения Эстляндии имел так называемый Юрьевский съезд, созванный 27—29 ноября 1905 года в Юрьеве. На съезде вместе с представителями от волостей участвовали и ревельские революционеры во главе с Темантом, предложившим программу действий в деревнях и городах для ниспровержения существующего государственного строя.

К концу ноября 1905 года количество революционных преступлений повысилось в Риге таким образом:

	В сентябре.	В октябре.	В ноябре.
Убийств и покушений на убийства . .	38	18	66
Вооруж. уличн. нападений	27	30	55
Ограбл. учрежд. и казенн. винн. лавок	4	10	8
Ограблений частных жилищ	—	6	14
Итого	69	64	143

Начавшиеся несколькими месяцами раньше и в незначительных размерах в Курляндии поджоги строений в помещичьих имениях достигли в ноябре 1905 года никогда небывалого явления во всех трех Прибалтийских губерниях. Это видно из следующих данных, при чем показаны по каждому уезду и суммы выданных в конце 1906 и начале 1907 г. г. ссуд из казны потерпевшим от беспорядков помещикам, на основании высочайшего повеления 15 марта 1906 года.

В Лифляндской губернии разгромлены и сожжены замки и имения:

В уездах.	Число имений.	Сумма убытков.	Количество выданных сумм.
Рижском [1]).	69	1.430.800 р.	338.000 р.
Вольмарском	20	188.100 »	36.299 »
Венденском	60	1.725.300 »	375.000 »
Валкском	34	487.200 »	73.500 »
Юрьевском	19	67.300 »	—
Верроском	10	32.400 »	—
Перновском	13	290.500 »	80.000 »
Феллинском	5	17.400 »	—
Итого 230 имений с убытком: на . .		4.239.000 р.	902.790 р.

[1]) Всего в этом уезде 130 имений, а потому подверглось разгрому и сожжению более половины. (*Прим. подлин.*).

Из этой таблицы видно, что в последних четырех уездах с эстонским населением число разгромов и сумма убытков много уступают первым 4-м уездам, в которых обитают латыши.

В Курляндской губернии частью разгромлено, частью сожжено больше всего замков и имений и на высшую сумму в Газенпотском уезде, где латышское население было настроено весьма мятежно; одинаково и в Туккумском уезде, населенном православными латышами и русскими старообрядцами.

Уезды:	Число имений.	Сумма убытков.	Выданная ссуда.
Газенпотский	51	2.239.061 р.	427.414 р.
Туккумский	24	1.359.185 »	93.132 »
Гробинский	22	389.070 »	103.039 »
Виндавский	5	323.852 »	57.249 »
Добленский	16	249.890 »	63.026 »
Тальсенский	42	181.570 »	28.756 »
Гольдингенский	46	177.771 »	58.084 »
Фридрихштадтский	12	75.146 »	4.300 »
Иллукстский	11	18.173 »	—
Всего по губернии	229	5.013.718 р.	833.000 р.

Таким образом, количество разгромленных и сожженных имений в Лифляндской и Курляндской губерниях почти тождественно: в первой 230, а во второй 229. Между тем сумма понесенных владельцами усадеб убытков в Курляндской губернии превышает такую же сумму в Лифляндской на 775 тысяч рублей. Это объясняется сильным ожесточением курляндских латышей против своих помещиков, достояние коих они стремились во что бы то ни стало уничтожить. Например, от прекрасного замка Кацданген, Газенпотского уезда, барона Мантейфель остались только руины, уничтожена ценная старинная мебель, оружие, библиотека, картины, дорогие коллекции и т. п.

В Эстляндской губернии разгрому и истреблению огнем подверглись:

Уезды.	Число имений.	Сумма убытков.	Выданная ссуда.
Ревельский	81	1.755.449 р.	256.795 р.
Гапсальский	23	913.783 »	151.300 »
Вейсенштейнский	8	135.092 »	36.010 »
Везенбергский	2	571 »	—
Итого	114	2.804.896 р.	444.105 р.

Впечатление от таких массовых разгромов и поджогов было ошеломляющее. Достояние многих дворянских поколений, накопленное веками, богатые древние здания замков, хозяйственные усовершенствования, дорогие библиотеки и картинные галлереи, всякие коллекции оружия и изящных искусств — все это грабилось и обращалось в дым. Утрат было много, не говоря о связанных с ценными коллекциями родовых традициях и семейных воспоминаниях.

Меры против мятежа.

В виду телеграммы лифляндского губернатора от 27 ноября 1905 года об опасном, при 60 тысячах восставших, положении Риги с малым ее гарнизоном, министерство внутренних дел 29 числа того же месяца вошло в сношение с военным министерством о том, «чтобы все свободные в петербургском округе воинские части были немедленно двинуты в Лифляндскую губернию, в распоряжение местного генерал-губернатора Бекмана, для подавления в этой губернии крестьянского бунта».

Вслед затем в телеграмме от 30 ноября тайный советник Звегинцев сообщил управляющему тогда министерством внутренних дел сенатору П. Н. Дурново, что «войска при столкновении с бунтовщиками несут потери среди офицеров и нижних чинов».

По докладе этой телеграммы государю императору, на ней была наложена его императорским величеством следующая высочайшая резолюция:

«Не следует дробить войска мелкими частями, а держать их вместе и действовать решительно».

В один день с лифляндским губернатором, 30 ноября, начальник рижского гарнизона генерал-лейтенант фон-Поппен доносил государю императору, что «Рига... совсем отрезана вследствие забастовки железных дорог, почты и телеграфа и восстания населения во всех прилегающих уездах... В самом центре города не прекращаются случаи единичных убийств и грабежей. Революционные элементы совсем терроризовали население, беспрекословно исполняющее все их требования... Наличность боевых сил, могущих быть применимыми в случае общего вооруженного восстания, — 1.700 штыков, 250 сабель и 12 орудий... Пулеметов нет... Войска изнуряются непосильными нарядами и постоянно тревожным состоянием... Бумажные деньги в обращение стали приниматься с трудом. Незначительные кавалерийские отряды, высланные в уезды для усмирения, понесли потери убитыми и ранеными офицерами и нижними чинами... Некоторые части уездов предоставлены на произвол судьбы. Почти все помещичьи усадьбы разгромлены; помещики с их семьями вынуждены частью спасаться бегством в города, частью же скрываются в лесах».

Для восстановления вновь правительственной власти и порядка в уездах генерал фон-Поппен признавал нужным «немедля прислать два полка пехоты, 8 эскадронов и 16 орудий»; иначе не считал возможным «предупредить дальнейшее восстание и предотвратить завладение Ригой со стороны мятежников».

Удостоив рапорт генерал фон-Поппена резолюцией: «Следует исполнить заключение рапорта», государь император соизволил повелеть немедленно обсудить вопрос о восстановлении порядка в Курляндской и Лифляндской губерниях в особом, под председательством великого князя Николая Николаевича, совещании с участием началь-

ника генерального штаба и назначенного высочайшим указом 4 декабря 1905 года на пост временного прибалтийского генерал-губернатора генерал-лейтенанта Соллогуба.

Последствием такого обсуждения была отправка в Ригу поезда с войсками для усмирения беспорядков из Вильны, но мятежники устроили ему крушение близ Штоксмансгофа, и он вернулся обратно. По сему поводу губернатор лифляндский донес министру внутренних дел, что «поезд осажден огромною толпою бунтовщиков из Риги и выручить его нельзя. Восставшее население двинется на город; для спасения Риги требуются немедленно войска».

Витебский губернатор от 6 декабря сообщал министру внутренних дел:... «в прилегающих к Витебской губернии местностях Лифляндии и Курляндии полная анархия... полиция бессильна остановить отлично вооруженных дальнобойным оружием многочисленные банды мятежников, перед которыми отступают регулярные войска. Земские начальники Двинского уезда, следователи не могут выехать в участки, где их никто не признает» [1]).

Захватывая в плен коренных жителей, мятежники взяли в уездах некоторых иностранных подданных, о чем поступили заявления со стороны консулов с усиленными просьбами об оказании защиты.

Эзельский предводитель дворянства телеграфировал 13 декабря 1905 года управляющему министерством внутренних дел П. Н. Дурново об «ужасных» размерах смуты на острове Эзеле и о настоятельности принятия самых экстренных мер.

Штурм Митавы и Туккума.

Успеху действий генерал-лейтенанта Бекмана много препятствовали прервание сношений с Петербургом и затруднительность передачи распоряжений в Курляндии вследствие забастовки с 15 ноября 1905 года почты и телеграфа, а также порчи телефонных сообщений и остановки 24 числа того же месяца движения по железным дорогам от Митавы.

Считая местную власть ослабевшею, вожаки мятежа издали прокламацию с приказом двигаться вооруженными отрядами милиционеров на «штурм» Митавы, как говорили тогда в народе. В предупреждение наплыва мятежников в Митаву были расположены заставы на всех путях к городу; все власти сосредоточились в Герцогском замке, под охраной отряда из трех родов оружия.

Вновь прибывший курляндский губернатор тайный советник Князев решил отрезвить городскую уличную толпу, которая держала себя вызывающе, бросала камни и стреляла в войска. В этих видах 28 ноября казаки и рота 114 пехотного Новоторжского полка открыли

---

[1]) Письмо министру внутренних дел генералу Соллогубу от 8 декабря 1905 года за № 15655. (*Прим. подлин.*).

огонь по толпе, а казаки пошли в атаку. В толпе было убито от 10 до 15 человек и ранено около 30; войска же потери не понесли. На другой день мятежники произвели неудачное нападение в Гофцумбергском лесу на эскадрон 6-го лейб-драгунского Павлоградского полка, потеряв убитыми, ранеными и пленными более 20 человек.

Убедившись, что власть в Митаве начала «действовать», мятежники оставили намерение занять этот город и бросились на Туккум. Оттуда 1 декабря получено было в Митаве донесение командира 15-й роты 180 пехотного Виндавского полка, доставленное приехавшим верхом переодетым солдатом, о том, что «Туккум в руках революционеров; драгуны [1]) окружены, рота не могла с ними соединиться, офицер и 6 нижних чинов ранены; рота отступила в замок Дурбен».

Немедленно отправлены в Туккум 3-й батальон 180 пехотного Виндавского полка, 2 орудия 76 артиллерийской бригады и один эскадрон Павлоградского полка, под начальством командира 2-й бригады 45 пехотной дивизии генерал-майора Хоруженкова.

В Туккуме оказалось, что районный начальник подполковник Миллер вошел в соглашение с городским головой о невысылке военных патрулей и о предоставлении охраны города обществу городской самозащиты. Воспользовавшись этим, мятежники окружили проволочными заграждениями казарму и конюшню полуэскадрона и подожгли их. Солдатам пришлось спасаться от огня, и тогда по ним был из всех домов открыт огонь. Несмотря на беззаветную храбрость солдат, которые, даже раненные, стреляли в мятежников, войска понесли потери; убиты подполковник Миллер, 6 драгун и 30 лошадей; ранены 3 офицера, 5 нижних чинов пехоты, 18 драгун и 6 лошадей. Раненных драгун революционеры прирезывали; все трупы были изуродованы; на них были сделаны ругательные надписи; у подполковника Миллера отрезан нос и выколоты глаза.

Отрядом генерал-майора Хоруженкова вечером 1 декабря дано было несколько залпов в окна зданий города, из коих стреляли по отряду, затем выпущены гранаты, и мятежники бежали. С рассветом 2 декабря генералом Хоруженковым был послан в город латыш, захваченный ранее с семьей в качестве заложника. Ему дано письменное требование жителям — выдать к 10 часам утра 2 декабря оружие и виновных в убийстве драгун, с предупреждением, что в противном случае город будет разгромлен артиллерией и сожжен. Вернувшийся латыш передал, что революционеры, прочитав записку генерала, расхохотались. Когда артиллерия выехала на позицию против латышского собрания и небольшой смешанный отряд пехоты и драгун повел наступление, то из города прибыл верхом на коне латыш с белым флагом и подал генералу записку об уводе войск, с обещанием полного порядка в городе, выдачи оружия и зачинщиков. Явив-

[1]) Кроме пехоты, в Туккуме стоял полуэскадрон 4 драгунского Псковского полка. (*Прим. подлин.*).

шиеся тут же делегаты просили не стрелять и не жечь города [1]), объяснив, что многие злоумышленники разбежались ночью, что в городе остались только мирные жители, которые просят пощады. В виду такого ходатайства и недостатка снарядов генерал Хоруженков, прекратив действия против города, вступил в него с отрядом. Жители, встретив отряд на коленях, с хлебом-солью, со священником и образами, клялись, что сдадут оружие как революционеров, так и отобранное от драгун. Генерал хлеба-соли не принял, а после молебствия на площади взял трупы убитых полковника Миллера и драгун и возвратился на станцию «Туккум 2-й». Через час было привезено и сдано незначительное количество оружия. В тот же день, вечером, под прикрытием роты 114 пехотного Новоторжского полка, был отправлен в Митаву санитарный с убитыми и ранеными поезд, который прошел 52 версты в 13 часов по причине злоумышленной порчи моста и в трех местах пути. Торжественные похороны воинских чинов состоялись в Митаве 4 декабря.

После того, предприняв карательныя действия против других местностей, генерал Хоруженков послал в Тальсен захваченного учителя с требованием к представителям этого города явиться к нему. Представители, прибыв 4 декабря, заявили, что жители изъявляют полную покорность и выдадут оружие и зачинщиков. Тем не менее при входе в Тальсен дозоров они встречены были выстрелами. Тогда корнет Луговой приказал поджечь дома, из которых открывали огонь.

В Виндаве ходили по улицам толпы с красными знаменами. В экстренном заседании Государственной Думы 28 ноября возбуждено домогательство о снятии военного положения и выводе из города войск. — Происходили постоянные митинги, на которые приглашались местные главари революционного движения. Виндавские революционеры [были] до того смелы, что потребовали от начальника района подполковника 114 пехотного Новоторжского полка Станкевича вывода войск, что и было исполнено.

В Гольдингене хозяйничали с декабря революционеры, был убит городской голова, и стреляли в полицейского пристава. Для вывоза денег и документов из гольдингенского казначейства был командирован из Газенпота отряд из двух эскадронов 50 драгунского Иркутского полка под начальством ротмистра Альбовского. Между тем, с целью овладеть казенными деньгами собралась и засела в лесу близ Газенпота шайка в 500 вооруженных батраков, которые разграбили станцию «Мариенгоф» и стали портить железнодорожный путь от Газенпота в Либаву. Ротмистр Альбовский, двинувшись с эскадроном и двумя ротами, выбил шайку из лесу и рассеял ее: латышей убито 40, в отряде же убит один драгун и 6 ранено дробью. В Гольдинген впоследствии был направлен отряд под начальством полковника, ныне

[1]) Некоторые здания были подожжены отрядом. (*Прим. подлин.*).

генерал-майора, Солонины, который, не получив никаких указаний для своих действий, принимал многое на свою ответственность, чем и достиг значительных результатов в деле водворения порядка. В числе других мер он сменил гольдингенского уездного начальника статского советника барона Ропп, обнаружившего полное бездействие и допустившего по своей трусости арест революционерами своего помощника Дятловского, расстрелянного злоумышленниками в Либаве за то, что последний энергично против них действовал и один лишь в уезде не поддался панике, обуявшей представителей власти в уездах.

Военные экспедиции.

Забастовка железных дорог прекратилась после 19 декабря 1905 года; затем начали действовать телеграф и почта. Все это дало возможность послать экспедиции в те уезды и волости губерний, где до тех пор главенствовали мятежники. Проходившие разными путями эскадроны производили аресты, убивая сопротивлявшихся и пытавшихся бежать, а равно тех, у коих по обыску оказывались прокламации, оружие и т. п. Вместе с тем делались облавы в лесах и обыски в усадьбах; некоторые из последних в случае указаний со стороны помещиков или управляющих имениями на подозрительное поведение крестьян сжигались войсками, а сами крестьяне расстреливались. Всюду отбиралось оружие и восстанавливались законные власти в волостях. С приходом войск появились полицейские и другие уездные власти, которые скрывались во время волнений. Тогда же оказалось много желающих из числа местных землевладельцев-немцев поступить на полицейскую службу в качестве почетного младшего помощника уездного начальника. Подобные добровольцы в числе других обязанностей находились при карательных отрядах для путеводительства последних, для переводов с латышского при допросах и для указаний виновных в погромах и других преступлениях. Стычек с шайками мятежников не происходило; объясняется это тем, что сведения, доставляемые полицией, не всегда были верны, а иногда прямо противоположны действительности; видимо, полиция наводилась на ложный след. Кроме того, всюду было много шпионов, а потому движения войск не могли быть скрытыми. Мятежники организовали сигнализацию фонарями. По временам появлялись в населении вооруженные злоумышленники, которые грозили убийством и поджогами. Предводители и главные агитаторы могли быть выданы, если бы жители, указавшие главарей, не рисковали быть убитыми из мести. Во всяком случае, поимка агитаторов вследствие разбросанности поселков — мыз — требовала продолжительного времени.

С началом забастовки Балтийской железной дороги эстляндским губернатором, на основании высочайшего указа 29 ноября 1905 года, объявлены на военном положении г. Ревель и его уезд, а 10 декабря и вся Эстляндская губерния.

Вступление в должность главного начальника края генерал-лейтенанта Соллогуба с полномочиями центрального правительства произвело ободряющее впечатление как на местные власти, так и на жителей. Преданная порядку часть населения, питая надежду, что он восстановит, наконец, желаемый порядок, сама начала стремиться к поддержанию последнего. Тем не менее террор не мог сразу прекратиться. В самой Риге 20 декабря, в 6 часов утра, подвергся неожиданному нападению расположенный на заводе «Проводник» взвод Елисаветградских драгун, из коих было убито 11 и 7 ранено. Завод был оцеплен войсками, и по истечении данного для выдачи зачинщиков срока открыт огонь артиллериею. Затем вторично предложено выдать зачинщиков; далее приказано выпустить женщин и детей, а 1.500 мужчин арестовать; многие из них оказались вооруженными. Рабочие назвали имена 20 виновников нападения, и тогда, после краткого опроса, они были освобождены, за исключением зачинщиков.

Нападения на солдат в Риге были заурядными, особенно на одиночных; на них набрасывалось несколько злоумышленников с целью убийства и ограбления казенного оружия, что почти всегда удавалось. С должностными лицами полиции революционеры поступали беспощадно. Так, в заречном участке Риги толпа в 50 человек напала неожиданно на проходивших помощника пристава Поржицкого, околоточного надзирателя Борисовича и 8 городовых. Последние были обезоружены и отведены к полотну железной дороги; Поржицкий, Борисович и городовой Бунше расстреляны, остальные городовые спаслись бегством.

Прекращение беспорядков.

Массовые беспорядки были подавлены; нападения на помещичьи имения, разгромы и поджоги, а также нападения на железнодорожные станции прекратились.

В районе к югу от железной дороги Рига — Псков совместными усилиями отрядов генералов Орлова и Майнарда порядок был восстановлен, и местное население стало вносить подати, от чего раньше отказывалось. То же достигнуто и в полосе, прилегающей к Рыго-Орловской железной дороге, где действовал отряд генерала Вендт. Началась обычная жизнь населения, подвоз продуктов из селений на городские базы; к воинским начальникам стали являться добровольно новобранцы, до той поры не прибывшие. Отдельные волости присылали через уполномоченных и письменное заявление о своих заблуждениях, о восстановлении ими законных властей, о собственных мероприятиях для поддержания порядка, выражая благодарность войскам за освобождение их от гнета и насилия злоумышленников, явившихся извне и чуждых волостному населению. Делегаты многих волостей изъявили полную покорность, обязуясь исполнить тре-

бование, объявленное генерал-губернатором 12 декабря 1905 года, о выдаче оружия и об указании лиц, присвоивших себе обязанности по местному управлению. Нередко по требованиям отрядов население само выдавало зачинщиков и добровольно сдавало оружие и даже оказывало помощь войскам, устраивая облавы в лесах для поимки агитаторов. Последним дворохозяева отказывали иногда в приеме, не боясь угроз.

К концу января 1906 года расстреляние войсками захваченных бунтарей было прекращено. По этому поводу главный военный прокурор уведомил генерала Соллогуба, что, по «всеподданнейшему докладу статс-секретаря графа Витте, 23 января 1906 года высочайчайше повелено указать командующим войсками, что участники мятежа, не подвергшиеся истреблению со стороны войск на самом месте оказанного ими вооруженного сопротивления или совершенных ими злодейств, переданные войсками в распоряжение подлежащих властей, не могут быть изъяты из ведения последних и должны быть судимы по закону».

В дополнение к сему из главного военно-судного управления [поступила] копия всеподданнейшего доклада статс-секретаря графа Витте о том, что совет министров, обсуждая 20 января 1906 года условия, создаваемые объявлением исключительного положения, остановился, между прочим, на том, что «применение воинской силы во всех случаях встреченного сопротивления для прямого подавления мятежа должно быть проводимо без колебаний и теми же способами, как это совершается на войне... но военное начальство... должно поддерживать уверенность, что репрессии вызываются только прямыми соображениями необходимости и общими суровыми условиями всего положения в крае. Исходя из этого... совет высказался за неприменимость таких же мер по отношению к лицам, которые, будучи захвачены войсками, вследствие вооруженного сопротивления или совершения иных, в связи с мятежами, преступлений, переданы были в ведение подлежащих властей, и расстреливание приказанием военного начальства — явление, совершенно недопустимое, ...они должны быть судимы по закону».

Относительно этого последовала 23 января собственноручная его величества высочайшая отметка: «Конечно. Я не допускаю и мысли, чтобы могло быть иначе».

С течением времени деятельность отрядов начала терять военный характер, переходя на чисто экзекуционно-полицейские функции: войсками производились аресты и налагались на население штрафы, например, за порчу телефонных линий, за невыдачу убийц, совершивших преступления в данной местности, и т. п., а также сжигались усадьбы скрывшихся убийц и грабителей. Последняя мера, которою имелось в виду главным образом устрашить население, достигнута была в достаточной степени. Она имела весьма существенные недостатки, так как ею затрагивались интересы помещиков и кредитных учреждений, ибо в большинстве случае усадебные строения принадле-

жали помещикам если не полностью, то в размере неуплоченного еще из них выкупного за землю долга; под некоторые же были взяты ссуды в банках. По сим основаниям генералом Соллогубом было предложено начальникам войсковых отрядов заменять, кроме случаев крайней необходимости, сожжение усадеб секвестром недвижимости преследуемых лиц, согласно п. 18 ст. 19 военного положения.

Расстрелы войсками и употребление ими в некоторых случаях телесных наказаний сильно устрашили не только действительных преступников, но даже и таких лиц, вина которых состояла в участии на митингах и в согласии принять должности по самовольно образованным в волостях распорядительным комитетам. Все подобные лица спасались бегством; часть скрылась за границу, часть удалилась в леса, особенно в Фридрихштадтском и Иллукстском уездах, образовав шайки так называемых «лесных братьев». Последние стали грозой населения уездов и создали в течение 1906 года много в деле умиротворения края затруднений как для администрации, так и для военных отрядов. Засим, масса вожаков беспорядков укрылась в предместья Риги, где за ними нелегко было уследить местной полиции, которая в то время была малочисленна и терроризована. После Риги другим наиболее удобным убежищем революционеров являлся г. Юрьев, с его университетом, который все время был деятельным распространителем движения. В стенах университета происходили митинги, где вырабатывались противоправительственные резолюции. В университете же приютилось и отделение партии еврейского «Бунда».

Движение в войсках на Дальнем Востоке.

Вопрос о волнениях в армии в 1905 г. до сих пор чрезвычайно мало освещен и исследован в нашей исторической литературе. О событиях в Манчжурии и на Дальнем Востоке нам известно несравненно меньше, чем, например, о восстании «Потемкина» или в Севастопольском флоте. Это объясняется главным образом отдаленностью событий, разворачивавшихся вне поля зрения не только рядового обывателя, но также и руководителей тогдашней политической борьбы. Шесть-семь тысяч верст, отделявших русскую армию от основных центров страны, мешали правильной оценке событий на Дальнем Востоке. Между тем этот мало исследованный вопрос представляет большой интерес. Ведь в России военное движение являлось специфической формой движения крестьянства, которое составляло подавляющую часть армии. В вопрос об армии, о ее поведении упиралась в известной степени и вся революция в целом, от армии в значительной степени зависел ее исход. Движение в Манчжурии и на русском Дальнем Востоке приобретало очень важное значение, ибо именно в этих областях сосредоточивались главные массы армии, только что проделавшей японскую кампанию.

Материалы, которые мы ниже публикуем, взяты главным образом из архива генерала Куропаткина. Отсюда — их неполнота и недостаточность. Нужно помнить, что в тот период, к которому относятся печатаемые здесь документы, Куропаткин был уже не главнокомандующим, а лишь командующим I армией. Но в качестве любителя он собрал некоторые материалы, и не имеющие непосредственного отношения к I армии; мы отчасти помещаем их здесь, так как большинство из них никогда еще не было опубликовано; часть же печаталась в харбинских и читинских газетах, являющихся сейчас библиографической редкостью.

Целый ряд условий, имевших место в Манчжурской армии, сильно содействовал крупному размаху событий. Прежде всего, это была армия, потерпевшая поражение в недавней войне. Как всегда в таких случаях, это приводило к недовольству командным составом армии, обвинявшимся солдатской массой во всех неудачах. Такое положение не могло не расшатывать воинской дисциплины. Скученность войск еще больше содействовала быстрому распространению разложения, охватывавшего части. Здесь следует принять во внимание и очень важный психоло-

гический момент: после заключения мира оставаться в далекой Манчжурии не имело смысла, и вся армия сразу была охвачена неудержимым порывом вернуться домой. Подобное настроение особенно резко выявлялось у запасных, число которых было сравнительно очень велико. Неспособность военных властей наладить планомерную реэвакуацию еще больше роняла их авторитет в глазах солдатской массы. Наконец, нельзя упускать из виду, что в дни свободы в городах Дальнего Востока и Восточной Сибири революционные организации, главным образом с.-д., играли весьма видную роль в деле политического оформления недовольства, имевшегося в рядах войск.

Нарастание массового движения в войсках замечается уже в конце 1905 г. Заключение мира, сделавшее столь острым сознание ненужности дальнейшего пребывания в постылой Манчжурии, особенно обострило положение. Командование пытается создать определенный план эвакуации, согласно которому эвакуировались целые части без деления их на запасных и действительных. Однако этот план потерпел неудачу: после владивостокского погрома пришлось изменить его таким образом, что в первую очередь подлежали отправке все запасные, а затем только начиналась эвакуация действительных. Развал, падение дисциплины и тяга домой так спутали все планы, что начальство часто шло по линии наименьшего сопротивления и отправляло в первую очередь наиболее буйные и настойчивые части.

Забитая и озлобленная солдатская масса, почувствовав ослабление наверху, проявила свое недовольство в ряде неорганизованных выступлений, часто принимавших форму погрома. Наиболее ярко это проявлялось во Владивостоке, где движение носило первоначально исключительно стихийный погромный характер.

«Дни свободы» с их митингами и более или менее свободной прессой сделали, однако, свое дело. Гарнизоны городов Сибири и Дальнего Востока вовлекаются в политическую жизнь, принимают участие в рабочих собраниях и митингах, а потом созывают и специально воинские митинги. 28 ноября состоялся митинг всех войск иркутского гарнизона. Присутствовало до трех тысяч солдат и казаков. Председательствовал унтер-офицер. В телеграмме об этом митинге, помещенной в «Бюллетене Стачечного Комитета» № 3, читаем: «Солдатами и офицерами было произнесено много великолепных речей. Решено предъявить требования об улучшении экономического положения солдат, — в противном случае устроить мирную забастовку. Весь гарнизон выразил желание присоединиться к требованиям всего русского народа об отмене смертной казни, военного положения, немедленном созыве Учредительного Собрания — путем четырехкратного (?) голосования».

Политическое оформление солдатского недовольства приходит в казарму извне, из рабочей социал-демократической среды. Очень интересными в этом отношении являются требования читинского гарнизона. В этих требованиях влияние соц.-демократической партии обнаруживается достаточно ярко. Так, на ряду с требованием увеличения

числа воинских поездов для отправки в Россию стоит требование восьмичасового рабочего дня — «ограничить время строевых и служебных занятий в войсках, учреждениях и заведениях 8 час. в сутки. В эти 8 часов должны входить все обязательные занятия солдат — «строевые и словесные занятия, разборка, сборка и чистка оружия, учебные прогулки, чистка аммуниции, уборка казарм, домашние и кухонные занятия, а в казачьих частях, кавалерийских, артиллерийских — чистка и уборка лошадей и конюшен» *). Там же находим и требование свободы и неприкосновенности личности, которое опять-таки понимается солдатской массой довольно своеобразно: под это требование подводится и необходимость обращения на «вы» и отмена вечерней переклички и право солдата самому получать присланные ему деньги. Наконец, в этой резолюции имеются требования свободы союзов и даже свободы стачек, «т.-е. право сговориться и сообща подать заявление какому угодно высшему начальству, минуя нежелательных». Условия походной и казарменной жизни неизбежно накладывали на солдатское сознание определенный отпечаток, делая его восприимчивым к усвоению требований, выдвинутых социал-демократией. Казарма преодолевает разобщенность крестьянства и облегчает для солдата возможность организации в союзы и общества. Тяга к организации на почве различных нужд и требований очень часто приводила к созданию солдатских объединений. Подобные организации были довольно многочисленными и включали в себя солдат различных частей и видов войск. В Чите в октябре создался «Союз солдат и казаков», сыгравший в дальнейших событиях довольно видную роль. В Харбине был образован солдатский комитет из 20 человек, выбранных харбинским гарнизоном **). Подобные организации возникли и в ряде других городов Дальнего Востока и Забайкалья. Так, напр., на ст. Яомынь создалась «Солдатская организация самозащиты», возникшая после зверской расправы капитана Позднякова, зарубившего шашкой в г. Шуанченпу рядового Дворняка за неотдачу чести. («Бюллетень Стачечн. Комитета», № 3.)

Организации эти быстро связывались с социал-демократическими комитетами, усиливая влияние последних на солдатскую массу. Воззвания и листовки в огромном количестве экземпляров начинают проникать в казармы, доставляя много беспокойства высшему начальству. В течение 2—3-х месяцев работы солдатских союзов под руководством социал-демократии стихийное движение начинает принимать более организованный характер, что особенно наглядно выявилось в январском движении 1906 г. во Владивостоке.

Влияние пролетарской борьбы сказывалось, конечно, не в одинаковой степени во всех частях армии и в войсках различного рода ору-

*) Заключение военного прокурора по делу о бывш. военном губернаторе Забайкальской области ген.-лейт. Холщевникова. См. стр. 16—17.

**) М а ш и н. В манчжурских армиях. ж. «Отклики Современности», 1906 г., № 3, стр. 48—61.

жия. Как и следовало ожидать, различные инженерные части, саперы, жел.-дорожные батальоны и т. п. наиболее быстро усваивали это влияние, но в своем недовольстве армия была единодушна, и было бы не совсем верно противопоставлять запасных действительным, как это обычно делалось в официальных сношениях и разъяснениях. Но если казарма и преодолевала обычную разобщенность крестьянства и облегчала руководство солдатской массой для социал-демократии, она все же не могла вытравить в солдате крестьянина, и это, конечно, не могло не проявиться в движении. Наиболее серьезные осложнения возникли в армии на почве всеобщего стремления солдат, особенно запасных, домой. Это стремление домой оттесняло на задний план все вопросы общеполитического характера, мешая солдату охватить положение во всей сложности и объеме. Совершенно понятно, что социал-демократии приходилось очень считаться с этими настроениями, тем более, что военное командование не прочь было свалить всю ответственность за недостаточно быструю эвакуацию на голову стачечных комитетов. Командир 8-й Вост. Сиб. стрелковой дивизии ген. Дашкевич в конце октября издал приказ, в котором железнодорожники обвинялись во всех беспорядках по эвакуации. Эта провокация встретила резкий отпор со стороны исполнительного комитета уссурийских железнодорожников.

Поэтому последним пришлось развернуть широкую агитационную кампанию по разъяснению солдатам создавшегося положения. Охватившая забастовка не должна была отразиться на эвакуации армии, и, несмотря на большие затруднения (недостаток теплушек, противодействие военных властей и т. п.), стачечному комитету удалось сделать максимально возможное в деле эвакуации. Вместо 4-х поездов, которые отправлялись ежедневно на запад до забастовки, стачечный комитет пропускал до 20 пар поездов. Это в очень большой степени содействовало сближению солдат со стачечниками и в корне подрывало погромную агитацию военного командования. Так, напр., в одной из телеграмм, посланной «товарищам сослуживцам и рабочим всех жел. дорог», бывшие порт-артурцы, возвращавшиеся домой, писали: «Мы... решили принести вам искреннюю благодарность за постановление безостановочно отправлять нас на родину. Мы с вами вполне солидарны. Да здравствует свобода! Долой произвол, долой смертную казнь, полевой суд и насилия личности!»

Только самоотверженной работой железнодорожников удалось парализовать погромную агитацию военного командования в солдатской среде. В этом отношении очень интересно отметить поведение рабочих Джолайнорских копей, снабжавших жел. дороги Забайкалья углем. Ужасное положение, в котором находились рабочие, вынудило их на экономическую забастовку. На их требования никто не обращал внимания, и рабочие в отчаянии решили затопить шахты. Такой шаг грозил самыми тяжелыми последствиями для жел. дорог Д. Востока, и только стачечному комитету удалось удержать рабочих от этого

поступка. В результате авторитет рабочих организаций еще более поднялся в глазах солдат.

Однако, 2—3-х месяцев агитационной и организационной работы в армии было слишком мало для достаточного политического роста солдатской массы. Сознание своей слабости не сдерживало даже наиболее поддавшиеся влиянию социал-демократии части. Отсюда — их нерешительность и неспособность перейти в наступление. Поэтому всюду: и в Харбине, и в Чите, и в ряде других менее важных центров движения, захваченные волнениями гарнизоны упускают момент, когда положение властно диктует необходимость перейти в наступление. Достигнув известных успехов, воинские части не закрепляли их дальнейшим наступлением и потому, в конце концов, терпели поражения.

Буржуазно-демократический характер революции 1905 г. был причиной того, что связи лопались по офицерской линии. Если во время пролетарской революции 1917 г. разрыв в армии произошел по линии между солдатами и офицерами, оттолкнув последних целиком в ряды контр-революции, то в 1905 году мы видим определенную часть офицеров на стороне революции. Эта часть усиливалась массой демократической интеллигенции (врачи, фельдшера, ветеринары, инженеры), находившейся в действующей армии, а также демократизацией самого офицерства, убыль которого пополнялась во время войны из числа унтер-офицеров и проч. В этом отношении особенно интересен митинг 2/XII в Харбине, созванный главным начальником тыла Надаровым с целью подогреть контр-революционные элементы офицерства и несколько подбодрить их. Этот митинг, однако, дал явно противоположные результаты. Даже тогдашний главнокомандующий Линевич вынужден был записать в своем дневнике следующие строки: «Надаров 2 декабря крайне неразумно вдруг собрал офицеров всего гарнизона и сказал им, что вследствие ропота нижних чинов запасных и невозможности их всех быстро отправить на родину (слышится ропот), при чем наших запасных подстрекают воззвания, прокламации, агитаторы и анархисты, нам необходимо быть особенно внимательным к нижним чинам и особенно к запасным. После сих слов вдруг Надаров перешел к тому, что все железнодорожники, забастовщики — наши враги, что их всех следовало бы перерезать, что он, Надаров, первый возьмет нож и начнет резать их всех, не выключая жен и детей. Сказавши это, Надаров сделал председателем безгласного и бездарного пьяницу Глинского, уехал с заседания, а офицеры в собрании, освободившись от авторитетного председателя Надарова, быстро заявили, что железнодорожники наши братья, что они волнуются и бастуют за правое всех русских дело, что их за это не резать следует, а поддерживать и благодарить. Таким образом вдруг скромное собрание офицеров в неумелых руках превратилось в политический митинг. Вслед засим начались прямо-таки политические речи, совершенно непри-

стойные в офицерском собрании» *). Эта нескладная запись дает более или менее правильное представление о происходившем на митинге 2 декабря. После возмутительной речи Надарова, которую газеты отказались излагать, на собрании начались выступления ряда офицеров, сочувствовавших революционной борьбе. Особенное впечатление произвело выступление полковника Бутузова, выступившего с защитой определенной политической платформы. Так как о предстоящем митинге было известно заранее, среди харбинского офицерства образовались различные политические группы, одна из которых даже выступила на страницах печати со своей программой. Последняя выглядела довольно жалко (первым пунктом стояло требование уравнения гвардии с армией), но все же в ней были требования совершенной отмены смертной казни, неупотребления армии для политических надобностей и т. п. **).

Другая часть офицеров устроила накануне митинга свое совещание, на котором была выработана программа более радикального характера.

Харбинское офицерство не было одиноким в своем оппозиционном настроении. В не менее резкой форме недовольство господствовавшим строем и сочувствие происходящей революции проявлялось и в других частях и гарнизонах. В частности следует упомянуть об офицерах 2-го Читинского полка под командой ген.-майора Румшевича, впоследствии отданного под суд.

25 и 27 ноября в Чите состоялись собрания офицеров и военно-служащих, на которых выявилось сочувствие подавляющей массы революционному движению. Выработанная на митинге 25/XI резолюция объявляет лишенным доверия страны «существующее самодержавное правительство, вся деятельность которого направлена на вред народа»; далее указывается на создание союза офицеров и военно-служащих, который «всеми силами будет помогать борцам за народную свободу и свое оружие будет употреблять только против врагов освободительного движения, деятельность же свою прекратит только после созыва Учредительного Собрания, созванного всеобщей, равной, прямой и тайной подачей голосов». Под резолюцией этой подписались офицеров—28, военных врачей—31 и военных чиновников—6.

Но революционному движению помогало не столько явное сочувствие части офицерства, сколько испуг и растерянность, охватившие высшее начальство. Дело ген.-лейт. Холщевникова представляет с этой стороны большой интерес. Показания его, данные 14 марта 1906 г., не оставляют никакого сомнения в его преданности господствовавшему строю и верности своим обязанностям военного губернатора. Но напор рабочего движения был столь силен, связь с Петер-

*) «Русско-Японская война».—Из дневников А. Н. Куропаткина и Н. П. Линевича. Изд. Центрархива. Стр. 120—121.

**) Машин. В Манчжурских армиях. ж. «Отклики Современности» 1905 г., № 3.

бургом так затруднена, а отдельные предписания министерства так сбивчивы и противоречивы, что могли сбить с толку и более талантливых администраторов, чем Холщевников. События в Чите разворачивались с самого начала 1905 года. 28 января рабочие депо и мастерских прекратили работу, требуя выдачи жалованья. Железнодорожные власти удовлетворили требования, и с 31 января работы возобновились. В феврале брожение снова усилилось, что заставило ген.-лейт. Холщевникова обращаться к главному начальнику тыла (генералу Надарову) с просьбой усилить читинский гарнизон. Но оттуда, как и от начальника военных сообщений тыла полковника Захарова, пришли ответы, указывающие на невозможность усиления гарнизона. Подобные же ответы получались и на последующую просьбу военного губернатора, так что Холщевников вынужден был управляться собственными силами. Считая их численность совершенно недостаточной (что, по мнению более решительных офицеров, было неверно), генерал Холщевников пошел по линии наименьшего сопротивления и уступок. Наивысшего подъема движение достигло в октябре-декабре 1905 г. Соединение рабочих железнодорожников с запасными, недовольство которых по случаю задержек в Сибири было очень велико, помогло чрезвычайному усилению стачечного комитета, руководимого социал-демократией. Не считая возможным оказывать восставшим рабочим, овладевшим оружием, находившимся на жел. дороге, какого-либо серьезного сопротивления, Холщевников вынужден был терпеть митинги не только рабочих, но и солдат гарнизона. В ноябре по требованию рабочих генерал Холщевников приказал выпустить из тюрьмы политического заключенного Кривоносенка и с гауптвахты двух казаков, приговоренных к отдаче в дисциплинарный батальон. Тогда же он вынужден был под напором революционного народа отдать приказ начальнику Акатуевской тюрьмы выпустить содержавшихся там 15 матросов с транспорта «Прут». Наконец, Холщевников согласился на передачу читинской почтово-телеграфной конторы в распоряжение стачечного комитета, видя невозможность иным путем возобновить деятельность почты и телеграфа. Впоследствии вся эта деятельность Холщевникова стала рассматриваться, как проявление явного сочувствия революционной борьбе,— он был смещен с должности губернатора и предан суду.

Растерянность и бездействие властей помогали развитию революционного движения на Д. Востоке. Но исход этого движения зависел не только от поведения властей. Его поражение было неизбежно, независимо от временных успехов в Харбине или Иркутске. Оно лежало в самой логике создавшегося на Д. Востоке положения. Революционное движение в войсках питалось в значительной степени недовольством солдат, стремившихся на родину. Естественно, что возникшие стачечные комитеты приняли все меры для того, чтобы действительно облегчить трудную задачу эвакуации, пришедшуюся не по силам военному начальству. Но эвакуация войск неизбежно ослабляла рево-

люционные центры в Сибири, отдавая их в полное распоряжение Ренненкампфов и Меллер-Закомельских. Начать же широкую борьбу за захват власти по всей Сибири, не имея за собой крупных постоянных воинских частей, рабочие Забайкалья, конечно, не могли. Вопрос об окончательном исходе революции решался не здесь, не в Манчжурии, а в далеком Петербурге и в других крупных центрах Европейской России. Испуг начальства постепенно проходит по мере получения известий о спадении революционной волны в России. По всей области проходят карательные экспедиции, которые окончательно подавили движение.

Прилагаемые ниже документы разделены нами на следующие отделы: I — стачечный комитет служащих Китайско-Восточной ж. д. — в этом отделе помещены главным образом протоколы заседаний стачечного комитета; II — события в Харбине и мероприятия командного состава для подавления революции; III — события в Чите (этот отдел несколько велик по отношению к другим отделам, потому что прилагаемый документ оказался наиболее интересным среди документов, касающихся событий в Забайкалье, и IV — прокламации и воззвания к армии.

В. Лембергская.

I.

Стачечный комитет служащих Вост.-Китайской ж. д.

1. Протокол заседания стачечного комитета служащих Китайско-Восточной железной дороги 25 ноября 1905 года. *)

Председательствовал вначале А. П. Козловский, отказавшийся затем по болезни; избран председателем А. М. Оссендовский.

Заседание было посвящено обсуждению и разработке текста резолюций, намеченных на заседании 24 ноября. После детального обсуждения по пунктам резолюции вылились в следующую форму:

Избранный 24 ноября общим собранием служащих всех служб и отделов в Харбине стачечный комитет постановил:

1) Примкнуть к забастовке железнодорожных служащих и рабочих в России, при чем организовать ее так, чтобы не прекращались эвакуация войск и снабжение их продовольствием и топливом.

2) Для осуществления забастовки прекратить прием и выдачу частных грузов и багажа как на своих станциях, так и со станций Забайкальской и Уссурийской дорог, а равно отправление частных пассажиров и частных и шифрованных депеш, при чем частные пасса-

*) Напечатан в бюллетене № 1 стач. ком. служащих Восточно-Китайск. ж. д. от 29 ноября 1905 г.

жиры, застигнутые забастовкой в пути, доставляются до станции назначения.

3) Перевозка служебных грузов и проезд по служебным надобностям производится на общих основаниях.

4) Предоставить начальникам служб и отделов, под последующим контролем «стачечного комитета служащих», делать распоряжения, относящиеся к их компетенции, а равно распускать и призывать агентов для воинских, хозяйственных и заготовительных работ по перевозке.

5) Объявить по линии о начале действий «Стачечного комитета служащих» с указанием выборных от служб и отделов, каковые лица будут делать распоряжения по вопросу о стачке. Вменяется в обязанность линейным агентам не исполнять распоряжений начальников служб и отделов, нарушающих настоящие постановления; в случае недоразумений сноситься телеграфом; адрес: Центр. Харбин. «Стачечный комитет служащих».

6) Сообщить самарскому комитету [1]) и всем дорогам о принятом решении, прося, в случае несогласия с общим планом забастовки железных дорог, дать указания.

7) Настоящую телеграмму сообщить управляющему дорогой, главнокомандующему и главному нач. тыла.

8) Решено именоваться «Стачечным комитетом служащих Китайско-Восточной жел. дор.».

9) Забастовка вступит в силу с момента получения настоящей телеграммы.

10) Забастовкой рабочих в Харбине руководит особый стачечный комитет.

Затем было выслушано заявление делегатов от главных мастерских, сводившееся к следующему:

Рабочие расходятся со стачечным комитетом служащих в понимании целей и задач забастовки. Стачечный комитет служащих — буржуазен, желает превратить ее в орган, способствующий целям военного ведомства в отношении эвакуации войск, потому рабочие образовали свой «Рабочий стачечный комитет», не считая себя в праве присоединиться к комитету служащих. Тех из служащих, которые разделяют взгляды рабочих, рабочие просят присоединиться к ним. Оба комитета будут солидарны, но вполне автономны. Желательно, чтобы они сообщали друг другу свои постановления и на заседаниях одного комитета присутствовали делегаты от другого. К рабочему комитету примыкают горожане, через представителей от отдельных групп населения. Желательна забастовка всего города — настолько, насколько она не будет мешать эвакуации.

Частью уже забастовали, а кроме того, желательна забастовка: мельниц (для нужд армии должны работать), заводов, затона (уже забастовал), официантов (грузины уже бастуют), кондитерских (желательно), VIII участка (бастует), водочных заводов и винных лавок

(должны быть закрыты), парикмахеров и легковых извозчиков, публичных домов, цирка и театров (желательно).

Засим заслушано было переданное по телефону заявление г. управляющего дорогой о том, что интендантство жалуется на отказ в предоставлении вагонов под нагрузку интендантских грузов на ст. Харбин. Близко знающим это дело начальником Харбинского узла разъяснено, что подобные случаи происходят все время и никакого отношения к забастовке не имеют; объясняется тем, что 1) само интендантство не разгружает прибывших в его адрес и поданных ему под выгрузку вагонов, и 2) что требования, предъявляемые интендантством к станции в отношении отправки грузов, являются для нее невыполнимыми по техническим условиям. В этом смысле и дан ответ г. управляющему дорогой.

Прочтена депеша г. управляющего дорогой, предназначавшаяся к отправлению по линии, с призывом не бастовать. Постановлено: хода ей не давать (большинство 35 голосов из 48).

Заслушаны заявления представителей от депо ст. Имяньпо, кондукторских бригад в Харбине и паровозных бригад депо Харбин, с изложением насущных нужд, не удовлетворяемых управлением дороги, что и служит мотивом их забастовки.

Предложено: обратиться с этими заявлениями в подлежащие службы; комитет, со своей стороны, гарантирует их удовлетворение, поскольку они являются справедливыми.

2. Протокол заседания стачечного комитета служащих Китайско—Восточной железной дороги 26 ноября 1905 года *).

1) Бюро союза врачей запаса просит пропустить телеграмму главнокомандующего о том, что в начале декабря с. г. будут отпущены те из врачей запаса, которые были призваны на действительную службу до 1 сентября 1904 г. Постановлено — пропустить.

2) Представители комитета по организации самообороны, избранные на общем собрании служащих 25 ноября, ходатайствуют о получении полномочий также и от стачечного комитета для большей авторитетности своей деятельности. Они вошли в сношения с представителями по устройству самообороны от города, где сорганизовалось в этом отношении только еврейское общество: это последнее предполагало выписать оружие из Шанхая; в виду прекращения движения в настоящий момент, это невозможно, а потому представители обратились к главному начальнику тыла армий, который и обещал снабдить их оружием.

Постановлено: признать деятельность «комитета самообороны служащих» вполне отвечающей настоящему моменту, уполномочить

*) Напечатан в бюллетене № 1 стач. ком. служащих Восточно-Китайск. ж. д. от 29 ноября 1905 г.

их войти в сношения со всеми организациями самообороны (рабочей, в Старом Харбине и др.), выработать план и способы самозащиты, о чем и доложить комитету в возможно скором времени.

3) Заслушана телеграмма со ст. Яомынь [2]) о провокационной речи командующего 3-й армией генерала Батьянова [3]). На параде 26 ноября генерал Батьянов, обходя фронт георгиевских кавалеров, сказал: «Господа, выслушайте слово человека, который прослужил 50 лет и которому осталось мало жить. Я прослужил 4 царям и скажу вам, что Россия стала богата и могущественна только благодаря царям, а не народу. Ныне благополучно царствующий император, находя затруднительным управлять 150-миллионным населением, признал нужным призвать народных представителей к делу управления страной, чем воспользовались люди, привыкшие ловить рыбку в мутной воде, вызывая возмущение народа». Затем генерал Батьянов коснулся забастовок и сказал: «Мы здесь сидим и ожидаем отъезда в Россию, у меня у сэмого десять душ детей, мы все рвемся на родину, а здесь нас держат. Причина этого железнодорожные забастовки; служащие требуют прибавки жалованья: им мало. Что же получают крестьяне? Вот формируются железнодорожные батальоны, и когда мы займем дорогу, то выгоним служащих и их семьи с детьми на мороз; пусть тогда слезы женщин и детей заставят их работать за самую ничтожную плату и раскаяться в своих поступках».

Как на пример, как следует поступать с железнодорожными служащими, ген. Батьянов указал на события в Томске [4]). «Досадно и и обидно, что это делается; загнали служащих в здание и сожгли их, но это должно быть так. Погибло 600 человек; хотя между ними и были виновные, но главари скрылись. Затем, что нужно евреям? Это пришельцы в России, и их защищает правительство, а то бы не осталось камня на камне; они являются первыми зачинщиками и подстрекателями, преследуя свои интересы.

Когда вы вернетесь в деревню и кто-нибудь позволит себе что-либо говорить против правительства, ты ему скажи: вот если бы ты был под Мукденом, то у тебя бы язык ушел в горло. Когда мы ехали из России, нас везли на девяти поездах и более, а обратно, благодаря забастовкам железных дорог, только с трудом отправляются два поезда».

Постановлено послать следующую телеграмму:

«Лошагоу — главнокомандующему, Харбин» — главному начальнику тыла армий, управляющему Китайской дорогой, Петербург — графу Витте, военному министру, Самара — самарскому комитету, редакциям всех русских газет, копия по станциям и разъездам южного отделения.

Сознавая общую солидарность служащих и рабочих всех российских железных дорог, Китайская дорога примкнула к общей забастовке, при чем решила отнюдь не сокращать воинского движения, но даже по возможности усилить вывоз войск. Между тем комитету сообщено, что на ст. Яомынь командующий III армией генерал Бать-

янов сегодня, 26 ноября, на параде позволил себе обратиться с речью, в которой явно подстрекал войска к погрому железнодорожных служащих. Результатом этого подстрекательства немедленно явились вызывающие действия солдат по отношению к служащим. Повторяя, что забастовка не уменьшит вывозки войск на родину, стачечный комитет, возмущенный подобным натравливанием лица, поставленного во главе целой армии, требует [от] вас оградить служащих дороги и не ставить их в необходимость, спасая жизнь, вовсе покинуть станции».

4) По вопросу о создании из «Харб. Вестн.» органа стачечного комитета, с каковой целью необходимо взять его в свои руки, постановили: избрать из трех лиц редакционную комиссию и поручить ей использовать газету способом, каким она признает наилучшим. Комиссия избрана.

5) Одним из средств для распространения литературы, бюллетеней стачечного комитета и т. п. признали рассылку при помощи кондукторских и паровозных бригад.

6) Заслушана телеграмма со ст. Яомынь о противодействии стачке со стороны начальника южного отделения эксплоатации г. Максименко.

Постановлено: отстранить г. Максименко от должности, о чем и послана телеграмма.

Примечание: Утром 27 ноября получена депеша о том, что г. Максименко уволился и сдал должность своему помощнику.

7) Постановлено: жены и семьи офицеров и врачей, едущих в Россию, ехать с ними не могут. Предлагается офицерам и врачам, прибывшим на войну с женами и семьями, переждать забастовку; семьи нижних чинов пропускать обязательно.

8) Дана циркулярная телеграмма следующего содержания:

«В стачечный комитет поступают с линии жалобы на неприем телеграфистами телеграмм, касающихся движения материальных, дровяных поездов, равно и сведений о топливе, как ж. д., так и для военного ведомства, что не соответствует постановлению комитета. Предлагается отнюдь не препятствовать приему и передаче всех воинских и служебных телеграмм и распоряжений, касающихся вопросов правильного движения означенных поездов.

9) Один из членов «Русского Собрания» просил разрешить произвести ремонт дома, отведенного управлением дороги под ночлежный дом.

Постановили: произвести ремонт в первую очередь по окончании забастовки.

10) Делегатом от «Рабочего стачечного комитета» сообщены постановления их комитета от 26 ноября, при чем комитет служащих именуется «буржуазным».

Постановлено: благодарить за сообщение, принять таковое к сведению и сообщить рабочему комитету о том, что комитетом служащих

принято официальное наименование: «Стачечный комитет служащих К.-В. ж. д.».

11) Читается телеграмма со ст. Аньда о противодействии стачке со стороны 2 телеграфистов на станции Сяохаоцзы г. г. Коммисаренко и Гайсюка.

Постановлено: отстранить на время забастовки от должности.

12) Доложен вопрос о возможных недоразумениях при перевозке войск, если с Сибирской и Забайкальской дорог не будут поступать приспособленные теплушки, так как на Китайской дороге таковых мало, а оборудование затруднительно по техническим условиям.

Постановлено: послать телеграмму следующего содержания:

«Всем служащим по станциям до Самары. Самара — самарский комитет, Томск — союз служащих Сибирской дороги, Иркутск — иркутский комитет.

Получили сообщения самарского комитета и общего собрания служащих Забайкальской дороги, что при действии настоящей забастовки все средства будут направлены на перевозку армии с Дальнего Востока обратно в Россию. Все служащие Китайской дороги вполне разделяют это стремление, и положение забастовки выражено в циркулярной депеше стачечного комитета служащих Китайской дороги от 25 ноября за № 4178. Стройность этого дела должна быть согласована и обеспечена усилиями всех дорог до Самары включительно, как конечного пункта беспересадочного следования эшелонов, и главным средством в этом деле является регулярное и достаточное течение вагонов-теплушек с запада на восток. Китайская дорога, находясь у источника обратного течения армии, уже в скором времени исчерпает весь запас своих теплушек. В настоящее время Забайкальская дорога уже должна нам около полутора тысяч теплушек, а переход их на запад продолжается ежедневно. Первое время теплушки надо отправлять особенно усиленно и не менее 200 в день, по возможности ускоренными поездами. Кроме того, надо принять все меры к наилучшему сохранению целости внутреннего оборудования теплушек, так как, находясь на окраине и в стране с незначительной промышленностью, Китайская дорога не имеет тех средств, что имели дороги российской сети, находящиеся совершенно в других условиях и создавшие перевозку армии по частям.

Стачечный комитет Китайской дороги еще раз просит обратить на этот вопрос особенное внимание, иначе все воззвания к армии могут вызвать большие осложнения, так как армия, при остановке эвакуации, справедливо обратится к воззвавшим к ней».

13) По вопросу об увольнении главнокомандующим забастовавших чинов полевых почт и телеграфов постановлено: послать следующую телеграмму:

«Лошагоу — главнокомандующему, копия Харбин — главному начальнику почт и телеграфа тыла армий.

Стачечный комитет служащих Китайско-Восточн. жел. дор., узнав распоряжение об увольнении чинов почтово-телеграфного ведомства, постановил: вполне разделяя их образ действий и считая принятую по отношению их меру несправедливой, требует от вас отмены этого распоряжения».

14) В виду ограниченных запасов денег в кассе управления дороги и возможного получения кредита в Русско-Китайском банке постановлено: просить дороги следования пропустить телеграмму в Петербург и обратно по поводу этого вопроса.

15) По вопросу о цензуре телеграмм постановлено: телеграф сам производит таковую цензуру, направляя телеграммы по соответствующим службам; все недоразумения разрешает председатель со своими секретарями, к которому и поступают с телеграфа все телеграммы, возбуждающие сомнение.

16) По вопросу, как быть со служащими, увольняемыми по тем или иным соображениям, постановлено: до окончания забастовки никого не увольнять.

17) По вопросу о возвращении к местам первоначального служения агентов, командированных с других дорог, постановлено: производить расчет и разрешать выезд.

18) По вопросу, распространить ли забастовку на отделы, занятые рассмотрением дел об увечьях, полученных на дороге, постановлено: не распространять.

3. Протокол заседания стачечного комитета служащих и рабочих Китайско-Восточной железной дороги 27 ноября 1905 года *).

1. По вопросу о распространении забастовки на торговые заведения и прочие учреждения города постановили: стачечный комитет служащих исключительно занят железнодорожной забастовкой; все вопросы о городской забастовке должны войти в компетенцию постоянного комитета г. Харбина.

2. Багаж, идущий с пассажирами, принятыми к перевозке до стачки, постановлено выдавать; это постановление не относится к так называемому «нолевому багажу» или «товару-багажу».

3. Живой—хотя бы и частный—груз, как-то: лошади, скот крупный и мелкий, птицу и т. п., выдавать по прибытии его на ст. назначения.

4. Грузы, относящиеся по условиям места и времени к разряду скоропортящихся, как-то: вино, напитки, фрукты и т. п., не выдавать.

5. Собранию было доложено, что еще до забастовки рабочими Джалайнорских копей [5]) были предъявлены управлению дороги тре-

*) Напечатан в бюллетене № 3 от 2 декабря 1905 г.

бования чисто экономического характера, с тем, что если эти требования к 1 декабря не будут удовлетворены, то на копях прекратится выработка угля. Часть требований управляющим дорогою была признана подлежащей удовлетворению, об удовлетворении другой части управляющий вошел с ходатайством в правление общества, в третьей части рабочим было отказано. С таким ответом управляющего дороги в Джалайнор был командирован инженер Кокин, по заявлению которого, решение управляющего вряд ли удовлетворит рабочих, и на благополучное окончание инцидента он, Кокин, имеет мало надежды.

Постановлено: просить инженера Кокина уведомить комитет телеграммой об исходе его поездки, а между тем послать рабочим копей следующую телеграмму:

«Джалайнор. Мастеровым и рабочим, копия — Манчжурия, комитету служащих.

Завтра выезжает Кокин с резолюциями Хорвата [6]). Во всяком случае, последует или не последует между вами соглашение, в виду положения дел по вывозке войск и ее крайней необходимости для достижения наших общих политических целей, просим забастовку отсрочить. Стачечные комитеты служащих и рабочих своевременно поддержат ваши требования.

Председатель комитета служащих дор.»

Рабочие вняли призыву комитета и решили продолжать работу впредь до окончания забастовки (см. телегр. из Джалайнора в бюллетене № 2, за подписью инженера Меллера).

6. Делегатом от службы телеграфа было заявлено, что телеграфист Калачев, в явно ненормальном состоянии, перерезал телефонные провода и хотел уничтожить аппараты, но был удержан сослуживцами. Постановили: просить г. начальника службы телеграфа о временном устранении г. Калачева от должности и предании суду товарищей.

4. Протокол заседания стачечного комитета служащих и рабочих Китайско-Восточной железной дороги 29 ноября 1905 года *).

Заседание, назначенное на 28 ноября, не состоялось по случаю пожара здания управления К.-В. ж. д.

Утром 29 ноября собравшиеся члены стачечного комитета решили в видах большой успешности работы передать все текущие дела избранным 8 лицам, оставив за этой коллегией как название стачечного комитета, так и все его функции и полномочия.

---

*) Напечатан в бюллетене № 3 от 2 декабря 1905 г.

Вечернее заседание 29 ноября состоялось уже в составе 8 человек.

1. Председателем было доложено, что им 28 ноября, поздно вечером, была подана, в виду циркулирующих упорных слухов, телеграмма № 450:

«Лошагоу. Главнокомандующему всеми армиями.

Распространяется слух об избиении служащих на участке Таолайчжоу — Харбин [7]). Просим обратить внимание».

Здесь же была прочитана и ответная телеграмма за подписью полковника Эйлера [8]) (см. бюллетень № 2).

2. Была заслушана телеграмма центрального бюро жел.-дор. союза от 26 ноября за № 4788:

«Самара — Владивосток. Комитет Уссурийск.

Совет С.-Петербургского узла приглашает во имя единства действий не растрачивать боевые силы по частям и, заявив свою боевую готовность, примкнуть к общей забастовке, каковая признается неизбежной в виду реакции. Ждать общего решения жел. дор. Телеграммы следует адресовать только Москва, центральное бюро железнодорожного союза. Елизаров» [9]).

Одновременно с сим было доложено сообщение уполномоченного по сношениям с китайскими властями г. Дальнего о том, что китайские власти настаивают на прекращении забастовки, вредно отзывающейся на местной торговле, грозя, в случае ее продолжения, снять всех рабочих-китайцев с работ как на линии дороги, так и работающих непосредственно на армию.

После продолжительных прений и всестороннего рассмотрения всех условий переживаемого нами момента стачечный комитет единогласно пришел к заключению о необходимости восстановления всего местного движения, усматривая в этом средство к восстановлению вообще правильного движения по линии, так как объявление о полном прекращении забастовки в тот момент, по имеющимся в комитете данным, могло произвести взрыв негодования на линии, склонной к более боевому отношению, следствием чего могла быть полная приостановка всякого движения со всеми его последствиями. Результатом такого решения была циркулярная телеграмма по линии о восстановлении движения в местном сообщении (см. бюллетень № 2).

3. Стачечным комитетом рабочих постановлено выдать г. г. Оборину, Панасенко и Вятских удостоверения на право получения денег, жертвуемых на нужды стачечного комитета.

4. Стачечный комитет рабочих постановил вернуть всех рабочих, назначенных комитетом на разные работы, из Затона и иных мест на свои первоначальные места, о чем и было сообщено г. начальнику депо вместе с обращением к рабочим отнюдь не бросать работ сразу, чтобы не прерывать движения войск, а возвращаться к своим работам по указанию начальника депо.

5. Телеграммы, напечатанные в бюллетене № 3 стачечного комитета рабочих и служащих Китайско-Восточной жел. дороги от 2 декабря 1905 г.

1. По всем русским дорогам, всем стачечным комитетам, союзам, управляющим и начальникам дорог, редакциям всех газет, копии министрам путей сообщения и военному, управление железных дорог.

По уведомлению заведывающего передвижением войск Забайкальского района полковника Дзевановского, Сибирская дорога за неимением паровозов может принимать с востока только 4 воинских эшелона, так что все наши старания усилить эвакуацию запасных сведутся к нулю. Считая, что дело эвакуации истомленной армии является делом не только тех дорог, по которым идут войска, но и всей России, стачечный комитет взывает ко всем комитетам, союзам, советам и управлениям, умоляя принять все меры к немедленной командировке на Сибирскую дорогу такого количества паровозов, которое обеспечивало бы не менее 10 эшелонов в сутки. Армия настойчиво требует ответа на 2 вопроса: первый — откуда брали железные дороги паровозы, когда правительство гнало народ на никому ненужную, бессмысленную войну, второй—куда девались те же паровозы теперь, когда армия стремится на родину на защиту своих близких от произвола и насилия самодержавных слуг?

Харбинский Комитет.

2. Чжаланьтунь, 1 декабря. Харбин — стачечный комитет служащих и рабочих, копия по линии от Харбина до Манчжурии местным стачечным комитетам, Иркутск — комитет служащих и рабочих.

В виду возмутительной речи генерала Батьянова, натравливавшего войска на железнодорожных служащих, объявить ему бойкот; к посадке в поезд не допускать и всем служащим тяги, движения и телеграфа препятствовать следованию его в случае поездки.

Стачечный комитет Западной линии.

3. Харбин. По адресу № 24, копия всем русским дорогам, редакциям всех газет, Москва, центральное бюро железнодорожного союза.

Второго декабря состоялся митинг офицеров харбинского гарнизона, на котором главный начальник тыла армии генерал Надаров [10]) объявил железнодорожных стачечников врагами армии и рекомендовал собравшимся воздержаться от насильственных действий против железнодорожников до тех пор, пока он не исчерпает всех предоставленных его власти законных способов умиротворения. В случае же без-

успешности он, Надаров, станет во главе войск и сам с шашкой в руке поведет их против крамольных железнодорожников, а также их жен, детей и стариков. К счастью, собрание не вдохновилось речью ген. Надарова, но в лице последующих ораторов выразило сочувствие забастовщиками, усматривая в их требованиях волю всего народа, стремящегося к немедленному осуществлению прав человека и гражданина, объявленных манифестом 17 октября. О таком своем настроении собрание постановило поставить в известность ген. Надарова, а также просить его войти в сношения со всероссийским железнодорожным союзом, чтобы узнать непосредственно требования железнодорожников и, обсудив их, войти с союзом в соглашение.

Прибавляем от себя: каким образом железнодорожники, стремящиеся к усилению воинского движения, являются врагами армии, генерал Надаров объяснить не потрудился.

Стачечный комитет служащих и рабочих Китайско-Восточной ж. д.

4. Харбин. От Харбина до Самары всем стачечным комитетам.

По заявлению главного интенданта главнокомандующему, громадная партия полушубков, валенок, теплых одеял и других теплых предметов для армии отправлена из России и застряла на Сибирской и Забайкальской дорогах, главным образом в Мысовой [12]). В виду крайней нужды в этих предметах, особенно в настоящее время, когда в Манчжурии наступили сильные морозы, ускорьте неотлагательно розыск и доставку этих грузов. Вообще стачечный комитет служащих и рабочих Китайской дороги обращается ко всем товарищам Сибирской и Забайкальской дорог с просьбой принять всевозможные меры к тому, чтобы теплые вещи для армии доставлялись без всякой задержки, и если бы таковые были где-либо разгружены, то экстренно распорядиться о погрузке и доставке их на Китайскую. О больших партиях телеграфируйте, с указанием числа вагонов и времени отправления.

Приятным долгом считаем уведомить, что известия об усиленных трудах всех железнодорожных служащих и рабочих по п ревозке войск уже проникли в армию и приняты ею восторженно.

Стачечный комитет рабочих и служащих К.-В. ж. д.

В виду того, что на Уссурийской и Забайкальской дорогах движение восстановлено, что согласуется с телеграммой из Москвы за № 4788 от 26 ноября от центрального бюро союза железнодорожных служащих *), стачечный комитет служащих и рабочих Китайск. дор. постановил: с получением настоящей депеши забастовку, действующую в настоящее время, отменить [13]).

Стачечный комитет служащих и рабочих К.-В. ж. д.

*) См. выше протокол стач. ком. от 29 ноября.

II.

События в Харбине.

1.

Рапорт подполковника Левандовского [14]) 20 ноября 1905 г. № 60.

Генерал-квартирмейстеру при главнокомандующем.

События внутренней жизни нашей армии последнего времени и те, которые назревают в ближайшем будущем, настолько серьезны и так близко касаются всех нас, что я считаю себя обязанным доложить вашему превосходительству все то, что я знаю и предполагаю по этому поводу, тем более, что и то и другое имеет особую важность.

Случайно я был свидетелем владивостокских беспорядков [15]) и имел возможность узнать некоторые мнения и мысли как лиц посторонних, так и участников погрома, кое-что слышал от пленных; был в Харбине и проехал по железной дороге, видел и там и тут многое, чему нельзя дать иного названия, чем безобразие; наконец, из совершенно частных источников знаю многое о том, как думается и что делается в массе наших Манчжурских армий.

Совокупность всего этого привела меня к совершенно обоснованному заключению, что положение вообще становится настолько серьезным, что игнорировать дальше его уже нельзя.

Вспышка во Владивостоке вовсе не была случайностью; она имела под собой совершенно определенную почву: 1) общее недовольство против офицеров, основанное на издавна установившемся крайне нетактичном и несправедливом отношении их к нижним чинам; 2) возмущение нарушенными без серьезной надобности правами нижних чинов и непредоставлением им таких новых прав, которые, будучи для них существенно важными, не составляли нарушения логики службы; 3) протест против ненормальных экономических условий, особенно резко проявившихся во Владивостоке; действительно, дороговизна жизни там дошла до такой крайности, что фактически существование людей небогатых стало там невозможным, а на ряду с этим необычное обилие ресторанов, театры,— все это, всегда переполненное офицерством, не стеснявшимся предаваться кутежу, говорят, даже в дни Цусимского нашего несчастия.

Что протест против всего этого был законен и неизбежен, совершенно естественно, а что он вылился в такой жестокой и крайней форме, то виновны в этом не только участники его.

На железной дороге я не видал ни одной большой станции, не встречал ни одного поезда, на и в составе которых не было бы одного, нескольких и часто очень многих вагонов, занятых начальствующими лицами всех рангов и положений, начиная с контролеров низших сте-

пеней. Это общее явление, а что оно не вызывается необходимостью, это я знаю во многих случаях совершенно определенно.

И рядом с этим массы нижних чинов, простонародья и даже служащих помельче сотнями валяются на полах самых грязных помещений станций, иногда даже на платформах, не пускаются на поезда или едут по многу часов на открытых платформах, на ступеньках вагонов и на площадках между ними.

Нижние чины все это видят, видят и знают, что торговцы при помощи подкупа провозят свои товары, а рядом с этим им подносят в «Манжурском Вестнике» разъяснение причин небольшого количества поездов, назначенных для перевозки их домой, в такой форме, что иначе, как с сомнением к нему отнестись нельзя. Могут ли они верить таким объяснениям, когда, например, я, относящийся к этому вопросу, конечно, беспристрастнее, говорю откровенно, что не верю им совершенно убежденно.

А те безобразия, которые творятся при отправлении поездов в Харбине, Пограничной [16]), да и во многих еще местах,— понять их возмутительность может только тот, кто видел их близко. Испытав их на себе, доходишь до такого озлобления, что вполне понимаешь того штабофицера, который, говорят, разбил окно у вагона, влез в него и пригласил следовать своему примеру и нижних чинов.

Позволю себе указать, например, на поезд нашего управления генерал-квартирмейстерской части: он состоит из 6 классных вагонов и 10 приспособленных товарных; стоимость его содержания в месяц с рядом стоящим поездом санитарной части, говорят, достигает 600 рублей в сутки. Может быть это неверно, но так говорят, и это важно, так как все знают, что одновременно для нас занято помещение в лучшем доме Харбина.

А бесконечное число поездов и вагонов на станции Харбин. Это ведь всем бросается в глаза, и надо удивляться, что до сих пор мы не были еще свидетелями самого крайнего протеста в виде битья окон камнями.

Я совершенно не преувеличиваю, ваше превосходительство, докладывая вам, что есть товарные вагоны, играющие роль конюшни для одной лошади, и т. п. Вот что делается на глазах у всех и чему противопоставляются заявление о невозможности отправлять достаточное количество поездов в Россию и перевозка нижних чинов, командируемых в Харбин, вероятно, в значительном числе по делам службы, в условиях худших, чем те, которые приняты для перевозок убойного скота.

Позволю себе теперь указать на то нравственное воздействие, которое оказывают г. г. офицеры на нижних чинов. В этом отношении много поучительного представляет собою Харбин. Он переполнен офицерами и нижними чинами, многие среди тех и других безобразно и беспробудно пьянствуют. Запретить пить вино нельзя, да и не надо, но карать офицеров самым жестоким образом за то, что они бывают безобразны в пьяном виде, необходимо. Град обвинений сыплется

на толпу пьяных солдат и матросов, бивших офицеров во Владивостоке; их находят достойными только пулемета, а на-днях был, например, случай, когда пьяный офицер в вагоне ругал самыми площадными словами штаб-офицера и генерала и призывал нижних чинов «не выдавать» его. На вокзал, рестораны и театры Харбина небезопасно входить, потому, что там всегда можно нарваться на крупную историю с нетрезвыми офицерами. Можно ли после этого винить нижних чинов?

Говорят, нижние чины не отдают чести. А я, ваше превосходительство, положительно утверждаю, что г. г. офицеры могли бы смело брать пример в этом отношении с нижних чинов, т. к. из личного опыта знаю, что из 10 офицеров, встреченных на улице, едва ли отдадут честь двое-трое, да и то преимущественно самым неприличным образом. Ходя по улицам Харбина, мы с подполковником Пневским решили сами отдавать честь обер-офицерам, и смею вас уверить, что значительная часть таких, которым мы ее отдали, смотрела на нас с удивлением. О принятии чести офицерами от нижних чинов и офицеров и говорить не стоит, — в массе это не принято. Что же после этого можно требовать от нижних чинов.

Затем, по поводу отношения к великому акту гражданской свободы, дарованному нам.

Нижние чины, принадлежащие в большинстве к массе населения, бесправной и угнетенной, систематически всегда удерживавшейся в полном невежестве и дикости, естественно, заподозрили в этом акте свободы больше, чем это необходимо человеку разумному; это — реакция, вполне понятная, и ее надо было предвидеть.

Логически необходимо было поэтому немедленно всеми способами постараться им выяснить истинный смысл манифеста 17 октября, и, конечно, объяснение это должно было исходить от офицеров. Судя, однако, по тому, что приходится слышать в массе, оно дано не было. А между тем частные люди, все еще опасающиеся реакции со стороны правительства и видящие в армии силу, которой эта реакция могла бы быть поддержана, понятно, поторопились притти со своими объяснениями, чтобы обезоружить эту предполагаемую реакцию.

Объяснения тех, которые даже не преследуют целей революционных, не могли быть поняты большинством нижних чинов и потому опять-таки толковались ими в выгодную для них сторону пересола, а объяснения революционеров, конечно, поддерживали их в этом заблуждении, т. к. этим последним прежде всего желательно добиться временного разложения армии.

Таким образом, у большинства нижних чинов представление о свободе должно было сложиться самое крайнее и преувеличенное.

Каково же было отношение к этому акту г. г. офицеров?

Небольшая часть их, совершенно способная к восприятию истины вообще, так раздроблена в силу обычного нам отсутствия духовного единения, что, повидимому, и по сию пору путается между стремле-

нием к этой истине и боязнью перешагнуть въевшиеся в кровь предрассудки традиций и уставов, поддерживаемые слепой узостью большинства.

Другая, также небольшая, часть в общем чрезвычайно искренняя, увлеклась новыми идеями до крайности, перестала считаться с жизнью и необходимостью для проведения коренных реформ известного времени и, таким образом, примкнула целиком к требованиям чисто революционного характера.

Наконец, третья, наиболее многочисленная, партия относится к самому слову «свобода» насмешливо; всех людей, проявляющих свою радость дарованию ее, быть может, в несколько наивных формах, окрестила именем «краснофлажников» и единственную меру к поддержанию порядка видит в пулеметах.

Есть мнения промежуточные, но говорить о них отдельно не стоит.

Если вторая из указанных групп г. г. офицеров вредна для армии, то третья положительно таки опасна, т. к. ее настроение и образ мысли расходятся диаметрально с таковыми же массы нижних чинов, а потому столкновение их неизбежно и должно повести к неисчислимым бедствиям.

И уж тут, в этом столкновении, вспомнятся все прежние причины розни, — и ненависть простолюдина к «барину», и все прегрешения офицера перед нижним чином, а выльется оно в такую страшную форму, что все, что происходило во всей России до сих пор, покажется сравнительно детскими шутками.

Когда это случится, сказать нельзя; что́ послужит поводом и толчком к такому столкновению, никто не может предвидеть, но несомненно, что столкновение будет и начнется, конечно, с какого-нибудь пустяка, как это было, например, во Владивостоке [17]).

Однако, пока этого еще нет, и, значит, возможна еще борьба с надвигающейся грозной неизбежностью. Если не принять всех возможных мер к этой борьбе сейчас же, немедленно, то вся тяжкая ответственность за это ляжет на весь корпус офицеров, а в особенности на главу его здесь — на главнокомандующего.

Наконец, допустим даже, что здесь эта гроза не успеет разразиться, не успеет окончательно назреть. Но ведь войска и запасные нижние чины идут не во враждебную нам страну, а в Россию, и там они, в зависимости от того настроения, которым их снабдят здесь, внесут или умиротворение, или все ужасы анархии, злобы, темноты и разнузданности. Наконец, в России, где верховный наш вождь все-таки отделен от войск и временем, и пространством, они не могут получить общего разъяснения, общих указаний, и все пойдет враздробь, в соответствии с отдельными мнениями отдельных начальников.

Поэтому, казалось бы, теперь на главнокомандующем лежит священнейший долг принять все меры к тому, чтобы воспользоваться тем единственным случаем, который для этого представляется, — овладеть умом и душой главной массы вооруженных сил России, дать

им внутреннее умиротворение, направить их понимание в одном общем направлении. Войска и запасные внесут их в страну целиком, и благодарность родины нашей главнокомандующему будет бесконечна. В противном случае отечество и история поставят ему тяжкое обвинение в бездействии власти.

Как это сделать? Думаю, что вопрос этот еще не разрешен, а потому, может быть, и мое частное мнение может принести пользу выработке общих мер.

Начну со стороны принципиальной:

1) Говорят, наша армия дезорганизована и дисциплины в ней нет, так что нельзя быть уверенным, что подчиненный не пойдет бить начальника. Да, это правда. Причин разбирать не стоит, но главные две несомненны: 1) та, что вообще дисциплина наша была построена на ложных основаниях, и 2) что основание дезорганизации армии лежит не в нижних чинах, а в офицерах.

До сих пор совершенно определенно проводился в жизни неписанный закон, что «подчиненный существует для начальника», а не обратно, что «главная обязанность начальника — предъявлять требования подчиненному, а затем уже только заботиться о нем».

До сих пор дисциплина, за редкими исключениями, поддерживалась исключительно системой наказаний, была до некоторой степени палочной; бывали невероятные случаи докладов высших начальников, что с отменой телесных наказаний дисциплина упала.

До сих пор начальник для подчиненного был (в переносном смысле) абсолютно неприкосновенен, и на этом только авторитет его в большинстве и держался. Право жалобы, — единственный естественный вид критики начальника, — был обставлен так, что фактически большинству был почти недоступен без самопожертвования.

Наконец, до сих пор коллективная через выборных жалоба на начальника признавалась преступлением, как бы справедлива она ни была и как бы легально ее ни обставляли, и запрещены были всевозможные собрания и союзы, для какой бы благой цели они ни предназначались.

В общем несомненно одно, что до сих пор дисциплина у нас была чисто внешняя, основанная только на привычке и страхе, а не на уважении к начальнику, как это должно было бы быть; армия давно ее переросла, и вот пришел толчок, и все здание, казавшееся таким прочным, разрушено до основания.

Что же касается того, что корень существующей дезорганизации лежит не в нижних чинах, а в офицерах, то едва ли это нужно доказывать.

Каждый, хотя немного прослуживший в строю и имевший дело с солдатом, знает, какой дивный материал в общем приходит в войска в лице молодых солдат и как быстро портится он после года принятого у нас обучения и воспитания.

Да иначе оно и быть не может, т. к. всякому известно, что в массе нижние чины в офицерах видят пример самый отрицательный; исполнение долга — пустой звук и отбывание номера, недобросовестность в денежных делах, крайняя грубость в обращении, безобразное пьянство, недисциплинированность, полное отсутствие заботливости о подчиненных и т. п., и т. п., — все эти недостатки слишком распространены в нашей армии.

В войсках существует суд общества офицеров и еще более сильное общественное мнение; но как же они выполняют свои функции?

Заведомо нечестные люди оставляются ими в среде офицеров, поступки самого возмутительного характера часто поощряются, но если, например, офицер женится на кухарке или, еще хуже, на женщине, которая перед тем жила с ним без брака, то такой офицер немедленно изгоняется. Установилось какое-то специальное понятие о «чести мундира», точно недостаточно «чести человеческой», и вследствие этого очень часто случается, что человек просто нечестный отлично остается на службе, прикрываясь этой мундирной честью. Всего не перечислишь, да и нужно ли мне напоминать обо всем этом?

А рознь между родами оружия, культивируемая исключительно г. г. офицерами?

Может ли существовать истинная дисциплина в войсках, где существует все это и где все, а в том числе и нижние чины, знают это?

Конечно же, нет.

Значит, не в агитации и не в дурных качествах нижних чинов кроется упадок дисциплины, а в ложных основаниях ее и в несоответствии корпуса офицеров (в значительной части) своему назначению.

Значит, с этими причинами и надо бороться.

Как это сделать, по моему мнению, практически, я доложу ниже.

Вторая несомненная причина современного натянутого положения, это — неправильное толкование или отсутствие толкования манифеста 17 октября.

То, что говорилось по этому поводу до сих пор, сводилось к одному: «свобода дана для всех, кроме армии, т. к. она должна стоять вне политики».

Да, армия должна стоять вне борьбы политических партий, должна стоять исключительно на-страже интересов родины и престола.

Но значит ли это, что в ее внутренней жизни она осталась в стороне от новой свободы вообще? Где это указано в высочайшем манифесте?

Нет, в манифесте про это не сказано, да и не могло быть сказано ни одного слова, т. к. это было бы непоследовательно и нелогично, т. к. нельзя лишать лучших людей страны (армия д о л ж н а состоять из таковых) хотя бы даже на один час неприкосновенности личности, разумной свободы слова, совести, собраний и союзов и т. д.

Да разве хоть одно из этих прав вредно для армии? Ведь многие из них в зачаточном состоянии существовали у нас в армии и до манифеста (например, неприкосновенность личности).

Разница только в том, что в армии для всего этого должны быть установлены некоторые нормы и обрядности (считаясь с наличной еще пока неразвитостью массы).

А мы замалчиваем манифест; говорим, что он нас не касается, и тем передаем имеющееся в наших руках сильное оружие тем, кому сейчас нужно восстановить солдата против офицера, предоставляем нижнему чину самому разбираться в его сомнениях. Отсюда понятное недоверие их к нам и естественная склонность верить самым крайним толкованиям других. Только поэтому, например, солдаты так охотно поверили тому, что они уже не должны отдавать честь офицерам. Это мелочь, но характерная.

И ведь, в конце концов, если не сами нижние чины, то свободное общественное мнение заставит нас провести в жизнь то, что мы отрицаем сейчас. Зачем же так себя дискредитировать?

Необходимо теперь же, не откладывая дела ни на минуту, выяснить нижним чинам, что манифест целиком относится и к ним, и выработать в соответствии с интересами службы и личного состава армии те формы, в которых он должен быть применен.

Каким же образом осуществить все это практически?

Прежде всего, необходимо узнать действительные нужды войск от них самих, узнать точно, какие толкования получил манифест в среде нижних чинов и офицеров, и затем выработать, при участии тех же войск, как можно удовлетворить их нужды и в какие наиболее удобопонятные формы следует облечь толкование их прав.

Наконец, офицерскому составу необходимо предъявить самые строгие требования, не стесняясь удалением со службы элементов негодных.

Необходимо при этом дело поставить так, чтобы все увидели сразу, что принимаются какие-то серьезные меры к улучшению настоящего положения, чтобы все поверили тому, что будет делаться, и, наконец, связать эти меры с манифестом 17 октября, чтобы все наглядно убедились, что он издан и для войск.

Единственным к этому средством, на мой взгляд, было бы издание повеления главнокомандующего о том, чтобы от каждой отдельной части (например, полка) офицерами ее были избраны, без участия давления начальства, по одному депутату-офицеру, пользующемуся полным доверием и любовью как офицеров, так и нижних чинов части; чтобы эти офицеры собрались в назначенном месте и образовали бы комиссию, которой главнокомандующий поручит «разобрать нужды офицеров и солдат, доложить их ему и представить проекты тех мер, которые нужно принять для удовлетворения этих нужд». Разумные и возможные из них главнокомандующий утвердит, противоположные отринет. Для того, чтобы комиссия могла доложить главнокомандую-

щему истинные нужды солдат, нужно приказать им (солдатам) заявлять их тому офицеру, который будет представителем полка в комиссии.

Только таким способом можно провести немедленно целый ряд реформ, крайне необходимых для удовлетворения самых существенных нужд и неудовольствий, и такой способ действий внушит столько доверия, что едва ли настоящее смутное положение продлится и далее. Председателем такой комиссии, конечно, необходимо назначить лицо с высоким положением и популярное в войсках, и я лично мог бы указать в этом случае, прежде всего, на генерал-адъютанта Куропаткина [18]), пользующегося всеобщей громадной любовью.

Несомненно, что самый факт созыва такой выборной комиссии и многие из проектов, которые, может быть, главнокомандующий утвердит, будут противоречить существующим уставам и законоположениям, но считаться с этим, конечно, нельзя.

Главнокомандующий есть представитель верховной власти на театре войны, облеченный неограниченными полномочиями, а действия его в этом случае будут итти на пользу родине и в развитие воли верховного нашего вождя, бывшего до сих пор источником законодательства и последним своим актом лично осудившего прежний его строй.

В заключение докладываю, что писал я все это не в осуждение кого-либо, т. к. я сам принадлежу к той же офицерской и армейской среде; к тому же я решил уйти со службы, что исполню в недалеком будущем.

Рапорт же этот мой прошу, ваше превосходительство, принять, как жалобу мою на современный порядок, и дать ей законный ход, т.-е. довести ее до главнокомандующего, как непосредственного здесь начальника этого порядка.

Генерального штаба подполковник *Левандовский* *).

2.

Письмо А. Н. Куропаткина Н. П. Линевичу [19]).

Секретно.

Милостивый государь,

Николай Петрович!

По сведениям, мною полученным, несомненно, что г. Харбин в настоящее время представляет очаг заразы, и очень опасной, которая, если не будут приняты меры, распространится и в армии.

По докладу мне лиц, в правдивости и компетентности которых нельзя сомневаться, офицерские и нижние чины ведут в этом пункте себя распущенно, а нижние чины и вызывающе.

*) На подлинном надпись: «Резолюция генерал-квартирмейстера: Возвратить подполковнику Левандовскому. Орановский».

Генерал Надаров справлялся с трудом и в последнее время успел значительно очистить Харбин от запасных, но ныне неожиданно из Приамурского округа прибыло свыше двадцати эшелонов распущенных, развращенных малодушием властей Владивостока нижних чинов, которые подготовлены ко всякому безобразию, всякому насилию.

Нижние чины всех армий, обязанные по делам службы быть в в Харбине, видя распущенность нижних чинов в этом пункте, заражаются и сами.

Уже на станциях в районе расположения армий нижние чины начинают вести себя недисциплинарно: курят в присутствии офицеров, не отдают чести.

Офицеры в Харбине пьянствуют, играют азартно в карты, и своим поведением многие из них вызывают в нижних чинах и в гражданском населении неуважение к офицерскому мундиру.

Гражданское население Харбина, неразборчивое в средствах наживы, ныне оказалось неразборчивым и в средствах возбуждения среди нижних чинов и офицеров самых крайних учений, ведущих к к анархии.

Выходящие в Харбине без должной цензуры газеты подливают масло в костер [20]).

А между тем Харбин составляет базу всех трех армий и такой важности железнодорожный узел, что беспорядки, там начатые, при сопровождении их грабежом, поджогами и разрушением, лишат армию жизненных средств, а железную дорогу средств продолжать надолго работу по перевозке войск.

Все вышеизложенное дает мне основание признать положение Харбина крайне тревожным, а принятие в нем исключительных мер делом необходимым и неотложным.

По моему мнению, меры эти должны заключаться в следующем:

1) К городу Харбину необходимо применить положение о крепости в военное время, а ген. Надарову предоставить по отношению к гражданскому населению права коменданта [21]).

2) Усилить в Харбине полицейский надзор, совершенно ныне недостаточный.

3) Ввести в Харбин еще два донских казачьих полка и казачью батарею.

4) Разделить Харбин на участки и в каждом назначить участкового коменданта, обязанного самым строгим образом следить за поведением нижних чинов и офицеров. Назначить им в помощь офицеров, а также пешие и конные части.

5) Очистить Харбин от непутно проживающих в нем офицеров и чиновников. Разрешить временное проживание в Харбине даже по служебным делам не более двух офицеров от полка одновременно.

6) Войска, расположенные в Харбине, охранить от заразы усиленно. Проверить соответствие командного состава с трудностью задачи.

7) Нижних чинов, проживающих в Харбине, рассортировать. Кого надлежит — возвратить в свои части. Уволенных в запас взять в твердые руки, не стесняясь применением силы. Повторяю о необходимости продвигать их хотя малыми партиями вдоль дороги; если надо, — под конвоем казаков. Мороз и движение действуют успокоительно. Надо попробовать в отдельных командах запасных образовать солдатский надзор в виде круговой поруки. Запасные должны быть разбиты на маршевые батальоны и им дана организация, введен учет нахождения на лицо в отведенных помещениях, введен внутренний порядок. Можно командировать для командования ротами наших зауряд-прапорщиков.

Вместе с карательными мерами должны быть принимаемы и меры вразумления, внушения правильных понятий о событиях, совершающихся в России. Рекомендую и написанное мною наставление для запасных I Манчжурской армии, при сем прилагаемое.

Запасные, командами, с музыкою и песнями, в ногу, должны ежедневно совершать военные прогулки.

Весьма важно найти для них заработок и отвлечь их силы и время на полезную работу.

Полагаю необходимым привлечь их: а) к постройке полуземлянок на бригаду или, лучше, дивизию пехоты, бригаду артиллерии, полк казаков. Эти постройки очень пригодятся в будущем году; б) к постройке дорог в Харбине и окрестностях, особенно к укреплениям, и дорог, связывающих укрепления между собою; в) к планировке самого города Харбина, работ по планировке участков для новых пристаней и проч.

За дневную работу надо выдавать 20 и 25 коп.

8) Надо безусловно прекратить пьянство, разгул офицеров и нижних чинов. Для этого надо принять следующие меры:

9) Прекратить временно продажу спиртных напитков (водки) во всем Харбине без всяких исключений. У нарушителей водку конфисковать и уничтожать.

10) Закрывать заведения, где офицеры и нижние чины особо предавались разгулу и карточной игре.

11) Сократить число увеселительных заведений и обязать, чтобы к 11 часам вечера все они были закрываемы.

12) Все заведения, где дают пищу, должны быть закрываемы к 12 часам ночи, когда торговля, все заведения — все должно быть прекращено.

13) По отношению к гражданскому населению и служащих невоенного ведомства (вернее, всех ведомств) должны быть приняты особые меры. Прежде всего, необходимо оградить мирное население от насилий всякого рода, чинимых в Харбине: от воровства, бесчинства и разбоев на улицах, до терроризования массы населения социал-демократическою партиею. Манчжурия не часть России, а военный лагерь, временно занятый нашими войсками, а Харбин есть главный магазин этого военного лагеря: железнодорожный, продовольствен-

ный, вещевой, артиллерийский и проч. Ни в одном военном лагере не могут и не должны допускаться явления, вернее, безобразия, ставшие обычными в Харбине. Основание существования каждого военного лагеря: строгая дисциплина, порядок, отсутствие политической борьбы, политических манифестаций, отсутствие, конечно, пропаганды к подрыву дисциплины и к вызову военного бунта. Не могут и не должны поэтому эти явления быть допускаемы во всей Манчжурии и в Харбине в частности.

При более твердом, чем наше, правительстве, до издания при содействии Государственной Думы новых законов, отменяющих старые, открытая деятельность крайних партий была бы невозможна, но это дело не наше; если таковая деятельность допущена во всей России, трудно запретить ее в Приамурском крае и Забайкалье, но в Манчжурии, в нашем военном лагере, таковая, очевидно, должна быть запрещена, пока не будут выведены войска. Поэтому ныне же должны быть приняты меры к прекращению деятельности социал-демократической партии в Манчжурии *). Вожаков надо удалить из Манчжурии осторожно, но без колебаний, иначе мы не успокоим Харбина.

В числе служащих на Восточно-Китайской дороге и в правительственных учреждениях на сколько-нибудь ответственных должностях социал-демократы не могут быть терпимы.

14) Для успокоения Харбина и обеспечения мирной работы и жизни ее обывателям необходимо образовать должность градоначальника с сильным штатом полиции. Для заведывания городскими делами — образовать городскую думу из выборных людей (без политики).

15) Каждое сопротивление власти, в законном порядке действующей, каждое насилие той или другой из крайних партий над мирными гражданами должно беспощадно прекращаться силою. В особенности такая сила должна быть проявлена с полною энергиею, если в беспорядке участвуют воинские чины.

16) Надо принять меры к рассосредоточению наших складов из Харбина.

Пишу настоящее письмо, руководствуясь манифестом 17 октября, которым все верные сыны России призываются помочь прекращению смуты и напрячь все силы к восстановлению тишины и мира на родной земле. Такой мир немыслим, если миллионная армия в Манчжурии будет отрезана от России и явит пример не доблести, а упадка дисциплины и разложения.

Излагая свое мнение с полною откровенностью, долгом своим считаю довести до сведения вашего высокопревосходительства, что если Харбин не будет приведен в полный порядок, я не могу отвечать

---

*) Газеты социал-демократического направления не должны издаваться в военном лагере. *(Примеч. подлинника.)*

за поддержание порядка и среди запасных чинов вверенной моему командованию I Манчжурской армии.

Прошу принять уверение в совершенном моем к вам уважении и таковой же преданности.

А. Куропаткин.

21 ноября 1905 г. № 286. Шуанченпу.

3.

Письмо И. П. Надарова А. Н. Куропаткину *).

Милостивый государь,

Алексей Николаевич.

За последнюю неделю события в Харбине пошли с поразительной быстротой. Образовался стачечный комитет служащих Китайско-Восточной железной дороги, который объявил условную забастовку. Из него выделился стачечный комитет рабочих, который начал с обструкции: закрывает рестораны, лавки, заставляет с завтрашнего дня бастовать извозчиков. Первый стачечный комитет хотел возить войска, и даже как будто усиленно. Второй, повидимому, может прекратить перевозку войск. В противовес этому последнему, а отчасти и в противовес первому комитету начинает организовываться партия реакции, и ожидается ежечасно свалка и пожары с погромами.

Верхнеудинский казачий полк ушел уже, Сибирские полки уже в движении домой. Осталось у меня 4 сотни 1 Аргунского казачьего полка и бригада 17 пехотной дивизии.

Нам необходима теперь помощь, и очень скорая. Пехота от нарядов уже обессилела. Сегодня послал вам шифрованную телеграмму; прошу бригаду донских казаков ускоренным маршем и бригаду надежной пехоты. О том же телеграфировал главнокомандующему и говорил с ним по телефону. Он обещал прислать, но не знаю, будет ли что. Я две недели назад просил усиленно принять должные меры, теперь уже поздно. Стачечный комитет представляет мне свои требования, а я, разумеется, не могу признавать этого комитета. В Чите рабочие с казаками и солдатами гарнизона уже дважды собирались на митинги и предъявляли генералу Холщевникову ряд требований, в том числе освободить с гауптвахты двух казаков, осужденных военно-окружным судом в арестантские роты, и Холщевников освободил...

Вчера была сходка в мастерских Харбина, и были депутации от I, II и III армий. Революционеры внушили представителям от армий, что стачечники возят войска и даже будут возить бо́льшим числом

*) На письме две приписки: «Получено 28 ноября в 8½ ч. утра. *Куропаткин*». «Ответ на мое письмо к г. Линевичу от 21 ноября № 286, препровожденное к г. Надарову в копии. *Куропаткин.*»

поездов, но что начальство военное препятствует перевозкам и не пускает солдат к отправлению, а поэтому солдатам необходимо вырезать все свое начальство, начиная с главнокомандующего и командующих армиями и кончая последним офицером.

Когда представители армий ушли ехать *) по своим армиям, то те же агитаторы говорили, что вот, мол, начальство натравляет солдат на нас, а мы их натравим на начальство. Еще посмотрим, чья возьмет.

Положение очень скверное, и я все это передал по телефону главнокомандующему. Но ничего в ответ не получил.

Очень прошу прислать бригаду казаков и бригаду пехоты.

Прошу принять уверения в совершенном почтении и уважении.

Покорный слуга *Ив. Надаров.*

27 ноября 1905 г. № 1501. Харбин.

4.

Письмо А. Н. Куропаткина И. П. Надарову.

Секретно.

Многоуважаемый Иван Павлович.

Письмо ваше от 27 ноября № 1501 получил, содержание его передал по телефону ген. Линевичу, в виду указания вашего в письме, что это сделано и вами.

Ген. Линевич, которому я еще раз указал на серьезность положения, повидимому, надеется на беспрепятственное движение войск, что он признает главным делом, допускающим закрыть глаза на то, что в сущности не он уже хозяин на жел. дороге.

На мое замечание, что стачечный комитет может прекратить перевозки по любому предлогу, ген. Линевич ответил мне, что тогда он будет пробиваться вперед, подобно тому, как то было исполнено с 13 арм. корпусом.

Бригаду казаков и бригаду пехоты вам посылаю. Вместо батареи ген. Лечицкий [22]) берет со стрелками пулеметную роту. Посылается два полка донских казаков с начальником дивизии г.-м. Стояновым во главе и бригада (6 б-в) 6-й В.-Сиб. стр. дивизии, 22 полк (Некрасов) и два б-на 24 полка (Суворов), пулеметная рота.

Части и командиры их отборные. Стрелки идут, оставив запасных. Состав их 100 штыков в роте. Смотрите на них, как на боевую силу, но не замотайте их нарядами. Караульную службу должны начать нести и вновь формируемые полки 4 В.-С. стр. дивизии (Фок).

Искренно готовый помогать вам *А. Куропаткин.*

28 ноября 1905 г. № 296. Шуанченпу.

*) Так в подлиннике.

5.

Письмо А. Н. Куропаткина Н. П. Линевичу.

Копия.

Весьма секретно.

Милостивый государь, Николай Петрович.

Положение становится все более серьезным. В настоящее время армия является отрезанной от империи. Хотя еще продолжают перевозить войска, но возможно, что и это будет прекращено.

Одновременно может быть прекращен подвоз всего продовольствия, а имеющийся кредит, за неполучением из России, иссякнет.

Уже и теперь идет пропаганда в армии, с указанием на то, что стачечники возят войска, но что начальство им препятствует.

С полным прекращением перевозок стачечники объяснят это незаконными действиями начальствующих лиц.

Генерал Надаров письмом сообщил мне, что на сходках стачечников присутствовали представители всех 3-х армий, которым и внушались означенные идеи, с предложением уничтожить начальство, после чего войска скоро и свободно перевезены будут в Россию.

Кроме этого, и в армию разосланы агитаторы. Сегодня получена телеграмма генерала Ренненкампфа [23]) об арестовании в Укашу двух лиц. Один из арестованных назвался штабс-капитаном конной батареи Шагиным, а другой — статский — его братом. Оба проживают в Харбине, оба не имеют никаких документов.

Находясь в местном ресторане в Укашу, оба проповедовали явно революционные идеи и были арестованы по приказанию генерала Ренненкампфа.

Все это указывает на серьезность положения и необходимость принятия энергичных мер.

1) Прежде всего, нужно озаботиться заготовлением продовольственных запасов, дабы предотвратить голодовку армии.

Поэтому полагал бы необходимым возможно ограничить расходование кредитов по всем нуждам, за исключением подготовки обеспечения довольствием.

2) Расформирование отделов управления интендантского, санитарного и сокращение штаба армии в то время, когда деятельность их особенно необходима, признаю несвоевременным, тем более, что при осмотре мною частей войск оказалось, что они не обеспечены теплой одеждой, а хлеб выпекается недостаточно хорошего качества.

3) Необходимо взять железную дорогу, до Иркутска по крайней мере, в свои руки, дабы забастовки служащих не оказывали на движение до этого пункта никакого влияния.

4) Обратить внимание на обеспечение складов в Харбине и рассосредоточить их.

5) Конных частей в I армии недостаточно. Забайкальская дивизия перегружена лошадьми, предназначенными для населения. Что касается Сибирской казачьей дивизии, то там, наоборот, более половины без лошадей, за их продажей.

Полагал бы часть лошадей, взятых для населения, передать в Сибирскую казачью дивизию, дабы посадить ее на коней. Испрашиваю разрешения на это.

6) Продажа водки с ханшинных заводов в районе армии, несмотря на принятые меры, все еще продолжается.

Прошу принятия экстренных мер к закрытию ханшинных заводов, с тем, что если продажа будет продолжаться, то все машины будут уничтожены, дабы прекратить выделку.

7) Сегодня выяснилось, что, несмотря на все принятые меры, до сих пор продолжается подвоз спирта из Харбина на лошадях. Необходимо принять самые энергичные меры к прекращению продажи водки и спирта в Харбине.

Примите уверения в совершенном почтении и таковой же преданности.

Подписано *А. Куропаткин.*

О последующем прошу не оставить меня предписанием. Важнее всего привести в порядок и водворить снова дисциплину среди офицеров и низших чинов, проживающих в Харбине.

Посылаемые сегодня в Харбин казачья и стрелковая бригады будут быстро развращены, если этих мер принято не будет.

Нижние чины массами толкаются на улице, продают свои казенные вещи, пьянствуют, бесчинствуют и имеют право думать, что харбинское начальство их боится.

Подписано *Куропаткин.*

28 ноября 1905 г. № 299. Ст. Шуанченпу.

6.

Письмо А. Н. Куропаткина Н. П. Линевичу.

Копия.

Дорогой Николай Петрович!

Насколько возможно, я успокоил ген. Надарова, дабы удержать его от принятия таких мер, которые послужат нам во вред, если явятся единичными и несвоевременными. Я обратил его внимание прежде всего на необходимость приведения в полный порядок воинских чинов и частей войск, которые находятся в Харбине. С переводом в Харбин бригады казаков и бригады стрелков, он может и должен, по моему мнению, положить предел тем безобразиям, кои чинят нижние чины в Харбине, а именно: беспорядочному толканию нижних чинов по улицам вместе с горожанами, продаже казенной одежды, пьянству,

неотданию чести, участию в разных митингах, в массовом заявлении разных претензий, сходкам чинов железнодорожных войск, воровству и грабежу, чинимых нижними чинами. Работа предстоит большая, но ее надо во что бы то ни стало выполнить. Только приведя военных чинов в порядок, можно будет приняться за упорядочение гражданского населения Харбина.

Очень важно следить, чтобы типографии в Харбине, даже казенные, не выпускали массу прокламаций. Мы не можем уберечь армию от распространения их, если не закроем источника происхождения — харбинские склады — этих прокламаций.

Повидимому, всеобщей забастовки железных дорог в России нет. Мы были обмануты. Если это так, то мы должны осторожно начать действовать, чтобы Китайская и Забайкальская дороги снова стали работать нормально. Надо скорее, хотя демонстративно, приступить к устройству этапных пунктов вдоль пути к Байкалу и Владивостоку, начать заготовлять лес, рыть землянки. Надо привлечь пограничную стражу к целям успокоения на дороге. Теперь Чичагов [24]) помощи нам не оказывает. Надо прочно захватить в наши руки главные пункты: станцию Манчжурия, Харбин, чтобы прервать сношения по железнодорожному телеграфу стачечников с Самарою и Москвою. Надо скорее особый провод с аппаратами Уитсона взять в свои руки, вызвав и поискав людей, которые на этих аппаратах умеют работать. Железнодорожные батальоны становятся ненадежными, особенно в Харбине. Надо эти батальоны вывести из Харбина (кого только можно), произвести им смотры, прибавить строевой выправки, напомнить нижним чинам, что они солдаты, крепко наказать, если они того стоят, но не давать разложению итти далее. Железнодорожные чины на линии распущены. В районе I армии я признаю, на основании закона, что в дисциплинарном отношении они подчинены мне, и уже приказал произвести им осмотр, опрос претензий, проверить знание ими основных правил строя и дисциплины, и все это сделать, не нарушая и не вмешиваясь в их специальную службу. Забайкалье меня очень тревожит. Надо там восстановить твердую власть. Если правда, что гарнизон Читы примкнул к стачечникам и составлял рассылаемое по войскам воззвание, то, очевидно, Холщевников [25]) оказался не на высоте занимаемого им поста. Надо принять меры, чтобы полки сибирской дивизии, приходящие малыми частями, не заражались мятежным духом.

Не следует ли сменить Холщевникова, если он оказался негодным? Но мы бедны людьми, и заменить его трудно. Я бы мог рекомендовать г.-м. Полковникова [26]): это умный и твердый человек. Вследствие формирования 4 и 7 В.-С. стрелковых дивизий, совершенно, по моему мнению, несвоевременного, и увеличения состава частей, остающихся на Дальнем Востоке, наши армии пришли в расстройство, которое не может не внушать опасений. Повторяю, что 1-й армейский корпус не может в Евр. России с успехом нести внутреннюю службу

без возвращения в его ряды нижних чинов сроков 903 и 904 г. г. Другие корпуса и дивизии I армии получали массу неизвестных им людей из других армий и тыловых учреждений. Есть роты по 260 чел. (с запасными). Размещены плохо, походных кухонь нехватает. Из других частей новые укомплектования прибывали почти раздетые и без предупреждения. Сбыли в сибирские стрелки массу евреев, поляков, слабосильных (из русских стрелковых и других частей), сбыли таких (1905 г.), которые строй знают очень плохо. Сегодня я был очень огорчен осмотром бригады 6-й дивизии, идущей в Харбин. Совсем не те полки (22 и 24), которые вы видели. Масса, почти половина *), нового народа, и притом мало выученного и невидного, слабого. Надеюсь, что молодцы-командиры скоро приведут их в порядок.

Слышал, что формирование 4 и 7 дивизий идет недостаточно успешно и что настроение Харбина отражается на вновь формируемых. Никогда я не посоветовал бы выбрать для формирования такую заразную яму, как Харбин. Вы увидите, что влияние Харбина в этих дивизиях останется надолго. Очень было бы полезно скорее вывести 4 и 7 дивизии из Харбина.

Водка все продолжает итти из Харбина волною. Ханшин [27]) пьют сильно. Помогите прекратить это. Но самое главное наше горе в настоящее время в армии — это все растущее среди запасных нижних чинов недоверие к справедливому увозу запасных и войск на родину. Приказу 10 ноября № 2485 [28]) перестают с основанием верить, а между тем в этой вере наша крепость. Рухнет вера, — начнутся беспорядки. В нарушении этого приказа крепко винят вас и Надарова. Создается убеждение, что стоит только зашуметь или лично попросить, и попадешь домой вне очереди. Указывают целые группы запасных, которые попали на поезда случайно, потому что выпросили себе это. Указывают отдельные кучки, которые, осаждая Надарова, добиваются будто бы того, что он приказывает перевезти их. Указывают на многие ваши приказания на движение вне вами же установленной очереди войсковых частей и запасных разных госпиталей и пр. Особенно тяжелое впечатление в армии произвела перевозка домой 6 и 9 Сибирских полков. По приказу № 2485 эти полки должны были итти после Забайкальских, а пошли ранее, не имея на то никакого права. Полки в боях не участвовали, а 6 полк даже второочередной. За что же обижены забайкальцы и потрудившиеся славно 4, 5, 7 и 8 Сибир. каз. полки? За что отнята у них вера в справедливость? **) Волнение еще более увеличилось, когда получилось известие, что вы хотите русские пулеметные отделения, приданные к Сибирским полкам, везти в Россию ранее сибирских казаков. Очень и очень прошу отменить это распоряжение. Очень прошу не давать отдельных разрешений на перевозку

*) В некоторых ротах более половины. (*Примеч. подлинника.*)

**) Лучше отказаться от моего предложения дать им лошадей, чтобы не увеличивать их сомнений. (*Примеч. подлинника.*)

командам госпиталей и другим частям, в противность приказа за № 2485. Это очень важно, иначе за спокойствие среди запасных армий я отвечать не могу.

Дайте нам твердую веру, что никто приказа за № 2485 не будет изменять, и тогда мы будем иметь в руках оружие порядка, иначе порядок будет нарушен.

Нахожу совершенно неправильным, что общий план перевозки войск составляется без участия командующих армиями и их начальников штабов. Отсюда и являются такие, например, неожиданности, что, по составленному плану перевозки 4 Сибирского корпуса, в голове всего корпуса уезжал со штабом командир корпуса. Мне представляется необходимым, чтобы план перевозки войск: запасных 1-й очереди, казаков и головных частей армии, ранее представления вам, был ныне же разработан в особом совещании, под председательством ген. Надарова, из ген. Шкинского [29]) и Ораовского [30]) и начальников штабов армий. Составленный и утвержденный вами, этот план, объявленный в приказе, должен составить неизменяемую величину.

Объявление в «Манчжурском Вестнике» общей цифры увозимых запасных—недостаточно. Надо, чтобы армии знали, что увозят этих запасных справедливо: по плану, а не по отдельным разрешениям.

10.000 лошадей для Забайкалья крайне стесняют забайкальских казаков и могут замедлить их отъезд на родину [31]). Обращаю на это ваше внимание. Неудобно, чтобы этот дар стал источником смуты в Забайкальск. каз. дивизии, славно послужившей в Манчжурии. Равно совершенно нежелательно, чтобы перевозка этих лошадей по железной дороге замедлила движение по ней людей.

Прочтите, дорогой Николай Петрович, настоящее письмо без горечи. Надо, чтобы вы знали правду, как она ни была неприятна вам. Мне, бывшему вашему начальнику, всегда вас высоко почитавшему, а теперь вашему усердному и исполнительному, всем сердцем расположенному к вам подчиненному, скрывать от вас правду не приходится. В том, что мною написано, может и не все подтвердится, но все изложенное в этом письме серьезно и должно привлечь ваше внимание и заботу.

Всегда преданный вам *А. Куропаткин.*

29 ноября 1905 г. Шуанченпу.

Еще скажу вам одну неприятность: не давайте слишком щедро наград вне поступающих к вам представлений, так сказать, наград случайных. По этому поводу слишком много идет в армиях вредных разговоров и слишком много обиженных, а самые награды, как Владимир 4 ст. и золотое оружие, обесцениваются. Тоже и знаки военного ордена нижним чинам вызывают разговоры, что «получили напрасно».

7.

Речь ген.-лейт. Надарова на собрании офицеров 2 декабря 1905 г. *).

В виду того, что в печати и в обществе различно и не вполне верно воспроизводится слово, произнесенное главным начальником тыла Манчжурских армий тем г. г. офицерам харбинского гарнизона, кои посетили общее собрание 2 декабря, редакция имеет возможность привести и эту речь, дословно записанную за ген.-лейтенантом Надаровым.

«Я пригласил вас сегодня, чтобы вы могли обсудить то тяжелое положение, в котором находится ныне государь император и наша армия в Манчжурии благодаря стачкам, забастовкам и агитации революционной партии. После манифеста 17 октября наступила свобода союзов. Но военный союз всегда существовал со времени образования армий и будет существовать до скончания века, как союз братский, товарищеский.

Ни для кого из вас не секрет, что революционная партия распространяет свои агитации среди нижних чинов и даже подговаривает нижних чинов к избиению офицеров. Вот мы должны обсудить, какие меры следует принять к противодействию этой пропаганде. Я получил такого содержания телеграмму от главнокомандующего, которую объявлять не буду, но в вашей среде считаю себя обязанным сказать ее содержание. «Получил телеграмму от харбинского стачечного комитета, что служащие станции Таолайчжоу ожидают поголовной резни со стороны военно-служащих всех железнодорожно-служащих от Таолойчжоу до Харбина. Объявите, что мною приняты все меры к недопущению этого. Вместе с тем объявите, что уже два месяца прошло со времени заключения мира и можно было бы вывезти более 200 тысяч запасных, а их вывезено только 54 тысячи благодаря стачкам и забастовкам. Также в армии многие солдаты мерзнут без папах, полушубков и валенок. Главный полевой интендант доложил мне, что огромное количество вагонов с этими вещами задержаны на Мысовой, Адриановке [32]) и по другим станциям благодаря стачкам и забастовкам.

Это, конечно, вносит раздражение среди чинов армии. Прошу принять меры, чтобы вагоны с этими грузами срочно были доставлены в Харбин, а равно к срочной передаче теплушек с Сибирской и Забайкальской дорог на Китайскую для вывоза войск, и принять меры к увеличению числа поездов, как то было 26 ноября, когда из Харбина было отправлено восемь поездов».

Стачечники распространяют по телеграфу в газеты заведомо ложные сведения, что железные дороги могли бы давать восемь, шестнадцать и даже двадцать пар поездов в сутки для вывоза армии из Манчжурии, но что военное начальство этому препятствует и высшая желез-

*) Напечатано в газете «Военная Жизнь», № 4, от 6 декабря 1905 г. Статья „К собранию г. офицеров 2 декабря".

нодорожная администрация ничего сделать не может. Еще сегодня утром я получил такую записку по телеграфу от читинского стачечного и рабочего комитета и сегодня же утром получил телеграмму из Иркутска, что Сибирская дорога не принимает от Забайкальской более четырех воинских поездов и потому станция Иннокентиевская совершенно забита и просит высылать не больше четырех поездов в сутки на запад.

До сих пор нам удалось удержать порядок и избегать насилий. Надо принять меры к разъяснению нижним чинам всей неосновательности распространяемых среди них воззваний стачечных и революционных комитетов, что военное начальство тормозит перевозку войск и посылает мало поездов, что в действительности на Сибирскую железную дорогу с Забайкальской продолжают принимать только по четыре поезда. Надо нам сплотиться и принять меры, чтобы сдерживать и тех из своих товарищей, которые имеют слабости и случайно своим поведением могут вызвать взрыв.

Вновь повторяю, до сих пор удалось избегнуть кровопролития; прошу вас употребить все меры к недопущению кровопролития и на будущее время. Если же, паче чаяния, армия будет поставлена в такое положение, что со стороны стачечников-революционеров будет открыто против армии кровопролитие, то мы поневоле прибегнем к кровопролитию, и тогда уже с нами, как с озверелой толпой, нельзя будет разговаривать.

Я первый тогда пойду впереди всех с ножом и буду резать всех, кто попадется под руку: и стариков, и женщин, и детей. Но до тех пор, пока я не покажу такого примера, прошу вас употребить на нижних чинов все ваше влияние и внушить им, чтобы кровопролития и насилия не допускали.

А теперь, господа, я вас оставлю, ибо за последние три недели настолько истомился, что едва держусь на ногах».

8.

Письмо Н. П. Линевича А. Н. Куропаткину.

Многоуважаемый Алексей Николаевич.

Сегодня я получил от государя императора по датскому телеграфу телеграмму, в коей его величество гневно указывает, что самоуправство стачечных и других комитетов внесли смуту и своеволие по всей сибирской магистрали и в население местностей, прилегающих к железной дороге. Что не обузданное вначале закономерными действиями властей самоуправство это местами приняло характер мятежа и отрицания законных властей.

Что полученные его величеством сведения указывают, что мною не были приняты своевременно меры для удержания железных дорог, телеграфа и подчиненных мне областей от непрерывающихся и по на-

стоящее время самоуправства и своеволия стачечных комитетов железно-[дорожных?] и телеграфно-служащих.

Что посланное мне его величеством три недели тому назад повеление о посылке генерала Ренненкампфа [33]), насколько известно его величеству, еще и до сих пор не приведено в исполнение.

После сего государь повелевает немедленно последнее исполнить и в кратчайший срок примерно наказать виновных в самозванном присвоении себе власти по всей строгости законов по военному времени и установить по всей железнодорожной полосе и в прилегающих к ней городах беспрекословное исполнение требований законных властей.

Затем требуется доносить ежедневно о принятых мерах.

Само собою разумеется, что содержание этой телеграммы в значительной степени справедливое, но только при заключении из Петербурга, откуда не видны все полностью обстоятельства, сопровождающие данное положение.

По моему глубокому убеждению, мы на месте имели два течения, с которыми было необходимо одновременно и упорно бороться. Одно — стачечный комитет, забастовщики и разного рода союзы, созданные частью смутами, а частью всеобщим движением, чему содействовали имевшие в России колоссальный успех забастовки. Другое же течение, это — наши запасные, которые, будучи подстрекаемы агитаторами и революционерами, настойчиво требовали исполнения их справедливого и законного желания быть отправленными по окончании войны на родину. Это последнее было не только тревожно, но даже и опасно, — могло перейти даже в военный бунт.

Таким образом, из двух необходимо было избрать одно, и еще тем более что мы в то время имели все города: Никольск, Хабаровск, Харбин, Манчжурию, Читу, Нингуту, наполненные исключительно маршевыми и запасными батальонами, составленными из одних запасных. Это были не более как толпы и вооруженные банды, державшие перечисленные города, как и Владивосток, в осадном положении. Все города это отлично понимали, и все вопили скорее освободить их от этих войск, всегда способных по характеру на разгром, а таких войск было около 100 тыс. Пароходов же не давали.

Вот причины, почему я вынужден был оставить стачечников в покое временно и воспользоваться их спокойствием, чтобы вывезти запасных из тыла.

В наших армиях запасные, даже и из находившихся в строю, тоже сильно бродили и волновались; не много требовалось, чтобы и между ними вспыхнул мятеж.

Однако, благодарение богу, оставляя стачечников в покое на некоторое время, мы тем временем вывезли значительное число запасных, успокоили наши армии, и хотя еще не успели вывезти даже и 1-й очереди, тем не менее, мы ныне сделались очень сильны, даже настолько сильны, что мы уже и ныне, не обращая особенного внимания на запасных, можем спокойно разогнать всех стачечников.

Но и стачечники, и забастовщики ныне, по моему мнению, стали значительно слабее, и ныне с ними управиться стало легче. Вот только одна Чита еще крепка и даже, к огорчению, вооружилась; с нею покончить будет труднее [34]).

В общем я все же считаю лучшим, что мы вывозили запасных, и сожалею, что мы их еще и до сего времени не вывезли. Если бы мы к этому времени успели бы вывезти 1-ю очередь и начали вывозить вторую, то мы бы были настолько сильны, что и России могли бы облегчить их задачу.

Пароходов все еще нет из России и во Владивостоке не нанимаются. Вообще в России не желали, а может быть, и не умеют понять то тяжкое положение, в котором находились наши армии.

Но что делать,— чем, однако же, скорее меня уберут из существующего тяжелого положения, тем для меня будет только отраднее.

Не во-время случилось и настоящая задержка на Хингане [35]),— она многое у нас затормозила, но будет все спокойно.

В Хабаровске даже и ныне все еще волнуются: там осталось некоторое число запасных, и вот они все мутят, а пароходов нет вывезти.

Во Владивостоке из железнодорожного стачечного комитета одного члена, некто доктор Ланковский [36]), арестовали. Он врач Уссурийской железной дороги, вступил в стачечный комитет и ныне всю дорогу убеждает, что Креммер [37]) сумасшедший. Вот за это его привлекли к ответственности и избрали меру пресечения... арест на гауптвахте. Комитет волнуется, мне телеграммы пишет, но сегодняшняя телеграмма от государя, которую я отправил Хрещатицкому [38]) и Селиванову [39]) для руководства и исполнения, только лишь поддержит Селиванова, Креммера и Ельшина [40]), не отдающих Уссурийскую дорогу в руки стачечного комитета.

Примите уверение в совершенном уважении, жму вам руку.

Н. Линевич.

Также государь император требует, чтобы немедленно были бы отправлены без запасных 3-я и 37-я пехотные дивизии в Россию.

Как видите, просто рвут из Петербурга, и не знаю, что делать. Они еще добавляют, чтобы от названных дивизий запасных оставить в армии, образовать из них роты и уже по отправлении дивизий отправить запасных.

Прямо ведут дело к тому, чтобы у нас явился мятеж.

Также государь меня упрекает еще и в том, что я моим приказом от 10 ноября № 2485 к о р е н н ы м о б р а з о м изменил существовавшее предположение мое отправлять корпусами.

Н. Линевич *).

6 января 1906 г. Лошагоу.

---

*) На подлинном надпись: «Получил 7 января. *Куропаткин*».

III.

События в Чите.

Заключение *) военного прокурора суда войск Дальнего Востока по делу о бывшем военном губернаторе Забайкальской области, командующем войсками в этой области и наказном атамане Забайкальского казачьего войска, генерал-лейтенанте Холщевникове, Иване Васильевиче, и бывшем командире 2-го пехотного Сибирского Читинского полка генерал-майоре Румшевиче, Иосифе Францевиче [41]).

Вслед за обнародованием высочайшего манифеста 17 октября 1905 г., вследствие неправильного понимания всемилостивейше дарованных сим манифестом свобод, во многих местах нашего отечества начались политические движения, принявшие весьма резкий характер.

В Забайкальской области это политическое движение зашло особенно далеко и приняло характер чисто революционный, мятежнический. Для подавления этого мятежа правительством были приняты чрезвычайные меры, и только благодаря этим мерам край был умиротворен.

По умиротворении края, для выяснения причин, давших возможность развиться этому революционному движению, был произведен ряд дознаний, одно из коих установило, что главной причиной развития революционного движения в Забайкальской области вообще и в г. Чите в частности была деятельность военного губернатора области, командующего в ней войсками и наказного атамана Забайкальского казачьего войска, генерал-лейтенанта Холщевникова, а впоследствии, с начала декабря 1905 г., и деятельность генерал-майора Румшевича, командующего 2-м пехотным Сибирским Читинским полком, прибывшим в Читу на усиление гарнизона.

Деятельность названных генералов по дознанию представляется в таком виде.

I. Деятельность генерал-лейтенанта Холщевникова.

Из показания, данного на дознании читинским уездным воинским начальником полковником Воложаниновым, видно, что в 1905 г. в г. Чите находились: 2-й читинский резервный батальон, 6-й восточносибирский запасный батальон, читинская местная команда, в составе 40 человек, читинская конвойная команда, в составе 19 человек, сбор-

*) Заключение было представлено министру внутренних дел воен. губернатором Забайкальской области ген.-м. Сычевским [42]) при отношении 23 апр. 1906 г. № 1286. (*Прим. ред.*)

ная конная сотня, в составе около 200 человек, запасный артиллерийский забайкальский казачий взвод, который, кроме двух орудий, мог дать до 100 шашек, и, наконец, 3-й резервный железнодорожный батальон (т. I, л. 140).

Из приложенного к делу рапорта командира 2-го пехотного сибирского Читинского полка от 8 апреля 1906 г. за № 2437 видно, что 15 октбяря 1905 г. во 2-м читинском резервном батальоне состояло нижних чинов 912, а в 6-м восточно-сибирском запасном батальоне 304, а следовательно, в общей сложности, в обоих батальонах 1216 человек (т. I, л. 141).

Таким образом оказывается, что если даже считать 3-й резервный железнодорожный батальон, Читинскую местную команду и читинскую конвойную команду постоянно занятыми службой по своей специальности, к октябрю 1905 г. для поддержания в г. Чите государственного порядка в распоряжении генерал-лейтенанта Холщевникова было 2 орудия, около 1200 человек пехоты и около 300 человек кавалерии.

В указанное время гарнизон г. Читы был вполне благонадежен. Доказывается это нижеследующим.

1) Нижние чины 3-го резервного железнодорожного батальона, впоследствии совершенно развратившиеся в дисциплинарном отношении и в январе 1906 г., в числе слишком сорока человек, учинившие тяжкие воинские преступления, по прибытии своем в г. Читу, на вопросы знакомых железнодорожных рабочих — будут ли они в случае возникновения беспорядков стрелять в них, отвечали обыкновенно: «а присяга на что? прикажут, так и будем». Это удостоверили на судебном заседании временного военного суда, учрежденного при отряде генерал-лейтенанта Ренненкампфа по делу о беспорядках в названном батальоне, свидетели: штабс-капитаны Матвеев и Щукин, поручик Федотов, подпоручик Султанов и прапорщик Иванов (т. I, л. 136).

2) 14 октября 1905 г. в читинских железнодорожных мастерских произошла забастовка, сопровождавшаяся прекращением движения поездов, порчей телеграфа и двух запасных паровозов. Для охраны железнодорожных сооружений на ст. Чита были назначены 2 роты 3-го резервного железнодорожного батальона и одна рота 6-го сибирского запасного батальона. 15 октября утром толпа железнодорожных рабочих сделала попытку овладеть вагоном с винтовками, находившимся в материальном складе дороги; попытка эта окончилась неудачей, так как толпа была отбита охраной, при чем один рабочий был ранен. Затем толпа рабочих человек в 300, с красными флагами и пением, со станции Чита-вокзал отправилась на станцию Чита-город, но здесь у самой станции была остановлена войсками и после увещания, опустив флаги, вернулась обратно. Около часу дня те же люди пришли по-одиночке на базарную площадь и здесь соединились с несколькими стами городских рабочих. По прибытии войскового наряда

толпа эта разошлась, и к вечеру порядок был восстановлен; 16 и 17 октября никаких беспорядков не было, хотя забастовка и продолжалась (т. IV, л. 34, л. 36).

3) Утром 19 октября 1905 г. толпа учащихся и рабочих ворвалась в здание читинской мужской гимназии с целью устроить сходку без участия учебного персонала. По требованию полиции толпа оставила здание и направилась к зданию женской гимназии, но была рассеяна взводом казаков, при чем к принудительным мерам открытою силою казаки не прибегали. После полудня за речкой Читой толпа учащихся и рабочих снова собралась и двинулась в город. Навстречу ей была выслана сотня казаков, которой для рассеяния толпы пришлось прибегнуть к открытой силе в виде конной атаки. Во время этой атаки некоторые из толпы были помяты, получили удары нагайками и ушибы (т. IV, л. 44, 43).

Применение к рассеянию сборищ военной силой и беспрекословное исполнение военнослужащими приказаний по этому поводу начальства не остались без влияния на жителей города и рабочих, показав им, что объявление военного губернатора Забайкальской области от 17 октября 1905 г., запрещающее всякого рода уличные сборища, сходки и собрания, под угрозой прекращения оных всякими мерами, вплоть до употребления оружия включительно, есть вещь серьезная, с которой нужно считаться. Доказательства этого генерал-лейтенант Холщевников получил того же 19 октября: в этот день к нему явилась депутация от железнодорожных служащих и рабочих с просьбой разрешить похоронить на городском кладбище тело рабочего Кисельникова [43]), убитого 15 октября при нападении на вагон с винтовками; генерал-лейтенант Холщевников разрешение это дал, но под условием, чтобы в похоронной процессии не было красных флагов и чтобы по окончании похорон толпа разошлась с кладбища по-одиночке. Требование это железнодорожными служащими, рабочими и вообще всеми участвовавшими в похоронах Кисельникова было исполнено (т. IV, л. 38, 44 об.).

После 19 октября 1905 г. верный в то время долгу службы и присяге гарнизон города Читы, в смысле поддержания государственного строя, употреблялся только для караулов, число коих было увеличено, и для патрулирования. К открытой силе для поддержания порядка генерал-лейтенант Холщевников более не прибегал, сообщив 21 октября главнокомандующему, главному начальнику тыла и генерал-губернатору, что находящихся в городе войск для употребления против беспорядков силы далеко недостаточно, что употребление войск против уличного сборища 19 октября вызвало сильное возбуждение среди населения и служащих и что в целях успокоения населения и водворения нормальнаго течения жизни он приложил все меры к тому, чтобы обойтись без применения открытой силы (т. IV, л. 45).

В конце октября гарнизон города Читы был усилен 4-м Забайкальским пешим батальоном и задержанными на станции воинскими эшелонами № 501 и 502 (т. III, л. 10, т. IV, л. 30).

14 октября 1905 г. приамурский генерал-губернатор телеграммой за № 112 указал генерал-майору Холщевникову от имени товарища министра внутренних дел, что всякие сборища, сходки и собрания, на устройство коих не испрошено разрешения, должны быть прекращаемы всеми мерами, вплоть до применения открытой силы (т. I, л. 142).

Несмотря на это указание и усиление гарнизона, генерал-лейтенант Холщевников не прибег к помощи войск и в следующем имевшем весьма важные последствия случае.

По словам свидетелей читинского уездного воинского начальника полковника Воложанинова, начальника Забайкальской местной бригады генерал-майора Якубинского, адъютанта наказного атамана сотника Бабина, находившихся в карауле на гауптвахте рядовых расформированного ныне 2-го читинского резервного батальона Ивана Зайцева и Гикалова, бывших очевидцами всего происходившего, 24 ноября 1905 г., часов около пяти вечера, толпа народа человек в 400—500, пройдясь с красными флагами и пением несколько раз по Амурской улице, подошла к дому наказного атамана. Толпа осталась на улице, а в дом вошло несколько депутатов, которые, когда к ним вышел генерал-лейтенант Холщевников, потребовали от него освобождения содержащихся в Акатуевской тюрьме бывших матросов транспорта «Прут» [44]), арестованных на гауптвахте, в ожидании отправления в дисциплинарный батальон, казаков Полутова и Мисюркеева [45]) и содержавшегося в тюрьме, в предварительном заключении, некоего Кривоносенко [46]). Освободить из Акатуевской тюрьмы бывших матросов транспорта «Прут» генерал-лейтенант Холщевников отказался, а на освобождение Кривоносенко, Полутова и Мисюркеева согласился и тут же продиктовал сотнику Бабину [47]) и подписал две записки об освобождении: одну на имя начальника тюрьмы, а другую на имя караульного начальника. Затем записки эти были переданы депутатам, а сотнику Бабину было приказано съездить на гауптвахту и в тюрьму, чтобы предупредить там о состоявшемся распоряжении до прихода толпы; на гауптвахту до прихода толпы сотник Бабин попасть не успел, в тюрьме же возложенное на него поручение исполнил, предупредив начальника, что военным губернатором дана отцу Кривоносенко, бывшему в числе депутатов, записка об освобождении сына на его поруку (т. I, л. 17, л. 18, л. 18 об.).

Получив записки, депутаты вышли из дома; один из них стал на тумбу и сообщил толпе, что генерал-лейтенант Холщевников приказал освободить Кривоносенко и двух казаков; после этого толпа, с криками «ура» и пением, направилась на гауптвахту. При приближении к гауптвахте некоторые из толпы, в том числе и бывшие в толпе казаки, видимо, ожидая сопротивления со стороны караула, стали заряжать револь-

веры, но дело до стрельбы не дошло, так как караульный начальник, получив записку об освобождении Полутова и Мисюркеева, немедленно отпустил их с гауптвахты. Затем толпа отправилась в тюрьму и точно так же освободила Кривоносенко, при чем отец его на записке об освобождении собственноручно написал, что берет сына на поруки (т. I, л. 25 об., л. 24 об., л. 9).

Освобожденный из тюрьмы генерал-лейтенантом Холщевниковым арестант Дмитрий Кривоносенко числился за военным судом, по обвинению в деяниях, за которые ему грозили каторжные работы (т. I, л. 6).

Бывшие матросы транспорта «Прут», освобождения коих из Акатуевской тюрьмы требовали депутаты толпы от генерал-лейтенанта Холщевникова, были выпущены на свободу 20 декабря 1905 г., при чем по поводу их освобождения начальник названной тюрьмы статский советник Фищев [48]) показал на дознании следующее. Вследствие предписания генерал-лейтенанта Холщевникова от 26 ноября 1905 г. за № 8862 он, статский советник Фищев, 5 декабря 1905 г. прибыл в г. Читу и явился к военному губернатору; генерал-лейтенант Холщевников сообщил ему, что на него поступила жалоба от освобожденного государственного преступника Вайценфальда и что он опасается, как бы в Акатуевской тюрьме не вспыхнул бунт. Успокоив военного губернатора в отношении возможности бунта, он спросил, как ему поступить, если в тюрьму явятся делегаты от революционеров и потребуют освобождения заключенных. На это генерал-лейтенант Холщевников ответил, что в этом случае нужно тотчас же освободить заключенных, а отнюдь не оказывать вооруженного сопротивления. 20 декабря 1905 г. к нему в Акатуевскую тюрьму прибыло шесть делегатов от читинского гарнизона двое рабочих и четверо солдат, вооруженных шашками [49]); делегаты эти предъявили ему какую-то записку с требованием освободить 15 человек заключенных, бывших матросов с транспорта «Прут». Помня приказание своего начальника, генерал-лейтенанта Холщевникова, он это требование беспрекословно исполнил, хотя при тюрьме была конвойная команда численностью в 60 человек (т. I, л. 105, л. 106).

Помощник начальника Акатуевской тюрьмы губернский секретарь Островский удостоверяет, что по возвращении статского советника Фищева в декабре 1905 г. из г. Читы последний немедленно ему сообщил о распоряжении генерал-лейтенанта Холщевникова — освободить из тюрьмы заключенных, если того потребуют революционеры (т. I, л. 105 об.).

За освобождение из вверенной ему тюрьмы 15 человек сосланных в каторгу бывших матросов транспорта «Прут» статский советник Фищев был предан временному военному суду, учрежденному при отряде командированного в Забайкальскую область по высочайшему повелению генерал-лейтенанта Ренненкампфа. Дело это рассматривалось судом 10 марта 1906 г. и суд оправдал статского советника Фи-

щева, признав, что хотя он и выпустил в действительности из тюрьмы вышеуказанных бывших матросов, но сделал это вследствие полученного на то распоряжения высшего начальника края (т. I, л. 120, л. 121).

По поводу освобождения арестованных Кривоносенко и казаков Полутова и Мисюркеева генерал-лейтенант Холщевников объяснил, что, действительно, приказал их освободить, но сделал это под давлением толпы народа, состоящей из людей штатских, солдат и казаков, частью вооруженных. Толпа эта через депутатов потребовала освобождения вышепоименованных трех арестантов под угрозой в случае неисполнения этого требования разгрома гауптвахты и тюрьмы. Принимая во внимание, что караулы на гауптвахте и в тюрьме были по сравнению с толпой совершенно ничтожны и выставлены от частей гарнизона, на которые нельзя было безусловно рассчитывать, что разгром тюрьмы и гауптвахты будет сопровождаться освобождением всех содержавшихся там арестантов, он, генерал-лейтенант Холщевников, находясь в критическом положении, решился выпустить Кривоносенко, Полутова и Мисюркеева, первого на поруки отца, а остальных двух под надзор начальства. Депутаты толпы требовали от него также распоряжения о выпуске из Акатуевской тюрьмы бывших матросов транспорта «Прут» но в этом он им решительно отказал. Об освобождении арестованных он тотчас же телеграфировал главнокомандующему, главному начальнику тыла, приамурскому генерал-губернатору и министру внутренних дел, при чем в телеграммах этих просил указания, как поступить с требованием мятежников об освобождении арестантов из Акатуевской тюрьмы, намереваясь, в целях успокоения толпы, сообщить полученные указания мятежникам (т. I, л. 20, 19 об., л. 4).

Что касается до фактического освобождения из Акатуевской тюрьмы 15 бывших матросов транспорта «Прут», то генерал-лейтенант Холщевников категорически отвергает свое участие в этом деле. По его словам, 5 декабря 1905 г. у него со статским советником Фищевым, после беседы о положении дел в Акатуевской тюрьме, произошел такой разговор. Статский советник Фищев заявил: «Все ходят слухи об освобождении матросов; вы, ваше превосходительство, уж увольте меня от тюрьмы, а то придут освобождать матросов, что же я могу сделать». На что он, генерал-лейтенант Холщевников, возразил: «Я вас не уволю; каждый должен остаться на своем месте в такое тяжелое время; об освобождении матросов не может быть и речи, у вас не может быть случая, как был в Чите; ко мне пришла толпа в 5—6 тысяч человек с требованием освобождения Кривоносенко, 15 матросов из вашей тюрьмы и двух казаков и с угрозой разгрома гауптвахты и тюрьмы; я вынужден был освободить из тюрьмы Кривоносенко и двух казаков, а в освобождении матросов отказал, но только в целях успокоения толпы я об этом передал на благоусмотрение главнокомандующего, главного начальника тыла и генерал-губернатора; у вас такого случая — такой толпы в несколько тысяч человек и даже в несколько

сот — не может быть; нет, я вас не уволю». Этим разговор и кончился (т. I, л. 3 об.).

Из того же показания генерал-лейтенанта Холщевникова видно, что о готовящейся попытке освободить акатуевских арестантов ему было известно заблаговременно: исправляющий должность начальника штаба области войсковой старшина Головачевский докладывал ему, что один из писарей штаба намеревается ехать для этой цели в Акатуй. Генерал-лейтенант Холщевников приказал войсковому старшине Головаческому этой поездки отнюдь не допускать, но, занятый другими многочисленными делами, об этом забыл и за исполнением своего приказания не наблюл, так что писарь уехал. Около того же времени и с той же целью освободить матросов, заключенных в Акатуевской тюрьме, самовольно отлучился из Читы один из писарей управления читинского уездного воинского начальника. У генерал-лейтенанта Холщевникова явилась тогда мысль послать в Акатуй и в управление Нерчинской каторги телеграммы с приказанием арестовать этих писарей, и он эту мысль кому-то высказал, но ему заявили, что телеграф правительственный не действует, а по железнодорожному такие телеграммы не пройдут, «да и что могут сделать несколько нижних чинов, даже при содействии заключенных внетюремного разряда, когда там надлежащая конвойная команда». Генерал-лейтенант Холщевников с этим согласился, так как начальником акатуевской конвойной команды был офицер, отлично ему рекомендованный (т. I, л. 1, л. 1 об.).

Делегаты, ездившие в Акатуй освобождать бывших матросов транспорта «Прут», и нижние чины, выбравшие их, всего 27 человек, приговором временного военного суда, учрежденного при отряде генерал-лейтенанта Ренненкампфа, состоявшимся 10 марта 1906 г., были присуждены к смертной казни через расстреляние*) [50] (т. I, л. 120 об., л. 121).

Находившийся в распоряжении генерал-лейтенанта Холщевникова 2-й читинский резервный батальон и 6-й восточно-сибирский запасный батальон в конце ноября 1905 г. имели налицо нижних чинов: первый около 900 человек, а второй около 220 человек, что видно из приложенного к делу рапорта командира 2-го пехотного сибирского читинского полка от 8 апреля 1906 г. за № 2437 (т. I, л. 141).

В конце ноября и в начале декабря 1905 г. в г. Читу прибыл 2-й пехотный сибирский читинский полк, в коем 1-го декабря состояло налицо 74 офицера и 4218 нижних чинов (т. IV, л. 80).

Того же 1 декабря 1905 г. во 2-м читинском резервном батальоне состояло налицо 442 человека, а в 6-м восточно-сибирском запасном батальоне 50 человек (т. I, л. 141).

*) Впоследствии, по высочайшему повелению, для всех 27 осужденных смертная казнь была заменена каторгой на сроки от четырех лет до бессрочной, с законными последствиями сего рода наказания. (*Прим. подлин.*)

Если присоединить сюда воинские эшелоны № 501 и № 502, задержанные на станции, то окажется, что в начале декабря 1905 г. гарнизон г. Читы состоял не менее как из 5000 человек.

Из имеющегося в настоящем деле особого постановления временного военного суда, учрежденного при отряде генерал-лейтенанта Ренненкампфа, состоявшегося в судебном заседании по делу о беспорядках в 3-м резервном железнодорожном батальоне, видно, что свидетели по этому делу штабс-капитан Матвеев и Щукин, поручик Федотов, подпоручик Султанов и прапорщик Иванов на судебном заседании показали, между прочим, и следующее. Вечером 5 декабря 1905 г. в канцелярию 3-го резервного железнодорожного батальона ворвалась толпа железнодорожных рабочих, приведенная оружейным мастером батальона Грековым, ныне находящимся в бегах, и, с оружием в руках, похитила около 800 винтовок, хранившихся в канцелярии; совершив похищение винтовок, похитители удалились, оставив записку, в которой уведомляли, что захваченное оружие впоследствии будет возвращено. Командир батальона полковник Дориан [51]) о случившемся немедленно доложил генерал-лейтенанту Холщевникову, который посоветовал ему съездить в мастерские и спросить рабочих, возвратят ли они оружие. Исполняя это приказание, полковник Дориан поехал в мастерские, где ему сказали, что оружие будет возвращено по миновении в нем надобности, о чем он и доложил генерал-лейтенанту Холщевникову, который никаких мер для отобрания оружия от рабочих не принял, а приказал только о случившемся донести по начальству (т. I, л. 137).

Генерал-лейтенант Холщевников по по воду этого события на дознании объяснил следующее. 5 декабря 1905 г., часов в 11 вечера, к нему явился командир 3-го резервного железнодорожного батальона полковник Дориан и доложил, что часов в 9 вечера толпа железнодорожных рабочих, силою в 300—500 человек, частью вооруженных револьверами, ворвалась в канцелярию вверенного ему батальона и захватила хранившиеся в канцелярии винтовки, оставшиеся от уволенных в запас нижних чинов. На этот доклад он ответил: «Что же, итти с полком разыскивать оружие по мастерским и по всей рабочей слободке дальнего вокзала, — теперь ночь». Полковник Дориан после этого доложил, что рабочие оставили записку, в которой сообщают, что оружие они взяли на случай самообороны, в виду предполагаемого на следующий день погрома, и что они обещают завтра же или после завтра оружие это возвратить. К этому полковник Дориан присовокупил, что, по его мнению, с этим делом нужно обождать; он с этим согласился и приказал полковнику Дориану завтра же доложить ему о возвращении оружия, а кроме того, произвести по делу дознание. Однако полковник Дориан к нему с этим докладом не пришел, когда же он послал к нему узнать, возвращено ли оружие, то оказалось, что оружие рабочими не возвращено; затем рапортом от 16 декабря 1905 г. за № 45 полковник Дориан донес ему о захвате оружия, присо-

вокупив к этому, что о случае им сообщено по начальству и что по делу производится дознание. Оказать сопротивление революционерам при захвате оружия он не мог, так как узнал о нем после совершения захвата; батальон подчинялся ему только, как начальнику гарнизона, вследствие чего за внутренние беспорядки в батальоне и за порядок хранения оружия он отвечать не может. Что же касается до причин, почему он не сделал распоряжения об отобрании от рабочих захваченного ими оружия, то поступил он так в виду следующих соображений. Если бы у рабочих был какой-нибудь особый склад оружия, этот склад, конечно, можно было бы взять штурмом, но для оцепления железнодорожных мастерских, депо и слободки дальнего вокзала, где живет 10—12 тысяч человек, и для производства там обыска находившегося в его распоряжении одного полка слабого состава было далеко не достаточно, и полку грозили в этом случае верный неуспех и полная неудача. Рабочих можно было заставить выдать захваченное ими оружие лишь угрозою разнести их слободку, но для этого нужна была артиллерия, которой у него, генерал-лейтенанта Холщевникова, не было (т. III, л. 14 об.).

Из приведенной выше выдержки из показания читинского уездного воинского начальника полковника Воложанинова, между прочим, видно, что артиллерия в распоряжении генерал-лейтенанта Холщевникова была, а именно два орудия запасного забайкальского казачьего артиллерийского взвода (т. I, л. 140).

Только что описанный случай завладения революционерами казенным оружием оказался в г. Чите не единственным, а именно: рапортом от 12 января 1906 г. за № 115 начальник читинского артиллерийского склада донес генерал-лейтенанту Холщевникову, что 5 января, часов около 6 вечера, к нему явился канонир харбинского перволинейного артиллерийского склада Наумов и доложил, что только что прибыл в г. Читу с 13 вагонами винтовок, надлежащих сдаче в читинский артиллерийский склад. Так как товарная контора станции Чита-вокзал, куда прибыли вагоны с винтовками, в этот час была уже закрыта и выгрузить вагоны в этот день не представилось никакой возможности, приемщики за винтовками были отправлены на станцию на другой день утром. В товарной конторе станции приемщикам сказали, что ни вагоны с винтовками, ни документы на них на станцию еще не прибывали, и приемщики вернулись обратно, не получив груза. Затем транспортный начальник канонир Наумов, привезший винтовки, в период времени с 5 по 10 января 1905 г. неоднократно ходил на станцию разыскивать свои вагоны, но их не оказалось. Наконец, 11 января на станцию был послан заведывающий отделом оружия читинского артиллерийского склада поручик Михайловский, который от начальника станции и в товарной конторе узнал, что 13 вагонов с винтовками на станцию, действительно, прибыли, но были разгружены членами партии социал-демократов, которые завладели винтовками, в чем и выдали расписку смотрителю товарного двора (т. IV, л. 63).

В том же рапорте начальник читинского артиллерийского склада полковник Боярский просил генерал-лейтенанта Холщевникова оказать ему содействие в деле возвращения похищенных винтовок (т. IV, л. 64 об.).

Главный виновник этого захвата, а равно и захвата вагонов с боевыми припасами, помощник начальника станции Чита крестьянин Эрнест Цуксман, впоследствии был задержан, осужден временным военным судом, учрежденным при отряде генерал-лейтенанта Ренненкампфа, и по приговору этого суда, конфирмованному генерал-лейтенантом Ренненкампфом, подвергнут смертной казни через расстреляние (т. I, л. 122).

Никакого содействия подполковнику Боярскому к возвращению расхищенных винтовок генерал-лейтенант Холщевников не оказал и на дознании по этому поводу объяснил следующее. Числа 8 или 9 января 1906 г. к нему явился начальник читинского артиллерийского склада подполковник Боярский и доложил, что в Читу прибыло из Харбина в склад 13 вагонов с оружием, что он за приемкой этого груза посылал на станцию приемщиков и рабочих, что вагонов на станции не оказывается и что он просит оказать содействие к отысканию их. В исполнение этой просьбы он, генерал-лейтенант Холщевников, потребовал к себе коменданта станции и начальника участка железной дороги и в присутствии подполковника Боярского поручил немедленно принять все меры к отысканию исчезнувших вагонов. Затем 12 января 1906 г. подполковник Боярский донес ему, что оружие захвачено рабочими. Из изложенного видно, что оказать сопротивление захвату вагонов с оружием он никаким образом не мог, так как о захвате узнал после его совершения. Мер к отобранию этого оружия от рабочих он не принял благодаря слабости читинского гарнизона и по причинам, указанным выше, в той части его показания, которая касается захвата оружия в 3-м резервном железнодорожном батальоне. В такой осторожности его убеждала и телеграмма министра внутренних дел, полученная им 13 января 1906 г., в которой, между прочим, было сказано, что разоружение должно быть производимо с большой осмотрительностью. В виду всего этого он и отложил разоружение рабочих до прибытия в г. Читу полков 5 Восточно-Сибирской стрелковой дивизии, ожидаемого со дня на день (т. III, л. 15 и 16).

Телеграмма министра внутренних дел, на которую ссылается в своем показании генерал-лейтенант Холщевников, гласит дословно следующее: «Прошу вас безотлагательно приступить к отобранию оружия от всех рабочих; разоружение должно быть производимо с большой осмотрительностью по вашему усмотрению, но весьма решительно, по очереди, с таким расчетом, чтобы дело в каждом отдельном случае было сделано наверняка; об исполнении прошу телеграфировать. Управляющий министерством *Дурново*» (т. IV, л. 65).

Что касается вопроса о захвате революционерами боевых припасов, то по этому поводу генерал-лейтенант Холщевников на дознании

объяснил, что о таком захвате он ровно ничего не знает и никто ему об этом не докладывал. Что же касается Забайкальской железной дороги, где этот захват, повидимому, произошел, то дорога эта в его ведении ни в каком отношении не состояла, и поддержание государственного порядка на ней возложено было сначала на главного начальника тыла, а с конца октября 1905 г. на командира 13-го армейского корпуса (т. III, л. 16 об.).

Отобрание от железнодорожных рабочих захваченного ими оружия было произведено военным губернатором, сменившим генерал-лейтенанта Холщевникова, в 20-х числах января 1906 г., при чем не только артиллерии, но и вообще открытой силы против рабочих применять не пришлось, так как все дело обошлось мирно и рабочие сдали оружие добровольно [53]).

Высочайший манифест 17 октября 1905 г. стал известен в г. Чите с 21 октября, после его напечатания в «Забайкальских Областных Ведомостях», в № 221 (т. I, л. 143).

После сего в г. Чите начинает формироваться масса всевозможных кружков и союзов — по профессиям, по национальностям и т. п. Образовались союзы и в военном мире, а именно: «Союз военнослужащих», который впоследствии стал называться «Союзом офицеров и военных чиновников», и «Союз солдат и казаков». Деятельность этих союзов подробно рассмотрена в военно-судных делах, возникших по этому поводу, и подробно разбирать эту деятельность в настоящем деле не представляется никакой надобности. Достаточно указать лишь на общий характер этой деятельности и на отношение к союзам генерал-лейтенанта Холщевникова.

Деятельность этих союзов была безусловно мятежническая и революционная. Доказательства этому нижеследующие.

«Союз солдат и казаков» в конце ноября 1905 г. постановил нижеследующую резолюцию.

«Мы, солдаты и казаки всех частей читинского гарнизона и вновь прибывших частей, собравшись на второе солдатское собрание в здании железнодорожных мастерских, предоставленном нам рабочими социал-демократической рабочей партии, обсуждали свои нужды и пришли к следующим решениям: мы все единодушно, как действительные, так и запасные, требуем:

I. Увеличения числа воинских поездов для отправления в Россию до 16 поездов в сутки; отправка должна производиться целыми частями, не разбивая по годам и не задерживая окончивших службу в 1904 и 1905 г.г.; войска едут отсюда с оружием и сдают его при высадке начальникам эшелонов; в Самару должны прибыть не позднее 17 дней со дня отправления; весь гарнизон должен быть отправлен в течение двух дней, как можно скорее и не позднее 1 декабря.

II. Немедленно выдать командировочные деньги всем, кому полагается.

III. Выдать уезжающим кормовые деньги не менее 50 коп. в день до Иркутска и не менее 30 коп. далее; выдать уезжающим теплую одежду в полную собственность, выдать бесплатный проезд на родину семей запасных нижних чинов и прогоны на одну пару лошадей; всем, живущим в стороне от железной дороги, отправку произвести по прямым беспересадочным документам, без явки попутному начальству; по желанию нижних чинов на станциях заранее должна приготовляться горячая пища; состояние на действительной службе прекращается со дня отдачи в приказе по части об увольнении.

IV. Выдать запасным единовременно до приискания службы холостым по 15 рублей, а семейным по 35 рублей.

V. Уравнение казачьего сословия с остальными по отбыванию воинской повинности; казаки должны отбывать воинскую повинность так же, как и все, т.-е. получать лошадь, обмундировку, снаряжение и вооружение бесплатно от казны; все повторительные службы, излишние лагерные сборы и приготовительные разряды должны быть отменены, и казаки должны служить на общих основаниях с солдатами.

VI. Увеличение пищевого и денежного довольствия остающихся на службе солдат и казаков; в пище установить норму 1 фунт мяса, 1 фунт белого, 2 фунта черного хлеба и 20 коп. на приварок; хлеб должен быть хорошо выпечен, пища должна быть хорошо приготовлена и разнообразная; каптенармус и артельщик выбираются каждый на полгода всей ротой, свободно, без всякого давления со стороны начальства; из вещей ежегодно выдавать по 4 пары белья, две пары сапог в готовом виде или товаром, прибавляя деньги на шитье по современным ценам, выдавать деньги на ремонт сапог 2 рубля в год; выдавать по 2 пары шаровар, мундир, хорошую теплую одежду и катанки, а на лето четыре гимнастические рубахи и одну пару летних шаровар; вещи по истечении года переходят в собственность солдата; вещи должны шиться по меркам, годность вещей определяется выборными от солдат; увеличить жалованье до 5-ти рублей в месяц всем нижним чинам без различия и уменьшить содержание штаб-офицерам и генералам.

VII. Улучшить казарменное помещение и обстановку, помещать только в здоровых, сухих, чистых, теплых и светлых комнатах с хорошей вентиляцией; каждому солдату должна быть дана койка и столик со шкафом; выдать казенную столовую и чайную посуду; выдать каждому казенное одеяло, перовую подушку, две простыни и две наволочки.

VIII. Улучшить больничное дело; необходимы хорошие больничные палаты, хорошая пища, достаточное количество всех нужных лекарств, внимательный и вежливый уход за больными; заменить офицеров, заведывающих госпиталями и лазаретами, врачами.

IX. Улучшить караульные помещения; в карауле разрешить сменившимся с постов спать, читать и прочее, снимая караульную

амуницию; приносить хорошую и горячую пищу, отменить излишние караулы.

X. Восьми-часовой рабочий день; ограничить время строевых и служебных занятий в войсках, учреждениях и заведениях тремя часами в сутки; в эти три рабочих часа должны входить все обязательные занятия солдат: строевые и словесные занятия, разборка, сборка и чистка оружия, учебные прогулки, чистка амуниции, уборка казарм, домашние и кухонные занятия, а в казачьих частях, кавалерии и артиллерии — чистка лошадей и конюшен; черные хозяйственные работы, как-то: мойка полов, уборка отхожих мест и т. д., должны производиться не солдатами, а по вольному найму.

XI. Отмена казенной прислуги, отмена посылки солдат на посторонние им работы.

XII. Свобода и неприкосновенность личности; начальник должен не ругаться, не бить солдат; все должны обращаться с солдатом вежливо и говорить «вы»; называть офицера по чину с прибавлением слова «господин»; честь отдается лишь при исполнении служебных обязанностей приложением руки к фуражке и только при желании самих солдат; никто из начальников не должен рыться в сундуках, постелях солдат и т. п., письма должны приноситься с почты прямо в роту и отдаваться солдату нераспечатанными; по повестке на денежные письма солдат получает их сам и сам идет на почту за деньгами; солдат может читать и приносить в казарму какие угодно книги без разрешения и подписки командира; свободный выход из казармы во всякое неслужебное время с заявлением лишь дежурному по роте; беспрепятственный пропуск в казармы родных и знакомых солдата; отмена вечерней переклички; право вне службы надевать статское платье.

XIII. Снять военное положение, снять усиленную охрану, не употреблять солдат и казаков для полицейской службы и усмирения освободительных народных волнений.

XIV. Полное уничтожение дисциплинарных взысканий властью отдельных начальников; всякие служебные проступки наказываются судом, состоящим из начальников и выборных от солдат, в присутствии роты; преступления против общих гражданских законов и злоупотребления начальства должны быть подсудны гласному гражданскому суду, с участием присяжных заседателей; отменить следующие виды взысканий: темный карцер, сажание на хлеб и воду и поставку под ружье или под шашку и под ранец.

XV. Свободу собраний, т.-е. собираться для обсуждения своих нужд и дел и т. п. без всякого разрешения и без присутствия офицеров, если только они не приглашены самими солдатами; право присутствовать на собраниях и митингах, устраиваемых вольными людьми, например, рабочей партией; право посещать все общественные места без всяких ограничений.

XVI. Свобода союзов, т.-е. право устраивать солдатские общества, например, для устройства театров, библиотек, совместных чтений, выбора народных представителей и т. п.

XVII. Свобода стачек, т.-е. право сговариваться и сообща подавать заявления какому угодно высшему начальству, минуя нежелательных.

XVIII. Обязательное обучение неграмотных и устройство библиотек, с выпиской книг, газет и журналов без вмешательства начальства (т. I, л.л. 144—145 об.).

Мы знаем, что удовлетворение перечисленных требований по законам, установленным царским правительством, отчасти не во власти командующего войсками области, наказного атамана Забайкальского казачьего войска, но в настоящее время, когда правительство, подавляя народное волнение, не считается со своими собственными законами, мы решаем: если правительство нарушает свои законы во вред и на горе народа, то нельзя считаться со старыми, силой навязанными, не народом установленными, законами самодержавия, когда речь идет о благе народа, а потому в исполнении наших справедливых желаний и требований со стороны командующего войсками, наказного атамана Забайкальского казачьего войска, не видим никаких препятствий и решительно на них настаиваем. В случае неблагоприятного ответа за последствия не ручаемся; ответа будем ждать до 12 часов дня 26-го сего ноября в помещении цирка (т. I, л. 145 об.).

Для улучшения общего военного быта, в виде временной и переходной меры, замены постоянной армии всеобщим вооружением рабочего класса, мы, вместе с солдатами и казаками других городов, будем стремиться к следующему: 1) Сокращение действительной службы до 2 лет и запаса до 9 лет. 2) Новобранцы должны призываться и служить на своей родине или вблизи от нее. 3) Мы требуем, чтобы правительство назначило всем раненым и неизлечимо заболевшим в последнюю японскую войну и прежние войны пенсию: в Восточной Сибири для холостых не менее 20 рублей в месяц и для семейных не менее 30 рублей на мужа и жену, прибавляя по 5 рублей на каждого ребенка; семьям убитых выдавать пенсию — матерям, сестрам до замужества и бездетным вдовам по 15 руб. в месяц, а на каждого ребенка по 5 рублей. 4) Выдачу семьям запасных пособия на все время служения их кормильцев на действительной службе. 5) Батальонные, военно-окружные суды должны быть отменены, и дела, им подсудные, должны рассматриваться в общих гражданских судах с участием присяжных. 6) Принимая во внимание, что все пострадавшие за освободительное движение освобождены последним манифестом, и что, прежде всего, не освобождены военнослужащие и осужденные военными судами, — мы требуем освобождения всех борцов за народное дело; наконец, принимая во внимание, что теперь по всей России восстал рабочий класс под знаменем социал-демократической рабочей партии, а за ним поднимается и крестьянство, — мы заявляем, что мы сами,

крестьяне и рабочие, сочувствуем их борьбе, вместе с рабочей партией отвергаем Государственную Думу, где не будет наших истинных представителей, и будем добиваться Учредительного Собрания, избранного всем народом без различия сословия, нации и пола, с равной для всех, богатых и бедных, образованных и необразованных, подачей голосов выборных прямым и тайным голосованием.

Солдаты и казаки читинского гарнизона и вновь прибывших частей, организовавшись в совет солдатских и казачьих депутатов, объединивший весь гарнизон, давящий на верхи, революционным путем проводящий свою программу снизу» (т. I, л. 145 об., л. 146).

Эта антидисциплинарная и явно-мятежническая резолюция, помещенная в читинских газетах и переданная для напечатания в газетах по телеграфу в Иркутск и в Петербург, была представлена и генерал-лейтенанту Холщевникову (т. I, л. 144).

Какое впечатление произвело это постановление на генерал-лейтенанта Холщевникова, видно из следующей телеграммы: «Циркулярно по линии в обе стороны, непременно в Манчжурию, Лошагоу и Иркутск. На требование солдатских и казачьих депутатов читинского гарнизона губернатор высказал свое полное сочувствие всем пунктам, кроме отмены отдания чести и ношения неформенной одежды вне службы. Фактически удовлетворены, хотя и не полностью, 1-й, 2-й и 3-й пункты, кроме увеличения кормовых. Принял полностью 10-й пункт о восьмичасовом рабочем дне. Он обещал удовлетворить 7-й, 8-й и 9-й пункты. Об увеличении пищевого, вещевого и денежного довольствия обещал частью исполнить, если будут деньги, но до сих пор ничего не сделано. Пункты 11-й, 12-й и 13-й проводятся в жизнь самими солдатами при поддержке союза офицеров. Подробности после. Свободой собраний, союзов и коллективных общих заявлений фактически пользуемся. Пункт 18-й обещано удовлетворить, по пункту 5-му о казаках отказано, нужно усилить агитацию среди самих казаков. Настроение бодрое, укрепляем свою организацию, действуя отдельно от офицерского союза, вступая в соглашение по отдельным вопросам. Собрания солдат происходят попеременно в разных частях гарнизона. Прибывший Читинский пехотный полк пока не присоединился и занял угрожающую позицию. Присоединился весь нерчинский гарнизон и прислал сюда 14 депутатов. Не смешивайте солдатского союза с союзом военнослужащих. Союз солдатских и казачьих депутатов» (т. I, л. 147, л. 148).

Кроме этой телеграммы, согласие генерал-лейтенанта Холщевникова удовлетворить некоторые пункты солдатской резолюции и его обещание об удовлетворении других пунктов сделать соответственное представление высшему начальству удостоверяется еще и показанием свидетеля, поручика 2-го читинского резервного батальона Дмитриевского [54]), входившего в состав депутации, носившей эту резолюцию генерал-лейтенанту Холщевникову (т. I, л. 150 об.).

Происхождение «союза офицеров», по словам того же свидетеля, было таково. Он, поручик Дмитриевский, постоянно с конца октября посещая митинги солдат и рабочих, вскоре убедился, что солдаты находятся всецело в руках вожаков социал-демократической партии. Считая такое положение дела до крайности опасным, он решил, что нравственный долг офицеров в такую критическую минуту не оставлять солдат в чужих руках и вести их всегда за собою, дабы своим бездействием не допустить диктатуры социал-демократической рабочей партии. Этот свой взгляд он как-то высказал генерал-лейтенанту Холщевникову, который ему ничего не возразил и, видимо, с ним согласился, чем убедил его, что его оценка современного положения дела вполне правильна. Свои взгляды он, поручик Дмитриевский, высказал некоторым своим товарищам, интересовавшимся возникающими движениями, и было решено для выяснения дальнейшего собраться где-нибудь; и вот 25 ноября 1905 г. состоялось первое широкое собрание офицеров, врачей и чиновников, постановившее организоваться в «союз военно-служащих читинского гарнизона». Он, поручик Дмитриевский, был связующим звеном этого союза с солдатами, вследствие чего и участвовал в солдатских митингах. Впоследствии вследствие отсутствия общих интересов чиновники от союза отпали, и он обратился в чисто офицерский (т. I, л. 150, л. 155 об.).

Хотя, по показанию поручика Дмитриевского, и выходит, что «союз военно-служащих» имел своею целью оградить солдат от влияния социал-демократов, союз этот в первом же своем постановлении высказал свои революционные стремления. Постановление это было напечатано в № 246 газеты «Забайкалье», вышедшем 2 декабря 1905 г., подписано оно 29 офицерами, 31 врачом и 6 чиновниками и гласит дословно следующее: «Постановление собрания офицеров, военных врачей и военных чиновников читинского гарнизона 25 ноября. Приветствуя резолюцию солдат читинского гарнизона и вновь прибывших частей, выработанную на двух военных митингах, мы, военно-служащие читинского гарнизона, как истинные сыны России, решительно заявляем, что существующее самодержавное правительство, вся деятельность которого направлена во вред народу, признаем лишенным доверия страны и поэтому все исходящие от него приказы и распоряжения — не подлежащими исполнению, если они идут во вред народу. Вместе с тем, выражая твердую уверенность, что установление правового порядка в стране и такой формы правления, которая соответствовала бы интересам всего народа, могут быть выработаны только самим народом, требуем немедленного созыва Учредительного Собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права. До созыва же Учредительного Собрания и установленного им законного правительства в стране мы объявляем, что всеми силами будем помогать борцам за народную свободу и наше оружие будем употреблять только против врагов освободительного движения. Требуем полной амнистии всем пострадавшим за политические убеждения.

Собрание постановило послать телеграмму со своими постановлениями всюду, куда примет железнодорожный телеграф. Собрание постановило образовать союз военнослужащих читинского гарнизона, объединившийся на вышеупомянутой программе. Союз должен принять все меры к самообразованию членов и взаимопомощи для поддержания товарищей, пострадавших за исполнение своих политических убеждений» (т. I, л. 157 об.).

Дальнейшая деятельность союза была не менее революционного характера, что можно видеть из следующих, приводимых на выдержку телеграмм, из числа разновременно отправленных союзом:

1. «Стачечные комитеты до Петербурга. Необходимо знать события последних дней, отношение гарнизонов освободительному движению. Мы начали борьбу, администрация подчиняется нашим требованиям. Случае стремления подавлять движение возьмемся за оружие. Требуем Учредительного Народного Собрания. Отвечайте. Союз офицеров читинского гарнизона» (т. I, л. 159).

2. «Севастополь. Стачечный комитет. Есть слух морском сражении, гибели броненосцев, одержании якобы победы войск самодержавия над народными. Ожидаем верных известий. Союз офицеров читинского гарнизона» (т. I, л. 160).

3. «Контрольные станции до Лошагоу. Есть слух, что железная бригада назначена подавлять восставшие против царского самодержавия войска. Просим сообщить основательности слухов, куда и когда бригада двинулась. Бюро читинского союза офицеров» (т. I, л. 161).

4. «По всей сети российских железных дорог, всем комитетам союзов и партий, редакциям всех газет для широкого оглашения. Выражая полное сочувствие и заявляя свою полную солидарность и готовность итти на помощь своему единомышленному гражданину лейтенанту Шмидту [55]), заключенному ныне в тюрьме, союз военно-служащих в городе Чите, возмущенный и негодующий, требует немедленного объяснения от правительства этого нового случая гнусного произвола, требует гласного и честного суда над ним; союз в лице своих членов готов вполне, как горячо солидарный единомышленник, выступить на этом суде, идя на борьбу за народ под девизом: «Армия — народ 14 декабря 1825 г.». Союз военно-служащих в городе Чите» (т. I, л. 162).

5. «Строго секретная, просим доставить только в руки адресата и ни под каким видом не показывать начальнику. Если нужны будут деньги на нарочного — расходуйте, будут заплачены. Станция Шитоучендза, 9-й Восточно-Сибирский стрелковый полк, поручику Хартулари. Здесь образовался союз военно-служащих, поставив целью поддерживать силой оружия требование созыве Учредительного Собрания. Идет горячая работа на привлечение армий к освободительному движению. Вырабатываются новые формы военной службы, жизни. Девиз союза: «Армия — народ 14 декабря 1825 г.». Приезжайте, здесь нужны убежденные люди. Комитет союза. Пирогов» (т. I, л. 163).

6. «Оловянная, Верхнеудинск, Мысовая всем организациям. Если у вас в складе Красного Креста имеется оружие, то предлагаем забрать немедленно. Бюро военно-служащих читинского гарнизона» (т. I, л. 164).

Приказом войскам читинского гарнизона от 7 ноября 1905 г. за № 445 генерал-лейтенант Холщевников объявил к неуклонному исполнению нижеследующий приказ главного начальника тыла манчжурских армий, от 24 октября 1905 г. за № 786: «Замечено мною, что офицеры, врачи, классные чиновники и некоторые нижние чины вверенного мне района принимают участие в уличных сборищах, что предусмотрено ст. 39 устава внутренней службы. Кроме того, некоторые из господ офицеров, военных врачей и классных чиновников принимают участие в общественных собраниях и позволяют себе даже произнесение речей, на что по закону не имеют никакого права. Высочайший манифест о свободе слова и союзов нисколько не дает права военнослужащим нарушать обязанности их службы. Строжайше предписываю начальникам всех частей разъяснить их подчиненным, что по закону они не имеют никакого права произносить речи в общественных собраниях и участвовать в сборищах. В особенности разъяснить нижним чинам, чтобы они не присоединялись к уличным толпам. Предупреждаю, что на будущее время виновных я буду предавать военному суду и судить законом военного времени» (т. I, л. 116).

Несмотря на то, что этим приказом у военно-служащих раз навсегда категорически отнимается всякое право на участие в союзах и на митинги, генерал-лейтенант Холщевников сам собирал митинги военно-служащих, что доказывается его приказом войскам читинского гарнизона, от 29 ноября 1905 г. за № 475, такого содержания: «Принимая во внимание, что здание офицерского собрания занято лазаретом Красного Креста, а по закрытии такового пройдет время, необходимое для дезинфекции и ремонта собрания, разрешаю офицерам, классным чинам и военным врачам гарнизона собираться для обсуждения своих нужд в доме начальника штаба по четвергам и воскресеньям. Первое собрание назначается в четверг, 11 декабря, в 5 часов вечера. Желательно присутствие всех» (т. I, л. 117).

В виду этого приказа, на квартире начальника штаба состоялись митинги 1 и 4 декабря, так сказать, очередные, и 5 декабря — экстренный. На последнем митинге председательствовал сам генерал-лейтенант Холщевников, который, как это видно из сообщения, помещенного в №№ 253 и 254 газеты «Забайкалье», открыв собрание, сказал приблизительно следующее: «С появлением манифеста 17 октября в России введен конституционный порядок, и народ призван к законодательной власти. Возвещены права человека и гражданина, и манифест не делает никаких исключений в пользовании свободой ни для кого из граждан, а значит и для военных. Он дал им право жить тою жизнью, какой живет вся страна, и так как по всей стране идет освободительное движение, то и армия не может остаться в стороне от него, не имеет

права на это, так как она есть часть народа и должна итти не против него, а вместе с ним. Так как допущена свобода слова и собраний, то надо быть особенно терпимым к противоположным мнениям и не употреблять силы против убеждений. В Чите совершенно определенной силой является социал-демократическая партия, которая сильна своей организацией, действующая только убеждением, никогда не нарушавшая порядок, являющаяся партией порядка. Она не может произвести какого бы то ни было погрома и нигде не производила его. С другой стороны стоят люди более умеренные, но по причине неорганизованности их в Чите деятельности их не видно, и объединение их было бы весьма желательно. Во многих местах России группы лиц, принадлежащие, может быть, к этим умеренным, устраивали, подобно радикальным партиям, манифестации, кончавшиеся почти всегда печально. В виду того, что появились слухи о предполагающихся на завтра манифестациях, необходимо определить отношение к ним войск, чтобы не было того, что бывало в других местах» (т. IV, л. 72).

После вступительной речи генерал-лейтенанта Холщевникова, судя по тому же, напечатанному в №№ 253 и 254 газеты «Забайкалье», сообщению, присутствовавшие на митинге приступили к дебатам, целью коих было выяснить, как будет себя вести вновь прибывший в город 2-й пехотный Сибирский Читинский полк, если на следующий день, т.-е. 6 декабря, произойдет в городе «патриотическая» манифестация, которая затем при помощи «черной сотни» и «хулиганов» перейдет в погром. Дебаты продолжались довольно долго, принимали иногда бурный характер, и, в конце концов, собрание постановило, что 2-й пехотный Сибирский Читинский полк, как вызвавший недоверие граждан, 6 декабря целый день будет сидеть в казармах, а охрана города будет поручена рабочим, городской милиции, охранной роте от 2-го Читинского резервного батальона и казакам, при чем им в помощь должны быть готовы солдаты и других мелких частей (т. I, л. 73).

После закрытия этого заседания, на коем, по словам газетного репортера, впервые был совершенно оставлен старый бюрократический способ решения вопросов и высший представитель административной власти явился исполнителем воли собрания, генерал-лейтенанту Холщевникову был задан вопрос: оставляет ли он службу в Забайкалье навсегда, или только уезжает на время, на что он ответил, что ему хочется увидеть освободительное движение в России, ознакомиться с ним, окунувшись в него и набравшись в нем сил; если и приняться за работу, то не в Сибири, а в России (т. I, л. 73).

Кроме митинга 5 декабря 1905 г., генерал-лейтенант Холщевников присутствовал и говорил еще и на другом митинге, а именно на митинге, имевшем место в общественном собрании 27 ноября 1905 г. Об этом митинге будет сказано ниже.

По поводу митингов, союзов и т. п. генерал-лейтенант Холщевников на дознании объяснил следующее. В г. Чите, как и в других местах Российской империи, за время с октября 1905 г. по январь 1906 г.,

действительно, происходили разного рода собрания. Собрания эти устраивались главным образом на ст. Чита-вокзал, верстах в четырех от города; собрания происходили в мастерских и носили характер сходок рабочих и железнодорожных служащих. С конца октября дорога подчинялась во всех отношениях главному начальнику тыла манчжурских армий, охрана порядка на ней была возложена на командира 13-го армейского корпуса, на ст. Чита-вокзал были особый комендант и полицейский надзор. Ответственность за вышеуказанные собрания лежит поэтому не на нем, а на тех лицах, в ведении коих дорога состояла, тем более, что никто из них никогда ему о собраниях рабочих не сообщал (т. III, л. 17 об.).

24 или 25 октября он, генерал-лейтенант Холщевников, получил телеграфную депешу с циркуляром министерства внутренних дел от 14 октября 1905 г. за № 5155 о порядке применения закона о публичных собраниях, установленных высочайшим указом правительствующему сенату от 12 октября 1905 г. Затем на свой запрос, вызванный манифестом 17 октября 1905 г., 28 октября он получил разъяснение товарища министра внутренних дел генерала Трепова, коим указывалось, что указ 12 октября остается в силе и теперь, после манифеста, при чем при применении его надлежит действовать в духе начал, возвещенных манифестом, и руководствоваться циркуляром № 5155. Так он и поступил (т. III, л. 17).

С конца октября начались публичные собрания в самом городе — в цирке и в общественном собрании. Таких собраний было несколько: одни в виде популярных лекций на политической почве, другие профессионального характера, на почве экономической. Ни одного из этих собраний он не разрешал, да за разрешением их к нему никто и не обращался, так как в силу 1-го пункта указа 12 октября заявления о собраниях подаются начальнику местной полиции, а не губернатору. Запрещать этих собраний или прекращать их ему тоже не приходилось: согласно циркуляра министра за № 5155, собрание закрывается только тогда, когда уже действительно приняло характер мятежнического или шумного сборища, намеревающегося перейти от слов к каким-либо, в особенности насильственным, действиям, а таких публичных собраний в городе не происходило (т. I, л. 17 об., л. 18, л. 18 об.).

Что касается до митингов военно-служащих, то нижним чинам он никогда никаких митингов не разрешал, так как никто никогда у него таких разрешений не просил. Офицерам, приказом от 29 ноября 1905 г. за № 475, действительно, разрешил для обсуждения своих нужд собираться в квартире начальника штаба, но сделал это единственно по просьбе некоторых начальствующих лиц с целью отвлечь офицеров от посещения по вечерам гостиниц (т. I, л. 20).

Собрание 5 декабря им было созвано потому, что в городе стали ходить слухи о готовящемся на 6 декабря, под видом патриотической манифестации, еврейском погроме, при участии вновь прибывшего

в город 2-го пехотного Сибирского Читинского полка. Выяснить этот вопрос и тем внести успокоение в общество он считал своим долгом; избежать созыва собраний в виду чрезвычайных обстоятельств, бывших в то время, он не мог, как не мог избежать созыва подобного собрания и генерал-лейтенант Надаров в г. Харбине (т. III, л. 23).

На собрании этом он председательствовал сам лично, открыв оное несколькими словами, обращенными к присутствующим, коими хотел выразить мысль, проведенную в правительственном сообщении, помещенном в № 228 «Забайкальских Областных Ведомостей», вышедшем 2 ноября 1905 г. В этом правительственном сообщении, между прочим, сказано: «Не подлежит сомнению, что войско не может остаться без влияния новых начал, внесенных в строй государственной жизни высочайшим манифестом 17 октября». В собрании он говорил, что «высочайшим манифестом 17 октября русский народ призван к участию в законодательной власти, и в жизнь его вносится новый государственный строй; начала, возвещенные манифестом, может быть, коснутся войск, войско есть часть народа, но нигде армии не принимали и не должны принимать участия в политическом движении, между тем у нас волнует всех так называемое освободительное движение, оно, видимо, захватило военнослужащих, они не остались в стороне от него; нужно офицерам ближе стать к нижним чинам, отвлечь их от рабочей партии; партия эта сильна своей организацией и сплоченностью, у нее свои убеждения; против одного убеждения силы не приложить, погромов рабочая партия не производила». Далее он говорил об умеренных партиях и о манифестациях, циркулирующих в городе слухах касательно предполагаемого погрома, затем предложил генерал-майору Румшевичу и другим присутствовавшим на собрании высказаться по поводу этих слухов (т. II, л. 20 об., л. 21).

В заметках газеты «Забайкалье», помещенных в №№ 253 и 254, его речь сильно искажена, а именно: слов «конституционный порядок» он не произносил, хотя с проведением в жизнь начал, дарованных манифестом 17 октября, порядок, по существу, и есть такой. Точно так же он не произносил слов «армия не может остаться в стороне от него (т.-е. от освободительного движения), не имеет права на это, так как она есть часть народа и должна итти не против него, а вместе с ним», и слов «социал-демократическая партия, действующая только убеждением, никогда не нарушавшая порядок, являющаяся партией порядка». Заявление репортера, что, в конце концов, было решено охрану города 6 декабря поручить «рабочим, городской милиции», есть чистое измышление. Читинский полк был оставлен 6 декабря в казармах не в силу недоверия к нему граждан, а потому, что он, генерал-лейтенант Холщевников, желал оставить, на случай нужды, этот полк в руках генерал-маиора Румшевича полностью. Слов «мне хочется увидеть освободительное движение в России, окунувшись в нем и набравшись в нем сил» он не говорил, а на предложенный ему кем-то из офицеров вопрос: правда ли, что он уезжает и больше не вернется в Забай-

кальскую область, ответил: «Я еще месяц тому назад просил отпуск, а на-днях послал прошение об отпуске; я совершенно переутомился, и нервы расшатались вследствие пережитых событий и неожиданной смерти жены; мне нужно серьезно лечиться, отдохнуть; если отдохну, то с новыми силами готов опять работать и при новом режиме, но только не здесь, а в Европейской России» (т. III, л. 21, л. 22).

«Освободительное движение» он, генерал-лейтенант Холщевников, понимал и понимает в смысле осуществления начал, возвещенных всемилостивейшим манифестом 17 октября 1904 г., созыва Государственной Думы, выборов в эту Думу и в Государственный Совет, чем интересуется и занята вся Россия. Эту мысль, между прочим, он хотел выразить и в своем объявлении от 29 октября 1905 г., в коем сказано: «В переживаемое нами время, когда по воле государя императора русский народ в лице своих представителей призван к управлению государством, долг каждого гражданина состоит в том, чтобы всеми зависящими от него мерами способствовать к мирному усовершенствованию». Что касается газет, то они печатали о нем много вымышленного, употребляя эти вымыслы с агитаторской целью, как провокаторский прием. Об этих статьях он узнавал всегда случайно, так как сам газет не читал, не имея на то времени. Опровержений на эти статьи он не печатал, так как не находил удобным вступить в газетную полемику, имея в виду напечатанное в № 228 «Забайкальских Областных Ведомостей» сообщение правительства от 27 октября 1905 г., в коем сказано: «Долг военной дисциплины препятствует воинским чинам входить в газетную полемику, хотя бы в ответ на оскорбительное обвинение» (т. III, л. 22 об., л. 23).

О «союзах» солдат и офицеров и о преступном направлении этих союзов он, генерал-лейтенант Холщевников, узнал из их «резолюции». Вскоре после этого ему пришлось слышать от нескольких офицеров, что «союз офицеров» распался и вместо него остался какой-то подпольный комитет; кто состоял членами этого комитета,— узнать не удалось, хотя приказом от 10 января 1906 г. за № 13 он и поручил начальствующим лицам выяснить этот вопрос. Приказ по военному ведомству от 19 декабря 1905 г. за № 804, воспрещающий военнослужащим входить в состав и принимать участие в каких бы то ни было союзах, учреждаемых с политической целью, а равно и присутствовать на собраниях, обсуждающих политические вопросы, в виду почтовой забастовки был получен в Чите лишь в конце января 1906 г. (т. III, л. 23, л. 24).

Кружки и союзы гражданских лиц, образовавшиеся в рассматриваемое время в г. Чите, имели характер такой же революционный и мятежнический, как и военные. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить забастовки железнодорожных служащих, почтово-телеграфных чиновников, разграбление оружия членами социал-демократической рабочей партии. Ко всем этим кружкам и союзам генерал-лейтенант Холщевников относился как бы к учреждениям государственным,

и все их требования исполнял беспрекословно и с полною предупредительностью. Видеть это можно из нижеследующих примеров.

I. На ст. Борзя [56]), Забайкальской железной дороги, проживал некто Семенов, конторщик коммерческой службы, занимавший должность товарного билетного кассира станции. Товарищам его почему-то показалось, что Семенов «черносотенец» и готовит на 6 декабря 1905 г. «патриотический» погром мирных жителей. Результатом этого явилась посланная генерал-лейтенанту Холщевникову бумага, дословно такого содержания: «Учредительный съезд союза службы движения сего 5 декабря постановил: коммерческий конторщик ст. Борзя, исполняющий обязанность товарного и билетного кассира, г. Семенов общим товарищеским судом увольняется от службы на Забайкальской дороге. Вместе с тем учредительный съезд союза движения требует принятия с вашей стороны мер для ареста Семенова. Приняв во внимание, что вы, согласно вашим уверениям, не можете арестовать Семенова, пока он состоит на службе железной дороги, мы надеемся, что, получив нашу резолюцию об увольнении Семенова, вы не найдете возможным далее откладывать арест Семенова, тем более, что на 6 декабря, по заявлению депутатов ст. Борзя, состоится Семеновым организованный погром «патриотический» мирных жителей. Собрание учредительного союза служащих движения не разойдется, пока не известите вы[?] ваше превосходительство, на настоящую нашу резолюцию. Председатель учредительного съезда союза движения С и л а е в. Секретарь съезда Л а б у д и н - П а н и н. Присутствующие в числе четырех человек постановили изложенную резолюцию единогласно (подписи 31-го члена). Дальнейшая подпись закрыта, в виду недостатка времени. Д у б и л е в и ч. Председатель С и л а е в» (т. II, л. 29).

Эту резолюцию, или, вернее, это предписание, генерал-лейтенант Холщевников получил от депутатов железнодорожных служащих во время митинга 5 декабря 1905 г. и тут же сделал распоряжение послать телеграмму об арестовании Семенова. Телеграмма эта на имя пристава Савчука и станционного жандарма, подписанная генерал-лейтенантом Холщевниковым и помеченная его исходящим № 4251, на ст. Борзя почему-то была признана за подложную и повлекла за собой целую переписку, но, в конце концов, Семенов был арестован и доставлен в г. Читу (т. IV, л. 73 об.; т. I, л. 93—97; т. II, л.л. 30—55).

9 декабря 1905 г., как это видно из показания советника областного управления статского советника Семидалова, к генерал-лейтенанту Холщевникову со ст. Борзя явилась депутация, состоящая из одного кондуктора и двух рабочих, и представила постановление рабочих названной станции с ходатайством об освобождении из-под ареста Семенова, так как оказалось, что он вовсе не черносотенец и навлек на себя нападки только потому, что на одном из митингов остановил решение собрания учинить крушение воинского поезда, шедшего с востока. По поводу этого ходатайства генерал-лейтенант Холщевников сказал статскому советнику Семидалову: «Освободить Семенова я не

могу, потому что это освобождение сейчас же повлечет за собою волнение рабочих, которое может выразиться в форме остановки поездов, а вместе с тем остановки воинских эшелонов, возвращающихся с Востока». То же самое военный губернатор повторил и депутатам. На это депутаты ответили: «Если вы, выше превосходительство, не можете освободить, то письменно прикажите разобрать это дело в читинском комитете рабочих, который и освободит Семенова».— «Хорошо, — сказал генерал-лейтенант Холщевников, — но кому же написать?» Депутаты указали на учредительный съезд рабочих (т. I, л. 91).

Результатом всех этих разговоров явилась врученная депутатам революционного кружка, подписанная военным губернатором Забайкальской области, бумага дословно такого содержания: «В учредительный съезд союза служащих службы движения Забайкальской железной дороги. Распоряжение об аресте коммерческого агента-конторщика ст. Борзя Семенова мною было сделано на основании постановления учредительного съезда, при сем в копии прилагаемого. Сего числа делегаты служащих ст. Борзя обратились ко мне с ходатайством об освобождении Семенова из-под ареста на основании представленного ими в копии постановления служащих ст. Борзя. В виду того, что означенное ходатайство об освобождении Семенова из-под ареста должно подлежать совместному обсуждению делегатов ст. Борзя и членов учредительного съезда, я прошу учредительный съезд всесторонне разобрать настоящее дело и о результатах представить мне свое постановление. При этом прилагается копия постановления служащих ст. Борзя» (т. I, л. 92; т. II, л. 28).

Чем кончилось дело Семенова, из дознания не видно.

II. 27 ноября 1905 г. в общественном собрании г. Читы был митинг, на коем, по словам председательствующего на митинге поручика 6-го восточно-сибирского запасного батальона Чунихина, произошло следующее. Для выработки программы союза военнослужащих с целью проведения в жизнь положений, постановленных собранием 25 ноября, на митинге 27 ноября собрались офицеры, военные чиновники и нижние чины, но проникло на него также довольно много и гражданских лиц. Вдруг кто-то из публики заявил, что по деревням в сопровождении городового ездит какой-то чиновник, собирает народ и формирует черную сотню для избиения интеллигенции и евреев; это поездка была поставлена в связь с поездкой в деревни для закупки скота некоего капитана Самышкина, ранее того высказывавшего мысль о необходимости «бить жидов». Собрание тогда постановило: для дачи по сему поводу объяснений вытребовать на митинг военного губернатора. На это он, поручик Чунихин, заявил, что согласится на вызов генерал-лейтенанта Холщевникова только тогда, если собрание гарантирует последнему личную безопасность и обещает вести себя корректно, какие бы ответы он на предложенные ему вопросы ни дал. Собрание согласилось, и за военным губернатором была послана депутация, состоящая из г. поручика Дмитриевского, город-

ского головы, рабочих с вокзала и нескольких нижних чинов; депутаты объявили генерал-лейтенанту Холщевникову, зачем он вызывается в собрание, и то, что он может давать на предлагаемые ему вопросы какие угодно ответы, не опасаясь за свою безопасность, которая ему гарантируется. Он согласился отправиться в собрание и приехал туда. Когда генерал-лейтенант Холщевников входил в залу собрания, все присутствующие, в том числе и нижние чины, встретили его сидя, но когда он перед тем, как занять место у стола председателя, поклонился, все встали и поклон ему отдали. После этого он, поручик Чунихин, спросил военного губернатора, правда ли, что с его ведома для разгрома гор. Читы формируется черная сотня? Военный губернатор ответил: «Я никогда не потерплю появления черной сотни в Чите и буду против нее бороться; я всегда сочувствовал освободительному движению и никогда не был антисемитом». Заявление это было встречено рукоплесканиями. На вопрос о причинах командирования за покупкой скота капитана Самышкина, заслужившего недоверие жителей, генерал-лейтенант Холщевников ответил, что об этой командировке он ничего не знает, но обещает капитана Самышкина отозвать. Затем к нему обратились с просьбами: расследовать дело о черной сотне через комиссию с участием двух выборных от собрания и задержать увольнение в отпуск в г. Харбин капитана Трубникова, навлекшего на себя подозрение, что он едет в отпуск не лечиться, а противодействовать освободительному движению. Обе эти просьбы военный губернатор обещал исполнить и спросил собрание: «Нет ли еще каких вопросов?» На это один из бывших в собрании рабочих задал генерал-лейтенанту Холщевникову какой-то вопрос и получил на него ответ, вызвавший общие рукоплескания; ни вопроса рабочего, ни ответа военного губернатора он, поручик Чунихин, не слыхал. Засим генерал-лейтенант Холщевников встал и раскланялся; все сделали то же, и он уехал (т. I, л.л. 47—48 об.).

Присутствовавший на митинге 27 ноября поручик Дмитриевский *) о пребывании в собрании генерал-лейтенанта Холщевникова показал дословно следующее: «Генерал-лейтенант Холщевников на предложенные ему председателем вопросы ответил, что общество и граждане могут быть вполне спокойны, так как им приняты все меры для предотвращения погромов, что он против всякого грубого насилия, никогда не был антисемитом, что и сам он сочувствует освободительному движению и намерен принять в нем участие, в каком смысле, это он предоставляет судить себе, но что никогда не забудет края и все зависящее от него в будущем сделает для Забайкалья. Собрание так было заинтриговано краткой, произнесенной с каким-то неуловимым, но неотразимым тактом достоинства в каждом слове и во всей фигуре генерала

*) Этот поручик Дмитриевский, по словам его батальонного командира полковника Бодзенто-Беляцкого, пользовался особыми симпатиями генерал-лейтенанта Холщевникова и его покровительством, хотя никогда не скрывал своих революционных воззрений (т. I, л. 43). (*Прим. в подлинном*).

речью, что, несмотря на многие заготовленные для него вопросы, в почтительном молчании, широко расступилось, провожая его восторженными взглядами. С этого момента в Чите не существовало правящего в высотах Парнаса администратора, — был гуманный, всеми сердечно уважаемый начальник, хранитель края, под защитой которого не прольется ни одна капля крови, но самый маленький человек найдет в нем правду и защиту» (т. I, л. 151 об.).

Чем были вызваны общие рукоплескания, коими сопровождался выход генерал-лейтенанта Холщевникова из собрания 27 ноября 1905 г., дознанием в точности не установлено. Надо думать, что к этому эпизоду относится нижеследующее место отчета о митинге 27 ноября 1905 г., помещенного в № 248 газеты «Забайкалье», вышедшем 4 декабря 1905 г.: «На запрос одного из членов собрания, говорившего о Самышкине, что он из беседы с губернатором вынес убеждение о сочувствии губернатора Самышкину в желании спасти «царя-батюшку», генерал-губернатор Холщевников заявил, что если капитан Самышкин эту беседу передавал так, то он «лгал». После этого разговора он отставил Самышкина от командования местной командой» (т. IV, л. 77 об.).

По поводу своего присутствия на митинге 27 ноября 1905 г. генерал-лейтенант Холщевников показал следующее. На митинг он отправился единственно с целью успокоить общество, волнуемое слухами о «черной сотне» и готовящемся еврейском погроме. Откажись он притти на митинг и случись потом погром,— это было бы приписано администрации. Мало того, если бы погрома и не случилось, его отказ посетить собрание был бы истолкован агитаторами в том смысле, что администрация если сама погрома не устраивает, то, во всяком случае, противодействовать ему не собирается. Не вышел он из залы собрания немедленно после того, как присутствовавшие на митинге не почтили его вставанием при входе, из нежелания нарваться на еще большее оскорбление со стороны дерзких железнодорожных рабочих, в большом числе находившихся на митинге. О составе собравшихся на митинг он был введен в заблуждение депутацией и не знал, что это митинг военно-служащих (т. III, л. 24).

Председатель митинга представил ему составленную военно-служащими «резолюцию» и предложил подписать ее; возмущенный подобной дерзостью, он заявил: «Нет, я не разделяю ее, и долг службы и наш мундир не позволяет нам этого». Затем по поводу опасений еврейского погрома он на запрос ответил: «Я никогда не был антисемитом, принимал и приму все меры, возможные от меня, к тому, чтобы не повторилось здесь того, что было в других местах; евреи несут наравне с другими такие же налоги, несли ту же службу в бывшей войне; масса врачей евреев была в военных госпиталях и Красном Кресте, и, по моему мнению, они заслуживают уравнения с правами русского народа; если, как приходилось мне слышать, при такой свободе евреи возьмут верх, то русскому народу нужно бороться против евреев не насилием, не погромами, а нравственно,

и в этом отношении можно снять опеку и пеленки с русского народа, он сам за себя постоит». Все, сказанное в заметке, помещенной в № 248 газеты «Забайкалье», по поводу его ответа на запрос одного из присутствующих о капитане Самышкине, составляет измышление репортера (т. III, л. 24 об., 25).

III. 8 декабря 1905 г. в приказе военного губернатора Забайкальской области за № 9030 генерал-лейтенант Холщевников отдал нижеследующее: «Приказом моим от 28 марта сего года за № 2537 при областном правлении образована продовольственная комиссия, которая с сего числа закрывается и взамен ее, согласно постановлению особого совещания 22 ноября, образуется в г. Чите особый комитет. Председателем особого комитета назначаю непременного члена областного по крестьянским делам присутствия коллежского асессора Гриневицкого, а делопроизводителем — столоначальника областного правления титулярного советника Глазунова, с освобождением последнего от делопроизводства 1-го стола 1-го отделения областного правления. Членами особого комитета входят: представитель от читинской городской думы купец Николай Васильевич Костин; выборные от обществ: купеческого — купец Исай Моисеевич Клейман; мещанского — мещанский староста Иван Федорович Черкасов, мещане — Яков Евсеевич Гобчик и Самсон Лазаревич Маркин. Кроме того, представители: от войскового хозяйственного правления Забайкальского казачьего войска, потребительских обществ и всех организаций, находящихся в г. Чите. На комитет этот возлагаю: 1) ведение вообще всего дела продовольствия населения Восточного Забайкалья, не исключая г. Читы и Читинского уезда; 2) рассмотрение ходатайств от городов, крестьянского и казачьего населения означенной части области, относительно провоза в область продовольственных припасов и предметов первой необходимости, а также назначение нарядов требующегося для сего количества вагонов; 3) составление проектов обязательных цен на продовольственные припасы и предметы первой необходимости и 4) представление мне о замеченных комитетом злоупотреблениях разных лиц в отношении чрезмерного повышения цен на продовольственные припасы и предметы первой необходимости, утайки таковых, а также и прочих этого рода проступках частных лиц для привлечения их к законной ответственности» (т. II, л. 56).

Как видно из протокола особого совещания 22 ноября 1905 г., постановление этого совещания о необходимости учреждения особого комитета, сформированного приказом военного губернатора от 8 декабря 1905 г. за № 9030, состоялось по предложению генерал-лейтенанта Холщевникова (т. II, л. 59).

Что представляли из себя организации или союзы, находившиеся в г. Чите, было указано выше. Таким образом, оказывается, что, по желанию генерал-лейтенанта Холщевникова, в правительственное учреждение, обязанное заботиться о насущных нуждах целой области, вошел революционный элемент.

Особый комитет, образованный приказом № 9050, имел несколько заседаний, а именно: 8, 13 и 22 декабря 1905 г., 2 и 5 января 1906 г. Из имеющихся в деле протоколов этих заседаний видно, что на первых двух заседаниях, кроме официальных лиц, присутствовали «представители смешанного комитета служащих и рабочих железной дороги и многие посторонние граждане»; на двух следующих — «многие посторонние граждане» и, наконец, на последнем — «несколько посторонних граждан». Присутствие и участие этих лиц на заседаниях комитета, как это видно из тех же протоколов, не принесло для дела продовольствия области ни особого вреда, ни особой пользы (т. II, л.л. 60—78).

По поводу привлечения к делу снабжения области продовольствием и припасами первой необходимости посторонних элементов генерал-лейтенант Холщевников дал на дознании весьма подробное и обширное объяснение, сущность коего сводится к следующему. В пережитое тяжелое время русско-японской войны, когда железная дорога была занята исключительно перевозкой военных грузов, в области ощущался недостаток в хлебе и предметах первой необходимости; в 1905 г. был полный неурожай, и области стал грозить голод и сопряженные с ним бедствия. Чтобы добиться доставки с запада нужного количества хлеба и предметов первой необходимости, он предпринимал всевозможные меры и обращался за содействием повсюду, куда только мог. Все оказалось безуспешно, и хлеба не было. Тогда он решился на последнюю и крайнюю меру: своим приказом от 8 декабря 1905 г. за № 9030 учредил для забот о продовольствии области «особый комитет», к участию в коем привлек местные силы в лице представителей городской думы, купечества, мещанства и существующих в г. Чите организаций, при чем под словом «организации» подразумевал организации профессионального характера, как-то: железнодорожных рабочих, извозчиков, содержателей почтовой гоньбы и проч., а отнюдь не организации незаконные и тем более революционные. Об участии в заседаниях особого комитета представителей от смешанного комитета железнодорожных служащих и рабочих он узнал только впоследствии от председателя комитета коллежского асессора Гриневицкого (т. III, л.л. 35—40).

IV. 21 декабря 1905 г., около часу дня, в областное правление, где в то время находился генерал-лейтенант Холщевников, явилась депутация, состоящая из городского головы, фотографа Кузнецова и нескольких почтово-телеграфных чиновников, которая заявила, что в только что состоявшемся заседании городской думы, с участием народа и представителей партий и союзов, обсуждался вопрос о забастовке, при чем, приняв во внимание, что забастовка почты и телеграфа приносит неисчислимый вред обществу, что правительство и местные власти бессильны восстановить действие этих жизненных нервов общества и что это может быть сделано при помощи союза почтово-телеграфных чиновников, собрание единогласно постановило: 1) временно

изъять из рук правительства почтово-телеграфные учреждения и передать их при посредстве городского общества союзу почтово-телеграфных чиновников, с целью обслуживания интересов населения, не принимая и не отправляя правительственной корреспонденции; 2) просить распоряжения военного губернатора о немедленном снятии всех военных постов в почтово-телеграфной конторе и 3) для определения порядка дальнейшей передачи почтово-телеграфных дел во всем Забайкалье в руки общества и заведывания этим делом выбрать комитет из служащих почтово-телеграфных контор Забайкалья при участии делегатов от общества (т. II, л. 1 об.).

К сему заявлению депутаты присовокупили, что на случай неуважения этого ходатайства собрания, социал-демократическая партия, в числе 4.000 вооруженных винтовками, предложила свои услуги насильственно взять не только почтово-телеграфную контору, но и все правительственные учреждения (т. II, л. 2, л. 87).

Выслушав эти заявления, генерал-лейтенант Холщевников ответил депутатам, что немедленного ответа на их требование он дать не может, так как в почтово-телеграфном деле заинтересованы не одни только общественные элементы, но и правительственные учреждения, поэтому он сначала посоветуется с представителями этих учреждений, а потом уже даст ответ. Депутаты сначала настаивали на немедленном ответе, когда же генерал-лейтенант Холщевников на это не согласился, стали просить ускорить решение вопроса; генерал-лейтенант Холщевников обещал дать ответ в тот же день; после этого депутаты ушли, чтобы сообщить пославшему их собранию о результатах своей миссии (т. II, л. 2; т. I, л. 87).

Совещание для обсуждения вопроса о передаче читинской почтово-телеграфной конторы в руки союза почтово-телеграфных чиновников состоялось часа через два после ухода депутации. На совещание это, по приглашению генерал-лейтенанта Холщевникова, прибыли:

1) Командир 1-ой Сибирской пехотной дивизии генерал-майор Морозов.

2) Командующий 2-м пехотным Сибирским Читинским полком генерал-майор Румшевич.

3) Командир 2-го Читинского резервного батальона полковник Бодзенто-Беляцкий.

4) Читинский уездный воинский начальник полковник Воложанинов.

5) И. д. начальника штаба войск Забайкальской области подполковник Главачевский.

6) И. д. начальника штаба Забайкальской дивизии подполковник Вицинуда.

7) Командир 6-го Восточно-Сибирского запасного батальона полковник Плысковский.

8) Помощник начальника иркутского губернского жандармского управления в Забайкальской области ротмистр Балабанов.

9) Вице-губернатор Забайкальской области действительный статский советник Беломестнов.

10) Товарищ председателя читинского окружного суда статский советник Гервагеи.

11) И. д. управляющего Забайкальской казенной палаты статский советник Тыжнов.

12) Председатель комиссии по размежеванию земель забайкальского казачьего войска действительный статский советник Морозов.

13) Начальник забайкальского почтово-телеграфного округа действительный статский советник Данилевич.

14) Управляющий акцизными сборами в Забайкальской области действительный статский советник Вержболович.

15) Председатель войскового хозяйственного правления полковник Головачев.

16) Забайкальский областной землемер коллежский советник Попов.

17) Непременный член областного по крестьянским делам присутствия коллежский асессор Гриневицкий.

18) Старший советник областного правления статский советник Семидалов.

19) Советник того же правления статский советник Бочаров.

20) Советник того же правления надворной советник Николаев.

21) И. д. читинского уездного начальника коллежский секретарь Глинка.

22) Читинский городской голова Шишминцев.

23) Помощник полицеймейстера титулярный советник Горпинченко.

24) Директор читинской мужской гимназии Еленев.

Приглашались на совещание, но на оное не прибыли прокурор читинского окружного суда и председатель от духовного ведомства (т. I, л. 87 об.; т. II, л. 1).

Совещание открылось речью генерал-лейтенанта Холщевникова, в коей он изложил сущность требований, предъявленных ему депутацией. Затем по его просьбе коллежский асессор Гриневицкий сообщил присутствующим, что вопрос о забастовке почтово-телеграфных чиновников подробно обсуждался на митинге 19 декабря; на митинге этом много говорилось о нежелании или бессилии правительства и местной власти восстановить деятельность почты и телеграфа, о том вреде, какой наносит забастовка обществу, и о мерах, какие необходимо принять к восстановлению сообщения; высказывалось, что при помощи местных союзов почтово-телеграфных чинов возможно установить сообщение по области и к востоку, до Великого океана, что почва для этого подготовлена и т. д.; затем в результате на митинге решено изъять почтово-телеграфное дело из рук правительства и передать обществу,

подробности же передачи и изъятия этого дела должны разработать союзы почтово-телеграфных делегатов Сибири (т. I, л. 88; т. II, л. 2).

В это время в совещание прибыл городской голова и представил писанную копию резолюции, принятой в этот день на экстренном собрании городской думы, при участии граждан и представителей от партий и союзов (т. I, л. 88 об.; т. II, л. 5).

Резолюция эта была такого содержания: «Гласные думы, собравшись 21 декабря 1905 г. в экстренном заседании вместе с представителями партий и союзов, выслушали доклад городского головы о почтово-телеграфной забастовке в г. Чите, резолюцию, принятую на митинге 19 декабря 1905 г., на котором подробно обсуждался вопрос о названной забастовке, а также доклад почтово-телеграфных чинов союза об организации почтово-телеграфного дела в г. Чите. Обсудив всесторонне все обстоятельства дела в присутствии представителей партий, союзов и громадной массы граждан, единогласно постановили: 1) господствующее правительство, а также и местная администрация бессильны восстановить почтово-телеграфное сообщение, а потому оно должно быть временно изъято из рук правительства и передано при посредстве городского общества в руки чинов почтово-телеграфного союза. 2) Городское общество из своей среды избрало комиссию для наблюдения за правильным ходом почтово-телеграфных дел и денежной отчетности в составе г.г. А. К. Кузнецова, Дмитриевского, И. П. Соболева и Волкова; сверх того, партиям и союзам предоставляется право избрать своих представителей, которые и входят в состав комиссии. 3) Временное управление почтово-телеграфным делом возложить на исполнительный комитет союза читинских почтово-телеграфных служащих, состоящий из следующих лиц: председатель Н. А. Хмелев, члены: Замошников, Костырев, Запольский, Андриевский и Красовский. 4) Просить г. губернатора через выборных депутатов немедленно снять все военные посты в почтово-телеграфной конторе. 5) По снятии печатей произвести описи всего наличного имущества при помощи почтово-телеграфных чинов и совместно с выборными от общества. 6) Для приведения дел в порядок чины почтово-телеграфной конторы должны избрать комиссию, которая обязана составить протокол и представить его обществу. 7) По окончании заседания съезда чинов почтово-телеграфных делегатов округа, созванных на 21 декабря сего года в г. Чите, должен быть выбран комитет из служащих почтово-телеграфных контор Забайкалья для совместного с делегатами от общества определения порядка дальнейшей передачи почтово-телеграфного дела во всем Забайкалье в руки общества и заведывания этим делом. 8) Содержание чиновников и служащих почтово-телеграфных контор и другие хозяйственные расходы будут выплачиваться из поступающих на приход сумм; остатки же сумм будут храниться по указанию комитета из служащих почтово-телеграфных контор Забайкалья, который должен быть организован на основании предыду-

щего пункта совместно с представителями городского общества» (т. I, л. 88 об.; т. II, л.л. 5—6).

После прочтения этой резолюции начались дебаты, а затем генерал-лейтенант Холщевников предложил на голосование вопрос, сущность коего сводилась к тому: передавать или не передавать почтово-телеграфную контору при посредстве городской думы в руки союза почтово-телеграфных чиновников (т. I, л. 88 об.).

Результат дебатов и голосования выразился в следующем постановлении: «Обсудив всесторонне обстоятельства настоящего дела и принимая во внимание: 1) что для местной администрации, как это установлено неоднократными совещаниями, является полная невозможность восстановления почтово-телеграфного движения; 2) что почтово-телеграфные чиновники, несмотря на все принятые меры увещания обратиться к занятиям, категорически заявили, что они служить правительству не желают до полного удовлетворения политических и экономических требований, предъявленных их союзом; 3) что освободительное движение приняло в Забайкалье настолько широкие размеры, что захватило все классы населения, не исключая и военного; 4) что численность гарнизона совершенно недостаточна для ограждения почтово-телеграфной конторы в случае насильственного захвата ее; 5) что отрицательный ответ на требование думы мог бы послужить сигналом для начала кровавой анархии, так как по заявлению депутации и городского головы, бывшего на совещании, в случае неуважения сего ходатайства социал-демократическая партия, в числе 4.000 человек, вооруженных винтовками, предложила услуги насильственно взять не только контору, но и все правительственные учреждения, — совещание единогласно постановило: почтово-телеграфные учреждения области временно передать читинской городской думе, как постоянному учреждению, которая, как орган юридического лица, под контролем гласных думы может передать эти учреждения союзу почтово-телеграфных чиновников Забайкальского округа, но без всякой ответственности правительства и казны за могущий быть ущерб и вред. Сдача может быть произведена только утром 22 декабря (т. II, л. 6 об.).

Резолюция эта была собственноручно карандашом написана генерал-лейтенантом Холщевниковым и подписана им и гг. Гервагеном, Николаевым, Беломестновым, Еленевым, Тыжновым, Головачевым, Вержболовичем, Поповым, Вицнудой, Бочаровым, Беляцким, Плысковским, Гловачевским, Гриневицким, Глинкой, Семидаловым, генерал-майорами Румшевичем и Морозовым (т. II, л. 8; т. IV, л. 86).

Не подписана резолюция действительным статским советником Данилевичем и Морозовым, полковником Воложаниновым, ротмистром Балабановым, помощником полицеймейстера Горпинченко и городским головой Шишминцевым.

Почему не подписали резолюции действительные статские советники Данилевич и Морозов, городской голова Шишминцев, ротмистр Балабанов и титулярный советник Горпинченко, из дела не видно.

По словам полковника Воложанинова, он уклонился от голосования вопроса о передаче почты и не подписал резолюции потому, что считал не только самый вопрос о передаче почтово-телеграфной конторы в руки города или союза, но и самое совещание по этому предмету совершенно незаконными, хотя генерал-лейтенант Холщевников на совещании и доказывал, что в переживаемое тревожное время нельзя смотреть на все возникающие вопросы с точки зрения обычной мерки законности (т. I, л. 45, л. 44).

О всем происходившем на совещании был составлен особый документ, который был назван «протокол особого совещания начальников частей войск, представителей ведомств и учреждений г. Читы». Судя по тому, что в месте, предназначенном для подписей, генерал-майор Морозов, скончавшийся 12 января 1906 г., показан умершим, протокол этот был составлен значительно позже 21 декабря 1905 г. Из числа присутствовавших на совещании подписали протокол без всяких оговорок весьма немногие; многие не подписали его вовсе, другие подписали его с оговорками, третьи приложили к протоколу особые мнения, чем доказывается, что единодушие при постановке резолюции о передаче почтово-телеграфной конторы в руки союза почтово-телеграфных чиновников было не особенно велико (т. II, л. л. 7, 9—12, 13, 16, 17, 18, 19—20).

Как видно из показаний, данных на дознании генерал-майором Румшевичем, полковником Воложаниновым и действительным статским советником Беломестновым, перед открытием совещания 21 декабря 1905 г. генерал-лейтенант Холщевников просил всех военных не поднимать вопроса о количестве войск в гарнизоне (т. I, л. 28, л. 44, л. 46 об.).

Присутствовавшие на совещании статский советник Семидалов, действительный статский советник Вержболович, статский советник Герваген, действительный статский советник Морозов и коллежский советник Попов одну из главнейших причин составления резолюции о передаче почтово-телеграфного дела в руки союза почтово-телеграфных чиновников видят в молчании присутствовавших на совещании генерал-лейтенанта Холщевникова, генерал-майора Морозова и генерал-майора Румшевича о силах читинского гарнизона и о возможности оказать мятежникам сопротивление (т. I, л. 89 об., л. 109 об.; т. II, л. 11, л. 16, л. 17 об.).

По свидетельству статского советника Данилевича, резолюция совещания 21 декабря 1905 г. тотчас по постановке ее особым извещением военного губернатора, лично врученным им городскому голове, была объявлена городскому обществу и народу, ожидавшим ответа в общественном собрании (т. I, л. 67 об.).

По словам того же свидетеля, самая передача почтово-телеграфной конторы произошла таким образом: 22 декабря 1905 г., около 11 часов утра, к зданию конторы подошла толпа забастовавших служащих с красным флагом и пением революционных песен. Караул, охранявший

ший контору, в здание их не пропустил, пока не приехал читинский уездный воинский начальник полковник Воложанинов и не снял посты. После этого забастовщики с криком «ура» бросились в контору и заняли ее (т. I, л. 68).

Прокурор читинского окружного суда статский советник Студзинский, который, получив 21 декабря 1905 г. приглашение на совещание по поводу передачи почтово-телеграфной конторы, на это совещание не поехал и никого из своих товарищей туда не пустил, так как считал это совещание совершенно незаконным, на дознании показал следующее. Узнав о состоявшейся резолюции передать почтово-телеграфную контору в руки союза почтово-телеграфных чиновников, он утром 22 декабря отправился к действительному статскому советнику Данилевичу, чтобы узнать подробности; почта в это время охранялась еще караулом, и довольно значительным; все входы охранялись часовыми с ружьями, а в самом помещении было не менее 30 человек нижних чинов. Когда он сидел у действительного статского советника Данилевича, к конторе подошла толпа почтово-телеграфных служащих и рабочих с красными флагами, шумом и пением. Толпа стала требовать, чтобы ее впустили в здание конторы, но часовые этого не исполнили. Тогда он, статский советник Студзинский, поспешил к генерал-лейтенанту Холщевникову в надежде уговорить его отменить явно незаконное решение. Во время их разговора пришел чиновник Бочаров и принес для подписи две бумаги — одну воинскому начальнику о снятии постов в почтово-телеграфной конторе, а другую в городскую управу о принятии в свое ведение этого учреждения. Он стал просить генерал-лейтенанта Холщевникова не подписывать этих бумаг, доказывая, что решение совещания не имеет никакого юридического значения и что оно явно преступно: генерал-лейтенант Холщевников сначала было поколебался, но потом, заявив, что изменить своего решения он не может, бумаги подписал, и они были отправлены по принадлежности (т. I, л. л. 100—111 об.).

Генерал-лейтенант Холщевников, показав на дознании об обстоятельствах передачи почтово-телеграфной конторы, согласно с изложенным выше, присовокупил:

а) Совещание, собранное им 21 декабря для обсуждения вопроса о передаче почтово-телеграфной конторы, противозаконным он не считал в виду 280 ст. свода губернских учреждений, разрешающей губернатору в особо важных и чрезвычайных случаях собирать общее присутствие губернских установлений. Этого мало: совещания, подобные совещанию 21 декабря, собирались им и раньше, и тогда на них присутствовали юристы — председатель и прокурор читинского окружного суда, чего, конечно, не было бы, если бы совещания были незаконными (т. III, л. 30).

б) На совещании для голосования им был поставлен вопрос: «передать ли городскому управлению почту и телеграф мирным путем, не призывая вооруженной силы, или отказать в требовании и довести

дело до кровопролития?» Громадное большинство присутствующих высказалось за мирную передачу; когда очередь подавать голос дошла до командира 2-го пехотного Сибирского Читинского полка генерал-майора Румшевича, он сказал: «передать почту мирным путем», и добавил: «мы должны быть благодарны думе, что она берет почту мирным путем». Генерал-майор Морозов вслед за сим заявил, что вполне присоединяется к мнению генерал-майора Румшевича. Такое заявление двух главных военных начальников показало ему, что они сами не надеются на успех вооруженного столкновения войск с революционерами, и укрепило в нем его постоянное убеждение, что с малочисленным читинским гарнизоном ничего сделать с революционерами нельзя. Это убеждение и мысль, что неуспех войск в борьбе с революционерами неминуемо повлечет за собой насильственный захват не только почтово-телеграфной конторы, но и других правительственных учреждений, заставили его решиться на передачу почты и телеграфа в руки думы без сопротивления (т. III, л. 30 об., л. 31).

в) Отказу союза почтово-телеграфных чиновников, принимавших почтово-телеграфную контору, иметь дело с правительственной корреспонденцией он никакого значения не придавал, так как для него было ясно, что ни одно правительственное учреждение поручать своей корреспонденции забастовщикам не станет (т. III, л. 34).

т) Вполне сознавая, что хотя бы и временное изъятие почтово-телеграфного дела из рук правительства дело незаконное, и согласившись на это изъятие лишь в виду безвыходности положения, он был глубоко убежден, что большого вреда от этого не произойдет, так как союз почтово-телеграфных чиновников самостоятельно работать будет в состоянии очень недолго, а разграбления почтовых ценностей не допустит из желания оправдать доверие города (т. III, л. 32).

В последних двух случаях генерал-лейтенант Холщевников не ошибся. Как видно из показания начальника Забайкальского почтово-телеграфного округа действительного статского советника Данилевича, многие учреждения отказались работать с читинской почтовой конторой после перехода ее в руки союза; забастовщики скоро сознали свое бессилие вести дело самостоятельно и в начале января стали на службу от правительства, при чем в конторе оказалось в целости все (т. I, л. 70 об., л.л. 72 и след.).

21 декабря 1905 г. во 2-м пехотном Сибирском Читинском полку состояло по спискам 93 офицера и 1.813 нижних чинов; во 2-м резервном Читинском батальоне состояло налицо около 100 человек, а в 6-м Восточно-Сибирском запасном батальоне — около 36 человек (т. I, л. 99, л. 141).

По свидетельству командира 2-го резервного Читинского батальона полковника Бодзенто-Беляцкого, рассеять и обезоружить толпу мятежников, требовавших передачи почты и телеграфа в руки союза почтово-телеграфных чиновников, мог бы и один его батальон (т. I, л. 42).

II. Деятельность генерал-майора Румшевича.

2-й пехотный Сибирский Читинский полк прибыл в г. Читу семью эшелонами в конце ноября и в первых числах декабря 1905 г. (т. I, л. 26).

Командующий полком генерал-майор Румшевич прибыл в город Читу с пятым эшелоном своего полка в ночь с 1 на 2 декабря 1905 г. (т. I, л. 26).

9 декабря 1905 г. генерал-майор Румшевич послал читинскому городскому голове письмо такого содержания:

«В читинскую городскую думу. Милостивый государь Сергей Кириллович. Прибыв в г. Читу, офицеры Читинского полка приветствуют читинских граждан и поздравляют с приобретением гражданской свободы. Помня сердечные отношения граждан к нам до войны и трогательные проводы в Манчжурию, мы сохранили самые лучшие воспоминания и прибыли в г. Читу с крепким желанием сохранить и впредь самые лучшие отношения.

Мы возмущены ходящими по городу нелепыми слухами, что мы будто бы присоединяемся к каким-то партиям, стремящимся даже путем насилия итти против освободительных идей, осуществления которых желают различные союзы и кружки гор. Читы; для устранения недоразумений прилагается при сем мнение общего собрания офицеров полка, с которым прошу ознакомить путем местной печати граждан города. Командующий полком генерал-майор Румшевич» (т. I, л. 133).

К этому письму генерал-майор Румшевич приложил копию следующего документа:

«Заявление офицеров 2-го пехотного Сибирского Читинского полка. Прибыв в г. Читу, мы были возмущены крайне нелепыми слухами о принадлежности Читинского полка к какой-то партии, стремящейся причинять насилие гражданам г. Читы, а посему мы, офицеры Читинского полка, заявляем: 1) Мы вполне сочувствуем происходящему в настоящее время в России освободительному движению и передаче законодательной власти представителям народа. 2) Армия, по нашему мнению, есть достояние всего государства, а так как государство составляет весь народ, то она не должна принадлежать ни к одной из существующих политических партий или союзов. В противном случае одна из партий, к которой присоединилась бы армия, имела бы соблазн употребить силу армии на подавление других партий, что противно свободе, признанной в России. 3) Армия имеет своей задачей исключительно обеспечение родины от внешних врагов, нападающих на наше отечество открытою силою, и исполняет приказания того правительства, которое в каждый данный момент признается в России законным. 4) Армия или часть ее в виду объявленной в России неприкосновенности личности не может производить ни убийства, ни другого какого-либо насилия над мирными гражданами России, к какой бы

партии граждане ни принадлежали и кто бы к армии ни предъявил требования такие насилия совершить. 5) Мы считаем позором подавление какой бы то ни было политической партии силою оружия и употребление последнего против манифестаций и демонстраций, протекающих мирным порядком. 6) В борьбе различных политических партий Читинский полк не принимает на себя полицейских обязанностей, но в случае возникновения беспорядков, угрожающих окончиться кровопролитием, мы, читинцы, впредь до сформирования милиции достаточной силы, будем считать долгом по требованию гражданских властей принимать участие в предупреждении и прекращении братоубийственной резни. 7) Мы давно сознаем необходимость самых коренных реформ в армии и будем приветствовать проведение их законодательным путем. Вместе с тем распространение среди нижних чинов идей, направленных к уничтожению в войсках дисциплины и возбуждению антагонизма между офицерами и солдатами, мы признаем вредным для армии и будем стараться воспитывать нижних чинов в духе честного исполнения долга перед родиной. 8 декабря 1905 г. Чита. Командующий полком генерал-майор Румшевич. Полковник Соловьев. Подполковник Степанов. Чанышев. Сапожников. Подпоручик Карелин. Капитан Костенко. Капитан Савицкий. Капитан Якубовский. Скороткевич. Подпоручик Голяшин. Колычев. Подполковник Астафьев. Капитан Бельский. Капитан Соломко. Поручик Алексеев. Поручик Каплинский. Подпоручик Кычиков. Прапорщик Граф. Подпоручик Вознесенский II. Прапорщик Размахнин. Прапорщик Рыцк. Лекарь Куриков. Врач Арестов. Штабс-капитан Цитович. Прапорщик Багаев. Штабс-капитан Гришнер. Прапорщик Пашихин. Капитан Еремеев. Штабс-капитан Баранов. Капитан Данилов. Штабс-капитан Соломов. Полковник Крыжановский. Капитан Лосев. Штабс-капитан князь Ухтомский. Капитан Шмелов. Штабс-капитан Андржиевский. Врач Медовой. Врач Гросман. Капитан Иващенко. Прапорщик Жеребятьев. Поручик Самарцев. Штабс-капитан Дробшевский. Коллежский регистратор Матов. И. д. начальника штаба 1-й Сибирской пехотной дивизии генерального штаба подполковник Вицнуда» (т. I, л. л. 134, 135).

Согласно желанию генерал-майора Румшевича, его письмо и приложенное к оному «заявление» офицеров Читинского полка были напечатаны в № 253 «Забайкальских Областных Ведомостей», вышедшем 11 декабря 1905 г. (т. I, л. 129 об.).

Вышеприведенные письма и заявление, хотя и писанные в духе явно сочувственном мятежническому движению *), не удовлетворили, однако, партию крайних революционеров, существовавшую в г. Чите, и в № 13 газеты «Азиатская Русь», органе этой партии, вышедшем 12 де-

*) Впоследствии эти письмо и заявление были перепечатаны в некоторых других русских газетах и журналах, например журнале «Право» 1906 года, № 6. *(Примеч. в подлинном).*

кабря 1905 г., появилась статья некоего С. Цариева, в коей заявление офицеров Читинского полка было названо «туманным», «невыполненным фактически», «логически нелепым», «несообразным», «неясным», «неопределенным» и т. п. (т. I, л. 130 об.).

Генерал-майор Румшевич, вместо того, чтобы оставить эту статью без всякого внимания, вступил с С. Цариевым в газетную полемику *) и поместил в № 259 газеты «Забайкалье», вышедшем 20 декабря 1905 г., статью, в коей, поддерживая заявление офицеров 2-го пехотного Сибирского Читинского полка от 8 декабря 1905 г., употребил следующие, совершенно неудобные для офицера российской императорской армии выражения:

«1) Мы признаем государя императора Николая II, и все исходящие от него, как конституционного государя, повеления должны исполнять свято.

2) Мы не можем и не желаем допускать такой оскорбительной для государя мысли, чтобы он отказался от конституции в пользу явно невозможного самодержавия.

3) Скорее он откажется совершенно от престола, нежели изменит конституции.

4) Только при помощи армии возможно было бы восстановить самодержавие в настоящее время.

5) Чтобы не втягивать армию в борьбу с насильниками, народ не должен итти с оружием в руках свергать своих поработителей.

6) Если же волею судьбы или, вернее, волею народа мы доживем до демократической республики, то армия с той же верностью будет служить новому законному правительству» (т. I, л. 130 об.).

По поводу письма и заявления, напечатанных в № 253 «Забайкальских Областных Ведомостей», генерал-майор Румшевич объяснил следующее. Приказом по гарнизону г. Читы от 5 декабря 1905 г. всем офицерам, врачам и военным чиновникам гарнизона было предписано собраться того же 5-го числа, к 6 часам вечера, в помещение начальника штаба для обсуждения некоторых вопросов; он это распоряжение исполнил и к указанному часу явился на собрание. Собрание было весьма многолюдное; председательствовал в нем генерал-лейтенант Холщевников, который подозвал его к себе и спросил: правда ли, что он с своим полком собирается избить мирных граждан. Он ответил отрицательно. Тут из публики стали раздаваться голоса, обвинявшие его и вверенный ему полк в намерении на следующий день, т.-е. 6 декабря, произвести в городе избиение. В виду этих обвинений, 7 декабря он собрал в казармах офицеров своего полка и сообщил им, что Читинскому полку приписывается намерение истребить мирных граждан города. Собрание офицеров тут же решило составить заявле-

*) Входить в газетную полемику, хотя бы в ответ на оскорбительные обвинения, воинским чинам запрещено. Правительственное сообщение об этом было, между прочим, напечатано в № 228 «Забайкальских Областных Ведомостей», вышедшем 2 ноября 1905 г. (т. IV, л. 76). *(Примеч. в подлинном.)*

ние, опровергающее это обвинение, и напечатать его в газетах. Кто составлял это заявление, он, генерал-майор Румшевич, не помнит, но на другой день, то-есть 8 декабря, заявление было готово и подписано как им, так и всеми офицерами. Кто сочинил письмо, при котором это заявление было отправлено городскому голове, он точно также не помнит, но подписал это письмо действительно он. Что касается самого содержания заявления, то его следует понимать так: в пункте 1-м он желал заявить сочувствие манифесту 17 октября 1905 г., а не революции, происходившей в то время в империи; в пункте 4-м он вовсе не хотел сказать, что полк не будет противодействовать революционерам, а желал только заявить, что он не будет истреблять мирных жителей; в пункте 5-м он хотел выразить, что существовать могут какие угодно политические партии, но до тех пор, пока эти партии не действуют активно, их нельзя подавлять силою оружия (т. I, л. 139).

Относительно письма, напечатанного в № 259 газеты «Забайкалье», генерал-майор Румшевич объяснил, что письмо это, действительно, написано и отправлено в редакцию газеты им, при чем он признает, что письмо составлено неудачно: по письму как будто выходит, что он отвергает право его величества государя императора во всякое время отменить манифест 17 октября 1905 г., между тем он этого вовсе не думает (ст. I, л. 140).

Весьма своеобразное объяснение генерал-майора Румшевича того, как надо понимать заявление офицеров 2-го пехотного Сибирского Читинского полка от 8 декабря 1905 г., осталось для читавших это заявление в № 253 «Забайкальских Областных Ведомостей» совершенно неизвестным, и заявление было понято в прямом его смысле, т.-е. в том, что если 2-ой пехотный Сибирский Читинский полк не присоединится прямо к революционерам, то, во всяком случае, офицеры полка против революционеров солдат не поведут. Что это именно было так, видно из показания, данного на дознании известным в г. Чите революционером, подпоручиком 2-го Читинского резервного батальона Дмитриевским, по словам коего появившееся в печати заявление к гражданам г. Читы офицеров 2-го пехотного Сибирского Читинского полка «выяснило недоразумение». Недоразумение же это состояло в том, что прибытие в г. Читу названного полка привело в ужас все революционные кружки и союзы, так как полк считался «черносотенным», способным на разгром города, на непризнание власти генерал-лейтенанта Холщевникова, оказывающего «попустительство» забастовщикам и революционерам и т. п. (т. I, л. 155 об.; л. 152 об.).

В том же смысле, повидимому, понял заявление офицеров 2-го пехотного Сибирского Читинского полка и генерал-лейтенант Холщевников, который в одном месте своего показания говорит, что слабость гарнизона, состоящего из одного Читинского полка, и пункт 5-й резолюции офицеров полка ставили его «в щекотливое положение» в отношении применения силы для прекращения революционных чтений на митингах (т. III, л. 19).

Хотя генерал-майор Румшевич в своем показании и утверждает, что ни заявление офицеров 2-го пехотного Сибирского Читинского полка от 8 декабря 1905 г., ни его письмо, помещенное в газете «Забайкалье» 20 декабря, сочувствия революционерам не выражают, данными дознания с несомненностью устанавливается, что он революционному, называемому им освободительным, движению вполне сочувствовал. Данные эти следующие:

1) Как изложено выше, 5 декабря 1905 г. толпа революционеров разграбила оружие 3-го резервного железнодорожного батальона. Вверенный генерал-майору Румшевичу полк, по сведениям, доставленным им самим, в это время мог выставить по тревоге 20 офицеров и 1.420 нижних чинов. Несмотря на столь значительную силу, никаких мер к отобранию от революционеров награбленного оружия им принято не было (т. IV, л. 80).

Объясняет это генерал-майор Румшевич тем, что ни командующий войсками генерал-лейтенант Холщевников, ни начальник дивизии генерал-майор Морозов (ныне умерший) ему не только не приказывали, но даже не намекали на разоружение мятежников открытой силой, сам же он по собственной инициативе не счел удобным разоружить революционеров, дабы не нарушить программу командующего войсками — не прибегать к насильственным мерам (т. I, л. 26 об.).

2) В начале января 1906 г., когда ожидалось прибытие в г. Читу батальона 3-го пехотного Сибирского Нерчинского полка, генерал-лейтенант Холщевников спросил генерал-майора Румшевича: нельзя ли будет по прибытии этого батальона приступить к разоружению рабочих. На это генерал-майор Румшевич ответил, что вверенный ему полк носит имя г. Читы, с гражданами города полк жил всегда хорошо и теперь снова установил с ними добрые отношения, а потому он просит не назначать его полк для разоружения рабочих (показание генерал-лейтенанта Холщевникова, т. III, л. 16).

3) 2-й пехотный Сибирский Читинский полк прибыл из действующей армии проникнутым сознанием долга присяги и чувством дисциплины. Об этом, сам того не сознавая, свидетельствует известный революционер поручик Дмитриевский, постоянно вращавшийся в солдатских кружках старого гарнизона, противоправительственно и антидисциплинарно настроенных. По его словам, вновь прибывший полк вел себя как-то странно: ни офицеров, половина коих была связана с гражданами города чувствами родства и дружбы, ни тем более солдат нигде не было видно; солдаты, как начальствующие, так и рядовые, на солдат старого гарнизона смотрели зверями, не позволяли никому к себе подходить, из своих казарм, в которых постоянно сидели, пришедших к ним выгоняли, грозя избиением, и т. п. (т. I, л. 153).

Несмотря на такое столь желательное в смутное время направление нижних чинов 2-го пехотного Сибирского Читинского полка, генерал-майор Румшевич, по свидетельству того же поручика Дмитриевского, почему-то счел нужным устраивать в казармах полка собра-

ния солдат, советуя им приглашать на эти собрания солдат других частей для обмена взглядами (т. I, л. 155).

Генерал-майор Румшевич по поводу этих собеседований показал следующее. Когда вверенный ему полк прибыл в г. Читу, все части старого гарнизона были уже заражены противоправительственным движением. Нижние чины этих частей собирались на митинги и образовали союз, офицеры образовали тоже союз — оба совершенно революционного характера. В декабре к нему явилась депутация, состоящая из артиллериста, казака и рядового местной команды, которая попросила отпустить солдат Читинского полка на митинг, устраиваемый в цирке. Он депутатам в этом отказал; тогда они стали просить разрешения для себя и для других членов своего союза притти в казармы Читинского полка для собеседования с его солдатами. Он, генерал-майор Румшевич, находя, что для нижних чинов вверенного ему полка будет весьма полезно ознакомиться с полной несостоятельностью революционных учений, на это согласился, но поставил непременным условием, чтобы в беседе никто не смел касаться особы его величества государя императора. Беседа состоялась в четверг, на праздниках рождества Христова; на беседу прибыло человек 30 нижних чинов других частей, два офицера, военные чиновники и некто Григорович, про которого ему сказали, что это отставной офицер, но который впоследствии оказался социал-революционером [57*]). Нижних чинов Читинского полка присутствовало на беседе человек 200—300; присутствовал и он, генерал-майор Румшевич. Беседа началась в 3 часа дня и окончилась в 9; прибывшие на беседу офицеры говорили о нуждах солдата, об улучшении солдатского быта, о причинах неудачи прошедшей войны, а Григорович говорил о земельной собственности, проводя ту идею, что с дарованием свободы улучшатся условия жизни. Читинские солдаты возражали на эти речи и несколько раз порывались бить ораторов, но он этого не допустил. В следующий четверг, уже без его согласия и разрешения, революционеры снова хотели проникнуть в читинские казармы для устройства собеседования, но были прогнаны. Генерал-лейтенант Холщевников все его распоряжения по поводу описанной беседы вполне одобрил и его благодарил (т. I, л.л. 26 и 27).

Генерал-лейтенант Холщевников подтверждает, что, узнав о беседе в Читинском полку и о том, как она происходила, он, действительно, благодарил генерал-майора Румшевича за то, что тот во время беседы удержал полк в своих руках. Больше по поводу бесед он ничего ему не говорил, так как генерал-майор Румшевич, старый, опытный боевой офицер, знает солдата, ведет его воспитание и сам является за него ответчиком (т. III, л. 19 об.).

---

*) Этот Григорович в настоящее время казнен по приговору временного военного суда, учрежденного при отряде генерал-лейтенанта Ренненкампфа. (Примеч. в подлинном).

4) Выше было описано совещание, имевшее место 21 декабря 1905 г. по поводу передачи читинской почтово-телеграфной конторы, через городскую думу, в руки мятежнического союза почтово-телеграфных чиновников. Генерал-майор Румшевич на этом совещании был, голос за передачу подал, резолюцию и протокол заседания подписал, при чем ни словом не заикнулся о числе вооруженных сил, которые мог выставить вверенный ему полк против революционеров для защиты правительственных учреждений г. Читы (т. II, л. л. I и след.).

Присутствовавшие на этом же совещании статский советник Семидалов и Вержболович, товарищ председателя читинского окружного суда Герваген, действительный статский советник Морозов и коллежский советник Попов, как это изложено выше, одной из главных причин состоявшейся резолюции о передаче почтово-телеграфной конторы в руки мятежников считают молчание присутствовавших на совещании генералов (т.-е. генерал-лейтенанта Холщевникова, генерал-майора Румшевича и генерал-майора Морозова, ныне умершего) о силах читинского гарнизона и о возможности сопротивления (т. I, л. 39 об., л. 109 об.; т. II, л. 17 об.).

Промолчав о силах вверенного ему полка и оказав этим молчанием на только что перечисленных членов совещания 21 декабря 1905 г. нравственное влияние в сторону подачи ими голосов в пользу передачи почтово-телеграфной конторы в руки мятежников, генерал-майор Румшевич пошел еще далее: по свидетельству присутствовавших на совещании непременного члена забайкальского областного присутствия по крестьянским делам Гриневицкого, статского советника Семидалова и Вержболовича, он предложил выразить думе благодарность за то, что, соглашаясь принять почтово-телеграфную контору, она берет на себя организацию сложного дела, непосильного правительству, и дает возможность окончить возникший вопрос столь мирным путем (т. I, л. 50 об.; л. 89; л. 109 об.).

О своем участии в деле передачи почтово-телеграфной конторы через посредство городской думы в руки революционного «союза почтово-телеграфных чиновников» генерал-майор Румшевич показал, что на совещании 21 декабря он, действительно, ничего не говорил о силах своего полка, но сделал это потому, что перед началом заседания генерал-лейтенант Холщевников, отозвав в сторону его и начальника его дивизии, ныне покойного генерал-майора Морозова, просил этого вопроса не поднимать и не говорить, сколько нижних чинов состоит во вверенном ему полку. Резолюцию и журнал заседания 21 декабря 1905 г. он не писал, во-первых, потому, что не считал возможным возражать и входить в оценку деятельности командующего войсками, а во-вторых, потому, что считал их имеющими значение лишь для одного генерал-лейтенанта Холщевникова, по единоличному предписанию коего состоялась на другой день самая передача почтово-телеграфной конторы (т. I, л. л. 28 и 29).

Что касается до численного состава 2-го пехотного Сибирского Читинского полка 21 декабря, то из доставленного генерал-майором Румшевичем и приложенного к делу сведения о сем видно, что в полку по спискам числилось 93 офицера и 1.813 нижних чинов, в расходе показано 50 офицеров и 1.191 нижний чин, а налицо 33 офицера и 622 нижних чина. При этом оговорено, что во время развода караулов, т.-е. с 11 до 12 часов дня, в полку бывает налицо всего 439 человек нижних чинов (т. I, л. 99).

В этом сведении цифры наличного состава, несомненно, ошибочны: офицеров должно быть 43 человека, а нижних чинов безусловно больше 622 человек, так как дневальных по швальне не может быть 20 человек, а одного офицера и 96 нижних чинов учебной команды показывать в расходе не следует (т. I, л. 99).

По словам свидетеля, командира расформированного ныне 2-го Читинского резервного батальона полковника Бодзенто-Белицкого, по его глубокому убеждению, 21 декабря 1905 г. рассеять и обезоружить мятежников, требовавших передачи почтово-телеграфной конторы, мог не только 2-й пехотный Сибирский Читинский полк, но и вверенный ему батальон (т. I, л. 42).

Как видно из приложенного к делу рапорта командира 2-го пехотного Сибирского Читинского полка от 8 апреля 1906 г. за № 2437, во втором Читинском резервном батальоне к 15 декабря 1905 г. состояло налицо всего 100 нижних чинов (т. I, л. 141).

Приняв во внимание все изложенное выше, я нахожу:

1) Во второй половине октября 1905 г. в г. Чите войск было вполне достаточно для борьбы с начинающимся революционным движением, тем более, что революционеры еще не были достаточно вооружены. В нравственном отношении войска были вполне благонадежны, что доказали в своих столкновениях с народными сборищами 15 и 19 октября. По результату этих столкновений генерал-лейтенант Холщевников не мог не видеть той пользы, которую приносит даже простое появление войск пред толпою. Поэтому, если он после 19 октября обрек вверенные ему войска на роль чисто пассивную, то сделал это не вследствие ошибки или добросовестного заблуждения, а вполне сознательно.

2) 24 ноября 1905 г. к генерал-лейтенанту Холщевникову явилась толпа мятежников, потребовавшая от него через своих депутатов освобождения трех арестованных. В этот день войск для полного обуздания толпы у него было вполне достаточно; времени для вызова войск к себе на помощь у него тоже было вполне достаточно, так как толпа явилась к нему не сразу, а предварительно несколько раз прошлась с песнями по городу; бояться немедленного разгрома гауптвахты и тюрьмы толпою не было никаких оснований, так как учреждения эти охранялись караулами, которые толпу, вооруженную только отчасти и притом одними револьверами, могли задержать до прибытия к себе подкреплений. Поэтому освобождение арестантов Кривоно-

сенко, Полутова и Мисюркеева крайнею необходимостью не вызывалось, и раз генерал-лейтенант Холщевников приказал их выпустить, — это должно быть поставлено ему в вину.

3) В вопросе об освобождении из Акатуевской тюрьмы 15 человек сосланных на каторгу бывших матросов транспорта «Прут» показания генерал-лейтенанта Холщевникова и начальника тюрьмы статского советника Фищева совершенно расходятся: первый заявляет, что приказания об освобождении он не отдавал, второй же утверждает, что такое приказание получил. Так как возможность отдачи генерал-лейтенантом Холщевниковым приказания об освобождении акатуевских арестантов вполне согласуется с принятой им по отношению к революционерам политикой непротивления и беспрекословного исполнения всех их требований, — остается предполагать, что о приказании, отданном статскому советнику Фищеву генерал-лейтенант Холщевников забыл, что дает основание отнестись к показанию статского советника Фищева с полным доверием.

4) Узнав о захвате железнодорожными рабочими оружия в 3 резервном железнодорожном батальоне и в товарном складе станции Чита, имея в своем распоряжении достаточный и снабженный артиллерией гарнизон, по долгу службы и присяги генерал-лейтенант Холщевников обязан был немедленно принять самые энергичные меры к отобранию захваченного оружия. Не исполнив этого, он дал рабочим возможность вооружиться и изготовиться к открытому мятежу против правительства, что должно быть поставлено ему в вину.

5) Из делавшихся ему известными резолюций «союза солдат и казаков» и «союза военнослужащих» генерал-лейтенант Холщевников не мог не видеть, что под именем «освободительного движения» союзы эти подразумевают движение революционное, имеющее целью даже путем вооруженного восстания добиться созыва Учредительного Собрания в надежде, что последнее изменит весь государственный строй России. Поэтому если генерал-лейтенант Холщевников заявил на митинге о своем сочувствии освободительному движению, то одно уже это должно быть рассматриваемо, как сознательное заявление им сочувствия движению революционно-мятежническому.

6) Сочувствие генерал-лейтенанта Холщевникова этому революционно-мятежническому движению подтверждается, кроме того, его отношением к разным кружкам и партиям этого направления, с которыми он сносился, как равный с равными (дело конторщика Семенова), и все требования которых он беспрекословно, иногда с унижением своего достоинства, исполнял (прибытие на митинг 27 ноября).

7) 21 декабря 1905 г. у генерал-лейтенанта Холщевникова в распоряжении было количество войск, достаточное для обуздания толпы, и он имел полную возможность отказать революционерам в передаче читинских почты и телеграфа при посредстве городской думы в руки союза почтово-телеграфных чиновников. Потому сделанное им, вопреки долга службы и присяги, распоряжение об изъятии

почты и телеграфа из рук правительства и о передаче этих правительственных регалий через посредство городской думы в руки мятежников, как не вызванное крайней необходимостью, является совершенно незаконным и должно быть поставлено ему в вину.

8) Опубликованные в газетах написанное по инициативе генерал-майора Румшевича заявление офицеров 2-го пехотного Сибирского Читинского полка от 8 декабря 1905 г. и его письма от 9 и 20 декабря того же года не только своим общим тоном, но даже прямо своими выражениями с несомненностью устанавливают, что названный генерал-майор этим путем хотел выразить свое полное сочувствие существовавшему в г. Чите противоправительственному движению. Его отношение к вопросу о разоружении рабочих, устройство солдатского митинга, с приглашением на этот митинг заведомых для него самого революционеров, — это сочувствие только подтверждает.

9) Своим молчанием, вопреки долгу службы и присяги, о силах вверенного ему полка на совещании 21 декабря 1905 г., собравшемся по поводу передачи почты и телеграфа в руки мятежников, и своим заявлением о необходимости благодарить городскую думу за то, что она соглашается взять на себя организацию почтово-телеграфного дела, непосильного правительству, генерал-майор Румшевич без всякого сомнения сильно повлиял на результат совещания. Деяния эти, как вполне обдуманные и умышленные, конечно, должны быть поставлены ему в вину.

На основании всего вышеизложенного, по моему мнению, генерал-лейтенант Холщевников и генерал-майор Румшевич подлежат обвинению:

I. Генерал-лейтенант Холщевников.

1) В том, что, занимая должность военного губернатора Забайкальской области, командующего в оной войсками и наказного атамана забайкальского казачьего войска и обязанный поэтому охранять в области установленный законами порядок, он, генерал-лейтенант Холщевников, вопреки долгу, налагаемому присягой, сочувствуя возникшему в России вообще, а в Забайкальской области в частности революционному движению, целью коего было путем насилия и вооруженного мятежа изменить существующий в России образ правления, основными законами установленный: а) имея в своем распоряжении достаточное количество войск, верных присяге, допустил вышеназванных революционеров насильственно завладеть казенным оружием и боевыми припасами, находившимися в 3-м резервном железнодорожном батальоне и в одном из железнодорожных поездов, прибывших в г. Читу, и таким образом вооружиться для борьбы с правительством; б) отдав 7 ноября 1905 г. в приказе по гарнизону к неуклонному исполнению приказ главного начальника тыла маньчжурских армий от 24 октября 1905 г. за № 786, запрещающий военнослужащим принимать участие в общественных собраниях и произносить на них речи, впоследствии не только допускал митинги военнослужащих чисто революционного

характера, но на некоторых из этих митингов бывал сам и своими речами о сочувствии «освободительному движению» содействовал проникновению в среду чинов гарнизона революционных идей; в) 21 декабря 1905 г., имея в своем распоряжении около 2.000 человек гарнизона, а потому будучи в состоянии подавить войсками всякую попытку революционеров на насилие, сделал по требованию революционеров распоряжение о передаче читинских почты и телеграфа, т.-е. правительственной регалии, в руки мятежников, каковое распоряжение на следующий день, т.-е. 22 декабря 1905 г., и было исполнено, — что предусмотрено 51 и 100 ст. ст. уголовного уложения.

2) В том, что 24 ноября 1905 г., имея в своем распоряжении войска в количестве свыше 1.000 человек, т.-е. вполне достаточном для подавления всякой попытки со стороны революционеров на насилие, в нарушение возложенных на него, как на военного губернатора, обязанностей, вопреки долгу, налагаемому присягой, по требованию революционеров, стремившихся путем открытого мятежа изменить существующий в России государственный строй, приказал выпустить из тюрьмы содержавшегося там подсудимого Кривоносенко, обвиняемого в убийстве и в государственном преступлении, и с гарнизонной гауптвахты — казаков Полутова и Мисюркеева, подлежавших отправке в дисциплинарный батальон, каковое приказание и было в тот же день исполнено, что предусмотрено 173 ст. уголовного уложения.

3) В том, что в начале декабря 1905 г., в нарушение возложенных на него, как на военного губернатора, обязанностей и вопреки долгу, налагаемому присягой, приказал своему подчиненному начальнику акатуевской тюрьмы статскому советнику Фищеву в случае требования со стороны революционеров, стремившихся путем открытого мятежа изменить существующий в России государственный строй, беспрекословно выпустить из тюрьмы содержавшихся там бывших матросов транспорта «Прут», осужденных на каторжные работы за бунт против верховной власти, каковое приказание 20 декабря 1905 г. статский советник Фищев исполнил и по требованию депутатов, присланных к нему революционерами, вышеназванных бывших матросов, в числе 15 человек, из тюрьмы выпустил, что предусмотрено 2-й половиной 173 ст. уголовного уложения.

II. Генерал-майор Р у м ш е в и ч.

В том, что, сочувствуя возникшему в России вообще и в г. Чите в частности революционному движению, имевшему целью путем насилия и вооруженного мятежа изменить существующий в России образ правления, основными законами установленный, он, генерал-майор Румшевич:

1) 7 декабря 1905 г. побудил офицеров командуемого им 2-го пехотного Сибирского Читинского полка составить заявление о том, что они сочувствуют «освободительному движению», что подавление какой бы то ни было политической партии силою оружия они считают позором и что в борьбе партий Читинский полк на себя полицейских

обязанностей не примет, совместно с офицерами подписал это заявление и, при собственном письме, в коем от имени полка снова выразил сочувствие революционному движению, отправил 9 декабря 1905 г. это заявление читинскому городскому голове с просьбой путем местной печати ознакомить с заявлением граждан города, а затем, когда его письмо и заявление офицеров были напечатаны в газете и вызвали некоторые возражения со стороны газеты «Азиатская Русь», орган крайних революционеров, поместил в номере газеты «Забайкалье» от 20 декабря 1905 г. письмо, в коем, поддерживая вышеприведенное заявление офицеров своего полка, называл государя императора конституционным монархом, а самодержавие явно невозможным и уже несуществующим и этими своими письмами и заявлением достиг того, что революционеры, получив сознание полной безнаказанности и уверенность, что со стороны 2-го пехотного Сибирского Читинского полка никакого противодействия не встретят, учинили ряд мятежнических действий, как, например, захват казенного оружия и патронов, вооружение для борьбы с правительством железнодорожных рабочих и т. п.

2) 21 декабря 1905 г., будучи призван генерал-лейтенантом Холщевниковым на совещание по поводу передачи в руки вышеуказанных революционеров читинской почтово-телеграфной конторы и получив от него приказание ничего не говорить на совещании о состоянии войск Читинского гарнизона, приказание это исполнил, никому не сказал, что в его распоряжении имеется около 1.800 штыков, а когда, смущенные его молчанием, присутствовавшие на совещании лица постановили передать почту и телеграф, т.-е. правительственную регалию, в руки мятежников, к этому постановлению не только присоединился и резолюцию совещания подписал, но даже позволил себе предложить собранию выразить городской думе, при посредстве коей почтово-телеграфная контора передавалась в руки мятежников, благодарность за то, что она берет на себя организацию дела, непосильного, по его словам, правительству.

Деяния эти в каждом случае предусмотрены 51 и 100 ст. ст. уголовного уложения.

Совершенные генерал-лейтенантом Холщевниковым и генерал-майором Румшевичем преступные деяния подсудны военному суду.

17 апреля 1906 года, г. Чита.

С подлинным верно: Штабс-капитан *Креонов* *).

---

*) На 1 стран. сопроводительной бумаги пометка карандашом:
«Какое безобразное дело!»
Далее другая пометка карандашом:
«Вчера поступили сведения от генерала Ренненкампфа, что Холщевников действовал под влиянием другого лица, оставшегося безответственным. Что нами сделано по этой телеграмме».
Особый отдел. 12 мая 1906 г.

IV.

Прокламации и воззвания к армии.

1 *).

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

(Получено телеграммой 2-го декабря, в 9 часов вечера).

К гражданам от социал-демократического союза армии.

Дорогие сограждане, мы, организованные нижние чины запаса, считаем своим нравственным долгом предупредить вас и сообщить вам следующее: гнусное полицейское правительство оторвало нас от наших жизненных потребностей, обязанностей пред своими родными и согражданами и родиной, большая часть из нас оторвана от земли самых плодородных губерний. Если мы не будем к февралю месяцу дома, то мы, несколько сотен тысяч, обратимся в нищих, и миллионы женщин и детей умрут от голода. Наши семейства терпят нужду и оскорбления от негодяев — прислужников преступного старого правительства. Мы из-за позорной войны потеряли все наши земли и получили от японцев позорную, но справедливую кличку, «романовские босяки». Интенданты и генералы с разными командирами нас грабили, набивали свои карманы. Мы только здесь все узнали и все поняли. Мы своей кровью и народными деньгами защищали чужую собственность, не государственную и не народную, а дорогу и интересы нескольких негодяев-миллионеров аристократов, которые на народные деньги содержали разбойников воров Алексеевых [58]) и Стесселей [59]) с их прихлебателями. Генералы и командиры держат нас в холодных, сырых и темных собачьих конурах, которые они называют полуземлянками и шалашами, а сами живут в обстроенных на наш счет, выстланных досками фанзах [60]) и роскошных вагонах; кормят нас всякой дрянью, а себе доставляют вина и вкусные деликатесы. Мы страдали и голодали, а генералы с разными командирами бражничали в тылу и пьянствовали с проститутками. Наши честные товарищи, забастовщики железных дорог, обещают нам по 15 поездов в сутки для перевозки нас в Россию, а генералы с главнокомандующим задерживают нас, чтобы им можно было дольше получать большие деньги за счет наших животов и набивать себе карманы. Терпению нашему скоро приходит уж конец. В газете Манчжурских армий [61]) Линевич нас дурачит разными обещаниями да развлекает нас подложными солдатскими пись-

*) Воспроизводится по печатному экземпляру харбинской с.-д. группы, в конце следует приветствие армии от харбинского комитета с.-д., воспроизвести которое ввиду дефектности оригинала не представляется возможным.

мами; исполнений же всех его обещаний не видно. Доктора говорят, что к весне разовьются страшные эпидемии тифа, цынги и кровавого поноса и тысячи нас помрут здесь. Но довольно, пора положить всему произволу царскому конец, пора отомстить за невинно пролитую кровь наших товарищей, за слезы наших бедных жен и несчастных детей. Мы смерти не боимся, это знает вся Европа и Азия, это мы доказали под Мукденом и Ляояном. Мы надеемся, что нам помогут в великом деле освобождения нашей родины и все другие обиженные товарищи и честные офицеры. Если мы, запасные, не будем к февралю месяцу дома, то от дороги князей аристократов и других негодяев останется лишь пепел и кучи камней, просим дорогих товарищей переписывать и распространять между солдатами и согражданами; Линевича и Витте мы предупредили.

Союз социал-демократов армий.

Декабрь 1905 г. № 2.
Типография группы.

2.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Когда запасные уедут на родину?

Солдаты! Вы все спрашиваете, отчего вас не везут на родину? Ведь со дня «замирения» с японцами, с 23 августа, прошло уже 4 месяца, или 120 дней, и за все это время, если бы даже 6 поездов в день увозили домой, то, считая в каждом поезде по 30 вагонов, а в вагоне по 40 человек, можно бы было увезти в день 7.200, а в 120 дней — 864.000 челов. А это чуть ли не вся армия.

Да, братцы-солдаты, за 120 дней многих из вас можно было бы увезти домой. Кто же виноват в том, что на самом деле к новому году со всей Манчжурии и Уссурийского края, из Владивостока и японского плена уедет в Россию едва 250.000 человек, а останется томиться здесь, на Дальнем Востоке, выжидая очереди, не менее 750.000 людей?

Ваше начальство все твердит вам, что виной тому железнодорожные забастовщики, которые будто бы отказываются вас возить. Так ли это? Давайте, братцы, считать и вспоминать, что сделало ваше военное начальство за последние 4 месяца. Ведь оно, это самое ваше начальство, отпускает запасных, требует поезда, командует и приказывает, железная же дорога только выполняет то, что от нее требует военное ведомство. Ей говорят: «подавай вагоны», она подает, но что̀ поместят в эти вагоны: людей ли, лошадей или пушки, этого она не смеет касаться.

Итак, 23 августа заключили мир, и только в первых числах октября повезли первые эшелоны в Россию. Что же делали в эти сорок дней заправилы воинского движения—разные Линевичи, Надаровы, За-

харовы [62]), Шкинские и Левашевы. Что делали в эти 40 дней здесь и в Петербурге все главные и не главные штабы. Они исправно получали жалованье, но не только не думали отпускать на родину запасных, не только не изготовили плана вывозки войск, а всеми поездами продолжали гнать сюда солдат на «подкрепление Манчжурских армий». За эти дни могло быть отпущено и увезено на родину 300.000 чел., т.-е. половина запасных, на самом же деле не ушел домой ни один человек, а, наоборот, еще пришел весь 13-й корпус, пришли какие-то маршевые команды, пришли разные укомплектования, пришли миноноски, пушки, снаряды, генеральские экипажи, двуколки, вагонетки, целые поезда колючей проволоки и прочее, и прочее, и прочее. Все это ненужное шло 40 дней и 40 ночей, шло в то время, когда война уже кончилась, когда наступил мир, когда сотни тысяч измученных, исстрадавшихся оторванных от родины и семей людей два года томились и рвались домой к своим близким.

Но вот к началу октября военное начальство наконец-то решило вывозить войска. Как бы вы думали, братцы, кого оно решило вывозить в первую очередь? Запасных? Как бы не так! Первыми пошли только что привезенные войска 13-го корпуса, да еще пленные из Японии, которых эти ослиные головы не могли перевезти на пароходах морем, а решили гнать через всю Азию и Европу по железной дороге, и без того забитой перевозкой войск. И вот,—с 13-м корпусом опять потянулись двуколки, пушки, лошади, генеральские экипажи и разное добро, а запасные все сидели и сидели. Начальство и не думало о них. Зачем ему спешить. Ведь жалованье генералам платят большое, живут они здесь привольно, даже жен и мамзелей повыписывали.

Так велось дело до половины октября. В это время весь русский рабочий народ, крестьяне и фабричные, вступили в решительную битву с правительством и для того, чтобы сломить его, объявили всеобщую забастовку. К ним присоединились и все русские дороги, кроме Китайской, которая не бастовала, чтобы доставлять вам продовольствие и топливо [63]). Вся жизнь в России остановилась. Правительство струсило и 17 октября издало манифест о свободе. Забастовка прекратилась, и железные дороги после пятидневного перерыва снова покатили войска и воинские грузы.

К этому времени среди запасных началось волнение. Они увидели, что о их выезде на родину никто не помышляет. Они поняли, что их морочат, но кто виноват в этом, не все могли сообразить. Начался бунт запасных и пленных во Владивостоке, стали они бить кого попало, грабили ни в чем неповинных китайцев, жгли и разбивали магазины. Зачем это они делали, — сами не знали. Досталось, конечно, и начальству, но мало.

Тогда только начальство поняло, что дело плохо, что рано или поздно запасные узнают, кто истинный виновник их задержки. И вот в первый раз после заключенного мира оно подумало об отпуске за-

пасных. И вот пошли писать приказы разные ваши «папашки», «отцы родные» и «благодетели», пошли врать и изворачиваться. Весь ноябрь и декабрь в газетах, приказах и разных наставлениях Линевичи, Куропаткины, Надаровы, Батьяновы и прочие ироды всячески стараются свалить всю вину на железнодорожников, всячески стараются натравить вас не только на забастовщиков, но и на их детей. Им все мерещатся забастовки! Им все хочется доказать, что они давным-давно рады бы отпустить вас на родину, да железнодорожники мешают. Но доказать им этого никак не удастся: солдаты им уже не верят, а железнодорожники напрягают все силы, чтобы больше подавать поездов. В декабре месяце дорога, кроме 2-х пассажирских поездов, увозила из Харбина ежедневно до 8-ми эшелонов. Что же делало начальство? Чтобы меньше отпускать солдат, чтобы они верили, что их не везет дорога, военное начальство придумало новую хитрость: оно приказывает везти в Россию побольше ненужного груза, так что в 8 эшелонах вместо 9.600 человек помещается только 4 или 5 тысяч, а то и меньше.

Загляните в любой поезд, идущий в Россию, и вы увидите, что вагоны больше заняты лошадьми, повозками, пушками, зарядными ящиками, нежели людьми. Загляните в поезда, идущие из России, и вы увидите, что до сих пор прибывают в Манчжурию вагонетки, колючая проволока и разный ненужный груз.

Все свои такие проделки ваше начальство называет железнодорожной забастовкой. Да кто же на самом деле бастует? Те ли, которые из сил выбиваются, чтобы подавать больше для войск поездов, или ваше начальство, которое всячески старается заполнить эти поезда разным хламом, лишь бы только не ехали в них люди. Кто не желает вас возить: железнодорожники ли, которые за 4 месяца не работали только 5 дней, или ваши начальники, которые после мира с японцами до ноября месяца вовсе не отпускали вас, а в ноябре и декабре только и делали, что всячески мешали вашей отправке на родину?

Вы видите, солдаты, что забастовка тут не при чем. Пока ваше начальство будет заправлять перевозкой войск, до тех пор вы не увидите своей родины.

И совет вам, братцы, можно дать лишь один:

Собирайтесь по ротам, батальонам и полкам и выбирайте от себя комитеты по перевозке запасных. Отстраните от этого дела свое начальство и возьмите все в свои руки. Вместе с железнодорожными рабочими и служащими ваши комитеты установят очереди отправки запасных и не позволят отправлять на родину пушки, двуколки и генеральские экипажи. Тогда только в каждом эшелоне уедет домой не сотня, а 1.200 запасных. Тогда только к весне вы попадете домой.

Харбинский комитет Рос. С.-Д. Рабочей Партии.

Харбин, 15 декабря 1905 г.

3.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Опять обманули запасных.

Солдаты, 15 декабря в листке № 9, под заголовком «Когда уедут на родину запасные», мы писали вам, что до тех пор вы будете томиться здесь, в Манчжурии, пока не возьмете власть в свои руки, пока не выберете из себя комитеты по перевозке войск, так как ваше начальство не желает везти вас на родину и отправляет целыми поездами не запасных, а действительных, не людей, а пушки, пулеметы, повозки, зарядные ящики и все то, что нужно для убийства ваших братьев — крестьян и рабочих, борющихся за общие для всего народа права. С тех пор, как мы писали вам об этом, прошло только 2 недели. За это время ничего не изменилось; Линевич только новый приказ издал о том, что с 21 декабря он решил вывозить исключительно запасных 4 эшелонами в сутки по 1.200 человек в каждом и что больше нельзя вывозить потому, что будто бы у Сибирской дороги только на 4 поезда хватит паровозов, а у Китайской — мало теплушек.

Ну-ка, братцы, давайте учиним «папашке» допрос, верно ли он говорит. Спросим его, прежде всего, откуда Сибирская дорога брала паровозы, когда везла вас, солдаты, на войну, отчего тогда у нее хватало паровозов на 15 и даже 18 поездов в сутки? Куда девались эти паровозы теперь, когда вам нужно ехать домой, к своим полям, к своим близким, к своим братьям для защиты родины, для свержения царского правительства?

Слушайте, солдаты, когда вас гнали на эту бессмысленную войну, то на Сибирскую дорогу со всей России послали очень много паровозов. Тогда министры—военный и путей сообщения,—приказали каждой русской дороге подать паровозы на Сибирскую, и у последней скопилось их столько, что она могла возить 15 и 18 поездов в сутки. А теперь, когда вся Россия, рабочая и крестьянская, восстала, когда войска стали постепенно переходить на сторону народа, правительство боится сразу пустить вас много на родину, боится потому, что оно знает, что вы, вернувшись в Россию и увидя, как расправляется правительство с борцами за общее благо, присоединитесь к своим братьям-крестьянам и рабочим и увеличите их ряды. Вот почему сначала оно вовсе не отпускало вас, а когда вы стали требовать, решило увозить только четырьмя поездами, вот почему у Сибирской дороги нехватает паровозов. Дело очень просто: их угнали обратно в Россию и не приказывают давать.

Далее, Линевич уверяет вас, что у Китайской дороги мало теплушек, что их не возвращают обратно из России, так что Китайская до-

рога сдает их, примерно, 250 в сутки, а обратно получает от Забайкальской всего 50 или меньше.

Это тоже, братцы, чепуха и обман. Что такое «теплушка»? Не барский же это вагон 1 класса, для изготовления которого нужны сотни рабочих рук и много ценного материала. Теплушку вы хорошо знаете. Это простой деревянный вагон, которых тысячи есть на Китайской дороге, в нем только плохая печка стоит и стены его войлоком обиты. Если дороги не успевают возвращать из России теплушек, то они могут доставить войлок и печи, а вы сами из любого вагона наготовите себе теплушек. Надо только, чтобы ваше начальство зря не занимало вагонов под пушки и пулеметы, надо не позволять ему везти в теплушках действительных на избиение народа, тогда вы очень скоро уедете на родину. Ведь из Харбина ежедневно уходит на запад, кроме пассажирских, не менее 8 воинских поездов. Как же для них-то паровозы и теплушки находятся? Загляните в эти поезда, кто в них едет? В них везут во всеоружии войска с пушками и пулеметами. Зачем везут казаков Рененкампфа? Разве они запасные? Нет, их гонят на избиение братьев ваших — крестьян и рабочих и железнодорожных служащих. Зачем везут 5-ю дивизию (17, 18, 19 и 20 полки)? Разве это запасные? Нет, это едут наши воины на убийство наших братьев.

Зачем везут эти проклятые пушки и пулеметы? Разве в Чите, Иркутске и Красноярске показались японцы? Разве по пушкам и пулеметам соскучились ваши жены и дети? Нет, это везут орудия смерти для честнейших граждан России, для борцов за счастье народа.

Запасные! Вы видите, что если ваши начальники будут возить казаков и действительных, то вам домой не уехать. «Папашка» все будет говорить вам, что у него нет паровозов и теплушек. Подумайте только, что́ если разные изверги Батьяновы и Ренненкампфы одурманят вином и натравят этих солдат на беззащитных борцов за лучшую долю для вас и всего русского народа, что́ если они озвереют, забудут совесть и на самом деле станут избивать по пути железнодорожных рабочих и служащих? Ведь тогда все разбегутся, и некому будет везти вас домой. Надо устроить так, чтобы начальство не смело посылать войска на избиение ваших друзей, рабочих и служащих железной дороги.

Как же это сделать? Мы уже писали вам, что другого выхода нет, как организовать на каждой станции, где идет посадка войск, комитеты из выборных от солдат. Эти комитеты должны заменить ваше начальство и вовсе отстранить его от дела перевозки войск. Они используют все вагоны и поезда на то, чтобы скорее увезти на родину всех запасных. Они не позволят отправлять войска на убийство народа. Для того, чтобы начальство не смело мешать этой работе, вы должны с оружием в руках защищать свои комитеты, а потому не сдавайте оружия, храните его у себя, припасайте его для защиты народа и для свержения царского ига.

За дело же, братцы, организуйтесь скорее, выбирайте скорей комитеты. Довольно обмана, довольно крови народной!

Смерть палачам и насильникам!

Да здравствует солдат—друг народа!

Да здравствуют солдатские комитеты!

Харбинский Комитет Рос. С.-Д. Рабочей Партии.

Харбин, 3 января 1905 г.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. Ташкентская, Сибирская, Забайкальская, Уссурийская и Восточно-Китайская железные дороги получали информацию о событиях через Самарский Стачечный Комитет.

2. Станция Яомынь Южно-Китайской ж. д., где находился штаб III Манчжурской армии, отстоит от Харбина приблизительно в 160 верстах.

3. Батьянов, Михаил Иванович, генер.-от-инф., чл. Воен. Совета, воен. писатель, с 13 марта 1905 г. по 3 февраля 1906 г. командовал III Манчжурской армией, вел погромную агитацию против стач. комитетов; железнодорожники вынесли постановление не пропускать генерала в Европ. Россию.

4. В Томске 20 октября толпой черносотенцев, пополненной переодетой полицией, после «патриотической манифестации» было подожжено здание Управления Сиб. ж. д., в котором в это время находилось много ж.-д. служащих. Все выбегавшие из горящего дома и выбрасывавшиеся из окон добивались толпой. Так погибло несколько сот человек.

5. Джалайнорские копи питали своим углем всю Восточно-Китайскую железную дорогу; с их забастовкой неминуемо должно было бы остановиться все движение на дороге, а следовательно, приостановилась бы и эвакуация из Манчжурии армии.

6. Хорват, Дмитрий Леонтьевич, был помощн. начальн. Уссурийской ж. д., затем начальником Восточно-Китайской, оставался в этой должности целый ряд лет. Впоследствии во время гражданской войны сыграл видную роль в деле организации контр-революционных сил.

7. Таолайчжоу—Харбин — участок Южно-Китайской ж. д. протяжением в 120 верст.

8. Эйлер, Александр Николаевич, подполковник, был начальником радиотелеграфа на Д. Востоке.

9. Елизаров, Марк Тимофеевич, член Центральн. Бюро всерос. жел.-дорожного союза.

10. Надаров, Иван Павлович, генерал-лейтенант, главный начальник тыла Манчжурских армий.

11. Забастовка Восточно-Китайской ж. д., объявленная 24 ноября 1905 г., была прекращена Стачечным Комитетом через несколько же дней (2 декабря), в виду трудностей прекратить пассажирское и коммерческое движения, которые слишком тесно были связаны с жизнью армии.

12. Станция «Мысовая» Забайкальской ж. д. находится на побережьи Байкала, приблизительно в 140 верстах западнее г. Верхнеудинска.

13. Очевидно имеются в виду требования, вынесенные на митинге 24 ноября об освобождении политических заключенных. Толпа в несколько сот человек двинулась после митинга к дому губернатора и предъявила ему свои требования через особую делегацию. Последний был вынужден дать согласие на освобождение из тюрьмы на поруки отца содержавшегося там с весны 1905 г., в ожидании суда, Дм. Кривоносенко, ранившего выстрелом из револьвера, при

разбрасывании прокламаций, городового Пнева; а также на освобождение с гауптвахты двух казаков, отбывавших наказание по приговору военного суда.

14. Левандовский, подполковник Генерального Штаба, числился штаб-офицером для делопроизводства и поручений при Управлении генерал-квартирмейстера при главнокомандующем.

15. 30 октября 1905 г. запасные и военнопленные, возвратившиеся из Японии, возбужденные задержкой их эвакуации на родину, устроили погром в городе.

16. Станция «Пограничная» находится на границе Манчжурии и Приморской области. От Пограничной на восток идет Уссурийская ж. д.

17. Владивостокское выступление запасных началось случайным столкновением в воскресный день на рынке («толчке») нескольких пьяных солдат и обывателей.

18. Куропаткин, Алексей Николаевич, генерал-адъютант, 1898—1904 г.г. был военным министром. С начала русско-яп. войны был назначен командующим Манчжурской армией, затем главнокомандующим всеми сухопутными и морскими вооруженными силами, действующими против Японии; 3 марта 1905 г., после поражения под Мукденом, был смещен с должности главнокомандующего, после того командовал еще некоторое время I Манчжурской армией. Умер в начале 1925 г.

19. Линевич, Николай Петрович, генерал-адъютант, в 1904 г. был командующим войсками Приамурского военного округа, затем командовал I Манчжурской армией; после увольнения Куропаткина был назначен главнокомандующим, занимая эту должность до 3 февраля 1906 г., когда был смещен.

20. В Харбине помимо газет официального характера выходили «Харбинский Вестник», «Харбинский Листок», «Новый Край» и др.

21. Линевич, повидимому, не разделял этих взглядов и находил преждевременным введение осадного положения и объявление города крепостью. Некоторые подробности можно найти в его дневнике, в частности интересна в этом отношении запись от 28 ноября 1905 г. (см. «Русско-Японская война. Из дневников А. Н. Куропаткина и Н. П. Линевича». Центрархив, 1925. Ленгиз) стр. 119.

22. Лечицкий, вероятно — Платон Алексеевич Л. — командовавший одно время 24 Вост.-Сибир. стрелковым полком шестой Сиб. стрелк. дивизии.

23. Фон-Ренненкампф, Павел Карлович, генерал-лейт., до назначения в карательную экспедицию на Восточно-Китайскую и Забайкальскую ж. дороги, командовал 7 Сибирским армейским корпусом.

24. Чичагов, Николай Михайлович, генерал-лейтенант, начальник Заамурского округа отдельного корпуса пограничной стражи.

25. Холщевников, Иван Васильевич, генерал-лейтенант, был военным губернатором и командующим войсками Забайкальской области и наказным атаманом Забайкальского казачьего войска. В 1905 г., когда Чита стала центром революционного восстания, Холщевников не принял достаточно энергичных мер для подавления его, за что после разгрома Читы был смещен с должности, отдан под суд, судим и приговорен к году и четырем месяцам крепости.

26. Полковников, вероятно — Петр Васильевич, ген.-майор, начальник 4 стрелк. бригады.

27. Ханшин — крепкий напиток, изготовляемый китайцами.

28. После владивостокских событий (30 октября 1905 г.) первоначальный план эвакуации армии был изменен, по второму плану в первую очередь должны двигаться сибирские полки и Владивосток постепенно должен освобождаться от запасных, скопившихся там в большом числе.

29. Шкинский, Яков Федорович, генерал-майор, нач. военных сообщений при главнокомандующем.

30. Орановский, Николай Алонзьевич, артил. полковник или Владимир Алонзьевич генерал-майор, ген.-квартирм. Манчжурской армии.

31. 22 тысячи лошадей, оставшихся по демобилизации армии за штатом, были пожертвованы населению Приморской, Амурской и Забайкальской областей. На долю Забайкалья приходилось около 10 тыс. лошадей. Забайкальские казачьи полки, возвращавшиеся на родину, вели с собой эти табуны.

32. Станция «Адриановка» Забайкальской ж. дороги находится к востоку от Читы приблизительно в 100 верстах.

33. Имеется в виду шифрованная телеграмма Николая II от 13 декабря 1905 г., посланная, в виду почтово-телеграфной забастовки, окружным путем через Нагасаки и Шанхай. В телеграмме этой предлагалось сформировать в Харбине карательный отряд во главе с ген. Ренненкампфом для посылки на Восточно-Китайскую и Забайкальскую ж. дороги, для борьбы со стачечными комитетами. (Полный текст этой телеграммы опубликован в ст. В. М. «К истории карательной экспедиции в Сибири» «Красный Архив», т. I. М. 1922).

34. Рабочими Читинских ж.-д. мастерских разновременно было захвачено много оружия и боевых припасов. Так в начале декабря 1905 г. группой вооруженных рабочих захвачено в помещении ж.-д. батальона до 800 винтовок, в 20-х числах того же месяца на станции захвачено несколько вагонов, груженных винтовками и снарядами. Оружие это было роздано не только рабочим читинских мастерских, которые спешно организовались в боевые дружины, но частью было послано по линии (на ст. Хилок, Петровский завод и др.).

35. Хинганский перевал отделяет Монголию от Манчжурии.

36. Л а н к о в с к и й, Вл., старший врач Уссурийской жел. дороги, первого Уссурийского ж.-д. батальона и Уссурийской ж.-д. бригады, один из членов «Союза служащих и мастеровых Уссурийской ж. дороги». Принимал участие в организации ж.-д. забастовки этой дороги в конце ноября 1905 г. По распоряжению командующего войсками округа Ланковский был арестован во Владивостоке 4-го января, но вскоре же во время январского восстания (11 января) был освобожден восставшими солдатами и матросами и скрылся. Был вторично арестован и судим в июле 1906 г. военно-окружным судом, в числе 17 челов., привлекавшихся по этому же делу.

37. Фон-К р е м м е р, Николай Иванович, инженер, полковник, начальник Уссурийской ж. д. и командир Уссурийского ж.-д. батальона.

38. Х р е щ а т и ц к и й, Ростислав Александрович, генерал-от-кавал., командующий войсками Приамурского военного округа, наказный атаман приамурского казачьего войска.

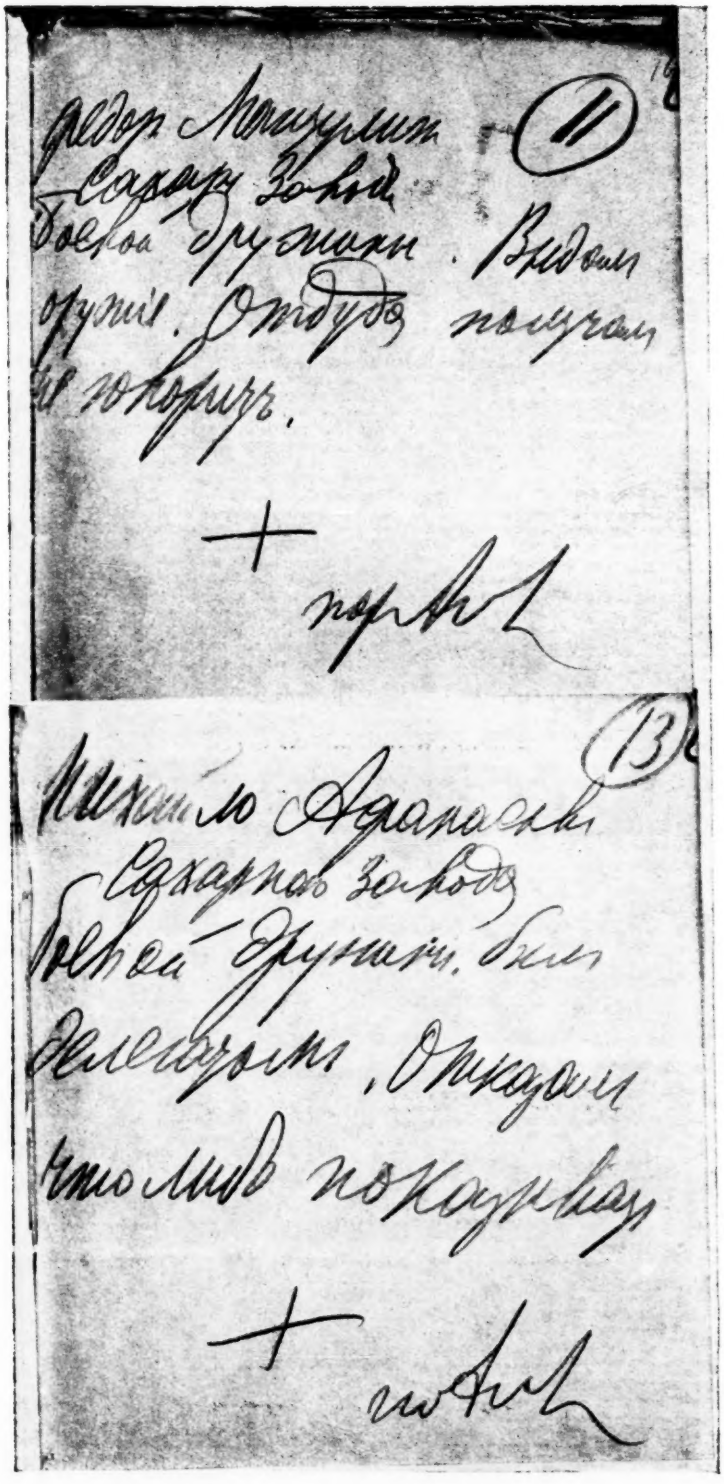
39. С е л и в а н о в, Андрей Николаевич, генерал-лейтенант, команд. II сводн. стрелк корпусом, во время январского восстания во Владивостоке был ранен. В 1906 г. был назначен генерал-губернатором Восточной Сибири и команд. войсками.

40. Е л ь ш и н, полковник, начальник военных сообщений Приамурского военного округа, в ведении которого находилась согласно приказа от 8 сентября 1904 г. (№ 573) Уссурийская ж. д., против чего протестовал стачечный комитет дороги.

41. Р у м ш е в и ч, Иосиф Францевич, ген.-майор, командир 2 пехотного Сибирского Читинского полка. Впоследствии вместе с Холщевниковым привлекался к ответственности.

42. С ы ч е в с к и й, Аркадий Валерианович, генерал-майор. Вскоре после смещения Холщевникова был назначен военным губернатором Забайкальск. области и вр. командующим войсками, принимал большое участие в деятельности Ренненкампфа по разгрому революционного движения в Забайкалье.

43. Рабочий читинских ж. д. мастерских Кисельников, был смертельно ранен офицером Шпилевским при попытке рабочих 15 октября овладеть вагонами с оружием. Похороны Кисельникова (19 октября) превратились в грандиозную манифестацию.



Смертные приговоры дружинникам Пресни

От Редакции. Эти образцы своеобразного предварительного дознания, судебного следствия и приговора, писанные карандашом на осьмушках писчей бумаги поручиком Аглаимовым, находятся в „Деле отд. по охр. общ. безоп. и порядка в Москве при упр. Моск. градонач.“, по описи № 865, 1905 г. (Архив Рев. и Внешней Политики)

44. Во время восстания на броненосце «Потемкине» летом 1905 г., к восставшим присоединилась команда транспорта «Прута». 15 матросов команды были осуждены на каторжные работы и отбывали их в Акатуевской тюрьме.

45. Военные писари, казаки, Полутов и Мисюркеев, были приговорены военным судом за оскорбление офицера к отдаче в дисциплинарный батальон.

46. Кривоносенко, Дмитрий Иванович, член Читинской организации РСДРП. 23 апреля 1905 г. при разбрасывании прокламаций на улицах города ранил выстрелом из револьвера городового. В описываемое время содержался в читинской тюрьме, симулируя психическую болезнь. Впоследствии Кр-ко много раз сидел в тюрьмах. С 1914—1917 г. отбывал ссылку в Томске, там и остался работать после Февральской революции. В мае 1918 г. Кр-ко был убит белогвардейцами при перестрелке в Томском женском монастыре.

47. Бабин, сотник, адъютант ген. Холшевникова.

48. Фищев, Павел Порфирович, статск. советник, начальник Акатуевской тюрьмы.

49. В делегацию, отправленную в Акатуй было выделено 4 представителя от союза солдат и казаков и два от местной с.-д. организации. Персонально входили: В. Курнатовский, В. Чистохин, А. Лопатин, Г. Белякин, Е. Полубояринов и еще один товарищ, фамилия которого не сохранилась. Дело об освобождении арестованных из Акатуевской тюрьмы слушалось в воен. суде при отряде Ренненкампфа в начале марта 1906 г. В качестве обвиняемых были привлечены 27 чел., в том числе нач. тюрьмы и его помощник. Суд оправдал последних, приговорив остальных 25 человек к расстрелу. По конфирмации приговора ген. Гродековым, смертная казнь всем осужденным была заменена каторжными работами на разные сроки.

50. Приговор по делу об освобождении заключенных из Акатуевской тюрьмы опубликован во втором сб. Дальистпарта (сб. материалов по истории революционного движения на Д. Востоке. Чита-Владивосток 1923 г. см. стр. 201—208).

51. Дориан, Георгий Карлович, полковник, командир 3-го резервного ж.-д. батальона.

52. Суд над Григоровичем (Костюшко), Цупсманом, Качаевым, Столяровым и др. происходил в Чите при отряде ген. Ренненкампфа 28 февраля. 3 марта 1906 г. над приговоренными к смерти была публично совершена казнь.

53. Еще не доезжая Читы, с разъезда № 59, 21 января ген. Ренненкампфом был отдан приказ о сдаче читинскими рабочими всего захваченного ими оружия к 12 часам следующего дня караулу у моста через реку Читинку.

54. Дмитриевский, подпоручик 2-го Читинского резервн. батальона, был одним из организаторов союза военнослужащих.

55. Шмидт, Петр Петрович, лейтенант, участник Севастопольского восстания в ноябре 1905 г. Расстрелян 6 марта 1906 г.

56. Станция «Борзя» Забайкальской ж. д. находится приблизительно в 260 верстах к востоку от Читы.

57. Григорович, Иосиф Николаевич (Костюшко-Валюшанич), член РСДРП, действительно до ссылки в Сибирь был артил. офицером. В Забайкалье жил под фамилией Григоровича, служил чертежником ж.-д. мастерских. При занятии Читы отрядом Ренненкампфа, был арестован, судим в числе др. видных участников движения и приговорен к смертной казни.

58. Алексеев, Евгений Иванович, генерал-адъютант, адмирал, был наместником на Д. Востоке, в начале Японской войны был назначен Главнокомандующим всеми сухопутными и морскими вооруженными силами, в конце 1904 г. был заменен ген. Куропаткиным.

59. Стессель, Анатолий Михайлович, генерал-лейтенант, командовал 3 Сиб. арм. корпусом, был и. д. коменданта крепости Порт-Артур, при нем произошла сдача крепости японцам.

60. Фанза — китайская хижина.

61. Очевидно имеется в виду офиц. орган, издаваемой штабом главнокомандующего «Вестник Манчжурских армий». Кроме этой газеты в Харбине, с разрешения главн. нач. тыла Манчжурских армий печаталась подобная же газета «Военная Жизнь», под ред. Н. Десино.

62. З а х а р о в, Петр Матвеевич, полковник, начальник военных сообщений тыла Манчжурских армий.

63. В действительности Восточно-Китайская ж. д. заявляла о своем присоединении к ж.-д. стачке.

Штурм Пресни.

I

В архиве штаба московского военного округа имеется чрезвычайно интересный документ, рисующий самый драматический момент борьбы на Пресне в декабре 1905 г., когда Пресня, защищаемая горстью плохо вооруженных дружинников рабочих, подверглась жесточайшей бомбардировке из тяжелых орудий. Это было 17 декабря. Сами артиллеристы называют этот расстрел Пресни «штурмом», при чем утверждают, что штурм был вызван «бесплодной попыткой отряда полк. Мина в течение нескольких дней овладеть фабричным районом, занятым двумя мануфактурами: Прохорова и Мамонтова, служившими оплотом мятежникам». Из публикуемых документов видно, что сам Мин не считал свои попытки борьбы с дружинниками «бесплодными» и к содействию тяжелой артиллерии отнесся скорее отрицательно. Впрочем, здесь играла некоторую роль конкуренция, — Мин, повидимому, не хотел делить славы «победителя» с кем бы то ни было.

Публикуемый нами рапорт начальника артиллерии и выписка из журнала военных действий 1-й гренадерской генерал-фельдмаршала графа Брюса артиллерийской бригады дают возможность восстановить картину как самого обстрела Пресни и мотивы, его вызвавшие, так и отношения военных властей, руководивших борьбой против революционной Пресни, к последствиям «штурма».

Ровно час продолжалась бомбардировка, и за это время было выпущено батареями 400 снарядов, из которых 80 батарейных гранат, при прицеле 18—20 линий. Вопреки ожиданиям отряда, обстреливавшего Пресню, его действия не были одобрены ни генерал-губернатором, ни штабом военного округа, «с большим удовольствием» принявшего предложение о штурме, ни Мином. Штаб округа считал напрасным сожжение зданий и ставил в вину начальнику артиллерии то обстоятельство, что бомбардировка угрожала опасностью отряду Мина, действовавшему на Пресне. Ко всему этому штаб округа заявил, что «действия отряда дружин не напугали». Все это вызвало, конечно, отпор со стороны начальника артиллерии. Последний совершенно недвусмысленно заявил своим обвинителям: «Раз признано было необходимым и разрешено действовать из орудий, огонь, само собой (разумеется), должен вестись энергично» — это первое, и второе: «если артиллерия призывается к действиям, она обязана вести их так, как этого от нее требует устав, а не по особому для каждого отдельного случая заказу». Автор документа не понимал, что в его лице Дубасов и К°-ищут «стрелочника», на которого можно было бы в случае необходимости свалить вину за совершенно бесполезный разгром Москвы.

Для характеристики эпохи и действующих лиц публикуемые документы несомненно представляют значительный интерес. В целях дать полную картину событий 17 декабря мы сочли нелишним напечатать также донесения с «поля битвы» полк. Мина и его офицеров ген. Дубасову за этот день, хотя эти документы и были опубликованы В. Н. Сторожевым в книге «Декабрьское восстание в Москве 1905 г.», Москва, 1920 г., стр. 140—145. Донесения Мина входят в состав фонда Архива Революции и Внешней Политики и в настоящее время Центрархивом переданы на выставку по 1905 г. в Музей Революции СССР. Рапорт начальника артиллерийского корпуса командиру гренадерского корпуса от 27 декабря 1905 г. за № 4028 и дополнение к рапорту за № 4049 от 28 декабря с приложениями: 1) приказа ген.-м. Шейдемана генерал-лейтенанту Гиппиус или начальнику отряда Николаевских казарм и 2) выписки из журнала военных действий 2-й гренадерской генерал-фельдмаршала графа Брюса артиллерийской бригады публикуются впервые. Находятся они в деле штаба московского военного округа № 5 за 1906 г. «Мятеж в гор. Москве», на л. л. 1467—1472.

I.

Начальник артиллерии гренадерского корпуса.
27 декабря 1905 года.
№ 4028.

Командиру гренадерского корпуса.

Рапорт.

Доношу вашему превосходительству, что, узнав о бесплодной попытке отряда полковника Мина в течение нескольких дней овладеть фабричным районом, занятым двумя мануфактурами: Прохорова и Мамонтова, служившими оплотом мятежникам, я, 15 декабря, осмотрев местность в тылу этих фабрик, предложил в тот же день штабу московского округа использовать тяжелые орудия 2 батарейных батарей, изъятые уже из употребления и находящиеся в укупорке, неотосланными еще по назначению в склады вследствие забастовки железных дорог. Предложение это было принято окружным штабом с большим удовольствием, и, по заключенному между нами условию, сообщение о дне назначенного штурма, а также и подробную диспозицию для согласования действий артиллерии с наступающим отрядом полковника Мина решено было доставить мне из штаба в субботу, 17 декабря. В 12 часов того дня, который назначен будет для штурма, я должен был находиться в Николаевских казармах, где и получить соответственные приказания. Время штурма находилось в зависимости от прибытия Ладожского пехотного полка, который ожидался не ранее 17-го числа, почему штурм предполагался никак не ранее утра в воскресенье, т.-е. 18 декабря. На основании этих соображений я решил прибыть в казармы в 12 часов дня субботы, к каковому времени приказал бригаде, освободив из укупорки, в которой находились в ожидании отправки батарейные пушки, собрать их и приготовить для действия к указанному времени. Проникнув в казармы с большой опасностью, в виду того, что все улицы и переулки, ведущие туда (это как раз районы Пресни и Тверской-Ямской, т.-е. местности наиболее интенсивных действий мятежников), были забаррикадированы и наполнены «боевой дружиной» революционеров, я узнал, что предположенный штурм по распоряжению штаба округа состоялся уже рано утром при содействии только двух легких батарей,

так как батарейные пушки, вследствие перенесения штурма против назначенного времени на сутки ранее, не были еще собраны и готовы. Стрелявшие легкие батареи я застал вернувшимися в казармы, и, по указанию наблюдавших за падением снарядов казаков, результаты поражения были неудачны вследствие боязни дать перелеты и попасть в отряд полковника Мина. Перелетов хотя не делали, но за то, все снаряды легли в вал, окружающий фабрики, постройки же оказались не поврежденными. Полученное донесение гласило, что отряд полковника Мина находится у Пресненских прудов и после обеда намерен снова продолжать штурм фабрик. В это же самое время по телефону из штаба округа сделан был следующий запрос: «Признает ли артиллерия свою задачу выполненной? Чтобы она имела в виду, что колонна полковника Мина несет тяжкие потери, есть раненые штаб и обер-офицеры, что успех действия наступающего отряда зависит исключительно от артиллерии. Что штурмующая колонна не может продвинуться». Признав из доложенных мне наблюдений за результатами стрельбы, что никаким образом задачу артиллерии по утренним ее действиям нельзя признать выполненной, так как фабричные здания с прочно в них засевшими и стойко державшимися мятежниками остались целы, я отдал приказание приготовить немедленно одну батарейную батарею с комплектом снарядов, имевшимися для нее тут же в казармах, и по приведении в готовность, вместе с двумя легкими, выставить на боевую позицию. Воспользоваться второй батарейной батареей, тоже уже собранной из укупорки и приготовленной к действию, не удалось вследствие неимения для таковой снарядов. Приказание это было отдано в $12^1/_2$ часов дня, а в 1 час 30 минут все три батареи находились уже на месте, приблизительно в одной версте от казарм, пройдя это расстояние прямым путем, по глубокому снегу. Уведомления, что огонь батареями будет открыт вторично, начальнику наступающего отряда, полковнику Мину послано не было [1]) за отсутствием связи с ним, восстановление которой потребовало бы очень много времени, а следовательно, сильно задержало бы открытие огня и атаку, что, принимая во внимание раннее наступление в настоящий период года сумерок и необходимость кончить штурм засветло, имело неотложное значение. С прибытием батарей на позицию было приказано самым энергичным огнем поддержать колонну, облегчив ей штурм мятежных фабрик. Стрельба началась из всех батарей одновременно и продолжалась ровно час, при чем объектом действий были видимые с позиции крыши и стены фабрики зданий и промежутки между фабричными корпусами, где можно было предположить дружинников. В 2 часа 30 минут был произведен залп из всех орудий, и пущены 3 ракеты, что, согласно сделанного мною уговора со штабом 15-го числа, должно было означать конец всей стрельбы. Вслед за сим был выслан разъезд под командой хорунжего Лобачева в отряд полковника Мина пока лишь для доклада о результате действий артиллерии и восстановления с ним связи. Батареи оставлены были на позиции, и одна из них продолжала стрелять по людям, перебегавшим из одного здания в другое с какими-то ящиками, как оказалось потом, наполненными огнестрельными припасами, которые они спасали от начавшегося пожара. К сумеркам от Прохоровской мануфактуры, на позицию, к батареям, явилась с белым флагом депутация, заявившая, что в на-

[1]) Против этих слов на полях карандашом сделана приписка: «Однако подп. Михайлов нашел возможным сообщить полк. Мину о прекращении бомбардировки».

стоящее время боевые дружины покинули фабрику, вследствие чего они, депутаты, просят по ней более не стрелять; в удостоверение своего заявления об очистке фабричных зданий дружинниками они просили прислать казаков. На их заявление и просьбу дан был ответ, что все переговоры должны ими вестись с начальником штурмовой колонны полковником Мином, к которому они и были направлены. Всего тремя батареями за время их действия было выпущено 400 снарядов, из коих 80 батарейных гранат, при прицеле 18—20 линий. Результаты стрельбы были следующие: разрушена столовая, и совсем сожжена спальня рабочих, зажжен каменный флигель, который, как потом оказалось, служил складом материалов, произведен двукратный пожар в большом здании Прохоровской мануфактуры, потушенный затем своими фабричными средствами; это здание служило, как оказалось, местом заседания революционного комитета. Наконец, был зажжен и выгорел весь корпус фабрики Мамонтова. Действиями этого отряда артиллерии генерал-губернатор остался недоволен, так же, как, повидимому, и представители штаба округа, безмолствовавшие при сделанных адмиралом Дубасовым на бывшем у него затем собрании начальников замечаниях, хотя артиллерия выполнила только тот план, который был составлен именно штабом округа. Генералом штаба округа было высказано следующее: 1) Что действия артиллерии отрицательны, так как дружину они не напугали. 2) Что они помешали отряду полковника Мина атаковать фабрики, от которых он был уже недалеко. 3) Что здания сожжены напрасно, так как генерал-губернатор приказал их щадить. 4) Что вторичное открытие огня было неожиданностью для отряда полковника Мина, угрожало опасностью и не соответствовало плану окружного штаба. 5) Что не было надобности в проявлении столь энергичного огня. В виду того, что на все мои объяснения действий артиллерии, по пунктам учиненного мне адмиралом Дубасовым допроса, он, в присутствии всех остальных членов собрания и находившегося там же моего подчиненного командира стрелявшего дивизиона, повышенным тоном выкрикивал одну лишь фразу: «Не понимаю»,— я принужден был доложить, что иных объяснений я ему дать не в состоянии, решив представить таковые письменно по команде и в главное артиллерийское управление, что настоящим рапортом и делаю.

1) Что действия артиллерии не были отрицательны и произвели должное воздействие на мятежников, доказывается появлением упомянутой выше депутации с белым флагом, заявившей, что дружинники принуждены были покинуть фабричные здания, где они хорошо были укреплены, обладали сильнейшими средствами обороны, как это потом выяснилось, и могли причинить штурмующему отряду полковника Мина огромные сопротивления, а следовательно, и потери.

2) Артиллерийская стрельба помешать успеху штурмующего отряда никаким образом не могла, наоборот, способствовала в достижении цели, которую без нее пришлось бы, несомненно, получить весьма дорогой для войск ценой в виду отличного вооружения мятежников, засевших в громадном количестве на фабриках.

По указаниям местных жителей, подтвержденным производившимися затем обысками, на фабриках были большие склады разнородного оружия, лаборатории взрывчатых веществ и много бомб. Фабрики эти были главными пунктами бунтовщиков, отлично укреплены и забаррикадированы; взятие их, защищаемых массой самых упорных и стойких мятежников, было делом весьма трудным. Как бы неда-

леко штурмовавший отряд ни находился от этих фабрик, вряд ли бы он без предварительного разгрома артиллерией мог их занять.

3) Намерение генерал-губернатора щадить здания было совершенно неизвестно и, очевидно, шло в разрез с отданными штабом округа распоряжениями — действовать с тыла на фабрики целым отрядом артиллерии, с батарейными орудиями включительно. Отдача этого распоряжения, очевидно, известного и генерал-губернатору, само по себе, уничтожает предъявленное им обвинение в излишнем разрушении зданий артиллерией. Штабу округа должно было быть известно, что с занятой артиллерией позиции, при прицеле в 18—20 линий, одна только внутренность мануфактуры и находящиеся там люди для артиллерийского поражения недоступны: видны крыши и стены, по которым и будет наводка орудий и которые при действии батарейных орудий, что также должно было быть известно штабу, неминуемо подвергнутся частичному разрушению и легко возможному пожару.

4) Огонь батарей, действовавших на фабрики с тыла, опасностью наступающему отряду полковника Мина не угрожал: предохранением от него для войск были фабричные корпуса, занятые мятежниками, по которым и шла стрельба, а также запрещение батареям давать перелеты, что строго соблюдалось. Доказательством того, что безопасность была в действительности, служит отсутствие в отряде полковника Мина всяких несчастий от артиллерийского огня [1]). Весь успех предприятия, как то следует из приведенной мною выше телефонограммы окружного штаба, был рассчитан на том, насколько артиллерия выполнит удачно поставленную ей задачу. Раз таковая не была достигнута первой бомбардировкой, чему доказательством служили непострадавшие корпуса фабрик с упорно засевшими там мятежниками, само собой следует, что в план штаба должны были входить вторая и третья, если бы таковые потребовались, бомбардировки, вплоть до достижения результатов.

Отсюда указание на то, что вторичная бомбардировка не входила в предположение штаба, неосновательно; план был создан с расчетом на несомненный успех при первой же бомбардировке; расчет этот не оправдался,— первая бомбардировка не дала никаких результатов, отчасти, быть может, потому, что штаб поторопился началом стрельбы, заставив стрелять одни легкие орудия и не воспользовавшись наиболее действительными батарейными пушками, подождав их освобождения от укупорки; прямая обязанность старшего начальника, бывшего на позиции, воочию на месте наблюдавшего результат стрельбы и видевшего ход всего дела, была проявить необходимую в данном случае инициативу, что мною и исполнено [2]).

5) Раз признано было необходимым и разрешено действовать из орудий, огонь, само собой, должен вестись энергично, чтобы в наиболее короткий срок поставленная артиллерии задача была достигнута. Это — основа артиллерийского дела, и если артиллерия призывается к действиям, она обязана вести их так, как этого от нее требует устав, а не по особому для каждого отдельного случая заказу.

Необходимость энергичного действия подтвердилась в данном случае самим делом. Первая вялая, нерешительная бомбардировка при действии одних, слабых по своей поражаемости, легких орудий навела лишь уныние на нижних чинов

---

[1]) На полях сделана приписка: «У командира 16 п., Ладожского п., и л.-гв. Сем. п. имеются осколки гранат, долетавших в район расположения их полков».

[2]) На полях приписка: «Так как же,—инициатива или приказание штаба? Что-нибудь одно».

батареи, как это было замечено мною и всем офицерским составом, вторая же, энергично проведенная, с участием тяжелых батарейных пушек, в самое короткое время очистила фабрики от боевых дружин, уничтожив те корпуса, которые были гнездами мятежников. По поводу того, что условленная 15-го числа между мною и окружным штабом бомбардировка была перенесена им на сутки ранее, мне сделано заявление, что перемена эта была принята накануне, при чем для сообщения мне этого штаб разыскивал меня по всему городу, но не нашел. Мне приходится лишь выразить сожаление, что поиски не были начаты с моей квартиры или управления, где мое местопребывание, которое в дни мятежа заключалось лишь в последовательной смене трех пунктов: моей квартиры, штаба округа и казарм 1-й гренадерской артиллерийской бригады, было точно известно во всякую требуемую минуту.

Таким порядком, т.-е. обратившись прямо в управление, достиг до меня 16 декабря немедленно по прибытии командированный по поручению его императорского высочества генерал-инспектора артиллерии, офицер из главного артиллерийского управления.

Начальник артиллерии генерал-лейтенант (*подпись*).
И. д. старшего адъютанта капитан (*подпись*).

II.

Начальник артиллерии гренадерского корпуса 28 декабря 1905 г. № 4049.

Спешно.

Командиру гренадерского корпуса.

Рапорт.

В дополнение вчерашнего рапорта моего за № 4028, представляю вашему превосходительству выписку из журнала военных действий 1-й гренадерской артиллерийской бригады за время минувшего мятежа, которая удостоверяет, что вторичная бомбардировка мятежных фабрик Пресненского района под моим руководством вполне согласовалась с распоряжением по этому предмету, переданным в бригаду из штаба округа генерал-квартирмейстером штаба генерал-майором Шейдеманом.

Приложение: Выписка из журнала военных действий 1-й гренадерской артиллерийской бригады.

Начальник артиллерии генерал-лейтенант (*подпись*).
И. д. старшего адъютанта капитан (*подпись*).

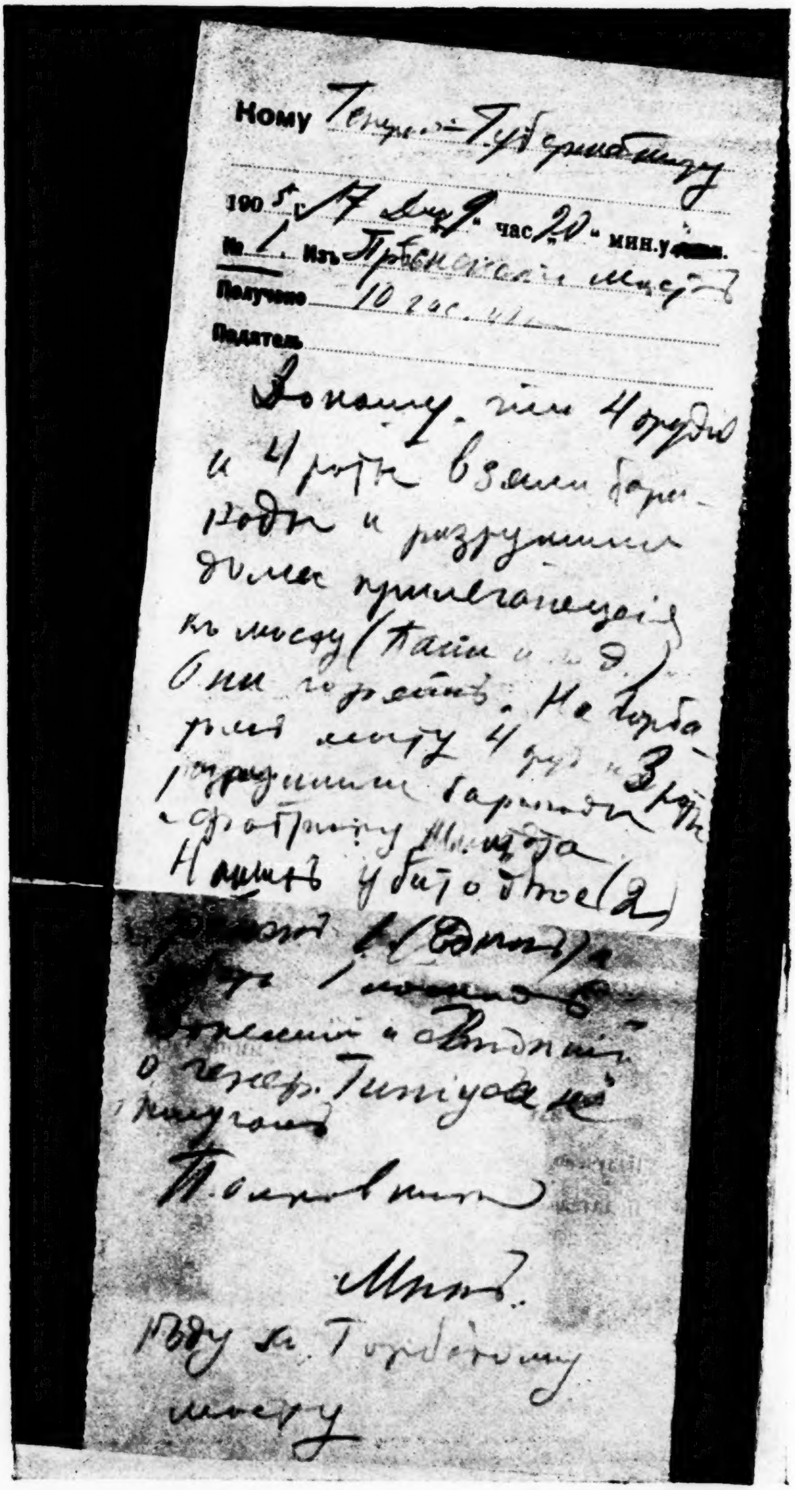
Приложения.

1.

Копия.

Генерал-лейтенанту Гиппиусу или, если его нет, начальнику отряда Николаевских казарм.

1) В 7 часов утра 17 декабря у Пресни отряд полковника Мина (8 рот лейб-гвардии Семеновского полка, 8 орудий, 4 пулемета, $^1/_2$ сотни казаков) откроет огонь орудиями.



Кому Генерал-Губернатору

1905 г. 17 Дек. 9 час. 20 мин. утра.

№ 1. Изъ Пресненской мануф.

Получено 10 час. [illegible]

Податель

Доношу, что 4 орудія и 4 роты взяли баррикады и разрушили дома прилегающіе къ мосту (Бакина и т. д.). Они горятъ. Не добравъ мосту 4 орудія и 3 роты разрушили баррикады и фабрику Шмидта. Нашихъ убито двое (2) ранено 1 (Одинъ) и 1 контуженъ. Донесеній и сведеній о генер. Тимицкомъ не получаю.

Полковникъ Минъ.

Еду на Горбатый мосту

Донесение полк. Мина о разгроме Пресни
(К стр. 393)

2) Открытие огня у Пресни должно служить сигналом для начала огня со стороны Николаевских казарм по Прохоровской мануфактуре (спальни).

3) Цель обстреливания со стороны казарм (Николаевских) — уничтожение мятежных скопищ, поэтому по зданиям без людей (если станет известным, что люди бежали) стрелять не следует.

4) Из сотен, находящихся в Николаевских казармах, выделить одну, на которую возложить наблюдение за выходами от Прохоровской мануфактуры к стороне дачи Студенец и к Ваганьковскому кладбищу.

5) После бомбардировки, продолжительность которой определится поведением мятежников (бегство их, белый флаг и т. п.), отряд полковника Мина должен будет пройти Пресню насквозь своими ротами; сообщается для сведения, во избежание пальбы по своим. О полном прекращении стрельбы надлежит сообщить полковнику Мину с конным офицерским разъездом к Пресненскому мосту. Без этого сообщения полковник Мин не будет считать себя в праве начать движение по Пресне. По получении этого приказания прошу немедленно телефонировать на квартиру начальника штаба (6/67) 16/XII 1905 года.

Подлинный подписал генерал-майор *Шейдеман*.

С подлинным верно: И. д. старшего адъютанта капитан (*подпись*).

2.

Выписка из журнала военных действий 1-й гренадерской генерал-фельдмаршала графа Брюса артиллерийской бригады.

В 4 часа 5 минут ночи 17 декабря было получено приказание на имя генерал-лейтенанта Гиппиуса, копию которого при сем представляю, так как подлинник находится у генерал-губернатора, переданный подполковником Михайловым. Согласно этого приказания, были назначены: 1-я и 9-я батареи под начальством подполковника Михайлова, которому было вручено это приказание и схема расположения к утру отряда полковника Мина, а также 6-я сотня под командой есаула Краснушкина. Означенный отряд запоздал на позиции, и условный первый выстрел из отряда полковника Мина был дан, когда подполковник Михайлов находился еще в казармах, но через 15 минут после этого выстрела открыл огонь. Я же (бригадный адъютант штабс-капитан Нешестрем) остался в казармах и расставил охранение казарм от 8-й батареи и выставил 2 орудия около казарм в случае бегства (мятежников) через Ваганьковское кладбище или через беговые постройки; окончив это, я пошел на позицию и наблюдал уже конец стрельбы подполковника Михайлова. Наблюдатели от артиллерии не были выставлены; результат стрельбы был известен от есаула Краснушкина в конце стрельбы — что снаряды ложились в насыпь, что забастовщики (революционеры) стали за стенами. Сам же я бегства мятежников не видал. Подполковник Михайлов, считая свою задачу конченной, выслал офицерский казачий разъезд через Тверскую заставу к полковнику Мину, а сам с батареями вернулся домой, не уведомив есаула Краснушкина, который за артиллерией увел и свою сотню. Приехав в казармы, казак, бывший в полковой канцелярии, мне доложил, что генерал Шейдеман требует адъютанта; я подо-

шел к телефону. Генерал-квартирмейстер генерал-майор Шейдеман спросил меня: «Что, генерал Гиппиус в казармах или нет?», на что я ответил, что еще нет. Через некоторое время приехал генерал Гиппиус, и я подошел доложить по телефону, но был вызван вторично генералом Шейдеманом. Генерал Шейдеман спросил меня про действие нашего отряда, и я доложил следующее:

«Отряд из 2 батарей и 1-й сотни казаков стал правее Ваганьковского кладбища...»

«А как же он попал туда?»

«Есть переезд через Брестскую железную дорогу, кроме виадука».

«Хорошо, — продолжайте дальше».

«...открыл огонь по спальням фабрики Прохорова; бегства мятежников не было, но казаки, находящиеся правее нас, донесли, что снаряды ложились в насыпь и что мятежники стали за стенками».

«У вас наблюдатели были?»

«Не было».

«Почему же вы их (мятежников) не нагнали?»

«Снаряды, попавшие в каменные корпуса, поднимали большой столб кирпичной пыли, но достать их (мятежников) не могли».

«Тяжелые орудия были высланы?»

«Ночью мы готовили батарейную батарею, но в виду темноты ее не снарядили».

«А что же теперь можете выслать? Снаряды есть?»

«Теперь можем, все есть».

«По фабрике Мамонтова стреляли?»

«Нет, так как было приказание стрелять по спальням, и в случае бегства мятежников, то стрелять по ним».

«Что же теперь вы предпринимаете?»

«По ошибке отряд был убран с позиции, но сейчас же, теперь, высылаются казаки обратно и два орудия».

«Что же, с вашей, артиллерийской, точки (зрения) можно считать задачу выполненной?»

«Нет, цель не достигнута».

«Сейчас же высылайте отряд обратно, возьмите батарейную батарею, имейте в виду, что у полковника Мина ранен подполковник и убито 2 нижних чина и несколько ранено; успех отряда полковника Мина зависит от вашего отряда».

«Слушаю, отряд сейчас же будет выслан, ваше превосходительство; у нас есть урядник, который утверждает, и имеются сведения, что на Мамонтовской и Прохоровской фабриках находятся мятежники и склад бомб и оружия; можно ли стрелять по фабрике Мамонтова?»

На это был получен ответ от генерала Шейдемана: «Конечно, ведь успех полковника Мина зависит от этого!»

Я тут дал знать, что генерал Гиппиус прибыл в казармы, и кончил разговор с генералом Шейдеманом. Сейчас же я сообщил об этом капитану Кабалову (офицер генерального штаба, назначенный начальником штаба отряда, охраняющего Николаевские казармы), доложил полковнику Курючкину (назначенный начальником отряда, охраняющего Николаевские казармы) или войсковому старшине Дьякову,— генерала Гиппиус не было в канцелярии полка,— сообщил есаулу Краснушкину,

а сам побежал на артиллерийский двор снаряжать батареи и послал за подполковником Михайловым. Сообщив подполковнику Родионову, капитану Мартос, что ему следовать с батарейными орудиями, стал собирать и 8-ю батарею; когда вышли люди и повели лошадей, я пошел на казачий двор к орудиям, где встретил генерала Андреева (командира бригады), которому доложил, что приказано задачу повторить; потери есть у полковника Мина, и успех его зависит от действия нашего отряда, что надо взять батарейную батарею. Генерал Андреев мне сказал, что это все уже приказано генералом Гиппиусом и что он сейчас с генералом Гиппиусом съездит на позицию. Тут я увидел и генерала Гиппиуса, которому то же сказал. Получил приказание от генерала Гиппиуса приготовить 3 ракеты, поторопиться, все будет сделано. В это время легкие батареи поехали на позицию, а мне приказано генералом Гиппиусом, как будут батарейные орудия готовы, хотя по одному отправлять на позицию, что мной и было исполнено. Батареи, окончив стрельбу, остались на ночевку на позиции, а часов около 10 вечера я поехал опросить батареи: может, им что-нибудь нужно из батареи. Капитан Невский, стоявший с 4 орудиями в отделе и близко к Прохоровской и Мамонтовской фабрикам, мне сообщил, что от его снарядов загорелись здания и он видел, как с первым выстрелом начались перебежки мятежников и стали выбрасывать из окон вещи; между прочим, один сундук, красный, был выброшен, и к нему человек 15 подбежало, чтобы унести со двора, но удачная шрапнель заставила разбежаться; на фабриках Прохорова начинался в 3 местах пожар, но его потушили. К 7 часам вечера, после вторичной стрельбы по Пресне, на 3 корпусах Прохоровской фабрики были вывешены по два белых флага на каждом. Ночью к дежурному штаб-офицеру подполковнику Родионову являлась депутация мятежников с предложением сдаться, которая была направлена к полковнику Мину.

Подлинный подписал: бригадный адъютант 1-й гренадерской генерал-фельдмаршала графа Брюса артиллерийской бригады штабс-капитан *Неппестрем*.

С подлинным выписанное верно: и. д. старшего адъютанта капитан (*подпись*).

Примечание: В скобках сделано определение некоторых неясных слов и выражений.

Начальник артиллерии гренадерского корпуса генерал-лейтенант (*подпись*).

И. д. старшего адъютанта капитан (*подпись*).

III.

Приводим в полной неприкосновенности всю серию донесений Г. А. Мина, сохранившихся в особых конвертах среди бумаг секретного отделения канцелярии московского генерал-губернатора.

1. «Генерал-губернатору. — 1905 г., 17 дек., 9 час. 20 мин. утра. № 1. Пресненский мост.

Доношу, что 4 орудия и 4 роты взяли баррикады и разрушили дома, прилегающие к мосту (бани и т. д.). Они горят. На Горбатом мосту 4 орудия и 3 роты разрушили баррикады и фабрику Шмидта. Наших убито двое (2), ранен 1 (один), и убита 1 лошадь. Донесений и сведений от генер. Гиппиуса не получал. Полковник *Мин.* — Еду к Горбатому мосту».

2. «Генерал-губернатору. — В данный момент люди только что пообедали, и теперь принят следующий план: 4 роты и 2 орудия следуют через Горбатый мост налево и разрушают все баррикады по Нижней Пресненской ул., 2 орудия и 1 рота остаются на Горбатом мосту для прикрытия тыла. 2 пулемета отправлены к 4 орудиям и 2 ротам, находящимся около Пресненского моста и очищающим Большую Пресненскую улицу. Рота, которая находилась с 4 пулеметами около Москвы-реки, теперь поставлена к Нижней Предтеченской улице, где также разбирают баррикады.

Очищение производится весьма медленно. Начальник отряда решил ночь провести на позициях (помещения для отряда найдутся). Личное присутствие начальника отряда при разрушении баррикад лишило его возможности писать донесение. Фабрика Шмидта догорает, кроме того, горят еще 3 дома у Пресненского моста, из которых стреляли. Убитых — 1, раненых — 5 (1 тяжело). Полковой адъютант подп. *Брюм...* [1]). Началась бомбардировка Прохоровской мануфактуры, но, в виду еще не выяснившегося результата, первоначальный план пока выполнен быть не может. — Подп. *Брюм...*».

3. «Полковник Мин овладел [2]).—Отряд разделился на три колонны: 1-я колонна пошла по Б. Пресненской, 2-я — по Верхне-Предтеченской, 3-я — по Нижней Пресненской; разбирают баррикады и уничтожают дома, из которых продолжают стрелять. Сейчас бомбардируют фабрику Прохорова, в виду чего план не привели в исполнение. В настоящее время 2 роты и 4 орудия находятся у Зоологического сада, 5 рот и 4 ор. у Горбатого моста. Разрушено 10 баррикад. Сгорела фабрика Шмидта со складом огнестрельных припасов мятежников и 9 домов вокруг Пресненской части. Убитых Семеновского полка—1 и 5 раненых, из них 1 тяжело. — Поручик *Соколов*».

4. «Г. московскому генерал-губернатору. 1905 г., 4 час. 45 мин. дня, № 4. — Разъезды, высланные согласно моего донесения № 3 (т.-е. вышеприведенного за подписью поручика Соколова), вернулись, обследовав весь порученный им район и не найдя нигде баррикад. По разъездам никто не стрелял. Становлюсь на ночлег, оставаясь попрежнему у Горбатого и Пресненского мостов. — Флигель-адъютант полковник *Мин*.

(На обороте.) Сейчас были сделаны 2 орудийные выстрела с целью разрядить заряженные днем картечью орудия. — Ген. штаба капитан *Колосов*».

5. «Г. московскому генерал-губернатору.—1905 г., 17 дек., 5 час. 5 мин. дня. № 1. Из отряда полковника Мина.

Отряд полк. Мина прибыл к Пресненской части в 7 час. утра и был встречен 60 городовыми и приставами для указания путей следования. Распределив отряды и отправив правофланговые роты, которые должны были служить заслонами, полк. Мин направил к Пресненскому мосту отряд из двух рот и 4 орудий под командой полковника Эттер. В виду отказа фабриканта Шмидта, арестованного полицией, указать местопребывание его боевой дружины было приказано сжечь фабрику Шмидта.

При движении отряда полк. Эттера по нему был открыт огонь из домов. Тогда против баррикад на Большой Пресне была установлена артиллерия, и открыт огонь. Одновременно другой отряд расположился против Горбатого моста. С первым выстрелом артиллерии из отряда полк. Мина началась артиллерийская канонада со стороны Николаевских казарм.

---

[1]) Фамилия не разборчива.

[2]) Так в оригинале.

Все части отряда полк. Мина расположились по сю сторону Пресненских прудов, ожидали конца артиллерийской стрельбы. Лишь в 11 час. утра получено было известие из Николаевских казарм о том, что артиллерийская стрельба из Николаевских казарм прекращена. Тогда полк. Мин решил двинуться вперед и, пройдя Пресню, очистить ее от баррикад и прочно занять отдельными отрядами на ночь. Роты при своем движении вперед обстреливались из домов.

Части, двигавшиеся в районе влево от Б. Пресни до р. Москвы, вскоре попали под огонь артиллерии из Николаевских казарм, которая снова открыла стрельбу. Вследствие опасения иметь жертвы от собственной артиллерии части из указанного района были уведены, разрушив 9 баррикад. Полуроте, двигавшейся по Бол. Пресне, при помощи жителей, работавших под угрозой, удалось очистить от баррикад всю Большую Пресню и дойти до Пресненской заставы. Здесь стали падать шрапнели со стороны Николаевских казарм, и полурота была отведена также назад. Таким образом, весь отряд полк. Мина должен прекратить наступление и ждать конца канонады со стороны Николаевских казарм. Эта канонада прекратилась лишь в $3^1/_2$ ч. дня. За поздним временем пришлось дальнейшие действия отложить до утра.

Таким образом, полковником Мином вполне очищена от баррикад лишь Большая Пресня; район же влево от нее до Москвы-реки очищен от баррикад только на участках, ближайших к Пресненским прудам. По сведениям полиции и по показаниям войск, мятежники отдельными группами занимают дома во всем Пресненском районе. Полк. Мин предполагает со всем отрядом заночевать по сю сторону Пресненских прудов, выдвинув заставы по ту сторону прудов.

Убито и ранено: убито 2, ранено смертельно 1, легко 4, контужено 1. У конно-гренадер ранено 6 лошадей. 7 рот Ладожского полка прибыли к полк. Мину и ночуют вместе с ним. Несколько домов сожжено. — Генер. штаба капитан *Колосов*».

6. «Г. московскому генерал-губернатору.—1905 г., 18 дек., 4 час. 45 мин. № 5. Из отряда полковн. Мина. — Нет физической возможности доставлять ежечасные донесения при одном офицере генерального штаба, который слишком занят делами внутреннего распорядка и текущими распоряжениями. Если требование посылать периодические донесения остается в силе и на завтра, то весьма было бы желательно командировать в мое распоряжение еще одного офицера генерального штаба. Флигель-адъютант полковник *Мин*».

7. «Г. моск. ген.-губернатору. — 1905 г., 8 час. 20 мин. веч. № 6.—Сейчас был у меня помощник управляющего Прохоровской мануфактуры, который соберет завтра, к 10 час. утра, всех наличных рабочих. Я приду с отрядом, и при мне все рабочие будут проверены и опрошены по спискам. Помощник управляющего рассчитывает, что агитаторы будут выданы или указаны рабочими. Одновременно с этим другие отряды будут совместно с полицией обыскивать весь мятежный район.

Прошу распоряжения вашего превосходительства выслать завтра, к 8 час. утра, возможно большее количество полиции в мое распоряжение, так как не хотелось бы производить обыски исключительно войсками; эта операция деморализует войска (возможен грабеж). За сегодняшний день было задержано и арестовано до 10 лиц, стрелявших в войска. Все они опознаны полицией и указаны ей местными жителями как революционеры. При занятии студенческого общежития (близ Пресненского полицейского дома) были найдены 8 револьверов, патроны и кипа прокламаций. Фл.-адъютант полковник *Мин*».

Карательная экспедиция полк. Римана.

История подавления восстания на Московско-Казанской ж. д. в декабрьские дни 1905 г. почти не имеет своей литературы.

Единственным материалом, до сих пор не утратившим свежести и значения, является брошюра В. Владимирова, изданная в Москве в 1906 г. под названием: «Карательная экспедиция отряда л.-гв. Семеновского полка на Моск.-Казанской ж. д.», представляющая собой обработку статей, напечатанных в начале 1906 г. в газетах «Русь» и «Молва». Отрывочные сведения имеются еще в статье В. Сторожева «Ф. В. Дубасов и Г. А. Мин на Пресне в 1905 г.» («Голос Минувшего» 1918 г., № 4—6), в заметках известного нововременского корреспондента Н. Ежова, печатавшихся в «Историческом Вестнике», и затем в немногочисленных заметках и воспоминаниях, помещенных в советской периодической печати в юбилейные дни предшествующих лет.

Настоящая статья составлена по преимуществу на основании сохранившихся копий рапорта полк. Римана командиру Семеновского полка от 22 декабря 1905 г. № 1 и официального материала из «дела» главного военно-судного управления 1911 г. «по жалобе присяжного поверенного Лисицына на действия полковника Римана при подавлении восстания на Моск.-Казанской жел. дор.». Подлинное «дело», к сожалению, погибло в огне в числе прочих драгоценных для истории последних лет и дней павшего режима дел, уничтоженных при поджоге архива главн. воен. судн. управления революционной толпой в памятные дни февральского переворота в Ленинграде.

В начале декабря 1905 г. в Москве вспыхнуло вооруженное восстание, которое приняло устойчивую форму лишь 7 декабря, после того как была объявлена всеобщая политическая забастовка.

Железнодорожный союз, вступая в забастовку, постановил: прекратить всякое движение поездов по железным дорогам, за исключением санитарных поездов и поездов, следовавших с Дальнего Востока с демобилизованными солдатами.

Так как почти все эти поезда шли в Москву по Московско-Казанской жел. дор., то руководивший из Москвы забастовкой стачечный комитет вынужден был обратить именно на эту дорогу самое пристальное внимание в смысле регулирования движения воинских поездов и предупреждения недоразумений с солдатами, рвавшимися домой. Значительно осложняло дело то обстоятельство, что часть демобилизованных солдат, попадая в Москву, задерживалась начальством для пополнения московского гарнизона.

В целях устранения возможности такого усиления правительственных войск вооруженными солдатами, а равно и для того, чтобы пополнить свои запасы оружия,

восставшие организовали на ближайших к Москве станциях Моск.-Казанской ж. д. (Перово, Люберцы) пропускные пункты, на которых дружинники обходили воинские поезда и отбирали оружие.

Надо заметить, что расположенные по Московско-Казанской ж. д. Люберецкий тормазный и Коломенские заводы дали в декабрьские дни 1905 г. особенно надежный и численно большой кадр дружинников, принявших в московском восстании самое активное участие. Кроме того, дружинники организовывали пропускные пункты на станциях, а равно формировали небольшие отряды для охраны многочисленных поездов (свыше 1000 вагонов с разным грузом), застигнутых забастовкой на обширных разветвлениях Московско-Казанского железнодорожного узла.

Вся эта работа по руководству на месте отбором оружия, по созданию пропускных пунктов, организации и вооружению партий дружинников, по борьбе с хулиганством и службой движения обусловила необходимость напряженной деятельности отделений железнодорожного союза на ст. Перово и в особенности Люберцы.

Таким образом, к периоду разгара восстания (10—15 декабря) с полной очевидностью выяснилось, что Московско-Казанская ж. д. по своей организованности и по стратегическому значению является базой, питающей восстание оружием и людьми, и что успех или неуспех подавления всего московского восстания в целом в значительной степени обусловлен одновременностью борьбы с революционерами как в самой Москве, так и на путях Московско-Казанской жел. дор.

Так как к этому же времени с полной определенностью выяснилось, что войск московского гарнизона для борьбы с восстанием недостаточно и, кроме того, как показало выступление Ростовского полка, рассчитывать на их безотказную работу против восставших вряд ли возможно, то генерал-губернатор адмирал Дубасов 13 декабря обратился к царю с личной депешей о неотложной присылке в Москву военной помощи из Петербурга. Однако Петербург сам чувствовал себя близким к катастрофе в случае повторения октябрьской революционной вспышки, и только после значительных колебаний в Царском Селе было решено послать в Москву из Петербурга л.-гв. Семеновский полк, а из варшавского военного округа — 16 пех. Ладожский полк.

15 декабря 1905 г. в Москву для борьбы с разгоравшимся восстанием прибыл л.-гв. Семеновский полк под командой полковника Г. А. Мина.

Получив ориентировку и выяснив всю остроту положения на Московско-Казанской ж. д., Мин в тот же день организует особую экспедицию вдоль этой дороги и вменяет ей в основную обязанность восстановить движение и вырвать дорогу из рук восставших.

Дополнительным приказом по полку от 15 декабря за № 349 на 16 декабря назначалась экспедиция по Казанской жел. дор. в составе отряда из 6 рот семеновцев (9—15 роты), при 2-х орудиях 3-й батареи л. гв. 1 артиллерийской бригады и 2-х пулеметах 5-й Туркестанской пулеметной роты. Во главе отряда был поставлен полковник Риман I.

Отряду ставились следующие задачи: захватить станцию Перово, обыскать мастерские и строения по указанию местных станового пристава и жандармского офицера. Отыскать руководителей движения: Ухтомского, Котляренко, Татаринского и др. по указаниям, данным теми же приставом и жандармом, уничтожить боевую дружину, оказать содействие железнодорожным агентам для восстановления движе-

ния. Затем следовать на ст. Люберцы, занять ее, произвести обыски селения и завода, то же произвести на ст. Сортировочной и, наконец, занять г. Коломну, где остаться до особого распоряжения.

На каждой из этих станций при продвижении вперед отряд должен был оставлять по роте, которая обязывалась не допускать движения поездов в Москву, заграждая путь шпалами, выбрасывая сигнал «остановка» и, в случае неповиновения. открывая огонь.

В качестве общих указаний отряду предписывалось: иметь строгое наблюдение за телеграфными аппаратами, по возможности щадить и охранять всякие железнодорожные сооружения, необходимые и полезные для обслуживания железной дороги, арестованных не иметь и действовать беспощадно. Каждый дом, из которого будет произведен выстрел, уничтожать огнем или артиллерией.

16 декабря, в 12 ч. 25 м. дня, отряд тронулся в путь в составе 2-х поездов. Первый, занятый железнодорожным батальоном, медленно пробирался вперед, восстанавливая путь, устанавливая сигнализацию и связь, а второй, шедший в расстоянии 15 мин. от первого, полностью вмещал всю экзекуционную часть отряда.

19 декабря задача, возложенная на отряд, была признана Риманом законченной, и он приказал отряду приготовиться к возвращению в Москву. Перед отъездом был отслужен благодарственный молебен по случаю успешного выполнения командировки, и Риман произнес речь, сказав, что достаточно пролито крови и больше никого он убивать не станет...

Подробности выполнения возложенной на Римана «задачи» читатель найдет — в ниже печатаемом рапорте его полк. Мину [1]).

Начальник отряда, командированного для восстановления движения на Моск.-Каз. ж. д. от станции Москва до станции Голутвин.
Декабря 22 дня 1905 года.
№ 1.
Гор. Москва.

Копия.

Командующему лейб-гвардии Семеновским полком.

Рапорт.

Вверенный мне отряд, в составе 3-го батальона, 14 и 15 рот лейб-гвардии Семеновского полка, полубатареи 3-й батареи лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады и взвода пулеметной роты 5-й Туркестанской стрелковой бригады (всего 6 рот, 2 пеш. орудия и 2 пулемета), утром 16 декабря получил приказание выступить по железной дороге из гор. Москвы для захвата участка Московско-Казанской железной дороги от станции Москва до станции Коломна, находившегося в руках мятежников и вооруженных грабителей, для уничтожения боевых их дружин и для восстановления правильного движения по Московско-Казанской железной дороге и телеграфного и теле-

[1]) Рапорт полк. Римана печатается по копии, приложенной к рапорту полк. Мина на имя б. московкого генерал-губернатора адм. Ф. В. Дубасова (Ленингр. Центр. Ист. Архив, Военно-морская секция, дело № 109).

фонного сообщения вдоль ее. Для последних целей и для управления поездом в состав отряда был командирован 4-го резерв железнодорожного батальона поручик Костенко с 34 нижними чинами этого батальона, специалистами разных наименований.

Когда отряду был подан поезд, то пришлось приспособлять вагоны для погрузки лошадей, орудий с передками и кухонь, так как вагоны были поданы теплушечные, что очень задержало нагрузку и посадку людей, следствием чего отряд по изготовлении его двинулся не утром, а только в 12 час. 25 мин. дня 16 декабря, имея впереди поезда с двойной тягой еще отдельный паровоз с 2 вагонами для разведки пути.

Подходя к ст. Сортировочной в 12 ч. 40 мин. дня, отряд оказался среди многих поездов с разбитыми и пустыми вагонами, иногда совершенно разрушенными, и, следуя медленно далее, увидел многих грабителей, некоторых с санями, разбивавших вагоны и укупорку грузов для грабежа. Увидев останавливающийся поезд, грабители бросились бежать, при чем ясно были видны у многих ружья, почему с площадок и из окон вагонов других рот был открыт огонь еще до остановки поезда, во время которой тут высадилась 11-я рота. Грабители падали, но многие были только ранены и затем поспешно уходили, а по позднейшему донесению командира 11-й роты найдено было убитых 5 человек, неизвестных личностей, число же раненых неизвестно, так как они скрылись. В то же время поручик Костенко со своими нижними чинами переднего паровоза захватил телеграф и телефон станции, которая оказалась совершенно покинутой агентами дороги; захват этот имел целью помешать уведомлению впереди лежащих мятежных станций о движении воинского поезда, следовавшего под № санитарного поезда.

По высадке 11-й роты, поезд двинулся среди той же картины разрушения далее, но, не доезжая ст. Перово, с правой стороны пути была замечена на ходу поезда толпа вооруженных людей, уходившая с пути, почему она была обстреляна из окон вагонов еще на ходу поезда, который скоро был остановлен для высадки тут 15-ой роты, которой я поручил преследовать эту толпу огнем и рассеять ее. Скоро по открытии огня толпа бросилась бежать и рассеялась, но выкинула при этом красный флаг. Догнать ее было невозможно, почему, обстреляв ее, 15-ая рота присоединена была мною к отряду, прочие роты (sic), которые тем временем также высадились. 12-я рота мною была направлена вперед для захвата станции Перово с телеграфом и телефоном, а 9-я и 10-я роты получили приказание обыскать близ лежащие дома поселка с левой стороны дороги и уничтожать грабителей, особенно вооруженных. Дома оказались переполненными добром, но большинство мужского населения тут успело бежать и скрыться в большой лес, завидя приближение рот. Сама станция Перово была захвачена 12-й ротой и поручиком Костенко с его нижними чинами, при чем тут были убиты два помощника начальника этой станции — главари местного жел.-дор. комитета мятежников, которые с помощью

дружинников терроризировали население и прочих верных агентов дороги, при чем угрожали даже жандармским унтер-офицерам. По позднейшему донесению командира 12-ой роты на означенной станции и [в] окрестностях было подобрано, кроме этих двух лиц, еще 7 трупов, личности которых не все были выяснены, а 8 раненых обращалось за помощью в местный приемный покой и санитарный поезд.

Собрав и посадив отряд, оставив здесь 12-ю роту, я тронулся далее к станции Люберцы в 5 часов дня, но осторожное движение поезда замедлилось еще более наступившими сумерками, а когда поезд подошел в 5 час. 30 мин. дня, то было совсем темно. Охватив двумя ротами станцию и завладев в ней телеграфом и телефоном, я подвел поезд к станции вплотную, принял строгие меры охранения станции и поезда, поместив только дежурную часть в самой станции, не выгружая других частей и обоза, почему отряд остался без ужина и чая, взамен чего людям и офицерам были выданы консервы, которые были съедены холодными по неимению где-либо огня, не желая выдавать своего присутствия. Через некоторое время явился обезоруженный жандарм, доложил, что другой жандарм также обезоружен бунтовщиками и что они оба, а также начальник станции, его помощники и, между прочим, и также местный сельский староста за свою неготовность подчиниться требованиям бунтарей — приговорены ими к смерти и скрываются, особенно на ночь. По мере их разыскивания я наводил справки, из которых мне выяснился план действий на 17 декабря, так как темнота и незнакомство с местностью и обстановкой мешали отряду предпринять что-либо немедленно. Я поднял отряд 17 декабря в 6 час. утра, не выгружая орудий и пулеметов, кроме одной кухни, в которой тотчас же заварил обед, а в 7 часов утра отряды разной величины под командой офицеров выступили для производства обысков, обнаружения мятежников и главарей в разные концы одновременно. В то же время я продолжал наводить справки, кто именно и где мятежники и агитаторы, и, по полученным сведениям, я посылал вновь отряды, возвращавшиеся ко мне с отобранным и найденным оружием. По возвращении всех высланных частей отряда, оказалось, что при этом со стороны мятежников было убитых 13 человек и один был арестован. Было собрано некоторое количество ружей и револьверов, захвачено два красных флага с возмутительными надписями и несколько ножей или кинжалов. Из расспросов местных жителей я убедился, что из деятелей революционной пропаганды успели ускользнуть: учительница, заведующая школой в д. Люберцы, и студент Николай Иванович Донской или Козловский — видные агитаторы, Бобков, слесарь завода Пурдэ, председатель местного совета рабочих депутатов Моссев, Николай Николаевич, Дьяков, Анохин, Царицын и Мандарев, также слесаря того же завода; все они составляли вместе с убитыми мятежниками боевую дружину станции Люберцы.

По возвращении всех партий отряда, высланных для уничтожения дружины, я беседовал с крестьянами деревни Люберцы и уговаривал их быть верноподданными, не волноваться, быть уверенными в силе царской власти и любви его к народу, не бояться мятежников, а, напротив, выдавать их властям или войскам, разъясняя все несчастье, охватившее родину. Крестьяне дер. Люберцы выражали верноподданнические чувства глубокой благодарности царю за присылку его гвардейского полка и всему отряду за защиту их от угроз и насилия, говоря, что теперь они могут жить и свободно дышать, и выражая полную готовность выдавать мятежников при их возвращении на место жительства.

Одновременно днем поручик Костенко заметил прерванное телеграфное сообщение со станцией Перово и далее, отправился по линии и починил это повреждение, при чем убедился, что оно было повреждено нарочно, так как был спилен телеграфный столб. Войдя таким образом в связь по телеграфу с Москвой, пригласив устраненных агентов железной дороги к исполнению их обязанностей, я сообщил депешей управляющему дорогою, что всех неприступающих к занятиям буду считать участниками мятежа, а станции Сортировочная, Перово и Люберцы, как очищенные от мятежников и могущие работать, просил объявить открытыми.

Восстановив таким образом вечером 17 декабря порядок и сообщение на участке Москва — Люберцы, я решил ехать 18 прямо на ст. Голутвин, не задерживаясь на промежуточных станциях, дабы захватить главарей мятежников, находившихся на ней и грабивших оружие у проходивших воинских и санитарных поездов, устранив совершенно власть правительства и, наверное, не ожидавших моего прибытия. Но ехать с отрядом ночью по участку дороги, находящемся в мятежных руках, было рискованно, и потому я остался ночевать на станции Люберцы, оставив на ней для охраны 15-ую роту. Ночью дежурным по отряду капитаном Швецовым были задержаны на самой станции два лица, назвавшихся Шаниным, а другой — Алексеем Камероком, как вызвавшие подозрение в разведке расположения, сил и мер охранения отряда, почему по моему распоряжению они были переданы в руки жандармской полиции и отправлены в Москву. Со станции Люберцы я обратился также в жандармское отделение дороги в Москве с просьбой о предании земле тел убитых при усмирении.

18 декабря, вследствие некоторых непредвиденных затруднений по маневрированию поезда, остальной эшелон, именно 9, 10 и 14-я роты, 2 орудия и 2 пулемета с одной кухней и 2-мя патронными двуколками, тронулся не в 7 час. утра по предположению, а в 8 час. утра, захватив с собой арестованного дружинника, слесаря завода Пурдэ, Алексея Фунтова. Движение поезда было с мерами охранения и предосторожности, т.-е. имея резервный паровоз на перегон впереди, и на паровозах для охраны машинистов были поставлены

часовые, равно как на тормазной площадке заднего вагона и близ орудий. Проезжая перегон между станциями Быково и Раменская, арестованный хотел бежать, но был настигнут двумя пулями из револьвера его конвоира-горниста. При остановке на станции Раменской для пополнения водой паровозов из окон вагонов были замечены два человека, прятавшие револьверы в карман, но погоня за ними и обыск 4-х дворов, где предполагалось, что они скрылись, были неудачны, — людей этих не нашли, но, не желая задерживаться здесь для своевременного захвата ст. Голутвин, поезд, набрав воды, пошел далее.

В 12 час. 20 мин. дня отряд прибыл на ст. Голутвин, немедленно захватил телеграф и телефон, оцепил вокзал и произвел полную высадку эшелона. На телеграфе была задержана пачка полученных депеш, из которых видно, что на всех почти станциях этой дороги находятся местные революционные жел.-дор. комитеты, сносящиеся между собой и фактически управляющие дорогой и станциями, терроризируя население и агентов, желающих служить правительству, и призывающих к вооруженному сопротивлению. Из депеш этих было видно, что центральный комитет жел. дорог бежал на ст. Рузаевка Московско-Казанской жел. дор. Тут же мне были переданы от местного коломенского исправника депеши начальника штаба округа с предоставлением отряду права по моему усмотрению ехать и далее ранее указанной мне Коломны, а именно до ст. Рязань. Коломенский исправник встретил меня на ст. Коломна. При обысках как на вокзале, так и в разных отдельных местах, по указаниям местных властей и некоторых жителей, было найдено некоторое количество револьверов, ружей, кастетов, патронов, кинжалов, ножей и пачка лигнита с повязкой Красного Креста революционеров для перевязочного пункта.

В виду встреченного при обыске сопротивления чинами отряда было убито 24 человека. Приняв необходимые меры для охранения вокзал и поезда, отряда пообедал и затем расположился на отдых, частью в здании станции, частью в поезде.

При содействии поручика Костенко мною были назначены временно исполняющие должности бывших агентов станции и всем агентам предложено приступить к исполнению обязанностей, а для облегчения к началу производства работы на местном машиностроительном заводе Струве было сделано распоряжение назначить два поезда в обе стороны для привоза на завод рабочих, желающих работать, из окрестных деревень.

Около 7 часов вечера 18 декабря мною были получены депеши от начальника станции Воскресенск Михайлова с просьбой выслать охрану ему для предотвращения грабежа из вагонов остановленных поездов, но сделать это я не мог.

Имея в виду осмотреть, согласно инструкции, Коломенский машиностроительный завод, а также желая скорее установить связь

со станцией Люберцы, т.-е. с Москвой, я 19 декабря разделил свой отряд, отправив в 8 часов утра 9-ю роту и поручика Костенко из Голутвина на поезде по направлению к Люберцам для уничтожения мятежников, обезоружения их и восстановления правительственных агентов на станциях между Голутвин и Люберцы, а с 10-ою и 14-ою ротами с орудиями и пулеметами также в 8 часов утра двинулся на завод, но по прибытии туда от директора его правления узнал, что завод начал работать, настроение рабочих спокойное, хорошее, почему решил не раздражать поголовным обыском и арестом некоторых служащих по указанию полиции и по непроверенным обвинениям и, собрав вновь отряд, вернулся с ним на станцию Голутвин в 11 часов утра; около 3-х часов дня вернулась также 9-ая рота, командир которой доложил, что согласно моему приказанию он узнал от начальника станции Воскресенск, что для охраны груженых вагонов от краж ночью ему нужна охрана или выдача ружей или револьверов для вооружения сторожей. На станции Ашитково были убиты ротой три человека, принадлежащие к дружине мятежников и бывшие членами местного жел.-дор. комитета и агитаторами. На станции Раменской 9-я рота произвела обыск домов напротив станции, по другой стороне пути, но оружия была найдена только одна офицерская шашка.

Одновременно с 9-й ротой выехавший на отдельном паровозе поручик Костенко проехал далее ст. Быково, проверил весь путь от Голутвина до ст. Люберцы, починил порванные места телеграфных проводов и, вернувшись, таким образом, восстановил телеграфное сообщение и проверил путь.

В 2 часа 8 мин. дня мною был получен запрос, сделанный по приказанию генерал-губернатора, что́ отряд сделал, где сейчас находится и как предполагается следовать, на что я ответил телеграммой: «отряд прошел до Голутвина, прекратил грабеж, насилие, восстанавливает прерванное движение, нахожусь Голутвине, дальнейшие действия по обстоятельствам, подробности по возвращении».

По получении донесения поручика Костенко о восстановлении телеграфа до станции Москва-Пассаж.,— мною было предложено командирам рот отряда в Сортировочной, Перово и Люберцы донести о состоянии рот и участков. На это все три роты донесли мне, что к работам в мастерских и на линии приступлено, на станциях спокойно, грабители отогнаны, возможно восстановление полного движения и сокращение, но не удаление охраны.

Получив от начальника ст. Воскресенск на мой запрос, нужна ли ночью охрана, ответ, что охрана нужна, я выслал на ночь туда один взвод из Голутвина с проходившим воинским поездом.

По получении таких ответов с участка я телеграфировал управляющему дорогой, что сообщение от Москвы до Голутвина восстановлено и что возможно введение полного графика движения.

От командующего 15-й ротой 19 декабря была получена телеграмма, что крестьяне села Люберцы служили молебствие по случаю

избавления от насилий, воспрянули духом и беспредельно благодарны полку.

20 декабря толпа человек в 600 собралась на ст. Голутвин; была депутация от г. Коломны, на станции, разукрашенной флагами, отслужен молебен, и вообще была произведена патриотическая манифестация, доказывающая полное несочувствие населения к бунтовщикам.

Считая цель, поставленную отряду, достигнутой, я решил выехать с излишними двумя ротами, 2 орудиями и 2 пулеметами обратно в Москву, оставив в Голутвине 14 роту, т.-е. всего на участке Сортировочная, Перово, Люберцы и Голутвино — четыре роты. Предупредив остающиеся роты о своем отправлении в Москву, я с остальной частью отряда выехал в 30 мин. ночи 20 декабря, по дороге принял рапорты командиров рот, из которых оказалось, что они все находят нужной охрану, но что ее можно сократить, особенно, если, поместив одну роту в Голутвине, другую поместить в вагонах поезда постоянно под парами на ст. Перово, что даст возможность этой роте прибыть в случае надобности во-время на Сортировочную или в Люберцы для охраны порядка. Двигаясь с мерами осторожности обратно, я с вышеуказанной частью отряда возвратился в Москву в 8 час. 30 мин. утра 20 декабря, но выгрузил отряд из поезда, только явившись вашему высокоблагородию, и, получив приказание расположиться в театре Омона на углу Садовой и Тверской ул., прибыл туда в 2 часа дня.

Таким образом, цели, поставленные отряду: захватить станции и участок дороги от Москвы до Голутвина включительно, уничтожить боевые шайки мятежников, восстановить и обеспечить телеграфное и железнодорожное сообщение по этой дороге — были достигнуты вверенным мне отрядом в течение пяти дней, с 16 по 20 декабря включительно, — потерь при этом в отряде не было, а заболело только два человека, при чем считаю своим долгом доложить, что выполнение возложенной задачи оказалось возможным в такой короткий срок благодаря чрезвычайно дружной, усердной, энергичной и напряженной работе, подчас без пищи и без сна, всех без исключения чинов отряда, как офицеров, так и нижних чинов, работавших выше всякой похвалы. Не могу не отметить особо полезную, неутомимую и в высшей степени спокойно обдуманную деятельность 4-го резервного железнодорожного батальона поручика Костенко, без которого все действия отряда были бы не так успешны, а некоторые и просто невозможны, почему ходатайствую означенного офицера поощрить представлением к награде.

Знание дела, людей и местности прикомандированного к отряду станового пристава князя Вадбольского также много помогло делу.

20 декабря вечером мною были получены еще две телеграммы от командующего 15-й ротой, что им при набеге на окрестные деревни произведены аресты 4 лиц, между прочим — главаря мятежников Петухова и дружинника Далматова, отправленных им в Москву

в тюрьму, и что жители двух деревень постановили на сходах выселять слесарей-мятежников.

21 декабря утром я получил донесение командира 14-й роты о порядке и тишине на участке и о беспрепятственном движении поездов, а затем нашел, что, находясь в Москве и неся другие поручения, мне неудобно оставаться начальником этого отряда, о чем и сообщил телеграммами всем ротным командирам, управляющему дорогой и начальнику охраны узла полковнику Голосову, что начальствование передаю старшему по мне капитану Тимрот.

Приложения:

1) Список убитых при усмирении и восстании.
2) Опись оружия, найденного и отобранного у мятежников.

Лейб-гвардии Семеновского полка полковник *Риман*.

Копия.

Приложение № 1.

Список убитых и раненых при усмирении восстания по линии Московско-Казанской жел. дороги.

16 декабря 1905 года.

Близ станции Сортировочная — 5 человек грабителей, личности коих не выяснены.

16 декабря.

На станции Перово и в окрестностях — убито 9 чел., и ранено 8 человек.

Убиты:

1) Сергей Орловский } помощники нач. ст. Перово.
2) Алексей Ларионов }
3) Иван Оводов } слесаря перовских мастерских.
4) Василий Молостов. }
5) Кузьма Молостов — слесарь Московск. мастерских.
6) Гаврила Дрожжин — сторож по охране грузов на ст. Перово.
7) Павел Шкарин — стрелочник ст. Кусково, Моск.-Нижегородской ж. д.
8) и 9) Два неизвестных.

Ранены:

1) Гаврил Меркачев — десятник дровяного склада Перовских мастерских.
2) Александр Алексеев — кузнец завода Перепут в г. Москве.

3) Василий Ват — рабочий Перовских мастерских.
4) Егор Щетинин — путевой сторож 8-й вер. моск.-каз. ж. д.
5) Ефим Ящуков — молотобоец Перовских мастерских.
6) Осип Роснашкин
7) Герасим Лобаданов } профессии их не установлены.
8) Иван Коринский

17 декабря.

На станции Люберцы и в окрестьяностях — убито 14 человек.

1) Михельсон — служ. конторщиком материальной службы.
2) Шустров
3) Фукалов
4) Волков } слесаря завода Пурдэ.
5) Чиколаев
6) Федор Дубинкин
7) Иван Лядин
8) Сергей Крылов } мастеровые завода Пурдэ.
9) Леонид Носков
10) Алексей Фунтов
11) Киселев — крестьянин дер. Люберцы.
12) Петр Смирнов — помощник нач. ст. Николаевка соединен. ветки.
13) Алексей Ухтомский — уволенный машинист Моск.-Каз. ж. д.
14) личность не установлена.

18 декабря.

Станция Голутвин — убито 24 человека.

1) Алексей Надежин — начальник станции.
2) Константин Шелухин — помощник начал. станции.
3) Петр Варламов — машинист железнодорожного депо.
4) Александр Якубовский } конторщики станционные.
5) Михаил Космагоров
6) Давид Зайцев — дружинник завода Струве.
7) Александр Сапожков — студент, сын почетного гражданина.
8) Тарарыкин — помощник присяжного поверенного.
9) Владимир Дорф — мещанин гор. Бронницы.
10) Иван Мельников — крестьянин.
11) Василий Старостин — крестьянин.
12) Александр Плотников — крестьянин.
13) Михаил Фокин — крестьянин.

14) Владимир Иванов — мещанин из гор. Коломны.
15) Соломатин — крестьянин.
16) Стопчик — мещанин гор. Коломны.
17) Пушков — крестьянин.
18) Абрамов — крестьянин Бронницкого уезда села Новлянского.
19) Михаил Ильичев — фельдфеб. 2-го зап. стр. батальона.
20) . . . . . } личности не установлены.
21) . . . . . }
22) . . . . . }
23) . . . . . }
24) . . . . . }

19 декабря.

Станция Ашитково — убито 3 человека.

1) Сергей Виноградов — начальник станции Ашитково.
2) Василий Бунин — помощник начальника станции.
3) Алексей Фаддеев — правительств. надсмотрщик поч.-тел. конторы.

Всего убитых 55 человек и раненых 8 человек.

Лейб-гвардии Семеновского полка полковник *Риман*.

Приложение № 2.

Опись оружия, найденного и отобранного у мятежников.

1) Ружей разных	6
2) Револьверов и пистолетов разн. систем.	29
3) Шашек разных	6
4) Штык от берданки	1
5) Кинжалов	4
6) Ножей разных	3
7) Кастетов, кистеней, топорик	6

8) Некоторое количество патронов разных систем и калибров.

Лейб-гвардии Семеновского полка полковник *Риман*.

Кровавая расправа семеновской экспедиции произвела глубокое впечатление как в России, так и за границей и стяжала именам Мина и Римана печальную известность.

Впервые читающая публика познакомилась с работой семеновцев по газетным статьям, печатавшимся в январе, феврале и марте 1906 г. в газетах «Русь» и «Молва». Эти статьи были основаны на материале, лично собранном на месте кор-

респондентом Владимировым, вместе с присяжным поверенным Лисицыным, который был командирован московским советом присяжных поверенных специально для обследования расправы семеновцев на месте и для последующего затем возбуждения ходатайства о привлечении к судебной ответственности лиц, виновных в убийствах ни в чем неповинных людей.

Спустя почти 5 лет, когда волна революционного движения спала и свидетели могли говорить почти без боязни за свою судьбу, присяжный поверенный Лисицын от имени своих доверителей: мещанки Оводовой, крестьянина Молостова и других, всего в числе 22-х лиц, обратился к военному министру с жалобой на незаконные действия полковника л. гв. Семеновского полка Римана, учиненные им в декабре 1905 г. при подавлении восстания на линии Московско-Казанской ж. д. и заключавшиеся в лишении жизни без всякой необходимости свыше 150 местных жителей. Ходатайствуя о производстве по этому делу предварительного следствия, прис. пов. Лисицын вместе с тем предъявил от имени семейств расстрелянных гражданский иск в сумме 60.000 руб.

Это прошение произвело на власти ошеломляющее впечатление. На требование Сухомлинова дать заключение о дальнейшем направлении дела начальник главного штаба, отмечая, что по закону решение настоящего вопроса о возбуждении уголовного преследования принадлежит командующему войсками московского военного округа, высказался за необходимость немедленно потушить дело в порядке испрошения на то особого высочайшего повеления.

Сухомлинов, чувствуя остроту вопроса, не удовлетворился таким заключением, подсказывавшим ему грубейшее нарушение закона без всякой затушевки и прикрас. Было совершенно очевидно, что дело получит огласку и действия военного министерства получат должную оценку со стороны части прессы и Государственной Думы. Надо было во что бы то ни стало соблюсти «законность» и в то же время не допустить до запросов в Думе.

В поисках этого выхода дело направляется к главному военному прокурору на заключение. Этот последний, особой запиской от 24 мая за № 4921, донес военному министру, что он вполне разделяет мнение главного штаба о том, что окончательное решение вопроса о возбуждении по жалобе прис. пов. Лисицына уголовного преследования против полк. Римана с назначением, если это признано будет необходимым, производства предварительного следствия принадлежит командующему войсками московского военного округа, в подчинении которого находился Риман во время совершения приписанных ему деяний.

Что же касается мнения главного штаба о том, что уголовного преследования против Римана вообще возбуждать не следует и настоящее дело подлежит во всяком случае прекращению, то в данном случае главный военный прокурор подыскивал законный предлог к тому, чтобы как-нибудь ликвидировать дело без шума и огласки, но с соблюдением всей чистоты судебных правил.

По существу главный военный прокурор, конечно, тоже признавал безусловно нежелательным возбуждать уголовное преследование против Римана, но, чтобы сохранить видимость соблюдения законности, он подсказывал военному министру выход, говоря, что по правилам военно-судебного устава прекращение дела может последовать лишь при наличии законных для того причин, т-е. в случае признания командующим войсками жалобы прис. пов. Лисицына неосновательной.

При неимении же законных причин к такому оставлению означенной жалобы без последствия от того же командующего войсками зависело возбудить ходатайство о полном прекращении дела в порядке испрошения особого на то высочайшего повеления.

Таким образом, центральная власть нашла как будто для себя выход из крайне трудного для нее положения, но полагала лишь более удобным переложить тяжесть принятия решения по данному вопросу на плечи военно-окружного командования.

Такое решение вопроса вполне удовлетворило Сухомлинова, и дело было переслано командующему войсками московского военного округа генералу Плеве на распоряжение.

Так как жалоба являлась по существу вполне основательной и никаких «законных» причин к оставлению ее без последствий не было, а дать дальнейший ход делу все же было нельзя, Плеве категорически высказался за необходимость прекращения дела в порядке высочайшего повеления.

Свое мнение о ненужности проведения дела судебным порядком Плеве мотивировал тем, что Риман действовал во время революционного движения и вел борьбу с вооруженной толпой в условиях военного времени, и впоследствии при совершенно иной обстановке и по прошествии $5^1/_2$ лет после совершившихся событий уже не может быть восстановлена та исключительная обстановка, в которой ему приходилось разбираться и действовать тогда, а потому и следствие, если бы таковое было назначено, не в состоянии было бы дать неоспоримых данных для верного суждения о правильности или незаконности действий полковника Римана.

Вместе с тем Плеве высказал мнение, что решительные меры, принятые Риманом для подавления революционного движения, никоим образом не должны подлежать уголовному преследованию, так как только эти меры привели весьма быстро к желанной цели, а именно, разгоревшееся до крайне угрожавших размеров революционное движение с захватом зачинщиков «мятежа» и с рассеянием вооруженной толпы тотчас угасло, что, по мнению Плеве, ясно указывало, насколько действия Римана были направлены именно против настоящих виновников беспорядков, а не против «неповинных обывателей», как говорилось в жалобе Лисицына, так как было вполне очевидно, что, если бы виновники не были захвачены, не было бы и столь быстрого прекращения беспорядков. Наконец, Плеве обращал внимание еще и на то обстоятельство, что жалобы на действия Римана были принесены потерпевшими не тотчас же после того, как совершились приписываемые Риману незаконные действия, а спустя сравнительно значительный промежуток времени, при чем, как по характеру изложения, так и по роду заявлений, эти жалобы дают, как отмечает Плеве, полное основание считать их внушенными жалобщикам кем-либо из лиц, заинтересованных в том, чтобы опорочить действия войск.

По всем этим основаниям не признавая эти жалобы заслуживающими уважения и не усматривая вследствие сего надобности в назначении по этому делу предварительного следствия, Плеве ходатайствовал перед военным министром в июле 1911 г. о прекращении этого дела по высочайшему повелению.

По поступлении всей переписки вновь к военному министру в этом именно смысле по главному военно-судному управлению и был представлен на подпись военному министру проект доклада на имя царя о полном прекращении дела.

Однако в последнюю минуту Сухомлинов сознал явную неполноту материала и недостаточность его освещения для испрошения прекращения дела высочайшим повелением, в виде изъятия и в нарушение всех правил, и приказал вернуть дело в Москву для доследования.

Поэтому все дело вновь было направлено в Москву при особом личном письме остававшегося в это время за военного министра ген. Поливанова на имя Плеве от 10 августа следующего содержания:

«Милостивый государь Павел Адамович. Вполне разделяя ваше мнение о бесцельности производства предварительного следствия по жалобе присяжного поверенного Лисицына на действия полковника Римана I в 1905 г. и признавая, с своей стороны, необходимым испросить высочайшее повеление на прекращение означенного дела, я вместе с тем нахожу, что при докладе этого дела на высочайшее усмотрение не представляется возможным ограничиться изложением одних только указаний, приводимых поверенным потерпевших, в виду полной односторонности их и явного стремления приписать деятельности полковника Римана и его отряда незакономерный характер.

Поэтому для правильного, хотя бы отчасти, освещения действия означенного отряда в 1905 г. является необходимым иметь объяснение по предмету жалобы от самого полковника Римана и офицеров его отряда об условиях той обстановки, при которой они считали себя вынужденными принять те исключительные меры к подавлению развивавшегося мятежа, которые указаны в жалобе.

В виду сего прошу ваше высокопр-ство потребовать таковые объяснения от полковника Римана I и хотя бы от некоторых офицеров его отряда» *(подпись)*.

При таком обороте дело, действительно, приобретало некоторую видимость законности, т. к. налицо имелось жалоба, были затребованы объяснения по ней и в результате можно было принять то или иное, в большей или меньшей мере обоснованное, решение.

Получив вновь все дело, Плеве затребовал необходимые объяснения лично от бывшего тогда командиром 91-го пех. Двинского полка (стоянка г. Ревель) полковника Римана и от бывшего семеновского офицера генерального штаба капитана Майера. Оба названных офицера представили объяснения, через штаб войск гвардии и петербургского военного округа (в порядке подчиненности — по своему округу), почти в один день, что дает основание полагать, что данные объяснения были согласованы авторами, которые специально с этой целью съехались в Петербурге.

Оба объяснения приводятся текстуально по сохранившимся копиям:

Командир
91 пех. Двинского полка
3 ноября 1911 г. № 88.
СПБ.

Начальнику штаба гвардии
и Петербургского военного округа.

Рапорт.

В виду затребованных от меня объяснений на жалобу прис. пов. Лисицына доношу нижеследующее:

О всех действиях моих и моего отряда при исполнении возложенной на него задачи: подавления вооруженного мятежа и восстановления движения на Московско-Казанской жел. дор. в декабре 1905 г. — мною

донесено своевременно рапортами как московскому генерал-губернатору генерал-адъютанту Дубасову [1]), так и бывшему тогда командиром л.-гв. Семеновского полка, ныне покойному, флигель-адъютанту полковнику Мину.

Многие подробности усмирения бунта исчезли уже из моей памяти, но я и теперь твердо помню, что ничего подобного изложенному в жалобе Лисицына не было.

Я ясно помню ту обстановку, в которой оказался л.-гв. Семеновский полк по прибытии в Москву 15 декабря 1905 года, а также мой отряд при исполнении поручения.

Город Москва имел вид крайне пустынный, зловещий. В вокзал Николаевской жел. дороги (единственный оставшийся в руках агентов, верных правительству) никого не пускали без обыска. С площади были видны пожары в разных местах города и на многих домах [следы] разрушения от гранат. Постоянно слышны были орудийные и оружейные выстрелы. Полиция была дополнена нижними чинами гарнизона с винтовками, и при нас один такой солдат, стоявший на посту на площади, был свален ударом ножа в бок подбежавшим к нему мальчиком, лет 14.

При встречах поэтому раздавались окрики: «Стой! Кто идет? Руки кверху!», и люди обыскивались. во избежание случаев, подобных указанному.

При переходе моего отряда на вокзал Московско-Казанской жел. дороги в него было произведено несколько выстрелов из-за угла, которые, а также свист пуль были слышны и при дальнейшем занятии вокзала.

Означенный вокзал был разграблен и опустошен, имея скорей вид сарая. Стекла были выбиты; здание не отоплено, служащие жел. дороги отсутствовали, даже жандармы, так как только перед тем из него удалились мятежники. На путях и в депо стояли локомотивы, в которых вода замерзала в котлах, почему они приходили в негодность.

По всем этим причинам и отряд мой отправился в экспедицию не утром 16 декабря, как предполагалось, а днем, значительно позже.

Получив категорическое предписание: привести указанную железную дорогу к повиновению правительству и восстановить по ней движение, я был уполномочен принять все те меры, которые продиктует мне обстановка и моя совесть, включая, конечно, и употребление оружия.

Наличность таких уполномочий делает невозможным предъявление мне обвинений в превышении власти.

---

[1]) В делах канцелярии моск. ген. губ. такого рапорта не имеется. — См. об этом «Голос Минувшего» 1918 г., апрель—июнь. № 4—6, статью В. Сторожева «Ф. В. Дубасов и Г. А. Мин на Пресне» (стр. 130).

Вся Московско-Казанская жел. дорога была в руках мятежников, которые по ней провозили свои боевые дружины, увозили награбленное добро, расхищали товары в остановленных поездах, обезоруживали пассажиров прибывавших из Сибири поездов и, терроризируя агентов дороги, оставшихся верными, а также начальствующих лиц и жандармские, полицейские и сельские власти, владели станциями и линией дороги, прекратив движение поездов, телеграфное и телефонное сообщение, пропуская по своему усмотрению только санитарные поезда и пользуясь дорогой только для целей мятежа.

Дорогой владели бунтари в лохматых папахах, вооруженные ружьями, револьверами, ножами и кастетами. Что ружья и револьверы были не поломанными, как уверяет Лисицын, в этом убеждали выстрелы и свист пуль, что хорошо и много раз слышали как я сам, так и прочие участники подавления мятежа.

На каждой станции мне приходилось смещать тех мятежников, которые насилием, незаконно и самовольно захватили власть над железной дорогой и ближайшими к ней поселениями, образуя особые «комитеты», опиравшиеся на «боевые дружины», и восстанавливать устраненных и устрашенных ими прежних агентов, оставшихся верными правительству, или назначать новых, готовых повиноваться законному правительству.

Мне пришлось восстанавливать в своих правах железнодорожных агентов всякого рода, жандармских и полицейских чинов и даже сельские власти, избавляя многих из них от смерти, которой им угрожали мятежники.

Поезд, везший отряд станции, где он или части его размещались, команды и даже отдельные чины этого отряда обстреливались мятежниками не только скрытно из-за угла и в темноте, но и днем и открыто, целыми шайками, толпами, состоявшими из бунтовщиков и грабителей.

Целые десятки верст путей были загромождены разграбленными и частью разбитыми вагонами, около которых в снегу и грязи валялись бочки и ящики с остатками спирта, сахара, ржи, колониальных и мануфактурных товаров, свидетельствовавших, что здесь было громадное количество ценных грузов.

Станции при подходе отряда были заставаемы украшенными красными флагами с возмутительными надписями против государя императора и правительства.

При таких условиях движения и жизни отряда всякое сопротивление открытой силой подавлялось силой же, а с оружием в руках — оружием же.

Такова была обстановка. Она мало похожа на ту, которую описывает Лисицын. Совершенно вздорны его указания на идиллистическое настроение гулявшей будто бы беспечной молодежи и о вооружении, исключительно только поломанном и встречавшемся только у некоторых, так же, как и на приписываемые им мне слова: «посторонись,

старуха» и прочее в этом роде [1]). Если не ошибаюсь, такие небылицы были пущены про меня какой-то революционной газетой, имевшей свои интересы рисовать всех революционеров невинными, а всех деятелей порядка — извергами.

Наконец, если бы, действительно, погибшие при подавлении восстания моим отрядом, как указывает Лисицын, более 150 человек, были совершенно невинными, то как объяснить, что восстание было подавлено, движение восстановлено в течение 4-х дней, с 16-го по 19-е (декабря) включительно, что уже бесспорный факт, хотя в действительности число погибших достигает всего, сколько помнится мне, 50—60 человек; а также, — как объяснить те молебствия на станциях и в селениях, как в Голутвине и Люберцах, после которых население выражало свою радость и благодарность за освобождение от беззаконий и насилий мятежников-революционеров, а в селении при ст. Люберцы сельское общество, кроме того, депешей просило повергнуть к стопам государя императора свою верноподданническую благодарность за присылку гвардейского полка, избавившего их от «мятежников». По возвращении моем в Москву ко мне являлось несколько неизвестных мне помещиков с благодарностью за действия моего отряда, при первых известиях о приближении и действиях которого стихло и не обнаруживалось более среди крестьян той местности уже поднявшееся движение против собственности помещиков, прекратились, как по мановению, начавшиеся порубки лесов и поджоги усадеб помещиков.

Если поверить Лисицыну, то в декабре 1905 г. в Москве и на Московско-Казанской жел. дор. мятежа не было, а только войска, посланные законным правительством, верно, на прогулку, производили неистовства и насилия над ни в чем неповинными мирными обывателями. Если же мятеж, и «вооруженный», там был, о чем свидетельствуют, помимо всего, что известно всему миру, те инструкции, которые были мне даны словесно, а по подавлении восстания и по возвращении в Москву подтверждены и письменно моим начальством, — «действовать беспощадно, дружины уничтожить, арестованных не иметь, сжигать строения, где оказывается сопротивление», — и включение в состав отряда двух орудий и двух пулеметов, то, конечно, без мер устрашения, и притом самых энергичных и быстрых, обойтись было невозможно. Они мной и моим отрядом были применены с соблюдением должной осторожности и умеренности, о чем и свидетельствует сравнительно ничтожная для успешного подавления вооруженного восстания цифра погибших при этом мятежников—50—60 человек, на участке

[1]) По сохранившимся рассказам, попавшим затем в печать, Риман лично участвовал в некоторых обысках, и когда при одном из обысков у семьи Оводовых был найден сломанный револьвер и на вопрос обыскивавших: кто собственник, отозвался старший сын хозяйки квартиры, Иван, то Риман крикнул матери: «посторонись старуха» и выстрелом из револьвера в лоб убил Ивана Оводова.

линии железной дороги протяжением около 100 или немного более верст между Москвой и Голутвиным.

Мной и всеми чинами вверенного мне отряда была только свято соблюдена принесенная всеми нами присяга — ставить выше всего интерес не свой и своих близких, а жизнь, пользу и славу нашего возлюбленного державного вождя с его августейшим семейством, его законного, повинующегося ему правительства и нашей родины — России.

Я и все чины вверенного мне доблестного отряда, от первого до последнего рядового, были воодушевлены именно чувством долга и, вернувшись, были счастливы сознанием, что послужили честно, почему я глубоко убежден, что никаких случаев присвоения чьего-либо имущества при этом чинами отряда не было.

За принятые меры я, конечно, несу морально ответственность, но совесть моя перед господом богом и великим государем чиста и спокойна.

Полковник *Риман*.

В своем рапорте Риман очень много говорит о преданности и верности долгу, но мало дает фактического материала. Несколько иначе излагает суть дела сподвижник Римана капитан Майер, который в отношении фактов во многом сходится с данными, установленными прис.-пов. Лисицыным, и лишь в оценке их идет за Риманом.

Рапорт Майера приводится ниже полностью.

Помощник ст. адъютанта
штаба войск гвардии
и
петербургского военного округа
ген. шт. капитан Майер.
4 ноября 1911 г. № 125.
СПБ.

начальнику штаба войск гвардии
и петербургского военного округа.

Рапорт.

15 декабря 1905 г. л.-гв. Семеновский полк, отправленный по высочайшему повелению для усмирения восстания, прибыл в Москву, и на следующее утро, 16 декабря, командующий полком флигель-адъютант полковник Мин, получив инструкции от московского генерал-губернатора, выделил шесть рот (9, 10, 11, 12, 14 и 15), под командою полковника Римана, для восстановления порядка и движения на Московско-Казанской жел. дор.

Ночь с 15 на 16 декабря весь полк ночевал на вокзале названной дороги, которая не функционировала, а вокзал был пуст и частью разграблен; на площади около вокзала горел киоск, и в разных местах города были видны с площади пожары.

Вверенная мне рота (15-я) должна была выставить в первую очередь охранение вокзала, и в то время, когда я его выставлял, на платформе, со стороны путей, в нас было произведено несколько ружейных безрезультатных выстрелов. Тем не менее ночь прошла спокойно,

а утром началась посадка отряда полковника Римана в поезд, погрузка артиллерии и пулеметов, но так как железная дорога представляла собой картину полного запустения (отсутствие персонала), то поезд тронулся лишь после 12 час. дня 16 декабря.

Полученные полк. Риманом инструкции от генерал-губернатора, через командующего полком, он нам сообщил. Они были очень кратки, и их можно назвать скорей директивой, так как была указана лишь цель (восстановить во что бы то ни стало движение и порядок на железной дороге до Рязани). Как достигнуть цели, и даже обстановка, — не было указано. Как средство для достижения цели разрешалось применение оружия.

Когда поезд тронулся, офицеры были со своими чинами в вагонах. Вверенная мне рота была в последнем вагоне поезда.

Около ст. Сортировочная произошла остановка с целью высадки здесь 11-й роты. Множество поездов, стоявших на этой станции, было разбито, видимо, грабителями. По сторонам полотна виднелись кучки вооруженных людей. Около последнего вагона просвистало несколько пуль. В то время, как 11-я рота высаживалась, я увидел людей, залегших в шагах 300—400 от полотна и стрелявших по поезду, что вынудило меня вывести роту из вагона. Одним из взводов было дано пять залпов, после чего было видно, как люди из залегшей группы начали согнувшись убегать и уползать.

Результат залпов мне неизвестен.

Скоро поезд двинулся дальше, но, подходя к следующей станции (Перово), вновь остановился, так как по сторонам полотна появились толпы вооруженных дружинников. По поезду изредка стреляли.

Получив приказание полк. Римана уничтожить толпу дружинников, прятавшихся недалеко от хвоста поезда за буграми и, видимо, желавших расположиться как бы цепью, я вывел 4-й взвод, который несколькими залпами рассеял толпу, среди коей, повидимому, оказались раненые и убитые.

После этого здесь была высажена 12-я рота, имевшая назначением восстановить полный порядок на станции и в деревне, которая была переполнена членами боевой дружины, терроризовавшей местное мирное население. Требовались по обстановке самые решительные меры, чтобы водворить порядок, почему все роты, кроме 15-й, оставленной для охраны поезда, были направлены в деревню. Часа через полтора они вернулись в поезд, при чем я узнал, что роты, обходя деревню, задержали главарей мятежа в Перове, и несколько человек из них были убиты.

В 5 час. дня было совершенно темно вследствие мятели. В это время (наш) поезд, шедший к ст. Люберцы, внезапно остановился. В голове поезда слышался голос полк. Римана, приказывавший всем выходить из поезда, так как навстречу надвигался тоже поезд по тому же пути. Когда нижние чины были выведены из поезда, то из примыкавших к железной дороге дач стали раздаваться выстрелы по нашему

поезду. Шедший нам навстречу поезд был остановлен. Оказалось, что это был наш разведочный паровоз с вагоном, шедший в пяти верстах впереди нас и наткнувшийся на испорченный мятежниками путь.

Вскоре поезд двинулся дальше и к 7 1/2 час. веч. подошел к безлюдной станции Люберцы. Находившийся тут начальник станции отказался оказать какое-либо содействие полковнику Риману, почему к нему было приставлено два нижних чина. После этого начальник станции уже исполнял все, что от него требовали.

Здесь в Люберцах была высажена вверенная мне 15-я рота. Во время высадки из-за кустов станционного сада в нас было произведено два безрезультатных выстрела, но темнота была такова, что предпринимать что-либо ночью, при совершенно неизвестной обстановке, было совсем немыслимо.

Весь отряд ночевал в поезде, который охраняла цепь постов; 15-я же рота ночевала в зале станции на соломе.

17 декабря, в 6 час. утра, полк. Риман приказал всем ротам обойти все районы деревни и Люберецкий тормазный завод, где числилось около 300—400 рабочих, преимущественно дружинников. Но завод был совершенно пуст. В деревне же было захвачено около 25 челов к с оружием.

Жители были столь терроризованы боевыми дружинами, что не осмеливались давать каких-либо показаний. Вся жизнь в деревне остановилась. Лишь несколько смельчаков из мирных крестьян решились в разговоре со мной сказать, что главари движения насильно заставляли крестьян брать оружие.

Обстоятельства не позволяли медлить. Единственным средством доказать населению и служащим на железной дороге, что власть мятежников кончилась, — были самые энергические действия тотчас же и примерное наказание виновных.

Для решения вопроса, кто из 25 захваченных с оружием в руках действительно виновен, являясь главарем или террористом населения, полк. Риман создал импровизованный суд из выборных крестьян и и сельских местных властей.

13 человек из приговоренных этим судом были тотчас же расстреляны полуротой, под моей командой.

Результат сказался сразу. К вечеру все служащие на железной дороге были уже на местах, и отряд полк. Римана, оставив вверенную мне роту в Люберцах для окончательного наведения порядка, на следующий день, 18 декабря, отправился далее к Голутвину.

Таким образом, с 18-го числа 15-й роте пришлось быть в деле до самого возвращения в Москву. В течение этих дней мною был задержан ряд главарей террора в Люберцах, а во время произведенного мною набега ночью на одну из окрестных деревень также поймано несколько дружинников. Все они были отправлены под охраной в Москву.

Уже 19 числа железная дорога и телеграф функционировали вполне исправно, и население, освободившись от террора, собралось на станции Люберцы и служило молебен за избавление от насильников, послав всеподданнейшую благодарственную телеграмму государю императору.

24 декабря все роты вернулись в Москву.

Капитан Майер.

Как только оба эти рапорта вместе со всей перепиской и повторным ходатайством Плеве о прекращении дела о привлечении Римана к судебной ответственности вновь поступили к военному министру, Сухомлинов, имея в руках как бы целое формальное производство, почувствовал известную свободу действия.

Немедленно по главному военно-судному управлению, по приказанию военного министра, был составлен доклад с кратким изложением обстоятельств дела и затем лично представлен Сухомлиновым царю на усмотрение.

В резолютивной части Сухомлинов докладывал свое мнение, что законность принятия военным начальством той или иной решительной меры в чрезвычайных обстоятельствах, подобных тем, в каких приходилось действовать полк. Риману с его отрядом, определяется не чем иным, как необходимостью этой меры, оцениваемой, конечно, не с точки зрения потерпевшего, а с точки зрения самого начальника, в зависимости от окружавшей его обстановки.

Кроме того, Сухомлинов, с своей стороны, находил, что объяснения полковника Римана и капитана Майера не оставляют никакого сомнения в том, что принятые полк. Риманом меры к подавлению мятежа действительно являлись необходимыми по особым условиям той обстановки, в которой находился весь его отряд при подавлении этого мятежа.

Поэтому Сухомлинов, признавая жалобу прис. пов. Лисицына неосновательной и, кроме того, имея в виду, что по закону смертоубийство и нанесение телесных повреждений не вменяется в вину, когда смертоубийство и нанесение таковых повреждений было последствием употребления оружия воинскими чинами, призванными для содействия гражданскому начальству при подавлении беспорядков, — испрашивал у царя соизволение на прекращение дела.

Царь довольно долго продержал у себя письменный доклад по этому вопросу со всей перепиской и 2 декабря 1911 г. вернул, положив следующую резолюцию: «Согласен. Если бы все военные начальники действовали по примеру полк. Римана I, то Россия не пережила бы тяжкой и постыдной годины 6 лет назад».

Испрошенное повеление царя на прекращение дела сразу лишило его остроты и важности для военного министерства. Подлинная жалоба прис. пов. Лисицына была немедленно возвращена командующему войсками московского военного округа с кратким сообщением сущности доклада военного министра царю и с добавлением, что царь приказал: дело о действиях лейб-гв. Семеновского полка полковника Римана I (в 1911 г. командир 91-го пех. Двинского полка) и его отряда при подавлении в 1905 г. беспорядков на линии Моск.-Казанской жел. дор.—дальнейшим производством прекратить.

Дружными усилиями верхов военного министерства судебное преследование полк. Римана было предотвращено. Однако, чтобы не создавать шумихи вокруг такого решения, текст приведенной резолюции царя не только не был оглашен в печати и не получил гласности, но даже не был сообщен командующему войсками московского военного округа и самому Риману, хотя, казалось бы, ему-то эта лестная для него оценка его действий и должна была послужить утешением за отрицательное отношение, резко проявленное к нему со стороны широких слоев населения.

Впрочем, тогда жизнь уже далеко ушла вперед от событий 1905 г., и острота переживаний этой бурной революционной эпохи значительно сгладилась. Кроме того, давно сошли со сцены и сами усмирители: командир л.-гв. Семеновского полка Г. А. Мин был убит на станции Петергоф в августе 1906 г. Зинаидой Коноплянниковой (казнена по приговору петерб. воен. окр. суда), а полковник Риман, по особому высочайшему повелению, вынужден был выехать за границу в годичный отпуск и прожить на специально отпущенные из кабинета царя средства целый год в какой-то глухой деревушке в северной Испании, соблюдая строжайшее инкогнито.

К моменту окончания отпуска общее раздражение против Римана уже несколько улеглось, и он относительно спокойно устроился вне столицы, получив в командование стоявший в г. Ревеле 91 пехотный Двинский полк. Перед Февральской революцией Риман занимал тыловую должность на юго-западном фронте и при первых известиях о перевороте бесследно исчез из Киева.

С. Иванов.

Заем 1906 г. в донесениях русского посла в Париже.

Насчитывавший восемнадцатилетнюю давность [1]) финансово-политический конкубинат царского самодержавия с правительством французской республики переживал в 1905 году критический период.

Совпадающая во времени с англо-французским сближением, русско-японская война своими последствиями понижает в глазах буржуазной Франции удельный вес дружбы с полуфеодальной Россией и в ослабленном, но сохраняющем еще свою силу союзе ведет к своего рода перераспределению ролей, охлаждая былую горячую страстность Парижа и наделяя этими свойствами прежде холодный Петербург.

Здесь неуместно распространяться о том, какие трудности вырастали перед царским правительством, стоявшим перед задачею покрытия военных расходов, с одной стороны, и борьбы с подымавшей голову «смутой» — с другой.

Достаточно вспомнить, что в течение войны количество бумажных денег, находившихся в обращении, увеличилось вдвое (с 600 милл. руб. дойдя до 1.200 милл. руб.), и дальнейшее печатание их должно было повести к полному финансовому и затем экономическому краху [2]).

Достаточно вспомнить хотя бы о той финансовой панике, которая в известный момент охватила не только крупных держателей ценностей, но и мелких вкладчиков, бросившихся в государственное казначейство и заставивших Государственный банк пережить ряд неприятных моментов.

С начала войны было совершенно очевидно, что министерство финансов при скудости внутреннего денежного рынка без помощи извне обойтись не сможет ни в каком случае.

Между тем с начала войны министерство воздерживалось от крупного займа, полагая, что последний будет удобнее заключить после ее окончания или по крайней мере тогда, когда проявится сила русского оружия. Когда проявилась не сила русского оружия, а его слабость, и государственный кредит оказался подорванным в корне, правительство не имело иной более важной задачи, как задачи его восстановления, тем более важной и неотложной, что она означала вместе с тем и задачу подавления надвигающейся революции и спасения шатающегося трона. Известно, что под знаком осуществления этой задачи проходит вся деятельность привлекаемого в этот момент к кормилу власти С. Ю. Витте, с достаточной степенью полноты отражающаяся в ряде глав его трехтомных «Воспоминаний».

---

[1]) 18 лет — для финансового и 14 — для политического.

[2]) См. С. Ю. Витте. «Воспоминания», т I, стр 328

Дополнительное освещение тех объективных условий, в каких эта работа протекала, и вместе с тем того участия, какое приняла в этом деле русская дипломатия, мы можем найти в донесениях русских дипломатических представителей за границей и, прежде всего, русского посла, аккредитованного при правительстве союзной республики.

В предлагаемых ниже строках мы имеем в виду дать беглый обзор донесений последнего, хранящихся в архиве канцелярии б. м-ва ин. дел, относящихся к периоду 1905—1906 годов и посвященных затронутому выше вопросу.

Если вспомнить, что Франция являлась крупнейшим держателем русских ценных бумаг, размещенных здесь на сумму более, нежели 8 миллиардов рублей, то станет понятным, что при всей пониженности интереса к русским делам, какая характерна для Франции рассматриваемого периода, к двум основным вопросам русской жизни— заканчивающейся войне и начинающейся революции — французы, и прежде всего представители парижских финансовых кругов, не могли не проявлять значительной доли чувствительности. Проявляемая со стороны французских политических, правительственных, а главное, биржевых кругов реакция на эти события — естественно и понятно — является лейтмотивной темой всей эпистолярной литературы русского дипломатического представителя в Париже.

Знакомство с более ранними его донесениями дает основания заключить, что первоначально вопросы войны волновали французов не в такой мере, как вопросы, связанные с революционным движением. С мыслью о неудачном для России исходе войны французское общественное мнение к концу 1904 года уже примирилось; оно желает лишь одного — скорейшего ее прекращения. Правда, дни мукденских боев держат парижскую биржу в напряженном состоянии, но когда первоначально распространяется слух о победе ген. Куропаткина, происходит не повышение, а падение курсов,— тем самым нарушались расчеты французских рантье на скорый мир. «Вероятие близкого заключения мира,— замечал по этому поводу Нелидов [1]), — ставится в обратную зависимость от одержания нами победы над Японией».

Известия о размерах понесенного русскими войсками поражения, в свою очередь, вызывают на бирже временную депрессию. Донесение Нелидова от 10/23/III 1905 г. сообщает об отказе французских банкиров от немедленного выпуска нашего займа и о неблагоприятных для последнего настроениях парижской биржи.

«Насколько я мог выяснить истинные обстоятельства этого дела.— говорит Нелидов,—беспокойство, проявившееся во французской публике вследствие поражения нашего при Мукдене, побудило прежде всего Лионский Кредит, получивший отказы от многих из своих клиентов, заранее записавшихся было на заем, отозвать из С.-Петербурга своего представителя и тем побудило к такой же мере и других участников займа. Решение это испугало министра финансов, и он выразил мнение, что заключение займа следует отложить. Теперь же, когда все обстоятельства выяснились, известия с театра войны не представляют ничего угрожающего, а во внутренних делах наших последовало как будто некоторое успокоение,—биржа также стала тверже, и приближенные г. Рувье заявляют, что он не видит никакого препятствия к выпуску займа. Тем не менее, по мнению наиболее осведомленных в денежных делах лиц, для выгодного и успешного помещения займа необходимо было бы, чтобы отступление нашей армии прекратилось, чтобы она заняла твердые позиции, и ясно было, что

[1]) Депеша Нелидова от 24/II 1905 г.

снова наступает передышка, которую можно будет использовать для заключения мира...». «По всеобщему убеждению,— заключал свое донесение посол,— только действительное прекращение войны может привести к прочному поднятию наших бумаг и обеспечить вполне возможность заключить заем в широком размере».

В мае того же года, когда можно было уже с несомненностью говорить о «неудачном течении войны», Нелидовым констатируется [1]) всего лишь некоторая «неуверенность» в отношениях биржевых кругов к русским бумагам, подвергающимся «весьма незначительным колебаниям». «Неуверенность» эта должна была, очевидно, исчезнуть при первом известии об открытии мирных переговоров. Действительно, приходящее в июле месяце из Петербурга сообщение об отъезде Витте в Портсмут возвращает французским банкирам бодрое настроение. «Предстоящее открытие мирных переговоров с Японией, — доносит по этому поводу Нелидов [2]),— представляет для общественного мнения Франции огромный интерес, который выразился, между прочим, в связи с проездом через Париж главного русского уполномоченного ст.-секр. Витте, в сильном подъеме на бирже цены русских бумаг. Французское правительство, горячо желающее прекращения войны и, как здесь выражаются, возвращения России в Европу, следило с напряженным вниманием за всем, что могло бы служить указанием насчет возможности мирного исхода переговоров».

Наконец, когда заключение мира становится совершившимся фактом, в одном из донесений [3]) Нелидова от конца августа мы читаем: «Известие о заключении мира встречено было во Франции с самым горячим сочувствием как правительством, так и населением... заключение мира имело ближайшим последствием значительный подъем биржевого курса русских бумаг»... Указывая на тот «тяжелый гнет», каким давила война «на все предприятия и обороты», посол дает простор своим оптимистическим настроениям и спешит наметить открывающиеся теперь для России перспективы использования парижской биржи: «огромное количество во Франции свободных капиталов, ищущих помещения, послужит теперь к оживлению всеобщего экономического движения, а равно и доставит русскому правительству возможность заключить необходимый для расчета за войну, и для возобновления и улучшения военного и морского материала заем...» [4]).

«На возвратном пути из Америки,—доносил спустя некоторое время Нелидов [5]),— ст.-секр. Витте прибыл в Париж третьего дня утром 6/19/IX. Его с нетерпением ожидали главные деятели здешнего финансового мира, а равно и корреспонденты газет... Вернувшийся в тот же вечер из краткого отсутствия председатель министерского совета не замедлил известить о приезде Сергея Юльевича Витте президента Лубэ и внушить ему необходимость иметь с ним свидание... Витте выехал вчера вечером в имение Лубэ, в Бегюд...».

Теперь, при своем обратном проезде через Париж, Витте завязывает, как известно [6]), со своими многочисленными знакомыми из финансового мира более определенные разговоры о займе.

---

[1]) Донесение Нелидова от 5/V 1905 г.
[2]) Донесение его же от 14/27/VII 1905 г.
[3]) Донесение его же от 25/VIII—7/IX 1905 г.
[4]) Там же.
[5]) Донесение Нелидова от 8/21/IX 1905 г.
[6]) См. С. Ю. Витте. «Воспоминания», т. II, стр. 174.

Встречающий столь радушный прием, принимаемый почти как триумфатор, Витте ограничивается, однако, лишь предварительными переговорами. Хотя эти переговоры он ведет, имея на руках текст мирного договора,—conditio, sine qua было невозможно заключение займа,—но это необходимое условие для парижской биржи не было еще условием достаточным. Ей нужна была еще твердая уверенность в солидности кредитующегося клиента. Здесь нам придется столкнуться с другим вопросом — вопросом о том, как реагировал тот же парижский денежный рынок на события русской внутренней жизни. Проследив этот вопрос по ряду донесений того же посла, мы убедимся в неосновательном оптимизме только что выслушанного нами от него прогноза открывающимся для России в связи с заключением мира близким финансовым возможностям. «Излишне повторять,— признавался Нелидов еще в одном из своих более ранних донесений [1]),— что главным предметом беспокойства финансового мира является положение дел внутри России».

Нам приходилось уже отмечать, что война не так волновала парижскую биржу, как революция. В первый же понедельник, непосредственно следовавший за «кровавым воскресеньем», в финансовых кругах Парижа наблюдалась сильнейшая тревога, и «хотя дело до паники не дошло», русские бумаги испытали «значительное понижение» [2]). Далее: «как только стало известно, что беспорядки в этот день не возобновились, цена наших фондов стала снова понемногу повышаться», но «некоторое беспокойство и удрученное состояние» из биржевых настроений не изгладилось в полной мере. Когда телеграф приносит известие об убийстве вел. кн. Сергея Александровича и о неудержимо растущем забастовочном движении, распространяющемся на железные дороги, русские бумаги начинают снова падать. Падение это останавливается лишь в середине февраля, после опубликования рескрипта 18/II о привлечении к законодательству выборных от населения [3]).

Нужно сказать, что не только представитель русской дипломатии волновался при виде колебаний биржевого курса русских ценностей, но и правительство, при коем он был аккредитован, не могло, несмотря на относительную эмансипированность свою от уз русской дружбы, оставаться равнодушным перед перспективой крушения русских финансов. В своем донесении, относящемся к середине февраля того же года [4]), Нелидов передает те мысли, какие развивал в беседе с ним один из авторитетных представителей парижской биржи — де-Вернейль, отражавший, по словам посла, точку зрения не столько биржевых, сколько высших правительственных кругов. «Факт тот,— резюмирует Нелидов рассуждения де-Вернейля,— что здесь больше 8 миллиардов русских бумаг. Обладатели всяких состояний, больших и малых, имеют их. Крушение наших ценностей поведет здесь к одному из самых опасных кризисов... В течение последних дней отмечается тенденция к их понижению, и доказательством существующей неуверенности в их прочности может служить то, что крупные банки, а равно и биржевые маклера — и г. Вернейль прежде всего — завалены запросами держателей наших бумаг о дальнейшей участи последних и о том, не лучше ли избавиться от них. Когда же это начнется,— это будет нечто, подобное лавине: бумаги полетят вниз с головокружительной быстротой, и ничто

[1]) Донесение Нелидова от 10/23/III 1905 г.
[2]) Донесение его же от 13/26/I 1905 г.
[3]) Донесение Нелидова от 24/II 1905 г.
[4]) Донесение Нелидова от 17/II 1905 г. Перев. с французск.

не сможет остановить их падения. Не приходится и говорить о том моральном впечатлении, какое это произведет во Франции... Для правительства это будет означать начало яростной атаки на министерство. Рувье и Делькассэ не смогут выдержать этого удара, и вместе с ними падет русско-французский союз. Самый страшный внутренний кризис может явиться следствием этого...».

Факты французской парламентской жизни укрепляли такие настроения. Еще в донесении от 30/I 1905 г. Нелидов сообщал о том враждебном отношении, какое встретила в палате со стороны крайней левой министерская декларация в части, касавшейся франко-русских отношений. Правительственному оратору Делькассэ с трудом удается преодолеть шум и довести до конца свою речь, посвященную доказательству необходимости сохранения союза. «Протест против русско-французского союза,— замечает посол,— стал... знаменным словом, объединяющим все оттенки социалистов и крайней левой...».

«Восстановление спокойствия и порядка в России» — в этом, по мнению Нелидова — де-Вернейля, единственный радикальный выход из положения. «Но это недостижимо в ближайшем будущем». Что же рекомендует наш корреспондент предпринять сейчас? Нельзя сказать, чтобы его предложение отличалось особой оригинальностью. «Как мероприятие же, проводимое немедленно, есть только одно—то, которое рекомендовано г. Вернейлем: воздействовать на прессу, сделать тон ее менее тревожным, заставить ее относиться с разбором к преувеличенным известиям, идущим из России, и поддерживать в интересах самих французов доверие к прочности русского кредита».

«Хорошо знакомый с г. Витте,— рассказывает далее Нелидов,— де-Вернейль написал ему подробное письмо и сообщил мне его содержание. Он полагает, что расходы должны выразиться в сумме от 2 до 3 миллионов франков в год. Это колоссально, но если это принесет плоды, то мы сбережем тем самым несколько десятков миллионов. Главное — это действовать быстро, вместе с тем здесь придется быть щедрым, ибо дело будет итти о том, чтобы овладеть самыми крупными изданиями, которые являются в то же время наиболее богатыми. Мне говорили, что Япония платит газете «Matin», наиболее нам враждебной, 20.000 фр. в месяц. Нам нужно предложить ей с своей стороны еще больше».

Необходимость организации французского общественного мнения становилась в глазах русского дипломата тем более настоятельной, что правительство к этому времени уже завязывало переговоры с парижскими банкирами, и последние собирались ехать в Петербург для заключения условия на месте.

Как известно, банки во главе с Лионским Кредитом отказались от немедленного выпуска русского займа и отсрочили его заключение «до более благоприятного времени»: мукденская неудача, как мы слышали уже от Нелидова, сыграла в этом деле существенную роль, побудив многих из подписавшихся уже на заем снять свои подписи и поселив тем самым неуверенность в настроении банковской администрации.

К середине марта финансовая конъюнктура существенно изменяется к лучшему, и русский посол начинает обсуждать в своих письмах вопрос о том, к какой из финансовых групп было бы предпочтительнее теперь обратиться. Высказываясь в пользу Ротшильдов, Нелидов приводит по этому поводу следующие соображения: «Мне с разных сторон внушали, что если мы хотим получить заем на выгодных основаниях, не обращаясь снова к поставившим нас в неприятное положение Лион

скому Кредиту, Парижскому банку и Учетной Конторе, то нам следует войти в соглашение с Ротшильдами, которые, вероятно, обусловят только свое участие предоставлением в России некоторых льгот евреям. Я знаю из совершенно достоверного источника, что несколько недель тому назад Ротшильд самым решительным образом опровергал приписываемое ему намерение вредить русским финансам, с тем, чтобы понудить императорское правительство дать более широкие права евреям... Он, по его словам, сказанным вполне верному лицу, рад был бы как французский гражданин оказать услугу России, но его удерживает возводимое на него в еврейских средах обвинение, будто он наживается на спине своих единоверцев. А потому, если бы в России, где теперь объявлена и приводится в исполнение целая программа освободительных требований, уничтожены были особые стеснительные ограничения, введенные по отношению к евреям, то руки у него были бы развязаны, и он мог бы снова заняться русскими финансовыми делами и займами».

Соображения о таких финансовых перспективах дают послу основания закончить свое донесение не лишенным оттенка своего рода либерализма заключением: «Если относительно евреев действительно предполагаются облегчения, то мы могли бы извлечь из них выгоду для наших финансов, заручившись таким способом содействием Ротшильда, за которым последует и весь международный финансовый мир».

В течение последующих месяцев французские банкиры проявляют колебательные отношения к вопросу о займе. В мае месяце Нелидов повествует [1]) о покаянных настроениях, охватывающих их в связи с создавшимся для них «невыгодным по отношению к нашему финансовому ведомству положением», последствием которого явилось обращение его для продажи новых обязательств казначейства к посредству берлинских банкиров.

Нелидова посещает в это время представитель Лионского Кредита Фабр Люс, дающий ему заверения в «преданности этого заведения нашим интересам». Заявления в этом же смысле делает ему и директор Французского банка Паллэн, высказывающий пожелания о возобновлении сношений с русским министерством финансов.

Несмотря на продолжающуюся неуверенность в русском внутреннем положении, несмотря на продолжающиеся колебания русских ценностей, Нелидов оптимистически смотрит на успех предстоящего нового обращения к парижской бирже: «По всем имеющимся данным, — говорит он [2]), — можно рассчитывать, что деньги найдутся. Напротив того, повторное обращение к немецкой бирже, которое уже произвело свое выгодное для нас воздействие, возбудив ревность французов, способно было бы в будущем только ослабить доверчивое к нам расположение французских денежных кругов».

В положительном смысле расценивается послом и факт опубликования в начале августа манифеста об образовании Думы (Булыгинской). Он констатирует благоприятное впечатление, произведенное на французов его появлением, но высказывает при этом определенные опасения: «Когда оное (открытие Думы) состоится и над изготовлением и исполнением финансовой сметы установится контроль народного представительства, тогда кредит России, несомненно, упрочится окончательно. Но тогда

[1]) Донесение Нелидова от 5/V 1905 г.
[2]) Донесение Нелидова от 10/23/III 1905 г.

явится со стороны заимодателей и требование, чтобы заключаемые правительством обязательства утверждаемы и признаваемы были народным представительством». Отсюда посол делает вывод о необходимости спешить с займом, дабы его заключение состоялось до открытия Государственной Думы. Посол угадывал виды своего правительства,— вывод его находился в полном соответствии со стремлением возглавлявшегося Витте кабинета поставить себя в независимое от будущей Думы положение [1]). Тактический совет, даваемый при этом Нелидовым, заключался в указании на необходимость ограничиться одной большой операцией и не утомлять биржу предъявлением нескольких мелких требований [2]).

Оптимизм оторванного от русской действительности дипломата и на этот раз оказался преждевременным. Хотя назначение Витте премьером производит на французское общественное мнение «самое благоприятное впечатление» и такое же впечатление производит манифест 17 октября, но возникающие затем забастовки, военные волнения в Кронштадте, Владивостоке, аграрное движение, волнения в Польше, наконец, сосредоточение германских войск у границы,— все это повергает финансовые круги Парижа снова в «удрученное» состояние [3]). «Тревожные известия, продолжающие приходить из России, — доносил Нелидов 17/30 XI 1905 г., — производят здесь удручающее впечатление и тяжелым гнетом ложатся на настроение биржи... При настоящих обстоятельствах появляющиеся на бирже все в большем количестве наши ценности продаются их владельцами, постепенно теряющими доверие к прочности финансового положения России... А рядом с этим выезжающие за границу и проживающие вне отечества русские, не получая доходов со своих имений, обязаны продавать находящиеся в их владении ценные бумаги, что способствует уплыву золота из России и обесцениванию наших государственных фондов»... Особенно тревожным представляется послу состояние петербургской биржи [4]), где, как известно, к этому времени начинают господствовать почти панические настроения [5]).

Между тем положение российской казны становится в этот период настолько критическим, что русскому дворянскому правительству приходится, позабыв дворянскую гордость, не теряя времени, без твердой надежды на успех послать в Париж министра финансов Коковцова искать милости у расчетливых парижских банкиров. «Настроение общества неблагоприятно для крупного займа, — сообщает Нелидов [6]), участвующий в первой политической фазе переговоров Коковцова с банкирами, — но можно было бы рискнуть». «Начало переговоров, которые вел здесь статс-секретарь Коковцов, — читаем в донесении советника русского посольства в Париже [7]), — было крайне затруднительно и представляло весьма мало видов на какой бы то ни было успех»...

Французский финансовый мир продолжает проявлять «непонятливость» и «трусливость», даже «необразованность». Заключение займа откладывается на 2 месяца,

---

[1]) См. С. Ю. Витте. «Воспоминания», т. II, стр. 178.
[2]) Донесение Нелидова от 25/VIII—7/IX 1905 г.
[3]) Донесение Нелидова от 3/16/XI 1905 г.
[4]) Донесение его же от 24/XI—7/XII 1905 г.
[5]) См. С. Ю. Витте. «Воспоминания», т. II, стр. 179.
[6]) Донесение Нелидова от 28/XII—10/I 1906 г.
[7]) Донесение Неклюдова от 29/XII 1905 г.—11/I 1906 г. (Неклюдов замещал Нелидова во время отпуска последнего).

и Коковцову удается получить лишь аванс в 100 милл. рубл., но и этой небольшой ссуды на мелкие расходы министру финансов удается добиться лишь при исключительно энергичной поддержке французского правительства. «Только деятельная поддержка, оказанная нам в этом деле правительством республики и в частности г. Рувье, — свидетельствует Неклюдов, — помогла г. Коковцову сломить крайне боязливое и недальновидное отношение банков к какой бы то ни было сделке с нами...».

В своей беседе с Неклюдовым Рувье дважды подтверждает, что русский заем он считает вполне возможным и что французское правительство осуществлению его окажет деятельную поддержку. «Нельзя не сознаться вместе с г. Рувье, — замечает Неклюдов, — что внутреннее положение России повлияет самым решительным образом на ее кредит в Париже. Разгром революционного движения в Москве и энергичные меры, принятые императорским правительством для подавления беспорядков в провинции и охранения полного спокойствия в столице, уже значительно повысили и обаяние наше и русские фонды. Еще два месяца относительного спокойствия и постепенного умиротворения, и кредит России, как политический, так и финансовый, восстановится...». Неклюдов уверен и уверяет своего министра, что правительство республики, несмотря на силу живущих в ней «предрассудков» в вопросах о значении принципов народоправства, поймет и оценит старания правительства дружественной державы, направленные к «умиротворению» своей страны. «Здесь отнюдь не забыли и любят вспоминать,— говорит он,—что в 1871 г., при подавлении кровавого восстания коммуны, было расстреляно в Париже до 40.000 негодяев и что благодаря этим крутым, но вполне целесообразным действиям республика стала с первых же пор на твердом основании власти и спокойствие Парижа было обеспечено на долгие годы».

Разумеется, одной симпатии правящей Франции к «крутым, но вполне целесообразным» действиям другого правительства было бы недостаточно, чтобы подвинуть ее на материальные жертвы в пользу последнего. Пример Германии, совершенно свободной от указанных «непреоборимых предрассудков», но не идущей навстречу занятому умиротворением страны петербургскому кабинету, являлся симптоматичной и выразительной иллюстрацией. В марте 1906 года через посла в Берлине Остен-Сакена министерство зондирует вопрос о том, какое отношение может встретить в германских правительственных кругах русское обращение к германской бирже. Остен-Сакен доносит [1]) об «абсолютно неблагоприятном» отношении Вильгельма к вопросу: только личное телеграфное обращение царя могло бы, по мнению посла, помочь делу. «Нужно серьезно подумать о посылке телеграммы от моего имени. В виду щекотливости предмета надо действовать осмотрительно», — гласила резолюция Николая на телеграмме Остен-Сакена. На поданном же в тот же день Ламсдорфом проекте телеграммы Вильгельму Николай сделал пометку: «Повторяю, вопрос о посылке телеграммы весьма щекотливый. Я могу получить отрицательный ответ, что, в свою очередь, может осложнить все дело. Проект пока останется у меня».

Правда, помимо учтенного царем психологического фактора, — уязвленности Вильгельма судьбой Бьёркского договора,—отношение Германии к вопросу о русском

[1]) Секретная телеграмма Остен-Сакена от 21/III—3/IV 1906 г.

займе определялось еще и заинтересованностью берлинской биржи в падении русских бумаг [1]). Но известно также и то, что парижская биржа в ту пору не сохраняла невинности перед соблазнами японских кредитных операций [2]). Какие же дополнительные факторы, кроме отмеченного выше в донесениях посла, побуждали правительство республики к оказанию «бескорыстной» поддержки своему старому, но сильно одряхлевшему и во многом потерявшему свою привлекательность самодержавному другу?

Когда-то столь поощрявшаяся Бисмарком французская колониальная политика находит, как известно теперь, в начале нового столетия в лице империализма Вильгельма II своего непримиримого систематического врага.

«Мирное проникновение» Франции в пределы Северной Африки, регулируемое соглашением с Англией о Марокко (апрель 1904 г.), наталкивается на упорное противодействие Германии, получающей вкус к марокканским делам и специализирующейся на вопросах охраны сюзеренитета марокканского султана. Появление Вильгельма в Танжере весною 1905 года вызывает у французов ощущения острого возбуждения. «Тревожное настроение, возбужденное во Франции натянутостью отношений с Германией, — доносил Нелидов в июне того же года [3]), — начинает постепенно успокаиваться. На бирже, где страх войны доходил до размеров паники и причинял банкротства и самоубийства, курсы начинают подыматься, и понемногу возвращается доверие...».

И тот же фактор, который первоначально, парализуя жизнерадостность парижской биржи, входил в ряд слагаемых, действовавших во вред интересам русского займа, с течением времени должен был приобрести значение прямо противоположное. Уже тогда, в июне 1905 г., у того же посла под впечатлением марокканских осложнений вырывается такое замечание: «В области внешней политики одно из самых замечательных явлений — это всеобщее признание немного забытого в последнее время важного значения, которое имеет для Франции союз с Россией, и горячее желание, чтобы наше отечество, освобожденное от дальневосточного испытания, как можно скорее снова заняло свое высокое положение в среде европейских держав».

Не будем останавливаться на обстоятельствах, предшествующих созыву Алжезирасской конференции,—обстоятельствах, не получивших еще достаточного документального освещения. Можно считать установленным, что Россия через посредство посещающего Париж и Берлин главноуполномоченного по заключению мира играла активную роль в деле склонения сторон к созыву конференции и к скорейшей подготовке ее. По поводу окончания прелиминарных переговоров, связанных с конференцией, Нелидов писал [4]): «Даже уступчивость, проявленную ею (Германией. *А. П.*) в последнюю минуту, здесь склонны приписать влиянию России, вес которой по освобождении ее Портсмутским миром от дальне-восточных забот стал с новою силой проявляться в европейских делах. Большое значение придают и посещению ст.-секретарем гр. Витте императора Вильгельма...».

---

[1]) См. С. Ю. Витте. «Воспоминания», т. II, стр. 194.
[2]) Донесение Нелидова от 10/23/III 1905 г.
[3]) Донесение Нелидова от 16/29/VI 1905 г.
[4]) Донесение Нелидова от 25/IX—5/X 1905 г.

Широкому плану русского премьера о сближении континентальных держав суждено было, разумеется, остаться субъективным делом его автора. Сообщая об относительной уступчивости, проявленной германской дипломатией, Нелидов вместе с тем о настроениях, господствовавших во Франции, отзывался так: «Однако в здешнем обществе и населении, за весьма немногими исключениями, нет никакого стремления к более тесному сближению, а тем менее еще к союзу, в каком бы виде подобное сочетание ни представлялось. Поддержанию этого расположения в значительной мере способствуют, кроме глубоко вкоренившегося недоверия к германской политике, тесные сношения, установившиеся с Англией, развитие которых представляется несовместимым с германской дружбой».

Открывающаяся в ноябре 1905 г. Алжезирасская конференция затягивается на долгие месяцы. Германия весьма явственно ведет игру на срок, в расчете на то, что чем больше будет запрошено, тем больше удастся выторговать. Франция, видя большинство участников конференции, в том числе и представителя России, на своей стороне, в свою очередь проявляет упорство и несговорчивость. Несомненным во всяком случае представлялось одно то, что французы снова научились ценить русскую дружбу. «Факт тот, — писал Нелидов в конце декабря [1]), — что если нам необходима финансовая помощь Франции, то наша имеет для нее исключительно важное значение в области политической, особенно в деле марокккском. С этой точки зрения здесь всегда проявляют крайнее беспокойство всякий раз, когда замечают признаки укрепления интимной близости между нами и Германией, учреждение же должностей причисленных к свитам обоих монархов генералов вызвало у президента желание иметь возле императора человека, который сумел бы установить с ним бо́льшую близость, чем это обычно делают военные атташе или дипломаты». С своей стороны, Нелидов советует пойти в этом вопросе навстречу желанию президента, дабы укрепить существующие узы дружбы.

Хорошо зная заинтересованность России в скорейшем завершении конференции, французское правительство играет на этих струнах русской дипломатии и старается использовать ее интимную близость к Берлину. Когда, в конце января 1906 г., на конференции обсуждается один из самых жгучих в марокккском деле вопросов,— вопрос об учреждении полиции в портовых городах, которому парижский кабинет придавал особенно крупное значение, — Рувье просит Нелидова [2]) «употребить свое влияние в Берлине для воздействия на тамошний кабинет в смысле более сговорчивого отношения к притязаниям Франции». «Если,— по его словам,— она (Германия. *А. П.*) искренно желает соглашения и намерена сделать Франции обещанные при предварительных переговорах облегчения, то теперь к тому наступила крайняя минута. От решения, имеющего теперь быть принятым в Берлине по этому вопросу, будет зависеть судьба конференции, а с нею или всеобщее успокоение, или продолжение тревожного настроения».

Русская дипломатия не нуждалась в пространных увещаниях, ибо оценивала момент правильно и интересы свои понимала прекрасно. «Неизвестность по этому предмету (вопросу об учреждении полиции. *А. П.*), — читаем в том же донесении Нелидова, — продолжает удручать как общественное настроение, так и расположение

[1]) Частное письмо Нелидова из Ниццы от 28/XII 1905 г.—10/I 1906 г. (перев. с франц.).

[2]) Донесение Нелидова от 26/I—8/II 1906 г.

биржи, где все дела откладываются до окончания конференции. В этом последнем отношении в высокой степени заинтересована и Россия, до крайности нуждающаяся в большом займе, а таковой, по уверениям г. Рувье, подтвержденным мне банкирами, может состояться только в случае счастливого исхода конференции».

О том же собщает и Коковцов, информирующий [1]) Витте о своем пребывании в Париже и повествующий о причинах невозможности заключения займа в данный момент: «Другая (причина. *А. П.*) — не меньшая — опасение столкновения с Германией из-за Марокко. В финансовых и административных кругах опасения гораздо большие, нежели можно судить по газетам. Уверяют, что Германия делает приготовления на границе... Настроение публики беспокойное». «После моего приема у Лубэ, продолжавшегося целый час, — рассказывает дальше Коковцов, — было заседание совета министров, от имени которого Рувье, только что меня принявший, передавал мнение, что только после успокоения России и разрешения мароккского вопроса значительный заем окажется возможным, например, месяца через два».

Упорство германской делегации, не желавшей признать преимущественные права французов в Марокко и заключенные ранее ими с шерифом соглашения (в частности, соглашение с французскими банками о займе), держит парижскую биржу в неопределенности весь январь и половину февраля месяца. В своем донесении от 9/22/II 1906 г. Нелидов говорит о предпринимательском нетерпении французских правящих классов и о готовности кабинета удовлетвориться в самом остром вопросе о полиции какою-либо компромиссною формулой: «Г. Рувье полагает, что общественное мнение пока удовольствовалось бы подобным исходом и, хотя и не считало бы его вполне благоприятным, почерпнуло бы в нем достаточное доверие к прочности мира, чтобы приняться за финансовые предприятия и, таким образом, сделать возможным заключение нами на парижском рынке большого займа».

В предвкушении этих возможностей русская дипломатия старается быть на высоте отведенной ей на конференции роли. «Особенно благоприятное впечатление, — читаем в донесении Нелидова от 22/II—7/III 1906 г.,— произвело заявление Бахерахта, с замечательной ясностью, беспристрастием и знанием дела поставившего вопрос о полиции на надлежащую практическую почву». Не сомневающийся в благоприятном разрешении вопроса, уверенный, что это даст французскому правительству возможность «пуститься в большие предприятия и, между прочим, заняться нашим займом», посол говорит: «завтрашнее заседание должно принести некоторое выяснение настоящего положения вещей. Биржа ждет его с нетерпением, нравственно подготовленная к восприятию крупного русского займа».

В середине марта конференция получает свое благополучное завершение. За хорошее исполнение порученной ей роли царская Россия могла получить обещанное вознаграждение. 3 апреля приезжающим в Париж Коковцовым подписывается контракт на заем, крупнейший из всех внешних займов, какие только знала история.

Отказ берлинского кабинета принять какое бы то ни было участие в предпринятой французами финансовой операции, уклонение от участия в деле идущего за Берлином римского кабинета не могли помешать успеху начатого в Париже дела [2]), поддержанного к тому же Лондоном и Веной. «$2^1/_4$-миллиардный [3]) заем

[1]) Телеграмма Коковцова на имя Витте от 6/I 1906 г.

[2]) Донесение Нелидова от 6/19/IV 1906 г.

[3]) $2^1/_4$ миллиарда франков, что составляло 843.750.000 руб.

выпущен, — торжественно доносил теперь Нелидов [1]), — и многократно покрыт во всех местах подписки, в Париже же слишком 20 раз. Таким образом на предоставленные французскому рынку 1.200.000.000 подписано было 25.000.000.000, а так как краткосрочных обязательств казначейства 1904 г., по которым подписчики имеют право получать полностью подписную сумму, предъявлено было приблизительно на 700.000.000, то к разверстке остается всего 500.000.000, и подписчики получат едва по 0,02 потребованного ими количества новых долговых листов. Такого рода поражающего успеха трудно было ожидать».

Слабые попытки представителей русской либеральной буржуазии сорвать финансовые достижения самодержавия терпят фиаско. «Приезд членов к.-д. партии для воспрепятствования нашему займу,— сообщал Нелидов [2]),— не произвел здесь никакого впечатления. Ни печать, ни общество не обратили на них до сих пор никакого внимания. Они пробрались под видом журналистов к президенту республики, который, узнав, кто они, отправил их записку, врученную ими, к Клемансо, последний передал министру финансов, который оставил ее без последствий, объявив, что дело займа уже устроено и французское министерство имеет дело только с русским правительством». Вместе со своим правительством, чувствуя теперь твердую почву под ногами, посол презрительно третирует к.-д. делегатов, как «самозванных провокаторов», считает их «предприятие отнюдь не опасным» и даже «не заслуживающим с нашей стороны никаких особых мероприятий». «Полная неудача здешних русских выходцев, — возвращается Нелидов к той же теме в другом своем донесении [3]), — пытавшихся по указаниям их петербургских сообщников помешать займу, доказала истинное расположение к нам парижского населения и должна была разрушить надежды, возлагавшиеся в среде русских революционеров на поддержку республиканской Франции и ее правительства».

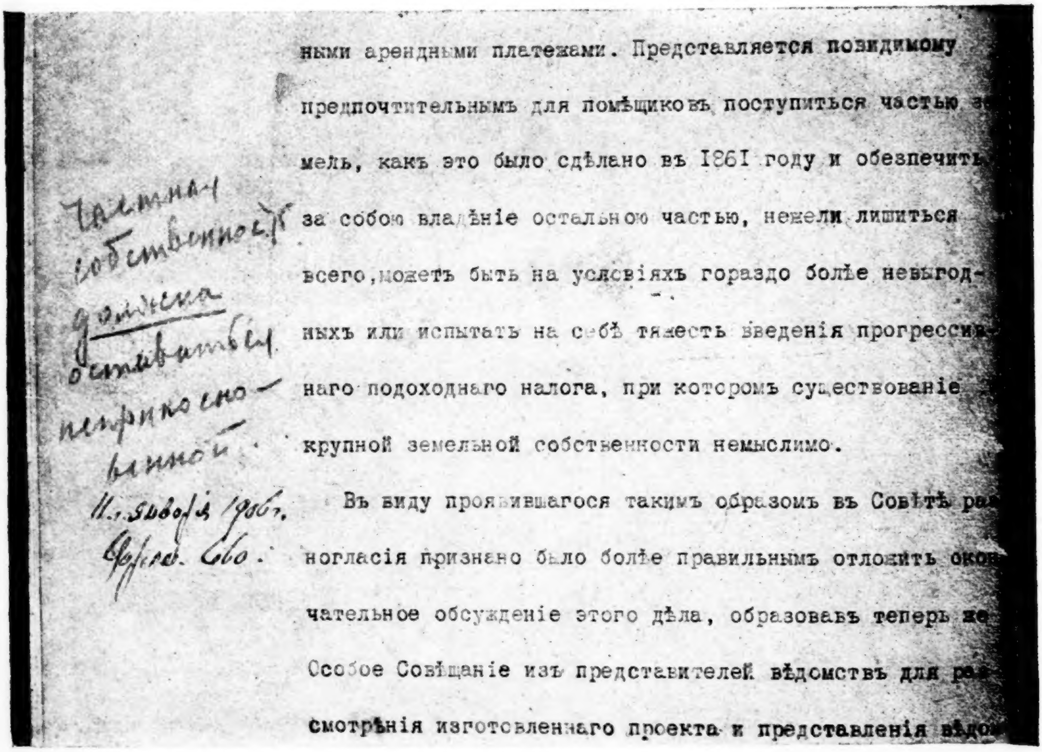
Заканчивая на этом наш беглый обзор посольской литературы, посвященный вопросу о займе, нельзя пройти мимо заключительных строк последнего, в одной своей части нами цитированного, донесения. Всесторонне выясняя значение совершенного займа, бывший апологет дома Ротшильдов, недавний сторонник «освободительных требований» и отмены «ограничений по отношению к евреям», Нелидов сопровождал свое заключение небольшим, но характерным замечанием: «Наконец... представляется весьма важным, что впервые денежная операция в столь широких размерах могла быть осуществлена без содействия и даже вне всякого участия Ротшильдов и других больших еврейских домов... Для нас подобное положение вещей, при затруднительности разрешения еврейского вопроса, представляется весьма выгодным как косвенное последствие только что состоявшегося займа».

Царский дипломат снова угадывал виды своего господина. Он верно попадал в тон своему правительству, которое, укрепив себя дружескими республиканскими миллионами, отбросило робкие признания весенней поры и заговорило со страной суровым языком карательных экспедиций и полевых судов.

А. Попов.

---

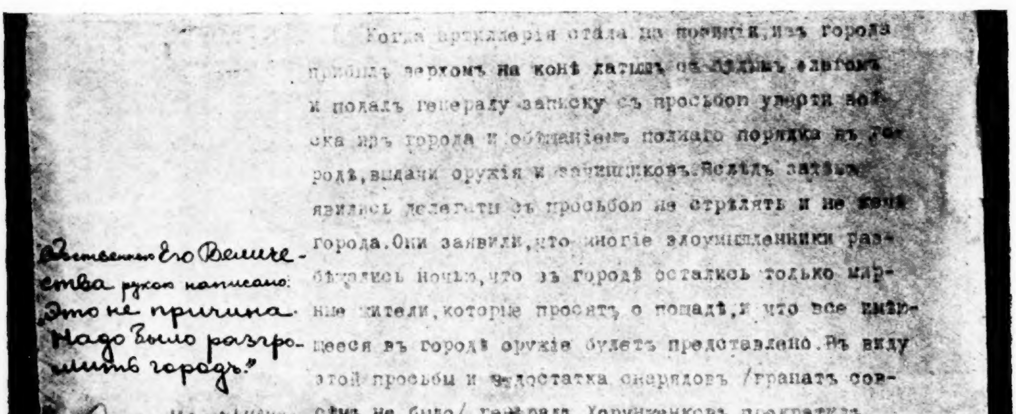
[1]) Депеша Нелидова от 16/29/IV 1906 г.
[2]) Донесение Нелидова от 7/20/IV 1906 г.
[3]) Донесение его же от 16/29/IV 1906 г.



ными арендными платежами. Представляется повидимому предпочтительнымъ для помѣщиковъ поступиться частью земель, какъ это было сдѣлано въ 1861 году и обезпечить за собою владѣніе остальною частью, нежели лишиться всего, можетъ быть на условіяхъ гораздо болѣе невыгодныхъ или испытать на себѣ тяжесть введенія прогрессивнаго подоходнаго налога, при которомъ существованіе крупной земельной собственности немыслимо.

Въ виду проявившагося такимъ образомъ въ Совѣтѣ разногласія признано было болѣе правильнымъ отложить окончательное обсужденіе этого дѣла, образовавъ теперь же Особое Совѣщаніе изъ представителей вѣдомствъ для разсмотрѣнія изготовленнаго проекта и представленія вѣдом

Частная собственность должна оставаться неприкосновенной.
11-го января 1906 г.
Царское Село.



Когда артиллерія стала на позиціи, изъ города прибылъ верхомъ на конѣ латышъ съ бѣлымъ флагомъ и подалъ генералу записку съ просьбою увести войска изъ города и обѣщаніемъ полнаго порядка въ городѣ, выдачи оружія и зачинщиковъ. Вслѣдъ затѣмъ явились делегаты съ просьбою не стрѣлять и не жечь города. Они заявили, что многіе злоумышленники разбѣжались ночью, что въ городѣ остались только мирные жители, которые просятъ о пощадѣ, и что все имѣющееся въ городѣ оружіе будетъ представлено. Въ виду этой просьбы и недостатка снарядовъ /гранатъ совсѣмъ не было/ генералъ Хорунженковъ прекратилъ дѣйствія противъ города и вступилъ съ отрядомъ въ Туккумъ.

Жители на колѣняхъ съ хлѣбомъ-солью и образами, священникъ съ крестомъ въ рукахъ-встрѣтили отрядъ и клялись, что сдадутъ все оружіе, какъ революціонеровъ, такъ и отобранное отъ драгунъ. Генералъ хлѣбъ-соли не принялъ, а послѣ молебствія на площади взялъ трупы убитыхъ подполковника Миллера и драгунъ и

Собственною Его Величества рукою написано: „Это не причина. Надо было разгромить городъ."

Это не причина. Надо было разгромить городъ.

Генералъ-Лейтенантъ [illegible]

Резолюции Николая II

(К стр. 439 — 440)

Из записной книжки архивиста.

Николай II в 1905 году.

(По рескриптам, резолюциям и телеграммам).

Доступ к тайным документам эпохи романовского владычества дал нам полную возможность из первоисточников бросить луч света на личность последнего самодержца России. В опубликованных уже дневниках его и в переписке Николай II весь налицо, во всем его «величии» тупого, ограниченного и мелочного деспота. Таким же он глядит на нас из многочисленных, «собственной его величества рукой начертанных» рескриптов и резолюций, послуживших откликом царя на различные события революционного, 1905, года. Кое-что из этих резолюций и рескриптов мы и приводим здесь.

1905 год, как известно, начавшись «кровавым воскресеньем» (9 января), отличался высоким взлетом рабочего стачечного движения, переходившего в вооруженные восстания, и закончился кровавыми карательными экспедициями. События развертывались одно за другим, поражения на фронте сплетались с осложнениями внутри страны, — и «глава государства» вынужден был давать своим верным слугам ответственный совет и распоряжение. Как тяжело было этой, непривыкшей к работе над сложными политическими вопросами, голове понять, что творится вокруг! Посмотрите, сколько поистине прутковского глубокомыслия проявляла коронованная голова.

28 марта 1905 года царю была доложена телеграмма такого содержания: «Москва. Последнее заседание педагогического общества закончилось сбором денег из рук в руки, в публике передавались фуражки и ридикюли с надписями: «на пропаганду среди рабочих», «на вооружение», «в пользу комитета революционной партии». Комиссия педагогического общества, составляющая проект государственного учреждения, заявила на заседании, что проект будет в демократическом духе, о чем будут доклады и чтения... Заседания педагогического общества имеют ребяческий характер». Николай II подчеркнул синим карандашом последние три слова: «и м е ю т р е б я ч е с к и й х а р а к т е р», поставил три вопросительных знака и положил свою резолюцию: «О ч е н ь п о р а п р е к р а т и т ь п о д о б н ы е б е з о б р а з и я».

Но «безобразия», видимо, не подчинялись царским резолюциям, и 22 мая царю опять сообщают тревожные вести из Москвы. «160 гласных вносят 24 мая в думу заявление о ходатайстве перед правительством, чтобы до решения вопроса о продолжении войны, был выслушан голос народа Сегодня в частном заседании губернских и уездных земских гласных решено вследствие последних военных событий созвать на 24-е мая земских деятелей разных губерний, без различия партий, на совещание при участии съехавшихся по приглашению Ш и п о в а 150 земцев. Городской голова разослал по телеграфу приглашение всем городским головам съехаться в Москву 24 мая на совещание

совместно с земскими деятелями для определения положения, какое следует занять в виду военных событий». Царь с уверенностью начертал: «Надеюсь, что съезд не будет допущен. Теперь довольно наболтались они».

Нас не интересует здесь, оправдались ли надежды царя, — допущен или нет был этот съезд и без того, по мнению миропомазанника, наболтавшихся либералов. Но в самом начале июля либеральные земцы опять зашевелились, опять решили собраться и «поболтать». Московский генерал-губернатор Козлов прислал на имя министра внутренних дел письмо о желательности допущения в Москве съезда земских и городских деятелей. Но Трепов, докладывая об этом царю, изложил свое мнение в таком виде: «Казалось бы, что съезд, воспрещенный не только в Москве, но и во всей империи, разрешать не следует, а если соберется вопреки запрещению, то, не разгоняя оный силою, ограничиться перепиской участников, с предложением разойтись, а буде предложение не будет исполнено, привлечь виновных к судебной ответственности». «Совершенно согласен с вашим мнением», начертал на докладе Трепова Николай. Но тут случилось нечто неожиданное. О таком мнении царя «по Трепову» было немедленно телеграфом сообщено ген. Козлову, который просил оставить его ходатайство без рассмотрения, так как выяснилось, что собираться предполагали «неблагонадежные элементы».

Тем не менее, — докладывает Трепов царю 7 июля 1905 г.,— 5 июля в Москве, в квартире председателя губ. зем. управы Головина состоялось собрание организационного земского бюро, а 6 июля, в квартире кн. Павла Долгорукова, открылся съезд земских и городских деятелей для рассмотрения вопросов о выработанном гофмейстером Булыгиным проекте о народном представительстве, об отношении общественных деятелей к ожидаемому закону о народном представительстве и о приобщении широких масс населения к работам по политическим вопросам, а равно для выслушания доклада организационного бюро о разработке избирательной системы на местах и заявления съезду земских деятелей от союза еврейской интеллигенции г. Москвы. На квартиру Долгорукова был командирован и. д. полицеймейстера I отд. гор. Москвы подполковник Носков, который объявил собрание, состоявшее из 224 человек закрытым, но кн. Долгоруков и граф Гейден заявили, что, не препятствуя подполковнику Носкову исполнить возложенное на него поручение, собрание все-таки не разойдется и будет продолжаться. Носков закончил составление протокола и списка участников к 6 ч. утра. К тому времени участники, закончив заседание, удалились. В $8^1/_2$ ч. вечера собрание снова было открыто. Трепов по телефону дал распоряжение Козлову, чтобы тот послал в помещение съезда отряд, но Козлов находил это после составления протокола неудобным.

Прочитав этот доклад, Николай II с горечью начертал в высокой степени лирико-патетические слова: «Где мои верноподданные слуги?»

Да, верноподданные слуги колебались вместе с троном. Больше того, — лезли не в свои дела, нарушая верность присяге. Севастопольская городская дума отозвалась на происшедший в городе мятеж принятием от мятежников петиции. Получив об этом сообщение, Николай II собственноручно набросал карандашом следующую резолюцию: «Удивлен вмешательством севастопольской городской думы не в свое дело. Приведение восставших к покорности возложено на военную власть. О принятии каких-то требований, предъявляемых мятежниками, речи быть не может. Одно это уже возмущает душу не только военного, но и всякого русского человека. С ними будет поступлено, как с

клятвопреступниками и изменниками. *Н.*».

Еще в марте 1905 г. гофмейстер Булыгин сделал царю подробный доклад о событиях в Баку. Из доклада Булыгина было видно, что в Баку начались обычные в то время беспорядки, которые перешли в кровавые события, в резню на почве национальной распри. Туда был командирован помощник начальника штаба отдельного корпуса жандармов ген.-майор барон Медем. Тот в своем сообщении об этом нарисовал довольно яркую картину ожесточенной борьбы между мусульманами и армянами. При этом было указано, что «с возникновением беспорядка все низшие полицейские чины скрылись, войска отсутствовали и губернатору одному, верхом с несколькими конными стражниками, приходилось переезжать с одного места на другое». В заключение барон Медем констатировал, что обострению и разгару кровавых событий «много способствовала слабость наружного и внутреннего полицейско-административного надзора». Повидимому, сообщение это произвело на Николая удручающее впечатление, и он положил следующую резолюцию: «Весьма неприглядная картина беспомощности власти».

Трудно сказать, какое впечатление произвело на царя ниже приводимое сообщение о ввозе оружия в Финляндию, зато по резолюции, чрезвычайно краткой и выразительной, можно полагать, что в «миропомазанной» голове некоторые факты преломлялись каким-то странным, неожиданным способом. 2 сентября 1905 г. Трепов доложил царю о наблюдающемся контрабандном ввозе оружия из-за границы в Финляндию. 25 августа водолаз Юнтунен обнаружил на отмели острова Лилла клад в 93 ящика, в которых оказалось 659 винтовок с подствольным магазином системы «Wetterlin», швейцарской выделки, калибр 10 м.м., 658 четырехгранных штыков и 120.000 боевых патронов. На другой день заметили шедший к Финляндии большой пароход, который в 22 километрах от Якобштадта сел на грунт. На пароходе оказалось 20 чел. вооруженных, говоривших по-английски. В 4 ч. произошло 3 взрыва, и крайние части парохода пошли ко дну. На уцелевшей части было найдено 36 винтовок, 3 ящика с шестизарядными револьверами. Кроме того еще нашли в воде 1300 винтовок. 28 августа было найдено на острове Кальтер в ельнике 700 винтовок, ящики с револьверами, патронами и взрывчатыми веществами, а также брошюра «Речь анархиста перед судом присяжных в Париже» и 68-й № «Рев. России». Николай II мог начертать на этом докладе только одно: «Поучительно».

В чем именно, — в нелегальных ли брошюрах, или в провозе оружия в Финляндию, — и что поучительного нашел для себя царь в этом сообщении, трудно заключить.

На сообщения и доклады о все разраставшемся революционном движении крестьян и рабочих царь реагировал все более и более определенно и решительно. 6 августа Трепов сделал царю обширный доклад о крестьянских волнениях в Саратовской губернии, выразившихся в самовольных покосах и потраве помещичьих лугов, в поджогах, нападениях на полицию, в захвате земель. Одновременно с этим происходили стачки сельскохозяйственных рабочих. Забастовали в Балашовском уезде врачи. Волнения были подавлены войсками. Излагая события, Трепов между прочим сообщил: «К утру 22 июля усилиями войск и полиции порядок в Балашове был водворен. К сожалению, несколько казаков, экспортировавших врачей на вокзал железной дороги, раздраженные беспорядками и угрожающим жестом одного из сопровождаемых ими, нанесли им несколько ударов нагайками».

Это, видимо, очень понравилось царю, — он резкой синей линией подчеркнул неосторожное треповское «к сожалению», поставив на полях саркастический знак вопроса и под ним написал: «Очень хорошо сделали». Частые сообщения о волнениях выводили царя из себя, и по только что изложенному докладу Трепова он написал: «Революцион-

ные проявления дольше не могут быть терпимы, вместе с тем не должны дозволяться самоуправные действия толпы».

После октябрьских уступок царь делается злее и мстительнее, по мере того как реакция собирается с силою и наносит революционному движению один удар за другим. 5 ноября 1905 года граф Витте доложил Николаю о том, что во Владивостоке казаками, стрелявшими по «бушевавшей толпе», было убито девять человек, что подстрекатели подожгли склады угля, разграбили несколько офицерских квартир. Выяснилось якобы, что подстрекателей 162 человека, что все они анархисты и перебрались для такой же агитации на восточно-китайскую железную дорогу. Царь не мог этого вынести: «Неужели, — пишет он на докладе, — этим 162 анархистам дадут возможность развращать армию? Их следовало бы всех повесить». Несколько более снисходительно он отнесся к «подстрекателям» на ст. Елец Ряз.-Урал. ж. д. Оттуда была прислана 15 ноября от имени мастеровых и служащих телеграмма с выражением верноподданнических чувств, при чем был, как водилось, сделан доносительский кивок в сторону инженеров, якобы подстрекавших авторов телеграммы, «рабочих и служащих», к забастовке и присоединению к социал-революционной партии. Николай подчеркнул эти слова и против них на полях написал: «Этих мерзавцев нужно уволить», — а составителей благодарил «за их стойкость и преданность».

К событиям конца 1905 года, развернувшимся в восстания на окраинах и в центре, Николай II относится весьма внимательно и личными распоряжениями вмешивается в ход карательных экспедиций. В ноябре Витте доложил царю о ходе забастовки почтово-телеграфных служащих в Москве: «Забастовка почт и телеграфов не успокаивается. Центр ее, как вообще центр революционного движения, находится в Москве. Сегодня утром на московскую телеграфную станцию явилась часть телеграфистов на работу; действие с Петербургом открылось по четырем проводам, а затем прекратилось. Оказывается, что на станцию явились забастовщики, опрокинули караул и выгнали работавших. Когда дали знать градоначальнику, он ответил: большой караул дать не могу, покуда не вернутся войска из Манчжурии.

В Москве полная анархия власти. Крайне важно скорейшее прибытие нового генерал-губернатора. Мне совершенно неизвестен тамошний командующий войсками — можно ли положиться на его энергию и предусмотрительность?»

«Меня удивляет, — пишет Николай — странный ответ градоначальника. Сегодня я назначил ген. Пантелеева генерал-адъютантом с поручением отправиться в командировку вместо Дубасова. Последнему следовало бы не медля приехать в Москву, где он встретится с Пантелеевым, которому и передаст нужные для того сведения.

Старик Малахов достойный и твердый генерал. *Н.*»

Во время восстания черноморского флота Николай II шлет командиру флота вице-адмиралу Чухнину 12 ноября в 12 ч. ночи такой вразумительный приказ: «Помощь будет прислана. Не теряйте бодрости духа. Употребите все меры, чтобы вразумить мятежников, напомнив им от моего имени, что, восставая против власти, они нарушают долг присяги и позорят честь России. Объявите им, что если они не образумятся немедленно, то я с ними поступлю, как с клятвопреступниками и изменниками. *Николай.*»

Вот еще две-три телеграммы — распоряжения самого царя о подавлении беспорядков:

I (без числа). «Генерал-губернатору. Рига. Гнусное нападение на драгун в Риге обязывало вас вместо переговоров с бунтовщиками проявить полную энергию в действиях с применением к мятежникам и их единомышленникам самой решительной репрессии на м е с т е [1]) совершения злодейского преступления. *Николай.*»

II. 19 декабря 1905 г. «Генерал-губернатору Соллогубу. Рига. Подавите беспорядки в Феллинском и Перновском уездах. Вообще желательно проявление отдельными отрядами большей инициативы, деятельности и самостоятельности. *Николай*».

А когда Витте 30 декабря 1905 г. доложил царю об успешных действиях Соллогуба и решительных выступлениях моряков при подавлении восстания, — Николаю особенно понравилось то, что «капитан Рихтер не только расстреливал, но и вешал главных агитаторов». Против этого сообщения при докладе монаршая рука начертала: «М о л о д е ц!».

Подавление Московского восстания в конце 1905 г. и кровавую расправу с задержанными Николай санкционировал собственноручно: «Д е й с т в у й т е п о с о в е с т и н а о с н о в а н и и з а к о н а. *Николай.*» телеграфировал он московскому генерал-губернатору. Вместе с тем он торопился отозвать скорее в Петербург посланный в Москву на усмирение Семеновский полк, на верность которого царь имел еще основание рассчитывать. Он шлет запрос: «Москва. Генерал-губернатору: К о г д а в ы д у м а е т е о т п у с т и т ь С е м е н о в с к и й п о л к? П р о ш у е г о н е з а д е р ж и в а т ь в М о с к в е [2]). Сумма в сто тысяч рублей отпущена в ваше распоряжение для раздачи исключительно местному населению, пострадавшему при подавлении мятежа. Сообщите мне точные сведения о потерях в войсках и полиции. *Николай.*». Такое же активное вмешательство проявляет Николай II во время событий на Кавказе. Вот несколько характерных телеграмм.

I. «Елисаветполь. Наместнику его величества. Надеюсь, что сделанные вами распоряжения ускорят умиротворение враждующего между собою разноплеменного населения Баку. Необходимы самые решительные меры для предотвращения мятежного движения и беспорядков. Искренно благодарю войска за их усердную службу. *Николай.*»

II. «Наместнику. Тифлис (шифром). Министр юстиции доложил мне телеграмму из Тифлиса о том, что вами была разрешена выдача пятисот винтовок революционерам, занявшим вместо полиции охрану города, следствием чего была схватка между армянами и татарами. Отказываюсь верить этому невероятному известию. *Николай.*»

III. «28 декабря 1905 года, в 5 часов пополудни. Тифлис. Наместнику графу Воронцову-Дашкову. С чувством полного удовлетворения прочел я ваше последнее телеграфное донесение о мерах, принятых вами для подавления мятежного движения на Кавказе. Знаю, как трудна ваша задача и как тяжело вам в ваши годы оружием расчищать путь к умиротворению враждующих народностей, к внутреннему устроению края и упрочению государственной связи его с империею. Но я верю вам и полагаюсь на вашу служебную опытность и личные качества и уверен, что господь благословит ваш труд и гражданский подвиг. Поэтому не могу согласиться на вашу просьбу, выраженную вами в письме, о замене вас другим лицом. Ради любви вашей к России и блага Кавказа и ради преданности вашей мне прошу вас, граф, остаться и продолжать работать на вашем ответственном боевом посту. Я помогу вам назначением вам более молодых, крепких и предприимчивых сотрудников по вашему выбору. Если состояние вашего здоровья требует в настоящее время лечения и отдыха для восстановления сил и бодрости духа, разрешаю вам воспользоваться отпуском, как только вы сочтете возможным возложить временное исполнение ваших обязанностей на

---

[1]) Подчеркнуто самим царем.
[2]) Подчеркнутое шифром.

вашего помощника по военной части. Желаю вам успеха и здоровья. *Николай.*»

Для характеристики взглядов Николая II на отдельные вопросы общественной жизни и государственного управления особенно показательны его замечания, сделанные на полях всеподданнейшего доклада гр. Витте от 11 января 1906 года о ходе занятий совета министров по выработке мер для прекращения аграрных беспорядков. В довольно пространном докладе гр. Витте сообщает об ослаблении революционного движения, о мерах, принимаемых властями для укрепления порядка, о дислокации войск для внутренней охраны, о предполагаемых правительственных мероприятиях по аграрному вопросу и т. п. И по каждому пункту, на который обращалось монаршее внимание, делались короткие и вразумительные замечания. Так, когда граф Витте сообщает: «Проявления революции в городах, точно так же, как и в других местностях, за исключением аграрного движения, могут считаться подавленными настолько, что в резких формах революционные покушения происходить более не будут», — царь с облегчением против этого на полях пишет: «Дай бог».

Далее Витте сообщает, что и «м. в. д. прилагает всемерные усилия к тому, чтобы сформирование полицейских команд производилось с полною успешностью». Николай предлагает: «Следует формировать конно-полицейские команды».

«Владельцам имений предоставлено, — говорится в докладе, — образовывать под наблюдением властей охрану имений. Дело это,—жалуется граф, — подвигается, к сожалению, довольно вяло, так-как частные лица не охотно жертвуют на это средства. Кроме того, значительные затруднения встречаются в снабжении полицейской стражи оружием. Вследствие этого я вошел в сношение с м. в. д. о том, чтобы захватываемое у революционеров оружие не было передаваемо военному ведомству, а поступало в распоряжение губернаторов для передачи такового, в случае надобности, лицам, учреждающим команды стражников». «Едва ли удобно, — замечает Николай второй, — военное ведомство этому делу должно помочь.»

По поводу сообщения о предполагаемой дислокации войск с целью усиления внутренней охраны Николай пишет: «Обеспечить войсками городские поселения и железнодорожные узлы.»

Особенно характерны замечания Николая по поводу проектов разрешения аграрного вопроса. Граф Витте сообщает о том, что Кутлером разрабатывается проект разрешения аграрного вопроса. Проект этот «основан на мысли об обязательном в известной мере, за вознаграждение, отчуждении казенных, удельных, частновладельческих и иных земель, при чем земли, лежащие впусте, кроме лесов, а также земли, обычно сдаваемые владельцем в аренду, отчуждаются без всяких ограничений». «Не одобряю» — пишет Николай.

Излагая далее соображения по поводу новой аграрной программы правительства, Витте говорит: «Представляется, повидимому, предпочтительным для помещиков поступиться частью земель, как это было сделано в 1861 г., и обеспечить за собою владение остальной частью, нежели лишиться всего, может быть, на условиях гораздо более невыгодных,—или испытать на себе тяжесть введения прогрессивного подоходного налога, при котором существование крупной земельной собственности немыслимо.» На эти соображения о неизбежности распроститься «с частью земель» Николай мог возразить только одним, но весьма твердо высказанным пожеланием: «Частная собственность должна (подчеркнуто самим царем) остаться неприкосновенной.».

Не менее глубокомысленно и важно царь высказался еще по одному, для того времени крайне современному и важному, государственному вопросу — еврейскому. В Гомеле 13 и 14 января 1906 г. происходил еврейский погром. Для расследования об-

стоятельств этого погрома был командирован на место министром внутр. дел член совета министров Савич. 6 февраля последний представил отчет, из которого было видно, что «беспорядки» выразились: 1) в поджоге шайкой от 10 до 15 вооруженных людей 13 отдельных еврейских домов и нескольких лавок и магазинов, 2) в разграблении еврейского имущества, 3) в стрельбе и бросании взрывчатых снарядов по войскам, полиции, пожарной команде, 4) в убийстве евреев. По мнению Савича, виноваты во всем были, конечно, сами евреи, которые своей нетерпимостью вызвали появление «союза русских патриотов». Этот союз организовал погром, вооружал своих погромщиков, имел тайную типографию. Типографией и оружием союз был снабжен местным ротмистром графом Подгоричани, который состоял в этом союзе русских патриотов. Во время беспорядков Подгоричани «бездействовал». Совет министров признал необходимым произвести дознание о действиях в Гомеле графа Подгоричани, на что испрашивалось монаршее соизволение. Монарху же благоугодно было собственноручно начертать: «К а к о е м н е д о э т о г о д е л о?».

В самом деле, — какое было дело царю до того, что творили его верные слуги и наймиты в каком-то там Гомеле? К чему было беспокоить его величество такими мелочами, как поджоги, ограбление и физическое уничтожение евреев? Тем более что, по мнению защитников порядка, сами евреи были виноваты в том, что их резали черносотенцы. После того, что было пережито в декабре — январе 1905—1906 г.г., Гомель с еврейским погромом в глазах кровавого царя — ничто. Если он не останавливался перед предложением своим генералам уничтожать население и города восставших мест и одобрял действия начальников карательных экспедиций, прибегавших для усмирения не только к поркам и расстрелам, но и к вырезыванию языков, ушей, носов, к выкалыванию глаз и пр., — что ему Гомель? Ведь он не находил возможным требовать от своих генералов, подавлявших восстания, громить города. Вот, для заключения настоящей заметки, один пример. В декабре 1905 года карательные экспедиции жесточайшими мерами подавляли восстание в Прибалтийском крае. 14 декабря временный курляндский генерал-губернатор ген.-лейт. Бекман в рапорте на имя царя за № 1488 излагает подробности действий своих войск и поведение восставших. Сообщая о восстании в Туккуме и упорстве восставших, Бекман замечает: «Когда артиллерия стала на позиции, из города прибыл верхом на коне латыш с белым флагом и подал генералу записку с просьбой увести войска из города и обещанием полного порядка в городе, выдачи оружия и зачинщиков. Вслед затем явились делегаты с просьбой не стредять и не жечь города. Они заявили, что многие злоумышленники разбежались ночью, что в городе остались только мирные жители, которые просят о пощаде, и что все имеющееся в городе оружие будет представлено. В в и д у э т о й п р о с ь б ы и н е д о с т а в к а с н а р я д о в (г р а н а т с о в с е м н е б ы л о) г е н е р а л Х о р у ж е н к о в п р е к р а т и л д е й с т в и я п р о т и в г о р о д а и в с т у п и л с о т р я д о м в Т у к к у м. (Подчеркнуто нами. М. К.).

Жители на коленях с хлебом-солью и образами, священник с крестом в руках — встретили отряд и клялись, что сдадут все оружие как революционеров, так и отобранное от драгун. Генерал хлеба-соли не принял, а после молебствия на площади взял трупы убитых подполковника Миллера и драгун и возвратился на станцию Туккум II. Через час была привезена часть оружия — ружья, револьверы и пушка, затем сданы еще 62 ружья и 45 револьверов. Общее количество выданного оружия еще не установлено».

Царь, видимо, так упивался «победой», что был расдосадован сговорчивостью ген. Хоруженкова, прекратившего действия против города, — и против сообщения об этом (подчеркнуто выше) написал: «Э т о н е п р и ч и н а. Н а д о б ы л о р а з г р о м и т ь г о р о д.».

М. Константинов.

Письма Николая II к Дубасову.

Публикуемые два письма Николая II к Дубасову относятся — одно к декабрьскому восстанию 1905 года, другое — к годовщине этого восстания, ко второму покушению на усмирителя московского восстания генерал-адъютанта Дубасова.

Письма Николая характерны как примитивно выраженное настроение правящих кругов, ставших решительно на путь подавления революции. Треповско-Столыпинская рука водила пером Николая, когда он писал эти два письма.

Выбор Николаем Семеновского полка и Дубасова в качестве усмирителя оказался «удачным». Дубасов уже показал себя в роли руководителя карательных экспедиций, а вся его прошлая деятельность говорила за него, как твердого и крутого военного служаку. [1])

Биография Дубасова такова. Он родился в 1845 году. Окончил морское училище, совершил кругосветное плавание, служил в гвардейском экипаже. Отличился в русско-турецкой войне. Был флаг-капитаном фрегата, на котором Николай совершил свое знаменитое путешествие по Дальнему Востоку. Был начальником дальневосточной эскадры. В 1898 году им было произведено занятие Квантунского полуострова, Порт-Артура и Дальнего. Лично был против занятия Порт-Артура, как невыгодного с его точки зрения стратегического пункта. Указывал все время на возможность войны с Японией и настойчиво советовал к ней готовиться. Не попав в тон петербургским сферам, ушел с Дальнего Востока. С 1901 года был председателем морского технического комитета.

В 1904 году был членом международной следственной комиссии по разбору гулльского инцидента.

В 1905 году в качестве генерал-адъютанта был командирован в Черниговскую, Курскую и Полтавскую губернии для подавления аграрных беспорядков. В ноябре 1905 года был назначен московским генерал-губернатором.

После подавления московского восстания был одним из наиболее ненавидимых столпов самодержавия. Покушение на него было решено центральным комитетом партии с.-р. и приурочивалось ко времени открытия 1-й государственной думы.

Первое покушение на Дубасова было совершено в апреле 1906 года. Покушение руководилось Савинковым, а в последнюю минуту приехал в Москву и Азеф. Дубасов по какой-то причине меняет маршрут своей поездки, и Борис Вноровский-Мищенко убивает бомбой адъютанта Дубасова и себя. Сам Дубасов был легко ранен.

После этого Дубасов уезжает за границу для лечения, назначается в государственный совет и производится в адмиралы [1]) (умер он в 1912 году) [2]).

Второе покушение производится в годовщину дек брьского восстания и в день казни известного максималиста М. Соколова («Медведя»). Произведено оно было в Таврическом саду двумя рабочими. членами, как они сами себя называли, «боевой летучей дружины партии с.-р. Северной области», но фамилий не назвали. Выпущено было три пули, но Дубасов был только легко ранен. Покушавшиеся — рабочие Петр Алексеевич В о р о б ь е в, мещанин посада Сергиево, Московской губернии, участвовавший в покушении в сентябре на ограбление казначея штаба отдельного корпуса жандармов, другой, упо-

---

[1]) Ср. оценку Витте. «Воспоминания» (изд. Госиздата), т. II, стр. 327—328.

[1]) В 1906 г. он намечался в морские министры, но отказался. В той же пачке, к которой принадлежат оба публикуемые письма, есть еще третье (и последнее), с просьбой Николая приехать к нему для переговоров о морском министерстве. По всей видимости, об этих переговорах и сообщает Витте в своих «Воспоминаниях» (т. II, стр. 325—327).

[2]) См. о нем некролог в «Новом Времени» за 1912 года, № 13.028 и в Военной энциклопедии, т. X.

минаемый как Вас. Вас. Березин. На деле вовсе это был не Березин (как о Березине пишут Савинков и Спиридович). В августе месяце на квартире Воробьева, действительно, вместе с ним проживал крестьянин Новгородской губернии и уезда Березин (Золин), уехавший в сентябре в Новгород. После покушения на Дубасова дворник дома ошибочно признал в соучастнике Воробьева Березина. После совершения казни над покушавшимися настоящий Березин (Золин) был арестован в Новгороде, но затем выпущен. Возможно, что неизвестный был приехавший вместе с Воробьевым из Москвы, прописавшийся (а может, это и была его настоящая фамилия) как Петр Трещепецкий.

Упоминаемый в письме Николая II Шгакельберг — барон фон Шгакельберг, Георгий Карлович, командир сибирского армейского корпуса, сперва 2-го, затем 1-го [1]).

[1]) Для характеристики настроения, создавшегося после этого покушения, приводим следующее письмо к Макарову. Был ли дан ход этому, письму, неизвестно. На письме есть только резолюция Макарова:

«Директору департамента полиции 30/XII—1906 г.» и департаментская пометка: «к д[елу] покушения на генерала Дубасова».

«Многоуважаемый Александр Александрович.

Ректор харьковского университета Багалей, б. член государственного совета (от кадет), ныне из партии вышел, ни в каких ее организациях, комитетах и собраниях не участвует. Между тем, по получении в Харькове известия о покушении на Дубасова, в местном органе союза русских людей, как достоверно передано Багалею, постановлено, в виде ответа на означенное покушение, совершить такое же покушение на Багалея.

Не признаете ли нужным сообщить об этом губернатору и предложить ему принять меры к ограждению Багалея от грозящих ему опасностей.

Искренно преданный» (подпись неразборчива).
30/XII.

Письмо 1-е [1]).

Посылаю в полное ваше распоряжение генерал-лейтенанта барона Шгакельберга. Надеюсь, что Семеновский полк поможет вам раздавить окончательно революцию вместе с славными гренадерскими полками.

Благодарю вас сердечно за все.

Бог вам в помощь.

Николай.

Письмо 2-е [2]).

Царское Село.
4 декабря 1906 г.

Федор Васильевич.

Примите мое горячее поздравление со счастливым избавлением вашим, во второй раз, от смертельной опасности.

Не могу выразить, насколько я был потрясен и возмущен, когда узнал о новом злодейском покушении на вас.

Вы обратились ко мне с просьбою о милости для покушавшихся на вашу жизнь. Мне понятно нравственное побуждение, руководившее вами, — это был порыв благородной души.

Но я не могу разделить вашей точки зрения по данному случаю.

Вы мой генерал-адъютант и бывший московский генерал-губернатор. Ваше имя давно известно во всей России; оно связано теперь с ореолом быстрого подавления мятежа в Москве. Именно

[1]) Написано на одной странице плотной бумаги, малого почтового формата, в верхнем левом углу круглая печать: «Архив мор. мин.». Конверт с личной печатью Николая. Письмо без даты. На конверте неизвестной рукой написан адрес: «Генерал-адъютанту Дубасову». Карандашом помечено: «получено 15 дек. 1905 г.

[2]) Написано на трех страницах плотной, малого почтового формата, бумаги, в левом верхнем углу первой страницы круглая печать: «Архив мор. мин.». Конверт с личной печатью Николая.

На конверте рукою Николая написано «Генерал-адъютанту Дубасову».

поэтому вы сделались жертвою и второго покушения.

Полевой суд действует помимо вас и помимо меня, пусть он действует по всей строгости закона.

С озверевшими людьми другого способа борьбы нет и быть не может.

Вы меня знаете, я незлобив; пишу вам совершенно убежденный в правоте моего мнения. Это больно и тяжко, но верно, что, к горю и сраму нашему, лишь казнь немногих предотвратит моря крови — и уже предотвратила!

Желаю вам здоровья и полного душевного спокойствия. Благодарю вас за все, вами для России и меня сделанное.

Николай.

Сообщил *И. Татаров.*

К убийству Н. Э. Баумана.

До сих пор оставалось неясным, что стало с Михалиным, убившим Н. Э. Баумана, освобожденного в октябрьские дни 1905 года революционными рабочими из Таганской тюрьмы. Теперь, просматривая дело бывшего царского министра юстиции Щегловитова, привлеченного к суду в 1917 году Временным Правительством, мы натолкнулись на протокол осмотра следователя А. А. Барцала книг всеподданнейших докладов. Книга, как значится в протоколе, в переплете зеленого цвета, большого формата, на корешке которой значится: «Всеподданнейшие доклады министра юстиции, 1907 г., т. III, сентябрь—декабрь. Дела уголовные». Книга содержит 166 докладов Щегловитова, из них 155 докладов повлекли за собою полное помилование. В число помилованных вошел Михалин, присужденный московским окружным судом к тюремному заключению только на один год и шесть месяцев.

Мы приводим полностью любопытный доклад Щегловитова, в котором он испрашивал помилование преступнику.

«По высочайшему вашего императорского величества повелению, главноуправляющий канцелярией по принятию прошений препроводил мне для доклада вашему величеству всеподданнейшую просьбу лишенного всех особенных прав и преимуществ Николая Михалина о помиловании, вместе с отзывом московского генерал-губернатора, в коем генерал лейтенант Гершельман, свидетельствуя о безупречном прошлом Михалина, просит об удовлетворении, в путях монаршего милосердия, приведенного выше его ходатайства.

Независимо от сего, о том же ходатайствует во всеподданнейшем прошении сожительница названного Михалина, мещанка г. Можайска, Елена Тихомирова.

Во исполнение такой монаршей воли, приемлю долг всеподданнейше доложить, что обстоятельства настоящего дела заключаются в нижеследующем:

18 октября 1905 года в г. Москве, во время происходивших в те дни противоправительственных демонстраций, на Немецкой улице во главе толпы, шедшей с красными флагами в руках, появился ветеринарный врач Николай Эрнестович Бауман. Выхватив из рук одного из участников шествия красный флаг, Бауман сел в извозчичью пролетку и, держа означенный флаг в руках, быстро поехал по направлению к Покровке. В это время стоявший на тротуаре, среди публики, Михалин подбежал к пролетке и замахнулся бывшей у него в руках железной палкой на Баумана, но последний успел соскочить с пролетки и бросился бежать. Тогда Михалин погнался за убегавшим и, настигнув его посреди улицы, нанес Бауману той же палкою удар по голове, а когда тот упал на мостовую, еще несколько раз ударил его палкою по голове, раздробив потерпевшему череп, от каковых повреждений Бауман в тот же день скончался.

Вслед за этим Михалин добровольно явился во второй полицейский участок Басманной части и чистосердечно сознался в учиненном им преступном деянии, объяснив, что, возмущенный

действиями революционных партий, он убил Баумана, видя в нем врага правительства.

Преданный суду московского окружного суда за убийство в состоянии раздражения, крестьянин Тамбовской губернии, Козловского уезда, Спасско-Ляпинской волости, села Троицко-Ивановского Николай Федотов Михалин, 29 лет, приговором названного окружного суда 13 марта 1907 года, постановленным по совокупности с приговором московского столичного съезда мировых судей от 28 июня 1906 года [1]), присужден был к лишению всех особенных прав и преимуществ и отдаче в исправительное арестантское отделение на один год и шесть месяцев, с последствиями по ст. 58[1] и 58[2] улож. о наказ.

Принесенная названным осужденным на означенный приговор кассационная жалоба определением правительствующего сената 5 мая сего года оставлена была без последствий.

Михалин содержится по настоящему делу под стражею с 23 марта 1907 года, а с 5 мая сего года отбывает определенное ему наказание.

По соображении изложенного я нахожу, что Михалин впал в описанное преступление в эпоху революционного движения, когда под влиянием массовых демонстративных действий противоправительственных партий, безмерно оскорблявших патриотические чувства верных сынов отечества, раздражение последних против виновников смуты достигло крайнего напряжения и выразилось, наконец, в актах насилия над крамольниками. Посему и во внимание к предстательству за осужденного генерал-лейтенанта Гершельмана, а также в виду чистосердечного сознания осужденного, добровольно отдавшегося в руки правосудия, и понесенного уже им наказания содержанием в течение около 6 месяцев под стражею, которым он в достаточной мере искупил свою вину не только за убийство Баумана, но и за учиненную им после этого маловажную кражу, я, с своей стороны, полагал бы возможным даровать лишенному всех особенных прав и преимуществ Николаю Федотову Михалину помилование.

На приведение сего предположения в исполнение всеподданнейше испрашиваю всемилостивейшего вашего императорского величества соизволения».

На первой странице доклада сверху, с левой стороны, почерком, тождественным с почерком Николая, сделана пометка синим карандашом: «С», правее же почерком И. Г. Щегловитова написано: «высочайшая резолюция «с» (согласен). 16 сентября 1907 года. Министр юстиции Щегловитов».

Сообщила *К. В.*

[1]) Означенным приговором Михалин, признанный виновным в краже в мае 1906 года в г. Москве из сторожки дома Пасбург самовара, присужден был к заключению в тюрьме на четыре месяца.

Подвиги барона Меллер-Закомельского.

«Энергичная деятельность» барона Меллера-Закомельского не ограничивалась только «искоренением смуты и беспорядков»,— он проявил себя также и на уголовном поприще.

Приводимый ниже документ, один из докладов на высочайшее имя министра юстиции Щегловитова о помиловании, хранится в деле «Муравьевской комиссии» о привлечении к суду Меллер-Закомельского. Краткое упоминание об «утаении» 100.000 р. Меллером-Закомельским имеется в допросе Чрезвыч. Комиссией И. Г. Щегловитова 26 апр. 1917 г. (см. «Падение царского режима», по материалам Чрезвычайной Комиссии Временного Правительства, под редакцией П. Щеголева, т. II, Ленинград, 1925, стр. 413).

«Главноуправляющий собственною вашего императорского величества канцелярией по принятию прошений, на высочайшее имя приносимых, препроводил ко мне всеподданнейшее письмо члена государственного совета генерала-от-инфантерии барона Меллер-

Закомельского о прекращении возникшего о нем предварительного следствия. На означенном письме вашему величеству благоугодно было собственноручно начертать 29 декабря 1911 года: «желаю в виду его заслуг, чтобы дело о нем было прекращено».

Во исполнение высочайшей воли обязываюсь всеподданнейше доложить, что по данным возникшего в С.-Петербурге предварительного следствия, подробно изложенным в представляемой записке, генерал-от-инфантерии барон Меллер-Закомельский изобличается в присвоении 210 тысяч рублей, полученных им за продажу майората «Господарж» сверх продажной цены, показанной в купчей крепости, и подлежавших, согласно высочайше утвержденному 23 сентября 1909 года положению совета министров, внесению в неприкосновенный майоратный капитал.

Не сомневаясь в том, что судебное рассмотрение этого дела может вызвать крайне тенденциозные суждения в неблагонамеренных кругах общества в связи с энергичною деятельностью барона Меллер-Закомельского по искоренению смуты и беспорядков, я вместе с тем полагаю, что прекращение о нем уголовного дела без предварительного представления им присвоенной суммы, составляющей имущество, принадлежащее его роду, могло бы угрожать интересам последнего, возбудив нежелательные толки о даровании милости в нарушение законных интересов правопреемников барона Меллер-Закомельского (ст. 23 осн. зак.), злоупотребившего оказанною уже ему, не в пример прочим, высочайшею милостью в виде разрешения продать майоратное имение, не составлявшее его личной собственности. Кроме того, деяние, которое позволил себе барон Меллер-Закомельский, подлежит, казалось бы, обсуждению и с точки зрения соответствия такого поступка высокому служебному положению члена государственного совета, о чем, как мне передавал председатель государственного совета, статс-секретарь Акимов повергал на высочайшее вашего императорского величества благовоззрение свои ближайшие по сему предмету соображения.

Всеподданнейше докладывая об изложенном, приемлю долг испрашивать, благоугодно ли вашему императорскому величеству ныне же высочайше повелеть прекратить предварительное следствие, возникшее по поводу присвоения бароном Меллер-Закомельским части денег, полученных им при продаже майоратного имения «Господарж», с освобождением его и от казенного взыскания за утайку крепостных пошлин, или же ваше императорское величество изволите признать более соответственным отложить разрешение этого вопроса до представления бароном Меллер-Закомельским в неприкосновенный майоратный капитал присвоенной им суммы и окончательного выяснения того, может ли он сохранить свое высокое служебное положение».

На первой странице доклада сверху почерком, тождественным с несомненным почерком И. Г. Щегловитова, сделана следующая надпись: «государю императору благоугодно было в виде особой монаршей милости всемилостивейше повелеть прекратить дальнейшим производством предварительное следствие о присвоении бароном Меллер-Закомельским части денег, полученных им при продаже майоратного имения «Господарж», с освобождением его и от казенного взыскания за утайку крепостных пошлин. В Царском Селе. 20 января 1912 года. Министр юстиции статс-секретарь Щегловитов».

Сообщила *К. Вошнова*.

К истории 9 января 1905 года.

Васильевский Остров был местом, где события 9 января сложились наиболее бурно и трагически. С 4-ой линии, где помещался отдел «Собрания русских фабрично-заводских рабочих», толпа не была пропущена к Дворцовому мосту. Неподалеку от набережной ее встретили залпы пехоты. Настроение толпы быстро переменилось: стали строить баррикады.

Последовавшие события — разгром баррикад, расстрел безоружной толпы — освещаются приводимыми ниже свидетельствами самих расстреливавших. Это — «допросы воинских чинов прокурорским надзором и чинами жандармского корпуса», находящиеся в деле канцелярии спб. генерал-губернатора (4-е делопроизводство), 1905 г., № 33, л.л. 2, 3, 4, 5, ныне в 3-м отделении Юридической Секции Ленингр. Центрального Исторического Архива (архив б. мин. внутр. дел).

1.

Рапорт командира л.-г. Финляндского полка от 23 января 1905 г. № 9.

Секретно.

В штаб гвардейского корпуса.

Рапорт.

Из войск, состоявших под моей командой, вызванных для содействия гражданским властям 9 сего января, действовали оружием две роты: рота 89-го пехотного Беломорского полка под командою штабс-капитана Длужневского (одной полуротой) и 6-я сводная рота вверенного мне полка под командою капитана Ржевусского, при поручике Тихменеве и подпоручике Садовском 3, под общей командою вверенного мне полка полковника Скопинского. Полковник Скопинский и все г.г. офицеры названных рот были опрошены 13 сего января товарищем прокурора г. Миллером совместно с жандармским офицером ротмистром Мартыновым. Поручик Тихменев в настоящее время находится в отпуску. Копии с показаний, данных товарищу прокурора полковником Скопинским, капитаном Ржевусским и подпоручиком Садовским 3, при сем представляю.

Кроме того, 10 сего января были вызваны в Суворовский участок в охранное отделение полковник Тернавский, подпоручик Головкин и 6 нижних чинов и опрошены товарищем прокурора о причинах арестования студента Леонида Давыдова, о котором я доносил рапортом от 12 сего января за № 96.

Командир полка генерал-майор *Самгин.*

2.

Показание, данное полковником Скопинским товарищу прокурора г. Миллеру.

9 января 1905 года я был назначен начальником отряда из 3-х рот: 5-й и 6-й сводных рот л.-гв. Финляндского полка и одной роты 89 пех. Беломорского полка. Роты эти стояли с 9-ти часов утра около Румянцевского сквера, на набережной Васильевского Острова. Около 3-х часов дня я получил приказание от командира полка генерал-майора Самгина двинуться с двумя ротами по 4-й линии и поступить в распоряжение полицеймейстера подполковника Галле. Я назначил 6-ю сводную роту л.-гв. Финляндского полка и одну роту 89 пех. Беломорского полка и двинулся с этими ротами по 4-й линии. Полицеймейстер подполковник Галле шел рядом с ротой и, подойдя к Большому проспекту, отдал мне следующее приказание: «за Средним проспектом выстроена баррикада и занята толпой; примите самые энергичные меры, чтобы рассеять толпу и уничтожить баррикаду; дальше действуйте по вашему усмотрению». Пройдя Средний проспект, после того как стоявшая кавалерия очистила улицу, я увидал баррикаду, высотою около 1½ саж., за которой шумела большая толпа народа, и посередине был поставлен на шесте красный флаг. До баррикад шагах в 150 шло несколько рядов проволочных заграждений. Разобрав несколько рядов и подойдя к баррикаде шагов на 75, я приказал остановить роты и громко многократно предупреждал, чтобы все уходили, иначе, подав сигнал, я прикажу стрелять. В ответ на это раздавались наглая ругань и разные увещания по адресу нижних чинов; тогда я приказал подать сигнал «все». После этого сигнала я опять

предупреждал, что если не разойдутся, то после 3-го сигнала будет дан залп; но опять раздались ругань и возмутительные речи. Я приказал подать 1-й сигнал «стредять», затем 2-й сигнал «стрелять», после которого с баррикады бежало очень много народа; в это же время из дома № 35 и с балкона строющегося против него 5-этажного дома было произведено несколько выстрелов из револьверов. После 3-го сигнала «стрелять» я приказал дать залп. Перед залпом были слышны возмутительные речи из-за баррикады. После одного залпа за баррикадой было тихо, а потому я приказал поставить курок, двигаться к баррикаде и разбирать ее. За этой баррикадой я видел еще заграждения, а потому, разобрав, двинулся с ротами дальше. Так как из окон строющегося 5-этажного дома в нижних чинов бросали кирпичи, то я, оставив против этого дома полуроту 89 пех. Беломорского полка, с остальными двинулся к Малому проспекту. На Малом проспекте впереди шла полурота 89 пех. Беломорского полка, а за ней 6-я сводная рота. По Малому проспекту пришлось двигаться медленно вследствие полной темноты и часто встречаемых проволочных и других заграждений. На углу 13-й линии были слышны крики, ругань и возмутительные воззвания, и на мое предупреждение уходить всем прочь были произведены выстрелы. Подав 3 раза сигнал «стрелять», я приказал полуроте 89 пех. Беломорского полка дать залп, после которого с баррикады раздалось несколько выстрелов; тогда был дан 2-й залп. После 2-го залпа, приказав поставить курок, приказал двинуться вперед и, разобрав баррикаду, видел 2 трупа. После этого роты двигались вперед и, разбирая разные заграждения, достигли 17-й линии. Пройдя по 17-й линии до Смоленского кладбища, возвратились обратно, и на 4-й линии приказал присоединиться к своей роте оставшейся там для наблюдения за 5-этажным строющимся домом полуроте 89 пех. Беломорского полка. В ротах пострадавших нижних чинов не было. В 6-й сводной роте был ушиблен брошенным через забор поленом подпоручик Садовский 3.

Полковник л.-гв. Финляндского полка
Скопинский.

3.

Показание Садовского 3.

Находясь 13 января на кожевенной фабрике Брусницына с 6-й сводной ротой и будучи допрошен жандармским ротмистром совместно с товарищем прокурора, я дал нижеследующее показание:

9 января я находился младшим офицером в сводной роте л. гв. Финляндского полка, на которую была возложена задача снять баррикады и рассеять укрывающую[ся] за ним толпу. Баррикад было более десяти; первая вышиною до 2½ аршин; устроена она была из саней, сваленных столбов, лестниц, досок и елки, основательно переплетенных проволокою. По середине этой баррикады был водружен красный флаг, переданный потом полицеймейстеру; надписей на флаге не имелось. После долгих упрашиваний толпу разойтись полковник Скопинский приказал играть сигналы; толпа все же продолжала свистеть, кричать и громко бранить войска, и после последнего сигнала из толпы были брошены камни, и произведены выстрелы; когда последовал залп, толпа разбежалась, а на баррикаде рядом с красным флагом появился человек; когда люди направились, чтобы его взять, то из левого строющегося дома в них был пущен град камней и кирпичей. На одном из балконов этого дома находился красный флаг, а из отверстий для окон выглядывали люди, которые после настойчивых требований отошли, за исключением одного, который стоял рядом с красным флагом. На углу 12-й линии и Малого проспекта на людей, разбиравших баррикаду, была произведена попытка нападения со стороны толпы, при чем были слышны выстрелы, на которые после предупредительных сигналов последовали залпы роты 89 пех. Беломорского полка. Убитых было

двое. Отдельных личностей в толпе не заметил.

Подпоручик л.-гв. Финляндского полка *Садовский 3.*

4.

Показания Ржевусского.

13 января, находясь с ротой на заводе Брусницына в распоряжении флигель-адъютанта полковника Орлова, я был допрошен жандармским ротмистром в присутствии товарища прокурора, прибывшими с этой целью на завод. Допрос касался главным образом действий 6-й сводной (9-я и 16-я роты), которой я командовал 9 января, по уничтожению в этот день баррикад и рассеянию толпы на 4-й линии Васильевского Острова. Более подробным образом допрашивались мои личные впечатления при действии против первой баррикады, — вышина и устройство этой баррикады, сколько на ней было флагов красных, на каком расстоянии остановлена была рота для стрельбы, предупреждалась ли толпа об открытии огня и каким путем, какие камни были брошены в роту с левой стороны из строющегося дома, не заметил ли я кого-нибудь в толпе.

Описание действий дано было мною приблизительно следующее: 9 января я находился с ротой в резерве на набережной Васильевского Острова, против Румянцевского сада. Около 3-х часов дня получил приказание итти в 4-ю линию для уничтожения баррикад и рассеяния толпы; сзади шла рота Беломорского полка. Обе роты находились под начальством полковника Скопинского. Младшими офицерами в роте были поручик Тихменев и подпоручик Садовский 3. Пройдя по 4-й линии Средний проспект, я получил приказание остановить роту, что и исполнил. Шагах в 30—40 от роты оказалась баррикада вышиною в $2^1/_2$—3 аршина, составленная из срубленных телеграфных и телефонных столбов, досок, лестниц, мебели; все это было связано проволокой. За баррикадой и на тротуарах стояла толпа, шумевшая и свистевшая, но ни одного лица в толпе я не заметил и ни одного отдельного восклицания из толпы не помню. Полковник Скопинский громким голосом приглашал толпу разойтись, предупреждая, что после трех сигналов будет дан залп. Это было неоднократно повторено им, после чего дан был горнистом троекратно сигнал с большими паузами, а затем я получил приказание дать залп, что и исполнил. В виду того, что рота по причине недостающей ширины улицы не могла быть развернута и стреляла в полуротной колонне, весь сноп пуль прошел по средине улицы, толпа же отошла на тротуары, почему залпом убит был один человек только. Я его видел лежащим на мостовой с правой стороны улицы, шагах в 5-ти от тротуара; на шее у него подвязан был башлык. Затем я получил приказание подвести роту к баррикаде и разобрать последнюю. Оставив роту шагах в 3-х от баррикады, я увидел в центре ее какого-то человека, который, вылезши на баррикаду, стоял с красным флагом в руке и громко кричал,—что́ именно, я не разобрал. Я приказал ближайшим ко мне нижним чинам сбить его штыками с баррикады, при чем человек этот был заколот и упал, а флаг остался воткнутым в баррикаду. Флаг этот я приказал снять и передал полицеймейстеру подполковнику Галле. Затем приступлено было к разборке баррикады и разрыванию проволоки, которой связана была эта баррикада и затянуты были в виде путанной сети пространства между нею и всеми последующими баррикадами. Затрудняюсь восстановить в памяти момент, т.-е. после залпа или же после того, как подошли к баррикаде, когда в роту был брошен град камней с левой стороны из окон строющегося дома несколько впереди баррикады. Какие это были камни, я не видел. Выстрелов из этого дома мне не удалось услышать. Разобрав баррикаду, я повел роту к следующей, распутывая и разрывая по пути проволоку. Поровнявшись с строющимся домом, я заметил на одном из балконов человека с красным флагом. Еще далее, идя с ротой, я услышал долетевшее до меня замечание из толпы на тротуаре, что

в этом доме имеются бомбы. Опасаясь поэтому, чтобы появившийся на балконе человек с красным флагом не бросил в роту какого-нибудь метательного снаряда, я приказал одному из нижних чинов на левом фланге роты дать по нем одиночный выстрел, после чего человек исчез с балкона, а флаг остался висеть. Затем одна за другой были разобраны до 12-ти баррикад. Толпа отступала, кричала и свистела. Окриком мы требовали, чтобы в домах закрывались окна, форточки, двери и ворота. Когда завернули на Малый проспект, то совсем стемнело, фонари зажжены не были, и отдельные кучки стали смелее и наглее; приходилось упорных оттеснять прикладами. На углу Малого проспекта и 12-й линии из толпы в нас стали стрелять. Впереди моей роты в это время находилась рота 89-го пех. Беломорского полка, которой после таковых же предупреждений и сигналов со стороны полковника Скопинского, как и в предыдущем случае, приказано было дать два залпа, что и было исполнено. Как слышал, убито было при этом два человека. Двинувшись далее, мы завернули на Средний проспект, где было сделано нападение на следовавший в это время впереди эскадрон улан, в который был брошен большой кусок железа; виновные, кажется, были переловлены и задержаны. С Среднего проспекта свернули на 6-ю линию, где пришлось исследовать два двора, из которых бросали в кавалерию разные предметы. В одном дворе задержано было спрятавшихся под лестницу 2 или 3 человека, один из которых вооружен был большим напильником. Затем роты возвратились к 1-му кадетскому корпусу. При исследовании дворов на 6-й линии брошенным через забор поленом легко ушиблен был в руку подпоручик Садовский 3, нижних же чинов потерпевших не было.

Капитан гвардии *Ржевусский*.

Сообщил *Н. Лавров*.

Из бумаг Д. Ф. Трепова.

Ген.-м. Д. Ф. Трепов, поставленный с 11 января 1905 г. во главе вновь учрежденного с.-петербургского генерал-губернаторства, с первых же дней своего появления у власти становится не только диктатором столицы, но и общепризнанным вождем дворцовой камарильи, безответственным вдохновителем всех мероприятий центрального государственного аппарата по предотвращению надвигающейся революции. К своим исключительным полномочиям по должности генерал-губернатора он официально присоединяет 21 мая обязанности товарища министра внутренних дел, заведывающего полицейской частью в империи, и командира отдельного корпуса жандармов, а с 12 октября сосредоточивает в своих руках, по званию начальника гарнизона, распоряжение всеми войсками гвардии — последнего боевого резерва падающего самодержавия.

Блестящую характеристику как самого временщика, так и условий, выдвинувших его в первые ряды николаевской администрации, оставил в своих воспоминаниях гр. С. Ю. Витте, близко наблюдавший ген. Трепова именно в эту пору:

«Трепов был ставленник министра двора Фредерикса, который искренне верил, что только такой бравый конногвардеец, как Трепов, и представляет собой того человека, который может водворить дисциплину не только в действиях, но и помыслах всех русских обывателей. Сам Фредерикс по части понимания дел был совсем плох, ему трудно было усвоить не только рассуждения, но и самые простые факты. Его сотрудники его подучивали, как школьника, перед всяким всеподданнейшим докладом. Он, конечно, сам по себе не мог разобраться в том, правильны или неправильны те или другие действия и предположения Трепова, но у Фредерикса был директор канцелярии генерал свиты его величества конногвардеец Мосолов, женатый на

сестре Трепова; человек смышленный, он всегда мог убедить и внушить Фредериксу все, что Трепов желал. Помощник, ныне начальник походной канцелярии государя, князь Орлов, ближайший сотрудник императрицы, добровольный шофер автомобилей, возящих государя и государыню, милый человек, но вместе с тем ничтожный деятель во всяких делах и, несмотря на это, интимный советник или наушник в особых случаях — тоже конногвардеец. Все эти люди были на побегушках у Трепова в царских покоях. Трепов, в сущности, держал вполне государя, чуть ли не ежедневно писал ему доклады по всяким делам и давал советы как по внутренним, так и внешним событиям. Одним словом, будучи товарищем министра внутренних дел, он был в то же время диктатором; и при этом диктаторе, в сущности, и была подготовлена вся активная революция, вышедшая из берегов с сентября 1905 года» [1]).

Много раз возвращаясь на страницах своих мемуаров к вопросу о том, был ли генерал Трепов выразителем сколько-нибудь определенной политической программы, граф Витте свое хлесткое заключительное положение о совершенной «бесшабашности» диктатора в государственных делах документировал целым рядом примеров того, как в одно и то же время, по одним и тем же проблемам верховного управления (Булыгинское положение о государственной думе, автономия высшей школы, амнистия, принудительное отчуждение земельной собственности и т. д.) генерал Трепов «выражал самые противоположные воззрения и кидался в самые противоположные крайности».

Однако едва ли правильно эту разительную непоследовательность и резкие колебания в ответственнейших политических вопросах приписывать только «бесшабашности» невежественного временщика.

Появившись у «подножия трона» в один из самых критических для русского самодержавия дней, генерал Трепов определял тот или иной из своих контр-революционных маневров не в плане ясно осознанных заданий и интересов определенных социальных групп, а под давлением панических настроений деклассированной дворцовой камарильи, готовой в своей растерянности после военного разгрома в Манчжурии и определившейся угрозы гражданской войны в тылу на какие угодно политические авантюры и административные эксперименты.

Безуспешные мероприятия первых месяцев пребывания ген. Трепова у власти, направленные на ликвидацию обычными полицейскими средствами массового движения пролетариата и опасных для существующего строя уклонов радикальной общественности и печати, обнаружили очень скоро если и не полное банкротство, то необходимость, во всяком случае, коренной реорганизации всей старой охранительной системы. Интенсификация самых методов борьбы на развертывающихся внутренних фронтах требовала постепенной милитаризации всего имперского административного аппарата, усиления и перевооружения боевых кадров его на основании живого опыта и технических достижений дальневосточной кампании, наконец, закрепления стыка новых полицейских формирований с направляемыми на внутреннего врага регулярными войсковыми частями. Выигрыш времени, потребный для осуществления всех этих начинаний, приходилось обеспечивать ценою самых неожиданных компромиссов в сфере верховного управления, и в то время как за кулисами официальной политики совершалась тыловая работа организации контр-революционных сил, в ответственных выступлениях диктатора мало-по-малу отмирали идеологические предпосылки помещичье-дворянской реакции, и проявлялись с исключительной четкостью то тенденции к сближению с буржуазными группировками оппозиции, то столь же недвусмысленные попытки совершенно сломить и ее, противопоставив конституционные химеры крестьянской стихии.

[1]) Гр. С. Ю. Витте. «Воспоминания», т. I. 1923 г., стр. 286.

Ставка на крестьянство, определившаяся с особенной ясностью на известных Петергофских совещаниях 19—26 июля 1905 года [1]), была предрешена еще в первых числах мая, когда, как доказывает один из приводимых ниже документов, ген. Трепов выступил при дворе с программой некоего политического прожектера И. А. Гофштеттера, открывавшего в своих фантастических построениях как раз те перспективы закрепления «исторических корней» самодержавия на новом фундаменте, поиски которого обусловливали всю невыдержанность линии поведения дворцовой камарильи в годы первой революции.

Правда, требование «широкой земельной реформы», проведением которой гарантировалась бы поддержка царя «стомиллионным крестьянством», вносило серьезный диссонанс в Гофштеттеровскую идиллию, но грозное предостережение, что «русская монархия или будет глубоко и сознательно демократической, или же через каких-нибудь десять лет никакой монархии в России не будет», отнюдь не представлялось диктатору пустым звуком и, развертывая ряд дотоле ему совершенно чуждых проблем социально-экономического порядка, необычайно осложняло систему дальнейшего руководства им государственного корабля.

Перевод расшатанного самодержавия на новые рельсы оказывался несравненно более тяжелой задачей, чем боевая организация государственной охраны и когда революционный шквал октябрьских дней положил предел всем реформистским экспериментам ген. Трепова, лозунг одного из последних его приказов — «патронов не жалеть» — официально прокламировал возвращение временщика к исходным точкам его незавершенного политического развития.

Документальный материал, непосредственно отражающий исключительную роль ген. Трепова и в официальной системе управления, и в тайных комбинациях верховной власти, до сих пор не являлся еще объектом систематического обследования [1]), почти вовсе не представлен в печати [2]) и в основной своей части едва ли вообще дошел до нашего времени. Тем больший интерес и значение представляют фрагменты служебной и частной переписки диктатора, сохранившиеся в архиве с.-петербургского генерал-губернатор.

---

[1]) Секретные протоколы Петергофских совещаний опубликованы в «Голосе Минувшего», 1917 г., кн. 4. Наметившийся отрыв верховной власти, терроризированной призраком революции, от позиций «благородного российского дворянства» с большой тревогой фиксируется в речах гр. А. А. Голенищева-Кутузова, А. С. Стишинского, А. А. Нарышкина, гр. А. П. Игнатьева, В. Н. Коковцова и др. (См. стр. 142, 184—185, 196, 236—237). Чрезвычайно характерны желчные выпады здесь же вел. кн. Владимира Александровича по адресу первенствующего сословия и явное сочувствие этим выпадам Николая II.

[1]) Диктатуре ген. Трепова в 1905 г. посвящено несколько страниц в статье Ф. Дана, располагавшего, к сожалению, лишь скудным печатным материалом по интересующему нас вопросу («Общая политика правительства и изменения в государственной организации в период 1905—1907 г.г.» в издании «Общественные движения в России в начале XX-го века», т. IV, ч. 1-я. СПБ, 1911, стр. 285—286, 312—313; 337—338; 340—342; 347) и беглый обзор Д. Хохлова «Д. Трепов в борьбе с общественностью» («Русское Прошлое», 1923 г., кн. 4, 42—54).

[2]) Из бумаг ген. Трепова опубликована только переписка, относящаяся «к истории манифеста 17 окт. 1905 г.» («Былое», 1919 г., № 14, стр. 110—114), «отпуска» рапортов на высочайшее имя с 13 янв. по 15 февр. 1905 г. о положении на Петербургских фабриках и заводах («Труд в России», 1925 г., кн. I, стр. 180—190) и некоторые распоряжения «по вопросу о порядке печатания статей и известий о стачках и забастовках» (там же, стр. 190—191, и в «Каторге и ссылке», 1925 г., кн. 3 (16), стр. 238—239).

Ни ведомственные, ни территориальные рамки не являются, однако, определяющими для состава материала только что обозначенного нами фонда.

В конфеденциальных представлениях императору Николаю, в предписаниях А. Г. Булыгину, в обращениях к С. Ю. Витте и вел. кн. Владимиру Александровичу, в письмах и рапортах В. А. Дедюлина, И. А. Гофштеттера, полковника Г. Я. Мина, адмирала Барташевича и др. — обнажается подоплека и важнейших государственных актов, и случайных административных мероприятий, осуществлявшихся временщиком в обстановке прогрессирующего развала старого аппарата власти.

Безапелляционное вмешательство ген. Трепова во все сферы управления—будь то обоснование тех или иных форм народного представительства, введение новых запретительных индексов в законодательство о печати или боевые действия войск на улицах столицы — резко выявляется едва ли не в каждой из вновь публикуемых его бумаг, вся серия которых охватывает памятный в летописях русской революции период с начала января по конец октября 1905 года.

Ю. Оксман,

1.

Письмо Трепова Булыгину от 28 января 1905 г. № 48.

Милостивый государь,

Александр Григорьевич.

Принимая во внимание, что в настоящее время на фабриках и заводах г. С.-Петербурга среди рабочих вновь началось движение в пользу стачек и забастовок, а в столичных газетах продолжают появляться статьи и заметки, имеющие характер зажигательный и полемический по рабочему вопросу, я вынужден обратиться к вашему превосходительству с покорнейшей просьбой о немедленном издании циркуляра г.г. редакторам периодических изданий — не помещать впредь подобных статей и заметок, не допуская вместе с тем никаких суждений и перепечаток из газет провинциальных и заграничных по рабочему вопросу.

При настоящем письме имею честь приложить газеты от 28 янв. с. г. с отмеченными статьями: «Наша Жизнь» № 73, «Русь» № 21 и «Наши Дни» № 31.

Прошу принять, ваше высокопревосходительство, уверения в полном моем почтении и совершенной преданности.

(Подпись).

2.

Письмо Трепова Булыгину от 27 февраля 1905 г. № 278.

Милостивый государь,

Александр Григорьевич.

Ежедневно из периодической печати я усматриваю, что на страницах газет и журналов продолжают печататься крайне возбуждающие статьи и заметки о забастовках как рабочих на наших фабриках и заводах, так и вообще разных лиц труда (конторщиков, приказчиков, артельщиков, кондукторов, извозчиков и т. п.) и о прекращении занятий учащими и учащимися учебных заведений, а равно и о беспорядках среди крестьянского населения и об убийствах и покушениях на убийство чинов полиции.

Принимая во внимание тревожное и беспокойное состояние общества в настоящее время, я вынужден покорнейше просить ваше высокопревосходительство об издании нового циркуляра редакторам газет и журналов, безусловно запрещающего печатать сведения и рассуждения о всякого рода забастовках и петициях упомянутых выше лиц, а также о беспорядках среди крестьян и об убийствах и покушениях на убийство чинов полиции.

Прошу, ваше высокопревосходительство, принять уверение в полном моем почтении и совершенной преданности. Февраля 27 1905 г. № 278.

(Подпись).

3,

Приказ Трепова от 5 апреля 1905 г. № 903.

С.-петербургскому градоначальнику.

Препровождая при сем две вырезки из газеты «Сын Отечества» от 3-го сего апреля № 40, прошу ваше превосходительство принять надлежащие меры к недопущению постановки пьесы М. Горького «Дети солнца», предположенную к постановке в драматическом театре В. Ф. Комиссаржевской. Вместе с тем прошу вас поставить в известность В. Ф. Комиссаржевскую, что готовящееся подношение ей адреса от имени студенчества ни коим образом не должно быть публичным, так как в противном случае деятельность ее драматического театра будет прекращена.

Генерал-губернатор свиты его величества генерал-майор *Трепов*.

Директор канцелярии *Веймарн*.

4.

Записка И. Я. Гофштеттера, представленная Николаю II ген. Треповым 8 мая 1905 г.

Ваше императорское величество.

Горестные неудачи нашего оружия на Дальнем Востоке, бесславное поражение флота, сдача Порт-Артура, разгром армии под Мукденом — все это выяснило русским людям полную несостоятельность бюрократической системы правления [1]). Всесильное и бесконтрольное чиновничество оказалось неспособным ни предотвратить войну, ни повести ее победоносно. Народ увидел миллиарды, употребленные на военную оборону, растраченными и отчасти расхищенными, а свою страну беззащитной даже с Востока, не говоря уже о тех опасностях, которые угрожают ей с Запада. Естественным и неизбежным последствием всего этого явилось глубокое недовольство правительством. Мягкая и поощрительная политика кн. Святополк-Мирского дала полный простор для выражения оппозиционных течений, чрезвычайно усилившихся после целого ряда разрешенных банкетов, съездов, оглашенных во всеобщее сведение противоправительственных резолюций и т. п. С 9 января оппозиционное движение захватило, кроме интеллигентных кружков, несравненно более многочисленную среду фабричных рабочих, усилилось общей забастовкой всех высших и многих средних учебных заведений и широко распространилось в провинции. С другой стороны, либеральные антимонархические манифестации успели вызвать в низших слоях городского населения, особенно же среди крестьян, глухое брожение, постоянно угрожающее разразиться кровавыми избиениями интеллигенции [1]). Антагонизм общества с правительством осложнился инстинктивным недоверием монархически настроенного народа к обществу. Чем публичнее выражается борьба интеллигенции с властью, тем острее становится глухая ненависть к интеллигенции народа. По этому пути внутреннего хаоса Россия идет к кровавым революциям, к слепой пугачевщине, к уничтожению культурного класса, к жестоким экзекуциям над озверелой толпой,— словом, к неизбежной гибели и распадению. У нее не остается ничего, что необходимо для правильной и спокойной национально-государственной жизни: ни сильной [2]) власти, ни влиятельных общественных организаций, ни руководящей идеи, которая могла бы примирить всех. Правительство расша-

[1]) При представлении записки И. А. Гофштеттера Николаю ген. Треповым сделаны были в тексте ее характерные исправления. Так, в первой фразе слова «горестные», «бесславное», «полную» — устранены; вместо «разгром» поставлено «отступление».

[1]) Во фразе этой слово «либеральные» ген. Треповым устранено; вместо «успели вызвать» поставлено «вызвали».

[2]) Между «ни» и «сильной» вставлено «достаточно».

тано и безавторитетно [1]), общество подавлено и не имеет нравственной опоры в стране, народ темен и лишен руководительства. Мы приближаемся к высшей точке кризиса, за которою должно следовать или окончательное разрушение [2]), или возрождение России. Путь к возрождению — действительное восстановление русской государственности на ее исторических основах, предначертанное высочайшими актами 18 февраля. Он уже указан, но высокие замыслы правительства пока еще не выходят из области благих намерений, они все еще не успели воплотиться в великие исторические деяния. Для того, чтобы общество поверило власти, для того, чтобы власть окрепла в сознании сочувствия стомиллионного народа, для того, чтобы народ успокоился в твердой уверенности государственной охраны своих интересов, нужно, чтобы созидательная программа правительства была намечена более определенно и проведена более энергично. Поверьте, государь, что ваша опора только в народе. Один народ, руководствующийся в политической жизни мистически-религиозными началами, искренно всем сердцем признает святыню самодержавия, которую не признают ни высшие интеллигентные классы, ни сама служащая вам интеллигентная бюрократия, поскольку их политические идеалы слагаются под господствующим влиянием позитивных методов познания. Основная причина всей современной смуты и расслабленности власти — в глубоком, исторически сложившемся, разобщении самодержавия с его живыми основами, которыми остаются только любовь и вера народа. Но нельзя забывать, что народная любовь — это долгосрочный вексель, требующий, если не погашения, то по крайней мере периодической уплаты процентов. Неоправданная фактами, она охладевает. Без доказательств верховной заботы царя о благе крестьянства вера последнего начинает колебаться, как устаревший предрассудок, рассеиваемый опытом жизни.

В настоящее время русский народ в своей преданности монарху живет только воспоминаниями об освобождении крестьян. Необъятно велик капитал народной любви, завещанный преемникам вашим венценосным дедом, но все же это великое наследие следует не растрачивать до конца, а [1]) сохранять и приумножать. Между тем вся наша внутренняя и внешняя политика последних десятилетий, особенно в области финансов и промышленности, была направлена не в интересах народа, а против них. Высасывая из народа ежегодно по два миллиарда, государство ничего почти не делало для укрепления крестьянского хозяйства, для развития мелкой промышленности, для распространения знаний и просвещения в народе. В результате получилось чуть не поголовное разорение и обнищание деревенской России. Миллионы крестьян числятся в разрядах безлошадных, безземельных и бездомных. От бескормицы мужик вырождается и нравственно, и физически. Сила русская оскудевает в своих источниках. Самодержавие должно вспомнить о заветах служения народу и [2]) всецело опереться на народ. Нельзя царствовать над пустынями, не сладко управлять толпами темных и вырождающихся рабов [3]). Государь, скорее призовите своих подданных к сознательной, человеческой и гражданской жизни. Дайте верующим в вас говорить перед вами о своих нуждах, будьте истинным защитником и заступником народа. Спешите, государь, потому что только тогда, когда истинные представители многострадальной русской деревни получат доступ к трону, возникнет возможность вполне и до конца осуществить высокое призвание самодержца. Не дайте себя

---

[1]) Вместо «Правительство расшатано и безавторитетно» поставлено «Власть правительства поколеблена».

[2]) Вместо «разрушение» поставлено «падение».

[1]) Пять слов между «следует» и «сохранять» исключены.

[2]) Все слова между «должно» и «всецело» исключены.

[3]) Вся эта фраза исключена.

обмануть принципиальным врагам монархического государственного строя, высшим классам интеллигенции и бюрократии, желающей оттереть [1]) крестьян от участия в будущих выборах и под видом «народного» представительства захватить господство над страной. Ваши предки были возведены на престол доверием русского народа, и передача власти над ним высшим классам, способным преследовать свои собственные, а не государственные интересы, будет прямым нарушением доверия [2]). Власть, полученная от народа, если бремя ее тяготит вас, может быть возвращена обратно только самому народу, передача же ее в руки космополитической, антинациональной интеллигенции, в значительной степени ставшей слепым орудием политических домогательств организованной еврейской плутократии, будет актом беспримерного в истории предательства [3]). Если в земский собор представители крестьянства войдут в таком же подавляющем большинстве, какое оно занимает среди населения империи, всякое антимонархическое движение будет подавлено в самом зародыше. Непримиримая теперь, интеллигенция признает себя вынужденною покорно склониться перед ясно выраженною волею народа и направить свою энергию не на разрушительную борьбу, а на благо страны, и все бурные общественные силы вольются тогда в свое естественное историческое русло.

В единогласном признании своей власти свободно избранными представителями народа правительство почерпнет тот нравственный авторитет, которого ему так мучительно недостает в последнее время [4]). Всякие уступки оппозиционным требованиям интеллигентного класса при тайном [5]) сочувствии и содействии самой бюрократии не укрепят этого авторитета, но еще более [1]) расшатают его. Власть должна быть сильной, но не исключительно страхом физических репрессий, а вместе с тем и нравственным доверием населения. Сила монарха в правде его служения. Когда эта правда затмевается, теряется народная вера в нее, рушатся троны, гибнут династии [2]). Тайна жизненности правительств — в деятельной и плодотворной работе для народного благоустройства. Граждане поддерживают и защищают только тот государственный строй, в котором видят залог национального счастия. В любви народа и в любви к народу — самая основа бытия самодержавия. Не будучи пророком, можно смело с полной уверенностью предсказать, что русская монархия или будет глубоко и сознательно демократической, или же через каких-нибудь 10 лет никакой монархии в России не будет. Она или окончательно [3]) утратит свой исторический престиж в глазах стомиллионного крестьянства, слепою верою которого держится наперекор ожесточенному противодействию высших интеллигентных классов, или же обновит этот уже колеблющийся престиж новым крупным актом самоотверженного служения народу, достойным стать в народной памяти на один уровень с незабвенным днем 19 февраля 1861 года. Таким актом может быть только созыв истинных представителей народа в земский собор и проведение с их участием широкой земельной реформы в интересах не отдельных сословий и классов, а в интересах всей России, как целого. Только такими мерами можно в настоящее время спасти династию от гибели [4]), Россию — от кровавой смуты, интеллигенцию—от поголовного истребления, а русскую нацию — от окончательного политического разложения.

---

[1]) Вместо «оттереть» поставлено «отстранить».

[2]) Вся фраза исключена.

[3]) Вся фраза исключена.

[4]) Вместо «которого ему... время», поставлено «который ему необходим».

[5]) Слово «тайном» вычеркнуто.

---

[1]) Слова «еще более» вычеркнуты.

[2]) Вся эта фраза исключена.

[3]) Слово «окончательно» вычеркнуто.

[4]) Слова «династию от гибели» вычеркнуты.

5.

Доклад Трепова Булыгину от 13 мая 1905 г. № 1546.

Министру внутренних дел.

Циркуляром главного управления по делам печати от 15 апреля с. г. за № 4459 редакциям периодических изданий предложено доставлять в мою канцелярию на разрешение все статьи, заметки и известия, касающиеся стачек и беспорядков на наших фабриках и заводах, а равно о других нарушениях скопом общественного порядка и спокойствия, могущие, согласно циркуляра главного управления по делам печати от 12 января с. г. за № 400, быть помещенными в периодических изданиях не иначе как с разрешения высшей полицейской власти.

Между тем, как выяснилось в настоящее время, далеко не все газеты представляют на разрешение вышеуказанные статьи и заметки, в виду чего неоднократно имели место случаи, когда присланная какой-либо газетой и запрещенная мною к печатанию заметка тем не менее появлялась в других газетах, не присылавших этих заметок в мою канцелярию на разрешение. Так, например, препровождаемые при сем заметки из газет «Биржевые Ведомости», «Рассвет» и «Наша Жизнь», будучи присланы на разрешение лишь газетою «Русь», не были мною допущены к печатанию и хотя в названной газете не появились, но, как видно из прилагаемых вырезок, были помещены в газетах, поименованных выше.

Признавая, что циркулярные распоряжения главного управления по делам печати должны были бы быть в точности исполняемы органами печати, между тем указанное выше отношение редакций периодических изданий к издаваемым циркулярам совершенно уничтожает всякое значение последних, имею честь обратиться к вашему высокопревосходительству с покорнейшей просьбою, не признаете ли вы возможным сделать зависящее распоряжение о том, чтобы редакциям периодических изданий было предложено с большею строгостью относиться к издаваемым главным управлением по делам печати циркулярным распоряжениям.

Генерал-губернатор
свиты его величества генерал-майор

Трепов.

Директор канцелярии *Веймарн.*

6.

Телеграмма Николая II на имя Трепова от 12 октября 1905 г.

С.-петербургскому генерал-губернатору.

Петербург из Петергофа Александрии. Высочайшая 12. 12.20 дня.

Подчиняю вам все войска, расположенные в Петербурге, и поручаю разделить город на участки, возложить на старших военных начальников ответственность за полное спокойствие и порядок в вверенных им участках столицы, не допуская никаких незаконных сборищ. Настоящее повеление мое сообщите начальнику штаба округа.

Николай.

7.

Всеподданнейший рапорт Трепова от 12 октября 1905 г.

Его императорскому величеству
с.-петербургского генерал-губернатора.

Рапорт.

Во исполнение высочайшего вашего императорского величества повеления от сего числа всеподданнейше доношу, что я вступил в начальствование войсками петербургского гарнизона и все распоряжения по разделению города на районы и охранению в них порядка мною сделаны.

(Подпись)

12 октября 1905 года.

8.

Диспозиция войсковых частей, занимавших улицы столицы.

17 октября 1905 г.

1-е отделение.

Св. его величества генерал-майор Озеров.

(Границы: р. Нева, Гороховая, р. Фонтанка, Забалканский, Обводн. кан., Лиговка, Потемкин.)

Л. гв. Преображ. полк . . .	1 бат.
» Семеновск. » . . .	4 »
» Павловск. » . . .	4 »
90 пех. Онежск. » . . .	1/2 »
93 » Иркутск. » . . .	1/2 »
Кавалерг. ее вел. » . . .	2 эск.
Л. гв. гусар. его вел. . . .	1 »
Л. гв. уральск. е. в. сотня	1 сот.
Пулеметной роты	2 пул.

всего: 10 бат., 3 эск., 1 сот. 2 пул.

Всего в наряде: 4 бат., 2 эск. 1 сот. 1 пул.

Остается (вместе с внутренним нарядом): 6 бат., 1 эск., 1 пулем., которые расположены:

в Преображ. полку . .	2 1/2 роты
» Семеновск. » . .	9 »
» Павловск »	12 1/2 р. и 1 пулемет
» Михайл. манеж . . .	1/2 роты
» манеж Мрам. двор . .	1 эск.

1-й район.

Дума	1/2 роты
Государств. банк . . .	1 1/2 »
Д. мин. внутр. дел . .	1/2 »
Сберегат. касса	1/2 »
Аничков дворец	1 »
Гостиный двор . . 1 и	1 сотня.
Сенная площадь	1 »
Электрич. станция . . .	1/2 »
Ямской рынок	1/2 »
Казанская ул. 3. . . .	1/2 эск.
Семеновский манеж . .	1/2 »

2-й район.

Д. мин. вн. дел и деп. пол.	1/2 р.
Главн. казначейство	1/2 »
Д. градоначальника	1/2 р.
Зимний дворец . . . 1 р. и	1 эск.
Дворцы вел. князей (Милл.)	1 »
Пантелеймон. рынок . . .	1/2 »
Круглый рынок	1/2 »
Д. предвар. заключения . .	1/2 »
Телеф. станция на Морской .	1/2 »
» » на Конюш.	1/2 »
Двор. в. к. Николая Никол.	1/4 »
Придворная аптека	1/4 »

Кроме того: на Царск. ж. д. 2 » в отряде, команд. в Лесной,—1 пул. и по особому наряду, от артиллерии, караул (1 взв.) в окружный суд.

Остальные, за вычетом внутреннего наряда, на готове в местах расквартирования.

2-е отделение.

Генерал-лейтенант Дубенский.
(Границы: р. Нева, Гороховая ул., р. Фонтанка, Забалканский пр.)

Л. гв. Измаловск. полка . .	4 бат.
» Егерского » . .	4 »
» Стрелкового » . .	1 »
Гвардейского экипажа . . .	1/4 »
90 пех. Онежского полка . .	1 1/2 »
93 » Иркутского » . . .	1 »
(Л. гв. Конного полка . . .	2 эск.)
» Кирас. его вел. полка .	2 »
» Гусарск. его вел. . .	1 »
Донского казачьего	4 сотни
Пулеметной роты	2 пулем.

Всего: 11 3/4 бат., 5 эск., 4 сот., 2п.

Всего в наряде: 5 1/4 бат., 1 1/4 эск., 4 сотни.

Остается (вместе с внутренним нарядом) 6 1/2 бат., 3 3/4 эск., 2 пулем. которые расположены:

в Измайл. полку . .	12 р. и 2 пулем.
» Егерском	12 р.
» Стрелк.	1/2 р.
» Гвард. экипаж .	1/2 р.
» Конном полку	3 1/4 эск.
» 1-й артилл. бригаде . . .	1/2 эск.

Из них: 2 эск. в Конном полку составляют общий резерв всех отделений.

1-й район.

Офицерская ул. 39 . . . . 1 рота
Почтамт . . . . . 1 »
4-й уч. Спасской части . . ½ »
Мин. путей сообщения . . ½ »
Губерн. казначейство . . . 1 »
Д. генер. губернатора . . . ½ »
Галерный Остров . . . . . ½ »
Дворцы вел. князей Ал.Ал. и Мих. Ал. . . . . ½ »
Дворец В. К. Петр. Ник. . ½ »
Казармы Стрелк. полка 2 р. и ½ эск.
Завод Бекмана . . . . . ¼ »
Фабрика Ландрина . . . . ¼ »
» Бормана . . . . . ½ »
Кавалерийск. училище . . . ¼ »
2-й уч. Коломенск. части . . ¼ »

2-й район.

Балтийский вокзал . . . . 3 роты
Варшавский вокзал . . . 3 »
Измайловский полк . . . 2 »
Завод механ. обуви . . . 1¼ эск.
3-й уч. Нарвской части . . ½ роты
Винный склад № 4 . . . . ½ »
Новый порт . . . . . 2 »
Путиловский завод . . . . 1 »
Завод Кенига . . . . . 1 сотня
Казармы 2-й артилл. бриг. 1 »
Кавалерийск. училище . . 1 »

Кроме того: по особому наряду, от артилерии, караулы (по 1 взводу) в губерн. правление и сенат.

Остальные, за вычетом внутреннего наряда, наготове в местах расквартирования.

3-е отделение.

Генерал-майор Ширма.

(Границы: р. Нева, Потемкинская ул., Лиговка, Обводный кан., Забалк. пр. Кроме того: Охта и Полюстрово.)

Л. гв. Преображ полка . . . 3 бат.
Саперный батал. . . . . 1 »
18-й саперный батал. . . . . 1 »
198-й пех. Алекс. Невс. п. . 1¾ »
89 пех. Беломор. полка . . . 1 »
91 пех Двинскогополка . . . ½ »
93 пех. Иркутск. . . . . ½ »
96 пех. Омского . . . . . 2 »
Л. гв. Казачьего его вел. п. 4 сотн.
Л. гв. Атаман. е. в. г. н. ц. п. 4 сотн.
» Гусарского его вел. 2 эск.
Пулеметной роты . . . . . 2 пул.

всего: 10¾ бат., 2 эск., 8 сот., 2 пулем.

Всего в наряде: 5¾ бат., 2¾ сот.

Остается (вместе с внутренним нарядом) 5 бат., 2 эск., 5¼ сот. и 2 пулемета). которые расположены:

в Преображ. полку . . . . . 8 р.
» Гв. саперн. бат. . . . . 1½ »
» 18 саперн. бат. . . . . 3 »
» 198 Ал. Невск. п. . . . . 3½ »
» Стеклян. театр. . . . . 4 »
» Л. Казач. казармах . . . 2¼ с. и 2 пулемета.
в Атаман. полку . . . . . 2¾ с.
» Кавалерг. . . . . 2 эск.

1-й район.

Электр. ст. (Новг. 12) . . ½ роты
Электр. ст. (Обвод. 76) . . ½ »
Газовый зав. (Обвод. 74) . ½ »
Газовый зав. (Обвод. 94) . ½ »
Новокамен. мост . . . . 1 »
Водопровод (Шпалер.) . . 1½ »
Таврический дворец . . . ½ »
Алекс. Невск. часть . 1½ и ¼ »
Арестн. дом (Каз. пл.) . . ½ »
3-й уч. Ал. Нев. и зав. Регулятор 1 с.
Николаевск. вокзал и ж. д. . . 6 »

2-й район.

Шлиссельб. пр. 99 . . . 1 р. и ½ с.
Фабрика Паля . . . . ½ »
Завод Наумана . . . . ½ »
Невск. стеар. завод . . » ½
Спасо-Петр. мануф. . . ½ »
Алекс. механ. завод . . 1 »
Фабрика Торнтона . . ½ »
Обуховский завод . . . 1 » и ½
Рожк. прод. маг. и карт. фабр. 1 р.

3-й район.

Упр. Охтенск. уч. . . . . 1 р.
Пороховые заводы . . . . . 2 »

Кроме того: по ½ р. от саперных батальонов на главном телеграфе.

Остальные, за вычетом внутреннего наряда, наготове в местах расквартирования.

4-е отделение.

Генерал-майор Троцкий.

Васильевская часть.

Л. гв. Финлянд. полка . . . . 4 бат.
91 пех Двинск . . . . . 1/4 »
94 пех. Енисейск. . . . . 1/4 »
Л. гв. Конного . . . . . 2 эск.
Л. гв. Кирас. его вел. . . . . 1 »
Донск. казачьего . . . . . 1 сот.
Пулеметной роты . . . . . 2 пул.

всего: 4 1/2 бат., 3 эск., 1 сот. 2 пул.

Всего в наряде: 1 3/4 бат., 2 эск., 1 сот.

Остается: 2 3/4 бат., 1 эск., 2 пулем.

Петербургская часть.

Л. гв. Гренад. полка . . . . 4 бат.
Л. гв. Стрелк. полка . . . . . 1 »
91 пех. Двинск. . . . . 1 »
94 пех. Енисейск. . . . . 1/2 »
Донск. казачьего . . . . . 2 сот.

всего: 6 1/2 бат., 2 сотни.

Всего в наряде: 3 бат., 1/2 сот.

Остается: 3 1/2 бат., 1/2 сот.

Выборгская часть и Лесной уч.

Л. гв. Московск. полка . . . 4 бат.
91 пех. Двинск полка . . . 1/4 »
94 пех. Енисейск. полка . . . 1/4 »
Кавалерг. ее вел. . . . . 2 эск.
Д. гв. гусар. его вел. . . . . 1 »
Лонск. казачьего . . . . . 1 сот.

всего: 4 1/2 бат., 3 эск., 1 сотня.

Всего в наряде: 1 3/4 бат., 3 эск., 1 сот.

Остается: 2 3/4 бат.

Во всем отделении:

В наряде: 6 1/2 бат., 5 эск., 2 1/2 сот.

Остается (вместе с внутренним нарядом): 9 бат., 1 эск. 1 1/2 сот. 2 пулем., которые расположены: в Финлянд. полку—2 3/4 бат., 2 пулем., в Гренадер—2 3/4 бат., в Стрелков. 3/4 бат., в Москов.—2 3/4 бат., в Конном 1 эск., на Петровск. острове—1 1/2 сотни.

1-й район.

Суворовский уч . . . 1 р. и 1 эск.
1-й уч. Васил. части (Бол. пр.) . . . . . 1 » 1/4 »
2-й уч. Васил. части (5 л. 67) . . . . . 2 р. 1/4 эск.
Манеж 1 кад. корпуса 1/2 »
Биржа (казначейство) . 1/2 »
Электр. ст. Смирнова. 1 »
Газовый завод . . . 1/2 »
Завод Брусницына . . 1 с.
Трубочный завод . . 1 »
Фабрика Шафа . . . 1/4 »

2-й район.

Павловск. училище 1 р. и 1/2 с.
Петербург. часть . . 1 »
Аквариум . . . . . 1 »
Народный Дом . . . 1 »
Ватный Остров . . . 1 »
Песочная ул., д. 26 1/2 »
Газовый завод . . . 1/2 »
Водокачка . . . . . 1/2 »
Лахтинская, ул. 7 . 1/2 »
Лангензип. Камен. 11 1 »

3-й район.

Фельдшерск. школа . . 2 »
Михайл. артилл. уч. . 1 » и 1 эск.
Арсенал и водокачка . 1 »
Арсенал (снаряж. отд.). 1 »
Тимоф. ул. д. Огородник 1 »
Финляндский вокзал . 1 »
Завод Кенига . . . . » 1 эск.

Кроме того: особый отряд в Лесном в составе 1 б. грен. п. 1 эск. гусар и 1 с. казаков (при 1 пулемете из войск 1-го отделения).

Остальные, за вычетом внутреннего наряда, наготове в местах расквартирования.

9,

Рапорт командира 1-й бр. 1-й гвард. пех. дивизии от 20 октября 1906 г. № 35.

Спешно.

С.-петербургскому генерал-губернатору.

Рапорт.

18-го сего октября, как следствие арестования накануне, в ночь, студентов Технологического института, полицией было заявлено предположение о том, что противники их арестованию

явятся на другой день перед институтом с целью демонстрации и даже выручки и освобождения арестованных. Это обстоятельство ставило необходимостью принять меры охранения, для чего мною были наряжены туда 3 роты лейб-гвардии Семеновского полка под командою капитана Левстрема. Во втором часу было получено донесение от капитана Левстрема, что положение становится более угрожающее, так как ораторы на площади объявляли толпе, что через два часа прибудут на площадь рабочие на митинг. По моему требованию был вызван из резерва эскадрон конной гвардии, который поступил в распоряжение капитана Левстрема. Эскадрон этот вначале не допускал скопления, высылая по приказанию капитана Левстрема незначительные, по 5 человек, разъезды, но когда это оказалось недействительной мерой и даже опасною в том отношении, что могли разъединить всадников и этим лишить силы сомкнутого строя, корнет Фролов, временно командовавший эскадроном, собрал разъезды и после предупреждения толпы словами и сигналами произвел атаку. Единственно, что может быть поставлено в упрек, — это заворот на Загородный с Забалканского, что совершенно не могло быть ожидаемо стоявшей там толпой. Последствием этого было временное очищение площади, но затем толпа опять собралась и принимала угрожающее положение. Что касается числа жертв, то полициею об этом мне не сообщено. В виду этого было мною приказано командующему лейб-гвардии Семеновским полком отправить к Технологическому институту несколько рот, чтобы не допустить насилий. Было отправлено 2½ роты под командою полковника фон-Эттера, которому было дано приказание заградить улицы: Забалканский со стороны Московской заставы и Обуховского моста, 1-й роты Измайловского полка и Загородного проспекта со стороны Введенского моста. Эта мера дала возможность разъединить толпу; тем не менее около 3-х часов дня я получил сведение от капитана Левстрема по телефону, что громадная толпа двигается от Невского проспекта к Технологическому институту с целью выручить студентов арестованных; и действительно, вскоре было сообщено приставом 3-го участка Московской части, что двигается от указанного выше пункта громадная толпа народа, несколько тысяч, с красными флагами, распевающая марсельезу. Считая необходимым не допустить эту толпу к соединению с толпой у Технологического и дать ей отрезать казармы от той полуроты, которая стояла на Загородном проспекте на высоте Броницкой улицы, я приказал запросить господина С.-петербургского градоначальника по телефону, на что получен ответ: соединению воспрепятствовать во что бы то ни стало, а потому приказано было роте заградить путь на высоте Егерского переулка, для охранения же казарм, которые оставались без охраны, была направлена через двор в Беговой переулок ½ рота 12 роты. Положение ее еще тем было выгодно, что выстрелы ее могли быть направлены только на передние ряды и пули затем задерживались уже стеной зданий Московской части и домов другого угла. Такое направление выстрела, производя моральное потрясение на толпу, вместе с тему уменьшило количество жертв. Кавалерии в распоряжении в этот момент не было, чинов полиции также. За 150 шагов был подан сигнал горнистом, затем еще два сигнала с редкими перерывами, и так как толпа не сворачивала на Гороховую улицу, а все подвигалась, то были произведены одиночные выстрелы из полуроты 12 роты, занимавшей Беговой переулок.

В одного агитатора, сидевшего на уличном фонаре с красным флагом и разбрасывавшего прокламации, был направлен выстрел, пуля, как оказалось впоследствии, попала этому мужчине в голову и убила его наповал. Из представленного протокола пристава 3-го участка Московской части видно, что убит один (агитатор) и пять человек ранено.

После этих выстрелов толпа повернула на Гороховую улицу, бежала бегом и повернула назад.

В то время, когда командующий полком распоряжался ротами на углу Егерского переулка, к нему подошел генерал-майор Шмаков сказать, что каждую минуту надо ждать прибытия на вокзал поезда с рабочими; затем он тут же подошел ко мне, и я ему сообщил, что я имею сведения, что в поезде находятся только депутаты от рабочих и что на всякий случай уже приняты меры. Когда генерал, уходя на Царскосельский вокзал, отошел от меня шагов 10, идущий по тротуару студент, оказавшийся Смирновым, нанес резаную рану в правую щеку близ глаза генералу, который был сейчас же отвезен в полковой лазарет, где был перевязан полковым врачом и где оставался до утра следующего дня. Фельдфебель 6-й роты л.-гв. Семеновского полка Захар Матвеенко, ударил студента шашкою с такой силой, что перерубил студенту Смирнову плечо, и жандармский унтер-офицер отрубил ему шашкою два пальца. Поранение настолько серьезно, что жизнь студента в опасности.

В это же время около решетки несколько впереди роты, заграждавшей улицу, был задержан студент Технологического института Никита Косабов (Косабианц), не подчинявшийся требованию остановиться; при обыске его был найден заряженный револьвер с тремя боевыми патронами, что дает основание думать, что они не особенно богаты патронами, два кошелька, в одном 1 руб. 40 коп., а в другом 5 рублей, золотые дамские часы и 4 ключа.

Генерал-майор *Лангоф*.

10.

Рапорт начальника СПБ гарнизона от 21 октября 1905 г. № 4002.

Его императорскому высочеству главнокомандующему войсками гвардии и петербургского военного округа.

Рапорт.

Доношу вашему императорскому высочеству, что 16 сего октября около 4½ часов пополудни во дворе Крюковских казарм был произведен беспорядок нижними чинами квартирующих в этих казармах 14 и 18 флотских экипажей.

Младший флагман командующий сводным отрядом флотских экипажей в С.-Петербурге контр-адмирал Барташевич донес мне об этом с представлением данных, добытых произведенным по его приказанию предварительным дознанием.

Из показаний принимавших участие в прекращении этих беспорядков командира 18 флотского экипажа флигель-адъютанта капитана I ранга Дабича, вр. и. д. флагъ-офицера по адмиралтейству полковника Самойлова и дежурного по Крюковским казармам офицера мичмана Зубова, а также и из показаний бывших в наряде должностных нижних чинов, фельдфебелей и свидетелей из нижних чинов выяснилось следующее:

Еще утром 16 октября, около 10 часов, младшему флагману командующему сводным отрядом было доложено полковником Самойловым, что до сведения его дошло о высказываемом нижними чинами недовольстве вследствие совершенного прекращения увольнения из казарм в течении 4-х дней, при чем они намерваются в случае неувольнения их и сегодня выйти из казарм без разрешения.

О случае этом было сообщено через посредство старшего адъютанта главного морского штаба капитана II ранга Зилоти, вр. и. д. начальника главного морского штаба. Не получая до 4 часов ответа, контр-адмирал Барташевич распорядился для развлечения нижних чинов вывести на двор казарм музыку.

Около 4 часов 15 минут пополудни капитаном II ранга Зилоти передано полковнику Самойлову по телефону, чтобы нижних чинов из казарм не выпускать, так как и в войсках военно-сухопутного ведомства нет на это разрешения, для успокоения же тревожного настроения нижних чинов разрешено по случаю праздничного дня выдать им улучшенный ужин, расходуя на это до 10 коп. на человека.

Полковник Самойлов доложил об этом командиру 14 флотского экипажа флигель-адъютанту капитану I ранга Рудневу и, получив от него указания объявить об этом нижним чинам, отправился совместно с дежурным офицером мичманом Зубовым в казармы, где, собрав вокруг себя нижних чинов, объяснил о невозможности увольнения их из казарм и о разрешении начальства выдать сегодня улучшенный ужин. Настроение нижних чинов при этом было самое хорошее; они с восторгом встретили заботы о них начальства в отношении улучшенного ужина.

В это же самое время было доложено командирам 14 и 18 флотских экипажей, что во дворе казарм нижние чины бьют стекла, бросая в них каменья, и намереваются разломать двери у входа 14 флотского экипажа на Морскую улицу.

Командир 18 флотского экипажа флигель-адъютант капитан I ранга Дабич, как старший, отправился во двор казарм, а флигель-адъютант капитан I ранга Руднев — к кухням своего экипажа. Флигель-адъютант Дабич подошел к толпе нижних чинов, собравшейся на дворе вокруг игравшего хора музыки, где застал крик и свист среди команды, при чем многие из них били стекла в окнах кухни 14 флотского экипажа. Приказав музыке замолчать, он поздоровался с командой, на что получил ответ, хотя не дружный. Команда стихла и начала слушать флигель-адъютанта Дабича, который стал объяснять безобразие и недисциплинарность ее поведения и ту серьезную ответственность, которой она подвергается. На вопрос его, чем команда недовольна, большинство молчало, но отдельные голоса выражали неудовольствие по поводу того, что их не пускают за ворота, а также и по поводу дурной пищи в 14 флотском экипаже, при чем были слышны также совсем отдельные возгласы, высказывающие неудовольствие на существующий в настоящее время порядок: «мы здесь служим 7 лет; в это время наши отцы, жены и дети голодают, а нас даже не пускают гулять, тогда как армейские гуляют; этот порядок следует изменить». Кто именно произносил эти фразы, выяснить не удалось. После увещаний флигель-адъютанта капитана I ранга Дабича команда утихла и стала расходиться по казармам, почему и он тоже ушел в казармы, направляясь через двор; в казармы отправились также и подошедший через ближайший выход в конце речи флигель-адъютант капитана I ранга Дабича полковник Самойлов и мичман Зубов. Когда же флигель-адъютант Дабич отошел шагов на 50, то в команде опять послышались крики, битье стекол, и полетели камни, которыми были ушиблены, не серьезно, фельдфебель 4 роты 18 флотского экипажа Сергей Кузьмин и ординарец флигель-адъютанта Дабича матрос I ст. Филимон Бабков. При обходе после этого флигель-адъютантами Дабичем и Рудневым своих экипажей они застали там полный порядок, все нижние чины, бывшие на дворе, возвратились в казармы; при произведенной поверке нетчиков не было. При осмотре казарм оказалось разбитых стекол 155 штук в окнах кухонь 14 флотского экипажа, штаба отряда, хлебопекарни и в квартире заведывающего хлебопекарнею; в дверях подъезда 14 флотского экипажа был выдернут пробой у висячего замка, но замок и дверь оказались целыми. По показанию бывших снаружи ворот трех дневальных, пробой из дверей был вырван неизвестными им нижними чинами, которых они за темнотой заметить не могли; никто из нижних чинов за ворота не выходил.

Произведенное по изложенному случаю дознание было направлено на заключение помощника прокурора кронштадтского военно-морского суда при с.-петербургском порте.

Свиты его велич. ген.-майор *Трепов*.

11.

Рапорт командующего сводным отрядом флот. экипажей от 21 октября 1905 г. № 16331.

Начальнику с.-петербургского гарнизона.

Рапорт.

Согласно словесного приказания вашего превосходительства, доношу, что для предупреждения на будущее время

повторения беспорядков среди нижних чинов экипажей отряда, подобных случаю, имевшему место 16-го сего октября в Крюковских казармах, приняты следующие меры:

1) Из числа нижних чинов, состоящих в отряде, 200 человек подозрительного поведения переведены в экипажи Кронштадтского порта.

2) 14 человек подследственных нижних чинов, содержавшихся довольно продолжительное время в общей камере для арестованных и заведомо вредно влиявших как на нижних чинов, арестованных в дисциплинарном порядке, так и на имевших постоянное с ними сношение чинов караула, тоже отправлены для заключения в Кронштадт.

3) В каждом экипаже назначаются, вместо одного, по два дежурных офицера, при чем старший из них должен быть непременно командир роты.

4) Кроме двух дежурных по экипажу офицеров, в каждом экипаже должен находиться безотлучно один ротный командир, на случай экстренного назначения его для посылки по делам службы.

5) Установлено обязательное присутствие ротных командиров на вечерних перекличках нижних чинов.

6) Установлена точная проверка по именным спискам, представляемым из рот дежурному офицеру, нижних чинов, увольняемых со двора.

Контр-адмирал *Барташевич*.

За старшего флаг-офицера
полковник *Самойлов*.

12.

Рапорт СПБ градоначальника от 24 октября 1905 г. № 98.

Секретно.

С.-петербургскому генерал-губернатору.

Возобновившаяся после забастовки столичная периодическая печать с первых же нумеров газет занялась критикою действий войск, призванных для охраны порядка в Петербурге.

Помимо неправильного и весьма часто умышленно искаженного описания этих действий и обстоятельств, их вызвавших, органы печати известного направления стремятся систематически к возбуждению общественного мнения против офицеров, командующих частями, стараясь дискредитировать их имена и приписывая им лично вину происшедших «насилий и пролития крови мирных жителей».

Представители петербургского гарнизона в лице начальников отделов и районов военной охраны столицы заявили мне коллективно в заседании 23-го сего октября, что, как ни возмущены они предпринятым печатью преследованием чести военного мундира, тем не менее, как они сами, так и вверенные им части остаются в непоколебимом сознании, что все действия войск были вполне закономерны, отвечали обстоятельствам случая и долгу присяги. Но, к сожалению, эта уверенность подрывается сообщаемыми в печати объяснениями и личными переговорами статс-секретаря графа С. Ю. Витте, которому приписывают выражения, как бы подтверждающие полную солидарность правительства и печати в обвинении войск в напрасных «насилиях» над мирными жителями. Так, в переданном газетами, неизвестно из какого источника, подлинном разговоре по телефону графа Витте с командующим Семеновским полком полковником Мином печать обращает внимание общества на слова графа: «прошу вас, щадите кровь русских людей», и на ответ полковника Мина, что он якобы не прекратит стрельбы, так как «это не русские люди, а бунтовщики».

В разговоре с представителями печати приводятся слова графа Витте, что удалить войска из Петербурга «сразу нельзя», в чем выразилось согласие его с заявлением представителей печати об опасности для общества от присутствия войск, и что граф Витте «сам возмущен насилиями» (ответ на заявление г. Анненского, что «нас бьют казаки»). В приводимых печатью словах председателя совета министров, доколе они не опровергнуты, представители войск усматривают для себя тяжелое обвинение в действиях, не

отвечающих целям и намерениям высшего правительства, т.-е. в измене принятому долгу военной присяги, и это обстоятельство производит тяжелое впечатление на войска петербургского гарнизона.

Придавая настроению в войсках значение первостепенной важности, считаем долгом об изложенном довести до сведения вашего высокопревосходительства, с приложением № 197 газеты «Рассвет», № 372 «Русской Газеты», № 313 «Нашей Жизни», № 206 «Новостей» и представленного мне полковником Мином текста разговора, который в действительности происходил по телефону между ним и графом Витте. [ ]]

Генерал-майор *Дедюлин*.

Управляющ. канцелярией (*подпись*).

13.

Донесение командующего л.-гв. Семеновским полком от 24 октября 1905 г. № 24.

Милостивый государь,

Владимир Александрович.

18 октября, получив донесение от капитана Левстрема, находившегося с двумя ротами у Технологического института, что положение становится опасным и собравшаяся толпа действует угрожающе, я доложил генерал-майору Лангофу, как старшему начальнику, о необходимости послать подкрепление. Был послан полковник фон-Эттер с двумя с половиною ротами. Задача ему была дана поставить заставы на Загородном пр., на высоте Броницкой ул., на Забалканском пр. лицом к Московской заставе и другую лицом к Обуховскому мосту, а также на первой роте Измайловского полка и таким образом не допускать никого на площадь, а площадь очистить от народа. В это мое распоряжение почему-то вмешался директор института, указывая всю вредность его, и почему-то упрашивал полковника фон-Эттера не делать этого. Полковник фон-Эттер запросил меня по телефону, как он должен поступить в виду таких доводов. Я приказал без замедления исполнить мой приказ, выразив удивление, что он еще не исполнил, и как могли иметь место разговоры с директором, ничего не имеющего общего с тем, что делается войсками на улице. В это время пришел ко мне учитель из института, которого я знал в лицо, имея с ним дело накануне, и в присутствии генерала Лангофа, бледный, взволнованный, заявил нам, что студенты и начальство боятся, что если начнется столкновение войск с толпой, то войско, возбужденное против них, сделает насилие над охраняемыми студентами. Ему было дано слово, что ничего подобного быть не может. Когда он заявил нам, что им доподлинно известно, что в данный момент идет борьба за власть между графом Витте и генералом Треповым, что они умоляют нас остерегаться последней власти. Что план генерала Трепова такой: вызвать сильное столкновение между войсками и народом и после этого склонить государя к отмене манифеста. Мы успокаивали этого учителя и представляли ему всю вымышленность такого предположения. Вскоре как ушел учитель, мне доложили, что меня просит к телефону граф Витте. Я подошел к телефону и услышал голос, говорящий: «Сейчас с вами будет говорить граф», и действительно, другой голос мне сказал следующее: «С вами говорит граф Витте».—«У телефона полковник Мин, командир Семеновского полка».—Граф: «Я хотел убедить вас не заграждать улиц, что может возбудить толпу и иметь дурные последствия. Я не имею права вмешиваться в распоряжение вашего начальства и говорю вам не как первый министр, а как русский гражданин, любящий свое отечество». —«С вами говорит тоже русский гражданин, любящий свое отечество так же, как и вы, если не больше. Я не имею удовольствия вас знать, и кто мне поручится, что у телефона действительно граф Витте? Я нахожу невозможным, чтобы мои приказания отменялись по просьбе директора института. Заграждение улиц считаю необходимым именно во избежание столкновений. Возбуждение моих солдат дошло

до высшего предела, они оскорблены насилием над товарищем, раненным накануне, ничем неповинным; они утомлены безрезультатным стоянием несколько суток под дождем из-за одного упрямства студентов. Я не могу допустить, чтобы часть моего полка была окружена толпой и отрезана от казарм. Положение тогда будет еще ужаснее,—я за них не отвечаю. Берете ли на себя ответственность?

Самое лучшее, граф, если вы сами явились бы на площадь. Вы так умеете владеть толпою, говорить с ними; успокойте ее, убедите разойтись и тогда освободите всех арестованных студентов. Как будет это торжественно и полезно».

Граф: «К сожалению, я не могу исполнить вашего совета».

Мой ответ: «Очень жаль. Мы боремся со скрытым врагом,— это ужасно, это страшно тяжело, но мы не можем поступать иначе; нас обвиняют в том, чего нет, это раздражает нас; распускают ложные слухи, чтоб натравить друг на друга. Сейчас был учитель из института, который заявил мне, что идет борьба за власть между вами и генералом Треповым. Что генерал Трепов хочет захватить власть и отменить манифест государя императора,— вот какой абсурд! Как вы находите?»

Граф: «Да, это совершенный абсурд, так как я всегда был с генералом Треповым в отличных отношениях, и о борьбе за власть не может быть речи. Действуйте так, как найдете нужным».

Ответ: «Благодарю вас, что доверяете. Буду счастлив встретить вас, чтобы пожать вам руку».

Граф: «Так вы теперь верите, что с вами говорит граф Витте?».

Я ответил: «Право, не знаю».

Сообщаю вам этот мой разговор с графом Витте вследствие выраженного вами желания знать его и просьбы вашей, чтобы содержание его было изложено письменно. Считаю долгом сказать, что весь разговор происходил, конечно, в очень тревожное время и некоторые детали могли быть пропущены или изменены, но основание его я утверждаю и всю последовательность.

Прошу, милостивый государь, принять мои уверения в чувствах глубокого к вам уважения и искренней преданности. *Георгий Мин.*

14.

Письмо Трепова С. Ю. Витте от 25 октября 1905 г. № 4059.

Милостивый государь,

Сергей Юльевич.

Возобновившаяся после забастовки столичная периодическая печать с первых же номеров газет занялась критикою действий войск, призванных для охраны порядка С.-Петербурга.

Помимо неправильного и весьма умышленного искажения описания этих действий и обстоятельств, их вызвавших, органы печати известного направления стремятся систематически к возбуждению общественного мнения против офицеров, командующих частями, стараясь дискредитировать их имена и приписывая им лично вину происшедших якобы «насилий и пролития крови мирных жителей».

По дошедшим до меня сведениям, представители петербургского гарнизона, в лице начальников отделов и районов военной охраны столицы, заявляли с.-петербургскому градоначальнику, что, как ни возмущены они предпринятым печатью преследованием чести военного мундира, тем не менее, как они сами, так и вверенные им части остаются в непоколебимом сознании, что все действия войск, будучи вполне закономерны, отвечали обстоятельствам случая и долгу присяги.

Вместе с сим, названные лица указывали, что органы печати известного направления в своих выводах основываются главным образом на приводимых теми же органами, в тенденциозной редакции, словах и объяснениях вашего сиятельства, из коих, в освещении, придаваемом им печатью, как бы вытекает солидарность правительства и печати в обвинении войск в напрасных «насилиях» над мирными жителями.

В особенности внимание военных кругов останавливается на приписы-

ваемой вашему сиятельству редакции разговоров с представителями прессы и командиром лейб-гвардии Семеновского полка.

Общее настроение, вызванное сказанными обстоятельствами среди военных, с несомненностью сводится к сильному возбуждению против взводимого на них печатью тяжелого обвинения в действиях, не отвечающих целям и намерениям высшего правительства.

Для должной реабилитации чести военного мундира, казалось бы, является крайне желательным путем той же прессы, явно злоупотребляющей авторитетом вашего сиятельства, восстановить истинный смысл ваших слов и тем самым положить предел дальнейшим несправедливым нападкам на войска с.-петербургского гарнизона.

Примите, милостивый государь, уверение в глубоком моем к вам уважении и таковой же преданности.

Д. Трепов.

15.

Письмо Н. Н. Вуича Трепову от 25 октября 1905 г. № 4059.

Милостивый государь,

Дмитрий Федорович.

По поручению графа Сергея Юльевича имею честь уведомить ваше превосходительство, что составлено уже правительственное сообщение, касающееся действий войск по подавлению беспорядков. Вместе с тем в Петербургское телеграфное агентство передается извещение, для распространения его в газетах, опровергающее бывший будто бы между графом и полковником Мином разговор [1]).

Прошу вас принять уверение в совершенном моем уважении и преданности

Николай Вуич.

---

[1]) Это опровержение лишено было всяких оснований, что доказывается, между прочим, и воспоминаниями самого Витте. *Ю. О.*

Копия с правительственного сообщения прилагается.

Правительственное сообщение.

По поводу происходивших в последнее время событий в газетах появились статьи, колеблющие авторитет военной власти и могущие внушить населению враждебное отношение к отдельным войсковым частям. Между тем долг военной дисциплины препятствует воинским чинам входить в газетную полемику, хотя бы в ответ на оскорбительное обвинение. В виду этого необходимо указать на односторонность появлявшихся до сего времени в газетах известий и отметить неправильность основной мысли некоторых газетных статей. Войско не может и не должно быть проникнуто духом той или иной партии. В поставленной ему трудной задаче поддержания общественного и государственного порядка оно руководствуется требованием воинской дисциплины, преданностью престолу и патриотическим долгом. Очевидно, насколько в этом случае тяжело положение воинских чинов, обязанных действовать с крайней сдержанностью и осмотрительностью, не поддаваясь весьма естественному и понятному чувству личного раздражения.

Возможны, конечно, отдельные случаи отступления от сего под влиянием вызывающего или прямо враждебного отношения окружающих лиц. Но исключительные обстоятельства, при которых такие случаи могут происходить, требуют особой сдержанности в произнесении суждений о них. Не подлежит сомнению, что войско не может остаться вне влияния новых начал, внесенных в строй государственной жизни высочайшим манифестом 17 октября. Однако из этого не следует, чтобы когда-либо войска стали действовать не по указаниям начальства и не по долгу присяги, а соображаясь с возможною оценкою их действий со стороны отдельных групп населения.

Простая справедливость побуждает признать, что войска самоотвержен-

но выполняют задачу, являющуюся во всех государствах наиболее для них трудною — подавления внутренних беспорядков, — и что тем самым они уже много раз предупредили кровопролитные столкновения между враждующими частями населения. В общей оценке значения деятельности войск не существует разногласия в составе высших военного и гражданского управлений. Спокойное и беспристрастное отношение к делу, несомненно, приведет большинство общества к признанию заслуг войск в происходящем умиротворении страны.

№ 16.

Донесение Трепова морскому министру от 26 октября 1905 г. № 4152.

Морскому министру.

Считаю необходимым сообщить вашему превосходительству для зависящих распоряжений доставленные ко мне с.-петербургским градоначальником сведения о беспорядках среди матросов 8 флотского экипажа:

Около 5 часов вечера в столовую имени императора Николая II явился матрос с просьбой разрешить передать по телефону экстренное сообщение в Суворовской участок, но после долгого ожидания, не передав по телефону никакого сообщения, очевидно, от неуменья пользоваться аппаратом, ушел. Затем около 8 часов вечера другой матрос являлся в дом № 85, по Большому проспекту, к управляющему названным домом крестьянину Ивану Соболеву, прося по важному делу переговорить по телефону с управлением Суворовского участка по поручению дежурного офицера 8 флотского экипажа и передал по телефону почти дословно следующее: «Дежурный офицер 8 флотского экипажа просит прислать к казармам экипажа казаков, так как у казарм собралась толпа рабочих и матросы, подстрекаемые толпой, забирают ружья и патроны, желая примкнуть к толпе». После этого, выйдя на улицу, Соболев увидал около казарм экипажа толпу рабочих, которые кричали, вызывая матросов на улицу. Бывший среди этой толпы в штатском платье околоточный надзиратель Сырлей был очевидцем, как в дверях подъезда казарм стоял флотский офицер, уговаривая матросов не выходить из казарм. При этом среди матросов было постороннее лицо, говорившее речь о событиях дня и приглашавшее матросов следовать с толпой для участия в беспорядках; матросы громко в присутствии офицера одобряли оратора и тут же курили папиросы. С прибытием к казармам полиции и роты л.-гв. Финляндского полка офицер ушел с подъезда с частью матросов в казармы.

По прибытии наряда картина беспорядков представлялась в следующем виде: у главного подъезда казарм, против Гаванской улицы, стояла толпа посторонних матросов до 150 чел., на другой стороне улицы другая толпа до 500 человек. Все открытые окна казарм были переполнены матросами, которые при появлении наряда подняли крик вместе с толпой; слышалась брань с той и другой стороны. По предъявлении требования разойтись толпа посторонних, как от подъезда, так и с другой стороны улицы, отошла в Гаванскую улицу, а бывшие у подъезда матросы отошли в сторону Кожевенной линии и остановились на углу. На приказание штабс-капитана Педашенко закрыть окна казарм оттуда послышалась брань. По требованию означенного офицера явился патруль из 4 матросов и доложил, на вопрос названного офицера, что матросы, действительно, собирались выйти из казарм на улицу и присоединиться к толпе, но были остановлены боцманами и взводными.

Свиты его величества генерал-майор

Трепов.

Самоубийство Н. П. Шмидта.

Николай Павлович Шмидт, владелец мебельной фабрики на Пресне, сгоревшей во время декабрьского восстания 1905 года в Москве, был арестован 17 декабря в числе активных участников вооруженной борьбы московских рабочих с самодержавием. По словам обвинительного акта, он, вместе с рабочими его же фабрики Михаилом Николаевым, Михаилом Золкиным, Романом Туляковым, Василием Юдиным и Андреем Ивановым, «в декабре 1905 г. в г. Москве заведомо принял участие в насильственном посягательстве на изменение установленного законами основными в Российской империи образа правления, присоединившись к вспыхнувшему в Москве вооруженному восстанию, направленному на достижение указанной цели, при чем, действуя заведомо сообща между собою и другими необнаруженными лицами, Шмидт способствовал организации на его фабрике в Москве революционной боевой дружины, вошел в ее состав и вместе с другими участниками ее учинил вооруженное нападение на управление 3-го участка Пресненской части, сопровождавшееся разоружением чинов полиции и уничтожением портрета государя императора и части официальной переписки». Шмидт и его товарищи, обвинявшиеся по 51 и 100 ст. ст. уголовного уложения, подлежали суду московской судебной палаты с участием сословных представителей, но Шмидту не суждено было предстать на этот суд: не выдержав условий четырнадцатимесячного тюремного режима, он 13 февраля 1907 года покончил жизнь свою самоубийством.

Предварительное следствие по делу Шмидта и др. тянулось долго в силу ряда причин, среди которых сыграла немалую роль необходимость освидетельствования «умственных способностей» Шмидта, по его собственному настоянию. По окончании шестидневной голодовки, имевшей целью добиться свидания с родными, в апреле 1906 г., Шмидт подал заявление прокурору моск. судебной палаты о переводе его из пересыльной тюрьмы в тюремную больницу и об освидетельствовании его здоровья врачами-специалистами: Россолимо (по нервным болезням) и Усовым (по внутренним). Вместе с тем Шмидт просил изменить «меру пресечения», отпустив его на поруки «под любой залог» или назначив ему домашний арест. Это заявление было подано 23 апреля, а 8 мая судебный следователь моск. окр. суда по важнейшим делам сообщил прокурору моск. суд. палаты, что Шмидт будет освидетельствован им и врачами тюремной больницы, — что же касается изменения меры пресечения, то для удовлетворения просьбы об этом не представляется оснований. 19 мая прокурор судебной палаты подтвердил, с своей стороны, что он также не находит возможным освобождение Шмидта из-под стражи, указав, что обвиняемый может обратиться с ходатайством об этом в судебную палату. 7 июля моск. окружной суд, по освидетельствовании умственных способностей Н. П. Шмидта, определил «подвергнуть его испытанию в специальной больнице в течение трех месяцев, по истечении какового времени произвести новое освидетельствование в заседании окружного суда».

8 июля прокурор окр. суда отдал распоряжение о переводе Шмидта в тюремную больницу, но Шмидт подал ему просьбу поместить его в специальную психиатрическую больницу «за собственный счет»; однако и эта просьба его была отклонена. Пока шла переписка, Шмидт оставался в пересыльной тюрьме. 17 июля прокурор окр. суда подтвердил начальнику тюрьмы «о безотлагательном исполнении его распоряжения, основанного на постановлении окружного суда, независимо от заявлений и прошений Шмидта». Прокурор судебной палаты 29 июля

также приказал оставить прошение Шмидта без последствий и подтвердил распоряжение прокурора окр. суда о помещении Шмидта в тюремную больницу, указав, что помещение в частную лечебницу явилось бы, по существу, одним из способов уклонения от следствия и суда. 28 июля Шмидт был помещен в тюремную больницу.

10 ноября Шмидт был подвергнут освидетельствованию в заседании окружного суда и признан был «нормальным как в настоящее время, так и во время приписываемого ему преступления» («расстройство со стороны нервной системы, выраженное неврастенией; в психическом отношении представляется нормальным»). 25 ноября министерство юстиции запросило прокурора моск. судебной палаты, на какое число назначено заслушание дела Шмидта; прокурор ответил, что 22 ноября дело о Шмидте возвращено им судебному следователю для доследования в виду поимки ранее разыскивавшегося по этому делу Мих. Николаева. Наконец, 14 декабря судебный следователь препроводил прокурору судебной палаты «предварительное следствие в трех томах по делу о Николае Шмидт, Николаеве и др., обвиняемых по 100 ст. уголовного уложения»; всего по делу привлекалось 6 обвиняемых и 27 свидетелей.

24 декабря 1906 г. мать Шмидта, Вера Викуловна, подала прокурору моск. суд. палаты прошение, в котором, заявив, что ею подана в моск. судебную палату жалоба на определение окр. судом состояния здоровья ее сына, просила прокурора приостановить или замедлить следственное дело Н. П. Шмидта, направленное к нему для составления обвинительного акта, впредь до разрешения суд. палатой поданной ею жалобы. Накануне же, 23-го, сам обвиняемый подал аналогичное прошение, в котором, он между прочим, вновь настаивал на освобождении его из тюрьмы.

Психическое состояние Шмидта, повидимому, ухудшалось crescendo. Мать и сестра его 11 января 1907 г. обратились к министру юстиции с телеграммой, в которой указывали, что здоровье их сына и брата «невыносимо плохо, грозит полное душевное расстройство; положение критическое, необходимо немедленное освобождение из тюрьмы и серьезное лечение». Просительницы умоляли министра оказать им «скорейшее в этом содействие». В тот же день первый департамент министерства юстиции предложил прокурору суд. палаты «сообщить в возможно непродолжительном времени, сведения о состоянии здоровья Николая Шмидта, обвиняемого в государственном преступлении». Только 16 января прокурор ответил министру, что Шмидт, «по отзыву врача тюремной больницы, страдает психическим расстройством — первичное помешательство... Болезнь — в этой форме наследственная — не проявляется в видимых признаках, и по внешнему виду Шмидт совершенно здоров».

«Первичное помешательство» обвиняемого не помешало, однако, прокурору 23 января 1907 г. «представить» дело о Шмидте палате на рассмотрение. Но обвиняемый не захотел дожидаться суда: утром 13 февраля он покончил с собой, перерезав себе осколком оконного стекла сонную артерию.

Печатаемые ниже документы о трагическом конце Н. П. Шмидта извлечены из фонда моск. судебной палаты (дело № 945 — 1906 г.), хранящемся в Моск. Архиве Революции и Внешней Политики.

А. С.

1.

Телеграмма прокурора московской судебной палаты министру юстиции от 13/26 февраля 1907 года.

Сегодня Николай Шмидт, обвиняемый [по] 100 статье и содержавшийся [в] Московской тюремной больнице, осколком оконного стекла перерезал себе сонную артерию. Предварительное следствие подтверждает самоубийство. Подробности будут донесены дополнительно.

Прокурор палаты *Александров-Дольник.*

2.

«Представление» прокурора московского окружного суда прокурору московской судебной палаты.

13 февраля 1907 года, около 6 часов утра, в изоляторе № 5 московской тюремной больницы обнаружен без признаков жизни политический арестант Николай Шмидт, обвиняемый по 100 ст. улож. уголовного за участие в вооруженном восстании в гор. Москве в декабре 1905 года; на шее покойного усмотрены две резаные раны в области сонной артерии, стекло в окне изолятора оказалось разбитым, и осколки стекла валялись на полу, обильно смоченном кровью.

По сему поводу мною возбуждено предварительное следствие, выяснившее пока нижеследующее:

13 февраля, в указанное выше время, старший надзиратель при тюремной больнице Кожин, выйдя на проверку, вошел вместе с дежурным надзирателем Козловым со свечою в руках в изолятор № 5, и там оба они увидели лежащего в белье и халате на полу около кровати, лицом вниз, арестанта, потомственного почетного гражданина Николая Павловича Шмидт, на шее у которого была заметна кровь. При беглом осмотре Кожин и Козлов заметили, что пол около лежащего Шмидта обильно смочен кровью, что одно из звеньев единственного окна изолятора разбито, что около окна на полу лежит скомканное одеяло и что осколки стекол, частью окровавленные, валяются на полу, на подоконнике и на столе. Убедившись, что тело Шмидта еще теплое, Кожин дал знать о случившемся заведующему больницей помощнику начальника тюрьмы Терещенко, который тотчас же прибыл вместе с врачом, при чем последний констатировал смерть Шмидта.

По словам Козлова, он дежурил с 12 часов ночи, несколько раз заглядывал в дверное окошечко изолятора и ничего подозрительного не замечал. Около четырех часов утра Козлов принес Шмидту, по его просьбе, кружку воды и новую свечку, так как первая догорела. После этого Козлов еще в течение нескольких минут видел свет в изоляторе, а затем огонь погас и вплоть до самого прихода на поверку он, Козлов, никакого шума или звона разбиваемых стекол не слышал.

При осмотре, произведенном судебным следователем, прежде всего было обращено внимание на окно, при чем оказалось, что разбиты нижнее звено зимней рамы и соответствующее ему звено в летней раме, что размер разбитых звеньев крайне незначительный ($^{7}/_{10}$ вершков) и что стекло выдавлено изнутри наружу, повидимому, при помощи одеяла, так как на нем было усмотрено несколько свежих порезов. Подушки на кровати Шмидта, матрац, пододеяльник и простыня оказались в местах, прилегающих к изголовью и к стене, настолько сильно пропитанными кровью, что она даже просочилась до деревянного щита под матрацом; стена около изголовья оказалась также сильно запачканной кровью; всего же больше крови было обнаружено под кроватью, соответственно изголовью, — здесь была усмотрена целая лужа ее с продолжающимся в виде тонкой ленты потоком вдоль пола, по направлению от окна к выходной двери. На самом трупе были усмотрены две резаные раны в области шеи, по обеим сторонам ее, и незначительные красноватые пятна с осадлениями над левой бровью, на верхнем левом веке и на правой коленке.

По осмотру можно предполагать, что Шмидт выдавил одеялом одно из звеньев окна и затем, воспользовавшись одним или несколькими подходящей формы осколками стекол, порезал себе шею, при чем сначала он лежал на кровати лицом к стене, а затем уже, после причинения себе ран, повернулся и скатился с кровати на пол. Очевидно, Шмидт, причиняя себе раны, держал осколки стекла завернутыми в полотенце или платок, так как на руках его нет никаких порезов, а между тем полотенце и платок перепачканы в крови. Что касается вопроса о том, могли ли

дежурные внутреннего и наружного постов не слыхать звона разбиваемых стекол, то обстоятельство это допустимо, так как изолятор имеет продолговатую форму с окном в одной стороне и выходной толстой, обитой железом дверью с другой стороны, так что, если надзиратель во время разбития стекла находился не около изолятора Шмидта, а в другом конце коридора, то возможно, что он и не мог слыхать звона; точно так же и надзиратель наружного поста на дворе мог не слыхать звона разбиваемого стекла, так как линия вдоль корпуса больницы значительная.

Покойный Шмидт содержался в пересыльной тюрьме с 15 января 1906 года, по постановлению судебного следователя по важнейшим делам (по обвинению по 100 ст. угол. улож.); в тюремную больницу Шмидт был переведен как больной 14 января 1907 года, а на другой день, по собственному желанию и по распоряжению главного врача, был переведен из общей больничной камеры в изолятор; с 14 января 1907 года Шмидт числится содержанием за московской судебной палатой, куда производство о состоянии умственных способностей Шмидта поступило по жалобе последнего на определение московского окружного суда, признавшего Шмидта психически здоровым.

Произведенным сего числа судебно-медицинским вскрытием трупа Шмидта обнаружено: 1) на левой руке у запястья в области пульса неглубокий порез, 2) на левой стороне шеи неглубокая рана и 3) на правой стороне шеи резаная рана с повреждением вены и сонной артерии. Последнее поранение послужило причиною смерти Шмидта. Характер ран указывает на то, что они нанесены не острым орудием, но каким-либо зазубренным предметом в виде осколка стекла.

По заключению эксперта — профессора Минакова, смерть Шмидта последовала, видимо, от самоубийства.

Следствие по сему делу производится судебным следователем окружного суда по важнейшим делам Всесвятским, под наблюдением товарища прокурора Тульпугова и под непосредственным моим руководством.

Об изложенном доношу вашему превосходительству, присовокупляя, что копия настоящего донесения представляется министру юстиции вместе с сим за № 3776.

Прокурор *Влад. Арнольд.* Секретарь *Раковский.*

Февраля 14 дня 1907 года. № 3775.

3.

Копия.

Постановление моск. судебной палаты от 26 февраля 1907 г. о прекращении судебного преследования Н. П. Шмидт.

№ дела 100. 1907 года. Февраля 26 дня. По указу его императорского величества, московская судебная палата по уголовному департаменту, в распорядительном заседании, происходившем под председательством председателя департамента А. М. Ранга, в составе членов палаты: Н. К. Демонси и Д. П. Стремоухова, при товарище прокурора И. М. Золотареве и при секретаре К. Я. Зеньковиче слушала: 1) представление судебного следователя московского окружного суда по важнейшим делам от 15 февраля 1907 года за № 91, коим он доносит о смерти Николая Шмидт, обвиняемого по 100 ст. угол. улож.; 2) справку, из коей видно, что в производстве судебной палаты имеется поступившее 25 января 1907 года еще не решенное дело о потомственном почетном гражданине Николае Павлове Шмидт и др., обвиняемых по 51 и 100 ст. ст. угол. улож. и 3) словесное заключение товарища прокурора судебной палаты.

Принимая во внимание, что на основании 1 п. 16 ст. уст. уг. суд. начатое судебное преследование в отношении уголовной ответственности обвиняемого, за смертью его, подлежит прекращению и что смерть обвиняемого

потомственного почетного гражданина Николая Павлова Шмидт установлена, судебная палата определяет: судебное преследование в отношении уголовной ответственности Николая Павлова Шмидт за смертью его и на основании 1 п. 16 ст. уст. уг. суд. прекратить. Надписано «не решенное». С подлинным верно. Секретарь (подпись).

Редакционно-издательская коллегия Центрархива.

Ответственная редакция: Вл. Максанов. М. Покровский. В. Фриче.

Издания Центрархива РСФСР.

Центрархивом выпущены следующие книги:

1. «Красный Архив», тт. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11—12. Под редакцией В. В. Адоратского, В. В. Максакова, М. Н. Покровского, В. И. Полонского и В. М. Фриче.
2. Русско-германские отношения. (Сборник секретных документов.) С предисловием М. Н. Покровского.
3. Ф. М. Достоевский. Исповедь Ставрогина (неизданные главы из романа «Бесы») и житие великого раешника. (План романа.) Под редакцией В. М. Фриче и Н. Л. Бродского.
4. Письма русских писателей. Из архива Достоевского. Под редакцией Н. К. Пиксанова.
5. Дневник А. Г. Достоевской.
6. Сборник материалов и статей по архивному делу.
7. Лейтенант Шмидт. (Письма и воспоминания.) Под редакцией и с предисловием Вл. Максакова.
8. И. С. Тургенев. (Новые материалы.)
9. Крестьянские движения 1902 г. Вып. III. Под редакцией Б. Б. Веселовского, В. И. Пичета и В. М. Фриче.
10. «Архивное дело». Выпуски I, II, III—IV и V.
11. Письма Скрябина. Под редакцией Л. Сабанеева.
12. А. П. Чехов. Неизданная пьеса.
13. Дневник П. А. Кропоткина. С предисловием А. А. Борового.
14. Политические процессы 60-х годов. Вып. I. Под редакцией Б. П. Козьмина.
15. Переписка Вильгельма II с Николаем II. С предисловием М. Н. Покровского.
16. Переписка Николая и Александыр Романовых. Т. III и IV. С предисловием М. Н. Покровского.
17. Бакунин (материалы для биографии). Под редакцией В. П. Полонского.
18. Аграрный вопрос в совете министров в 1906 г. Вып. IV. Под редакц. Б. Б. Веселовского, В. М. Фриче и В. И. Пичета.
19. Письма Победоносцева к Александру III. Т. I. С предисловием М. Н. Покровского.
20. Южно-русские рабочие союзы. Под редакцией В. В. Максакова и В. И. Невского.
21. Морозовская стачка. Под редакцией А. Лозовского и с предисловием В. И. Невского.
22. Русско-Японская война. По дневникам А. Н. Куропаткина и Н. П. Линевича. С предисловием М. Н. покровского.
23. Сборник узаконений и распоряжений по архивному делу.
24. Царская Россия в мировой войне. С предисловием М. Н. Покровского.
25. Восстание декабристов. Материалы. Т. I. Под редакцией А. А. Покровского, с предисловием Покровского.
26. Революция 1848 г. во Франции. Под редакцией и с предисловием С. Красного и Г. Зайделя.
27. Партизанское движение в Сибири. Под редакцией В. В. Максакова.

28. Допрос Колчака. Под редакцией и с предисловием К. А. Попова.
29. Петроградский Совет Р. и С. Д. Под редакцией М. Н. Покровского и Я. А. Яковлева.
30. Ленские события. Под редакцией А. Лозовского.
31. Восстание декабристов. Т. VIII. (Алфавит декабристам). Под редакцией Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса.
32. Разложение армии в 1917 г. Под редакцией М. Н. Покровского и Я. А. Яковлева.
33. Правила постановки архивной части делопроизводства в государ., профессиональных и кооперативных учреждениях и предприятиях РСФСР. 2 изд.
34. Письма Ф .М. Достоевского. Под общей ред. В. Ф. Переверзева.
35. Рабочее движение в годы войны. Под общей ред. А. Лозовского.
36. Политическое значение архивов.

Материалы по истории восстания декабря 1925 года.

Под общей редакцией *М. Н. Покровского.*

1. «Восстание декабристов»(Следственное дело). Т.т. I (вышел в свет), II, III, IV, V и VI печатаются.
2. «Русская Правда» П. И. Пестеля. Под редакцией С. С. Мильмана и С. Н. Чернова (печатается.)
3. «Восстание декабристов», т. VIII (Алфавит декабристам). Под редакцией Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса (вышел в свет).
4. Восстание Черниговского полка. Под редакцией Ю. Г. Оксмана. (печатается).
5. М. Н. Покровский. Декабристы. Общий очерк.
6. А. Е. Пресняков. День 14 декабря. (печатается).
7. П. Е. Щеголев. Восстание Черниговского полка.
8. С. С. Мильман. П. И. Пестель.
9. М. В. Нечкина. Общество Соединенных славян. (печатается).
10. Описи архивных дел по истории декабристов
11. Библиография. Н. К. Пиксанов и Н. М. Ченцов (печатается).
12. Хрестоматия. Сост. Ю. Г. Оксман, при участии Н. Лаврова и Б. Модзалевского (печатается).

1917 г. в документах и материалах.

Под редакцией *М. Н. Покровского и Я. А. Яковлева.*

1. 1-й Съезд Советов.
2. Петроградский Совет Р. и С. Д. 1917 г. (вышла в свет).
3. Аграрное движение в 1917 г.
4. Рабочее движение в 1917 г. (печатается).
5. Движение железнодорожников в 1917 г. (печатается).
6. Разложение армии в 1917 г. (вышла в свет).
7. Материалы II Съезда Советов.
8. Буржуазия перед революцией (печатается).

Материалы по истории рабочего движения в России.

Под общей редакцией *А. Лозовского.*

1. Морозовская стачка. С предисловием В. И. Невского (вышла в свет).
2. Стачечное движение 90-х годов (печатается).
3. Рабочее движение начала 900-х годов.
4. Стачечное движение 1905 года.
5. Рабочее движение в годы революции.
6. Ленские события (вышла в свет).
7. Рабочее движение в годы войны (вышла в свет).
8. Материалы по истории рабочего законодательства (печатается).

---

1. Пугачевщина, т. I. Под редакцией и с предисловием М. Н. Покровского (печатается).
2. Политические процессы 60-х годов. В II.
3. Политические процессы 70-х и 80-х гг. Под редакцией В. В. Максакова, В. И. Невского и П. Е. Щеголева.
4. Крестьянские движения до 60-х гг. XIX стол. (печатаются).
5. Пугачевщина, т. II и III (печатается).
6. 1 марта 1887 г. (Дело Александра Ульянова, П. Шевырева и др.) (печатается).
7. Материалы по истории «Народной Воли».
8. Дневник Л. Тихомирова. Под редакцией В. М. Фриче (печатается).
9. Студенческое движение 1905 г.
10. Революционное движение в армии и флоте.
11. Последние дни Колчаковщины. (печатается).
12. Переписка Николая и Александры Романовых. Т. V (печатается).
13. Письма Победоносцева к Александру III. Т. II (печатается).
14. Дневник Ламздорфа. Под редакцией Ф. А. Ротштейна (печатается).
15. Дневник Е. А. Перетца (печатается).
16. Русско-польские отношения (печатается).
17. Русский империализм на Дальнем Востоке.
18. Наказы депутатам в 1 Гос. Думу.
19. Из архива Ф. М. Достоевского. Материал к роману «Идиот». Под редакцией П. И. Сакулина.
20. Материалы к роману «Преступление и наказание». Под редакцией И. И. Гливенко.
21. Материалы к роману «Бесы». По редакцией Н. Л. Бродского.
22. Материалы к роману «Подросток» Под редакцией В. Ф. Переверзева.
23. Письма И. С. Тургенева к П. В. Анненкову. Под редакцией П. И. Сакулина.
24. Европейская биржа и русские финансы во время русско-японской войны. Под ред. Е. А. Преображенского (печатается).
25. 14 декабря 1825 г. в письмах и воспоминаниях царской семьи. Под редакцией Б. Е. Сыроечковского (печатается).
26. Стенографический отчет о работах первого съезда архивных деятелей (печатается).

Государственное Издательство РСФСР
МОСКВА

ВОССТАНИЕ ДЕКАБРИСТОВ

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ВОССТАНИЯ ДЕКАБРИСТОВ

Под ред. и с пред. М. Н. ПОКРОВСКОГО

ДЕЛА ВЕРХОВНОГО УГОЛОВНОГО СУДА
И СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ

ТОМ I — Стр. 540. Ц. 6 р. — **ЦЕНТРАРХИВ** — **ТОМ II** (Печатается).

В первый том вошли следственные дела декабристов, принадлежащих к Северному Тайному Обществу (Дела С. П. Трубецкого, К. Ф. Рылеева, Е. П. Оболенского 1, Н. М. Муравьева, П. Г. Каховского, Б. А. Щепина-Ростовского, А. А. Бестужева и М. А. Бестужева). Материалы дают впервые совершенно полное и точное воспроизведение „дел", с сохранением всех особенностей расположения правописания и пунктуации.

НАХОДЯТСЯ В ПЕЧАТИ:

А. Е. ПРЕСНЯКОВ

14-ое ДЕКАБРЯ 1825 года

СОДЕРЖАНИЕ: 1) Общественная почва восстания. 2) Северное общество. 3) Династический кризис. 4) Канун восстания. 5) День 14-го декабря. 6) Ликвидация восстания. 7) Библиограф. послесловие.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬБОМ

ДЕКАБРИСТЫ

12 ПОРТРЕТОВ ДЕКАБРИСТОВ
И 12 СЮЖЕТНЫХ РИСУНКОВ

Рисунки художника **Д. Н. Кардовского.** ★ Текст **М. Я. Цявловского.**

Продажа производится: в Торговом Секторе, Москва, Ильинка, Богоявленский пер., 4. Ленинград, „Дом Книги", Проспект 25 Октября, 28. Тел. 5-49-32, в магазинах, киосках и провинциальных отделениях Государственного Издательства.

Государственное Издательство РСФСР

ПЕРИОДСЕКТОР

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА ПРИ ЦК ВКП (б)

В. И. ЛЕНИН

СОЧИНЕНИЯ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ, В 25 ТОМАХ

Под редакцией Л. Б. Каменева

Кроме материала, вошедшего в I издание, в новое издание включено до 50 печатн. листов вновь разысканных статей, 2 тома писем В. И. Ленина.

Издание иллюстрировано портретами В. И. Ленина и снимками с рукописей и редких изданий.

(Формат книги 15½×23½ см.)

Все издание будет выпущено на лучшей бумаге „Верже", в прочных тисненных переплетах.

Техническое выполнение изданий под наблюдением **И. И. Ионова и Д. К. Богомильского.**

ПЕРВЫЙ ТОМ ВЫШЕЛ И РАССЫЛАЕТСЯ ПОДПИСЧИК М.

Цена всего издания 40 рублей.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ. Задаток при подписке 4 руб., остальные 36 руб. уплачиваются при получении 12-ти посылок (по два тома и последний 3 т.) наложенным платежем по 3 руб.

Пересылка за счет подписчика.

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ, УДЕШЕВЛЕННОЕ, В 25 ТОМАХ

Под редакцией Л. Б. Каменева

В это издание включен полностью весь материал, вошедший во второе издание.

Все издание будет выпущено в прочных переплетах.

(Формат книги 14×21 см.)

Техническое выполнение изданий под наблюдением **И. И. Ионова и Д. К. Богомильского.**

ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ ТОМ ПЕРВЫЙ.

Цена всего издания 20 рублей.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ: Задаток при подписке 2 руб., остальные 18 руб. уплачиваются при получении 12-ти посылок (11 по 2 т. и в последней 3 т.) наложенным платежом по 1 р. 50 к.

Пересылка за счет подписчика.

Подписка принимается: В ПЕРИОДСЕКТОРЕ ГОСИЗДАТА (Москва, Воздвиженка, 10/2. Тел. 5-89-54. Ленинград, „Дом Книги", проспект 25 Октября, 28), в провинциальных конторах и у уполномоченных Периодсектора, снабженных соответствующими удостоверениями.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ИНСТИТУТ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

БИБЛИОТЕКА МАРКСИСТА

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ **Д. РЯЗАНОВА**

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

Выпуск I. Маркс, К. и Энгельс, Ф. Коммунистический манифест. С пред. и прим. Д. Рязанова. Стр. 144. Ц. 50 к.

Выпуск II. Энгельс, Ф. Развитие социализма от утопии к науке. С предисл. Д. Рязанова и примеч. Г. Зайделя и И. Луппола. Стр. 166. Ц. 70 к.

Выпуск III. Энгельс, Ф. Крестьянская война в Германии. С пред. Д. Рязанова и прим. Ц. Фридлянда. Стр. 160. Ц. 70 к.

Выпуск IV. Карл Маркс — мыслитель, человек, революционер. С пред. Д. Рязанова. Стр. 174. Ц. 80 к.

Выпуск V. Лафарг, Поль. Томас Кампанелла. С пред. Д. Рязанова. Стр. 102. Ц. 50 к.

Выпуск VI. Плеханов, Г. Основные вопросы марксизма. С пред. и прим. Д. Рязанова. Стр. 134. Ц. 60 к.

НАХОДЯТСЯ В ПЕЧАТИ:

Выпуск VII. Маркс, К. 18-е Брюмера Луи Бонапарта.

Выпуск VIII. Маркс, К. Заработная плата, цена и прибыль.

Выпуск IX. Плеханов, Г. Русский рабочий в революционном движении.

Выпуск X. Маркс, К. Наемный труд и капитал.

Подготовлены к печати еще 30 названий:

произведения Маркса, Энгельса, Плеханова, Каутского, Лафарга, Лассаля, Меринга, Люксембург и Лабриола.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР

СЕКТОР ПОДПИСНЫХ И ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

Москва, Воздвиженка, 10/2. Тел. 5-88-91.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1926 г. НА ЖУРНАЛЫ:

ИЗВЕСТИЯ ЦК ВКП (б)

Еженедельный орган ЦК ВКП (б)

52 номера в год.

Подписная цена:

на год — **4** р., на 6 мес. — **2** р., на 3 мес. — **1** р.

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Орган Агитпропа ЦК ВКП (б).

Отв. ред. С. Сырцов.

Выходит два раза в месяц.

Подписная цена:

на год — **7** р. **20** к., на 6 мес — **4** р., на 3 мес. — **2** р.

КОММУНИСТКА

Ежемесячный орган Отдела ЦК ВКП(б) по работе среди работниц и крестьянок.

Отв. ред. Н. К. Крупская.
Отв. секр. М. Разумова.

Подписная цена:

на год — **3** р., на 6 мес. — **1** р. **60** к., на 3 мес. — **80** к.

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Ежемесячный орган Истпарта

Отд. ЦК ВКП (б) по изучению Октябрьской революции и ВКП (б).

Отв. ред. С. Канатчиков.

Подписная цена:

на год — **12** р., на 6 мес. — **6** р., на 3 мес. — **3** р.

КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ

Центральный руководящий орган Главполитпросвета, посвященный вопросам теории и практики политпросветительной работы.

Под ред. Н. А. Рузер-Нировой.

Выходит раз в два месяца.

Подписная цена:

на год — **7** р., на 6 мес. — **3** р. **75** к.

НАРОДНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ

Ежемесячный орган Наркомпроса РСФСР

Отв. ред. М. Эпштейн.

Подписная цена:

на год — **11** р., на 6 мес. — **5** р. **50** к., на 3 мес. — **3** р.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК НАРКОМПРОСА

Отв. ред. И. Перель

Подписная цена:

на год — **10** р., на 6 мес. — **5** р., на 3 мес. — **3** р.

Подписная цена на журнал **Народное Просвещение** вместе с **Еженедельником НКП** на год — **20** р., на 6 мес. — **10** р., на 3 мес. — **5** р. **50** к.

ПОМОЩЬ САМООБРАЗОВАНИЮ

Ежемесячный журнал.

Орган Отдела Помощи Самообразованию Главполитпросвета, Агитпропа ЦК ВКП, Политпросвета ЦК РЛКСМ и Культотдела ВЦСПС.

Отв. ред. Н. Крупская, Н. Заровнядный, А. Станчинский, В. Фрейман, В. Юдовский, С. Минина, С. Шульга и С. Шульман.

Подписная цена:

на год — **4** р. **80** к., на 6 мес. — **2** р. **40** к., на 3 мес. — **1** р. **25** к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: в ПЕРИОДСЕКТОРЕ ГОСИЗДАТА (Москва, Воздвиженка, 10/2, Ленинград, „Дом Книги“, проспект 25 Октября, 28. Телеф. 5-49-32). **В провинциальных конторах и у уполномоченных Периодсектора.**

ТРЕБУЙТЕ ПОДРОБНЫЕ ПРОСПЕКТЫ ЖУРНАЛОВ ГОСИЗДАТА — ВЫСЫЛАЮТСЯ БЕСПЛАТНО.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР
СЕКТОР ПОДПИСНЫХ И ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

Москва, Воздвиженка, 10/2. Тел. 5-88-91.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1926 г. НА ЖУРНАЛЫ:

КРАСНЫЙ АРХИВ

Историко-революционный журнал. Орган Центрархива.

Отв. ред. В. Максаков, М. Покровский и В. Фриче.

Выходит раз в 2 месяца.

Подписная цена:

на год—15 р., на 6 мес.—8 р.

КРАСНЫЙ БИБЛИОТЕКАРЬ

Ежемесячный журнал библиотечной теории и практики.

Орган Библиотечного Отдела ГПП.

Отв. ред. М. А. Смушкова.

Подписная цена:

на год—7 р., 50 к., на 6 мес.—3 р., 75 к., на 3 мес.—1 р. 90 к.

КРАСНАЯ ПЕЧАТЬ

Журнал, посвященный вопросам печати и печатной агитации.

Орган Отдела Печати ЦК ВКП (б).

Выходит 2 раза в месяц.

Подписная цена:

на год—12 р., на 6 м.—6 р., на 3 м.—3 р.

ПЕЧАТЬ И РЕВОЛЮЦИЯ

Журнал литературы, искусства, критики и библиографии.

Под ред. Вяч. Полонского. При уч.: А. В. Луначарского, Н. Л. Мещерякова, И. И. Степанова-Скворцова и М. Н. Покровского.

Выходит 8 раз в год.

Подписная цена:

на год—12 р., на 6 мес.—6 р. 50 к.

КНИГОНОША

Еженедельный журнал критики, библиографии и книжного дела.

Отв. ред. Л. Тарский.

Подписная цена:

на год—12 р., на 6 м.—6 р., на 3 м.—3 р.

КРАСНОЕ СТУДЕНЧЕСТВО

Ежемесячный орган Центрального Московского Бюро Пролетстуденчества.

Отв. ред. Н. Крупская.

Выходит 9 номеров в год.

Подписная цена:

на год—3 р., на 6 мес.—1 р. 75 к.

ОКТЯБРЬ

Ежемесячный литературно-художественный и общественно-бытовой журнал Всесоюзной Ассоциации Пролетарских Писателей (ВАПП)

Отв. ред. Г. Лелевич.

Подписная цена:

на год—7 р., на 6 мес.—3 р. 50 к.

КРАСНАЯ НОВЬ

Ежемесячный литературно-художественный и научно-публицистический журнал.

Под ред. А. Воронского, В. Сорина и Ем. Ярославского.

Подписная цена:

на год—18 р., на 6 мес.—9 р., на 3 мес.—4 р. 50 к.

СОВЕТСКОЕ ПРАВО

Журнал Института Советского Права.

Выходит раз в 2 месяца.

Подписная цена:

на год—7 р. 50 к., на 6 мес.—3 р. 75 к.

ИСКРА

Ежемесячный общедоступный научный журнал.

Отв. ред. Н. Н. Андреев.

Подписная цена:

на год—4 р. 80 к., на 6 мес.—2 р. 40 к., на 3 мес.—1 р. 20 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: в ПЕРИОДСЕКТОРЕ ГОСИЗДАТА (Москва, Воздвиженка, 10/2, Ленинград, „Дом Книги“, проспект 25 Октября, 28. Телеф. 5-49-32). В провинциальных конторах и у уполномоченных Периодсектора.

ТРЕБУЙТЕ ПОДРОБНЫЕ ПРОСПЕКТЫ ЖУРНАЛОВ ГОСИЗДАТА—ВЫСЫЛАЮТСЯ БЕСПЛАТНО.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР
ПЕРИОДСЕКТОР

МОСКВА, Воздвиженка, 10/2. Тел. 5-88-91 и 5-89-54.

Адрес для телеграмм: *Москва, Периодсектор*

Текущ. счета в Моск. к-ре Госбанка—№ 1090 и в Моск. Сбер. Кассе № 207052.

КОНТОРА ПЕРИОДСЕКТОРА ЛЕНПРЕДГИЗА

Ленинград, Ленинградское представительство, Проспект 25 Октября, 28. Тел. 5-49-32.

Телеграф. адрес: *Ленпредгиз*.

КОНТОРЫ и УПОЛНОМОЧЕННЫЕ ПЕРИОДСЕКТОРА

Артемовск, Магистратская, 39.
Астрахань, Ул. Свердлова, 48.
Баку, Пл. К. Маркса, 10.
Батум, Ул. Интернационала, 12.
Барнаул, Отделение Сибкраиздата.
Благовещенск, ...инская, 131.
Брянск, Ул. III Интернационала, 66.
Верхнеудинск, Бурятская, 26.
Винница, Пр. Ленина, 44.
Витебск, Ул. Ленина, 25.
Владивосток, Ленинская, 37.
Владимир, Ул. III Интернационала, 12.
Вологда, Площ. Свободы, 6.
Воронеж, Пр. Революции, 1-й дом Совета.
Вятка, Ул. Гридевского, 7.
Гомель, Советская, 25.
Грозный, Просп. Революции, 11.
Екатеринослав, Садовая, 15, кв. 22.
Житомир, Ул. К. Маркса, 27.
Иваново-Вознесенск, Красноармейская.
Ижевск, Коммунальная, 5.
Иркутск, Здание Губпрофсовета. ул. К. Маркса, 16/19.
Казань, Чернышевская, 6.
Калуга, Пр. Революции, 7.
Киев, Ул. Воровского, 38.
Кострома, Советская, 11.
Краснодар, Красная, 35.
Красноярск, Ул. К. Маркса, 145.
Курск, Ул. Володарского, 35.
Минск, Советская, 54.
Н.-Новгород, Ул. Свердлова, 14.
Новониколаевск, Кр. Проспект, 19.
Новороссийск, Ул. Советов, 35.
Одесса, Ул. Лассаля, 14.
Омск, Ул. Ленина, 16.
Орел, Ленинская, 23.
Оренбург, Артиллерийский п., д. 11, кв. 2.
Петропавловск (Акмол. г.), Управская, 69.
Пенза, Интернациональная, 52.
Пермь, Ул. К. Маркса, 17.
Покровск, Тцянь-Тзинь, ул. Самбурского.
Полтава, Сретенская, 25.
Пятигорск, Советский просп., 48.
Ростов-Дон, Пр. Ворошилова, 12.
Рыбинск, Дом Союзов, комн 2.
Рязань, Ул. Подбельского (б. Почтовая), д. Крюкова.
Самара, Советская, 113.
Саратов, Ул. Республики, 4/6.
Свердловск (Екатеринбург), ул. Гоголя, 10.
Симферополь, Проспект Троцкого, 14.
Смоленск, Б. Советская, 12.
Сталинград, Советская, 25.
Сухум, кн. маг. Наркомпроса Абхазии.
Тамбов, Кооперативная, 7.
Тверь, Ул. Урицкого, 31/34.
Тифлис, Пр. Руставели, 34.
Томск, Благовещенский пер., 5.
Тула, Ул. Коммунаров, 28.
Ульяновск (Симбирск). Уг. ул. К. Маркса и Покровской, д. Губоно, комн. 11.
Хабаровск, Лисуновская, 51.
Харьков, Сергиевская пл., 3, Московские ряды.
Челябинск, Ул. Цвилинга, 3.
Чита, Бутынская ул. д. против Маркинск. театра.
Ярославль, Линия Социализма, 6.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА

СРЕДНЕ-АЗИАТСКОЕ. Акц. Об-во „Туркпечать". Ташкент, Пр. К. Маркса, 37.

ОТДЕЛЕНИЯ ЕГО в Алма-Ата, Ауліэ-Ата, Коканде, Кагане, Пишпеке, Полторацке, Самарканде и Старой Бухаре.

Т-ВО „БАШКНИГА", Уфа.

К СВЕДЕНИЮ ПОДПИСЧИКОВ

Периодсектор Госиздата доводит до сведения подписчиков, что жалобы и заявления о неполучении очередного номера журнала должны поступать в Отдел подписки по получении следующего номера, но, в крайнем случае, не позднее 2-х месяцев со дня выхода в свет неполученного номера.

В случае более позднего уведомления, Периодсектор не будет в состоянии по техническим соображениям быстро дать справку и не будет в состоянии удовлетворить жалобу подписчика.

Все жалобы и заявления направлять по адресу: Москва, Воздвиженка, 10/2, Периодсектор, „Стол жалоб".

К СВЕДЕНИЮ ГОДОВЫХ ПОДПИСЧИКОВ ЖУРНАЛА

„КРАСНЫЙ АРХИВ"

В целях предоставления годовым подписчикам журнала „Красный Архив" возможности приобрести на особо льготных условиях капитальные издания материалов по истории царизма, ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР в качестве приложения к журналу объявляет следующие издания:

1—3) Витте, „Воспоминания", три тома,
4—5) Победоносцев, „Письма и записки", два тома,
6—7) „Переписка Николая и Александры Романовых", два тома

всего за 15 рублей, вместо 28 руб. стоимости этих же изданий в отдельной продаже.

Условия подписки. Приложения получат исключительно годовые подписчики, уже внесшие полностью подписную плату до конца года (15 руб.), а также подписчики, внесшие подписную плату с января до конца года. Подписная плата за приложения вносится в рассрочку в следующем порядке: при подписке 3 руб. и затем каждые два месяца не менее 2-х руб., с таким расчетом, чтобы полный взнос был сделан не позднее 1 ноября 1926 года.

КНИГИ БУДУТ ВЫСЫЛАТЬСЯ В НИЖЕСЛЕДУЮЩЕМ ПОРЯДКЕ:

Одновременно с № 1 журн. „Красн. Архив" Победоносцев, „Письма и записки", два тома.
„ „ № 2 „ Витте, „Воспоминания", т. 1.
„ „ № 3 „ „ „ т. 2.
„ „ № 4 „ „ „ т. 3.
„ „ № 5 „ „Переписка Романовых", один том.
„ „ № 6 „ „ „ один том.

ПОДПИСКА принимается: Москва, Воздвиженка, 10, Периодсектор Госиздата.

3 руб.

Государственное Издательство РСФСР

СЕКТОР [illegible] ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

[illegible] 10/2. Тел. 5-88-91.

[illegible] 1926 ГОД

НА

ИСТОРИЧЕСКИЙ

ЖУРНАЛ [illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible] (стоимость [illegible] руб. в уездных городах) и [illegible]